

Сергей Мотин

ИСТИННЫЙ СЫН ОТЕЧЕСТВА

К 200-летию русского писателя-патриота

Ивана Сергеевича Аксакова

Уфа 2023 г.

Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова

С.В. Мотин

ИСТИННЫЙ СЫН ОТЕЧЕСТВА

К 200-летию русского писателя-патриота

Ивана Сергеевича Аксакова

Сборник избранных статей

Уфа 2023 г.

УДК 351.74
ББК 67.401.133+83.2(2Рос=Рус)1
М 41

Рецензенты:

Андрей Петрович Дмитриев, руководитель Центра по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, доктор филологических наук;

Андрей Александрович Тесля, старший научный сотрудник НОЦ «Центр исследования русской мысли», доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, кандидат философских наук.

Мотин С.В. ИСТИННЫЙ СЫН ОТЕЧЕСТВА. К 200-летию русского писателя-патриота Ивана Сергеевича Аксакова. Сборник избранных статей / Сергей Витальевич Мотин; Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. – Уфа: изд-ль А.А. Словохотов, 2023. – 564 с.

Сборник является продолжением нашей монографии: «Российский славянофил на правоохранительной службе. И.С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской империи» (Уфа, 2017. 169 с.) и посвящен 35 годам (с 1851 по 1886 г.) жизни, а также трудам, переписке и политико-правовым взглядам Ивана Сергеевича Аксакова – одного из самых выдающихся публицистов и славянофилов, которому 8 октября 2023 года исполняется 200 лет со дня рождения.

Книга состоит из статей, обзоров, рецензий и других материалов, опубликованных мною в научных журналах и сборниках, увидевших свет за последние 18 лет. В сборник также включены статьи: Е.Г. Бабчёнковой, П.М. Бицилли, В.В. Борисовой, Н.П. Гилярова-Платонова, В.Н. Грекова, В.О. Ключевского, М.В. Медоварова, К.П. Победоносцева, В.С. Соловьева, П.И. Фёдорова.

На обложке: *Церковь Димитрия Солунского в селе Надеждино Белебеевского района Республики Башкортостан. Подр. см.: с. 425.*

ВСТУПЛЕНИЕ

И все-таки, почему моим научным героем стал Иван Сергеевич Аксаков? Почему на протяжении 20 лет я занимаюсь изучением его жизни и творчества?

Здесь возможны несколько ответов – своеобразных линий-пересечений, которые привели меня к этому осознанному выбору.

Итак, Иван Сергеевич Аксаков –

во-первых, сын Сергея Тимофеевича Аксакова, чей музей уже более тридцати лет существует в Уфе, а на месте рождения его сына Ивана в селе Надеждино (Надёжино) восстановлена Церковь и воссоздана Аксаковская усадьба (это, так сказать, географическая или локальная линия);

во-вторых, как славянофил и лидер пореформенного славянофильства, имеет прямое отношение к истории русской философской мысли (это – историко-философская линия);

в-третьих, выпускник Училища правоведения и в течение почти девяти лет сотрудник правоохранительных органов – Министерства юстиции и Министерства внутренних дел (ведомственная, правоведческая линия);

в-четвертых, публицист и политический обозреватель (политико-правовая и учебно-научная линия);

в-пятых, поэт (гражданская лирика, и не только), помните: «Поэт в России – больше, чем поэт...» – и этим всё сказано (поэтическая линия);

в-шестых, человек редкой честности и порядочности (морально-этическая линия);

в-седьмых, настоящий (не квасной) патриот, стоящий на страже интересов России – мог подвергнуть критике политику правительства, если она шла, по его мнению, вразрез с коренными интересами России и русского народа (это – патриотическая линия).

Мои основные Иван-Аксаковские публикации

Мотин С.В., Мурсалимов К.Р. Аксаков Иван Сергеевич и его служба в Министерстве внутренних дел: учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2003. 50 с.

Аксаков Иван Сергеевич: материалы для летописи жизни и творчества. 1823–1886: в 6 вып., 12 ч. / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2015. 3122 с.

Иван Сергеевич Аксаков: библиогр. указ. (1836–2014) / сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; сост. фотоприложения: Г.О. Иванова; вступ. ст. С.В. Мотина; под ред. А.П. Дмитриева; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова, Уфимский юридический ин-т МВД России, Библиотека БГПУ им. М. Акмуллы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.: 8 л. ил.

Мотин С.В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И.С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской империи: монография. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. 169 с.

Адресаты переписки (без внутрисемейной) и других документов И.С. Аксакова за 1839–1860 годы / Сост. С.В. Мотин // Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2018. (Славянофильский архив. Кн. 4). С. 525–643.

Аксаков Иван Сергеевич // Аксаковы: библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы / сост. П.И. Федоров, С.В. Мотин; отв. ред. А.П. Дмитриев; Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. Уфа: изд-ль А.А. Словохотов, 2022. С. 259–340.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

К истории периодизации славянофильства

См.: *Мотин С.В.* Славянофилы, славяноведы, панслависты, неославянофилы, славянофиловеды... (К истории периодизации славянофильства) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии» / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А.П. Дмитриева. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 882–893.

«Славянофилы могут все умереть до одного, но направление, данное ими, не умрет...»¹

И.С. Аксаков – Н.Н. Страхову

«Как *символ* славянофильство вечно, ибо оно есть символическое выражение русского самосознания...»²

П.А. Флоренский – Ф.Д. Самарину

Сначала – несколько слов о самом понятии «славянофильство». Славянофильство – это учение / или даже национальная идеология, в котором / в которой представляется возможным выделить в целом два крыла: левое (либеральное, и даже анархистское) и правое (консервативное, и даже реакционное). Также в учении славянофилов следует отметить внешнеполитическую программу, получившую выражение в панславизме (культурный, политический и т.д.), и внутривполитическую программу (левую, центристскую, правую).

Кроме того, учение славянофилов можно рассмотреть как своеобразную «матрешку»: самая большая «матрешка» – это в целом «славянофильство» (это же понятие в узком смысле есть внешнеполитическая, панславистская программа славянофилов); вторая по размеру «матрешка» – это «русофильство» (внутривполитическая славянофильская программа); наконец, третья «матрешка» – «москвофильство» (это традиционный, православный, семейно-родственный уклад жизни). Соответственно: 1) крона (внешняя политика Государства), 2) ствол (внутренняя политика Государства) и 3) корни (Земля) славянофильства.

Славянофильство можно рассмотреть и как своеобразное соборнофильство, т.е. как гармонию Православия, Самодержавия и Народности, или, в более широком смысле, – как гармонию Идеологии (религия + право + культура), Власти (государство, политическая система) и Гражданского общества (структурированный народ).

¹ См.: *И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов.* Переписка / Сост. М.И. Щербакова / Группа славян. исследований при Оттавском ун-те; ИМЛИ РАН. <Оттава>, 2007. С. 23-25. (Письмо от 6 июля 1863 г.).

² *Флоренский П., свящ.* Переписка Ф.Д. Самарина и свящ. П.А. Флоренского // Вестник РХД. 1978. № II (125). С. 258.

Теперь обратимся к различным периодизациям славянофильства и рассмотрим их в жанре краткого библиографического обзора, в хронологическом порядке, удерживаясь от оценок и не вступая в полемику.

Одна из первых таких периодизаций принадлежит М.П. Погодину, который, отвечая на статью А.Н. Пыпина о славянофильстве,³ выделил в его развитии несколько этапов-десятилетий: «Славянофилы – это был сначала кружок молодых людей (ныне давно состарившихся или сошедших в могилу), знакомых между собою с детства или учебной скамьи и начавших заявляться с двадцатых и тридцатых годов (Хомяков, Языков, Киреевские, Шевырев, Кошелев и пр.). К сороковым годам подготовилось их новое поколение (Константин Аксаков, потом Самарин, Попов, Елагин, Стахович, Панов, Валуев, кн. Черкасский). К пятидесятым годам относится третье поколение (Гильфердинг, Иван Аксаков, Ламанский). С шестидесятых годов началось четвертое (сотрудники “Зари”, “Беседы” и проч.)».⁴

П.Н. Милюков в развитии славянофильства выделил три периода: период подготовительный (с первой половины 1820-х годов до середины 1840-х); период расцвета (с середины 1840-х до начала 1860-х); период разложения (с начала 1860-х до 1880-х и даже 1890-х годов), включив в число славянофилов этого этапа Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и Вл.С. Соловьева.⁵

Г.В. Флоровский следует концепции П.Н. Милюкова и относит к представителям «позднейшего “вырождающегося” славянофильства» К.Н. Леонтьева, А.А. Киреева, К.Н. Бестужева-Рюмина, А.В. Васильева; при этом он, правда, выделил Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьева как «продолжателей классических славянофильских традиций».⁶ Отметим, что и Н.Л. Рубинштейн выделяет, что «на пути к окончательной ликвидации славянофильство дает два всплеска – в 1869 году в лице Данилевского и в 1880-х гг. в лице Леонтьева».⁷

Заметным явлением в изучении славянофильства стали диссертация С.С. Дмитриева и его доклад в Институте истории АН СССР (1940 г.). Автор назвал «исходную дату становления славянофильства как направления» – 1839 г.⁸ и выделил три его периода: первый (1839–1857) – «период становле-

³ См.: *Пыпин А.Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Ист. очерки. V. Славянофильство // Вестник Европы. 1872. Т. 6 (38). Нояб. С. 47–97; Дек. С. 618–678.

⁴ Славянофильство: pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В.А. Фатева. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 397–398. Подр. см.: *Погодин М.П.* К вопросу о славянофилах // Гражданин. 1873. № 11. 12 марта. С. 347–352; № 13. 26 марта. С. 415–420.

⁵ Подр. см.: *Милюков П.Н.* 1) Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 3 (18). Май. С. 46–96; 2) Славянофильство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 30. С. 307–314.

⁶ *Флоровский Г.В.* Вечное и преходящее в учении русских славянофилов // *Флоровский Г.В.* Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 45, 50.

⁷ *Рубинштейн Н.Л.* Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая литература в классическом освещении: Сб. ст.: В 2 т. М.: Изд-во Коммунист. академии, 1927. Т. 1. С. 106.

⁸ По поводу этой даты приведу следующую цитату: «До самого последнего времени считалось, что именно зимой 1838/39 года Хомяков представил сюда <в салоны А.П. Елагиной, Свербеевых и др.> для рассмотрения статью “О старом и новом”, которой суждено было войти в историографическую традицию в качестве

ния и расцвета славянофильства», когда оно носит «по преимуществу теоретический характер»; второй (1858–1864) – «период практического приложения к действительности теоретических взглядов славянофилов»; третий (1865–1880) – «период заката и распада славянофильства, период превращения его в исключительно реакционное направление».⁹

Диссертация А. Валицкого «В кругу консервативной утопии» была опубликована в Варшаве (1964), а затем переведена и издана в Лондоне (1975).¹⁰ Славянофильство автор определял как «патриархально-дворянский либерализм». При этом он полагал, что в своем классическом виде оно существовало до 1861 г. (западничество, по его мнению, «изжило себя» еще в 1848 г.). А. Валицкий рассматривает конец XIX в. как время «дезинтеграции» и «дезутопизации» славянофильства.¹¹

Н.И. Цимбаев предлагает следующую периодизацию истории славянофильства: первый (зима 1838/1839–1848) – «период становления славянофильства»; второй (1848–1855) – «период утверждения славянофильства, превращения его в цельное мировоззрение»; третий (1855–1861) – «период действенного славянофильства», этот период «завершил историю раннего славянофильства»; четвертый период (1861–1875) – «был последним в истории славянофильства», «в середине 1860-х годов распался славянофильский кружок, углубились серьезные идейные разногласия среди славянофилов, наступил кризис славянофильской идеологии».¹²

Он же отмечает, что исследователи славянофильства «обращаются в первую очередь к проблемам раннего, дореформенного славянофильства. Пореформенное славянофильство остается практически неизученным».¹³ И добавляет: «У нас нет оснований отрицать существование позднего славянофильства», «позднее славянофильство – это славянофильство пореформенного времени», которое в «исторической литературе <...> почти не изучено» и «отсутствие специальных исследований делает преждевременными прямолинейные оценки». При этом он утверждает, что «к середине 1870-х годов славянофильство изжило себя и перестало существовать как направление русского общественного движения».¹⁴

одного из первых программных заявлений славянофильства. <...> В последнее время найдены архивные свидетельства о том, что статья Хомякова была написана двумя годами раньше, как ответ на «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева» (*Каплин А.* Хомяков Алексей Степанович // *Славянофилы: Ист. энциклопедия.* М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 580).

⁹ См.: *Дмитриев С.С.* Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века) // *Историк-марксист.* 1941. № 1. С. 87–89.

¹⁰ См.: *Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого: Реферативный сборник.* М.: ИНИОН, 1991–1992. Вып. 1–2.

¹¹ Там же. Вып. 1. М., 1991. С. 21.

¹² *Цимбаев Н.И.* Историософия на развалинах империи. М.: Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2007. С. 233–235.

¹³ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 16–17.

¹⁴ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: Из истории русской общественной мысли XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 74–75, 88.

Е.А. Дудзинская пишет: «Направление, сыгравшее известную роль при совершении социально-экономического переворота такого гигантского масштаба, как переход от феодализма к капитализму, не только не свернуло своих знамен, но и после его свершения приложило максимум усилий в решении многих важнейших проблем пореформенного двадцатилетия». И далее продолжает, что «классическое славянофильство ушло с исторической сцены со смертью всех его видных представителей...». Затем она в сноске к процитированному отрывку перечисляет: «Самарин Ю.Ф. умер в 1876 г., Чижов Ф.В. и Попов А.Н. – в 1877 г., кн. Черкасский В.А. – в 1878 г., Кошелев А.И. – в 1883 г., Аксаков И.С. – в 1886 г.». ¹⁵

А.А. Тесля предлагает следующую периодизацию славянофильства «в контексте исследований национализма»: первый этап (кон. 1830-х–1845); второй этап (1845–1855); третий этап (1856–1862); четвертый этап (1863–1866); пятый этап (1867–1878); шестой этап (1879–1886). И подводит итог: «...славянофильский проект, оформившийся к 60-м годам XIX века, к середине 80-х оказался утратившим свой конститутивный принцип – и этим моментом можно датировать, на наш взгляд, прекращение собственно славянофильства». ¹⁶

По замечанию Н.И. Цимбаева, славянофильская терминология в конце 1880-х гг. звучит уже как анахронизм и читателем воспринимается как пародия. ¹⁷ В 1889 г. выходит из печати статья Вл.С. Соловьева «Славянофильство и его вырождение» (гл. I–III). ¹⁸ А.Н. Пыпин в 1890 г. заметит, что «со смертью И.С. Аксакова отошел в историю последний, младший, представитель старого славянофильского кружка. История начинается для этого замечательного направления...». ¹⁹ А в 1893 г. П.Н. Милюков обосновывает разложение славянофильства. ²⁰

В.А. Дьяков относил трансформацию славянофильских доктрин и появление неославянской идеологии к рубежу XIX–XX вв. ²¹ В.М. Хевролина, вслед за В.А. Дьяковым, подчеркивает, что «хотя период 80–90-х годов XIX в. в истории славянофильства является наименее изученным, но не подлежит

¹⁵ Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. С. 15.

¹⁶ Подр. см.: Тесля А.А. Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма // Общество. Мышление. Личность: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Л.Е. Бляхера. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2010. С. 24–32.

¹⁷ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 255.

¹⁸ Вестник Европы. 1889. Т. 3 (137). Июнь. С. 734–746 (в составе «Очерков из истории русского сознания»). См.: Соловьев Вл.С. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 433–444.

¹⁹ Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Ист. очерки. Изд. 3-е, доп. приложением, примеч. и указ. личных имен. СПб., 1906. С. 245.

²⁰ Милюков П.Н. Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев (вых. данные см. в примеч. 5). Даже А.Н. Пыпин не согласился с явно тенденциозным суждением историка: «Автор, может быть, слишком поторопился хоронить славянофильство» (Пыпин А.Н. Из истории панславизма // Вестник Европы. 1893. Т. 5 (163). Сентябрь. С. 310). Также см.: Соловьев Вл.С. Замечания на лекцию П.Н. Милюкова // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 3 (18). Май. С. 149–154.

²¹ Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. С. 147–148.

сомнению, что и в это время славянофилы достаточно активно действовали». Она употребляет применительно к 1870–1890-м гг. термин «поздние славянофилы» и причисляет к последним И.С. Аксакова, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.И. Ламанского, А.А. Киреева, К.Н. Бестужева-Рюмина, А.В. Васильева, Н.Н. Дурново.²²

Отдельные исследователи обозначают продолжателей классического славянофильства в конце XIX в. как «неославянофилов». Обычно к ним относят Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова.²³ Для М.Ю. Конягина «неославянофильство как течение русской общественной мысли конца XIX – начала XX века», как «особое явление» представлено прежде всего фигурой С.Ф. Шарапова.²⁴

В статье В.А. Фатеева можно прочесть следующее: «К группе “поздних” славянофилов обычно относят, прежде всего <...> Н.Я. Данилевского, а также К.Н. Леонтьева и даже Вл.С. Соловьева. <...> Близкие к славянофильским воззрения высказывали и многие церковные деятели. <...> Ф.К. Андреев в обзорной работе “Московская Духовная Академия и славянофилы” (1916) убедительно показал идейные связи славянофилов – от их предшественника Г. Сковороды до А.А. Киреева – с московским академическим богословием. <...> Достаточно большой, хотя и не снискавший известности славянофильский кружок сформировался в 1890-х годах в Петербурге, под крылом <...> Т.И. Филиппова в Государственном контроле (А.В. Васильев, И.Ф. Романов-Рцы, С.Ф. Шарапов, Н.П. Аксаков и другие). Нередко именно этих публицистов, сотрудничавших главным образом в непопулярном “Благовесте”, пренебрежительно называют “эпигонами” славянофильства... <...> Основными печатными органами консервативно-православного направления в 1890-е годы были, помимо “Русского труда” и других шараповских изданий, журналы “Русское обозрение” <...> и “Русский вестник”, а также газеты “Московские ведомости” и “Русское слово”. <...> Однако, несмотря на очевидный кризис, славянофильское течение отнюдь на “выродилось” в 1890-е годы, как утверждали П.Н. Милюков, Н.К. Михайловский, Вл.С. Соловьев и многие другие либеральные публицисты».²⁵

«Благовест» А.В. Васильева и «Русское дело» С.Ф. Шарапова продолжают традицию славянофильства в 1890-е гг. – однако в этот период оно действительно переживает деградацию. А написанная А.А. Киреевым бро-

²² Хевролина В.М. Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70 – середина 90-х гг. XIX в.) // Славянский вопрос: Вехи истории. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 90, 92, 99, 100. Также см.: Золотарев Д.П. Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60-х – 90-х гг. XIX века: Автореф. дис. <...> канд. ист. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2004. 24 с.

²³ См.: Пеунова М.Н. Неославянофильство // История философии в СССР. М.: Наука, 1968. Т. 3. С. 323–341; Голосенко И.А. Социальная философия неославянофильства: Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев // Социологическая мысль в России: Очерки немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л.: Наука, 1978. С. 227–254.

²⁴ Конягин М.Ю. С.Ф. Шарапов: Критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX – начало XX века: Автореф. дис. <...> канд. ист. наук / Ин-т рос. истории РАН. М., 1995. С. 1, 2, 6.

²⁵ См.: Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: pro et contra. С. 29, 32–34.

шюра «Краткое изложение славянофильского учения» (СПб., 1896) стала своего рода подведением итогов «развития мысли славянофильской».²⁶

Получив 5 июля 1895 г. аудиенцию у Николая II, А.А. Киреев говорил о себе молодому государю: «Я воспитывался и рос среди славянофилов, и теперь обстоятельства поставили меня за неимением достойнейшего во главе славянофильской мысли <...> я в этом служении вижу свой долг, всей своей жизни».²⁷ А спустя 14 лет – 3 июля 1909 г. в газете «Новое время» выходит статья А.А. Киреева под названием «Неославянофильство (Письмо в редакцию)». В этой статье сопоставляются старославянофильство, к которому причисляет себя Киреев, и «неославянофильство», и, естественно, не в пользу последнего. Здесь же он замечает, что «г. Милюков давно нас хоронит, к счастью – неудачно».²⁸

И вновь предоставим слово В.А. Фатееву: «В 1900-е годы в отечественной философской литературе наблюдался постепенный рост славянофильских тенденций. Либеральная ветвь славянофильства была представлена, в частности, именами тяготевших к соловьевскому “универсализму” Е.Н. Трубецкого и Н.А. Бердяева. <...> Более явно тяготели к славянофильству С.Н. Булгаков и особенно В.Ф. Эрн... <...> Православное ответвление неославянофильства представляли члены Кружка ищущих православного просвещения (или “новоселовского”), идейным вождем которого считали П.А. Флоренского. <...> В предреволюционные годы круг сторонников славянофильских идей заметно расширился. В умеренно-славянофильском духе выдерживались заседания Московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева... <...> Патриотический подъем, связанный с началом войны, привел к росту интереса к полузабытым славянофилам. “Время славянофильствует” <(М., 1915)> – так В.Ф. Эрн отразил в названии своей брошюры преобладающее настроение общества».²⁹

В 1916 г. В.В. Розанов вспоминал: «В Москве в самые первые годы XX века зародилось исключительной ценности и значения славянофильское движение, которое по перерыву в нем в конце XIX века стало именоваться “молодым славянофильством”. <...> Центр кружка этого составляли первоначально три окончившие Университет студента: Флоренский, Свенцицкий и Эрн».³⁰ В том же году П.А. Флоренский писал: «Живое предание славянофильства являлось нам в лице Феодора Дмитриевича <Самарина>. Из рук его

²⁶ См.: *Котов А.Э.* Русская консервативная журналистика 1870–1890 годов: Опыт ведения общественной дискуссии: Монография. СПб.: СПбИГО; ООО «Книжный Дом», 2010. С. 90.

²⁷ РГБ. Ф. 126 (Киреевы и Новиковы). К. 12. Дневник А.А. Киреева. 1894–1899 гг. Л. 24 об. Цит. по: *Котов А.Э.* Русская консервативная журналистика... С. 82.

²⁸ См.: *Киреев А.А.* Сочинения. СПб., 1912. Ч. I. С. 297–300.

²⁹ См.: *Фатеев В.А.* В спорах о самобытном пути России. С. 34, 35.

³⁰ См.: *Розанов В.В.* Бердяев о молодом московском славянофильстве // Московские ведомости. 1916. 17 авг. № 189. С. 2. Подп.: *Петроградский старожил.*

мы, внуки, получали нить, связующую с славянофилами-дедами, с славянофильством золотого века».³¹

Еще раз вернемся к монографии Н.И. Цимбаева – к тексту главы, посвященной эволюции понятий «славянофилы» и «славянофильство». В этой главе представлена своеобразная периодизация славянофильства на протяжении всего XIX века, но только не как учения, а как понятия. В этой периодизации можно выделить, по крайней мере, четыре значения понятия «славянофильство» и, соответственно, четыре этапа: в начале XIX в. речь идет о «славянофилах-шишковистах», в 1840–1850-е гг. – об «истинных славянофилах», в 1870–1880-е гг. – о «славянофилах-славянолюбях», а в конце XIX и начале XX в. – о «славянофилах-националистах».³² Как видите, с каждым этапом значение понятия «славянофильство» расширяется.

В структуре антологии «Славянофильство: pro et contra» можно рассмотреть трехэтапную периодизацию славянофильства: 1. Идейные споры периода возникновения и расцвета «раннего славянофильства» <(1845–1860)>. 2. Poleмика и исследования периода «почвенничества» и «позднего славянофильства» <(1861–1895)>. 3. Споры и мнения периода «неославянофильства» <(1905–1916)>.³³ В частности, В.А. Фатеев во вступительной статье замечает: «Наиболее значительными фигурами “второй волны” раннего славянофильства были Ю.Ф. Самарин и И.С. Аксаков, пронесшие заветы основоположников учения о самобытности русской культуры через десятилетия и ставшие живым связующим звеном между первыми славянофилами и их последователями почти до рубежа веков».³⁴

Более подробно остановимся на периодизации славянофильства, предложенной С.М. Сергеевым, который пишет: «Первый этап (1839–1857 гг.) мы, вслед за С.С. Дмитриевым, считаем временем “теоретического” славянофильства, когда в дискуссиях с западниками и внутри самого кружка выработывались основные идеологемы “московских славян”. Второй (1858–1882 гг.) – можно условно назвать “практическим”. Он связан с активными попытками славянофилов претворить свои идеалы в общественной жизни. Здесь и участие в подготовке и проведении крестьянской реформы, и организация земского движения, и создание славянских комитетов, и активное воздействие на внешнюю политику во второй половине 1870-х гг. Крайняя дата – 1882 г. – выбрана не случайно: именно тогда проваливается аксаковский проект созыва Земского Собора, уходит в отставку “славянофильский” министр внутренних дел Н.П. Игнатъев, и умирает близкий к славянофилам, популярный в стране генерал М.Д. Скобелев. Эти события, по сути, подвели черту под эпохой ощутимого влияния славянофилов на власть и обществен-

³¹ Флоренский П., свящ. Памяти Феодора Дмитриевича Самарина: Сообщ. в заседании Братства святителей московских 1-го декабря 1916 г. в сороковой день кончины (23 окт. 1916 г.) / С прил. нескольких писем Ф.Д. Самарина. Сергиев Посад, 1917. С. 6.

³² См.: Цимбаев Н.И. Историсофия на развалинах империи. С. 139–200, 193.

³³ См.: Содержание // Славянофильство: pro et contra. С. 1052–1053.

³⁴ Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России. С. 25.

ность. <...> ...*третий* этап истории движения (1883–1910-е гг.) – есть время “позднего” славянофильства, период его “угасания”, маргинализации, и, в конце концов, можно согласиться с Вл.С. Соловьевым, – “вырождения” (правда, сам Соловьев понимал сей “термин” в совершенно ином смысле)». «В 1880–1890-х гг. статус славянофильства как особого направления в русской общественной мысли значительно понизился. После кончины И.С. Аксакова у него не осталось (и не появилось позже) ни одного по-настоящему авторитетного лидера, после прекращения “Руси” – ни одного влиятельного печатного органа». «Славянофильство, несмотря на попытки обновления, постепенно превращается в замкнутую идеологическую секту с влачащими жалкое существование малотиражными и нечитаемыми газетами и журналами. Какую-то одну конкретную дату завершения славянофильства назвать затруднительно. Оно умирало вместе со своими “последними могиканами”: Н.П. Аксаковым (1909 г.), А.А. Киреевым (1910 г.), С.Ф. Шараповым (1911 г.), В.И. Ламанским (1914 г.), Ф.Д. Самариним (1916 г.), Д.А. Хомяковым (1918 г.), А.В. Васильевым (после 1917 г. <1929 г.>)...»³⁵

И, наконец, наша версия периодизации славянофильства: 1-й этап, 1820–1830-е гг. – первоначальное (или подготовительное); 2-й этап, 1839–1860 гг. – раннее (или старшее); 3-й этап, 1860–1870-е гг. – срединное («панславистское»); 4-й этап, 1880–1890-е гг. – позднее (младшее); 5-й этап, 1900–1910-е гг. – неославянофильское («младославянофильское»). И переходные, т.е. межэтапные, годы: 1838/1839, 1860/1861, возможно, 1878-й (год окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и закрытия Московского славянского благотворительного общества) и, наконец, рубеж веков (здесь определенной даты мы, к сожалению, пока выделить не можем).

Итак, если было *раннее* (старшее, живое, ортодоксальное, коренное, первоначальное, дореформенное, классическое, истинное, теоретическое, хомяковское, учение первых славянофилов) и *позднее* (младшее, угасающее, вырождающееся, националистическое) славянофильство, то, кажется вполне разумным, выделить и *срединное* (пореформенное, практическое, панславистское, иван-аксаковское) славянофильство.

Если лидером славянофильства на раннем этапе, несомненно, был А.С. Хомяков, то лидером срединного этапа большинство исследователей считает И.С. Аксакова, который в 1861 г. сильно сомневался в том – сможет ли достойно удержать в своих руках знамя, выпавшее из рук Хомякова. Лидерство Аксакова по сравнению с хомяковским – не столь очевидно. На последующих этапах явного славянофильского лидера не было: Н.П. Гиляров-Платонов скончался в 1887 г., С.Ф. Шарапов на эту роль явно не дотягивал... Кто же еще мог перехватить знамя из рук Ивана Сергеевича – А.А. Киреев, В.И. Ламанский, А.В. Васильев? Они, наверное, это и пытались делать...

³⁵ *Сергеев С.М.* Творческий традиционализм поздних славянофилов. Статья первая: Проблема позднего славянофильства (http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php?sphrase_id=10028). Статья размещена в Интернете 03.10.2009 г.

К сожалению, «неославянофильство», в начале XX в. сформироваться не успело, а события 1917 г. надолго закрыли путь к попыткам возрождения славянофильского учения и идеологии...

P.S. «Несмотря на строжайшую цензуру, отзвуки славянофильских настроений все же пробивались время от времени и в советский период. <...> В противовес интернационализму официальной идеологии в литературу подспудно просачивались славянофильские настроения, одним из проявлений которых стала проза писателей-”деревенщиков”. <...> В обобщающих трудах о Г. Флоровского, прот. В. Зеньковского, С.А. Левицкого, Г.П. Федотова и других авторов немало внимания уделялось и славянофильству. Заметным явлением эмигрантской литературы стало так называемое “евразийское движение”, в котором отчетливо прослеживалось влияние славянофильства... <...> В западных странах, в отличие от СССР, славянофильству посвящалось немало работ, в том числе монографии на иностранных языках, посвященные Хомякову, Киреевскому, Аксакову, Самарину, Данилевскому... <...> Начиная с 1960-х годов исследования, посвященные славянофильству, стали все же чаще появляться и в советской России».³⁶

Обозначим лишь некоторые вехи отечественного славянофиловедения за последние 45 лет. В 1969 г. журнал «Вопросы литературы» провел дискуссию на тему «Литературная критика ранних славянофилов», ставшую важным событием в духовной жизни страны. В 1978 г., а затем в 1994 г. выходят в свет сборники статей, посвященные славянофильству³⁷.

В октябре 2003 г. создается Институт русской цивилизации, целью которого является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа. Приоритетным направлением деятельности Института стало создание 30-томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация в серии «Русская цивилизация» самых великих книг русских мыслителей отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения. В этой серии активно переиздается и наследие славянофилов.³⁸ Кроме того, Институтом были опубликованы две славянофильские книги А.Д. Каплина.³⁹

В 2006 и 2009 гг. издаются два фундаментальных славянофильских издания: антология славянофильства и историческая энциклопедия.⁴⁰ В конце

³⁶ См.: *Фатеев В.А.* В спорах о самобытном пути России. С. 36, 37, 50, 51.

³⁷ Литературные взгляды и творчество славянофилов (1830–1850-е годы) / ИМЛИ; Отв. ред. К.Н. Ломунов. М.: Наука, 1978; Славянофильство и современность: Сб. ст. / ИРЛИ; Отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Наука, 1994.

³⁸ См. Интернет-сайт Института русской цивилизации: <http://rusinst.ru/default.asp>

³⁹ *Каплин А.Д.* 1) Мировоззрение славянофилов: История и будущее России / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008; 2) Славянофилы, их сподвижники и последователи / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011.

⁴⁰ Славянофильство: pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В.А. Фатеева. СПб.: Изд-во РХГА, 2006; Славянофилы: Ист. энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009.

2008 г. при отделе Новой русской литературы Пушкинского Дома (Института русской литературы РАН) был создан Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени. Центр осуществляет системное изучение наследия таких литераторов, как П.А. Вяземский, С.П. Шевырев, славянофилы (от братьев И.В. и П.В. Киреевских и А.С. Хомякова до И.С. Аксакова и Н.П. Гилярова-Платонова), Ф.И. Тютчев, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев; из позднейших – К.П. Победоносцев, В.В. Розанов, П.П. Перцов, И.Ф. Романов-Рцы, С.Ф. Шарапов, С.Н. Дурылин, М.М. Пришвин, Б.К. Зайцев – вплоть до А.И. Солженицына.⁴¹ На базе Центра издается серия «Славянофильский архив», в которой на данный момент опубликовано 2 книги.⁴²

Наконец, посмотрим, как издается и как изучается наследие славянофилов на примере одного из них – Ивана Сергеевича Аксакова. За последние тридцать лет в советской и постсоветской России (и в Белоруссии) было издано 14 его книг.⁴³ Начиная с 1972 г. о деятельности, трудах и взглядах Ивана Сергеевича защищены 9 кандидатских диссертаций (4 исторических, 4 филологических и одна политологическая),⁴⁴ опубликованы 3 монографии.⁴⁵

⁴¹ Страничку Центра см. на Интернет-сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (<http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8626>).

⁴² «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011; Разумевающие верой: Переписка Н.П. Гилярова-Платонова и К.П. Победоносцева (1860–1887) / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2011.

⁴³ *Аксаков И.С., Аксаков К.С.* Литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. А.С. Курилова. М.: Современник, 1981; *Аксаков И.С.* 1) И слово правды... Стихи, пьеса, статьи, очерки / Предисл., сост. и коммент. М.А. Чванова. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1986; 2) Письма к родным, 1844–1849 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988; 3) Письма из провинции; присутственный день в уголовной палате / Авт. предисл. Т.Ф. Пирожкова. М.: Правда, 1990; 4) Письма к родным, 1849–1856 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994; 5) Биография Федора Ивановича Тютчева / Репр. воспр. изд. 1886 г. М.: АО «Кн. и бизнес», 1997; 6) Еврейский вопрос. М.: Изд. дом «Социдарт», 2001; 7) Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступ. статья, примеч. В.Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002; 8) Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч., указ. имен Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2003–2004; 9) У России одна-единственная столица... Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И.С. Аксакове. Венок И.С. Аксакову. Москва И.С. Аксакова (путеводитель) / Сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006; 10) И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка / Сост. М.И. Щербакова. <Оттава>, 2007; 11) Наше знамя – русская народность / Сост. и коммент. С. Лебедева. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008; 12) О державности и вере. Минск: Белорусская православная церковь, 2010; *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянец, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010.

⁴⁴ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни России 1860-х годов: Дис. <...> канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1972; *Порох В.И.* Общественно-политическая и литературно-издательская деятельность И.С. Аксакова в годы первой революционной ситуации: Дис. <...> канд. ист. наук / Рост. гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 1974; *Греков В.Н.* И.С. Аксаков – журналист, 40–60-е годы XIX века: Дис. <...> канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1988; *Вихрова Н.Н.* И.С. Аксаков и «Пушкинский вопрос» в русской литературе: Дис. <...> канд. филол. наук / Новгород. гос. ун-т. Великий Новгород, 1999; *Валитов А.Р.* Федор Тютчев и Иван Аксаков. Поэт и его биограф: Дис. <...> канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т. Ярославль, 2002; *Фурсова Е.Б.* Политические принципы консерватизма в творчестве И.С. Аксакова, 1823–1886: Дис. <...> канд. полит. наук / Моск. гос. ун-т. М., 2006; *Бадалян Д.А.* И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: Дис. <...> канд. ист. наук / С.-Петербург. ин-т истории РАН. СПб., 2010; *Сташинева М.А.* Социально-политическая программа газеты И.С. Аксакова «Русь»: 1880–1886 гг.: Дис. <...> канд. ист. наук / Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т. Н. Новгород, 2011; *Кунильский Д.А.* Ф.М. Достоевский и братья К.С. и И.С. Аксако-

В последние годы вышли из печати 4 выпуска, составивших 8 книг, материалов для летописи жизни и творчества И.С. Аксакова.⁴⁶

Р.С. В историческую энциклопедию «Славянофилы» вместе «с данными о “классических” славянофилах вошли сведения о русских мыслителях и общественных деятелях, близких к славянофилам по своим взглядам и устремлениям».⁴⁷ По этому поводу О.А. Платонов в предисловии разъясняет: «Рядом со славянофилами и вслед за ними развивались близкие им по мировоззрению (но не во всем согласные с ними) “почвенники”, “охранители”, “панслависты”, православные националисты, объединенные в единое духовное поле. Поэтому при составлении словаря “Славянофилы” мы сочли необходимым включить в него не только те персоналии, которых прежняя научная традиция именвала славянофилами (“классическими”, “истинными” славянофилами, неославянофилами), но более широкий круг русских мыслителей, писателей, публицистов, деятелей культуры, государственных и общественных деятелей, близких к славянофилам по своим взглядам и устремлениям... <...> Таким образом, в энциклопедию вошли не только собственно славянофилы, но их идейные предшественники и последователи, а также те, на кого так или иначе оказало влияние мировоззрение славянофилов, включая скончавшихся на сегодняшний день мыслителей XX–XXI вв.».⁴⁸ Так, в энциклопедии представлены сведения о жизненном пути и взглядах около 140 лиц, умерших после 1917 г.

Таким образом, история славянофильства продолжалась, по крайней мере, почти на протяжении целого века: от 1820-х до 1910-х гг. Можно ли утверждать, что история славянофильства, как потаенная история, продолжалась и позже – на протяжении XX века?

Этот вопрос остается открытым для будущих исследований и дискуссий...

Иван Сергеевич Аксаков – правовед, публицист-славянофил и общественный деятель

См.: *Мотин С.В.* Иван Сергеевич Аксаков – правовед, публицист-славянофил и общественный деятель // Пробелы в Российском законодательстве. 2016. № 4. С. 78–84.

вы: Проблема восприятия русской литературы: Дис. <...> канд. филол. наук / Петрозаводск. гос. ун-т. Петрозаводск, 2011.

⁴⁵ *Китаев В.А.* Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации: (И.С. Аксаков в обществ. движении нач. 60-х гг. XIX в.). Горький: Горьк. гос. ун-т, 1974; *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978; *Фурсова Е.Б.* И.С. Аксаков: апология народности и самодержавия. М., 2006.

⁴⁶ Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1–4. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2009–2012.

⁴⁷ Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 4.

⁴⁸ Там же. С. 13–14.

«Человек он был истинно русский, с чистою душою, и, хотя и маньяк в некоторых вопросах, но защищающий везде и всегда русские интересы».

Император Александр III [Победоносцев, 2001, с. 191]

«Аксаков был страстным человеком, долго искавшим то, чему смог бы посвятить себя всецело: этим и стало для него “славянофильство”, он сделался хранителем и пропагандистом <...> учения своих родных и друзей...».

А.А. Тесля [Тесля, 2015, с. 6]

Введение. В предлагаемой обзорной статье рассмотрим основные вехи биографии «последнего могикана старого славянофильства» с использованием материалов для летописи жизни и творчества И.С. Аксакова, а также других наших публикаций [напр., см.: Аксаков, 2009-2015; Иван, 2014; Мотин, 2010, 2013, 2014, 2016].

Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886) – правовед, поэт, редактор, публицист, издатель, общественный деятель, лидер пореформенного славянофильства. Автор публицистических статей и очерков, составивших его посмертное собрание сочинений в семи томах, стихотворений и поэм, пьесы, первой биографии Ф.И. Тютчева. Аксаков оставил огромное эпистолярное наследие, до сих пор не изданное в полном объеме. Публицист-славянофил занимал самостоятельную позицию по многим вопросам внутренней и внешней политики, во многом отличавшуюся от официальной точки зрения. Иван Сергеевич стоял на твердых православно-монархических позициях, отстаивал нерушимость русских национальных основ, традиций и идеалов, считал, что основой духовного возрождения человечества может стать союз славянских народов под руководством русского народа.

В целом жизнь Аксакова, развивая периодизацию А.Ф. Аксаковой [см.: Иван, 2003, т. 1, с. 5–6], можно разделить на шесть периодов. Эта периодизация, за небольшими исключениями, положена в основу деления материалов для летописи жизни и творчества И.С. Аксакова:

1. Детство, отрочество и обучение в Училище правоведения (1823-1842);
2. Служебная деятельность и поэтическое творчество (1842-1851);
3. В поисках своей колеи (1851-1860);
4. Во главе славянофильских изданий (1861-1869);
5. Общественная деятельность (1870-1879);
6. Редактор-издатель газеты «Русь» (1880-1886).

Биографию Аксакова необходимо рассматривать и в контексте истории славянофильства. Нами была предложена следующая версия периодизации славянофильства:

- 1) 1820-1830-е гг. – первоначальное (или подготовительное);
- 2) 1839-1860 гг. – раннее (или старшее);
- 3) 1860-1870-е гг. – срединное (или «панславистское»);
- 4) 1880-1890-е гг. – позднее (или младшее);

5) 1900-1910-е гг. – неославянофильское.

Таким образом, если было *раннее* (старшее, живое, ортодоксальное, коренное, первоначальное, дореформенное, классическое, истинное, теоретическое, хомяковское, учение первых славянофилов) и *позднее* (младшее, угасающее, вырождающееся, националистическое) славянофильство, то, думается вполне логичным, выделить и *срединное* (среднее, пореформенное, практическое, панславистское или иван-аксаковское) славянофильство [см.: Мотин, 2013].

И.С. Аксаков был активнейшим участником как раннего этапа славянофильства (прежде всего в 1850-е гг.), так и в начале позднего этапа (1880-1886 гг., уже в роли «последнего могикана старого славянофильства»), а также срединного этапа (1861-1879), когда он, вместе с Ю.Ф. Самариним, был лидером славянофильского движения.

Первый период (1823-1842). Иван Сергеевич родился 26 сентября 1823 г. в семье Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковых. В сентябре 1826 г. семья переехала в Москву, где Иван получил основательное домашнее образование. Впоследствии А.Ф. Аксакова отмечала: «С 10-летнего возраста мальчик Иван страстно читал газеты, страстно следил за политическими событиями в Европе; его уже волнует революционное брожение в Испании; он восторженный карлист. Наказанием за какую-нибудь провинность служит ему лишение читать газеты. В нем уже сказывается будущий страстный публицист» [Иван, 2003, т. 1, с. 20].

Первое письмо Ивана, которое нам удалось обнаружить, было написано им в виде приписки к брату Григорию в Петербург около 9 мая 1836 г. Последние письма были написаны им за день до смерти – 26 января 1886 г. – В.Ф. Пуцыковичу и Г.П. Галагану. Таким образом, в целом аксаковская переписка охватывает период в полвека – с 1836 по 1886 гг.

В 1838 г. отец определил Ивана в четвертый класс недавно созданного Императорского училища правоведения в Петербурге. Среди первых воспитанников училища был и брат Григорий, обучавшийся там с 1836 г. За годы обучения в Училище Аксаковым были изучены следующие учебные дисциплины: богословие; логика; наука о душе; энциклопедия, или пропедевтика прав; римское право; государственное право; уголовное право; межевые законы; судебная медицина; экономия политическая; судебная практика гражданская; судебная практика уголовная; физика; технология; алгебра; история; география; словесность, русская преимущественно; правописание; латынь; французский язык; немецкий язык; английский язык; рисованье; чистописанье; фехтованье; пение; музыка; танцы; гимнастика [см.: Бутовский, 1883, с. 3-8].

Первые сохранившиеся аксаковские сочинения этого периода – это рукописи 1841 г.: так называемый «Пушкинский дневник» и ранний критический опыт под названием «О возможности русским иметь народную литера-

туру» [Вихрова, 1999, 2011], а также рукопись учебного сочинения Аксакова «О характере уголовного процесса» [Мотин, 2014].

Второй период (1842–1851) – это период служебно-поэтический и достаточно критический по отношению к формирующемуся славянофильскому мировоззрению.

14 июня 1842 г. Аксаков был выпущен из Училища правоведения с чином 9-го класса (титулярного советника) и 18 июня определен в канцелярию 2-го отделения 6-го (уголовного) департамента Правительствующего Сената в Москве, где полтора года исполнял обязанности сначала помощника секретаря, а затем секретаря. Спустя десятилетие 22 января 1853 г. Аксаков в письме И.С. Тургеневу отметит: «...я служил почти десять лет в разных должностях и в разных углах России, и изнанка жизни, лицевую сторону которой представляют законы, именно быт судебный, мне коротко знакома» [Письма, 1894, с. 46].

В начале 1843 г. Аксаков написал свое первое крупное художественное произведение – мистерию «Жизнь чиновника». Спустя 34 года в письме к Д.Ф. Тютчевой от 12 марта 1877 г. он напишет: «"Чиновник" <...> выражает борьбу и двойственность, подчас мучительную, моего тогдашнего бытия: стихотворца и чиновника, службы и поэзии!» [Иван, 2003, т. 1, с. 7-8]. Десятилетие с 1844 по 1853 гг. – это пора расцвета поэтического творчества Аксакова. В последующие годы жизни им было написано немногим более десяти стихотворений. Его поэзия осталась явлением 40-х годов, и притом достаточно характерным явлением [см.: Аксаков, 1960, с. 6].

С 16 декабря 1843 г. и в течение 1844 г. Аксаков был при сенаторе князе П.П. Гагарине, ревизовавшем Астраханскую губернию, в качестве младшего чиновника. В ходе ревизии Аксаковым лично были подготовлены 11 отчетов: военного штаба; губернаторской (гражданской) канцелярии; губернского правления; дворянской опеки; земского суда; казенной палаты; комиссии народного продовольствия; рыбной экспедиции; строительной комиссии; уголовной палаты и уездного суда.

В печати Аксаков дебютировал в 1845 г. со стихотворением «Христофор Колумб с приятелями» в журнале «Москвитянин» (№ 2), издаваемого М.П. Погодиным. В этом же году он закончил свое «самое славянофильское» произведение – поэму «Зимняя дорога», которая вышла в свет отдельными оттисками в 1846 г. и зафиксирована библиографами в качестве первой аксаковской книги [Аксаков, 1846].

12 июля 1845 г. Аксаков определен товарищем (т.е. заместителем) Председателя Калужской палаты уголовного суда, вступил в эту должность 7 сентября 1845 г. и приказом уволен с этой должности с причислением к департаменту Министерства юстиции 12 мая 1847 г. Два года, проведенные Аксаковым в Калуге, были весьма плодотворны и для его стихотворной деятельности – он написал в Калуге более 30 стихотворений. В это время Акса-

ков принял участие в одном из первых славянофильских изданий – в «Московском литературном и ученом сборнике» 1846 и 1847 гг.

С 21 мая 1847 г. по предписанию министра юстиции исполнял должность обер-секретаря 2-го Отделения 6-го департамента Правительствующего Сената в Москве. По такому же предписанию 18 октября 1847 г. перемещен на должность обер-секретаря в 1-е отделение 6-го департамента Правительствующего Сената.

Согласно прошению, приказом по гражданскому ведомству, 21 сентября 1848 г. причислен к Министерству внутренних дел. Предписаниями министра Л.А. Перовского от 19 и 21 октября 1848 г. командирован в Бессарабскую область: а) для обозрения сельских запасных магазинов, обревизования городских дум и для удостоверения, каким образом делается переселение евреев из мест прилегающих к границам с Австрией и Турцией и б) по особому секретному делу (т.е. изучение религиозных сект). Объездив в течение трех месяцев почти всю Бессарабию, возвратился в начале января 1849 г. в Петербург, где представил министру докладную записку о своем путешествии, а также записку о расколе в Бессарабии.

18 марта 1849 г. Аксаков был арестован в Петербурге за выраженное в частном письме возмущение арестом Ю.Ф. Самарина и резкие высказывания в адрес петербургской аристократии. Тем не менее, прочитав письменные ответы Аксакова на вопросы III отделения, император Николай I написал замечания, которые препроводил начальнику III отделения А.Ф. Орлову вместе с резолюцией: «Призови, прочти, вразуми, отпусти!» [см.: Аксаков, 1988, с. 497–508]. 22 марта Иван Сергеевич был освобожден с учреждением за ним негласного полицейского надзора.

В апреле 1849 г. Аксаков отправил родителям «небольшую статью, вроде письма» [см.: Аксаков, 2013], в которой ставил и решал важнейшие теоретические вопросы славянофильства. Сам он придавал ей большое значение и говорил, что в ней заключается вся его вера, все его убеждения. Эту статью можно считать началом его славянофильской так называемой «ранней публицистики», охватывающей период с 1849 по 1859 гг. В том же году композитор А.А. Алябьев написал романс на слова песни «Жаль мне и грустно, что ты, молодая...» из поэмы «Зимняя дорога», который тогда же был опубликован в ежемесячном петербургском музыкальном журнале «Нувеллист». На сегодняшний день на стихи Аксакова известно более 30 музыкальных произведений, написанных 27 композиторами.

Известность Аксакову как поэту принесла неоконченная поэма «Бродяга» (1846–1850). Аксаковский «очерк в стихах», героем которого был крестьянин Алёшка, явился первым в русской литературе опытом народной эпопеи, непосредственно предваряющим как в сюжетном, так и в ритмическом плане поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Предписаниями министра внутренних дел от 2 мая 1849 г. и 25 июля 1850 г., Аксаков был командирован в Ярославскую губернию по особым, в

том числе и секретным делам (поручение о раскольниках). С мая 1849 г. по апрель 1851 г. он находился в Ярославской губернии. В 1850 г. Аксакову было поручено состоять членом в комиссии для исследования секты странников. Это исследование, т.е. описание учения, догматов и прочее, было произведено большей частью самим Аксаковым.

В феврале 1851 г., ответив отказом на предложение министра внутренних дел «прекратить авторские труды» (министру Л.А. Перовскому поступил донос о чтении Аксаковым своей поэмы «Бродяга»), подал в отставку. 5 апреля 1851 г. Аксаков, согласно прошению, был уволен от службы по домашним обстоятельствам.

Третий период (1851–1860). 1850-е годы – весьма насыщенное десятилетие в жизни и творчестве Аксакова, время поисков и, одновременно, окончательного становления его славянофильских общественно-политических взглядов.

Как публицист и редактор Аксаков дебютировал в апреле 1852 г. выпуском «Московского сборника», издаваемого на средства А.И. Кошелева. Аксаков написал для сборника статью-некролог «Несколько слов о Гоголе», в которой Гоголь был назван «великим писателем» (и это несмотря на запрет печатать статьи о нем и даже упоминать его имя в печати). Помимо этого, в сборник вошли отрывки из его «очерка в стихах» «Бродяга» [см.: Московский, 1852, с. VII–XII, 383–427]. Кошелев готов был обеспечить в 1852 г. издание 4-х томов, что должно было заменить славянофилам журнал, которого им так недоставало. Во 2-м томе «Московского Сборника» Аксаков намеревался опубликовать две своих ранних статьи ярославского периода: «Об общественной жизни в губернских городах» и «О замечательном ремесленном устройстве в некоторых селениях Ярославской губернии».

Однако в начале 1853 г. на «Московский сборник» был наложен запрет, а основным его авторам (братьям Аксаковым, И.В. Киреевскому, А.С. Хомякову и кн. В.А. Черкасскому) впредь позволялось выступать в печати только после рассмотрения их сочинений в Главном управлении цензуры. Аксаков, кроме того, был лишен права редактировать какие-либо издания. Славянофилы оказались под явным полицейским надзором. Следующие несколько лет, до окончания «мрачного семилетия», они провели почти в полном молчании. Только спустя 161 год, усилиями московского исследователя В.Н. Грекова, второй том «Московского сборника» впервые увидел свет под одной обложкой с первым [см.: Московский, 2014].

В 1853 г. Аксаков принял предложение Императорского Русского географического общества описать украинскую ярмарочную торговлю. В ноябре 1853 г. он отправился в Малороссию, где и путешествовал в течение года. Результатом этого труда явился богатый опыт по наблюдению народной жизни на местах и замечательное в экономическом и статистическом отношении исследование, опубликованное в 1858 г. на средства петербургских купцов [см.: Аксаков, 1858]. Представленный Аксаковым отчет в 1857 г. ре-

цензировал профессор кафедры политической экономии и статистики Киевского университета Н.Х. Бунге, после чего труд удостоили высшей награды Географического общества – Константиновской медали и Демидовской премии Академии наук.

Вернувшись в Москву во время самого разгара Крымской войны, Аксаков в феврале 1855 г. добровольно вступил в Серпуховскую дружину Московского ополчения, вместе с которой совершил поход до Одессы, а потом в Бессарабию. Штабс-капитан Аксаков был квартирмейстером и казначеем дружины, ведал всем ее хозяйством: провиантом, амуницией, фуражом, оружием.

В марте 1856 г., при первом известии о мире, Аксаков оставил дружину и возвратился в Москву, но в мае того же года был приглашен князем В.И. Васильчиковым принять участие в следственной комиссии, назначенной по делу о злоупотреблениях интендантства во время войны. К комиссии Аксаков был прикомандирован временно, т.к. официальный приказ об отставке его от службы в ополчении был издан только 29 сентября 1856 г. Он отправился в Крым, но, не дождавшись конца комиссии, в декабре 1856 г. возвратился в Москву.

В 1857 г., с марта по октябрь, Аксаков впервые находился за границей и побывал в Польше, Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Англии, Австрии и Чехии. В августе в Лондоне встречался с А.И. Герценом. Как вспоминал сам Герцен, они «очень сошлись». До 1863 г. Аксаков был его тайным корреспондентом, и несколько лет они поддерживали переписку. Аксаковская пьеса «Судебные сцены» была опубликована в «Полярной звезде» [Полярная, 1858, с. 3–100; Мотин, 2016]. Это была первая публикация славянофилов в герценовских изданиях.

С августа 1858 г., по предложению А.И. Кошелева, Аксаков фактически, но неофициально, возглавил славянофильский журнал «Русская беседа». Новый энергичный редактор в 1859 г. выпустил шесть книжек вместо четырех, увеличив количество славянских материалов. В 1858 г. Аксаков добился снятия запрета на редакторскую деятельность – ему разрешили издавать собственную еженедельную газету «Парус». Однако в январе 1859 г., после выхода двух номеров, газета была запрещена.

В 1860 г. в течение 4-х месяцев Аксаков жил в Германии (в Гейдельберге и Мюнхене), затем несколько месяцев путешествовал по славянским землям и сопровождал сначала один, а позже с матерью и двумя сестрами, больного брата Константина, отправленного на лечение за границу. В ночь с 6 на 7 декабря на греческом острове Занте К.С. Аксаков скончался. Родным с телом Константина пришлось совершить скорбный путь домой – до Москвы они добрались уже в самом начале 1861 г.

Четвертый период (1861–1869) – это период срединного славянофильства, славянофильской публицистики и пропаганды наследия «старших» («ранних») славянофилов.

С 15 октября 1861 г. по субботам выходит в свет еженедельная славянофильская газета «День» – личный орган редактора-издателя Аксакова. Задачей газеты было формирование славянофильского взгляда на различные проблемы современной жизни. В первую очередь этому служили передовые статьи «Дня». Газету Аксаков издавал до конца 1865 г. А 12 января 1866 г. состоялось венчание И.С. Аксакова и старшей дочери Ф.И. Тютчева Анны Федоровны.

В 1867-1868 гг. на средства московских купцов и по их предложению Аксаков выпускал и редактировал газеты «Москва» и «Москвич». В отличие от «Дня», это издание возникло на надежной экономической основе. Его учредителями стали крупнейшие купцы Москвы и московского промышленного региона, а инициаторами – Ф.В. Чижов, в то время крупный предприниматель, и видный ученый-экономист И.К. Бабст. За два неполных года, что выходила «Москва» и «Москвич», она получила 9 предостережений (из них 8 – за статьи Аксакова) и трижды приостанавливалась. А затем над газетой «Москва» последовал судебный процесс, в результате которого 7 апреля 1869 г. Государственный совет вынес окончательное решение о ее закрытии.

Изданием в 1860-е гг. славянофильских газет Аксаков сделал себе имя в журналистских кругах. И по праву: у него был журналистский темперамент, острое перо. Резкость и запальчивость его публицистических выступлений делали их притягательными для читателей. Он пропагандировал славянофильские воззрения энергичнее, чем его идеологи.

С июля 1869 г. до 1877 г. Аксаков состоял членом Правления Московского купеческого общества взаимного кредита, а потом до своей кончины являлся его председателем [см.: Краткий, 1894]. Это давало ему доход – первоначально 3 тыс. руб., а позже – более 10 тыс. руб. Одновременно Аксаков являлся акционером ряда крупных железнодорожных компаний.

Пятый период (1870–1879). Это время активной общественной деятельности Аксакова, тогда же происходит усиление его панславистских и консервативных взглядов.

С 3 января 1872 г. по 9 ноября 1874 г. Аксаков – председатель Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. После кончины тестя в 1873 г., Аксаков задумал и в течение года написал свой главный историко-литературный труд – биографию Ф.И. Тютчева, в котором подробно (с привлечением материалов семейного архива) восстанавливал судьбу поэта. В этой работе Аксаков впервые обратил внимание на ряд статей Тютчева, посвященных судьбе России и ее роли в европейской истории [Аксаков, 1874].

Идея политического объединения всех славян стала вызревать у Аксакова на рубеже 1860-1870-х гг. и получила развитие в его дальнейшем творчестве. У Ф.И. Тютчева, а еще более у Н.Я. Данилевского (чья книга «Россия и Европа» была опубликована в 1869 г. в журнале «Заря») Аксаков увидел ряд воззрений, укрепивших его на почве панславизма.

Летом 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло антитурецкое движение. Восставшие встретили сочувствие в Сербии и Черногории. Аксаков попытался возбудить общественное мнение, организовав отправление к восставшим русского отряда во главе с генералом М.Г. Черняевым. По данным Аксакова, за 14 месяцев – с сентября 1875 г. по октябрь 1876 г. – только в Московский славянский комитет поступило пожертвований в сумме 742.328 руб. 73 коп. Петербургский отдел славянского комитета за этот же период собрал 800 тыс. руб. Общую сумму пожертвований за этот период Аксаков определил в сумме свыше 3 млн. руб.

После смерти М.П. Погодина (8 декабря 1875 г.) Аксакова избрали председателем Московского славянского благотворительного комитета, активным членом которого он был с самого его основания в 1858 г. [см.: Никитин, 1960]. Под руководством Аксакова комитет играл ведущую роль в организации действий других славянских комитетов страны. Здесь Аксаков достиг своего высшего значения, и без преувеличения можно сказать, что в годы кризиса славянского и восточного вопроса (1875-1878) вся Россия и Европа следили за пламенными речами И.С. Аксакова.

12 апреля 1877 г. Манифестом Александра II объявлена Русско-турецкая война, которая стала кульминацией Восточного кризиса. Значительную роль в возбуждении русского общественного мнения, в оказании помощи южным славянам (сбор пожертвований, покупка оружия, посылка добровольцев) сыграли Славянские общества и особенно Московское славянское благотворительное общество, во главе которого стоял Аксаков.

Наивысшей точкой публицистической деятельности Ивана Сергеевича стала его речь 22 июня 1878 г. [Аксаков, 2015, кн. 2, с. 376-382], которая принесла ему международную известность и признание всех славянских народов, страдавших от турецкого и австрийского гнета. Впечатление от речи Аксакова в Западной Европе было столь велико, что именно она послужила толчком к созданию мифа о том, что Восточный кризис 1875-1878 гг. был «делом рук» Аксакова и руководимых им Славянских комитетов. За эту речь Аксаков в 1878 г. на 4,5 месяца был подвергнут ссылке в имение сестры его жены, фрейлины Е.Ф. Тютчевой, расположенном в Варварино Юрьевского уезда Владимирской губернии.

Консервативный характер воззрений Аксакова ясно проявился в 1879-1881 гг., когда под впечатлением роста революционного движения, в обстановке демократического подъема и связанной с ним поляризации общественных сил он открыто встал в ряды сторонников самодержавия и твердо отстаивал свои убеждения.

Шестой период (1880–1886). 15 ноября 1880 г. вышел в свет 1-й номер еженедельной славянофильской газеты «Русь». Аксаков не ставил перед ней коммерческих задач. Она должна была представлять мировоззрение и позицию ее редактора. В начале издания Аксаков считал целью «Руси» оказать влияния на высшую власть, но с переменой политической ситуации в 1882 г.

он назвал ее целью воздействие на сознание общества. Основные политические идеи, которые выдвигал Аксаков, – это создание Земского собора и развитие земского самоуправления. Важнейшей целью, которой осознанно служил Аксаков и которой были подчинены иные, частные задачи, являлась борьба с грядущей революцией. Аксаков, как очень немногие его современники (в их число не входят даже Л.Н. Толстой и В.С. Соловьев), почувствовал и осознал угрозу будущей революционной катастрофы [см.: Бадалян, 2010, с. 266].

1 марта 1881 г. в Петербурге на набережной Екатерининского канала по приговору исполнительного комитета «Народной воли» был смертельно ранен Александр II. Через три недели, 22 марта, в Петербургском Славянском комитете Аксаков произнес речь, в которой снова обращал внимание слушателей на уникальность русского народа, отличие России от стран Западной Европы, бесполезность и вредность западноевропейских конституций, выражал восхищение Земскими соборами допетровских времен и обращался с призывом к обновлению союза Царя с народом.

Неудавшаяся попытка созыва Земского собора 1882 г. часто связывается в литературе с именем Н.П. Игнатьева, однако вдохновителем этого предприятия был, без сомнения, Аксаков, что доказывает переписка последнего с единомышленниками и самим министром внутренних дел. К 1883 г. политическая актуальность публицистики Аксакова заметно снижается, его политическая программа теряет четкость.

9 февраля 1885 г. на первой странице газеты «Русь» № 6 было помещено объявление о приостановке издания в связи с болезнью Аксакова. Утомленный душевно и физически, он провел вместе с женой несколько месяцев в Крыму. Он отдохнул там, но не излечился. Свое издание Аксаков возобновил 17 августа 1885 г.

С осени 1885 г. Аксаковы снимали квартиру на территории большой городской усадьбы на углу Волхонки, 14 и Малого Знаменского переулка, принадлежавшей гвардейскому полковнику князю С.М. Голицыну. Это было последнее московское пристанище Ивана Сергеевича с окнами, выходящими на храм Христа Спасителя. Здесь до 2015 года располагался Институт философии РАН. На входе в Институт 29 июня 2004 г. И.С. Аксакову и Б.Н. Чичерину, который также жил здесь, были торжественно открыты две памятные доски.

В ноябре 1885 г. «Русь» получила первое и, как оказалось, последнее предостережение от министра внутренних дел за неуважение к правительству и за тон, «несовместимый с истинным патриотизмом». Формулировка распоряжения министра внутренних дел от 26 ноября 1885 г. больно задела Аксакова, и он посвятил всю передовую следующего номера («Москва, 6 декабря») размышлениям о сущности «истинного патриотизма».

Для Аксакова это было последнее столкновение с властями – 27 января 1886 г. он скончался. За день до кончины в письме Г.П. Галагану Аксаков

писал: «Как трудно живется на Руси!.. Есть какой-то нравственный гнет, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не дает установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы, и чувство безнадежности, беспроглядности давят нас».

Хоронили Аксакова 31 января 1886 г. На его похоронах было громадное скопление народа. Отклики на кончину Аксакова составили целый сборник, т.к. в газетах было помещено множество статей, заметок и некрологов [Сборник, 1886]. Как прямого продолжателя дела Сергея Радонежского Аксакова похоронили в знаменитой Троице-Сергиевой Лавре – в пределах Успенского собора, за алтарем с северной стороны и ныне возвышается массивный крест из красного гранита.

С Иваном Сергеевичем Аксаковым уходила в прошлое целая эпоха – эпоха напряженной полемики и столкновений между славянофилами и западниками, консерваторами и либералами. Даже люди, не разделявшие убеждений Аксакова, принадлежавшие к другим течениям общественной мысли, не могли не признать его заслуг, его влияния на русское общество.

В течение творческой жизни аксаковские политико-правовые взгляды проделали существенную эволюцию вправо – от умеренно-либеральной модели к достаточно консервативно-панславистскому варианту славянофильства. По своему мировоззрению Аксаков, несомненно, консерватор, но с определенной долей либеральных компонентов (свобода слова и печати, свобода совести). Таким образом, в целом И.С. Аксакова можно рассматривать как умеренного либерального консерватора.

Список использованной литературы

Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. В 6 вып., 12 ч. / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2009-2015. 151, 259; 175; 304, 308; 277, 270, 275; 250, 250; 301, 302 с.

Аксаков И.С. Зимняя дорога (*Licentia poetica*). Март. Радонежье. 1845 г. [М.], тип. А. Семена, [1846]. 32 с.

Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1858. [10], 384, IV с., с табл.

Аксаков И.С. Федор Иванович Тютчев. (Биографический очерк). М.: Типография В. Готье, 1874 (Русский архив. 1874. Кн. 10. 408 Стб.).

Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы / общ. ред. А.Г. Дементьева; вступит. ст. А.Г. Дементьева и Е.С. Калмановского; подгот. текста и примеч. Е.С. Калмановского. Л.: Советский писатель, 1960. 300 с.

Аксаков И.С. О служебной деятельности [в России] (Письмо к чиновнику): Как ни кинь, так клин, 10 апр. 1849 / Публ. и примеч. А.П. Дмитриева // XIV Международные Аксаковские чтения: материалы конференции / отв.

ред. В.В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2013. С. 133-141.

Аксаков И.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1.: Славянский вопрос. Кн. 1, 2 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени; издание подготовили А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; отв. ред. Б.Ф. Егоров; СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2015. 639, 768 с.

Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2010. 297 с.

Бутовский Л.И. Воспоминания об Императорском училище правоведения: Посвящаются товарища третьего выпуска, 12 июня 1842 г. [СПб.]: тип. Арт. журн., ценз. 1883. 8 с.

Вихрова Н.Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169–181.

Вихрова Н.Н. Ранний критический опыт И.С. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 173–183.

Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: в 3 т. / составление, подготовка текста, примечания, указатель имен Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003–2004. 560, 576, 608 с.

Иван Сергеевич Аксаков: библиографический указатель (1836-2014) / сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; вступит. ст. С.В. Мотина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.

И.С. Аксаков. Письма к родным. 1844-1849 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. 704 с.

Краткий очерк деятельности Московского купеческого общества взаимного кредита за время с 11 ноября 1869 по 1 января 1894 года. М.: Типография Т.И. Гаген, 1894. 35 с.

Московский сборник. Т. 1. Сочинения: К.С. Аксакова, И.С. Аксакова, И.Д. Беляева, И.В. Киреевского, П.В. Киреевского, А.И. Кошелева, С.М. Соловьева, А.С. Хомякова. М.: тип. Александра Семена, 1852. [2], XII, [448] с.

Московский сборник / Изд. подгот. В.Н. Греков. СПб.: Наука, 2014. 1308 с.

Мотин С.В. И.С. Аксаков о праве, свободе слова и цензурном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 277–280.

Мотин С.В. Славянофилы, славяноведы, панслависты, неославянофилы, славянофиловеды... (К истории периодизации славянофильства) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А.П. Дмитриева. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 882–893.

Мотин С.В. «О характере уголовного процесса» (Выпускное сочинение И.С. Аксакова 1842 года, подготовленное в Императорском Училище право-

ведения) // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 3. Том 1. С. 358–370;

Мотин С.В. «Судебные сцены» И.С. Аксакова, опубликованные А.И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 43-46.

Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 362 с.

Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. С введением и примечаниями Л. Майкова. (Отдельный оттиск из «Русского обозрения» 1894 г.). М.: Университетская типография, 1894. 152 с.

Победоносцев К.П. Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания / сост. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2001. 624 с.

Полярная звезда на 1858. Кн. 4 / издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Лондон: Вольная русская типография, 1858. 318 с.

Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И.С. Аксакова. М.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1886. VIII, 24, 140, 48, 24, 6, 34, 16 с.

Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 800 с.

Пути-дороги и адреса проживания И.С. Аксакова (Опыт краткого путеводителя)

См.: Мотин С.В. Пути-дороги и адреса проживания И.С. Аксакова (опыт краткого путеводителя) // Аксаковские чтения: (материалы XIV Международных Аксаковских чтений. Уфа, 26-27 сентября 2013 г.) / отв. ред.: д.ф.н., проф. В.В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2013. С. 147–166.

В предлагаемом путеводителе собраны документальные материалы мест пребывания и проживания И.С. Аксакова (далее – Аксаков) за всю его жизнь. Конечно, этот путеводитель не является полным и не так подробен, как хотелось бы. Например, требуют более детального рассмотрения служебные командировки Аксакова (по Бессарабии, в Астраханскую и Ярославскую губернии), изучение украинских ярмарок в 1853–1854 гг., маршрут движения ополчения в 1855 г., работа в комиссии кн. Васильчикова в 1856 г., три путешествия 1857, 1860, 1865 гг.

Путеводитель продолжает опыт хронологического описания мест пребывания Ивана Сергеевича, опубликованный в 2006 г. Г.В. Чагиным под названием «Москва Аксакова (путеводитель)» [1, с. 485–495]. Конечно, Москва это город, в котором Аксаков прожил большую часть жизни. Однако и в других городах он провел достаточно много времени. Это, прежде всего, Санкт-Петербург, а также – Киев, Астрахань, Калуга, Ярославль, Харьков и др., а из иностранных городов это, например, Вена, Гейдельберг и Мюнхен.

Все даты в путеводителе даны по старому стилю.

1823. 26 сент. Надёжино. – «Иван Сергеевич Аксаков родился в Оренбургской губернии Белебеевского уезда в селе Надёжине (Куроедово тож)¹ 1823 года сентября 26-го» [2, с. 31].

¹ Дмитриевское (Надеждино), село при рч. Сиушке, от уездного города <Белебея> 8 верст, от станов. кварт. 45 верст, число дворов 166, число жителей мужского пола 555, женского пола 583. Р. – Церковь православная 1. Волостное правление. Училище. Завод салотопенный. Мельниц водяных 2 и ветряных 2. Гончарное производство [2а, 185]. В настоящее время село Надеждино Белебеевского района Республики Башкортостан, в котором воссоздан усадебный дом и где сейчас располагается Музей семьи Аксаковых. Село, основанное в Уфимском крае в середине XVIII века, принадлежало двоюродной сестре деда С.Т. Аксакова Степана Михайловича – Надежде Ивановне Аксаковой, в замужестве Куроедовой. Описанию села Надёжина (Парашина) С.Т. Аксаков посвятил одну из глав повести «Детские годы Багрова-внука».

1826. Лето. Надёжино. – «Сгорел весь большой усадебный дом. Никто не погиб, да и ценные вещи успели вынести» [3, № 1, с. 84].

1826. Москва. – «1826 года, 8 сентября, часов в восемь вечера, в осеннюю звездную ночь остановилась наша карета перед Москвой, у Рогожской заставы. <...> Дом Кавелиных, в котором мы должны были остановиться, последний дом тогда у Спасской заставы, был очень недалеко...» [4, с. 59, 60]. По приезде в Москву Аксаковы поселились в доме А.А. Кавелина – друга С.Т. Аксакова еще по Петербургу [5, с. 108, 109]. «Через месяц опустела Москва от приезжих гостей. <...> Я нанял себе большой дом на Остоженке, и мало-помалу начала устраиваться моя городская жизнь» [4, с. 68].

Исследователи насчитывают более двадцати московских адресов Аксаковых (дом за Мясницкими воротами, большой дом на Остоженке, дом Побойнина, дом в Чудовом переулке, дом Штюмерера на Сенном рынке и др.). Своего дома у Аксаковых не было, а чужой снимался только на зимние месяцы. Выезжая весною на дачу, Аксаковы, чтобы не платить лишнее, оставляли дом, а по возвращении снимали новый [5, с. 110–111].

1826–1829. Москва. – Воронцовская ул., 40. Один из первых известных адресов Аксаковых после переселения их в Москву, дом не сохранился [1, с. 486].

1829–1833. Москва. – Большой Афанасьевский переулок, 12. Дом с мезонином в три окна, принадлежавший вдове коллежского секретаря Т.Д. Слепцовой и находившийся с правой стороны, ближе к Гагаринскому переулку, С.Т. Аксаков снимал с лета 1829 г. по 1833 г. Сохранился до наших дней. Здесь проходили знаменитые «аксаковские субботы». В этом доме, как вспоминал Аксаков, они часто играли в детские игры, и одной из самых любимых была придуманная братом Константином игра в кораблики [1, с. 486–487].

1830-е. Под Москвой. Село Богородское. – Дачное место под Москвой, куда Аксаковы выезжали в тридцатые годы на лето. Виды этого села неоднократно рисовались детьми [1, с. 487].

1832. Начало июля, 2 июля (?) Москва. – Впервые М.П. Погодин привез Н.В. Гоголя в дом на Сивцевом Вражке на одну из аксаковских суббот [5, с. 145].

1832. Под Москвой. – Лето Аксаковы провели в Богородском на даче [5, с. 112].

1833. Под Москвой. – Аксаковы провели лето в Богородском [5, с. 112].

1834–1836. Москва. – Сенная площадь у Красных ворот (Красноворотский проезд, 3). Аксаковы жили здесь в 1834–1836 гг. Переезд сюда стал возможен после назначения С.Т. Аксакова в 1833 г. инспектором, а затем и директором Константиновского межевого института [1, с. 487].

1835. Май, начало. Москва. – Н.В. Гоголь побывал на квартире Аксаковых. Они жили в этот год в доме Штюрмера на Сенной площади [5, с. 153].

1835. 5 дек. Петербург. – Открытие Императорского Училища правоведения (Фонтанка, 6). Первый набор составил 54 человека. На торжественный акт открытия Училища прибыл Николай I с наследником великим князем Александром Николаевичем и братом великим князем Михаилом Павловичем [6, с. 38]. Здесь впоследствии обучались братья Аксаковы – Григорий (1836–1840, 1-й выпуск) и Иван (1838–1842, 3-й выпуск).

1836–1839. Москва. – Старая Басманная, 21. (Смоленский рынок, перестроен). Последние годы семья проживала в здании Константиновского межевого института. Отсюда Аксаков уехал на учение в Петербург [1, с. 487].

1838–1842. Петербург. – «В этом году <1838> поступил в Императорское училище правоведения, где и окончил курс в 1842 году с чином 9 класса» [2, с. 31]. В Петербурге у юных Аксаковых был и один близкий, родной дом – Карташевских. Н.Т. Карташевская была любимой сестрой их отца и любимой их теткой [7, 411–412]. Будучи правоведом, Аксаков постоянно ездил и в оперу, и во французский театр (который очень любил), и в русский драматический [8, с. 24–25].

1838. 25 апр., Петербург. – Письмо С.Т. Аксакова и И.С. Аксакова к О.С. Аксаковой [9. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 20. Л. 1]. Это, возможно, первое письмо Ивана из Петербурга.

1838. 1 июня (1 июля?) – 1 авг. Петровское. – Время после экзаменов Аксаков провел со своими на даче близ Москвы, но лето было короткое, так как экзамены кончились к 1 июня, а вернулся он после каникул уже 31 июля и с 1 августа поселился в Училище, ходя в отпуск по воскресеньям и праздничным дням в семейство Н.Т. Карташевской... [8, с. 21–22].

1839–1842. Москва. – Смоленская-Сенная площадь, 27. Здесь в эти годы жили Аксаковы; дом не сохранился [1, с. 487].

1839. Около 20 июня. – Г.С. и И.С. Аксаковы прибыли на каникулы домой.

1839. 28 и 30 июня. Аксиньино. – Два письма Аксакова к С.Т. Аксакову [11. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 33. Л. 1–2, 7].

1839. 7 авг., понедельник, Училище, 7 ч. вечера. Петербург. – Письмо Аксакова к родным. «Вот я и в училище, милая маменька и все вы, милые братья и сестры. А давно ли кажется, дней пять тому назад я был в Аксиньино» (10. Ф. 3. ГАИС/Ш. Карт. Ш. Ед. хр. 15 б. Л. 28].

1840-е. Москва. – Рождественский бульвар, 14. Литературный салон К.К. и Н.Ф. Павловых. Был одним из литературных центров Москвы 1840-х гг. Позднее дом перестроен [1, с. 492].

1841. 17(?) апр. Торжок. – Письмо-конверт Аксакова к родным. Надпись на конверте: «Высокоблагородию Сергею Тимофеевичу Аксакову. В Москве близ Смоленского рынка, на Сенной площади, дом Требиновой» [10. Ф. 3. ГАИС/Ш. Карт. Ш. Ед. хр. 15 г. Л. 7–8; 8 об. – конверт].

1842. 1 янв., четверг. Петербург. – Письмо Аксакова к родным. «Сейчас одеваюсь и отправляюсь с визитами. Новый год встретил я у Барановского, где была большая часть Гришиных товарищей...» [10. Ф. 3. ГАИС/Ш. Карт. Ш. Ед. хр. 15 г. Л. 39 об.].

1842. 14 июня, воскресенье. Петербург. – «По окончании курса наук в Императорском Училище Правоведения выпущен из оногo с чином Титулярного Советника тысяча восемьсот сорок второго года Июня четырнадцатого...» [11, л. 2].

1842–1843. Москва. – По окончании курса в Училище правоведения Аксаков вернулся в Москву к своим родителям и поступил прямо на службу во 2-е отделение 6-го <уголовного> департамента Правительствующего Сената... [8, с. 29]. «...определен в Канцелярию 2-го отделения 6-го Департамента Правительствующего Сената того же года Июня восемнадцатого; исправлял должность Помощника Секретаря в 1842 г. с 17-го Августа по 10-е Сентября; с 12-го Октября 1842 г. исправлял должность Секретаря по день утверждения в оной 1843 г. Мая 27...» [11, л. 2].

1843–1844. Зима – до июня. Москва. – Семья Аксаковых живет в нанятом доме князя Голицына на Большой Никитской [12, с. 576]. Большая Никитская ул., 57 (дом не сохранился). В этом доме во второй половине 1843 – начале 1844 г. С.Т. Аксаков проживал с семьей и именно здесь 22 апреля 1844 г. состоялся «примирительный» обед западников и славянофилов [1, с. 488].

1843–1844. Астраханская губерния. – «...вследствие ордера Министра Юстиции от 9-го октября 1843 г. с 16 декабря того же года был при Сенаторе Действительном Тайном Советнике Князе Гагарине, ревизовавшем Астраханскую Губернию, в качестве Младшего Чиновника, и по окончании возложенных на него поручений, явился к своей должности 31-го Декабря 1844 г.» [11, л. 2].

1843–1870. Абрамцево. – Загородный дом Аксаковых. В 57 километрах по железной дороге от Москвы на Ярославль с давних времен лежит Абрам-

цево, или сельце Абрамково, как оно называлось в старинных документах [13, с. 5]. Аксаков встречал здесь 1853 год.

1843. 19 дек. – Письмо В.С. Аксаковой к М.Г. Карташевской. «...мы, сами не знаем как, купили деревню... <...> Купчая совершается на днях, это маленькое имение в 50 верстах от Москвы, по дороге к Троице, в 13 верстах не доезжая до Троицы Сергия. Кажется, тут все есть, хоть в малом виде, все, что нам надобно: дом довольно поместительный, сад, местоположение прекрасное, речка, лес, пруды» [14, с. 184]. В архиве Аксаковых сохранился план расположения комнат этого <абрамцевского> деревенского дома, нарисованный В.С. Аксаковой в 1844 г. [13, с. 21–22].

1844. До 29 янв., Абрамцево. – С.Т. Аксаков вместе с К.С. Аксаковым и подрядчиком ездит в приобретенное Абрамцево, чтобы определить размеры необходимых переделок в доме [12, 567].

1844. 5 янв. – 8 нояб. – 57 писем Аксакова к родным, связанных с его поездкой в Астрахань в составе ревизионной комиссии князя П.П. Гагарина [12, 3–168].

1844. 29 янв., суббота, Астрахань. – Письмо Аксакова к родным. «...доехали мы на своей бричке до дому Сапожникова, где встретил нас князь и сам указал нам наши комнаты, которыми мы очень довольны». «Дом коммерции советника и почетного гражданина Сапожникова, где живем мы, расположен очень удобно и стоит за мостом, почти на берегу Кутума. <...> Мы живем вверху: у нас большая комната, передняя и особенный вход. <...> Кругом галереи и балконы, есть сад с оранжереей и банею...» [см.: 12, с. 21–26].

1844. 23 мая, вторник, Астрахань. – Письмо Аксакова к родным. «Вы писали, что 27 мая срок вашей квартире, и где будет московское пристанище, я не знаю... <...> Во всяком случае, я буду адресовать в дом Голицына до уведомления» [12, с. 89–91].

1844. 5 окт., четверг. Москва. – Переезд Аксаковых в дом княгини Шаховской в Газетном переулке [12, 599].

1845. Лето. Абрамцево. – Аксаков впервые провел в Абрамцево. «В отпусках был: в 1845 г. <...> с 1-го Июня на 2-ва месяца, явился на срок...» [11, л. 2 об.]. До 1 сентября Аксаков был в отпуске [12, с. 190].

1845–1847. Калуга. – «Определен товарищем Председателя Калужской Палаты Уголовного Суда 12 июля 1845 г.; вступил в эту должность 7 сентября 1845 г.; Высочайшим приказом уволен от сей должности с причислением к Департаменту Министерства Юстиции 12 мая 1847 г.» [11а, л. 3 об. – 4].

1845. 7 сент. – 1847. 19 апр. Калуга. – 112 писем Аксакова к родным, связанных с калужским периодом жизни [Впервые: 15, 232–436].

1845. 9 сент., Калуга, гостиница «Киев». – Письмо Аксакова к родным. «Адрес: на *Дворянской* улице (скверное название, но что делать улица хорошая), в доме поручицы Ивановой. Домик 2-хэтажный, деревянный, со всеми принадлежностями, даже с чистенькой баней. В одной половине хозяева, в

другой я. Хозяева люди прекрасные, комнаты не велики, но чисты, число им, без передней, 4, но одна должна быть отдана человеку. Спальная и кабинет вместе, гостиная и зала. Цена 350 рублей в год» [см.: 12, с. 172–175].

1845. 21 или 22 дек. – 1846. 30 апр. Москва. – Аксаков уехал на рождество в Москву, там заболел и вернулся в Калугу только в конце апреле 1846 г.

1846. 5 окт., суббота. Калуга. – Письмо Аксакова к родным. «Пишу к вам уже не из старого своего жилища, а на новой своей квартире... <...> Я переехал вчера. <...> Квартирой своей я совершенно доволен. <...> У меня с передней 4 комнаты, из которых одна большая, с камином – мой кабинет» [см.: 12, с. 316–318].

1846. 8 окт., вторник. Калуга. – Письмо Аксакова к родным. «В воскресенье принесли мне письмецо от Вас, милая маменька. Вы ищите квартиры, и 10-го Вам срок, следовательно, письмо это не застанет Вас в доме Повалишина, но на всякий случай адресую туда. <...> Живу я на новой своей квартире очень мирно, еще больше сижу дома, чем прежде. Обедаю у них <Унковских> в 3 часа, после обеда посижу с ними с час времени и отправляюсь к себе. Так как они всегда ужинают часов в 11, то я или прихожу к ним, или ко мне приносят, или я вовсе отказываюсь ужинать...» [12, 319].

1847–1848. Москва. – «...по предписанию Министра Юстиции поручено исправлять должность Обер-Секретаря 2-го Отделения 6-го Департамента Правительствующего <Л. 2> Сената 1847 г. Мая 21-го; по таковому же предписанию перемещен к исправлению должности Обер-Секретаря в 1-е Отделение 6-го Департамента Правительствующего Сената 1847 г. Октября 18; по ордеру Исправлявшего должность Обер-Прокурора, исправлял должность Обер-Секретаря по двум Экспедициям с 28 Июля по 25 Августа 1848 года...» [11, л. 2–2 об.].

1847. Москва. – Леонтьевский переулок (ул. Станиславского), 27 (дом не сохранился). В 1847 г. С.Т. Аксаков заканчивает здесь свое произведение «Записки об уженье рыбы» [1, с. 488].

1848. 2 июня – 9 июля. Серные воды. – 6 писем Аксакова к родным, связанных с поездкой в Самарскую губернию на Серные воды [Впервые: 15, с. 441–466].

1848–1849. Бессарабия. – «Высочайшим Приказом по Гражданскому ведомству, согласно прошению причислен к Министерству Внутренних Дел 1848 Сентября 21; предписаниями Министра Внутренних Дел от 19 и 21 Октября 1848 г. командирован в Бессарабскую область: а) для обозрения Сельских Запасных магазинов, обревизования Городских Дум и для удостоверения каким образом делается переселение Евреев из мест прилегающих к границам с Австриею и Турциею и б) по особому секретному делу <изучение религиозных сект>. – Поручения эти окончил в 1849 году: первое 2 Апреля, а последнее – <нрзб.>¹ Января...» [11, л. 2 об.].

¹ Это место, являющееся центром страницы, в результате сложения листа вчетверо

протерлось до дырки.

1848. 7 окт. – дек. – «В октябре Иван Сергеевич пробыл в Петербурге недели две и оттуда отправился через Харьков и Одессу в Бессарабию, где он остался до конца декабря» [8, с. 392].

1848. 11 окт. – 27 дек. Бессарабия. – 21 письмо Аксакова к родным. Письма связаны с приготовлением и поездкой Аксакова в Бессарабию [12, 662].

1848. 16 окт. – 1849. 1 окт. Москва. – Семья Аксаковых переселилась в дом Пушневичевой на Сивцевом Вражке¹, нанятый на год [16, с. 507].

¹ Дом, в котором расположен этот филиал Гослитмузея, был построен в 1823 г. в стиле ампира на подвалах и фундаментах XVII–XVIII вв., которые сохранились и поныне. Здание является памятником истории и культуры. Его реставрация началась зимой 1981/82 г. и завершилась 25 марта 1984 г. к 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя, который бывал здесь в период жизни в этом доме семьи Аксаковых. С.Т. Аксаков жил здесь в октябре 1848 – мае 1849 г. Среди наиболее интересных музейных предметов – стереоскопический аппарат И.С. Аксакова. Адрес музея: 121002, Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 30 [16а, с. 189].

1849. 21 янв., пятница. Петербург. – Аксаков И.С.: «21-го января 1849 г. возвратился, представив министру отчет по своим занятиям» [12, 498].

1849. 24 янв. – 2 мая. Петербург. – 32 письма Аксакова к родным. Письма написаны Аксаковым из Петербурга [Впервые: 17, с. 96–146].

1849. 18 марта. Петербург. – Аксаков по приказу Николая I был арестован по подозрению во вредном образе мыслей и доставлен в штаб корпуса жандармов, находившийся в Петербурге у Цепного моста по адресу Фонтанка, 16.

1849. 22 марта, вторник, Петербург. – Письмо Аксакова к родным. «Я сейчас от графа Орлова и он объявил мне решение государя. Слава богу, все кончилось как нельзя лучше!» [12, с. 483].

1849–1851. Москва. – Аксаковский (бывший Филипповский) переулок, 9 (дом не сохранился). Здесь семья Аксаковых жила с конца 1849 по весну 1851 г. Переулок переименован в Аксаковский в 1859 г, к столетию кончины С.Т. Аксакова [1, с. 488].

1849–1851. Ярославская губерния. – «...предписаниями Министра Внутренних Дел от 2-го Мая 1849 и 25 Июля 1850 годов, командирован в Ярославскую Губернию по особым секретным делам <секретное поручение о раскольниках>, каковые поручения окончились в Апреле 1851 года... <...> ...уволен, согласно прошению, от службы по домашним обстоятельствам 1851 г. Апреля 5» [11, л. 2 об.].

1850-е. Москва. – Старопименовский переулок, 11. Салон Сушковых: Николай Васильевич Сушков был женат на родной сестре Ф.И. Тютчева Дарье Ивановне. Сушков к началу 1850-х гг. создал у себя литературную гостиную [1, с. 493].

1850. Осень. Москва. – В дом Орловского семья Аксаковых переехала осенью 1850 г. Очевидно, дом был снят только на год [16, примеч. Т.Ф. Пирожковой].

С 1851. Москва. – Поварская ул., 31. Дом А.И. Кошелева, о котором часто упоминается в письмах братьев Аксаковых 1840–1850-х гг. [1, с. 492]. Нынешний адрес: Поварская ул., д. 31, стр. 1. В этом барском двухэтажном доме, возведенном в XVIII в. как главный корпус городской усадьбы, А.И. Кошелев жил с 1851 г. до самой кончины; здесь находился и известный общественно-литературный салон Кошелевых [см.: 18, с. 430–435].

1851. До 5 апр., четверг. Ярославль. – Аксаков был в Ярославле до начала апреля, т.е. до выхода его в отставку [3, № 2, с. 123]. На Пасху Аксаков уехал в Москву, где и получил бумагу об отставке от службы и в Ярославль уже не вернулся.

1851. Лето. – С.Т., К.С. и И.С. Аксаковы ездили в свои имения после состоявшегося в Надёжине крестьянского бунта [16, с. 559].

1851. 1–3 окт., понедельник – среда. – Осенью Н.В. Гоголь в последний раз посетил Абрамцево, где Аксаковы решили остаться на зиму. Это были последние свидания писателей [19, с. 230].

1851. 8 окт. – 1853. 7 сент. – 22 письма Аксакова к родным [Впервые: 16, с. 215–249]. Письма (8 окт. 1851 – май 1852) написаны Аксаковым из Москвы, где он готовил к печати I том «Московского сборника» 1852 г., а также наблюдал за печатанием «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова. Письмо от 21.8.1852 г. написано из Переяславля, куда Аксаков ездил с сестрами. Письма Аксакова от 20 и 27 июня 1853 г. – из Песочни и Дегтярных барок и связаны с поездкой к А.И. Кошелеву. Письма Аксакова от 6/7 и 7 сентября 1853 г. отправлены из Петербурга [16, с. 559].

1851. Москва. – Большой Николопесковский пер., 4 (дом не сохранился). В письме к И.С. Тургеневу от 26 ноября 1851 г. Аксаков напоминал адресату свой адрес [1, с. 489]. «...на Арбате, в Николо-Песковском переулке, в дом г-жи Серединской, во флигеле» [20, с. 12–13].

1851–1852. Зима. – Аксаковы нанимали флигель дома П.А. Серединской [16, с. 563]. Зимой 1851–1852 гг., готовя сборник к печати, Аксаков жил в Москве на квартире [21, с. 107]. Досуг Аксаков посвящал своей семье, проводившей зиму в Абрамцево, исполняя разные хозяйственные поручения, печатая «Записки Ружейного Охотника» отца своего и даже иногда отлучаясь, как, например, в Самару и в Курскую губернию, в г. Обоянь [22, с. 218].

1852. Ок. 30 янв. – 20 февр. – Поездка Аксакова в Курскую губернию.

До 1852. Москва. – Никитский бульвар, 7. Дом Талызиных, который занимал граф А.П. Толстой. Последняя квартира Н.В. Гоголя в Москве, где он скончался <21 февраля>. Здесь у него бывали и Аксаковы [1, с. 492].

1852. После 1 авг. Ярославль. – Аксаков поехал в Ярославль, «чтоб возобновить для “Московского Сборника” свои связи с купцами и проехать в

село Иваново (знаменитое), где у меня есть много знакомых, готовых уверовать в учение “Московского сборника”» [22, с. 220].

1852. 21 авг., четверг, Переяславль. – Письмо Аксакова к родным. Связано с поездкой Аксакова с сестрами Верой и Любовью в Переяславль [16, 244].

1852–1853. Зима. – Аксаков провел зиму в Абрамцеве [22, с. 220].

1853. 18 июня, четверг. – Аксаков утром прибыл в Песочное – имение А.И. Кошелева. – 20 и 27 июня. – Письма Аксакова связаны с его поездкой к А.И. Кошелеву [16, с. 575].

1853. Авг., кон. Петербург. – Аксаков отправляется в Петербург [16, с. 576].

1853. 6 сент. Павловск. – Аксаков присутствовал на обеде в семействе Блудовых, в Павловске, куда был приглашен графиней А.Д. Блудовой – фрейлиной Императрицы Марии Федоровны [16, с. 248].

1853. До 27 сент. – В конце сентября Аксаков вернулся в Абрамцево, где пробыл месяц в ожидании официальной бумаги о командировке, получив которую, простился с семьей и, съездив на несколько дней в Петербург, проехал уже прямо через Москву, не заезжая в деревню, к месту своего назначения... [22, с. 222].

1853–1854. – «...Аксаков принял предложение Русского географического общества: описать торговлю на украинских ярмарках, – и отправился в конце 1853 года в Малороссию, где и путешествовал до конца 1854 года» [2, с. 32].

1853. 18 нояб., среда, Спасское. – Аксаков заезжал к И.С. Тургеневу, завез рукопись С.Т. Аксакова «Знакомство с Державиным» и пробыл у него несколько часов [19, с. 297].

1853. 21 нояб., суббота. – Аксаков был в Сумах [22, с. 222].

1854. 29 апр. – 2 нояб. – 26 писем к родным написаны Аксаковым с Украины, куда он отправился описывать ярмарки по заданию Русского Географического общества [Впервые: 23, с. 1–101; 16, с. 577].

1854. 18 нояб., четверг, Абрамцево. – Приезд Аксакова в Абрамцево [24, с. 12].

1854–1856. – «Вернувшись в Москву во время самого разгара войны, Аксаков добровольно вступил в ополчение, именно в Серпуховскую дружину, в начале 1855 года и вместе с дружиной совершил поход до Одессы, а потом в Бессарабию» [2, с. 32–33].

1855. 18 февр. – 1856. 7 марта. – 46 писем к родным написаны Аксаковым из ополчения [Впервые: 23, с. 103–244].

1855. 11 апр., понедельник. – Аксаков прибыл в Серпухов и вступил в исправление должностей казначея и квартирмейстера.

1855. 18 июля, понедельник. – Выступление дружины № 111 в поход.

1855–1856. Зима. Москва. – Малый Левшинский пер., 3 (фасад претерпел изменения). Здесь Аксаковы жили зиму 1855–1856 гг. [1, с. 489].

Благодаря стараниям А.П. Дмитриева мы имеем возможность описать эпопею по найму этого дома, изложенную Верой Аксаковой в шести письмах к Марии Карташевой в сентябре – октябре 1855 года.

1 сент.: «Мы собираемся жить в Москве эту зиму, и уже предпринимаем некоторые приготовления, т.е. [поиск] главное – наемка квартиры. Мы хотели с Любинькой ехать на этой неделе в Москву осматривать приисканные дома, но коляска наша сломана. Константину одному поручено предварительно осмотреть их. Боимся, что очень дороги будут квартиры, и вообще так трудно сыскать для нас удобный дом. Олинька же должна переехать гораздо ранее нас, но она поместится пока у знакомых, для ее переезда ожидаем только хорошей погоды, которой уже давно у нас нет...» [9. Сигн. 10622. Л. 159 об.]. *19 сент.:* «На другой же день начались наши разъезды для отыскания домов, [три] два дня мы провели исключительно в этих занятиях, впрочем, я не везде ходила на лестницу, предоставляя это Любеньке <так!>. Наконец один дом нам понравился, но цена нам казалась велика. Мы, впрочем, и не думали решиться окончательно, прежде нежели маменька взглянет сама, но вышло не так, хозяин этого дома уступил в цене, но с тем, чтоб мы тотчас же решились. Потому как у него был другой наемщик. Боясь пропустить этот дом, мы решились и дали задаток. Впрочем, я вполне сознаюсь, что мы поступили довольно необдуманно, даже [не] осмотрели всего один раз и не условились в контракте, и потому могут найтись какие-нибудь важные неудобства и даже, может быть, наемка разойдется. – Маменька едет завтра на ночь или послезавтра в Москву, чтоб все устроить. – Хорошо, если б не нужно было бы дальнейших хлопот и поисков, которые, конечно, утомительны, я еще себя берегла, а Любенька очень устала. Дом этот на углу Арбата и Афанасьевского переулка» [9. Сигн. 10622. Л. 165 об. – 166]. *29 сент.:* «В понедельник, т.е. 26-го, гости наши разъехались, и в тот же день вечером маменька с сестрами уехала в Москву, чтоб решить с домом. Сегодня получили известие, что маменька отказалась от дому, особенно по причине контракта, на который невозможно согласиться. Это особенно жаль, потому что маменьке предстоит вновь хлопоты отыскивать дома, а теперь и погода испортилась. Как-то Бог поможет нам устроиться при наших постоянных нездоровьях, это вещь важная» [9. Сигн. 10622. Л. 170 об.]. *6 окт.:* «У нас всё идут толки и толки о переезде в Москву, об домах. Маменька воротилась во вторник к нам с сестрами. – Увы, [наш] мы с Константином были осмеяны за нашу наемку дома. Маменька нашла его неудобным, особенно по поводу контракта, и отказалась от него даже с потерей задатка. Впрочем, если мы найдем дом на полгода теперь, то не будем в убытке. Маменька еще не решилась ни с одним домом, а привезла нам сюда несколько планов. Через неделю надобно будет выбрать один из них; впрочем, наемщиков мало вообще и потому они не уйдут от нас» [9. Сигн. 10622. Л. 175–175 об.]. *13 окт.:* «Мы всё еще не решились с домом. Маменька с Константином опять поехали в Москву, завтра ожидаем известия более определенного. Как скоро можно

будет, отесенька и мы все переедем. Но с неделю, вероятно, еще останемся здесь, сама не знаю, куда тебе посоветовать адресовать письма; мне хотелось бы поскорее получить от тебя известие» [9. Сигн. 10622. Л. 179–179 об.]. 26 окт.: «Не успела даже сообщить тебе нашего адреса, отесенька собирался переехать еще в воскресенье, но было получено от маменьки письмо, что дом еще не готов, и потому отложил до вторника, сперва я собиралась с отесенькой, но у Машеньки возобновилась лихорадка и отесенька решил взять ее, во вторник опять письмо от маменьки, чтоб отложить переезд отесеньки еще дня на два, и так опять должно было остаться, вот почему мы не писали так долго, потому что думали послать из Москвы. <...> Маменька наняла дом в Денежном переулке у Покрова в Лёвшине, дом Пфеллера, бывший Козакова, место довольно далекое, близко Пречистенка, но дом, говорят, довольно удобный и недорогой. Мы будем ждать здесь приезда маменьки и переедем не прежде, вероятно, как на будущей неделе» [9. Сигн. 10622. Л. 181 об. – 182, 182 об.].

(Благодарю А.П. Дмитриева за возможность публикации предоставленных им фрагментов писем.)

1855. 23 нояб., среда, Бендеры. – Письмо Аксакова к родным. «Вот и опять Бендеры, откуда я писал вам в ноябре же месяце, равно семь лет тому назад...» [16, 400].

1856. «В марте 1856 года, при первом известии о мире, он бросил дружину и возвратился в Москву...» «...в мае того же года был приглашен князем Виктором Васильчиковым принять участие в следственной комиссии, назначенной по делу о злоупотреблениях интендантства во время войны. Вследствие этого он отправился в Крым, но, не дождавшись конца комиссии, он в декабре 1856 года возвратился в Москву» [2, с. 33].

1856. 1 июня – 6 дек. – 22 письма написаны Аксаковым во время пребывания в комиссии князя В.И. Васильчикова по расследованию интендантских преступлений во время Крымской войны [Впервые: 23, 245–308; 16, с. 619].

1856. 2-я пол. дек. – 1857 г., нач. марта. Москва. – «На этот раз Аксаков не праздно провел в Москве три месяца: он успел наконец расквитаться с Географическим обществом и дописал свой отчет об исследовании украинских ярмарок и сам повез его в Петербург» [25, с. 3].

1856–1857. Зима и весна. Москва. – Арбат, 24, в доме Дребуша (дом перестроен). Здесь Аксаковы жили, вероятно, зиму и весну 1856–1857 гг. В мае 1857 г. навестить главу семьи приезжал Ф.И. Тютчев [1, с. 489].

1857. 13 марта. Петербург. – 10 сент. Прага. – Аксаков впервые отправился за границу, побывал в Польше, Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Англии (Варшава, Дрезден, Штутгарт, Мюнхен, Париж, Виши, Марсель, Париж, Флоренция, Рим, Неаполь, Венеция, Берн, Цюрих, Остенде, встреча с А.И. Герценом, Вена, Прага). Точной даты возвращения не установлено.

1857. Осень, после 10 сент. Москва. – Вернувшись из-за границы, Аксаков поселился в Москве в своем семействе и не расставался с ним более двух лет, а потому за это время и нет семейной переписки [25, с. 33].

1857–1858. Москва. – Тверской бульвар, 24. В этом доме С.Т. Аксаков жил с семьей зиму 1857–1858 гг. [1, с. 489].

С 1858. Москва. – Моховая ул., 11. Здесь с 1811 г. происходили заседания старейшего общества – Общества любителей российской словесности при Московском Императорском университете [1, с. 494].

1858. Авг. Москва. – Письмо Аксакова к В.И. Ламанскому. «Мой адрес: Ивану Сергеевичу Аксакову, в Москве, на Тверском бульваре, в доме княгини Юсуповой» [27, № 9, с. 1–2].

1858–1859. Осень – весна. Москва. – Малый Кисловский пер., 6. Зиму 1858–1859 гг. Аксаковы жили в этом последнем пристанище главы семьи [1, с. 489].

1858. Около 9 сент., вторник. Москва. – Письмо Аксакова к П.И. Барте-неву. «Мой адрес – или просто Р. Беседа, или в дом княгини Голицыной у Никитских ворот, на Никитской, а адрес наших на Малой Кисловке, дом Пучковой¹» [28].

¹ Этим домом на Никитской в тот период владела кн. Александра Павловна Голицы-на (урожд. гр. Кутайсова; 1804–1881).

1859. 26 окт., понедельник. Москва. – Письмо Аксакова к И.С. Тургене-ву. «Мой адрес в конторе *Русской Беседы*, на Никитской, в доме княгини Го-лицыной, на дворе во флигеле (я там и живу); а адрес наших – в Гнездинов-ском переулке (рядом с Леонтьевским), дом Нилуса» [см.: 20, с. 147–149].

1859. 29 дек., вторник. Москва. – Письмо Аксакова к М.П. Петровскому. «Через неделю я уезжаю за границу, где пробуду месяцев восемь. Посещу славянские земли и познакомлюсь со всеми моими корреспондентами. Те-перь мой адрес Вам: Deutschland, Heidelberg, Herr Johann Aksakoff, poste restante <Германия, Гейдельберг, Господину Ивану Аксакову, до востребова-ния (нем., франц.)>» [см.: 18, с. 430–435].

До 1860. Москва. – Собачья площадка (Композиторская ул., 7). Дом А.С. Хомякова. Здесь часто бывали братья К.С. и И.С. Аксаковы. Ныне дом не существует [1, с. 492].

1860. – «Аксаков в начале 1860 года уехал за границу и посетил славян-ские земли. В конце 1860 года он был уже в Москве, куда привез тело своего старшего брата, умершего на острове Занте» [2, с. 33].

1860. 4 янв., понедельник. – Аксаков выехал из Москвы [25, с. 34]. Да-лее: Лейпциг, Гейдельберг, Мюнхен, Вена, Клагенфурт, Любляна, Триест, Черногория, Рагуза, Хорватия, Загреб, Белград, Вена, Веве, Вена, Триест, остров Занте, Вена. Возвращение в Россию.

1860. 13 мая, пятница, Москва. – Письмо К.С. Аксакова к Н.С. Сохан-ской. «Адрес наш теперь: В Леонтьевский переулок, дом Занден» [см.: 29, № 3, с. 155–157].

1860. 20 дек. / 1 янв., вторник, Вена. – Письмо Аксакова к Ф. Боденштедту. «Я возвращаюсь с телом брата в Россию и прибыл уже в Вену, где я остановился на несколько дней, чтобы привести в порядок мою историю. <...> В настоящее время адрес мой следующий: Русскому священнику Михаилу Раевскому, Вена. Для передачи г. Аксакову» [1, с. 404–405].

1861. 1 янв., воскресенье. Москва. – Гроб с телом К.С. Аксакова в сопровождении Г.С. Аксакова прибыл по железной дороге в Москву к 8 часам вечера [25, с. 217]. – 2 янв. – Аксаковы, проехав через Петербург, добрались до Москвы в 8 часов утра в понедельник [25, с. 215, 217].

1861. Москва. – Леонтьевский пер., в доме Занден. Здесь, «на квартире г. Томашевского», Аксаков жил недолго с начала января 1861 г. [1, с. 490].

1861. 9 янв., понедельник, М. – Письмо Аксакова к М.Ф. Раевскому. «...мой адрес: в *Леонтьевском переулке, в доме Занден, на квартире г. Томашевского*¹» [см.: 25, с. 216–220].

¹ Это квартира Глеба Егоровича Томашевского и его жены Марии Сергеевны, урожд. Аксаковой.

1861. Москва. – Малая Никитская, дом Гусева (бывший дом барона Корфа). Сюда Аксаков поселился в конце января 1861 г. и жил <...> с матерью и тремя сестрами. Этот адрес Аксаков сообщил Ф. Боденштедту 28 января 1861 г. [1, с. 490].

1861. 28 янв., суббота, Москва. – Письмо Аксакова к М.Ф. Раевскому. «...наш новый обстоятельный адрес: в *Москву, на Малой Никитской, дом Гусева, бывший барона Корфа*» [см.: 25, с. 220–221].

1861. 3–4 сент., с воскресенья на понедельник, Москва. – Письмо Аксакова к <Н.М. Павлову>. «Вот Вам наш и мой новый адрес, тут же помещается моя контора: на Спиридоновке, в доме Вечеслова» [см.: 25, с. 178–179].

1861. 20 сент., среда, Москва. – Письмо Аксакова к М.Ф. Раевскому. «Вот Вам наш новый адрес: *На Спиридоновке, в доме Вечеслова*, или просто в редакцию газеты “День”» [см.: 25, с. 239–240].

1862. Лето. Москва. – Спиридоновка, в доме Вечеслова (ул. А.Н. Толстого, 25). Дом не сохранился. Здесь летом 1862 г. Аксаков снимал квартиру вместе с матерью и сестрами [1, с. 490].

1862. Москва. – Спиридоновка, дом Мазаровича (улица А.Н. Толстого, 8). Дом не сохранился [1, с. 490].

1862. 1 окт., понедельник. – Письмо Аксакова к М.Ф. Раевскому. «Мы переехали на новую квартиру: на той же Спиридоновке, дом Мазаровича – славный, поместительный дом. Впрочем, мой самый лучший адрес – в редакции “Дня”» [см.: 25, с. 249–250].

1864. 23 нояб., понедельник, Москва. – Письмо Аксакова к Н.С. Соханской. «Мой новый адрес: на Никитской, в доме князя Воронцова» [см.: 29, № 8, с. 511–513]. Большая Никитская, дом Воронцова (улица Герцена, 1). Дом перестроен [1, с. 490].

1865. 13 июня – 26 июля. – Путешествие Аксакова вместе с сестрой Софьей по Волге, Дону, Азовскому и Черному морям, по черноморскому побережью, далее до Киева и оттуда до Москвы (Казань, Симбирск, Самара, Саратов, Царицын, Ростов-на-Дону, Таганрог, Керчь, Ялта, Ливадия, Гурзуф, Алушта, Кучук-Узень, Симферополь, Бахчисарай, Севастополь, Балаклава, Георгиевский монастырь, Байдары, Алупка, Мисхор, Симферополь, Екатеринослав, Кременчуг и по Полтавской губернии в Хорол, Лубны, Пирятин, Переяславль, наконец, станция Бровары, Днепр, Киев, Москва). Путешественники вернулись в Москву вечером 26 июля 1865 г.

1865. 29 июля, четверг, Москва. – Аксаков отправился в Петербург и на этот раз брак его с А.Ф. Тютчевой был окончательно решен [25, с. 342].

1865. 15 авг., воскресенье, Москва. – Письмо Аксакова к А.Ф. Тютчевой. «Абрамцево полторы версты от Хотькова монастыря и 3 версты от своего прихода, Ахтырской Божьей матери в селе Ахтырке, князя Петра Ивановича Трубецкого (родного брата обергофмейстера). Тут в Ахтырке всегда живут Трубецкие и Лопухины, правда весною и летом только, но наезжают и зимой. Соседом нашим Путьята, Ник<олай> Вас<ильевич>¹» [см.: 1, с. 335–337].

¹ Путьята Николай Васильевич (1802–1877) – владелец села Муранова; его дочь Ольга (1840–1920) стала женой (27.4.1869 г.) сына Ф.И. Тютчева Ивана (1846–1909).

1865. 30 авг., понедельник, Москва. – Письмо Аксакова к Н.С. Соханской. «Пожалуйста, отвечайте мне поскорее, адресуя письмо на новую мою квартиру: в Старом Газетном переулке, в доме Игнатьева» [см.: 29, № 9, с. 24–25].

1866. 12 янв. Москва. – Поварская ул., 52. Церковь Филиппа Митрополита в доме графини Е.Ф. Соллогуб. В этой домово́й церкви 12 января 1866 г. венчались Аксаков и А.Ф. Тютчева [1, с. 485]. – По другим данным бракосочетание Аксакова и А.Ф. Тютчевой состоялось в церкви Егория на Всполье, что на Малой Никитской [25, с. 343].

1866. Москва. – Газетный пер., 5, дом Игнатьевой (дом перестроен). Сюда после венчания 12 января 1866 г., в снимаемую Аксаковыми квартиру, где жила Ольга Семеновна с дочерьми, отправились Аксаков и А.Ф. Аксакова со свидетелями и гостями [1, с. 491].

1866. Янв. – нач. окт. – Сразу же после свадьбы Аксаков увез жену в Абрамцево.

1866. 15 февр., вторник, Абрамцево. – Письмо Аксакова к М.П. Петровскому. «С. Абрамцево, по Троицкой жел<езной> дороге¹. – Мой адрес, впрочем, старый, т.е.: в Москву, в Старый Газетный переулок, в дом Игнатьева²» [18, с. 448–450].

¹ Движение по Троицкой, точнее Московско-Троицкой, железной дороге, организатором строительства которой стал приятель Аксакова Ф.В. Чижов, было открыто в 1862 г. (длина магистрали составляла 66 верст). Поместье Аксаковых Абрамцево, расположенное в 12 верстах от Троице-Сергиевой лавры, находилось близ станции III класса Хотьково.

² Этот дом – № 5 по Старому Газетному (ныне Газетный) переулку – сохранился, но в значительно перестроенном виде. Дом принадлежал действительному статскому совет-

нику Николаю Дмитриевичу Игнатьеву (1809–1873), члену Судебной палаты, почетному мировому судье, гласному потомственных дворян в Городской общей думе

1866. 13 окт., четверг. – Письмо Аксакова к М.Ф. Раевскому. «Мой адрес теперь в Москве: на Малой Дмитровке, дом Ладыженского, а маменька с сестрами на днях переезжают, в двух шагах от меня, в Дегтярный переулок, в дом Шиловского, квартира № 10. <...> Еду нынче в Петербург, чтобы получить официальное дозволение. Объявление о газете выйдет к 1 ноябрю» [см.: 25, с. 260–262].

1866. 18 окт., вторник, Петербург. – Письмо Аксакова к Н.С. Соханской. «Мы с Анной переехали в начале октября из Абрамцева в *Москву, на Малую Дмитровку, в дом Ладыженского*» [см.: 29, № 10, с. 415–416].

1866. 22 окт., суббота, Петербург. – Письмо Аксакова к И.К. Бабсту. «Если Вы напишете мне в понед. или даже во вторник, то письмо Ваше меня еще застанет. Адресуйте в Петербург, в Гостиницу Франция, ход с Мойки, № 63» [30, с. 229–230].

1867. Москва. – Ружейный пер., на месте нынешнего дома 2. Здесь летом 1867 г. Аксаков и А.Ф. Аксакова снимали одну из первых своих семейных квартир [1, с. 491].

1867–1868. Москва. – Большая Дмитровка, дом Хлудова (Пушкинская ул., 7, во дворе). На этой квартире у Аксакова размещалась и редакция газеты «Москва» (1867–1868). Здесь у А.Ф. Аксаковой случились неудачные роды в октябре 1867 г. [1, с. 491].

1868. Кунцево. – На весну и лето 1868 г. Аксаковы сняли дачу в Кунцеве [1, с. 491].

1869. Около 6 янв., понедельник. Петербург. – Аксаков приехал в Петербург по вызову Ф.И. Тютчева, чтобы опротестовать представление о запрещении «Москвы», с которым А.Е. Тимашев вошел в 1-й Департамент Сената [31, с. 400].

1869. 7 июня, суббота, Петербург. – Письмо Ф.И. Тютчева к А.Ф. Аксаковой. Письмо адресовано в Симбирскую губернию, где в это время находились супруги Аксаковы. «...милая дочь, я так хотел бы, чтобы твой муж и ты, вдоволь насладившись степью до июля, *осуществили* ваш план поездки в Овстуг, чтобы оттуда всем вместе направиться в Киев¹» [См.: 32, с. 379–380].

¹ В конце июля – начале августа 1869 г. Ф.И. Тютчев совершил поездку в Киев без Аксаковых.

1869. 26 окт., воскресенье. Москва. – Письмо И.С. Аксакова к Д.А. Оболенскому. «Мой адрес в Москве: На Моховой, рядом с музеем, дом Воейковой» [9. Ф. 3. Оп. 2. № 30. Л. 91 об.; за информацию благодарю Д.А. Бадаляна].

1870. Москва. – Новый Арбат, 12 (дом перестроен). Здесь жили И.С. и А.Ф. Аксаковы. См. письмо Ф.И. Тютчева к жене от 20 сентября 1870 г. [1, с. 491].

1871. 9 марта, вторник, Москва. – Письмо Аксакова к Н.С. Соханской. «Мой адрес, многоуважаемая Надежда Степановна: на Воздвиженке, дом Азанчевского» [см.: 29, № 11, с. 13].

1872. – И.С. Аксаков. «Памятная книга для записи распоряжений по Турову» [9. Ф. 3. Оп. 1. № 60. 73 л.]. – Из письма Н.С. Соханской к Аксакову от 25 апреля 1872 г.: «...из вашего письма я вижу, что вы купили уже ваше новое Турово» [см.: 29, № 11, с. 13–18].

1873. Село Турово. – Это село расположено в 26 км к востоку от г. Серпухова, на левом берегу Лопасни, в 4 км от ее устья. Здесь летом 1873 г. А.Ф. Аксакова снимала дачу¹ [1, с. 491–492].

¹ Уточним: эту дачу Аксаковы купили в 1872 г.

1873. 18 сент., вторник, с. Турово. – Письмо И.С. Аксакова к М.Ф. Раевскому. «Вы меня упрекаете в бездействии. Упрек не вполне справедлив, особенно в отношении к нынешнему лету: я должен был отправиться за Волгу, в свое имение, – должен был по случаю болезни, а потом и смерти Феодора Ивановича Тютчева два раза приезжать в Царское Село и прожить там около 6-ти недель; наконец должен был заступать временно должность Ф.В. Чижова по его званию председателя в Обществе Взаимного Кредита (сам он уезжал в Киевскую губернию лечиться). Жена живет в деревне, которую она купила в Серпуховском уезде, верст 30 от железной дороги, и я был в постоянных разъездах между Москвой и Туровом. Турово – так зовется наше деревенское убежище. <...> Адресуйте мне в г. Серпухов, чрез Москву, И.С. Аксакову» [25, с. 265–267].

1874. Конец зимы – весна. Турово. – Конец зимы и всю весну он <Аксаков> упорно писал в уютном каменном двухэтажном особнячке, в небольшом имении Турово, близ Оки, купленном недавно женой. Даже при его огромной трудоспособности книга <о Ф.И. Тютчеве> продвигалась тяжело [33, с. 46]. Книга о Ф.И. Тютчеве была окончена Аксаковым весной.

1875. 11 мая, воскресенье, Кунцево. – «Одиннадцатое проводится у Аксакова в Кунцеве» [34, с. 17].

1875. 21 сент., воскресенье. – Письмо Аксакова к кн. В.А. Черкасскому. «Кстати наш новый адрес: у *Арбатских ворот, Филипповский переулок, дом Скородумова*» [см.: 35, с. 145–147].

1877. 13 янв., четверг. – Письмо Аксакова к Ф.М. Достоевскому. «Покорнейше прошу высылать мне “Дневник писателя”, начиная с 1-го № в течение всего 1877 года по следующему адресу: Москва. Ивану Сергеевичу Аксакову. Филипповский переулок, дом Скородумова» [36, с. 352, 361].

1877. 28 июля, четверг, Тырново. – Письмо кн. В.А. Черкасского к Аксакову. «Не знаю, дорогой мой Иван Сергеевич, где застанет Вас это послание: в городе ли, или в Кунцеве, или у Хвошинских, или, пожалуй – Вы уехали куда-нибудь в Киев к своим» [см.: 35, с. 182–185].

1878. 29 июля – 13 дек. Варварино. – Ссылка Аксакова в Варварино Юрьевского уезда Владимирской губернии в имение сестры его жены, фрейлины Екатерины Федоровны Тютчевой.

1878. 5 авг., суббота, с. Варварино. – Письмо Аксакова к В.Ф. Пуцковичу. «...мой новый адрес: “Владимирской губ., город Юрьев-Польской, село Варварино”. Здесь обязан я пребывать “впредь до особого распоряжения”» [см.: 37, с. 139–140].

1879. 19 янв., пятница, Москва. – Письмо Аксакова к Т.И. Филиппову. «Мой адрес – или в Общ<ест>во Взаимного Кредита, или на Малую Никитскую, дом Княгини Урусовой» [38, с. 141–143].

1879. 7 мая, понедельник. – Письмо Аксакова к Н.П. Гилярову-Платонову. «Я уже переехал на дачу в Старбеево, около Химок, но бываю 4 раза в неделю в Москве...» Село Старбеево – дачное место неподалеку от Химок [1, с. 492].

1879. 23 сент., воскресенье, Москва. – Письмо Аксакова к Н.Н. Страхову. «Мой адрес: Москва, Малая Никитская, дом кн. Урусова» [см.: 39, с. 41–42].

1880. Москва. – Незадолго до начала издания <газеты «Русь»> Аксаков снял новую квартиру в доме Розановой на Спиридоновке (ныне улица А.Н. Толстого; само здание, находящееся на участке дома № 8, до нашего времени не сохранилось; с мая 1881 г. здесь же разместились редакция и контора «Руси»). Любопытно, что в этом же доме он жил более двух лет во время издания «Дня». Совпадение это показалось издателю «Руси» примечательным, и он не преминул сообщить о нем одному из авторов его прежней газеты Н.С. Соханской: «В этом доме, в 1863 и 1864 г. я жил с матушкой и сестрами и издавал “День”; теперь опять судьба привела в нем жить с нынешней осени и так же издавать, но жить в верхнем этаже, которого в те времена надстроено еще не было» [см.:40, с. 33–34].

1880. 23 сент., Москва. – Письмо Аксакова к Г.П. Галагану. «Все лето я мыкался между дачею, где жила жена, и Москвою, куда должен был ездить дня четыре в неделю. <...> Жена моя окончательно переехала с дачи. Мы теперь на новой квартире: Спиридоновка, дом Розанова» [см.: 41, с. 151–153].

1880. 14 окт. – Письмо Аксакова к О.А. Новиковой (Киреевой). «Мы теперь живем на новой квартире: Спиридоновка, дом Розановой, у Ник<итских> ворот» [см.: 41, 155–156].

1884. 2 окт. – Письмо Аксакова к А.С. Суворину. «Я теперь поместился отдельно и от Конторы “Руси” даже довольно далеко – вследствие разных гигиенических соображений в виду болезни моей жены. Вот перевозка в этот дом с дачи и устройство наше там и заняли это последнее мое время... <...> Мой новый адрес: Пречистенка, против церкви Троицы в Зубове, дом Ребиковой» [42, с. 18–20].

1885. 7 марта – 1-я пол. мая. – И.С. и А.Ф. Аксаковы жили в Ялте.

1885. 15 марта, Ялта. – Письмо Аксакова к С.Ф. Шарапову. «Мы здесь устроились хорошо, на даче – за чертой города, но у самого города, так что от меня до противоположного конца города всего каких-нибудь 35 минут» [43, с. 158].

1885. 4 и 9 июня, Спасское. – Письмо Аксакова к Н.Н. Страхову. «Мой адрес пока: в редакцию “Руси”; я живу на даче, в селе *Спасском на Сетуни*¹, 10 верст по Смоленскому шоссе, но раза два-три в неделю езжу в Москву. Ко мне можно и по железной дороге (Московско-Брестской) до *Кунцова*; если дадите знать, вышлю на станцию экипаж» [см.: 39, с. 141–143].

¹ Спасское на Сетуни, или Спасское Манухино – старинная усадьба и село, названные по церкви Спаса (XVII в.), на реке Сетунь, правом притоке реки Москвы.

1885. 21 сент., Москва. – Письмо Аксакова к Н.Н. Страхову. «Мой адрес: Пречистенка, против Храма Христа Спасителя, дом кн. Голицына¹» [см.: 39, с. 146–147].

¹ Аксаковы снимали квартиру на территории большой городской усадьбы на углу Волхонки, 14 и Малого Знаменского переулка, принадлежавшей гвардейскому полковнику князю С.М. Голицыну. Это последний адрес, по которому проживал Аксаков. В настоящее время здесь располагается Институт философии РАН. 29 июня 2004 года на фасаде этого дома была торжественно открыта мемориальная доска: «В этом доме в 1885-1886 гг. жил, работал и 27.01.86 г. умер знаменитый русский мыслитель и публицист ИВАН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ (1823-1886)».

Уточнение: с 1.10.2015 г. Институт философии РАН начал работу в новом здании по адресу: ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

1886. 31 янв., пятница. Москва. – «Похоронная процессия сама собой превратилась в величайшую общественную манифестацию; за гробом Аксакова шла вся Москва, в лице представителей всех классов московского населения, а самый гроб от университетской церкви до Ярославского вокзала несли на руках университетская молодежь» [1, с. 264–265].

Ивана Сергеевича Аксакова похоронили в Троице-Сергиевой Лавре.

P.S. «После смерти своего мужа А.Ф. Аксакова пожелала, чтобы часть обстановки московского кабинета Аксакова хранилась в мурановском доме ее брата Ивана Федоровича» [44, с. 54]. «Аксаковская комната. В этой угловой комнате второго этажа находится кабинетная мебель, часть библиотеки и личные вещи И.С. Аксакова... <...> В центре – письменный стол Ивана Сергеевича, а у окна – его конторка, за которой он много часов работал стоя. В книжном шкафу Аксаковской комнаты хранятся книги, журналы, газеты и различные славянофильские издания. <...> В комнате несколько фотографических портретов Ивана Сергеевича и его жены...» [45, с. 32].

Литература

1. Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И.С. Аксакове. Венок И.С. Аксакову. Москва И.С. Аксакова (путеводитель) /

Сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мирь, 2006. 512 с.

2. <Автобиография И.С. Аксакова> // Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 31–34.

2а. Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877. Уфа: Китап, 2002. 432 с. – Это переиздание справочника «Уфимская губерния. Список населенных пунктов по сведениям 1870 года. СПб., 1877».

3. Кошелев В.А. Век семьи Аксаковых: повествование // «Север». Петрозаводск, 1996. № 1. С. 61–122; № 2. С. 93–132; № 3. С. 60–114; № 4. С. 79–118.

4. Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. Машинского. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. 811 с.

5. Манн Ю.В. Семья Аксаковых: историко-литературный очерк. М.: Дет. лит., 1992. 384 с.

6. Анненкова Э.А. Императорское Училище правоведения. СПб., 2006. 384 с.

7. Шенрок В.И. Аксаков и его семья: Биографический очерк // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 10, отд. 2, с. 335–418.

8. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: в 3 т. Т. I. Письма 1844–1849 гг. М., 2003. 560 с.

9. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

10. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

11. Аттестат о службе надворного советника Ивана Сергеева сына Аксакова, С. Петербург 2 июня 1851 года // Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (РГАЛИ). Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2–3. Аттестат представляет собой рукопись на гербовой бумаге.

11а. Формулярный список о службе И.С. Аксакова. Подлинник. 2 мая 1849 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 131. 5 л.

12. Иван Сергеевич Аксаков. Письма к родным. 1844–1849 / издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. 704 с.

13. Пахомов Н. Абрамцево. М.: Московский рабочий, 1969. 256 с.

14. Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб.: Наука, 1998. 365 с.

15. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1888. Т. I. Письма 1839–1848 гг. [2], 466, 100, [1] с.

16. Иван Сергеевич Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 654 с.

16а. Стародуб К. Дом Аксаковых, филиал Государственного Литературного музея // Справочник-путеводитель «Все музеи Москвы» / Гл. ред. Ю. Пищулин, ред.-сост. Е. Галкина. М.: Издание журнала «Мир музея», 1997. С. 189–190.

17. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1888. Т. II. Письма 1848–1851 гг. [4], 409, [1], 56 с.
18. «...Вы очень мне нужны здесь, нужны т.е. „Русской беседе“». (Переписка И.С. Аксакова с М.П. Петровским (1858–1866) / вступительная статья, публикация и комментарии А.П. Дмитриева // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2011. С. 398–450.
19. Кошелев В.А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. 380 с.
20. Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. С введением и примечаниями Л. Майкова / (Отдельный оттиск из «Русского обозрения» 1894 г.). М.: Университетская типография, 1894. 152 с.
21. Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 221 с.
22. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. II. Письма 1849–1857 гг. М., 2004. 576 с.
23. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1892. Т. III. Письма 1851–1860 гг. [4], XXIV, 514, 166 с.
24. Аксакова В.С. Дневник: 1854–1855 гг. М.: ООО «Издательство АСТ; ООО «Издательство Астрель; ОАО «Люкс», 2004. 400 с.
25. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. III. Письма 1857–1886 гг. М., 2004. 608 с.
26. Лобанов М.П. С.Т. Аксаков. М.: Мол. гвардия, 2005. 354 с.
27. Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. № 9. С. 1–32; 1916. № 12. Отд. II. С. 85–114; 1917. № 2. С. 82–89; 1917. № 3–4. С. 56–70.
28. Русский Архив. 1912. № 12. С. 551–552.
29. Переписка Аксаковых с Н.С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. № 2–12.
30. Щукинский сборник. Вып. 10. М., 1912.
31. Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. М.: Наука, 1988–1989. Кн. 2. 1989. 708 с.
32. Тютчев Ф.И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. 574 с.
33. Чагин Г.В. История создания «Биографии Федора Ивановича Тютчева» // Иван Сергеевич Аксаков и его биография Федора Ивановича Тютчева. Комментарий. М.: АО «Книга и бизнес», 1997. С. 44–50.
34. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: в 2-х т. Т. 2. Ч. V–VII / подгот. текста и коммент. В. Туниманова и Н. Сухачева. М.: Худож. лит., 1984. 607 с.
35. Переписка И.С. Аксакова с кн. В.А. Черкасским (1875–1878) / подготовила И.В. Козьменко // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948. С. 132–199.
36. Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому: Публикация, вступи-

тельная статья и комментарии И.Л. Волгина // Известия Акад. наук СССР. Сер. лит. и языка. 1972, вып. 4, июль – август, том XXXI. С. 349–362.

37. Письма И.С. Аксакова к В.Ф. Пуцыковичу // На чужой стороне. V. Берлин, Прага, 1924. С. 129–157.

38. Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». I. Переписка И.С. Аксакова и Т.И. Филиппова (1870–1885) / вступ. статья, подгот. текста, коммент. О.Л. Фетисенко // Русская литература. 2006. № 1. С. 115–146.

39. И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка / составитель М. И. Щербакова. – Группа славянских исследований при Оттавском университете и Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2007. VIII, 192 с.

40. Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2010. 297 с.

41. Письма И.С. Аксакова периода основания им газеты «Русь» (сентябрь – октябрь 1880 года) / вступительная статья, подготовка текста и комментарии Д.А. Бадаляна // Русская литература. 2007. № 2. С. 139–157.

42. Письма русских писателей к А.С. Суворину / подготовил к печати проф. Д.И. Абрамович. Ленинград, Государственная публичная библиотека, 1927. С. 3–20.

43. Переписка И.С. Аксакова и С.Ф. Шарапова (1883–1886) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко // Русская литература. 2005. № 1. С. 149–179.

44. Белевцева Н.П. Книги, принадлежавшие Аксаковым, в мемориальной библиотеке музея-усадьбы «Мураново» // Аксаковские чтения. Материалы конференции 1983 года. Абрамцево, 1988. С. 53–62.

45. Перевезенцева Т. «Почтительно пройдем по комнатам пустым...» // Памятники Отечества: «Мураново» / Сост.: Т.А. Князева, Е.А. Потапова. М.: НО «Редакция альманаха «Памятники Отечества», 2003. № 58. С. 24–32.

Адресаты переписки (без внутрисемейной) и других документов И.С. Аксакова за 1839–1860 годы

См.: Адресаты переписки (без внутрисемейной) и других документов И.С. Аксакова за 1839–1860 годы / Сост. С.В. Мотин // Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2018. С. 525–643. – С. 527–530.

В 1888 г., приступая к публикации писем И.С. Аксакова, его вдова Анна Федоровна отмечала в Предисловии к первому тому этого издания: «Едва ли не самую интересную часть оставленных бумаг составляет громадная переписка самого Ивана Сергеевича с родителями, родными и друзьями, которая почти в целости сохранилась. Она обнимает пространство почти в полвека. По ней можно следить не только за личную жизнью и постепенным развити-

ем автора, за семейными обстоятельствами и служебными отношениями во время его молодости, за литературной и политической деятельностью зрелых его лет, – но в ней отражается, как в зеркале, та общественная среда, где протекала жизнь Ивана Сергеевича, и все великие исторические события внутренней и внешней жизни России, в которых Иван Сергеевич принимал постоянно сердцем и умом такое живое и деятельное участие» (*Аксаков в письмах*. Т. I. С. 4).

Переписку Аксакова, продолжавшуюся более 50 лет (1836–1886), можно разделить на две практически равные части: 1) 1836–1860 гг. и 2) 1861–1886 гг. Знаменательный для России 1861 год стал той вехой, которая разделила жизнь Ивана Сергеевича пополам: четверть века – *до* и еще четверть века – *после*.

Настоящий раздел обширного исследования «Адресаты переписки И.С. Аксакова (1836–1886)» содержит информацию о выявленных адресатах с 1839 по 1860 г. Он не включает внутрисемейный эпистолярный (обмен письмами с родителями, родными братьями и сестрами), так как он весьма объемный и требует отдельного изучения. Тем не менее, в предлагаемой росписи многократно используется информация из опубликованных писем Аксакова к родным и примечаний публикаторов к ним (см.: *Письма; Письма к родным (1, 2); Аксаков в письмах*) и приводятся цитаты из этого эпистолярного. Пояснительные примечания составителя к тексту процитированных писем даются курсивом в угловых скобках.

Помимо собственно переписки (в том числе таких ее жанров, как записки, телеграммы, рекомендательные письма, приписки к пересылаемым письмам других корреспондентов), в перечень включены следующие документы, адресованные каким-либо лицам: автографы сочинений, адреса, высочайшие выговоры, грамоты, дипломы, служебные доклады, донесения, доносы, записки в альбомах, записки докладные и ревизионные, заявления, дарственные надписи, объяснения, официальные отношения, отчеты, переписка с присутственными местами, высочайшие повеления, подписки (подписные листы), секретные поручения, поэтические послания или стихотворения в форме писем, посылки, предостережения, предписания, представления, официальные просьбы, прошения, рапорты, расписки, резолюции, уведомления, высочайшие указания, ходатайства, циркуляры.

Как правило, в росписи указывается, являются ли представленные документы: рукописными, печатными, архивными, черновыми, упоминаются ли они в письмах или других источниках, посланы по почте или переданы с оказией, не отосланы, перлюстрированы, не сохранились либо не обнаружены и др.

Описание отдельного письма производится в следующем порядке: сначала указывается год, затем число и месяц согласно юлианскому календарю (когда используется григорианский календарь, то одновременно помещается соответствующая дата по юлианскому календарю), затем называется день

недели (если он помечен в документе), далее обозначается место написания (отправления) письма, после тире указывается автор письма, затем новое тире и адресат письма, затем может быть цитата из письма или же пояснение к нему, потом в круглых скобках через точку с запятой перечисляются: место хранения письма, библиографические сведения о его первой публикации (в этом случае используется слово «впервые»), далее могут быть представлены сведения о последующих публикациях письма; наконец, может быть размещена информация о его частичном опубликовании (цитировании или пересказе) либо упоминании в научно-исследовательской литературе. Подобным образом описываются и комплекты писем (два и более): в этом случае после имени автора в круглых скобках сообщается количество его писем, а затем после тире – адресат посланий. Названия архивных документов даются, как правило, в той редакции, какая присвоена им в описях.

Помимо принятых в настоящем издании сокращений (см.: «Список сокращений»), используются традиционные библиографические сокращения, а при длинных заглавиях легко восстанавливаемые слова. В аннотациях (но не в названиях архивных документов и опубликованных работ), как правило, при датах в опускаются «г.» и «гг.», слово «письмо» подразумевается по смыслу либо сокращается до буквы «п.», фамилии адресатов сокращаются до заглавной буквы (за исключением фамилий на букву «А»), а имя главного героя – до «А.». При именах, как правило, не называются дворянские титулы и звания, священнические саны и т.п. Страницы, отсылающие к примечаниям или комментариям в какой-либо книге, выделены курсивом. Многие документы не датированы; если дата установлена в ходе исследования по содержанию письма, сообщениям в других источниках и др., она заключается в ломаные скобки, при этом помета «б. д.» (указываемая, когда дата не определена) не ставится.

В ходе подготовки данного раздела использовалось подготовленное нами издание: Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества / Под ред. С.В. Мотина. Уфа, 2009–2011. Вып. 1–3: <1823–1860>. Описание ряда архивных материалов, которые в ходе исследования не удалось просмотреть *de visu*, приведено по описям соответствующих архивохранилищ.

Сердечно благодарю Андрея Петровича Дмитриева за предоставленные многочисленные материалы и постоянную неустанную помощь в подготовке этого раздела. Также выражаю признательность научным сотрудникам архивов: Н.Н. Колесовой и Н.Н. Лавровой (РО ИРЛИ), Олесю Федоруку (Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины) и А.Г. Юшко (ОПИ ГИМ).

Адресаты – лица, ведомства, издания, общества и т.п.

А – М.В. Авдеев; С.А. Аксакова; Александр II; А.Н. Анненков; Л.И. Арнольди; Ю.К. Арсеньев;

Б – А.М. Байков; В.П. Балабин; М. Бан; П.И. Бартнев; Г.С. Батеньков; Р.А. Бахрахт; В.П. Безобразов; И.С. Беллюстин; П.А. Бессонов; М.П. Бестужев; П.А. Бестужев; А.Д. Блудова; Н.Д. Богатинов; Ф. Боденштедт; О.М. Бодянский; П.И. Бодянский; С. Боканович; Борисоглебский протопоп; П.А. Булгаков; Н.Х. Бунге; А.П. Бутурлин; Ф.А. Бюлер;

В – Н.П. Вагнер; Ф. Вагнер; П.А. Вакар; В.И. Васильчиков и его комиссия; И.Е. Великопольский; В.И. Веселовский; Г. Влайкович; А.Г. Влангали; А.В. Воейков; А.Т. Воейкова; А.П. Воскресенский; П.А. Вяземский;

Г – А. фон Гакстгаузен-Аббенбург; Г.П. Галаган; В. Ганка; Н.А. Гашуков; А.А. Гвоздев; А.И. Герцен; А.Ф. Гильфердинг; Н.П. Гиляров-Платонов; Н.В. Гоголь; М.И. Гоголь-Яновская; Государственное подвижное ополчение; В.В. Григорьев; С.С. Громека; Я.К. Грот;

Д – Г.П. Данилевский; М.Ф. Де-Пуле; Э.А. Дмитриев-Мамонов; И.М. Добротворский; П.В. Долгоруков; Ю.А. Долгоруков; Доминичини; М. Дражич; Л.В. Дубельт; «Дума», газ.;

Е – В.А. Елагин; Н.А. Елагин; А.П. Елагина; Е.И. Елагина; Елагины;

Ж – Ю.В. Жадовская; А.М. Жемчужников; Женев; Г.В. Жуковский; Н.М. Журавлев; «Журнал Министерства Внутренних Дел»;

З – С.И. Зарудный; А. Заусайлов; В.Р. Зотов; Н.И. Зуев;

И – Е. Игнатъев; И. Иллич; Императорское Русское географическое общество; Исследование украинских ярмарок;

К – К.Д. Кавелин; П.А. Капнист; М.М. Карниолин-Пинский; М.Г. Карташевская; Н.Г. Карташевский; Д. Карякин; В.Г. Квитка; И.В. Киреевский; Г. Киркович; Ев.П. Ковалевский; Ег.П. Ковалевский; В.Ф. Кожевников; Н.Ф. Козлянинов; В.А. Кокорев; А.И. Кошелев; О.Ф. Кошелева; И.И. Крашевский; А.И. Кропоткин; Н. Крстич; Н.Ф. Крузе; П.А. Кулиш; Я.А. Куприянов;

Л – В.И. Ламанский; Е.И. Ламанский; М.И. Лекс; А.И. Лилов; М.Н. Лонгинов; Н.В. Луженовский; Г.В. Львов;

М – Н.Я. Макаров; М.А. Максимович; А.В. Маркович; М.А. Маркович (Марко Вовчок); В.-А. Мацеёвский; В.И. Межов; Н.П. Мезенцов; П.И. Мельников; Г.В. Меркулов; А.И. Миклютин; Е.Ф. Миллер; В.А. Милютин; Н.А. Милютин; Министерство внутренних дел; Министерство Военное; Министерство народного просвещения; Министерство юстиции; П. Миркович; А. Мироненко; Михаил (Йованович), митрополит Сербский; «Моим друзьям...»; Д.В. Молчанов; «Московский сборник» (1852); Московский Славянский благотворительный комитет; М. С. Муханова;

Н – Н.И. Надеждин; Ф.Н. Наливкин; Николай I; В.Н. Никольский;

О – А.В. Оболенский; Д.А. Оболенский; Е.В. Оболенский; Р.А. Оболенский; Ю.А. Оболенский; Н.П. Огарев; В.Ф. Одоевский; Б.И. Ордынский; А.Ф. Орлов;

П – Н.М. Павлов; К.К. Павлова; И.И. Панаев; В.Н. Панин; В.А. Панов; «Пароход», газ.; «Парус», газ.; Л.А. Перовский; К.Д. Петкович; М.П. Петровский; П.А. Плетнев; М.П. Погодин; Н.Т. Погуляев; Я.П. Полонский; С.А. Поль; А.Н. Попов; Г.Д. Похитонов; «Присутственный день Уголовной Палаты», пьеса;

Р – Раевские, семья; М.Ф. Раевский; Н.Н. Раевский; А.В. Рачинский; Н.А. Ригельман; Рихтер; В.Г. Риль; К.О. Россет; А.П. Рославский-Петровский; «Русское Слово», журнал; П.Н. Рыбников;

С – П.А. Сазонов; М.Е. Салтыков-Щедрин; Ю.Ф. Самарин; А.И. Самбурский; Е.Д. Свербеева; И.Е. Селиванов; И.П. Серебренников; В.И. Серебренников; С.А. Серебренников; М.Т. Симонов; Н.М. Смирнов; А.О. Смирнова; И.Я. Соколов; С.И. Соколов; В.А. Соллогуб; С.М. Соловьев; Сомов; Н.С. Соханская (Кохановская); Староста из Троицкого посада; Ю.И. Стенбок-Фермор; Л.И. Степанова;

Т – В.И. Татаринов; А. Тикнотин; А.К. Толстой; Д.Н. Толстой; И.П. Толстой; М.И. Топильский; П.П. Травлинский; Е.В. Трехлетов; Н.И. Трубецкой; К.А. Трутовский; М.А. Тулов; А.И. Тургенев; И.С. Тургенев; Ф.И. Тютчев;

У – Ф.С. Унковский; В.А. Унтилов; А.П. Ушаков;

Х – М.А. Хитрово; П.В. Хлебников; А.С. Хомутов; А.С. Хомяков;

Ч – Е.А. Черкасская; В.А. Черкасский; Ф.В. Чижов;

Ш – Ф. Шабаев; И.Н. Шатилов; Н.И. Шаховской; С.П. Шевырев; К.В. Шейковский; Е.С. Шеншина; П.А. Ширинский-Шихматов; К.В. Широков; М. Шлёсингер;

Ю – М.В. Юзефович;

Я – Н.М. Языков; П.И. Якушкин.

Также смотри описание переписки И.С. Аксакова с А.И. Герценом, М.П. Погодиным и А.С. Хомяковым в 1850-е годы – в следующем разделе книги.

1850-е годы

Хроника жизни и творчества И.С. Аксакова в 1850-е годы

См.: *Мотин С.В.* Хроника жизни и творчества И.С. Аксакова в 1850-е годы // Аксаковский сборник. Вып. VI / Ред.-сост. Г.О. Иванова. Уфа, 2013. С. 123–133.

1850-е годы – это весьма насыщенное событиями срединное десятилетие в жизни и творчестве И.С. Аксакова [см.: 1]. Начало 1851 г. застаёт И.С. Аксакова (далее – А.) служащим при Министерстве внутренних дел в Ярославской губернии, где он находился в служебной командировке с мая 1849 г. [подр. см.: 2].

1851 г. – «Краткая записка о странниках или бегунах». Записка представляет собой извлечение из служебного донесения, поданного А. министру внутренних дел Л.А. Перовскому (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 73; Впервые: «Русский архив». 1866. № 4. С. 627-644. Издатель П.И. Бартенев).

19.2.1851 г. – А. направляет на имя министра внутренних дел графа Л.А. Перовского рапорт: «...я имею честь представить при сем Вашему сиятельству просьбу мою на Высочайшее имя об увольнении меня от службы по Министерству Внутренних Дел» [3, 207].

15.4.1851 г. – Письмо Гвоздева и Арсеньева к А.: «Министерство внутренних дел. Департамент общих дел министерства. Отделение 2. Стол 3. 15 апр. 1851. № 1514. Господину надворному советнику Аксакову. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 5-го текущего апр. № 67 Вы, согласно прошению, уволены от службы. О сем департамент общих дел министерства Вас извещает... Директор Гвоздев. Начальник отделения Арсеньев» [4, 476].

2.6.1851 г. «Аттестат о службе надворного советника Ивана Сергеева сына Аксакова, С. Петербург 2 июня 1851 года» (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 132) [5].

Лето 1851 г. – С.Т. Аксаков, К.С. Аксаков и А. ездили в свои имения после состоявшегося в Надёжине крестьянского бунта [4, 559; 3, 218].

Осень 1851 г. – Вернувшись осенью из поездки за Волгу, А. хотел искать для себя службу, но А.И. Кошелев сильно восстал против этого намерения служить и обещал найти для него деятельность. Деятельностью этой явилось издание журнала «Московский сборник», на который Кошелев дал свои деньги [3, 218]. А. составил проект первого номера “Московского сборника” [6, 109].

Октябрь 1851 г. – май 1852 г. – А. в Москве готовил к печати I том «Московского сборника» и наблюдал за печатанием «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова [4, 559].

А.: «В 1852 году он издал “Московский сборник”, том 1-й, и готовился уже издать 2-й том, но продолжение издания было запрещено, самая рукопись 2-го тома конфискована при Московском цензурном комитете [12, 32].

14.1.1852 г. – А. подал официальную просьбу о дозволении «Московского сборника» [3, 218].

22.1.1852 г. – А. начал печатать «Московский сборник» сразу в двух типографиях – у А. Семена и Л. Степановой [6, 110].

26.2.1852 г. – Письмо А. к И.С. Тургеневу. Пишет под впечатлением от смерти Гоголя. Письмо является своеобразным черновым наброском статьи А. «Несколько слов о Гоголе», помещенной в «Московском сборнике» [7, 18-20].

21.4.1852. – Вышла в свет первая книга «Московского сборника» [7а]. Купюры были сделаны в статье И.В. Киреевского, не было пропущено окончание статьи К.С. Аксакова [5, 111]. Здесь опубликованы: статья А. «Несколько слов о Гоголе» и его отрывки из 1-й части «Бродяги», очерка в стихах А. [7а, VII-XII, 383-427].

Май 1852 г. – А. приступил к составлению 2-го тома «Московского сборника», который должен был выйти к 1 октября (3, 219).

1.8.1852 г. – А. представил рукопись 2-го тома и Программу «Московского сборника» в Московский цензурный комитет [8, Приложение: 14-15]. Во 2-м томе 4 статьи А.: об общественной жизни в губернских городах, о ремесленном устройстве, о фабричных работах, об одном мирском приговоре [9, 235].

С августа 1852 г. по март 1853 г. последовало изучение рукописи: сначала в московской цензуре, потом в Главном управлении в Петербурге.

Зиму 1852–1853 гг. А. провел в Абрамцеве [3, 220].

1853 г. датировано предисловие А. к «Судебным сценам» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 69. 101 л.). См.: 6.9.1853 г.

23.1.1853 г. – Рукопись т. 2 «Московского сборника» вернулась из III отделения с резолюцией Л.В. Дубельта: дальнейшее издание сборника прекратить [10, 145-146].

3.3.1853 г. – В Главном управлении цензуры была решена участь «Московского сборника». Почти во всех материалах сборника (за исключением материалов А.И. Кошелева, С.Т. Аксакова, <Д.О.> Шеппинга и А.Н. Попова) было усмотрено «открытое противодействие правительству», а посему печатание рукописи 2-го тома было запрещено, как и продолжения, в чем с А. взяли подписку [6, 121].

В июне – июле 1853 г. А., приехав погостить в рязанское имение А.И. Кошелева Песочню, на досуге вел разговоры с хозяином, очень увлеченным в ту пору чтением Святых Отцов [11, 73].

Конец августа 1853 г. – А. отправляется в Петербург [4, 576]. Неудачная попытка кругосветного путешествия [см.: 3, 220-221].

6.9.1853 г. А. присутствовал на обеде в семействе Блудовых, в Павловске, куда был приглашен графиней А.Д. Блудовой – фрейлиной Императрицы Марии Федоровны. После обеда А. читал свои «судебные сцены», которые привели в восторг графа Д.Н. Блудова [4, 248].

22.11.1853 г. – ноябрь 1854 г. А.: «...Аксаков принял предложение Русского географического общества: описать торговлю на украинских ярмарках, – и отправился в конце 1853 года в Малороссию, где и путешествовал до конца 1854 года» [12, 32]. А. удалось через Штейнбока получить от РГО поручение отправиться на год в Малороссию для обозрения и описания главнейших украинских ярмарок. Обозрение должно было начаться с Сумской ярмарки, 22 ноября [3, 222].

Императорское РГО в собрании 30.10.1854 г. избрало Надворного советника А. своим Действительным членом (см.: Письмо официальное РГО к А. от 11.11.1854 г. с дипломом на это звание (№ 2026) и уставом общества // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 10).

18.11.1854 г. – Приезд А. в Абрамцево с обозрения Украинских ярмарок [13, 12].

Начало 1855 г. – март 1856 г. А.: «Вернувшись в Москву во время самого разгара войны, Аксаков добровольно вступил в ополчение, именно в Серпуховскую дружину, в начале 1855 года и вместе с дружиной совершил поход до Одессы, а потом в Бессарабию» [12, 32-33]. Штабс-капитан А. был квартирмейстером и казначеем Серпуховской дружины, ведал всем ее хозяйством: провиантом, амуницией, фуражом, оружием [8, 112].

11.4.1855 г. – А. прибыл в Серпухов и вступил в исправление должностей казначея и квартирмейстера [4, 346-348].

18.7.1855 г. – Выступление Серпуховской дружины № 111 в поход.

23.11.1855 г. – А., опережая дружину, прибыл в Бендеры [4, 400].

Март – 1856 г. – декабрь 1856 г. – А.: «В марте 1856 года, при первом известии о мире, он бросил дружину и возвратился в Москву, но в мае того же года был приглашен князем Виктором Васильчиковым принять участие в следственной комиссии, назначенной по делу о злоупотреблениях интенданства во время войны. Вследствие этого он отправился в Крым, но, не дождавшись конца комиссии, он в декабре 1856 года возвратился в Москву» [12, 33]. К комиссии В.И. Васильчикова А. был прикомандирован временно, т.к. официальный приказ об отставке его от службы в ополчении был издан только 29.9.1856 г. [14, 540].

31.5.1856 г. – Выезд А. из Москвы в Крым.

2-я половина декабря 1856 г. – начало марта 1857 г. – «На этот раз А. не празднично провел в Москве три месяца: он успел наконец расквитаться с Географическим обществом и дописал свой отчет об исследовании украинских ярмарок и сам повез его в Петербург» [15, 3].

После 13.3 – после 10.9.1857 г. – А. впервые отправился за границу, побывал в Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Англии.

До 8.8.1857 г. – Встреча с А.И. Герценом. В 1857-1861 гг. А. был одним из тайных корреспондентов А.И. Герцена.

Осень 1857 г. – А.: «Он хотел было в 1858 году взять на себя и продолжать издание газеты “Молва”, в которой брат его Константин был деятельным участником, но попытка эта не удалась...» [12, 33].

17.2(1.3).1858 г. – Поступила в продажу «Полярная звезда», книга IV. Здесь анонимно с предисловием Герцена была напечатана пьеса А.: «Самые достоверные записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, бывшим секретарем Правительствующего Сената, бывшем товарищем председателя Уголовной палаты, бывшим обер-секретарем Правительствующего Сената, бывшим чиновником Министерства внутренних дел» [16, 9-106].

28.2.1858 г. – Тютчева А.Ф.: «Вчера у меня был Иван Сергеевич Аксаков; это один из наших так называемых московских славянофилов» [17, 391]. Возможно, это была первая встреча будущих супругов.

15.3.1858 г. – Есть основания полагать, что пьеса «Русские в Париже в 1858 г.» («Колокол». 1858. Л. 11) также принадлежит перу А. [подр. см.: 18, 76-79].

29.3.1858 г. – Официальное разрешение на издание газеты «Парус» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 4363. Л. 5).

4.6.1858 г. – № 1050. Выписка из журнала заседания Совета 4 июня 1858 года: «§ 12. Доложено об окончании печатания исследования Действительного Члена И.С. Аксакова о торговле на украинских ярмарках. – Определено: 1) выдать И.С. Аксакову 200 экземпляров его сочинения; 2) назначить покупную цену книги в 3 руб. сер.» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 19: Материалы, относящиеся к деятельности И.С. Аксакова в РГО. Л. 5-6 об.) [см.: 19].

С июля 1858 г. – А.: «В половине 1858 года Аксаков принял на себя, но неофициально, редакторство журнала “Русская беседа” и выдал III и IV тома за этот год» [12, 33]. А.И. Кошелев возлагал на А. ответственность за «Беседу» только с IV-й книги (11, 138).

Август 1858 г. – Появилось печатное объявление об издании новой еженедельной газеты «Парус» [15, 33].

10.11.1858 г. – 114-е распорядительное заседание Общества любителей российской словесности. Общество пополнилось 17-ю новыми молодыми членами: братья Аксаковы, Бессонов, Берг, Гиляров-Платонов, Лонгинов, Катков, Островский, Миллер, Самарин... [20, 44; 21, 452].

1859 г. – А.: «Продолжая заниматься редакцией “Русской беседы”, Аксаков в этом 1859 году издал 6 томов этого журнала. Издатель А.И. Кошелев просил Главное управление цензуры дозволения передать Аксакову звание официального и ответственного редактора, но Главное управление нашло это “неудобным” и отказало» (12, 33). Всего А. как редактор подготовил и издал 8 томов журнала из 20-ти вышедших в течение 5 лет (1856-1860).

3 и 10.1.1859 г. – А.: «Получив дозволение, после долгих хлопот, издавать газету “Парус”, он в январе 1859 года выдал два №№ этой газеты, но на 3 № она была запрещена» [12, 33].

К весне 1859 г. для А. окончательно выяснилось, что ему лично не дано будет разрешение на новую газету... [15, 34].

30.4.1859 г. – В Москве в третьем часу утра в доме на Верхней Кисловке, близ Арбатской площади, скончался С.Т. Аксаков [22, 217].

Осень 1859 г. – А. предпринял попытку добиться разрешения на издание новой еженедельной газеты, которую намеревался назвать «Дума», но получил отказ. Одновременно А. написал письмо Александру II, прося дозволения издавать журнал или газету и уверяя в своей благонамеренности [23, 65-66].

А.: «Аксаков в начале 1860 года уехал за границу и посетил славянские земли» [12, 33], прежде прожив около 4-х месяцев в Германии.

4.1.1860 г. – А. выехал из Москвы [15, 34]. – И далее: Варшава, Лейпциг, Гейдельберг, Мюнхен, Вена, Марбург, Клагенфурт, Любляна, Триест, Цетинье, Река, Каттаро, Рагуза, Фиуме, Загреб, Белград, Нейзатц.

3.4.1860 г., Мюнхен. – Письмо А. к К.С. Аксакову о проекте славянофильской антологии на немецком языке [24, 301–310], которая вышла в свет спустя два года, благодаря усилиям А. и Ф. фон Боденштедта [см.: 25]. Кстати, К.С. Аксаков предлагал назвать это издание «Русские идеи».

20.8.1860 г. – Родные отправили К.С. Аксакова из Кронштадта на пароходе «Владимир» за границу к А. на лечение виноградом [см.: 26, 145].

22 или 23.8.1860 г. – А. встретил К.С. Аксакова в Штеттине [27, 97]. – И далее они перемещались уже вдвоем: Берлин, Дрезден, Лейпциг, Гейдельберг, Вена, Прага, Вена, Вена, Женева, Вена, Вена.

27.10.1860 г. – Маменька – О.С. Аксакова – выехала из Москвы к больному сыну Константину вместе с дочерьми Верой и Любовью [15, 505-506].

8.11.1860 г., Бреславль. – Встреча на вокзале А. с маменькой и сестрами [15, 506]. – И далее уже все вместе: Вена, Триест, остров Занте...

С 6 на 7 декабря 1860 г. – Кончина К.С. Аксакова на греческом острове Занте [см.: 15, 516-517]. – Ныне остров Закинф.

1.1.1861 г. – Гроб с телом К.С. Аксакова в сопровождении Г.С. Аксакова прибыл по железной дороге в Москву к 8 часам вечера [см.: 15, 217]. 2.1.1861 г. – Аксаковы, О.С., В.С., Л.С. и А., проехав через Петербург, добрались до Москвы в 8 часов утра [15, 215, 217].

Таким образом, на протяжении 1850-х гг. А. редактировал и издавал ряд славянофильских изданий: «Московский сборник» (1851-1852), журнал «Русская Беседа» (1858–1859), газету «Парус» (1859). В 1853-1854 гг. по поручению Российского географического общества А. исследовал украинские ярмарки. В 1855-1856 гг. штабс-капитан А. служил квартирмейстером и казначеем Серпуховской дружины № 111 Московского ополчения. Во 2-й половине 1856 г. – работал в составе комиссии князя В.И. Васильчикова. В

1857 и 1860 гг. А. совершил два заграничных путешествия по Западной Европе и славянским землям.

Литература

1. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 3: в 2 ч. 1851-1860 / под ред. С.В. Мотина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2011. – 304, 308 с.

2. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. <Вып. 2>. 1848-1851: Годы службы при Министерстве Внутренних Дел Российской Империи / под ред. С.В. Мотина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2009. – 175 с.

3. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг.: в 3 т. Т. II. Письма 1849-1857 гг. – М.: Русская книга, 2004.

4. Иван Сергеевич Аксаков. Письма к родным. 1849-1856 / издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 1994.

5. Мотин С.В. Аттестат о службе И.С. Аксакова, 2 июня 1851 года // Аксаковские чтения: материалы XI Всерос. научн. конф. Уфа, 2 окт. 2009 г. – Уфа: Вагант, 2009. – С. 82-90.

6. Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.

7. Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. С введением и примечаниями Л. Майкова. – М.: Университетская типография, 1894.

7а. Московский сборник. Том I. Сочинения: К.С. Аксакова, И.С. Аксакова, И.Д. Беляева, И.В. Киреевского, П.В. Киреевского, А.И. Кошелева, С.М. Соловьева, А.С. Хомякова. – Москва. В типографии Александра Семена на Софийской улице. 1852. – 448 с.

8. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. III. Письма 1851–1860 гг. – М., 1892.

9. Из переписки московских славянофилов (Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову) // Голос минувшего. – 1918. – № 1-3. – С. 231-249.

10. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1-22. – СПб., 1888-1910. – Кн. 12.

11. Коллюпанов Н.П. Биография А.И. Кошелева. Т. 2. – М., 1892. [Приложение восьмое. Переписка А.И. Кошелева с членами славянофильского кружка и И.С. Аксаковым. – С. 41-73].

12. <Автобиография И.С. Аксакова> // Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1960. – С. 31-34.

13. Аксакова В.С. Дневник: 1854–1855 гг. – М., 2004.

14. Иван Сергеевич Аксаков. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате / Вступ. ст., сост. и прим. Т.Ф. Пирожковой. – М.: Правда, 1991.

15. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. III. Письма 1857-1886 гг. – М.: Русская книга, 2004.
16. Полярная звезда. Кн. 4. – Лондон, 1858.
17. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники / пер. с франц. Л.В. Гладковой. – 3-е изд., доп. – М.: Захаров, 2004.
18. Дудзинская Е.А. Славянофилы на страницах герценовских изданий // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. – М., 1986.
19. Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. Труды Императорского русского географического общества. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.
20. Общество любителей Российской словесности при Московском университете: историческая записка и материалы за 100 лет. – М., 1911.
21. Кошелев В.А. А.С. Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. – М.: НЛЮ, 2000.
22. Летопись жизни и творчества С.Т. Аксакова / сост. В.В. Борисова, Е.П. Никитина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010.
23. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. – М., 1978.
24. План издания (Письмо И.С. Аксакова к К.С. Аксакову от 3 апреля 1860 г. о славянофильской антологии на немецком языке) <Публикация и комментарии А.П. Дмитриева> // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. – СПб., 2011.
25. Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1862. – Bd. I. XXVII, 314, <2> S.; Bd. II. 389 S. [Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии / Введение и издание Фридриха Боденштедта. Лейпциг: И.А. Ефрон, 1862. – Т. I. XXVII, 314, <2> с.; Т. II. 389 с.].
26. Из переписки Хомякова и Аксаковых (1852-1860) / Публикация и комментарии Т.Ф. Пирожковой // Хомяковский сборник. Т. 1. Томск: Издательство «Водолей», 1998.
27. Письма А.И. Герцена и Н.П. Огарева к И.С. Аксакову // Мурановский сборник. Вып. 1. Изд. Музея имени поэта Ф.И. Тютчева в Муранове, 1928.

Описание переписки И.С. Аксакова с А.И. Герценом, М.П. Погодиным и А.С. Хомяковым в 1850-е годы

См.: Адресаты переписки (без внутрисемейной) и других документов И.С. Аксакова за 1839–1860 годы / Сост. С.В. Мотин // Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии.

Адресаты / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2018. С. 550–554, 603–605, 631–634.

Александр Иванович Герцен (1812–1870), писатель, публицист, философ, журналист.

1857. 24 апр./6 мая. Париж. – А. – родным. «Я получил из Лондона предложение напечатать “Утро в Уголовной Палате” отдельным изданием, с именем или без имени; в Лондоне – Бог знает как – два экземпляра моей “Уголовной Палаты”. Но я не дал согласия» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 14). Однако в «Полярной Звезде» это сочинение появилось с полного согласия автора, которое А. дал Г. при личной встрече (см.: *Цимбаев*. С. 59–60).

1857. 16/28 окт. М-ва.; 1858; 1860. 4/16 апр. Мюнхен; 1860. 13/25 сент. Лейпциг; 1861. 7 июня. – А. (5) – Г. (РГБ. Ф. 69. П. IX. Ед. хр. 1–5. 9 л.; копии: ИРЛИ. Р. I. Оп. 5. Ед. хр. 23; впервые: *Вольное слово* (Женева). 1883. 1 мая. № 60. С. 4–7; *Konstantin Kawelin und Ivan Turgenjews Sozial-politischer Briefwechsel mit Alexander Jw. Herzen*. Stuttgart, 1894. С. 163–175).

1857. 16/28 окт. М-ва. – А. – Г. Письмо было как бы продолжением лондонских бесед (впервые: *Вольное слово*. 1883. 1 мая. № 60. С. 4–5). «Кому же из своих А. доверяет столь ответственную посылку (письмо и несколько журналов “Молвы” для Герцена)? Думаю, что известному славянофилу князю В.А. Черкасскому» (*Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды» // *Эйдельман Н.Я.* Свободное слово Герцена. М.: URSS, 2009. С. 71).

1857. Кон. нояб. – нач. дек. – Г. получил октябрьское послание А. (от 16/28 окт.), ибо использовал присланный в нем разоблачительный материал в статье «La regatta перед окнами Зимнего дворца» в № 6 «Колокола» (19 нояб./1 дек. 1857, см.: *Герцен*. Т. 13. С. 90–91). Получив п-мо, Г. с ответом не торопился и, не желая подвергать корреспондента опасности, дожидался okazji. Между тем А. представился случай отправить в Лондон новое послание, которое не сохранилось (*Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты... С. 72).

1857/1858. Ок. 30 дек./11 янв. – Г. получил 2-е п-мо от А., переданное Д.В. Каншиным, которое не сохранилось. В целом это п-мо понравилось Г. и Н.П. Огареву и еще более укрепило их блок с левыми славянофилами (Там же).

1858–1860. – Г. (9) – А.: 1858. 13/1 янв.; 1858. 26/14 февр.; 1858. 8 нояб./27 окт.; 1859. 17/5 июня; 1860. 31/19 янв.; 1860. 28/16 февр.; 1860. 28/16 апр.; 1860. 5 окт./23 сент.; 1860. 29/17 нояб. (см.: *Герцен*. Т. 26, 27/1).

1858. 13/1 янв. – 1 февр. / 20 янв. Путней. – Г. – А. Письмо А., на которое отвечает Г., неизвестно (впервые: *МГ*. 1908. № 8. С. 151–152; *Герцен*. Т. 26. С. 154–155, 402–403).

1858. Ок. нач. янв. – А. – Г. (впервые: *Вольное слово*. 1883. 1 мая. № 60. С. 5; см.: *Герцен*. Т. 26. С. 407). Также см.: <1858>. – А. – Г. Письмо без начала (РГБ. Ф. 69. П. IX. Ед. хр. 2. 1 л.).

<1858>. 26/14 февр. – <1861. Нояб.>. – Г. (4) – А. Письма от 26/14 февр. <1858> и <Нояб. 1861> – подлинники, остальные – машинописные копии (РГАЛИ. Ф. 129. Оп. 1. Ед. хр. 56. 5 л.).

1858. 26/14 февр. Путней. – Г. – А. «Письмо мое прождало нашего знакомого около двух месяцев... <...> Я тотчас отвечал (т.е. отвечал Кауф<ману>) после вашего письма, присланного через доктора» (автограф в РГАЛИ; впервые: *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем: в 22 т. Пг., 1925. Т. XXII. С. 114–115; *Герцен.* Т. 26. С. 161, 406–407). Напрасно прождав okazji около двух месяцев, Г. вместе с новым п. отправил и п. от 13/1 янв. По-видимому, «наш знакомый», которого пришлось дожидаться более двух месяцев, был все тот же В.А. Черкасский. Проезжая Берлин, Черкасский, по-видимому, захватил у Ф. Шнейдера посылку, ожидавшуюся А. О том, что это была за посылка, мы узнаем из следующего п-ма А. – Г. от 1-й пол. мая 1858 (см.: *Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты... С. 73).

1858. Апр. – А. получил два п-ма Г. (от 13/1 янв. и 26/14 февр.) и «Полярную Звезду» со своей пьесой (Там же).

1858. Май, 1-я пол. – А. – Г. (РГБ. Ф. 69. П. IX. Ед. хр. 2; впервые: Вольное слово. 1883. 1 мая. № 60. С. 5; Запрещенные произведения русских писателей. Пг., 1918. Вып 1. С. 50–51; *Порох (1)*. С. 94, цит.; *Китаев В.А.* XIX век: пути русской мысли: научные труды. Н. Новгород, 2008. С. 111, цит.). Третье п-мо А. к Г. сохранилось частично (утрачено начало) и, судя по содержанию, является ответом на п-мо, полученное через В.А. Черкасского. П-мо было, видимо, отправлено с П.И. Бартеневым, уехавшим из Москвы 28 мая (см.: *Эйдельман Н.Я.* Тайные корреспонденты... С. 74).

1858. Нач. авг. – П.И. Бартенев завез п-мо А. к Г. от 1-й пол. мая 1858 (Там же. С. 75).

1858. 8 нояб./27 окт. Путней. – Г. – А. (машинопис. копия в РГАЛИ; впервые: *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1925. Т. XXII. С. 120–122, с примеч. М. К. Лемке: «сверено с подлинником, хранящимся у П.Е. Щеголева». Местонахождение автографа неизвестно. Между копией и публикацией М.К. Лемке разночтений нет; *Герцен.* Т. 26. С. 220–221, 436–437). См.: *Эльзон М.Д.* О тексте письма А.И. Герцена к И.С. Аксакову от 8 ноября (27 октября) 1858 года // *Русская литература.* 1996. № 1. С. 174–175).

1859. 17/5 июня. Фулем. – Г. – А. По-видимому, п-мо было отправлено А. с Д.В. Каншиным (впервые неполно и неисправно: *МГ.* 1908. № 8. С. 152–153; *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т. X. С. 42–43; *Герцен.* Т. 26. С. 275, 463–464).

1860. 31/19 янв. Фулем. – Г., с припиской Н.П. Огарева – А. «Здравствуйте на Западе, любезнейший Иван Сергеевич, – письмо Ваше и посылка были праздником для нас». Текст Н.П. Огарева дан в издании М.К. Лемке, по-видимому, с пропусками. П-мо А., на которое отвечает Г., неизвестно. Ответное п-мо А. также неизвестно (впервые неполно и неисправно: *МГ.* 1908. № 8. С. 153–154; *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т. X.

С. 202–203 (опубл. по автографу, хранившемуся в Кружке им. Герцена; местонахождение автографа неизвестно); *Герцен*. Т. 27. С. 12, 581).

1860. 28/16 февр. Фулем. – Г. – А. «Любезнейший Иван Сергеевич, Тат<ьяна> Петр<овна> писала мне, что я могу через вас послать ей письмо – а потому я и попрошу ей передать». Это п-мо Г. к Т.П. Пассек неизвестно (автограф в ИРЛИ; впервые: *Герцен*. Т. 27. С. 22, 585).

1860. 16/4 апр. Мюнхен. – А. – Г. «Я получил вчера с оказией очень подробные письма из России и некоторые интересные бумаги. Не знаю, известны ли они Вам. Посылаю Вам: 1) Записку, которая ходит по рукам в Москве о графе Панине, она интересна как исторический документ и не должна пропасть; 2) Адрес Владимирского дворянства. <...> Посылаю Вам также, *но не для печати*, а для прочтения – Вам и Огареву – замечания брата моего Конст<антина> на доклады Ред<акционной> Комиссии; он желает, чтобы Вы их прочли и сказали ему Ваше мнение. По прочтении, возвратите их мне, адресуя в Мюнхен, *poste restante*» (РГБ. Ф. 69. IX. Ед. хр. 3. 2 л.; впервые: *Вольное слово*. 1883. 1 мая. № 60. С. 5–6; *Запрещенные произведения русских писателей*. Пг., 1918. Вып 1. С. 51–53).

1860. 28/16 апр. – 1867. 6 апр./25 марта. – Г. – А. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 179. 16 л. Приложены машинописные и рукописные копии).

1860. 28/16 апр. Фулем. – Г. – А. Ответ на п-мо. А. от 16 апр. 1860. «Любезнейший Иван Сергеевич, пишу Вам несколько строк, для того чтоб узнать, дошел ли до Вас один лист “Кол<окола>” (последний), тогда я тотчас Вам пришлю все. Бумаги, Вами посланные, я получил. Боюсь по почте послать назад. Пришлю лучше к книгопродавцу» (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 179; впервые: *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1925. Т. XXII. С. 126–127; *Герцен*. Т. 27. С. 41–42, 592). Рукопись замечаний К.С. Аксакова на доклады Редакционных комиссий Г. собирался переслать через лейпцигского книгопродавца Ф. Вагнера. Ответное п-мо А. неизвестно.

1860. 25/13 сент. Лейпциг. – А. – Г. «Вы писали мне, что поручили книгопродавцу Трюбнеру отослать к Вагнеру, в Лейпциг, рукописи, мною к Вам посланные, именно рукописи брата, его замечания на доклады административного и хозяйственного отделений Редакционной комиссии, они нужны брату. Но книгопродавец Вагнер до сих пор ничего не получал» (РГБ. Ф. 69. П. IX. Ед. хр. 4. 2 л.; впервые: *Вольное слово*. 1883. 1 мая. № 60. С. 6–7; Письма А.И. Герцена и Н.П. Огарева И.С. Аксакову // *Мурановский сборник*. Изд. Музея им. Поэта Ф.И. Тютчева в Муранове, 1928. Вып. 1. С. 101–102; *У России одна столица*. С. 328–329). Наиболее вероятным представляется, что п-мо было написано и послано из Вены 25 сент. н. ст., а пометка его Лейпцигом есть лишь недоразумение (см.: *Мурановский сборник*. Вып. 1. С. 103–104).

1860. 5 окт./23 сент. Лондон. – Г., с припиской Н.П. Огарева – А. «Любезнейший Иван Сергеевич, письмо Ваше я получил... <...> Не могу понять, куда делась тетрадь Конст<антина> Сергеев<ича>. Трюбнер говорит, что я

ему ее не посылал» (автограф в музее-усадьбе «Мураново»; впервые: Там же. С. 86–88; *Герцен*. Т. 27. С. 99–100, 618–619). На конверте: «*Switzerland. Monsieur I. Aksakoff. Poste restante. Vevay*». Год написания определяется почтовыми штемпелями: «London N. W. 2, Oct<obre> 6.60», «Angl. Amb. Calais V. 7 oct<obre> 60» и «Vevey. 8. Oct. 60.7». Рукопись К.С. Аксакова была, очевидно, вскоре отыскана Г. и под названием «Замечания на новое административное устройство крестьян в России» вышла в Лейпциге в 1861. См. заметку Г. «Книга К.С. Аксакова» (*Герцен*. Т. 15. С. 128–129). Ответное п-мо А. неизвестно.

1860. 29/17 нояб. Лондон. – Г. – А. Опубл. по автографу, хранившемуся у П.Е. Щеголева, с заглавием «Приписка к И.С. Аксакову» (по-видимому, к письму Н.П. Огарева). Местонахождение автографа неизвестно (впервые: *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1925. Т. XXII. С. 128; *Герцен*. Т. 27. С. 118, 627).

1861. 11 или 12 янв./1860. 30 или 31 дек. Лондон. – Г. – И.С. Тургеневу. «О смерти <К.С.> Аксакова писал мне Иван Сергеев<ич>» (Там же. С. 127, 632). Письмо А. к Г. с этим сообщением неизвестно. 7 июня 1861 А. писал Г.: «Нынче ровно полгода, как брат скончался, и почти полгода, как мы в последний раз перекликнулись за границей. Вы на мое письмо отвечали такой статьей в “Колоколе”, за которую я Вас еще крепче полюбил и которая бесконечно лучше всего, что было сказано и написано о брате и Хомякове у нас, в России, друзьями» (впервые: *Вольное слово*. 1883. 1 мая. № 60. С. 7).

Михаил Петрович Погодин (1800–1875), историк, публицист, прозаик, драматург, издатель, коллекционер.

1840–1861. – А. (84) – П.: 1840. 2 нояб. – 1 п.; 1847 – 3 п.; 1852 – 7 п.; 1855. 30 нояб. – 1 п.; 1856 – 1 п.; 1858 – 36 п.; 1859 – 17 п.; 1859–1861 – 15 п.; 1860 – 2 п. (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 1. Ед. хр. 35).

1840. 2 нояб. СПб. – А., с припиской С.Т. Аксакова – П. «Очень, очень благодарю Вас за присланную Вами тетрадь *Словенского Древлеписания*» (впервые: *Барсуков*. Кн. V. С. 443–444).

<1840–1841>. – А. – П. (впервые: Там же. С. 484–485).

1847. – П. – А. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 475. 2 л.).

1847. – П. (3) – А. (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 1. Ед. хр. 35).

1847. 20 июня. – А. – П. «Письмецо ваше получил я уже в деревне» (впервые: *Барсуков*. Кн. IX. С. 30–31).

<1850–1860>. – П. – А. Черновик в тетради писем (РГБ. Ф. 365. Р. I. Карт. 46. Ед. хр. 40. Л. 1 об.).

1852. 2 апр. – А. – П. (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 1. Ед. хр. 35. Л. 5; *Московский сб.* С. 918–919, цит.).

1852. 21 апр. – А. послал П. «Московский сборник» с просьбой написать рецензию в «Москвитяине». Однако цензура не пропустила ее, потому что отзыв был одобрительный (впервые: *Барсуков*. Кн. XII. С. 111).

1852. 2 авг. – А. – П. (впервые: Там же. С. 133).

1852. 2 сент. – П. Записка – С.Т. Аксакову. П., прочитавший программу «Московского сборника», советовал немедленно забрать ее из цензуры, если А. не хочет угодить в Вятку (РГБ. Ф. 3. Карт. 9. Ед. хр. 1а. Л. 3; *Московский сб.* С. 1181).

1856. 12 мая. – Циркулярное письмо М. Погодина журналистам Каткову, Коршу, Аксакову с просьбой сделать вклад в организацию гостиной для иностранных журналистов (ГАРФ. Ф. 1154. Оп. 1. Ед. хр. 1129. 1 л. Список).

<1858–1859>. – А.К. Толстой – А. На л. 1–2 – письмо А. – <М.П. Погодину> (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 33. Ед. хр. 38).

1858. 14 февр. – А. – П. (*Барсуков*. Кн. XVI. С. 306, цит.).

1858. Март. – А. – П. (Там же. С. 102, цит.).

1858. 12 апр. – А. – П. (Там же. С. 21, цит.).

1858. После кончины Н.В. Шеншина 20 июля. – А. – П. (*Барсуков*. Кн. XV. С. 305, цит.).

1858. Июль. – А. – П. (Там же. Кн. XVI. С. 66, цит.).

1858. 11 авг. – А. – П. (Там же. С. 66–67, цит.).

1858. 19 сент. – А. – П. (РГБ. Ф. 231).

1858. <Окт.>. – А. Письма – П. (*Барсуков*. Кн. XVI. С. 158–159, цит.).

1858. <Нояб.>. – А. Письма – П. (Там же. С. 192–193, цит.).

1858. 14 нояб. – А. – П. (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 1. Ед. хр. 36. Л. 21 об.; *Барсуков*. Кн. XVI. С. 369; *Пирожкова*. С. 165, 168, 206, цит.).

1858. 30 нояб. – А. – П. «Так как теперь цензора не считают себя в праве дозволять в “Парусе” известия о славянах, то я подал официальное прошение о дополнении в программе <...>» В том же п-ме А. просит прислать ему записку Карамзина и что у него есть «мелкого, с перцем, для “Паруса”» (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 1. Ед. хр. 36. Л. 24; *Барсуков*. Кн. XVI. С. 310–311; *Кошелев*. С. 390, цит.).

1859. – А. – П. (*Отчего так нелегко живется*. С. 905, цит.).

<1859>. – А. – П. (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 1. Ед. хр. 40. Л. 15 об.; *Пирожкова*. С. 165, 206, цит.).

1859. 8–12 янв. – «Печатание в “Парусе” статьи Погодина под заглавием “Прошедший год в Русской Истории”, сопровождалось неприятною перепискою автора с издателем. – Причиною неудовольствия были делаемые издателем “Паруса” в статье Погодина поправки. В “Дневнике” последнего по этому поводу мы находим следующую запись: <...> “Корректурa от Ивана Аксакова, с поправками и вставками, невыносимыми. Взбесился”. – Под таким впечатлением Погодин написал Аксакову письмо, на которое тот отвечал... <...> Но Погодин написал Аксакову “сердитую записку”, на которую тот немедленно отвечал следующее... <...> В ответном письме своем Аксакову Погодин, кажется, погрозил ему графом Закревским, на что Аксаков, в свою очередь, ответил следующее...» (подр. см.: *Барсуков*. Кн. XVI. С. 315–319).

1859. 10 янв. – Прошедший год в русской истории: Письмо в редакцию М.П. Погодина (Парус. 1859. № 2. С. 23–28).

1859. 5 февр. – А. прислал П. собственноручно сделанную им копию с нижеследующей бумаги от 31 янв. 1859 за № 259 (см.: *Барсуков*. Кн. XVI. С. 346–348).

1859. 12 февр. – А. – П. (Там же. С. 306–307, цит.).

1859. 30 апр. – А. Записка – П. (Там же. С. 408).

1859. 5 мая. – А. – П. (Там же. С. 406, цит.).

1859. 6 мая. – А. – П. (Там же. С. 409, цит.).

1859. 8 мая. – А. – П. (Там же. С. 412, цит.).

1859. Ок. июня – июля. – А. – П. (Там же. С. 296, цит.).

1859. Ок. 8 июня. – А. – П. (Там же. С. 396, цит.).

1859. Июль – авг. – А. – П. (Там же. С. 430–431, цит.).

1859. Ок. 29 июля. – А. препроводил П. п-мо А. К. Толстого о двух молодых сербах с припиской (см.: Там же. С. 443–444, цит.).

1859. До 4 авг. – П. – А. в ответ на его записку. См.: А. – В.И. Ламанскому от 4 авг. 1859.

1859. Авг. – А. – П. (Там же. С. 412, цит.).

1859. После 26 сент. – А. – П. (Там же. С. 477, цит.).

1859. Окт. – А. – П. (Там же. С. 538, цит.).

1859. 23 дек. – А. – П. (Там же. С. 413, цит.).

1859. <Кон. дек.?.>. – А. – П. «Посылаю Вам, любезнейший Михаил Петрович, статью Герцена, которую при случае потрудитесь возвратить» (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 1. Ед. хр. 40. Л. 249; *Порох (I)*. С. 97).

<1860>. – А. – П. (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 1. Ед. хр. 41. Л. 1).

<1860>. – А. – П. (Там же. Л. 2).

1860. 27 июня. Боржом. – П. – семье Аксаковых (Абрамцево. Рук–15; *Указатель Аксаковых*. С. 20).

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860), философ, поэт, прозаик, публицист, один из основоположников славянофильства, чл.-корр. ИАН (1856).

1852. 18 июля. Липицы, Смоленской губ. – Х. – К.С. Аксакову. «Вы из письма моего к братцу увидели, что я ему отвечаю подробно и что в основе я с ним согласен: прибавлю, что за письмо его я очень ему благодарен» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 39; *Хомяковский сб.* С. 147).

1852. 15 сент. Богучарово. – Х. – К.С. Аксакову. «От братца Вашего получил я письмо, в котором он извещает меня об отставке кн<язя> <В.В.> Львова» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 31–32 об.; *Хомяков*. С. 347; *Хомяковский сб.* С. 147–149).

1852. 29 дек. – А. – Х. (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 33. Л. 2–2 об.; *Хомяковский сб.* С. 76, 81, цит.).

1853–1859. – X. (14) – А. (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 53. Ед. хр. 5; *Хомяков*. С. 356–386).

1853. – А. – X. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 64. 14 л.).

1853. 21 июня. С. Песочня. – А. – X. (РГБ. Ф. 231. Р. II. Карт. 53. Ед. хр. 5. Л. 1–3 об.; автокопия А.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 64. Л. 1–11 об.; впервые: *Колюпанов*. Прил. С. 61–68; *Отчего так нелегко живется*. С. 906–907, цит.; Письмо И.С. Аксакова к А.С. Хомякову / Публ. и коммент. Т.Ф. Пирожковой // А.С. Хомяков: Личность – Творчество – Наследие. Смоленск: Гос. музей-заповедник «Хмелита», 2004. С. 38–46. (Хмелитский сборник; Вып. 7)). X. ответил на п-мо А. п-ми к А. и К.С. Аксакову, а также к А.И. Кошелеву (*РА*. 1879. Кн. III, вып. 11. С. 282–284).

<1853. Июль–авг.>. – X. – А. «Благодарю Вас, любезный Иван Сергеевич, за письмо и за самый вопрос, к которому Вы в нем приступили. <...>» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 746. Л. 1–2 об., без оконч., в описи автор определен как *Неизвестный* (цит. на л. 1); впервые: *Хомяков А.С.* Собр. соч. М., 1864. Т. II. С. 284–291; *Хомяков*. С. 356–365; также см.: «Крепкая связь единомыслия...»: Письма А.С. Хомякова К.С. и И.С. Аксаковым (1850–1853. По автографам РГАЛИ и дореволюционным изданиям) / Публ., коммент., послесл. Т.Ф. Пирожковой // *Наше наследие*. 2004. № 71. С. 96–101).

1853. 27 сент. Абрамцево. – А. – X. «Вообразите, любезнейший Алексей Степанович, я был в полной уверенности, что отвечал Вам, т.е. не на содержание письма, а уведомил о получении письма и об отсылке его к Кошелеву <речь об ответе X. на п-мо к нему А. от 21 июня 1853>. С тех пор все собирался, да не собрался. <...> Как я Вам благодарен, любезнейший Алексей Степанович, за Ваше письмо, такое большое и подробное письмо. <...> Ваше письмо возбудило много толков. Кошелев Вам, верно, отвечал, Константин хочет отвечать на днях <п-мо К. Аксакова к X. (см.: *Колюпанов*. Прил. С. 8, 69–73); п. Кошелева к X. неизвестно>. – Теперь я так еще развлечен посторонними занятиями, что никак не могу собраться и нырнуть в глубину, но впоследствии, имея в виду Вашу добрую готовность отвечать мне, любезнейший Алексей Степанович, я изготовлю Вам еще письмо» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 64. Л. 13–14 об.; впервые: Письмо И.С. Аксакова к А.С. Хомякову / Публ. и коммент. Т.Ф. Пирожковой) // А.С. Хомяков: Личность – Творчество – наследие. Смоленск, 2004. С. 38–46. (Хмелитский сборник; Вып. 7)).

1855. Ок. 15 авг. – X. – А. (*Барсуков*. Кн. XIV. С. 315–316, цит.).

1856. Май. – Подпись на отпускной грамоте, выданной А.С. Хомяковым крестьянке Акимовой: «Что сия отпускная действительно дана крепостной девице Степаниде Акимовой штабс-ротмистром Алексеем Степановичем Хомяковым, о том свидетельствую Московского ополчения штабс-капитан Иван Сергеев Аксаков». На гербовой бумаге. 1 л. 37 х 23,3 (оборот чист). Там же – автограф А.С. Хомякова: «К сей отпускной штабс-ротмистр Алексей

Степанов сын Хомяков руку приложил» (Абрамцево. Рук-34; *Указатель Аксаковых*. С. 6–7).

Б. д. – Х. – А. (*Барсуков*. Кн. XV. С. 243, цит.).

<1858–1859>, 17 июля 1859, 6 сент. б. г. – Х. (12) – А. (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 1–18 об.; *Хомяков*. С. 365–386).

<1858. Июнь?>. – Х. – А. «Любезный Иван Сергеевич! Посылаю Вам окончание Лютера» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 3–3а об.; впервые: *Хомяков*. С. 365–367; цит. на с. 365).

<1858. После 3 июля. Авг.?>. – Х. – А. «Любезный Иван Сергеевич. Виноват я перед Вами и перед “Беседой”, но не столько сколько кажется» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 1–2 об.; впервые: *Хомяков*. С. 368–370; цит. на с. 368).

<1858>. – Х. – А. «Меня очень порадовало Ваше письмо, любезнейший Иван Сергеевич <...>» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 18–18 об.; впервые: *Хомяков*. С. 370–371; цит. на с. 370).

1858. После 20 июля. – Х. – А. По поводу кончины Н.В. Шеншина и слухов о том, что М.П. Погодин пишет о нем (*Барсуков*. Кн. XV. С. 305, цит.).

<1858>. 6 сент. – Х. – А. «Любезный Иван Сергеевич! Во время моей поездки в Донков пришли два пакета на имя А.Ф. Гильфердинга <...> Скажите братцу, что его статья о Белевской В<ифлиофике> превосходная <...>» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 15–16; впервые: *Хомяков*. С. 371–373; цит. на с. 371, 372).

1859. 3 янв. – Ст-ние Х. «Парус поднят; ветра полный» написано в конце 1858 специально для новой славянофильской газ. «Парус», издателем-редактором которой был А. (впервые: *Парус*. 1859. 3 янв. № 1. С. 2; *Барсуков*. Кн. XVI. С. 306; *Хомяков А.С. Стихотворения / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. С. 238, 576*).

1859. 2 февр. – Ст-ние Х. ««О запрещении “Паруса”»» («Хранители стихии голубой...») (впервые: <*Бартенев П.И.*>. Неизданное пятистишие А.С. Хомякова // *РА*. 1866. Вып. 5. С. 771). Написано по поводу запрещения газ. «Парус». Было прочитано 2 февр. 1860 на заседании ОЛРС (*Хомяков А.С. Стихотворения. М., 2005. С. 239, 576*).

1859. До 4 июля. – А. – Х. См.: Х. – А. от 4 июля 1859.

1859. 4 июля. <Богучарово>. – Х. – А. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 166. Л. 1–2 об.; впервые: *Хомяковский сб.* С. 168–169).

1859. 17 июля. Богучарово. – Х. – А. «Вот приписочка, которую надобно прибавить к моему письму о Глаголице» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 13–13 об.; впервые: *Хомяков*. С. 373–374; цит. на с. 373).

<1859>. – Х. – А. «Только что получил Вашу первую посылку, любезный Иван Сергеевич, пришлось мне ехать в Донков, а вторая пришла без меня и на почте ждала. Третьего дня я оттуда возвратился и посылки возвращаю с величайшею благодарностью. <...> Возвращаю вам статью о Глаго-

лице» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 11–12; впервые: *Хомяков. С. 376–379*; цит. на с. 376, 378). См.: *Хомяков А.С. Несколько слов о глаголице: (Письмо к К.С. Аксакову) // РБ. 1859. Кн. V. Отд. II: Науки. С. 1–12).*

<1859. После 26 сент.>. – Х. – А. «Много Вы сказали, о многом спросили в последнем письме своем, любезный Иван Сергеевич. <...> Вы жалеете, что я раньше не послал копии с своего письма <к гр. Я.И. Ростовцеву>; не знаю, не лучше ли так?» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 7–8 об.; впервые: *Хомяков. С. 380–384*; цит. на с. 380, 384).

<1859. До 26 окт.>. – Х. – А. «Грустно было читать описание Ваше теперешнего положения дел “Беседы”: грустно, но для меня не неожиданно. <...> Посылаю Вам письмо свое к Р<остовцеву> при письме к Кошелеву. Пакет не запечатан. Прочтите и пошлите к Кошелеву, а мне напишите хоть несколько слов о том, как Вы находите и то и другое. Посылаю также незапечатанное письмо к жансенистскому епископу» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 6–6 об.; впервые: *Хомяков. С. 379–380*; цит. на с. 379, 380).

<1859. После 30 окт.>. – А. Приписка – Х. На письме И. Аксакову, редактору (Directeur) *РБ* из редакции (Cabinet du Directeur) журнала «Le Nord» на фр. яз. (Брюссель, 30 окт. 1859) (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 33. Л. 1).

1859. До 13 нояб. – Х. – А. «Любезный Иван Сергеевич! Благодарю Вас за статью Сох<анской> <...> Скажите, получили ли Вы мои стихи и длинное письмо; с тех пор я от Вас уже имею два известия, а о нем ни слова. Не пропало ли?» (Там же. Ед. хр. 27. Л. 4–4 об.; впервые: *Хомяков. С. 385–386*; цит. на с. 385). Это п-мо А. получил 13 нояб. 1859 – см.: А. – М.Н. Лонгинову от 14 нояб. 1859: «Вчера получил я письмецо от Хомякова» (ИРЛИ. Сигн. 23101. Л. 31–31 об.).

<1859. Дек.>. – Х. – А. «Любезный Иван Сергеевич! В последний раз я Вам писал про спазмах в желудке <...>» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 9–10 об.; впервые: *Хомяков. С. 374–375*; цит. на с. 374).

<1859>. – Х. – А. «Любезный Иван Сергеевич! Пишу Вам только несколько строк по поводу письма к de Loos’у. <...> А теперь, пожалуйста, пошлите по такому адресу прямо: A Monseigneur Henry de Loos, archevêque de l’ancienne communion catholiquebromaine. A Utrecht. – Важно знать, будет ли он отвечать» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 5; впервые: *Хомяков. С. 376*).

<1859>. – Х. – А. «Сердце у меня іокнуло, любезный Иван Сергеевич, когда получил я Заключительное слово» (ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 27. Л. 17–17 об.; впервые: *Хомяков. С. 386*).

**«Московский сборник» И.С. Аксакова 1852 (2014) года:
о трудной судьбе «неблагонадежного»
славянофильского альманаха**

См.: *Мотин С.В. «Московский сборник» И.С. Аксакова 1852 (2014) года: о трудной судьбе «неблагонадежного» славянофильского альманаха // Аксаковский сборник / отв.*

ред.: д.ф.н., проф. В.В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. С. 65-84.

«О сборнике продолжают утверждать, что он или запрещен или его непременно запретят: все говорят, что в частности придаться нельзя ни к чему, но что-то в нем есть дерзкое, что-то такое, чего с 1848 г<ода> в России не бывало...» [1]

И.С. Аксаков

«Рассмотрев статьи, помещенные во втором томе “Московского сборника”, я нахожу, что московские славянофилы смешивают приверженность свою к русской старине с такими началами, которые не могут существовать в монархическом государстве и явно недоброжелательствуют нынешнему порядку вещей...» [2]

Л.В. Дубельт

В серии «Литературные памятники» в 2014 году вышел из печати «Московский сборник». [3] Выход этого фолианта стал важной вехой в развитии Иван-Аксаковедения, которое урожайно пополнилось в этом году еще четырьмя важными книжными публикациями. [4]

По поводу «Московского сборника», спустя почти десятилетие, Иван Сергеевич Аксаков (далее – Аксаков) в автобиографии напишет следующее: «В 1852 году он издал “Московский сборник”, том 1-й, и готовился уже издать 2-й том, но продолжение издания было запрещено, самая рукопись 2-го тома конфискована при Московском цензурном комитете. Состоялось высочайшее повеление: “Ивана Аксакова, Константина Аксакова, Ивана Киреевского, Алексея Хомякова и кн. Черкасского обязать подпискою, чтобы все сочинения свои представляли отныне для цензуры не в Московский цензурный комитет, а в *Главное управление цензуры*, в Петербург. Сверх того, Ивана Аксакова лишить на будущее время права быть редактором какого бы то ни было издания”. Полицейский надзор был усилен». [5] Ниже мы подробнее остановимся на истории этого «неблагонадежного» славянофильского альманаха.

«Московский сборник» 2014 года. В состав сборника вошел первый том 1852 года и впервые изданный второй том, дополненный восстановленными по рукописи материалами. Кроме того, в книге помещены тексты, предназначавшиеся для сборника, но по различным причинам не вошедшие в него, статьи, которые Аксаков планировал опубликовать в последующих томах, и, наконец, связанные с изданием сборника архивные документы из фонда Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ). Таким образом, спустя 162 года, читатели впервые получили возможность увидеть и оценить общий замысел славянофильского альманаха.

Содержание этого фолианта следующее: Том I 7. Том II 285. Смесь 592. Дополнения. Другие редакции и варианты 651. Дополнения к материалам «Московского сборника» 771. Приложения. В.Н. Греков. «Московский сборник» И.С. Аксакова в контексте русской культуры 843. Примечания к тому I 917. Примечания к тому II 1047. Примечания к дополнениям 1181. Текстологические принципы издания 1209. Авторские сокращения в подстрочных примечаниях к статьям «Московского сборника» 1212. Список условных сокращений в примечаниях и дополнениях 1216. Список иллюстраций 1220. Аннотированный указатель имен 1222. Содержание 1304<–1307>.

В издании 2014 года текст I тома напечатан на основании единственного издания 1852 года. [6] Почти все материалы этого тома в разное время были переизданы, а первоначальные тексты сверены с наиболее авторитетными публикациями. II том в издании 2014 года опубликован по цензурной рукописи, также сверенной с печатными публикациями соответствующих статей. Цензурная рукопись представляет собой переплет размером 22,7 x 39,5 см. [7] Статьи переписаны разными лицами, в том числе некоторые из них – самими авторами, некоторые – переписчиками. В текст внесено много поправок: вычеркивания, замены слов, вставки между строк. На полях цензорские пометы красным карандашом и отчеркивания строк и абзацев. Часть текста также подчеркнута цензором красным карандашом. Есть отчеркивания и пометы, сделанные простым карандашом и, вероятно, позднее другим лицом. Наиболее важные из цензорских маргиналий приводятся в текстологических примечаниях. [8]

«Московский сборник» 1852 года. Том I. Итак, осенью 1851 года Аксаков собирался найти для себя службу, однако А.И. Кошелев обещал найти для него деятельность, а именно – издание журнала «Московский сборник», на который он выделил свои деньги. [9] А.И. Кошелев вспоминает: «Зимой 1851–1852 года мы сговорились издать общими силами сборник, в котором предполагали хотя отчасти высказать наши мнения по разным вопросам и который мы хотели выпустить в четырех книгах». [10]

Для Аксакова издание этого сборника стало первым опытом журнально-газетной деятельности. Дебют во многих отношениях удался, он смог преодолеть некоторую косность вождей славянофильства, привлечь к сотрудничеству в славянофильском издании видных западников. «Московский сборник» 1852 года под редакцией Аксакова был прогрессивным органом, где сотрудничали деятели разных направлений раннего русского либерализма. Это было одно из редких изданий того времени, на страницах которого встречались высказывания, оппозиционные режиму Николая I. [11]

Аксаков был редактором «Московского сборника», однако дважды в мемуарах Кошелев назвал Аксакова издателем сборника, помня, очевидно, о том, как много хлопот взвалил на себя энергичный и решительный редактор: дела с типографщиками и переплетчиками, печатание портрета Н.В. Гоголя, приложенного к сборнику, рассылка тиража и т.п. [12] Роль Аксакова в

издании «Московского сборника», в определении состава книг и круга сотрудников была велика, но общее идейное направление сборников определялась не им, а старшими славянофилами. [13]

Уже осенью Аксаков составил план издания «Московского сборника» [14], начал подбирать сотрудников. Помимо зачинателей славянофильства (А.С. Хомякова, И.В. и П.В. Киреевских, К.С. Аксакова) к участию в сборнике были привлечены новые приверженцы славянофильства: А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, князь В.А. Черкасский, А.Н. Попов, И.Д. Беляев. Аксаков думал расширить круг сотрудников за счет лиц, не принадлежавших к славянофильскому направлению. Ему пришлось выдержать борьбу с братом Константином, который требовал исключения всех лиц, «печатающих свои статьи в петербургских журналах». Аксаков счел подобное мнение «эксцентричным». [15]

Состав и характер будущего сборника, по свидетельству Аксакова, обсуждался на «общем совете» всего кружка. Он сообщил И.С. Тургеневу 26 ноября 1852 года: «...было решено: непременно произвести реформу в характере изданий наших, расширить круг сотрудников, полагая только непременным условием нравственное с ними сочувствие и права их на наше искреннее уважение, избегать всякой излишней исключительности и односторонности». [16] Сотрудничество в сборнике было предложено С.М. Соловьеву, И.С. Тургеневу, Т.Н. Грановскому, Д.О. Шеппину, доктору медицины С.А. Смирнову. Но, несмотря на это решение, преодолеть разногласия между участниками сборника оказалось не просто. [17]

Сохранилось письмо Аксакова к неустановленному лицу, в котором он дает указания относительно оформления сборника и его состав. Редактор вникал в подробности оформления сборника, заботился о полноте статей А.И. Кошелева и о виньетках на обложке. Предполагалось открыть том эпитафией из Окружной грамоты Москвы. [18] Однако эпитафия на титульном листе сборника не появилась. Несколько изменилось и само название. На заглавном листе предполагалось напечатать: «Московский ученый и литературный сборник», подчеркивая тем самым преемственность со сборниками, выпущенными славянофилами в 1846 и 1847 годах. В окончательном варианте каждой статье сборника (за исключением стихотворений) предшествовал собственный шмуцтитул. Предисловие к сборнику, как видно из этого письма, должно было занимать целую страницу. Однако оно было запрещено цензурой. Изменился и порядок подачи материалов. [19]

Просьба о дозволении сборника была подана И. Аксаковым 14 января 1852 года [20], а уже 22 января Аксаков начал его печатать сразу в двух типографиях у А. Семена и Л. Степановой [21], несмотря на то, что И.В. Киреевский еще не окончил свою статью, которой предполагалось открыть книгу. В окончательном виде статья Киреевского заняла больше места, чем ей было оставлено, вследствие этого в сборнике часть страниц получила двойную нумерацию. [22] Также в период подготовки издания неожиданно, 26 февра-

ля, скончался Н.В. Гоголь, и Аксаков, тут же откликнувшись на эту потерю, подготовил статью «Несколько слов о Гоголе», которая была помещена в самом начале сборника с особой нумерацией страниц.

21 апреля 1852 года вышел в свет первый том «Московского сборника». Сборник пропустил в печать цензор В.В. Львов, брат Г.В. Львова, соученика Аксакова по Училищу правоведения. Купюры были сделаны в статье И.В. Киреевского и не было пропущено окончание статьи К.С. Аксакова. Тираж сборника составил 1500 [23] экземпляров. Продавался он по 2 рубля 50 копеек, с пересылкою – 3 рубля серебром (с литографированным портретом Гоголя). [24] Аксаков только за апрель сумел продать 470 экземпляров сборника. [25]

Содержание первого тома «Московского сборника» 1852 года: Предупреждение VI (7). [26] *И.С. Аксаков*. Несколько слов о Гоголе VII<–XII> (8). *И.В. Киреевский*. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к гр. Е.Е. Комаровскому) I (11). *К.С. Аксаков*. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте) 49 (52). *А.С. Хомяков*. «Мы род избранный...» 141 (107). *И.С. Аксаков*. «Могучим юности призываю...» 143 (109). *А.И. Кошелев*. Поездка Русского земледельца в Англию на Всемирную выставку 145 (111). *С.М. Соловьев*. Псков и Ливония 245 (174). Русские народные песни (из приготавливаемого к изданию собрания П.В. Киреевского) и Предисловие к ним *А.С. Хомякова* 317 (217). Песня про Ваську Казимировича 335 (224). Разбойничья 342 (229). Про Илью Муромца 344 (230). Святочная 352 (236). Примечание П.В. Киреевского 354 (237). *И.Д. Беляев*. Служилые люди в Московском государстве, слуги или дворяне, а впоследствии дети боярские 356 (239). *И.С. Аксаков*. Отрывки из первой части «Бродяги», очерка в стихах 383<–427> (253<–281>).

В тот же день, 21 апреля, Аксаков послал вышедший сборник М.П. Погодину с просьбой произвести над ним искрений, беспристрастный суд в «Москвитянине». Однако цензура не пропустила рецензию Погодина, потому что отзыв был одобрительный. Погодин хвалил в рецензии статью К.С. Аксакова, которую власти считали опасной. Предвидя возможные нападки на статью Ивана Аксакова о Гоголе, рецензент пытался оборонить автора, объясняя некоторые преувеличения статьи (т.е. «безмерные и вредные похвалы Гоголю», по терминологии министра) чувством понесенной горькой утраты. В конце рецензии он написал: «Давно не проводил я такого приятного вечера, как читая эту книгу и пишучи об ней». [27]

Не была напечатана и рецензия на «Московский сборник» критика «Отечественных записок» А.Д. Галахова, предназначавшаяся для августовской книги журнала. [28] Как предполагает Б.Ф. Егоров [29], она была запрещена цензурой. Галахов хвалил «верную и энергическую характеристику» Гоголя в статье Ивана Аксакова, «чисто русский склад стихов» его поэмы «Бродяга», ясность статьи Кошелева, ученость Ивана Киреевского, хотя

мимо его внимания не прошло то, что автор иногда в угоду концепции искажал факты или умалчивал о них. Рецензент сожалел, что Хомяков в предисловии к народным песням, сравнивая прошедшее и настоящее, не удержался «от укоризны настоящему». [30]

В мае 1852 года на «Московский сборник» в «Современнике» появилась анонимная критика. Журнал с похвалой отозвался о статьях С.М. Соловьева и А.И. Кошелева. В рецензии было полностью приведено стихотворение А.С. Хомякова «Мы род избранный», в качестве свидетельства «плавности и благозвучия», отличающих поэта. Правда, была отмечена некоторая сухость стихотворений И.С. Аксакова, но с оговоркой, что это даровитый поэт, в стихах которого, «всегда есть мысль». Несогласие рецензента вызвали излишние похвалы Хомякова русским народным песням в ущерб произведениям писателей, а также было замечено, что статья о Гоголе бедна фактами. [31]

Первый том сразу же привлек к себе внимание не только литературной общественности, но и царской цензуры, всерьез озабоченной его направлением. Уже 2 мая московский военный генерал-губернатор граф А.А. Закревский доносил III Отделению о выходе «неблагонадежного» издания. [32] Министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов, докладывая 19 мая императору о неблагонадежном сборнике, тут же сообщил о принятых им мерах. [33]

А.И. Кошелев в воспоминаниях отмечал: «Главные статьи 1-го тома “Сборника” были: И.В. Киреевского “О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России”; А.С. Хомякова “Предисловие к русским народным песням, собранным П.В. Киреевским” и К.С. Аксакова “О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности”. Хотя в этих статьях не было ничего резкого, смелого, а тем менее возмутительного, однако они произвели почти переполох в Петербурге – в администрации и в тамошних повременных изданиях. <...> Высшая цензура страшно взволновалась, однако не решилась арестовать уже выпущенную с одобрения цензуры первую книгу “Сборника”; но предписано было московскому цензурному комитету препроводить в Петербург все статьи, представленные для 2-й книги». [34]

Цензор и литератор А.В. Никитенко 28 апреля 1852 года записал в своем дневнике: «В Москве опять переполох: там издан *Сборник* Хомяковым, Киреевским и Аксаковым, в котором, говорят, напечатаны очень сильные вещи. Мне удалось прочесть только статью о Гоголе, из имени которого, очевидно, хотят сделать знамя. <...> Стихи Хомякова еще сильнее. О Сборнике уже много толкуют в публике. Тучи собираются: быть грозе. А кто виноват?» [35] В тот же день Аксаков обращается к А.И. Кошелеву: «Сборник имеет успех громадный, а шум – и того больше. Все поражены его честной физиономией и считают это дерзостью, ибо честные физиономии в наше время непозволительны!.. Поэтому будьте готовы на всякий случай получить и неприятное известие». [36]

Несмотря на успех сборника, его «честную физиономию», которая так раздражила власти и вызвала запретительные меры, влияние его на общество не было значительным. Серьезный, ученый характер при немногочисленности истинно образованных людей в столицах и провинции, отсутствие прозы – все это ограничило круг читателей, тираж сборника был распродан не полностью, что несомненно свидетельствовало о непопулярности славянофильских идей в русском обществе. Иван Аксаков считал «чудом» требование книгопродавца Наливкина доставить ему в 1855 году пять экземпляров «Московского сборника». [37]

«Московский сборник» 1852 года. Том II. В мае Аксаков приступил к составлению 2-го тома, который должен был выйти к 1 октября. [38] В письме к Ю.Ф. Самарину от 26 мая 1852 года Аксаков убедительно просил прислать статью для 2-го тома «Московского сборника» и определяет его состав: «1) Статья Хомякова (дополнение к статье Киреевского). 2) Статья батюшки: воспоминания о знакомстве его с Державиным. (Статья великолепная и довольно большая). 3) Статья брата о богатырях. 4) 12 русских песен из Собрания П.В. Киреевского. 5) Статья Черкасского: История Юрьева дня. 6) Статья Попова. 7) Уложение, данное крестьянам села Песочного, – Кошелева, или уложение, данное крестьянам же Шиповым с моим предисловием. 8) Статья Шеппинга. 9) Глава из Бродяги. 10) Статья кн. Георгия Львова – о поездке его по Камчатке: (много хорошего). 11) Стихи Константина и мои. 12) Смесь, мною составленная. Кажется, будет хороша, если... если... Видите, что недостает только Вас...». [39] К сожалению, Ю.Ф. Самарин участия в сборнике так и не принял, по крайней мере, об этом ничего не известно.

Возможно, что Аксаков собирался включить в сборник и свою пьесу «Присутственный день в Уголовной палате». Е.А. Дудзинская считает, что пьеса была написана именно для II тома «Московского сборника». [40] Однако никаких доказательств этого предположения ею предоставлены не были.

Реальный состав рукописи отличается от предложенного Аксаковым в плане. Эти изменения можно объяснить переменной замыслов, но также возможно и то, что некоторые материалы до нас просто не дошли. Так, в рукописи нет ни Уложения Шипова, ни Уложения Кошелева с предисловием Аксакова. Нет также и статьи Г.В. Львова о поездке на Камчатку. Отсутствует и глава из «Бродяги». [41]

Тем временем, 27 мая 1852 года, вышел указ, ужесточивший цензуру в отношении таких изданий, как сборники. Поводом к появлению этого указа послужил выход в свет первого тома «Московского сборника». Предписание министра запрещало выход сборников чаще одного раза в год. Аксаков не знал, что его намерению превратить «Московский сборник» в издание журнального типа нанесен удар, что он не сможет издать следующий том ранее 1853 года. [42]

Надеясь на благоприятный исход дела, Аксаков обращался в то же время (29 мая 1852 года) и к И.С. Тургеневу: «...я продолжаю издание “Сборника”. Второй том выходит к 1-му октября. Дайте, прошу вас, статью. Мне непременно хочется, и теперь больше, чем когда-либо, чтобы вы приняли участие в нашем честном издании...» [43] Тургенев откликнулся и прислал повесть «Муму». Аксаков получил ее в октябре 1852 года и без колебаний готов был опубликовать ее в ближайшем томе.

И все же, несмотря на сложную цензурную обстановку, 1 августа 1852 года Аксаков представил рукопись второго тома «Московского сборника» в Московский цензурный комитет.

Содержание 2-го тома «Московского сборника» 1852 (2014) года: *А.С. Хомяков*. Несколько слов по поводу статьи г. Киреевского, помещенной в 1-м томе «Московского сборника» «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России» 285. [44] *С.Т. Аксаков*. Отрывок из воспоминаний молодости. Знакомство с Державиным 335. *К.С. Аксаков*. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням 353. Русские народные песни из приготовляемого к изданию собрания песен П.В. Киреевского 414. <12 песен 415–431.> *Д.О. Шеппинг*. Купало и Коляда в их отношении к народному быту русских славян 432. *К.С. Аксаков*. Примечания на статью «Купало и Коляда» Д. Шеппинга 454. Кн. В.А. *Черкасский*. О подвижности народонаселения в Древней России 459. *К.С. Аксаков*. Луна и Солнце 489. *К.С. Аксаков*. <Совет> 492. *И.С. Аксаков*. Подражание еврейской поэзии. 1. На борьбу с пороком 494. 2. На борьбу с неправдою и развратом 495. *А.Н. Попов*. Русское посольство в Польше в 1673–1676 годах 497. Смесь. *И.С. Аксаков*. I. О замечательном ремесленном устройстве в некоторых селениях Ярославской губернии 592. II. Ответ крестьян помещику о работе на фабриках 600. III. Мирской приговор Рыбинской ловецкой слободы 601. IV. Новейшие сведения о песне, упомянутой г. Хомяковым в 1-м томе «Московского сборника» 603. V. Об общественной жизни в губернских городах (письмо к В.Н. Н...му) 605. *А.И. Кошелев*. Об испытании английских и американских сельскохозяйственных машин и орудий, купленных в Лондоне в 1851 году 618. *И.С. Аксаков*. Бродяга. Очерк в стихах (Отрывки из последующих глав) 635<–648>.

Вместе с рукописью II тома «Сборника» Аксаков подал в цензуру затребованную от него подробную программу сборника. Он составил программу издания, в которой пытался убедить цензурные власти в благонамеренности сборников, имеющих только учено-литературный интерес. М.П. Погодин, прочитавший программу, советовал немедленно забрать ее из цензуры, если Аксаков не хочет угодить в Вятку. Однако Аксаков поступил по-своему и ни программу, ни сам «Сборник» не забрал. [45]

Приведем основные положения программы «Московского сборника»:

«Издание Московского Сборника должно состоять из 4-х частей, которые предположено выдать в течение года, со времени выхода в свет первого тома. <...>

Состав 3-го и 4-го томов еще не вполне окончен. Впрочем редакция имеет для них в виду: 1) две статьи г. Кошелева о поездке русского земледельца в Англию и об опытах, произведенных в его имении над машинами, вывезенными им из Англии; 2) статью о народной медицине в России – доктора медицины Смирнова; 3) продолжение ученого труда г. Попова: русское посольство в Польше или сношения России с Польшею в последние годы царствования Алексея Михайловича и вначале царствования Федора Алексеевича; 4) воспоминания об Ал. Сем. Шишкове С.Т. Аксакова, автора “Записок ружейного охотника Оренбургской губернии”; 5) исторический очерк купеческого сословия в древней России – г. Беяева; 6) о православии в Польше В. Елагина; 7) о Паткуле по новейшим документам – профессора Грановского; 8) объяснение русских свадебных обычаев – Константина Аксакова; 9) статьи о русской мифологии барона Шеппинга; 10) ученое исследование о поземельной собственности в древней Руси князя Влад. Черкасского; 11) разные старинные русские народные песни; 12) разные стихотворения Г.Г. Хомякова, Конст. Аксакова и самого редактора. <...>

Цель же, которую поставил себе Московский Сборник, заключается в том, чтобы:

Во 1-х сообщать читателям самые добросовестные разыскания по части Отечественной Истории, Географии, Этнографии и вообще древнего и современного русского быта.

Во 2-х содействовать к распространению истинного русского просвещения, основанного на началах истинной христианской веры и на тщательном изучении русской истории и быта.

В 3-х представлять вниманию читателей те изобретения, открытия и усовершенствования на Западе, которые могут быть с пользою применены и к русскому быту, например: статьи г. Кошелева об английских и американских земледельческих машинах и т.п.

Таково, в общих чертах, направление Московского Сборника, направление – чисто ученое и литературное, как видно и из заглавия статей, изготовленных для 3-го и 4-го томов. <...> Редактор и издатель *Иван Аксаков*. Москва. 1-го августа 1851 г. [46]». [47]

Предстоящее издание Аксаков собирался использовать для расширения влияния славянофилов, желая доказать, что «опыт служебный и жизненный говорит в пользу известного направления, что убеждения наши – удел людей не одних отвлеченных, мечтателей и поэтов, но и людей, признаваемых практическими». [48] Не все друзья Аксакова одобрили этот шаг. Свои мотивы он изложил в письме к Ю.Ф. Самарину от 7 августа 1852 года: «Носятся недобрые слухи, Попов советует не подавать, но я нахожу, что если сообра-

жаться с обстоятельствами, так еще пуще собьешься с толку, решился подать его. К тому же я твердо убежден, что если направление Моск<овского> сборника будет понято, так его преследовать не станут. Только немцы могут не сочувствовать русской национальности, а правительство у нас ведь не немецкое же». [49]

Запрет «Московского сборника». С августа 1852 года по март 1853 года второй том «Московского сборника» подвергся четырехступенчатой цензуре: сначала в Московском цензурном комитете, затем в Главном управлении цензуры в Петербурге, потом в Комитете 2 апреля 1848 года (Бутурлинском) и, наконец, непосредственно в III Отделении.

Московский цензурный комитет перед отправкой рукописи в Петербург поручил цензору И.М. Снегиреву прочитать текст и сделать цензурное заключение. Мнение Снегирева, поданное им в конце октября, оказалось неблагоприятным. [50] Вновь поднял тревогу и московский генерал-губернатор граф А.В. Закревский, также прочитавший рукопись. 4 ноября начальник III Отделения князь А.Ф. Орлов, ссылаясь на донесение Закревского, обращал внимание министра народного просвещения П.А. Ширинского-Шихматова на то, что во II томе «Московского сборника» «находятся некоторые статьи вредного политического содержания», и особенно подчеркивал, что «случай этот вновь побуждает иметь особенный секретный надзор как за изданием упомянутого Сборника, так и вообще за славянофилами и их сочинениями». [51] И попечитель Московского учебного округа и глава Московского цензурного комитета В.И. Назимов также сформулировал свое отрицательное представление о II томе «Сборника». [52]

После ознакомления с замечаниями на «Московский сборник» Главного цензурного комитета Николай I в декабре 1852 г. отдал распоряжение, «чтобы все цензурные комитеты обращали особое внимание на сочинения в духе славянофилов, не позволяли к напечатанию ни отдельных книг, ни журнальных статей, в которых рассуждается о небывалых в России общинах, общинном быте и тому подобном, равно о том, будто бы власть древних князей наших была ограничена упомянутыми общинами, земскою дружиною, вольницей народа и другими небывалыми же отношениями между русским государями и их подданными, и вообще не допускать ни возгласов, ни даже намеков о желании, дабы в государстве нашем был введен древний или иной какой-либо порядок дела, не соответствующий нынешнему государственному правлению». [53]

23 января 1853 года шеф III Отделения Л.В. Дубельт доводил до сведения министра народного просвещения следующее: «Рассмотрев статьи, помещенные во втором томе “Московского сборника”, я нахожу, что московские славянофилы смешивают приверженность свою к русской старине с такими началами, которые не могут существовать в монархическом государстве и явно недоброжелательствуют нынешнему порядку вещей... <...> Они, даже после сделанных им внушений, дерзко представляют к напечатанию

статьи, которые обнаруживают их открытое противодействие правительству. Дабы раз навсегда положить предел распространению такого вредного образа мыслей и предупредить строгие, но справедливые взыскания правительства, которым подвергаются цензоры, я полагаю: 1) второй том «Московского сборника» вполне запретить; 2) равно прекратить и дальнейшее издание этого «Сборника»; 3) редактора Ивана Аксакова лишить права быть редактором каких бы то ни было изданий; 4) Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Киреевскому и князю Черкасскому, сделав наипрожайшее внушение за желание распространять нелепые и вредные понятия, воспретить даже и представлять к напечатанию свои сочинения; 5) всех их, как людей открыто неблагонамеренных, подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору». [54] Однако князь А.Ф. Орлов признал этот приговор слишком жестким и, 27 февраля 1853 года, писал министру народного просвещения, что авторы «Московского сборника» должны представлять свои «рукописи для рассмотрения прямо в Главное Управление Цензуры». [55]

3 марта 1853 года в Главном управлении цензуры была решена участь «Московского сборника». Почти во всех материалах сборника (за исключением материалов А.И. Кошелева, С.Т. Аксакова, Шеппинга и А.Н. Попова) было усмотрено «открытое противодействие правительству», а потому печатание рукописи 2-го тома было запрещено, как и продолжения, в чем с И.С. Аксакова взяли подписку. [56] Приведем официальное предписание за № 387, на основании которого с пятерых славянофилов была взята подписка.

Управление Московского военного генерал-губернатора. По секретной части. Москва. 16 марта 1853 г. № 387. Секретно. Г. Московскому обер-полицмейстеру.

В начале минувшего 1852 г. в Москве вышла в свет книга: Московский Сборник, под редакцию надворного советника Аксакова, обратившая на себя внимание своим направлением, не удовлетворяющим цензурным требованиям. По случаю испрашиваемого ныне разрешения продолжать это издание и представление в цензуру рукописи второго тома сего сборника, которого содержание найдено также неудовлетворительным.

Г. министр народного просвещения повергал на Высочайшее благоусмотрение Государя Императора определение по сему делу Главного управления цензуры, и Его Величество в 3-й день сего марта, между прочим, Высочайше повелеть соизволил:

1) Ивана Аксакова лишить права быть редактором какого бы ни было издания и

2) следующим пяти лицам, участвовавшим в издании сборника: Ивану и Константину Аксаковым, Хомякову, Киреевскому и кн. Черкасскому представлять рукописи для рассмотрения прямо в Главное управление цензуры.

О таковой Высочайшей воле даю знать Вашему Превосходительству, для объявления с подписью Ивану Аксакову 1 и 2 пунктов оной, а Констан-

тину Аксакову, Хомякову, Киреевскому и кн. Черкасскому – 2 пункта. Об исполнении мне доложить. [57]

Спустя 4 дня, 20 марта 1853 года, А.И. Кошелев пишет И.С. Аксакову: «Вы теперь уже знаете, что Сборник запрещен, и что приказано обязать подписками Хомякова, Киреевского, Черкасского, братьев Аксаковых в том, чтоб они свои сочинения представляли в Цензуру не в местные Комитеты, но в Глав<ный> Ценз<урный> Ком<итет> в Питере. Хомяков, Киреев<ский> и Черкас<кий> уже обязаны подписками Об<ер> Пол<ицмейстер> Лужиным. [58] Если вы не желаете, чтобы вас обязывали подписками через Станового, то приезжайте с братом сюда, и вы здесь дадите подписки; а если вам это все равно, то ожидайте подписку в деревне. Меня, Соловьева, вашего батюшку и Шеппинга исключили из этой Кампании». [59] 23 марта братья Аксаковы прибыли в Москву. Ниже воспроизводим подписку И.С. Аксакова:

«1853 года марта 23 дня я, нижеподписавшийся, даю сию подписку г. Московскому обер-полицмейстеру в том, что Высочайшее повеление Его Императорского Величества Государя Императора, изъясненное в предписании г. Московского военного генерал-губернатора к г. Московскому обер-полицмейстеру 16 марта сего года за № 387 о том, что мне воспрещается быть редактором какого бы то ни было издания и чтобы рукописи свои представлял прямо в Главное управление цензуры мне г. обер-полицмейстером объявлено. Надворный советник Иван Сергеев сын Аксаков». [60]

Таким образом, после полугодового рассмотрения «Московский сборник» был запрещен, а его основные авторы, в том числе и редактор И.С. Аксаков, признаны неблагонадежными до такой степени, что поставлены под гласный полицейский контроль и их обязали подпиской представлять все свои произведения непосредственно в Петербург, в Главное управление цензуры. [61]

И лишь спустя почти три года, в начале февраля 1856 года, император Александр I предоставил вышеназванным славянофилам право «вносить свои сочинения установленным общим порядком в цензурные комитеты», а Аксакову возвратил «право быть редактором периодического издания на основании общих цензурных узаконений» только 29 марта 1858 года, т.е. по происшествии пяти лет. [62]

Post Scriptum. В примечаниях ко второму тому В.Н. Греков отмечает: «Одной из задач данного издания являлось наиболее полное представление материалов второго тома. К сожалению, никаких упоминаний о его существовании в архивах обнаружить не удавалось. Казалось, рукопись исчезла или даже была уничтожена. Однако позже выяснилось, что второй том не погиб и не исчез, а хранится в Центральном историческом архиве Москвы». [63]

Большинство материалов рукописи впоследствии были использованы в разных печатных изданиях. Однако, как пишет В.Н. Греков, «ее содержание очень сильно отличается от известных нам по печатным публикациям текстов. Меньше всего исправлений в сравнении с рукописью содержат печат-

ный текст статьи А.С. Хомякова и тексты народных песен. Но уже в исследовании К. Аксакова о русских богатырях, эссе Шеппинга о древней мифологии, статье кн. В.А. Черкасского о происхождении крепостного права несовпадения с печатным текстом настолько значительны, что можно говорить о разных вариантах. Что касается статей И. Аксакова о ремесленной общине в Ярославской области и об общественной жизни в губернских городах; статьи А.Н. Попова, посвященной дипломатическим отношениям России и Польши в конце XVII в. при Алексее Михайловиче, то мы имеем дело с разными редакциями. <...> В то же время статья Г.В. Львова о поездке на Камчатку и продолжение поэмы “Бродяга” в рукописи отсутствуют. Поскольку 3-я и 4-я страницы первоначальной обложки рукописи не сохранились, можно предположить, что и эти тексты не сохранились. Хотя возможно и другое: отделившиеся фрагменты могли затеряться как безымянные, не идентифицированные среди фондов ЦИАМ». [64]

Важно также отметить, что в издании 2014 года в разделе «Смесь» II тома впервые опубликованы три заметки И.С. Аксакова: «Ответ крестьян помещику о работе на фабриках» [65] (с. 600–601), «Мирской приговор Рыбинской ловецкой слободы» [66] (с. 601–603), «Новейшие сведения о песне, упомянутой г. Хомяковым в 1-ом томе “Московского сборника”» [67] (с. 603–605). Первые два материала представляют подлинные документы, которые предваряет краткое предисловие Аксакова и сопровождает его же комментарий. В третьей заметке Аксаков выступает как исследователь и комментатор фольклорных текстов. Кроме того, здесь же впервые публикуется «Дело о запрещении «Московского сборника» [68] (с. 817–827).

Завершая обзор «Московского сборника» 2014 года приведем два заключительных абзаца из статьи В.Н. Грекова:

«Свободный обмен идей, спор, вероятно, мог выявить и достоинства и недостатки теории ранних славянофилов. История не дала славянофилам, славянофильской мысли такой возможности. Ее соскальзывание от мессианизма к национализму было, вероятно, закономерным, как об этом пишут исследователи. [69] Но было ли оно неизбежным? Вспомним, что В. Соловьев видит перемены в славянофильской идеологии, ужесточение подхода к Западу, усиление мессианистских настроений только с 1853 года, т.е. после издания “Московского сборника”. [70] Его запрещение было и знаком, и предвестием общественной беды, неприятием неофициальной, самостоятельной мысли. Вот почему “Московский сборник” действительно литературный памятник, памятник и заблуждений, и поисков, и прозрений русской литературно-общественной мысли. Справедливыми кажутся выводы Н.А. Бердяева: “Славянофилы поставили перед русским сознанием задачу преодоления абстрактной мысли, перехода к конкретности, требование познания не только умом, но также чувством, волей, верой. Это остается в силе и если отвергнуть славянофильскую концепцию истории”. [71] Вот почему, определяя свой дальнейший путь, мы все-таки вправе обратиться и к этой книге». [72]

Литература

1. И.С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 239. Из письма И.С. Аксакова к родным от 27 апреля 1852 г.
2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 12. СПб., 1898. С. 145.
3. Московский сборник: [т. 1, 2] / сост., подгот. текста, примеч., статья, подбор иллюстраций В.Н. Грекова; отв. ред. А.П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2014. 1307, [5] с., [17 л.] ил. (Литературные памятники / Российская акад. наук).
- Литературовед Владимир Николаевич Греков, подготовивший этот сборник, доцент Православного университета Святого Иоанна Богослова. См.: Греков В.Н. Иван Сергеевич Аксаков – журналист, 40-60-е годы XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1988. 14 с.; Греков В.Н. Коммуникативные особенности философской публицистики славянофилов (1830-1860 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Тверь, 2014. 43 с.; Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? / сост. В.Н. Греков. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.
4. Иван Аксаков в воспоминаниях современников / сост., предисл. и коммент. Г.Н. Лебедевой; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 544 с.; Иван Сергеевич Аксаков: библиогр. указ. (1836-2014) / сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; сост. фотоприложения Г.О. Иванова; вступ. ст. С.В. Мотина; под ред. А.П. Дмитриева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.: 8 л. ил.; Порох В.И. И.С. Аксаков в борьбе за свободу слова и печати. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская гос. юридическая акад.», 2014. 177, [2] с.; Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 800 с.
5. Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 32.
6. Московский сборник. Том I. Сочинения: К.С. Аксакова, И.С. Аксакова, И.Д. Беляева, И.В. Киреевского, П.В. Киреевского, А.И. Кошелева, С.М. Соловьева, А.С. Хомякова. М.: тип. Александра Семена, 1852. [2], XII, [448] с., 1 портр.: ил. Последняя колонцифра: 427; колонцифры 48–68 даны дважды.
7. Цензурная рукопись II тома «Московского сборника» хранится в Центральном историческом архиве Москвы: ЦИАМ. Ф. 31 (Московский цензурный комитет). Оп. 4. Д. 426. Л. 1–368.
8. См.: Московский сборник. СПб., 2014. С. 1209–1211, 1047.
9. См.: И.С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. II. Письма 1849–1857 гг. М., 2004. С. 218. Также см.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 12. СПб., 1898. С. 109–147.

10. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883). М.: Наука, 2002. С. 57.
11. См.: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 43.
12. См.: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883). М.: Наука, 2002. С. 419.
13. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 43.
14. См.: РГБ. Ф. 99. К. 16. № 1; Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 109, 194.
15. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 42.
16. Из письма И.С. Аксакова к И.С. Тургеневу от 26 ноября 1851 г., см.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 12. СПб., 1898. С. 110.
17. Греков В.Н. «Московский сборник» И.С. Аксакова в контексте русской культуры // Московский сборник. СПб., 2014. С. 860.
18. «Помяните одно: только коренью основание крепко, то и древо неподвижно; только коренья не будет, к чему прилепиться?» – эпитафия к журналу «Русская беседа», предложенный К.С. Аксаковым. Из окружного послания патриарха Гермогена – Окружная грамота Москвы из «Воззвания московских людей» на «Отписку нижегородцев к вологжанам о походе Прокопия Ляпунова к Москве, о всеобщем вооружении нижегородцев и о немедленной присылке ратных людей на помощь столице», февраль 1611 года.
19. См.: РГБ. Ф. 99. Карт. 16. № 1; Московский сборник. СПб., 2014. С. 917.
20. Московский сборник. СПб., 2014. С. 917.
21. Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 110.
22. К сборнику было сделано следующее примечание: «К печатанию Сборника приступлено было еще до окончания г. Киреевским статьи его «О характере просвещения Европы», для которой и оставлено было места на три печатных листа, или 48 страниц. Но статья г. Киреевского по окончании заняла не 3, а с лишком 4 листа, отчего и произошла непоследовательность в нумерации страниц и счет листов. Таким образом всех страниц в книге – не 428, а 448».
23. В.Н. Греков же утверждает, что общий тираж сборника составил примерно 1100 экземпляров. См.: Греков В.Н. «Московский сборник» И.С. Аксакова в контексте русской культуры // Московский сборник. СПб., 2014. С. 862.
24. См.: Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 111.

25. Греков В.Н. «Московский сборник» И.С. Аксакова в контексте русской культуры... С. 861–862.
26. В скобках обозначены страницы издания «Московского сборника» 2014 года.
27. См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 12. СПб., 1898. С. 128, 129.
28. Впервые: Егоров Б.Ф. Неопубликованная рецензия А.Д. Галахова на «Московский сборник» 1852 г. // Науч. тр. Куйбышевск. гос. пед. ин-та. 1974. Т. 136. С. 34–43. Перепечатано: Московский сборник СПб., 2014. С. 831–840.
29. Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. С. 38.
30. РНБ. Ф. 391. № 17. Л. 1, 3, 4, 6, 7, 9; Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 117–118.
31. См.: Современник. 1852. Т. XXXIII. № 5. Отд. Библиография. С. 14, 16, 20; Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 118.
32. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература (1826–1855). СПб., 1908. С. 214.
33. Подр. см.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 12. СПб., 1898. С. 130–132.
34. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883). М.: Наука, 2002. С. 57.
35. Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. Т. 1. М., 1955. С. 353.
36. ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 20. Л. 5; И.С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 570.
37. См.: И.С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 343; Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 124.
38. И.С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. II. Письма 1849–1857 гг. М., 2004. С. 219.
39. И.С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. II. Письма 1849–1857 гг. М., 2004. С. 219.
40. См.: Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 139.
41. Подр. см.: Московский сборник. СПб., 2014. С. 1051–1052.
42. См.: ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 27. Отд. 1. № 26311; Бодянский О.М. Дневник. 1852–1857. М., 2006. С. 258–259; Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 117.
43. Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. С введением и примечаниями Л. Майкова. (Отдельный оттиск из «Русского обозрения» 1894 г.). М.: Университетская типография, 1894. С. 25–26.
44. Страницы даны по изданию «Московского сборника» 2014 года.

45. См.: Записка М.П. Погодина С.Т. Аксакову от 2 сентября 1852 г. (РГБ. Ф. 3. Карт. IX. Ед. хр. 1а. Л. 3); Московский сборник. СПб., 2014. С. 1181.
46. 1851 г. – описка, речь идет о 1852 г.
47. И.С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. III. Письма 1851–1860 гг. М., 1892. Приложения. С. 14–15.
48. См.: письмо Ю.Ф. Самарину от 1 июля 1852 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 1); Московский сборник. СПб., 2014. С. 1048.
49. ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. 16. Л. 1; Московский сборник. СПб., 2014. С. 1048–1049.
50. См.: Дневник Ивана Михайловича Снегирева // Русский архив. 1904. Кн. 1. С. 110, 111.
51. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 12. СПб., 1898. С. 135.
52. См.: Там же. С. 143–144.
53. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. № 471. Л. 93–93 об.; Порох В.И. И.С. Аксаков и царизм (конец 40 – начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Вып. 13. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 54–55.
54. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 12. СПб., 1898. С. 144–145.
55. Там же. С. 145–146.
56. ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. № 50. Л. 5; Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 121, 197.
57. Дело о запрещении «Московского сборника» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 43. Д. 245) // Московский сборник. СПб., 2014. С. 819–820.
58. См. подписки А.С. Хомякова и В.А. Черкасского от 19 марта 1853 г., И.В. Киреевского от 20 марта 1853 г., а также К.С. Аксакова от 23 марта 1853 г. в: Московский сборник. СПб., 2014. С. 821, 822.
59. См.: Из переписки московских славянофилов (Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову) // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 233–235.
60. Дело о запрещении «Московского сборника» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 43. Д. 245) // Московский сборник. СПб., 2014. С. 823.
61. См.: Московский сборник. СПб., 2014. С. 1050.
62. См.: Дело о запрещении «Московского сборника» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 43. Д. 245) // Московский сборник. СПб., 2014. С. 823, 826.
63. Московский сборник. СПб., 2014. С. 1047.
64. Там же. С. 1047–1048.
65. ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 4. Д. 426. Л. 329–334.
66. Там же. Л. 334 об.–336.
67. Там же. Л. 336 об.–337 об.
68. См.: ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 43. Д. 245. 17 л. Крайние даты: 10 марта 1853 г. – 10 апреля 1858 г.

69. См.: Янов А. Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825–1921. Новосибирск, 1999.

70. Соловьев В.С. Славянофильство и его вырождение // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 436.

71. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 80.

72. Греков В.Н. «Московский сборник» И.С. Аксакова в контексте русской культуры // Московский сборник. СПб., 2014. С. 916.

Исследование И.С. Аксаковым торговли на украинских ярмарках – по его письмам

См.: Мотин С.В. Исследование И.С. Аксаковым торговли на украинских ярмарках – по его письмам // Мотин С.В. «Я на тихой лире буду петь любовь»: аксаковедческие заметки и статьи 2020/21: в 2 частях. Часть 1. Уфа: издатель А.А. Словохотов, 2022. С. 336–359.

В 2020-м году Русское географическое общество отмечает свой славный 175-летний юбилей. В 1853–1854 гг. И.С. Аксаков по поручению РГО в течение года собирал данные о торговле на украинских ярмарках. В конце 1854 г. Иван Сергеевич был принят в действительные члены Императорского Русского географического общества. В 1858 г. в Петербурге был издан его труд, посвященный исследованию о торговле на украинских ярмарках, за который он был награжден Константиновской большой медалью РГО и удостоен Демидовской премии Императорской Академии наук.

Осенью 1853 г. Аксакову удалось получить от Русского географического общества поручение отправиться в Малороссию для обозрения и описания главнейших украинских ярмарок. Обозрение началось с Сумской ярмарки 22 ноября, а в Абрамцево Иван Сергеевич вернулся только через год – 18 ноября 1854 г.

Описание ярмарок, изобилующее цифирью, мало вдохновляло Аксакова, но несмотря на это утомительное занятие, он целый год ездил по полюбившейся ему Украине, знакомился с купцами, приобрел массу полезных сведений. Результатом этого труда явился богатый опыт по наблюдению народной жизни на местах и замечательное в экономическом и статистическом отношении исследование.

См.: Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках / И. Аксакова, д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1858 (2013). 10, 384, IV с.: табл. (<https://elibrigo.ru/handle/123456789/213220>).

Итак, 21 ноября Аксаков был в Сумах, а 25 ноября пишет славянофилу Александру Ивановичу Кошелеву: «Вот я и в Сумах, любезнейший Александр Иванович, верст за 700 от Москвы. <...> Покуда дела еще немного; оно

только еще накапливается. Я похож теперь на губку, отовсюду вбирающую в себя влагу <...> Я стараюсь насквозь пропитаться букетом (ароматом) края, чтобы лучше его понять и судить о нем».

Уже из Харькова 8 декабря Иван Сергеевич тому же адресату рассказывает о своих планах: «...я был на Введенской ярмарке в Сумах, переехал потом в Харьков, где пробуду декабрь и январь на Крещенской ярмарке; в начале февраля перееду в Полтаву и в конце февраля в Ромны на Маслянскую ярмарку. В марте месяце замечательных ярмарок нет и я, может быть, в марте месяце поеду в Киев. С 1 апреля начинаю путешествовать по ярмаркам Екатеринославской губернии, а в конце апреля буду на большой ярмарке в Елисаветграде Херсонской губернии; в мае должен буду побывать опять в Ромнах на Вознесенской ярмарке, оттуда на Троицкую в Харькове, оттуда на Коренную в Курск; 20 июля должен быть в Полтаве на знаменитой Ильинской ярмарке, переведенной сюда из Ромен, – с Ильинской на Успенскую в Харьков. Сентябрь месяц я проведу в Черниговской губернии (14 сентября огромная ярмарка в Кролевце Черниговской губернии); в октябре буду опять на Покровской в Харькове и останусь здесь, пока не изготворю полного подробного отчета».

И далее продолжает: «Озабочивает меня очень мое поручение, во-первых, потому, что коммерческое дело для меня совершенно ново; во-вторых, потому, что мне приходится изучать не одну отрасль промышленности, но все отрасли, имеющие своих представителей на здешних ярмарках. Постепенно вхожу и вхожу в сферу торговых вопросов и интересов. С 1 января начнется здесь и продлится целый месяц знаменитая Крещенская ярмарка <...> Так как я пользуюсь содействием министерства внутренних дел, то имею право требовать официальные отчеты и сведения. Хотя они весьма недостаточны и неверны, но и они требуют изучения, и большая часть моего времени занята покуда разборкою и соображением административных отчетов, а как наедут купцы на ярмарку, то начнется более живое изучение».

А в письме к небезызвестной Александре Осиповне Смирновой (урожденной Россет) от 5 декабря Аксаков уточняет: «Если б я предпринимал это странствование как любопытный путешественник и литератор, то я был бы совершенно доволен; но озабочивает меня очень соби́рание статистических, положительных сведений о торговле, о таком деле, которое, несмотря на все сердитые усилия моей воли, никак не роднится с моею душой! Полуофициальный характер моего поручения обязывает меня возиться с начальством, что довольно скучно; но еще скучнее возиться с купцами, которые неохотно рассказывают о торговле лицу постороннему, не все из них понимают, что за зверь такой Статистика; недоверчиво смотрят они на чиновника, опасаясь каких-нибудь налогов; но еще более смущаются, узнавая, что я в отставке и предполагая, что в моем лице скрывается какое-нибудь проклятое инкогнито».

22 декабря Сергей Тимофеевич Аксаков пишет Ивану Сергеевичу Тургеневу: «Иван мой был на Сумской ярмарке и теперь живет в Харькове, в ожидании ярмарки крещенской; письма его очень интересны, и за дело принялся он с обычной своей энергией». К сожалению, письма Ивана к родным за 8 месяцев (с 7 сентября 1853 г. и до 29 апреля 1854 г.) не сохранились.

Из письма Аксакова к А.И. Кошелеву от 25 декабря: «Работаю усердно и довольно успешно; сведений о приемах, обычаях, вообще характеристике и внутренней жизни торговли, о путешествии, странствовании и всяком мытарствовании товаров собираю и соберу множество <...> Недостает мне познаний в политической экономии и вообще ближайшего как теоретического, так и практического знакомства с финансовыми вопросами. Постараюсь познакомиться с ними “на ходу”, но этого недостаточно. <...> По каждому роду товаров, по каждой отрасли промышленности, присылающей свои произведения на ярмарку, делаю я эти подробные исследования. <...> Я доволен, впрочем, своим поручением, радуюсь этому постоянному столкновению с людьми всякой масти и шерсти, с действительною жизнью и чувствую много от того нравственной пользы. <...> Многим из наших знакомых, живущих в тесном мире своего кружка, было бы очень полезно попутешествовать таким образом».

10 апреля 1854 г. без объявления войны английская и французская эскадры (28 судов) открыли огонь по Одессе. Береговая артиллерия с успехом отразила нападение. Не удалась и предпринятая англичанами высадка десанта. 14 апреля неприятель отошел от Одессы. Высочайший манифест от 11 апреля 1854 г. о войне с Англией и Францией: Россия «ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за веру христианскую и защиту единоверных своих братии, терзаемых неистовыми врагами».

Уже 13 апреля Аксаков написал стихотворение «Пленных братьев упование...», по характеру близкое знаменитому стихотворению Алексея Степановича Хомякова «К России». Стихотворение стало известно в Москве, московский генерал-губернатор А.А. Закревский требовал заключения автора в крепость «до окончания войны». Имени автора, правда, он так и не узнал...

21 апреля Аксаков напишет письмо графине Антонине Дмитриевне Блудовой: «Я хочу вступить в какую-нибудь гражданскую должность при Дунайской армии. Существуют же канцелярии при главных квартирах, при главнокомандующем, при начальниках отдельных отрядов? Нельзя ли мне попасть в одну из подобных канцелярий, хоть в звании писца? Серьезно говорю Вам, что готов принять должность писца, только там, на Дунае. Я хочу быть ближе к театру войны, хочу. <...> Если б Вы знали как противны стали мне теперь все эти скучные статистические исследования, когда все мысли заняты одним, когда в голове только Дунай, да Дунай!»

В период с 29 апреля по 2 ноября 1854 г. Иван Сергеевич отправил к родным 26 писем, которые сохранились и в 1892 г. были впервые опубликованы. В 1994 г. эти письма к родным И.С. Аксакова с подробными коммен-

тариями были опубликованы издательством «Наука» в серии «Литературные памятники» ныне заслуженным профессором МГУ Т.Ф. Пирожковой.

В письме родным от 29 апреля из Елисаветграда И.С. Аксаков заметит: «... мне еще придется быть на 8 ярмарках, много и много изъездить, да и вернуться с готовым трудом можно будет не раньше декабря! А главное – теперь толку и пользы от этого труда мало. Настоящие события, например, совершенно почти убили Елисаветградскую ярмарку, и весь обычный, правильный ход торговли нарушен. <...> Несмотря ни на что – ни на весну, ни на ярмарку, у меня одно в голове: Дунай!»

В мае Аксаков пишет родным из Киева: «Много слышал я о Киеве, но он превзошел все мои ожидания! Я еще до сих пор не могу настоящим образом прийти в себя и отдать себе ясный отчет во всех испытанных ощущениях <...> Здесь больше, чем где-либо, чувствуешь себя русским, слышишь связь свою с прошедшим, видишь себя членом общерусской семьи, ощущаешь свое родство со всеми ее разрозненными членами, например, с малороссом, белорусцем и проч. <...> Со времени своего выезда из Полтавы я проехал слишком 600 верст на телеге, в том числе от Елисаветграда до Киева – с разными заездами – 400 верст!»

Аксаков – родным, 2 июня, Харьков: «Мне кажется, милый отесинька, что Вы меня не совсем поняли, когда я Вам писал, что хотел бы не доканчивать поручения Географического общества. Я только тогда хотел это сделать, когда имел бы в виду положительную возможность перейти на Дунай. <...> От Блудовой я уже получил два письма. Переход на Дунай очень затруднителен – из Петербурга. Всех назначает сам Паскевич <Иван Федорович (1782–1856), граф – генерал-фельдмаршал, с 1854 г. главнокомандующий войсками на западной и южной границах России>. <...> Получил я письмо от секретаря Общества <секретарем РГО в это время был В.А. Милютин>. Оно вовсе и не думает прекращать мою работу, напротив, хочет прибавить мне денег. Последнее необходимо. Прочитав все это и взвесив, я пришел к такому решению: докончить исполнение возложенного на меня поручения, стараясь всевозможно сделать описание полезным независимо от того положения, в котором находится торговля в нынешнем году <...> Между тем, завести сношения (и уже завел) с канцелярией и штабом фельдмаршала, чтобы разузнать, есть ли там какое-нибудь местечко для меня, не нуждаются ли там в человеке грамотном и проч. и проч. <...> Очень забавно, что в отчете Общества, недавно напечатанном, при исчислении разных экспедиций и командировок, сделанных Обществом, все названы по фамилиям, а про меня сказано: особый исследователь отправлен для описания ярмарок и проч. Цензор не пропустил имени. <...> Представился счастливый случай, и я купил *нетычанку* (так зовется этот экипаж в Малороссии, Новороссии и в западном краю) превосходную, заграничной венской работы за 55 рублей серебром. <...> Ярмарка официально уже началась, но шерсти еще нет: ее задержали дурные дороги. Ожидают, что она будет очень плоха. Роменская же Возне-

сенская ярмарка была, что говорится, из рук вон плоха. Здесь я пробуду неделю и потом отправлюсь в Курск».

Аксаков – родным, 7 июня, Харьков: «Очень жалко, милый отесинька, что вышла такая путаница с Географическим обществом. Действительно писал я письма к Николаю Милютину еще в декабре и к Владимиру Милютину (секретарю Общества) еще в феврале, когда еще не, имел намерения переходить на Дунай и когда события еще не оказывали такого влияния на торговлю. Я объяснял им тогда, что необходимо прибавить денег, потому что в план моего исследования вошла поездка в Елисаветград, вовсе не бывшая в виду Общества, и потому, что жизнь в ярмарочных пунктах очень дорога. Не получая ответа, не зная, сделан ли я или нет членом Общества (что довольно важно для меня при официальных моих сношениях с местными властями), я писал к Вам, и Вы хотели справиться об этом в Петербурге. Но о прекращении моего труда я не просил, потому что сложить с себя это поручение я решился бы только при возможности перейти на Дунай. <...> Очень жаль, если Милютин, сбитый с толку, не доложил Совету Общества о присылке мне еще 500 рублей. Прочтя ваше письмо, я немедленно написал Милютину, что вся эта путаница произошла от недоразумения <...> Эта ярмарка, которая называется панскою, т.е. господскою, отличается от прочих тем, что в ней продавцы все – помещики, так как шерсть главный источник доходов помещиков здешнего края. <...> Ярмарка эта продолжится еще долго, и все подробности о ней мне будут известны. Теперь же еду в Курск, т.е. еду через час».

18 июня из Курска Аксаков направляет письмо графине А.Д. Блудовой: «Итак, от Дуная мне должно отказаться. В таком случае я dokonчу возложенный на меня труд, а потом уже, разделавшись с Географическим обществом, постараюсь прикрепить себя и весь свой душевный неугомон к Дунаю, или к Одессе – или к другому месту, где происходит всемирная передряга. Я не могу сложить с себя так легко “почетное звание” описателя ярмарок: для этого надобно заплатить 2000 рублей серебром взятые мною у Общества. Но я решался и на это, – в случае возможности перейти на Дунай. Теперь же это не стоит и делать потому, что через 3¹/₂ месяца мои разъезды должны окончиться. Нельзя сказать, чтобы ярмарок не было. Они существуют; купцы, всеми силами домогающиеся денежной выручки за товары, в которые посадили свои капиталы, возят “на авось” свои товары туда, куда прежде не возили, или в большем количестве, – но дело кончается обыкновенно тем, что товары непроданные едут обратно и купцы терпят убытки. Тем не менее ярмарки могут быть описаны и теперь, – но в настоящую минуту они не то, что были в прежние годы и не дают верного понятия о нормальной своей деятельности. – Вы говорите, что под моим именем ходят какие-то нехорошие стихи. Не знаю, какие это. Я точно написал стихи, которые злонамеренными людьми легко могут быть истолкованы в дурную сторону. В них говорится о необходимости для России обновиться через сознание, отречься от лжи и идти иным, чистым путем, и проч., и проч. Такой чистый высокий подвиг

предлежит России, что он требует и от нас соответственного очищения в душе. Впрочем, Вы, верно, не желаете, чтобы я распространялся об этом предмете. И не буду. А жаль, что и теперь, несмотря на весь огромный смысл переживаемой нами минуты, честным людям зажимают рты. Помоги Бог России!».

Аксаков – родным, 20 июня, Курск: «Ярмарка кончилась, и я перебрался в Курск еще в четверг, милый отесинька и милая маменька. <...> Коренная – ярмарка горячая, как выражаются купцы. Это значит, что она вся разыгрывается в одну неделю. И действительно, настоящая торговля продолжается не дольше, но с раскладкою и укладкою товаров, с расчетами тянется около 2 недель. <...> Я, впрочем, к официальной власти и не прибегаю, делаю свои расспросы, не обнаруживая своего звания, или же знакомлюсь при пособии разных рекомендаций с важнейшими купцами, которым и объясняю цель своих исследований и которые уже и преподают мне общее понятие о движении торговли по своей части. Но очень скучно в жар таскаться по этим пыльным площадям между грудями вонючих сырых кож, между возов с соленою рыбою, которой запах так отвратителен, и между прочих товаров и расспрашивать, изыскивая разные способы вступать в разговор и получая иногда от лениво лежащих на своем товаре низкого класса торговцев прегрубые ответы. Но иногда и удается. И тогда спешешь или домой или за угол, где бы не было меня видно, чтобы отметить полученные сведения, а то как раз перепутаешь. <...> Вы не можете себе и представить, как опротивели мне ярмарки! Каждая ярмарка – масленица, а масленицу я всегда терпеть не мог. Но Коренная в этом отношении хуже всех. На ярмарке русский человек считает себя как бы вне закона и гуляет напропалую, оправдывая все словом: ярмарка! Всю ночь напролет крики и песни пьяных, пiski, визги, грубейшие шутки и грубейший разврат со всем цинизмом, до которого русский человек охотник. <...> Я люблю народное веселье: в нем есть всегда что-то законное и здоровое, но безобразное веселье, цинизм ненавижу, тем более что тут нет страсти, а какой-то холодный разврат. Впрочем, я знаю, что это разврат более внешний и мало проникающий в душу и что гораздо отвратительнее его какой-нибудь бал в Парижской опере на масленице. <...> Вы пишите мне уже в Полтаву».

Аксаков – родным, 28 июня, Харьков, Полтава: «Теперь в Полтаве во время Ильинской ярмарки я буду стоять у Попова: он предложил мне комнату, и я его не стесню: он же мне товарищ по правоведению. Между тем, это для меня очень выгодно, потому что № гостиницы, который я до сих пор занимал за 60 копеек серебром в сутки, будет ходить по 2 рубля серебром в сутки».

Аксаков – родным, 16 июля, Полтава: «...я опять возвратился в Полтаву через Ромен и нашел отношение от казначея Географического общества с присылкою мне 500 рублей серебром вдобавок к прежней сумме, чему я очень рад. Это дает мне возможность не беспокоить вас».

Аксаков – родным, 23 июля, Полтава: «Ярмарка краснорядская открыта 20-го июля, товаров навезли множество, но торговля идет очень плохо. Я каждый день вожусь и беседую с фабрикантами и торговцами. Неизвестность относительно настоящего положения политических дел очень смущает их. <...> О современных событиях говорят мало. Слухи всем надоели. – Я познакомился и близко сошелся со многими молодыми купцами и фабрикантами: некоторые из них довольно образованны и многое хорошо понимают, но слишком легко со всем мирятся. <...> Я останусь в Полтаве еще дней 10, до самого конца ярмарки...»

Аксаков – родным, 31 июля, Полтава: «Ярмарка уже кончилась: идут расчеты. В общем результате она была плоха, но лучше, чем можно было ожидать, что объясняют известиями о мирных отношениях к Австрии и Пруссии, потому что иначе купцы-евреи юго-западного края не отважились бы покупать. <...> Во всяком случае русская торговля заставляет все научные теории лопаться и расшибаться и нередко поставит в тупик немецкого ученого статистика и политико-эконома, знакомого с одними цифрами, а не с личными свойствами и характером народа. <...> я уже давно, еще по Ярославской губернии заметил, что бритые, но образованные купцы гораздо лучше небритых, гораздо надежнее последних, способны сознательно держаться своих народных начал, чем небритые, в которых все искажено и уродливо и которые не могут быть стражами народности, напротив того, по незнанию своему предадут ее на каждом шагу. Впрочем, это обширная тема, о которой лучше не распространяться. Мы слишком мало обращаем внимание на это среднее сословие, образующееся у нас и стоящее между нами и народом; я говорю о новом бритом сословии. – Прощайте, спешу захватить еще нескольких из этого сословия, куда они не уехали, чтоб потолковать с ними».

Аксаков – родным, 6 августа, Полтава: «Завтра вечером предполагаю выехать в Харьков, где 15 числа начинается Успенская ярмарка, я мог бы и позже ехать, но теперь там в сборе купечество на возвратном пути из Полтавы и в ожидании ярмарки».

Аксаков – родным, 14 августа, Харьков: «А за работу пора приняться крепче: дело подходит к концу, и берег виден. <...> Я вижу, что в труде моем будет несколько свежих мыслей и взглядов, кой-какие интересные подробности, но настоящего значения для ученых статистиков он иметь не может. Ошибок и промахов, вероятно, будет довольно, да это даже и неизбежно при таком затруднении в собирании сведений. – Как бы то ни было, я теперь по целым дням вожусь с цифрами, слагаю, вычитаю, делю и множу. Чувствуя недостаток предварительного ученого приготовления в области статистики, я вижу необходимость прочесть многие книги и сочинения, которые здесь получить трудно. Я не думаю, чтоб я совершенно окончил здесь свою работу, разве окончу ее только вчерне, и торопиться очень представлением отчета не намерен. <...> По свойству моей работы вообще я не могу ничего заключать

заранее, т.е. я обыкновенно работал запоем: когда придет бывало время писать отчет министру или что другое, так засядешь за работу, работаешь по 18 часов в день, если не больше, не спишь ночей и приведешь себя в такое напряженное состояние, что уже не голова пишет, а нервы пишут; является особенного рода вдохновение, которое пустишь вперед форейтором, так на вынос, по всем трудностям, рвам и ухабам! И вначале, право, иногда и не знаешь, что будешь писать, да и потом не в состоянии изустно передать все, что написано, но написанное выходит недурно. Разумеется, такой способ работы требует свежих крепких физических сил и не может быть очень положительен, а потому и не для всякого труда годен. Именно тут, я думаю, не раскачаешься по цифрам и математическим выкладкам! <...> теперь все покуда собираю матерьялы да обдeldываю кой-какие частности. Я нанял здесь квартиру, очень удобную и недорогую: за 2 комнаты 10 рублей серебром в месяц: обедаю в трактире. Комната моя довольно высокая, о пяти окнах, стало быть, пресветлая, и производит приятное впечатление, так что мне кажется, в ней работаться будет хорошо. <...> спешу на rendez-vous <франц., рандеву – встреча> к одному купцу, торгующему салом, и к одному нижегородскому крестьянину, торгующему полотном».

Аксаков – родным, 21 августа, Харьков: «Я вчера часа два отбирал сведения из лавки Прохорова, известнейшего ситцевого фабриканта в России³. <...> В Харькове теперь Данилевский! вчера я его видел. <...> Он познакомил меня с одним здешним помещиком, его двоюродным братом Сонцевым. Этот без литературных претензий, гораздо дельнее и интереснее, потому что не лишен практической наблюдательности и рассказал мне много любопытных фактов. <...> Какая странная война! – Я ничего уже от нее не ожидаю. – С одной стороны, для меня собственно это хорошо: этот интерес уже не отвлекает теперь моего внимания от моих занятий. Я очень усиленно теперь работаю или, лучше сказать, тороплюсь набрать матерьялов как можно более, чтоб потом разрабатывать их на досуге. Каждый день имею аудиенции у нескольких купцов, но ведь их тысячи и потому нет никакой возможности расспросить их всех. Между тем, чтобы привести в известность количество товаров, надо бы расспросить всех, и таких голов, которые бы сами интересовались этим вопросом и могли бы делать общие соображения, не имеется! Всего довольнее я молодыми купцами, которые, по крайней мере, без затруднений передают мне все, что знают, не врут, не скрывают, не опасаются обнаружить свои торговые секреты. Всего более времени пропадает у меня в пустых объяснениях и уверениях, что работа моя не повредит торговле, что от этого худа не будет, в приискании толковых и знающих людей».

Аксаков – родным, 27 августа, Харьков: «На этой неделе я переделал довольно много самого скучного дела. Как я должен описать все 11 ярмарок и привести в известность силу, оборот каждой из них и всех в совокупности, ибо они составляют между собою неразрывную цепь, то мне приходится проследить цифру оборота каждого товара на каждой ярмарке. <...> Сверх

того берется 5-летняя сложность каждого оборота. Там, где не достает моих собственных сведений, я руководствуюсь официальными ведомостями. Свод всех этих цифр чрезвычайно скучен и утомителен. В изложении мне придется оживить и осмыслить каждую цифру, но черновая работа никому не будет видна. – Считаешь, считаешь, соображаешь до тех пор, пока в глазах зарябит и голова одуреет. Нанял я одного чиновника поденно, чтоб помогать мне в этой механической работе, т.е. мы считаем вместе: я говорю, он кладет на счета, потом опять поверяем и т.п. – Впрочем, я теперь сам выучился класть на счета <...> На нынешней же неделе я обошел всех торговцев мануфактурными товарами (а их лавок до 200), отбирая сведения от каждого об общем его годовом обороте на Украине и о проч. Это невыносимый труд. Надобно было почти 200 раз толковать, кто я, зачем спрашиваю, для чего, убеждать, чтоб показали правду; иной просит обождать до завтра, чтоб справиться по книгам; другого нет в лавке, у третьего покупателя и не хочешь ему мешать. Четыре дня посвятил я на это дело, проводя по семи и более часов в лавках. Теперь, по крайней мере, я уже не в темном лесу и умею различать товары и судить о верности показаний. – Все это очень, очень утомительно: работа по мере приближения срока меня сильно озабочивает, и при совершенном моем одиночестве, при отсутствии всякого рода развлечений мне приходится работать целый день. Но я все же очень благодарен этому труду. Ценою его я купил себе возможность поехать целый год, провести весну и лето в Малороссии, многое видеть и заметить».

Осенью 1854 г. началась одиннадцатимесячная героическая оборона русскими войсками Севастополя.

Аксаков – родным, 7 сентября, Чернигов: «Я выехал из Харькова в среду на ночь и через города Богодухов и Ахтырку Харьковской губернии, Зеньков, Гадяч и Ромен Полтавский, Конотоп, Батулин, Сосницу и Березну (не Борзну) приехал в Чернигов: всего, я думаю, 450 верст. <...> познакомился в Чернигове с некоторыми нужными мне чиновниками и, предполагая остаться здесь только несколько дней, спешу забрать все необходимые мне сведения. Если успею отделаться в четверг, то хочу проехать в Кролевец не прямо, а сделать крюку верст 300, т.е. съездить в Новозыбков, посад Клинцы, Сураж, Стародуб и Новгород-Северск, попасть в Кролевец. Интересно взглянуть на этот край промышленный, богатый и так резко отличающийся от прочих уездов Черниговской губернии. В Кролевце ярмарка начинается 14 сентября и продолжается до 26-го; до 14-го я могу успеть только проскакать это пространство, но для меня важно и наглядное впечатление».

20 сентября в сражении на Альме союзники нанесли поражение российской армии, пытавшейся преградить им путь к Севастополю.

Аксаков – родным, 21 сентября, Кролевец: «Между тем торговля продолжает идти здесь своим порядком: Крым так далеко! Впрочем, заметно всеобщее неудовольствие на пренебрежение, оказываемое правительством народному чувству, именно на то, что правительство держит всё и всех в не-

известности, что не приняты меры для получения скорейших сведений и проч. Вообще восторги, возбужденные войною вначале, остыли, участие ослабело и сменяется каким-то равнодушием, каким-то апатическим упованием на милость Божию. – Все это меня очень смущает и расстроивает в моих занятиях. Я бы давно уехал в Харьков, потому что здесь нет уже мне почти никакого дела, но еще не готова одна полицейская ведомость, и я в ожидании ее хочу воспользоваться этими двумя днями, чтоб съездить в Рыльск (95 верст отсюда), где должно мне видеть некоторых купцов и вытянуть из них сведения. Они обещали мне доставить их, обещали сами приехать на ярмарку, но надули: между тем рыльская торговля сенокосными заграничными косами, медом, пенькой, салом огромна и имеет важное значение для украинских ярмарок. Как рад я буду, когда совсем разделаюсь с своим трудом. Не разъезды и не пребывание в Малороссии мне в тягость, а самые занятия и неуверенность в успешном исполнении своей задачи! Надо бы предаться делу всей душой, а тут высадка в Крым и еще хуже – неизвестность. Нельзя жить без газет в настоящее время, а в Кролевце и газет достать почти невозможно!».

С.Т. Аксаков, с припиской К.С. Аксакова – И.С. Аксакову, 26, 27 сентября, Москва: «Сегодня день рожденья и именин твоих, милый мой друг и сын Иван, с которыми поздравляю тебя, хотя знаю, что ты не любишь этого дня, что меня всегда огорчает. Мне сделалось так грустно, когда я вообразил тебя одного, что захотелось непременно написать к тебе несколько строк. Верно и ты грустишь, сердце мое это слышит. Обнимаю и благословляю тебя. Да сохранит тебя Бог. – Отец и друг твой С. Аксаков – 27 Сентября. – Мать тебя обнимает и поздравляет с днем твоего Ангела и рожденья. Она ездила вчера к обедни, и мы помолились дома. Сестры также все тебя поздравляют. – <Рукой К.С. Аксакова:> И я поздравляю и обнимаю тебя, милый Иван. – Искренно желаю, чтоб всякие и нравственные и внешние блага были в твоей жизни и чтобы ты был здоров как великан <...> Друг и брат – К. Аксаков».

Аксаков – родным, 29 сентября, Харьков: «Воображаю, в каком вы все напряженном ожидании по случаю Крымской экспедиции. Я так рад, что добрался до Харькова, где могу и газеты читать и более верные сведения получать. Еще не приступал к своей работе, да, признаюсь, не могу и приступить: все Крым в голове! <...> В Рыльске я пробыл несколько часов, виделся с нужными мне людьми – купцами, получил необходимые сведения и возвратился в Кролевец».

Аксаков – родным, 4–6 октября, Харьков: «Разумеется, как здесь, так и у вас в настоящее время один интерес: судьба Севастополя, флота, да и всего Крыма. Вот уже слишком месяц, как гостят на нашей земле англичане и французы. <...> Эта неделя почти совсем пропала у меня даром: никак не мог втянуться в свою работу. С нынешнего дня примусь за дела с утроенными усилиями. <...> Благодарю всех за поздравление, Вас в особенности, милый

мой отесинька, благодарю за Ваши добрые строки. Вы пишете между прочим: “Поздравляю, хотя и знаю, что ты не любишь этого дня, что меня всегда очень огорчает”. Не думайте этого, милый отесинька, и не огорчайтесь; напротив, принимаю Ваше поздравление всею душой. Не любить дня своего рождения, следовательно, и жизни самой – и грех и глупость. – Я действительно прежде высказывал не раз чувство неприязненное ко дню своего рождения, даже не соображая, как это должно быть грустно слышать виновникам жизни, которую проклинаят! Надо сознаться, что все это происходит большею частью от неудовлетворенной гордости и раздраженного самолюбия, от чрезмерных требований, от недостатка простоты и смирения и вообще мудрости. Нет, милый отесинька, я благодарю Бога за дар жизни и хочу жить, т.е. делать дело жизни, но без гордых задач, без заносчивых требований, не карабкаясь в герои, не взлезая на пьедесталы, не предьявляя честолюбивых притязаний ни на венец мученичества, ни на значение жертвы, ни на какое щегольское нравственное положение. Таким образом, и дела сделаешь больше, да и жить будет легче. Человек страшный щеголь и готов сделать себе пьедестал из своей внутренней дисгармонии и тревоги, из своего разлада с жизнью и с собой, из своего благородного негодования (большею частью небескорыстного), из своих великолепных порывов. Ото всего этого несет ужасною гордостью! Дай Бог побольше простоты, простоты и простоты, мудрости, мудрости и мудрости, разумеется, мудрости душевной, не той, которая почерпается из Канта или Фихте; дай Бог не раздражаться, несмотря на все раздражающее. <...> Константина благодарю за приписку и за добрые желанья».

5 октября состоялась первая бомбардировка Севастополя, во время которой на Малаховом кургане был смертельно ранен начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов.

Аксаков – родным, 12 октября, Харьков: «По последним известиям, милый отесинька и милая маменька, англо-французы, как их называют, предприняли правильную осаду, и 5-го октября началось бомбардирование. <...> Россия, кажется, начинает верить теперь, что точно война, а не шутки, и готовится к будущему году; доказательством этому служат распоряжения о разделении армий на Южную, Крымскую и т.д. и выступление гвардии из Петербурга. <...> Работа моя идет довольно медленно и потому, что труд сам по себе копотливый, и потому, что приходится часто дополнять матерьялы, ходить с расспросами по купцам. По мере того, как обозначаются размеры труда, вижу, что он потребует еще двух, трех месяцев работы. По неопытности своей в занятиях подобного рода я воображал, что можно будет в один год объехать пространство в 7000 верст, набрать матерьялов стопы две и написать отчет тома в два. Все, что касается до общего взгляда, до этнографических наблюдений и т.п. заметок, могло бы быть мною изложено скоро, без больших затруднений, но здесь всякое слово должно быть подкреплено фактами и цифрами. Может быть, я затрудняюсь еще потому, что хотел

бы сделать что-нибудь очень порядочное, особенное, а также потому, что нет навыка к подобным трудам. Впрочем, и то сказать: все путешествия и статистические описания, которые у меня теперь под рукою, составлены, изложены и изданы через год или два по собранию матерьялов. – Я решился теперь, пересмотревши тщательно все матерьялы, дополнить их сколько можно более теперь, в Харькове, пользуясь присутствием купцов на ярмарке, наполнить пробелы, поверить цифры и проч. с тем, чтоб потом, приехавши в Абрамцево, приняться за основательное, неторопливое составление отчета. – Сроком я не стеснен и мог бы остаться здесь все это время, но здесь собиранию матерьялов не будет конца. Сколько я ни беседую с купцами, а всякий раз узнаю от них что-нибудь новое, потому что сам я совершенно вне этой жизни и сжитья с нею не могу; пределов полноте и подробности сведений нет. К тому же полагаю, надо взглянуть на этот предмет несколько издали: лучше его обхватить, да и от беспрестанной работы и заботы умственный жернов несколько измолотся; не так уже свежо смотришь. Здесь, только что я начну заниматься чем-либо другим, беспокойный голос шепчет: сходи, поклонись такому-то купцу, авось-либо добьешься от него каких-либо сведений, поди, поройся в таких-то бумагах, словом, конца нет всем требованиям. А купцы во взглядах общих все друг другу противоречат. Я вообще утратил уважение к хваленому здравому русскому толку, да и подлинно, у каждого свой толк в голове, так что, если побеседуешь в день с 10 купцами, так при недостатке собственного опыта не знаешь, чему верить и чего держаться! – Впрочем, Бог даст, и удастся мне построить что-нибудь цельное из всех этих разнородных матерьялов, не надобно только терять терпение».

13 октября произошло сражение под Балаклавой, в результате которого войска союзников (20 тысяч солдат) сорвали попытку русских войск (23 тысячи солдат) деблокировать Севастополь.

Аксаков – родным, 19 октября, Харьков: «Здесь до самого 17 октября стояла очаровательная осень, такая, о которой вы в России и понятия себе составить не можете. <...> Мой труд – тяжелый труд. Он тяжел уже потому, что несвойствен моей природе, что, как я ни работай, он не возбудит участия в том круге, к которому я принадлежу, который, изучая древнюю Русь, почти не знает современной России, которому, по отвлеченности его, по малому знанию действительной жизни, даже непонятны будут все трудности моей работы, все препятствия, мною преодоленные³: я не говорю уже об участии ко мне собственно – по случаю постоянного насилия, которое я делал своим склонностям, заставляя себя писать и считать миллионы цифр! Но я благодарен этому труду уже потому, что он дал мне возможность, без отягощения другим, заплатить долгу 500 рублей серебром, изъездить пять губерний, пожить в Малороссии, куда я всегда стремился, узнать и увидеть многое. Если статистические труды, способствующие более или менее самосознанию, полезны, то и мой труд должен быть небесполезен. Я же употреблял и еще употребляю все усилия сделать его полезным и стоящим сколько-нибудь

данных мне денег. <...> сначала я должен окончить свой труд, что займет, думаю, месяца три. Теперь перечитываю все матерьялы и отмечаю все пробелы, все данные, требующие пополнения или поверки. Таких замечаний сделал я до сих пор 50. Утром и поздно вечером занимаюсь чтением своих бумаг, а днем бегаю для этого пополнения и поверки по лавкам, по купцам, отыскиваю их на чердаках и в погребах, беру приступом, несмотря на уклонение и грубости».

Императорское Русское географическое общество в собрании 30 октября 1854 г. избрало надворного советника И.С. Аксакова своим Действительным членом. Об этом сообщает сохранившееся официальное письмо РГО к И.С. Аксакову от 11 ноября 1854 г. с дипломом на это звание (№ 2026) и уставом общества.

Аксаков – родным, 2–3 ноября, Харьков: «Насчет выезда своего я не могу назначить дня его наверное, и потому не знаю, последнее ли это письмо или нет. Если я выеду на будущей неделе в конце, т.е. дней через 10 или 12, то писать уже более не буду; если же не выеду, то напишу. Задерживает меня Бодянский. Он должен был прислать мне из Полтавы разные статистические, с своей стороны им собранные, сведения об ярмарке, также официальные ведомости, но до сих пор не прислал, отговариваясь совершенно хохлацкою отговоркою: “хандра!” <...> Ах, как бы желал, чтоб это письмо было последнее!»

В Абрамцево Иван Сергеевич вернулся 18 ноября 1854 г. В Рукописном отделе Института русской литературы РАН в аксаковском фонде № 3 есть несколько архивных дел, в которых сохранились различные бумаги И.С. Аксакова, относящиеся к исследованию украинских ярмарок: Записная тетрадь с заметками об украинских ярмарках (Фонд 3. Опись 1. № 91. 46 листов); Материалы к исследованию об украинских ярмарках (Ф. 3. Оп. 1. № 92. 517 л.); Записная книжка (Ф. 3. Оп. 1. № 93. 92 л.); «Малороссия»: записная книжка (Ф. 3. Оп. 1. № 94. 57 л.); Материалы для научных работ. Бумаги его, относящиеся к исследованию украинских ярмарок: инструкция, ведомости и т.п. (Ф. 3. Оп. 1. № 106. 178 л.).

Аксаков – А.О. Смирновой, 24 ноября, Абрамцево: «Наконец воротился я из своего странствования, любезнейшая Александра Осиповна, изъездил пять губерний, сделал до 7.000 верст, коротко познакомился с Малороссией <...> Теперь же, до окончания труда, возложенного на меня Географическим Обществом, я не в праве располагать своей особой. Накопив материалов целую стопу, я приступаю теперь в Абрамцево к разработке их: работа медленная, копотливая, сухая, скучная, довольно противная моей природе, не допускающая ни вдохновения, ни увлечения. Несмотря на все мои сердитые усилия, я не полюбил своего труда: в этих коммерческих вопросах и интересах я все чувствую себя гостем, а не хозяином. <...> я принимаюсь теперь за работу, предполагая окончить ее месяца через три, после чего приеду на короткое время в Петербург».

5 декабря Аксаков переехал к Троице, думая в сравнительном уединении заняться успешнее своим отчетом об украинских ярмарках, который в большой семье, так живо принимающей к сердцу все политические события, слишком медленно подвигался. Но оказалось, что его собственное настроение еще более мешало сухой, усидчивой работе, чем многочисленная семья. Иван Сергеевич при своем пылком характере недолго мог усидеть на месте; он часто ездил в Москву, откуда привозил в Абрамцево все, что узнавал нового.

Из письма В.С. Аксаковой к М.Г. Карташевской от 17–18 января 1855 г.: «Иван же занят своим отчетом, который идет медленно, это правда, что работа довольно скучная: всё счета да вычисления. Вероятно, он еще нескоро приведет ее к окончанию».

И верно: свой отчет об исследовании торговли на украинских ярмарках Географическому обществу И.С. Аксаков дописал только через два года – в начале марта 1857-го и сам повез его в Петербург. Географическое общество было вполне вознаграждено за долгое ожидание и оценило труд автора по его заслугам, наградив его Константиновскою медалью. Впоследствии отчет этот был издан тем же Обществом и составил объемистую книгу и замечателен не только по тщательности исследования, верности взгляда, но и по умению автора придать живость и изящество изложения сухому, статистическому материалу. Иван Сергеевич получил за него Демидовскую премию Академии наук.

Выписка из журнала заседания Совета РГО от 4 июня 1858 г.: «§ 12. Доложено об окончании печатания исследования Действительного Члена И.С. Аксакова о торговле на украинских ярмарках. Определено: 1) выдать И.С. Аксакову 200 экземпляров его сочинения; 2) назначить покупную цену книги в 3 рубля серебром. Исправляющий должность Секретаря Общества». См.: *Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. Труды Императорского русского географического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858. VIII, 383, IV с.*

«Обозрение торговли на <...> одиннадцати ярмарках составляет задачу труда, представляемого ныне на суд публики. Сочинение наше разделено на две половины: первая содержит в себе описание каждого ярмарочного пункта и каждой ярмарки в отдельности; вторая – отдельные очерки торговли каждым значительным товаром, так сказать, монографии товаров, их торговой судьбы и странствования по всем ярмарочным мытарствам Украины» (с. 1).

Чтобы представить объем всей работы предлагаем ознакомиться только с оглавлением книги, которая начинается с 49-страничного Введения:

Часть первая: Харьков и Харьковские ярмарки 50. Ромен и Роменские ярмарки 97. Полтава и Ильинская ярмарка 115. Коренная ярмарка 126. Кролевец и Крестовоздвиженская ярмарка 139. Город Сумы и Введенская ярмарка 148. Елисаветград 153.

Часть вторая: О торговле мануфактурными товарами 161: 1) О бумажных материях 161. 2) О шелковых материях 170. 3) О сукнах и шерстяных материях 177. 4) О льняных и пеньковых материях 187. О торговле шерстью 197. О торговле железным и медным товаром 223: 1) Железо не в деле 223. 2) Чугун, медь, сталь 232. 3) Железные изделия 235. 4) Медные изделия 242. 5) Чугунные изделия 244. 6) Скобяной товар 245. 7) Иностранные изделия: столлярный инструмент, сенокосные косы 248. О торговле кожами сырыми, выделанными и шитым кожевенным товаром 252: 1) Сырые кожи 252. 2) Выделанные кожи 257. 3) Кожаный шитый или строченый товар 260. 4) Шорный товар 262. О торговле бакалейными и москотильными товарами 265: 1) Бакалейные товары 266. 2) Москотильные товары 271. О торговле чаем 276. О торговле съестным или овощным товаром 278. О конной торговле 281. О торговле стеклянным, хрустальным, глиняным, фарфоровым, фаянсовым товаром, зеркалами и мебелью 286. О торговле винами 291. О торговле табаком 298. О торговле рыбой 302. О торговле сахаром и сахарным песком 309. О торговле мехами или шитым пушным товаром 317: 1) Об овчинных тулупах и кожухах 322. 2) О смушках 324. О торговле галантерейным и игольным товаром 325. О торговле косметическим товаром 332. О торговле золотыми и серебряными вещами 333. О торговле писчей бумагой 335. О торговле коврами 337. О торговле прасольским товаром 339: 1) О мелкой рухляди или шкуровом товаре 342. 2) О щетине 346. 3) О пере 348. 4) О пухе 348. 5) О майке или шпанской мухе 349. 6) О гриве 350. 7) О косице и 8) о роговых кончиках 351. 9) Об анисе и 10) о конопляном масле 352. 11) О сале 353. 12) О пеньке 357. 13) О меде 359. 14) О воске 360. 15) О холсте 363. 16) О подсолнечном масле 366. О торговле черным крестьянским товаром: 1) О сукнах 367. 2) О войлоках и т.п. 368. 3) О крестьянском платье 369. 4) О съестном крестьянском товаре 371. 5) О мочальном товаре 372. 6) О бичевочном товаре 374. 7) О продаже льна и 8) о щепном товаре 376. О книжном товаре; о вате 380. О пряденой бумаге; о мыле 381. О гардинах, обоях, картузах, лаковом товаре и проч. 382. <Опечатки I–IV>.

И.С. Аксаков о записке Ф.И. Тютчева «Письмо о цензуре в России»

См.: *Мотин С.В. И.С. Аксаков о письме Ф.И. Тютчева «О цензуре в России» // Мурановские чтения – 2015: Материалы научных конференций 6 марта и 3–4 декабря 2015 года. М.: Издательство «Спутник +», 2016. С. 81–91.*

«В 1857 году Тютчев написал, в виде письма к князю Горчакову (ныне канцлеру) статью или записку о цензуре, которая тогда ходила в рукописных

списках и, может быть, немало содействовала более разумному и свободному взгляду на значение печатного слова в наших правительственных сферах»⁴⁹.

И.С. Аксаков, 1874 г.

«Нам было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы слишком решительного, слишком продолжительного стеснения и гнета без существенного вреда для всего общественного организма. Оказывается, что всякое ослабление, всякое уменьшение умственной жизни в обществе служит к выгоде материальных склонностей и гнусно-эгоистических инстинктов»⁵⁰.

Ф.И. Тютчев, 1857 г.

«В нынешних условиях смелее и честнее откровенно восстановить цензуру, которая, заменив собою все это фантастическое законодательство чем-то ясным и положительным, была бы принята печатью как настоящее благодеяние»⁵¹.

Ф.И. Тютчев, 1873 г.

Записка Ф.И. Тютчева «Письмо о цензуре в России»⁵² занимает особое место среди разнородных официальных, полуофициальных и анонимных записок, писем, статей, получивших широкое распространение с началом царствования Александра II (в ряде случаев они были прямо обращены к царю), критиковавших сложившееся положение вещей в общественном устройстве и государственном управлении и обсуждавших [с. 488] различные вопросы их реформирования⁵³. Центральная тема записки – роль литературы в духовной и общественной жизни нации, вопрос о свободе печати. Исходная точка рассуждений поэта, как впоследствии и Аксакова, славянофильский тезис об оторванности государственной власти от коренных сил страны⁵⁴. Для пони-

⁴⁹ Аксаков И.С. Федор Иванович Тютчев: (Биогр. очерк). М.: тип. В. Готье, 1874. // Русский архив. 1874. Кн. 10. Стб. 49. Также см.: Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева»: Комментарий / Науч. ред., автор сопроводит. ст. В.Н. Касаткина; Автор сопроводит. ст. и коммент., сост. указателей и альбома иллюстраций Г.В. Чагин; Пер. с франц. яз. Л.В. Гладковой. М.: АО «Книга и бизнес», 1997. 175 с.

⁵⁰ Тютчев Ф.И. Письмо о цензуре в России. Цит. по: Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: тип. М.Г. Волчанинова (б. М.Н. Лаврова и К°), 1886. С. 268. Также см. «Письмо...» Тютчева в переводе Б.Н. Тарасова: Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 3. Публицистические произведения. / РАН. Ин-т мировой лит. им. М. Горького; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Издат. центр «Классика», 2003. С. 202–212.

⁵¹ Тютчев Ф.И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 410. Это письмо к дочери А.Ф. Аксаковой продиктовано Тютчевым 7 или 8 апреля 1873 г. (Все даты здесь и далее даны по старому стилю).

⁵² См.: Тютчев Ф.И. Письмо о цензуре в России... С. 96–106; 202–212. Автограф неизвестен. Списки: РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 12. Л. 1–9, рукой Эрн.Ф. Тютчевой; писарская копия – в архиве С.Д. Полторацкого (Ф. 233. К. 11. Ед. хр. 72. Л. 1–14), содержит предваряющую ее запись: «*Pia Desideria* [Благие пожелания – лат.]. Novembre 1857»; далее – справка: «писано Федором Иван., Действ. Ст. Сов., в ноябре 1857. Предоставлено им Министру Иностранных Дел, Князю Александру Михайловичу Горчакову. Читано Государем».

⁵³ Тарасов Б.Н. Комментарии // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 3. М., 2003. С. 488–489. Подр. о «Письме» Ф.И. Тютчева см. вступит. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова: Там же. С. 488–520.

⁵⁴ Гачева А.Г. Ф.М. Достоевский, Ф.И. Тютчев и издания И.С. Аксакова // Гачева А.Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 473.

мания внутренней логики «Письма...» важно иметь в виду происходивший во второй половине XIX в. своеобразный поиск адекватного отношения к нарождавшимся в России феноменам общественного мнения, гласности, свободы журналистики⁵⁵.

И.С. Аксаков⁵⁶ в своем многогранном публицистическом творчестве много внимания уделял проблемам свободы слова и печати. В четвертом томе собрания сочинений публициста-славянофила содержится раздел «Свобода слова», в котором опубликованы 23 его статьи⁵⁷. А как редактор-издатель Аксаков на протяжении всей своей журналистской деятельности неоднократно подвергался различным карам со стороны цензурных ведомств⁵⁸. Кстати, именно осенью 1857 г. И.С. Аксаков хотел несколько преобразовать газету брата Константина «Молва», приблизив ее к современным событиям. Между тем, официальный редактор газеты С.М. Шпилевский неожиданно отказался от хлопотной должности, а нового официального редактора (губернского секретаря Н.М. Павлова) цензурный комитет предпочел не утвердить. Одновременно сместили с должности благожелательного цензора Н.П. Гилярова-Платонова, а назначенный на его место И.И. Бессомыкин в материалах первого номера «Молвы» на 1858 год вычеркнул больше половины статей. Издание еженедельной газеты при таких условиях оказалось невозможным⁵⁹.

В биографии поэта И.С. Аксаков сообщает, что в «1858 году Тютчев занял место председателя Санкт-Петербургского Комитета Иностранной Цензуры, оставаясь в то же время в ведомстве Министерства Иностранных Дел. Его просвещенное, разумно-либеральное председательство в этом Комитете, нередко расходившееся с нашим административным мировоззрением, а по-

⁵⁵ Тарасов Б.Н. Комментарии. С. 490. Подр. см.: Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892; Энгельгардт Н. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904; Лемке М.К. Очерки по истории цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати: 60–70-е годы XIX в. Л., 1989; Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997; Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001 и др.

⁵⁶ Подр. о жизни и творчестве И.С. Аксакова см.: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. В 6 вып. [В 12 ч., 1823–1886 гг.] / под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2015. 3122 с. (http://aksakov.do.am/index/aksakov_ivan_sergeevich/0-12).

⁵⁷ Аксаков И.С. Собр. соч. в 7 т. Т. 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи вышедшие отдельно. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. С. 361–530. См., напр., статьи на эту тему, опубликованные Аксаковым в 1862–1868 гг.: «По поводу проектируемых законов о печати»; «О том, что свобода слова совместима с нашей формой правления»; «Свобода слова – не политическое, а природное право каждого человека»; «Простор мысли и слова – необходимое условие для развития общества»; «О необходимости свободы для русской печати, как условия воздействия на общественное мнение Европы»; «Об основаниях для освобождения изданий от предварительной цензуры»; «О новых правилах цензуры по указу Правительствующему Сенату 6 апреля 1865 г.»; «О нецелесообразности системы предостережений»; «О некоторых юридических вопросах касательно печати» и др. Также см.: Мотин С.В. И.С. Аксаков о праве, свободе слова и цензурном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 277–280.

⁵⁸ Напр., см.: Чулков Г. Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой // Мурановский сборник. Мураново: Изд. Музея им. поэта Ф.И. Тютчева, 1928. Вып. 1. С. 7–29.

⁵⁹ См.: Кошелев В.А. Век семьи Аксаковых: повествование // «Север». Петрозаводск, 1996. № 3. С. 102.

тому под конец и ограниченное в своих правах, памятно всем, кому было дорого живое общение с Европейскою литературою. В этой должности он и состоял до самой своей кончины...»⁶⁰.

Тютчев ясно представлял себе изначальную двойственность и слабую легитимность печатного слова, его внутреннюю оппозиционность и потенциальную разрушительность <...>, склонность опираться [с. 492] на не лучшие свойства человеческой природы и т.п. Поэтому необходимость «ограждать общество от действительно вредного и предосудительного» не вызывала у него как у цензора Министерства иностранных дел с 1848 г. и председателя Комитета цензуры иностранной с 1858 г. никаких сомнений⁶¹.

Аксаков в биографии отмечает, что «Тютчев сослужил и положительную службу Русскому просвещению своим заступничеством за Русскую печать и своею деятельностью в звании Председателя Комитета Иностранной Цензуры и члена Совета в Главном Управлении по делам печати. Это заступничество, если не за полную свободу, то за больший простор Русского печатного слова, выразилось прежде всего в форме письма к нынешнему канцлеру, князю Горчакову⁶², которое ходило тогда по рукам, в списках...»⁶³

Поводом к написанию этого «письма» послужили следующие обстоятельства: «С порывом к новой усиленной жизни, объявшем всю Россию, естественно, что и Русская печать получила небывалое до тех пор значение; администрации приходилось с нею считаться и волей-неволей отводить место в ряду законных отправлений общественного организма. Вопрос был только об *объеме* отводимого места... Разумеется, с одной стороны хотели сделать этот объем неизмеримо-малым, почти призрачным; с другой домогались ширины беспредельной... Между тем Герценовская “вольная Русская печатня [с. 266] в Лондоне”⁶⁴ не могла не смутить официальные сферы и заставила их серьезно призадуматься: какими бы средствами противодействовать ее влиянию? <...> Все запреты, все полицейские способы возбранить пропуск “Колокола” оказались бессильными. “Колокол” читался всею Россией, и обаяние единственно-свободного, впервые раздавшегося Русского слова было неотразимо. В правительственных сферах пришли наконец к мысли,

⁶⁰ Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 39.

⁶¹ Тарасов Б.Н. Комментарии. С. 492–493. О деятельности поэта на этих должностях см.: Брикман М. Тютчев в Комитете цензуры иностранной // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 565–568; Чагин Г.В., Петрова Л.Е. Служба в Российской цензуре // Литературоведческий журнал. 2004. № 18. С. 45–78; Жирков Г.В. Ф.И. Тютчев – цензор-просветитель // Жирков Г.В. Журналистика: исторические этюды и портреты. СПб., 2007. С. 144–232.

⁶² С конца 1850-х гг. Ф.И. Тютчев тесно сблизился с министром иностранных дел А.М. Горчаковым и с самых разных сторон помогал ему в его деятельности. См. его письма министру и комментарии К.В. Пигарева в статье «Ф.И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России» // Литературное наследство. 1935. Т. 19–21. С. 199–235. Также см.: Кожин В. Тютчев. М., 1988. С. 384–406.

⁶³ Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 266.

⁶⁴ В 1855 г. А.И. Герцен приступил к изданию «Полярной звезды», в 1856 г. стали печататься сборники рукописных материалов «Голоса из России», а с июля 1857 г. начал выходить «Колокол», ставивший себе задачу практического влияния на ход общественной жизни в России и находивший наибольший отклик у читателей.

что наилучшим средством вывести и общество, и себя из такого фальшивого положения было бы учреждение в самом Петербурге Русского литературного органа, такого органа, который, издаваясь при содействии, покровительстве и денежном пособии от правительства, но в то же время с приемами и развязностью *почти* свободной газеты, боролся бы с Герценом и направлял бы общественное мнение на истинный путь... Для редакции такого журнала предполагалось пригласить благонамеренных, благонадежных, но однако же авторитетных литераторов... Этот-то проект, сообщенный Тютчеву на предварительное рассмотрение, и послужил поводом к его письму⁶⁵»⁶⁶.

Дочь поэта Дарья 27 октября 1857 г. сообщала сестре Екатерине, что князь А.М. Горчаков предложил их отцу «быть редактором газеты или нечто в этом роде. Однако папá предвидит множество препятствий на этом пути и в настоящее время составляет записку, которую Горчаков должен представить государю; в ней он показывает все трудности дела»⁶⁷. Именно о трудностях воплощения такого проекта (идеологических, административных, организационных, цензурных, психологических, нравственных) и ведет речь Тютчев в своей записке, которая уже в ноябре 1857 г. стала распространяться в Москве⁶⁸.

Аксаков продолжает: «Как ни очевидна была для Тютчева, а также, без сомнения, и для лица, к которому письмо было адресовано, несостоятельность такого проекта, но письмо предназначалось для обращения в некоторых известных кругах; а потому ее, эту несостоятельность, требовалось доказать, и притом доказать *деликатно*, – а это, в свою очередь, давало благовидную возможность преподать некоторое общее, более здоровое понятие о свойствах предмета, так сильно озаботившего администрацию, т.е. печати. Задачу свою Тютчев исполнил очень искусно, и письмо его было в то время истинною гражданскою заслугою...»⁶⁹

В этом месте, обратив внимание на то, что ”письмо” Тютчева «до сих пор, к сожалению, не утратило значения современности» Аксаков приступает к изложению его содержания: «“Нам было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы слишком решительного, слишком продолжительного стес-

⁶⁵ «Письмо» было представлено Тютчевым в начале ноября 1857 г. А.М. Горчакову под заглавием «Lettre sur la censure en Russie» («Письмо о цензуре в России»), а впервые опубликовано спустя 15 лет. См.: О цензуре в России. Письмо Ф.И. Тютчева к одному из членов Государственного совета. 1857 // Русский архив. 1873. Кн. I. Вып. 4. Стб. 607–620 и 620–632, на *франц.* и *рус. яз.* В предисловии к этой публикации издатель журнала П.И. Бартенев отметил, что печатает «записку» Тютчева «как произведение, знаменующее собою важную минуту в истории русского умственного развития» (Там же. Стб. 607). Также см.: Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Книга третья (1861–1873) / Сост. Т.Г. Динесман, И.А. Королева, Б.Н. Щедринский. М.: «Индрик»; Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева, 2012. С. 516.

⁶⁶ Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 266–267. Об этом подр. см.: Порох И.В. Из истории борьбы царизма против Герцена. (Попытка создания анти-«Колокола» в 1857–1859 гг.) // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964. С. 119–146.

⁶⁷ Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. II. М., 1989. С. 293.

⁶⁸ Так, М.П. Погодин 20 ноября 1857 г. записал в дневнике: «Записка Тютчева о цензуре». Цит. по: Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. II. М., 1989. С. 14.

⁶⁹ Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 267.

нения и гнета без существенного вреда для всего общественного организма. Оказывается, что всякое ослабление, всякое уменьшение умственной жизни в обществе служит к выгоде материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов. Даже сама Власть с течением времени не может уклоняться от неудобств подобной системы. Голая степь, громадная умственная пустота образуется вокруг самой Власти, и правительственная мысль, не находя вне себя ни контроля, ни указания, ни какой-либо точки опоры, кончает тем, что приходит в смущение и изнемогает под собственным бременем еще прежде, чем сокрушат ее роковые события!”

“К счастью, этот жестокий урок не пропал даром“, прибавляет Тютчев и, указывая на наступившее в России, с новым царствованием, ослабление прежней чрез[с. 268]мерной суровости в отношении к мысли и печати, он вместе с тем, сильным и убедительным словом, выставляет заслугу новой современной литературы. <...> “Вместе с живым чувством настоящей действительности, с талантом нередко весьма замечательным, литература проявила не менее живую заботливость о всех насущных нуждах, о всех интересах, о всех язвах Русского общества”. <...>

Далее Тютчев напоминает своему собеседнику пример Германии, до и после 1848 года, и ту перемену, какая произошла в отношениях Немецких правительств [с. 269] к журналистике. “Те же самые правительства, говорит он, которые смотрели на печать как на *необходимое* зло, которое приходилось по неволе терпеть, хотя и ненавидя, решились наконец поискать в ней себе вспомогательную силу” и не ошиблись в расчете. Если это возможно было в странах, потрясенных и зараженных революционным духом, то как неизмеримо легче положение правительства в России...»⁷⁰

Здесь Тютчев делает важную оговорку, что «такое искреннее отношение между правительством и умственными силами страны, такое серьезное, “честно-сознанное” и свободное руководство общественными умами возможно лишь при некоторых условиях. А именно, относительно нашей страны, следовало бы правительству “прийти наконец к тому сознанию, к которому с таким трудом приходят родители относительно детей вырастающих у них на глазах, а именно, что настает наконец такой возраст, где мысль также мужает и требует, чтоб с нею обращались как с совершеннолетнею”. Такое признание Русской общественной мысли совершеннолетнею должно быть искреннее и полное. <...> Существенно важно, по мнению Тютчева, чтобы само правительство ощутило потребность проводить свои идеи и убеждения в самую глубь народного сознания... “Было бы необходимо, – говорит он, – в виду тяжких, давящих нас затруднений, чтобы само правительство сознало, что *без этого искреннего общения с самою душою страны, без полного и всецелого пробуждения всех ее нравственных и умственных сил, [с. 270] без их добровольного и единодушного содействия в общем деле, – правительст-*

⁷⁰ Там же. С. 268–270.

ву, предоставленному собственным своим средствам, не совершить ничего, как вне России, так и внутри, как для своего, так и для нашего блага. <...> Одним словом, следовало бы всем, как обществу, так и правительству, постоянно твердить себе, что судьба России подобна кораблю севшему на мель, который никакими усилиями экипажа не может быть сдвинут с места и который только воздымающийся прилив народной жизни способен приподнять и спустить на воды...»⁷¹.

Вслед за этим Тютчев развивает свою мысль о необходимости общественных дискуссий и свободы слова в условиях цензуры: «...в наше время там, где свободы прений не существует в размерах достаточно обширных, ничто не возможно, решительно ничто, в смысле умственном и нравственном». Здесь разумеется возникает вопрос об определении размеров этой свободы, и вопрос о цензуре. Тютчев, по его словам, относится совершенно беспристрастно, без предубеждения и неприязни, к вопросу о печати, “не питает даже чрезмерно враждебного чувства и к цензуре, хотя она, в эти последние годы, тяготела над Россией как истинное общественное бедствие”; но он главным образом обвиняет цензуру в том, что она нисколько не достигает цели в смысле истинных нужд и интересов нашего отечества. Впрочем, говорит Тютчев, “дело не в мертвой букве регламентов и инструкций, а в духе их оживляющем; дело все в том, как само правительство, [с. 271] в глубине своей совести, смотрит на свои отношения к печати; какую, бóльшую или мёньшую долю законности признает оно за частною, личною мыслью...”⁷².

«Затем Тютчев переходит к Русской заграничной печати и к изданиям Герцена в особенности, и в громадном успехе последних видит вовсе не выражение особенного сочувствия к Герценовским политическим и социальным теориям...⁷³ <...> “Вся сила, по мнению Тютчева, в том, что журнал Герцена представляет для нас свободу обсуждения, конечно при условиях ненависти и пристрастия, но однако же настолько свободных (отчего же этого не признать?), что на страницах этого журнала допускаются и другие мнения, более умеренные, более рассудительные, а некоторые и положительно разумные”... “Коль скоро мы поняли, в чем состоит тайна его силы и влияния, нам уже не трудно определить, *какого свойства* должно быть оружие, которым мы можем с ним сражаться”.

Очевидно, что “газета, которая бы приняла на себя такую миссию, могла бы рассчитывать на успех только при условиях [с. 272] существования сколько-нибудь сходных с условиями своего противника. Возможны ли, мыслимы ли они у нас, в данном положении?”⁷⁴.

⁷¹ Там же. С. 270–271.

⁷² Там же. С. 271–272.

⁷³ Так, В.В. Кожин поясняет, что «Тютчев, хотя его никак нельзя считать близким Герцену мыслителем, все же разделял многие и критические, и позитивные идеи последнего. Известно, что даже в 1865 году, когда налицо было резкое размежевание всех общественных сил России, Тютчев, находясь в Париже, дважды встретился с Герценом» (Кожин В.В. Пророк в своем отечестве Федор Тютчев. М., 2002).

⁷⁴ Там же. С. 272–273.

По сути дела, этим риторическим вопросом Аксаков завершает свое изложение письма Тютчева о цензуре в России и дает ему общую оценку: «нельзя было лучше, полнее, откровеннее, тверже и мужественнее, и в то же время с большою вежливостью, с большим приличием и достоинством высказать мнение по такому жгучему вопросу, как вопрос о печати, почти пред лицом власти и особенно при условиях данного времени. Повторяем: это своего рода гражданский подвиг. Нет сомнения, что это письмо много содействовало к облегчению того гнета, который тяготел над русскою печатью, и к водворению несколько большего простора для мысли и слова, но, конечно, не в той мере, какой желал и какую советовал наш просвещенный писатель»⁷⁵.

А заканчивает Аксаков эту часть биографии Тютчева следующим антиутопическим и печальным заключением: «Та перемена во внутреннем сознании, перемена в самом воззрении на значение печати, перемена радикальная, искренняя, – на чем особенно настаивал Тютчев, – была очевидно несбыточна, потому что [с. 273] могла совершиться не иначе, как путем органического духовного перерождения целой среды, одновременно с подъемом ее умственного уровня. <...> Истина, им проповеданная, не только не могла всеми и во всей своей полноте быть “носима” в то время, пятнадцать лет тому назад, но не может еще “быть носима и ныне”, и Тютчеву, в этом отношении, готовились горькие разочарования...»⁷⁶

Уже 8 ноября 1857 г. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением А.Е. Тимашев высказывает свои замечания по поводу «Письма о цензуре в России». Он решительно возражает против какого бы то ни было смягчения цензуры, тем более против «борьбы мнений» на страницах предполагаемого правительственного издания: «Официальная газета должна быть голосом правительства, которому не следует вступать ни в споры, ни в полемику, чтобы не рисковать быть побежденным» и советует не спешить с решением дела об этом издании, ибо подобное дело «наскоро обсуждено быть не может»⁷⁷.

Спустя еще месяц, 6 декабря 1857 г., брат Ф.И. Тютчева Николай Иванович сообщает Э.Ф. Тютчевой о сочувствии, с которым было встречено в Москве «Письмо о цензуре в России»: «Рукопись моего брата произвела здесь то впечатление, которое и должна была произвести. К сожалению, все это ни к чему не приводит и служит только подтверждением притчи о жемчужинах, брошенных свиньям...»⁷⁸

⁷⁵ Там же. С. 273.

⁷⁶ Там же. С. 273–274.

⁷⁷ См.: Тимашев А.Е. Замечания при чтении записки г. Тютчева о полуофициальном журнале, который он полагал бы полезным издавать в России с целью руководить мнениями // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов. 1964. С. 128 (публ. И.В. Пороха); Цит по: Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Кн. 2: 1844–1860 / Науч. рук. Т.Г. Динесман; Сост. Т.Г. Динесман, И.А. Королева, Б.Н. Щедринский; Отв. ред. Т.Г. Динесман; ред. Н.И. Лукьянчук. [М.]: ООО «Литограф»; [Мураново]: Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. 2003. С. 278.

⁷⁸ Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. II. М., 1989. С. 293.

В этой связи важно процитировать письмо, написанное Ф.И. Тютчевым М.П. Погодину примерно в то же время, что и письмо о цензуре (13 октября 1857 г.). Тютчев советует Погодину, добивавшемуся в то время публикации своих «историко-политических писем» в России, печатать их за рубежом во избежание цензурных сокращений: «После нескончаемых проволочек поставят вам, в непременно условие, сделать столько изменений, оговорок и уступок всякого рода, что письма ваши утратят всю свою историческую современную физиономию, и выйдет из них нечто вялое, бесхарактерное, нечто вроде полуофициальной статьи, задним числом писанной. – Сказать ли вам, чего бы я желал? Мне бы хотелось, чтобы какой-нибудь добрый или даже недобрый человек – *без вашего согласия и даже без вашего ведома* издал бы эти письма так, как они есть, – за границу...⁷⁹ Такое издание имело бы свое значение, свое полное, историческое значение. – Вообще, мы до сих пор не умеем пользоваться, как бы следовало, русскими заграничными *книгопечатнями*, а в нынешнем положении дел это орудие *необходимое*. Поверьте мне, правительственные люди – не у нас только, но везде – только к тем идеям имеют уважение, которые без их разрешения, без их фирмы гуляют по белому свету... Только со *Свободным* словом обращаются они, как взрослый с взрослым, как равный с равным. На все же прочее смотрят они – даже самые благонамеренные и либеральные – как на ученические упражнения...»⁸⁰

Как мы уже знаем, тютчевское «Письмо о цензуре в России» увидело свет еще при жизни автора. 9 апреля 1873 г. после прочтения публикации поэт в письме к дочери Екатерине заметил: «Не знаю, какое впечатление произвела эта статья в Москве, здесь она вызвала лишь раздражение, ибо здесь сейчас подготавливаются законы, диаметрально противоположные тем, о которых говорится в этой записке, но, когда используешь редкую возможность высказаться, мнение оппонентов тебя не очень интересует»⁸¹. А за день или два до письма Е.Ф. Тютчевой поэт продиктовал письмо к дочери Анне, в котором писал: «Перечитывая мою записку, которая и в настоящий миг трепещет современным интересом, я убедился, что самая бесполезная вещь на сем свете быть правым. Через 30 лет все, конечно, будут думать об этом предмете то же, что я тогда думал, но зло будет уже сделано, и, вероятно, зло непоправимое»⁸².

Итак, была ли какая-нибудь практическая польза от записки Тютчева? В этом случае, на наш взгляд, можно сделать лишь некоторые предположения.

⁷⁹ Кстати говоря, в 1858 году в 4-м номере герценовской «Полярной звезды», именно так – без согласия автора – были опубликованы «судебные сцены» И.С. Аксакова «Присутственный день Уголовной палаты».

⁸⁰ Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. I. М., 1988. С. 423.

⁸¹ См.: Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. I. М., 1988. С. 480. Тютчев здесь подразумевает готовившийся новый закон о печати, принятый 16 июня 1873 г. и вносивший дополнительные ограничения по отношению к периодическим изданиям и предоставлявший министру внутренних дел право приостанавливать те газеты и журналы, в которых неподобающим образом обсуждаются «неудобные» вопросы.

⁸² См.: Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 313; Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2007. С. 411; Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Книга третья (1861–1873). М., 2012. С. 517.

Во-первых, представляется ее минимальное влияние на цензурную политику государства. Во-вторых, возможно, благодаря этой записке поэт не был назначен на многотрудную должность редактора планируемой антигерценовской правительственной газеты. И, в-третьих, вероятно, не без протекции А.М. Горчакова, оставшегося довольным «Письмом о цензуре в России», в апреле 1858 г. Тютчев был назначен председателем Санкт-Петербургского Комитета цензуры иностранной. А вот от этого назначения польза для Российского цензурного ведомства была несомненной.

«Судебные сцены» И.С. Аксакова, опубликованные А.И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году

См.: Мотин С.В. «Судебные сцены» И.С. Аксакова, опубликованные А.И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году // Пробелы в Российском законодательстве. 2016. № 2. С. 43-46.

«...эти сцены, как верная докладная записка, имеют все грустное достоинство истины, все печальное значение действительного факта. Пусть это сознание, лишаящее меня художественной заслуги вымысла, сообщит предлагаемым сценам строгую занимательность правды и смысл обличительного современного документа» [Полярная, 1858, с. 5].

И.С. Аксаков

В предлагаемой статье мы продолжаем рассматривать важные политико-правовые эпизоды из жизни и творческого наследия И.С. Аксакова [см., напр.: Мотин, 2010; 2011].

В автобиографии Ивана Сергеевича можно прочесть следующее: «В 1857 г. напечатаны в Лондоне, в “Полярной звезде” (без ведома автора), его “Судебные сцены, или Присутственный день Уголовной палаты”» [Аксаков, 1960, с. 33-34]. Уточню, что аксаковские «сцены» впервые были опубликованы в «Полярной звезде» в 1858 г. под следующим развернутым наименованием: «Отрывок из книги: Самые достоверные записки чиновника очевидца. Присутственный день Уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, бывшим секретарем Правительствующего Сената, бывшим товарищем председателя Уголовной палаты, бывшим обер-секретарем Правительствующего Сената, бывшим чиновником Министерства внутренних дел» [см.: Полярная, 1858, с. 3-100].

Однако вернемся во вторую половину 1840-х гг. В это время, с сентября 1845 по апрель 1847 г., И.С. Аксаков служил товарищем председателя уголовной палаты, т.е. уголовного суда, в городе Калуге. Именно тогда у него появился замысел написать судебные сцены, посвященные быту уголовной палаты, очевидцем которого он был на протяжении полутора лет службы. А.О. Смирнова-Россет вспоминает, что перед своим отъездом из Калуги Аксаков «читал свой *sarod'opera* <шедевр (*итал.*)> критики: “Утро в уголовной

палате”. Тут представлен Александр Иванович Яковлев <в то время – председатель калужской уголовной палаты> среди его забот о пряжках, белилах, башмаках и наряде актрис нашего губернского театра» [Смирнова, 1989, с. 230]. Судя по всему, это был первый вариант аксаковской пьесы. Так, известный исследователь славянофильства Г.Ф. Пирожкова отмечает: «Это самое большое из художественных произведений писателя. Множество деталей в пьесе указывают на то, что она создавалась еще в 40-х годах, в Калуге. Внимательный читатель заметит связь калужских писем с ”Судебными сценами”» [см.: Пирожкова, 1991, с. 19-20].

Спустя почти шесть лет, 22 января 1853 г., Аксаков из Абрамцева напишет письмо И.С. Тургеневу, в котором упоминает «судебные сцены»: «Про себя скажу вам, что я очень, очень много занимался нынешнюю зиму изучением древних наших учреждений, чтением грамот, актов и проч. О результатах этого чтения поговорим когда-нибудь на досуге. Написал я также довольно большую вещь, которую бы мне очень хотелось вам прочесть. Это – “Отрывок из книги: Самые *достоверные* записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены”... Верность, грустная верность описания в сочинении подобного рода есть главное достоинство, и я могу им похвалиться. Вы знаете, я служил почти десять лет в разных должностях и в разных углах России, и изнанка жизни, лицевую сторону которой представляют законы, именно быт судебный, мне коротко знакома» [Письма, 1894, с. 46]. Позже в письме к родным из Харькова от 14 августа 1854 г. Иван Сергеевич вспоминал: «”Судебные сцены” – тетрадь очень толстая – были написаны и два раза переписаны меньше, чем в две недели» [Аксаков, 1994, с. 297].

Аксаков в письме к родным из Петербурга от 7 сентября 1853 г. отмечал: «Вчера по приглашению <А.Д.> Блудовой обедал у них в Павловске и читал им после обеда свои “Судебные сцены”. <Д.Н.> Блудов был в восторге. Вообще эти сцены здесь в большом ходу» [Аксаков, 1994, с. 248].

Важные сведения о «судебных сценах» содержатся в приложении к 3-му тому писем Аксакова к родным, где указана дата завершения предуведомления к пьесе – это 1853 г., а также в примечании сказано, что они «напечатаны в нескольких экземплярах 1-го Дек<абря> 1854 года в Лондоне» [Аксаков, 1892, прилож., с. 2]. К сожалению, больше никаких сведений об этих «нескольких экземплярах» нам обнаружить не удалось. Можно предположить, что в этом случае речь идет не о 1854-м, а о 1857-м годе.

В 1856 г., когда цензурный гнет несколько ослаб и в подцензурной печати появились «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, Аксаков надеялся, что и его «Судебные сцены» будут пропущены цензурой [см.: Цимбаев, 1978, с. 59]. Об этом он напишет в письме к родным из Николаева 27 сентября 1856 г.: «Если в “Вестнике” напечатана статья Безобразова о русском крестьянине и “Губернские очерки”, то не было никакого основания не пропускать моих стихов и “Судебных сцен”» [Аксаков, 1994, с. 454].

Весной 1857 г., когда Аксаков находился за пределами России, А.И. Герцен послал ему письмо с предложением опубликовать «Судебные сцены» в «Полярной звезде». О путешествии Аксакова по Европе и его парижский адрес сообщил Герцену Н.А. Мельгунов [см.: Литературное, 1955, с. 358]. По всей видимости, именно последний в конце 1856 г. вместе с различными материалами для «Голосов из России» переслал Герцену и список пьесы Аксакова [см.: Эйдельман, 1966, с. 84].

Иван Сергеевич ответил на предложение Герцена отказом. Это видно, например, из письма Аксакова к родным от 24 апреля (6 мая) из Парижа: «Я получил из Лондона предложение напечатать “Утро в уголовной палате” отдельным изданием, с именем или без имени; в Лондоне – Бог знает как – два экземпляра моей “Уголовной палаты”. Но я не дал согласия. Надеюсь, что пропустят ее в России. Впрочем, так как там есть экземпляры, то, пожалуй, могут и не уважить мой отказ» [Аксаков, 2004, с. 14].

Тем не менее, 8 (20) августа 1857 г. недалеко от Лондона состоялась встреча Аксакова и Герцена, о которой впоследствии вспоминала Н.А. Тучкова-Огарева: «Приезжали и люди вполне порядочные, развитые, сочувствовавшие Герцену. Между ними один только в эту эпоху меня глубоко поразила своей благородной, немного гордой наружностью, цельностью, откровением своей натуры. Это был Иван Сергеевич Аксаков. Он знал Герцена еще в Москве. Тогда они стояли на противоположных берегах. Читая во многих зарубежных изданиях Герцена о разочаровании его относительно Запада, Аксаков, вероятно, захотел проверить лично, ближе ли стали их взгляды, и убедился, что они – деятели, идущие по двум параллельным линиям, которые никогда не могут сойтись... <...> В продолжение нескольких дней Герцен и Аксаков много спорили, ни один не считал себя побежденным, но у них было обоюдное уважение, даже больше, какая-то симпатия, какое-то влечение друг к другу; так они и расстались бойцами одного дела, но с разных отдаленных точек» [Тучкова-Огарева, 1959, с. 116]. Кстати, и Александр Иванович в письме от 17 (29) августа 1857 г. известит И.С. Тургенева: «Здесь был Ив<ан> Акс<аков>, и мы с ним очень, очень сошлись; его драмат<ические> сцены будут в IV «Пол<ярной> звез<де>» [Герцен, 1962, с. 117].

Об этих встречах Аксаков позже вспомнит в письме в редакцию газеты «День» (1863. 11 мая. № 19), подписанным псевдонимом «Касьянов». В частности, он передаст рассказ Герцена о мучительных ощущениях, пережитых им в Англии в год осады Севастополя, и его горячие уверения, что он не принимал ни малейшего участия в революционных воззваниях к раскольникам, незадолго перед тем перехваченных в России [Аксаков, 1886, с. 113].

Герцен и Аксаков договорились об обмене изданиями. Кроме того, руководитель Вольной русской типографии получил в лице Аксакова нового корреспондента. После лондонского посещения Аксакову уже не довелось больше лично встретиться с Герценом. С конца 1857 и до середины 1861 г. основной формой общения между ними была переписка, которая велась кон-

спиративно. Известны 5 писем Аксакова к Герцену за 1857–1861 гг., впервые опубликованы в газете «Вольное слово» (1883. 1 мая. № 60) и 9 писем Герцена к Аксакову за 1858–1860 гг., которые опубликованы в 30-томном собрании сочинений Герцена.

Спустя полгода после встречи, 14 (26) февраля 1858 г., Герцен спросит Аксакова: «Я еще не знаю до сих пор, получили ли вы 100 экзмп<ляров> сцен?» [Герцен, 1962, с. 161]. Речь в письме Герцена, вероятно, идет об отдельных оттисках «Судебных сцен» из «Полярной звезды» 1858 г., датированных 1857-м г. [см.: Судебные, 1857].

Между тем, 17-м февраля (1-м марта) 1858 г. отмечен выход в свет IV книги «Полярной звезды». Здесь помещено 21 произведение (в том числе 16 стихотворений: 8 – Н.П. Огарева, 6, неизданных, А.С. Пушкина и 2 – неизвестных сочинителя). Основное место в литературной части альманаха, как всегда, занимали «Былое и думы». Пользуясь смягчением обстановки в стране, Герцен напечатал, между прочим, те главы, которые прежде не решился бы: из III части («Москва после второй ссылки. 1842–47») – об отношениях и разногласиях с Грановским и другими друзьями перед отъездом, о «наших» и «не наших» (т.е. московском кружке и славянофилах) [Эйдельман, 1966, с. 80-81]. Здесь же анонимно была напечатана и пьеса Аксакова. По-видимому, согласие на опубликование «Судебных сцен» в «Полярной звезде» Герцен получил во время посещения Лондона Аксаковым [Герцен, 1962, с. 388].

Герцен считал «Судебные сцены» «гениальной вещью», в которую «только надобно вчитаться – надобно дать взойти в душе всему грустному, скрытому в смехе и пошлости» [Герцен, 1962, с. 137]. Предисловие к сценам «От издателя» было написано Герценом и подписано им 1-м декабря 1857 г.: «"Судебные сцены" были нам присланы два раза, оба раза с другими рукописями, напечатанными в четырех книжках "Русских голосов". Мы медлили в издании этого превосходного произведения, во-первых, потому, что такое сочинение составляет значительную литературную собственность; во-вторых, думая, что при новом порядке вещей, "Судебные сцены" могут быть напечатаны в России; но, кажется, что романтическое преследование взяток и бесправия так далеко не идут.

Через два года мы решаемся их печатать, извиняясь в самовольном поступке перед неизвестным автором. Нам было бы очень больно, если б он был этим недоволен.

"Голосам из России" мы не могли уступить такую пьесу, мы ее, как почетного гостя, сажаем на первое место – в наш красный угол» [Полярная, 1858, с. 4].

Прочитав это предисловие, Аксаков в первой половине мая 1858 г. отвечал: «Благодарю вас за отзыв в "Полярной звезде". Он так искусно написан, что мне до сих пор никаких запросов не было» [цит. по: Эйдельман, 1966, с. 82]. В этом же письме он писал: «Ч<еркасский В.А.> доставил мне от Шней-

дера 10 экземпляров “Полярной звезды”. Остальных покуда нет возможности доставить в Россию иначе как по частям» [цит. по: Эйдельман, 2009, с. 73].

Исследователь Т.Ф. Пирожкова замечает, что «пьеса типизирует черты, которые оставались неизменными для всей России на протяжении не одного века: суд оберегает интересы дворянского сословия, представителей которого и судить “совестно”, “просто рука не подымается”; при противоречащих свидетельствах предпочтение отдается знатному свидетелю перед незнатным; всех судить надо по всей строгости законов, а знакомого человека отчего не пощадить, а за вознаграждение – тем более; дела решает секретарь, остальные чиновники способны только бездумно подписывать готовые бумаги, что они и делают на протяжении всей пьесы» [см.: Пирожкова, 1991, с. 19-20].

В предуведомлении к своему сочинению Аксаков поясняет: «Считаю нужным объяснить читателям, с какой точки зрения смотрю я сам на свое произведение. Не изъявляя претензий на художественное достоинство эти сцены, как верная докладная записка, имеют все грустное достоинство истины, все печальное значение действительного факта. Пусть это сознание, лишаящее меня художественной заслуги вымысла, сообщит предлагаемым сценам строгую занимательность правды и смысл обличительного современного документа. <...> Гораздо опаснее для общества те грехи, которые честуются “грешками”; те пороки, которые извиняются легко, уживаются со снисходительной совестью, живут рядом с хорошими свойствами души, принимают даже какую-то вполне искреннюю, добродушную физиономию, убаюкивают самое (с. 5) сознание какую-то особенно простосердечную логикой. Эта сеть малых грешков и пороков опутывает в сильной степени наше общество и каждый из нас более или менее страдает тем же недугом. Но особенно опасно оказывается эта болезнь в быту судебном, где она в союзе с властью, где каждое ее проявление передается непосредственно тяжкими гибельными ударами действительной жизни...

С этую целью выставлены мною даже не взяточники, а люди “честные” и даже добрые. Моя служебная деятельность доставляла мне возможность узнавать таких чиновников близко, и если не всему, то весьма и весьма многому, изложенному в судебных сценах, был я сам очевидцем.

Самое трагическое здесь, по моему мнению, это неправда, совершаемая добродушно и большею частью бессознательно.

Многим покажутся скучными эти сцены, но пусть они поскучают. Пусть знакомятся они с изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляют законы, пусть знают, каким порядком по большей части совершается современный суд в России. В верности моего изложения – я убежден – поручится всякий, кому известен судебный быт не только столичный, но и провинциальный, не по одним книгам и законам, но на самом деле и по опыту» [Полярная, 1858, с. 5-6].

В пьесе всего несколько главных действующих лиц. Это – председатель палаты, два заседателя от дворянства, заседатель от купечества, секретарь, помещик, а также – три писца, главный сторож, канцеляристы, конвойные солдаты и три арестанта. Товарищ председателя и второй купеческий заседатель находятся в отпуске. Все действие происходит в присутственной комнате уголовной палаты.

Приведем лишь несколько примеров «живописных» и «красноречивых» реплик от главных действующих лиц пьесы.

1-й заседатель от дворянства. Я вам всю мудрость открою. (*Кладет перо.*) Первое дело, это чтоб секретарь был хороший и добрый, ну и – не очень корыстный. Коли секретарь человек знающий, дело-то и ладно, уж он присутствующих ни под выговор, ни под штраф не подведет... Я ведь вот как рассуждаю: ведь на что-нибудь секретарь да заведен, ведь коли бы мы и дела стали читать и законы приискивать и резолюции все сочинять, так тогда зачем и секретарь? <...> все это дело секретарское, а не наше.

Он же. У нас оттого и заведение такое, коли прокурору что в решении не нравится, или губернатору, так мы домашним образом и переправляем дело. Что его в сенат-то таскать? Зато уж, если все промахнемся, или дело решим криво, то уж все молчок, друг друга не выдадим, все шито да крыто, дело-то ведь общее...

Он же. Я вам доложу, я вот уже 17 лет здесь сижусь: не такие дела делались, рассказать вам, так и не поверите, уж про такие дела нынче и не услышите, а все, слава Богу, сходит с рук – ни жалобы, ни штрафу.

2-й заседатель от дворянства. Разумеется, если кто из знакомых попросит, так отчего ж иногда и не пощадить...

1-й заседатель от дворянства. По-моему мнению, эдакие дворянские дела и до палаты-то доводить не следует. Это бы надо, знаете, порядком домашним, семейным, через предводителя.

Председатель. То-то и есть!.. Ну как же его осудить, ведь, ей-богу, совестно как-то!.. Ведь все же он, как хотите, наш брат дворянин. Ведь для чего-нибудь нас дворяне-то выбрали.

1-й заседатель от дворянства. Был я заседателем земского суда... то-то весело жили! У нас так все волости и были поделены: у исправника свои, у заседателя свои... Что в каждой волости примерно женского полу, то одного заседателя, что в другой – то мое. Приедешь, бывало, на следствие в волость, так как сыр в масле и катаешься. Сотские уж так дело свое и знают... Ну, конечно, с иной ласкою, а иную и припугнешь.

Председатель. Один свидетель, да хорош – генерал! Генерал врать не станет, а коли соврет, значит, уж должно было так соврать, не даром! Что ж, мы и генералу не станем верить?.. Ведь генерал двух свидетелей стоит!

Он же. Ведь приговорить-то к тяжкому наказанию, да еще дворянина... это... это просто рука не подымается... А он еще и знакомый человек, и полковник, и такой приятный...

Секретарь. Вот, Александр Матвеевич, его превосходительство, губернатор прислал приговор по делу купца Панкратова. Он его не утверждает, а просит его переменить*.

* Приговоры уголовных палат поступают все на утверждение к губернатору, который, если не согласен с приговорами, представляет дело с решением палаты и со своим мнением в Сенат. Решение палаты по подписании приговора изменено членами быть не может. (*Примеч. И.С. Аксакова.*)

В царской России «Судебные сцены» были напечатаны, по крайней мере, еще трижды: в журнале «Заря» за апрель 1871 г., анонимно двумя изданиями в 1874 и 1875 гг. в Лейпциге и в приложении к 3-му тому писем И.С. Аксакова [Аксаков, 1892, прилож., с. 17-91].

И, наконец, еще один любопытный поворот темы. Уже в советское время М.С. Нароковым была опубликована пьеса, написанная на основе «судебных сцен» Аксакова [Нароков, 1939]. В модернизированных сценах получила развитие основная тема аксаковского первоисточника и появились новые сюжетные линии. М.С. Нароков в предисловии пишет: «Для этого надо было выйти из парадных стен “Присутствия” и показать холодные сени палаты, где дожидались приговора эти безвестные “имяреки”. Надо было перебросить наше внимание и в губернский “салон” и в дворянскую усадьбу, развернуть галерею характеров, той живой плоти эпохи, в гуще которой обильно заваривались и пышно расцветали ее “уголовные сюжеты”» [Нароков, 1939, с. 8]. Была ли пьеса поставлена на сцене? К сожалению, нам этот факт установить не удалось.

Подводя итоги, важно отметить, что отсутствие должной эффективности отечественного судопроизводства до сих пор остается одной из сложнейших системных проблем российской правовой жизни, а потому «Судебные сцены» И.С. Аксакова, вскрывающие систему взяточнических отношений в рамках отдельно взятой уголовной палаты, по-прежнему остаются актуальными.

Список использованной литературы

Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. VI, 846, IV с.

И.С. Аксаков в его письмах. Ч. 1, т. 3 и последний: Исследование украинских ярмарок. Ополчение. Путешествия за границу: письма 1851-1860 годов: с портретом автора 33 лет. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1892. [4], XXIV, 514, 166 с., [1] л. портр.

Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы / общ. ред. А.Г. Дементьева; вступит. ст. А.Г. Дементьева и Е.С. Калмановского; подгот. текста и примеч. Е.С. Калмановского. Л.: Советский писатель, 1960. 300 с.

И.С. Аксаков. Письма к родным, 1849–1856 / Изд. подгот. [и примеч. сост.] Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 653 с., [8] л.

И.С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. III. Письма 1857–1886 гг. / изд. подгот. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2004. 608 с.

Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Письма июнь 1856 – декабрь 1859. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 534 с.

Литературное наследство. Том 62: Герцен и Огарев. [Кн.] II / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 899 с.

Мотин С.В.: 1) И.С. Аксаков о праве, свободе слова и цензурном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 277–280; 2) И.С. Аксаков – чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел Л.А. Перовском (21.09.1848 – 05.04.1851 гг.) // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 295–299.

Нароков М.С. Уголовная палата: Пьеса в 4 действиях: (Сюжет заимствован у И.С. Аксакова). М.: Искусство, 1939. 156 с.

Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания [о Герцене и Огареве / Подготовка текста, вступ. статья и примеч. В.А. Путинцева]. М.: Гослитиздат, 1959. 382 с., 15 л. ил.

Пирожкова Т.Ф. «Много я ездил по России...» // Аксаков И.С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М.: Правда, 1991. С. 5–26.

Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. С введением и примечаниями Л. Майкова. (Отдельный оттиск из «Русского обозрения» 1894 г.). М.: Университетская типография, 1894. 152 с.

Полярная звезда на 1858. Кн. 4 / издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Лондон: Вольная русская типография, 1858. 317, [1] с.

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С.В. Житомирская; [АН СССР]. М.: Наука, 1989. 789 с., [9] л. ил.

Судебные сцены. Отрывок из книги «Самые достоверные записки чиновника очевидца». Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1857. 100 с. (Авторство И.С. Аксакова установлено по изданию «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. М., 1971. С. 4).

Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд. Моск. ун-та, 1978. 264 с.

Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966. 309 с.

Эйдельман Н.Я. Свободное слово Герцена. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 528 с.

«Я все же буду издавать “Парус” до тех пор, пока не запретят...» (к истории издания газеты И.С. Аксаковым)

См.: *Мотин С.В.* «Я все же буду издавать “Парус” до тех пор, пока не запретят...» (к истории издания газеты И.С. Аксаковым) // *Меди@льманах*. Москва, 2013. № 2. С. 65–73.

Газета «Парус» – первый газетный проект И.С. Аксакова⁸³, который стал самым быстротечным, так как газета была запрещена уже после выхода в свет второго номера. В предлагаемой статье рассматриваются три этапа истории газеты: ее разрешение и подготовка, издание и запрещение, наконец, некоторые последствия этого запрещения.

1. «...создать центральный орган славянской мысли...»⁸⁴ Аксаков начал готовиться к изданию газеты «Парус» по предложению директора Азиатского департамента МИД Егора Петровича Ковалевского. За материальным содействием Аксаков 14 февраля 1858 г. обратился к М.П. Погодину, предупреждая его: «Завтра я еду в Петербург, хлопотать о *Парусе*: мое личное присутствие там необходимо»⁸⁵. Ег.П. Ковалевский сам сочинил и написал представление от имени цензурного комитета очень убедительное, с изложением всех обстоятельств⁸⁶.

А.Ф. Аксакова в своих комментариях к переписке мужа уточняет: «Вы хлопотать себе это разрешение стоило ему немалых хлопот: еще со времени издания “Московского сборника” на нем тяготело запрещение. Главное управление цензуры затруднялось возратить ему литературные права. Тогдашний министр народного просвещения Норов предъявил Главному управлению труд Ивана Сергеевича “Исследование об украинских ярмарках”⁸⁷, – и было решено: “дозволить издание, предоставив министру ходатайствовать перед Государем особым докладом о снятии запрещения”. Издательские права были ему возвращены по высочайшему повелению, с чем вместе получено разрешение издавать и газету»⁸⁸. Разрешение на издание газеты «Парус» последовало 29 марта 1858 г.⁸⁹.

⁸³ Если не считать попытку Аксакова продолжить в 1858 г. издание газеты брата Константина «Молва». Также напомним, что Аксаков в 1851–1852 гг. подготовил в качестве составителя, редактора и, отчасти, издателя два тома славянофильского альманаха «Московский сборник» (2-й том не издан, т. к. был запрещен), а со второй половины 1858 г. и до конца 1859 г. Иван Сергеевич редактировал (хотя и не без «контроля» А.И. Кошелева) славянофильский журнал «Русская Беседа».

⁸⁴ <Автобиография> // Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 34.

⁸⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 16. СПб., 1902. С. 306.

⁸⁶ См.: РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 3. № 21. Л. 3 об.

⁸⁷ Исследование о торговле на украинских ярмарках. Труды Императорского русского географического общества. СПб., 1858. [10], 383, IV с. – В рукописном отделе РГБ сохранились два письма Аксакова к В.П. Безобразову, в одном из которых он пишет, что подает ходатайство об издании новой газеты («Парус») и просит прислать отпечатанную часть книги «Ярмарочного отчета», необходимую как речательство при разрешении на издание газеты (см.: РГБ. М–7596–1/6. 7. 3 л.).

⁸⁸ И.С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. Т. III. М., 2004. С. 33.

⁸⁹ Дело о возвращении И.С. Аксакову права быть редактором периодических изданий и о разрешении ему издавать в Москве газету «Парус» (РГИА.Ф. 772. Оп. 1. № 4363. 42 л. Л. 5).

К изданию «Паруса» Аксаков готовился очень серьезно. Он был убежден в том, что «пора альманахов, сборников прошла» и газета стала необходима. Кроме того, он видел в газете «выгодную спекуляцию», которая должна была доставить ему материальную независимость. Аксакову удалось заручиться согласием участвовать в газете многих общественных деятелей из славянских стран⁹⁰.

Аксаков начинает активную переписку с потенциальными авторами «Паруса». Еще 19 марта он в письме А.К. Толстому упоминает свою будущую газету⁹¹. В письме от 22 июня М.Ф. Раевскому⁹² Аксаков пишет: «Я получил дозволение и с октября сего года начинаю издавать от своего имени еженедельную газету под названием “Парус”. <...> Мне необходима еженедельная корреспонденция из славянских стран...»⁹³. В письме от 17 июля кн. В.А. Черкасскому он убеждает князя начать готовить целый ряд журнальных статей на 1859 г. для “Русской Беседы” и притом желал заручиться его сотрудничеством для своего “Паруса”⁹⁴. 24 августа Аксаков пишет видному деятелю чешского национального возрождения В.В. Ганке: «Мне очень бы желательно было получать по несколько раз в год Обзорение Чешской журналистики, т.е. Чешских журналов и газет; обзорение литературы, наук и искусств; также известия о каждой новости в науках, литературе и искусстве, с критической оценкою»⁹⁵. К письму было приложено Обращение к славянским деятелям от имени редакции «Русской Беседы» и «Паруса», в котором Аксаков обосновывал необходимость участия славянских ученых в изданиях “Русская Беседа” и “Парус” и призывал славянских ученых к сотрудничеству⁹⁶. В августе пишет В.И. Ламанскому: «Вы не поверите как я рад, как я всею душою рад Вашему согласию принять участие в Славянском отделе *Паруса и Беседы*»⁹⁷.

9 октября в «Московских Ведомостях» появилось и печатное объявление об издании с 1-го января 1859 г. в Москве новой еженедельной газеты «Парус»⁹⁸ (цензурное разрешение подписано Н.П. Гиляровым-Платоновым 6 октября)⁹⁹, в котором Аксаков заявил: «“Парус”, будучи вполне отдельным

⁹⁰ РГБ. Ф. Погодина, П, 1, 36, письмо Аксакова М.П. Погодину от 14.11.1858 г.; ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 48, письмо Аксакова Ю.Ф. Самарину от 14.07.1858 г. Цит. по: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 64–65.

⁹¹ См.: Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 326–327.

⁹² Раевский Михаил Федорович (1811–1884) – священник русской посольской церкви в Вене.

⁹³ И.С. Аксаков в его письмах... С. 181–182. Начать издание газеты Аксакову только с января 1859 г.

⁹⁴ См.: Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского составила кн. О. Трубецкая. Том 1, книга 1-я, ч. 1–2. М., 1901. С. 123–125.

⁹⁵ См.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 3–7; Лаптева Л. П. Связи И.С. Аксакова с западнославянскими учеными (по данным переписки) // Славяноведение. 2005. № 1. С. 46.

⁹⁶ Оригинал обращения написан на чешском языке. См.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель... С. 4–5; перевод см.: Лаптева Л. П. Связи И.С. Аксакова с западнославянскими учеными... С. 46–47.

⁹⁷ См.: Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. № 9. С. 1–2.

⁹⁸ И.С. Аксаков. «Об издании в 1859 году газеты “Парус”». Объявление. Печатное (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. № 169).

⁹⁹ В связи с этим указание А.Ф. Аксаковой о публикации этого объявления в августе (см.: И.С. Аксаков в его письмах... Т. III. М., 2004. С. 33) следует признать ошибочным.

изданием, принадлежит к одному направлению с “Русскою Беседой”» и «Наше знамя – русская народность»¹⁰⁰.

Осенью 1858 г. Иван Сергеевич поселился на Никитской, в доме княгини Голицыной¹⁰¹. 21 октября Аксаков извещал графиню А.Д. Блудову: «Я нанял для себя, для конторы и для помощника своего нижний этаж дома княгини Голицыной, на Никитской. В бельэтаже живет князь Львов с княгиней, родной сестрой В.А. Долгорукова. Я повесил было над своими окнами, аршина два или более ниже окон князя Львова, вывеску «Контора журналов “Русская беседа”, “Сельское благоустройство” и газеты “Парус”», но княгиня Львова чуть не упала в обморок от мысли, что на доме, где она живет, будет вывеска, она сочла это оскорблением своему аристократическому достоинству и бросилась искать покровительства у князя Крапоткина¹⁰²...». Аксакову в вывеске было отказано, и он решил дать этому факту наибольшую гласность – и послал публикацию в газеты, в том числе и иностранные, что привело к очередному инциденту¹⁰³.

28 октября Аксаков приглашает к сотрудничеству казанского слависта Мемнона Петровича Петровского: «Я предлагаю Вам 600 р. сер. жалованья в год от “Беседы” и от “Паруса” да квартиру с отоплением (т.е. приличную комнату с отдельным ходом, в одном со мною помещении). <...> Я предлагаю Вам: управление Славянской конторы¹⁰⁴, сношения с славянами, чтение всех получаемых нами славянских газет и журналов, составление из них кратких статей (извлечений, “новостей” и проч.) для “Паруса” и “Обзрений славянской литературы и журналистики” для “Беседы”; переводы с чешского и сербского. Для польского и болгарского у нас есть переводчики»¹⁰⁵. О своем согласии приехать в Москву М.П. Петровский сообщил Аксакову 10 ноября. Во второй половине декабря он прибыл в Москву и поселился на Никитской в одной квартире с Аксаковым и его помощником по редакции Н.В. Луженовским. Ему официально была предложена должность переводчика¹⁰⁶.

В ходе подготовки к изданию газеты Аксаков столкнулся с многочисленными проблемами, о которых 28 ноября он проинформирует кн. В.А. Черкасского: «На меня взъелись Евграф и Егор (Ковалевские), т.е. министер-

¹⁰⁰ Подр. см.: Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. М., 2008. С. 145–149.

¹⁰¹ Этим домом на Никитской в тот период владела кн. Александра Павловна Голицына (урожд. гр. Кутайсова; 1804–1881).

¹⁰² Крапоткин Алексей Иванович – князь, генерал-майор, московский обер-полицмейстер (1858–1861).

¹⁰³ См.: Письма И.С. Аксакова к А.Д. Блудовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2001. [Т. XI]. С. 340–342. См.: И.С. Аксаков в его письмах... С. 33–34. О неблагоприятных последствиях этой истории смотри ниже письмо Аксакова М.П. Погодину от 30.11.1858 г.

¹⁰⁴ См.: Кошелев А., Аксаков И. Объявление об учреждении Славянской конторы при конторах «Русской беседы» и «Паруса» в Москве. М., <1858>. 4 с.

¹⁰⁵ См.: «...Вы очень мне нужны здесь, нужны т.е. „Русской беседе“». Переписка И.С. Аксакова с М.П. Петровским (1858–1866) // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2011. С. 398, 409–412.

¹⁰⁶ См.: Там же. С. 401.

ство народного просвещения и министерство иностр<анных> дел и Тимашев¹⁰⁷ за мое объявление о “Парусе” и за письмо циркулярное к славянским литераторам¹⁰⁸. Это письмо <...> названо в официальной бумаге Ковалевского “воззвание к славянам, живущих в иностранных государствах”, которое ни в каком случае не могло быть дозволено без предварительного сношения с министерством иностр<анных> дел, что должно быть известно каждому цензору. Гилярову и Крузе – одному за пропуск объявления о “Парусе”, другому за письмо – сделано “строгое замечание”, а “Парусу”, придираясь к тому, что “в официальной утвержденной Главным Управлением цензуры программе, *нет даже слова: “славянский”*”, а говорится только об одной России, – воспрещено помещать статьи о славянах. <...> Я подал снова прошение в цензурный комитет о дополнении к официальной программе насчет славян, т.е. о позволении помещать известия о ходе науки, искусства и пр. этнографические описания и т.д. Но это история долгая. <...> А тут Тимашев испугался в объявлении слова знамя, и туда же в Главное Упр<авление> <цензуры> с жалобой. Велено иметь строгий надзор за “Парусом”. Как тут быть? Выпустить первые №№ бледными – значит утратить самую дорогую минуту первого впечатления. Ведь его ничем не поправишь потом. <...> Я все же буду издавать “Парус” до тех пор, пока не запретят. <...> Скажите Хомякову, чтоб он непременно написал стихи для “Беседы”. О стихах для “Паруса” я уже не прошу»¹⁰⁹.

Через день, 30 ноября, Иван Сергеевич извещает М.П. Погодина: «*Парусу* плохо: за ним велено наблюдать строжайше, и сильно разъярены все три ведомства: Министерство Народного Просвещения, Министерство Иностранных Дел, Третье Отделение. Первоначальная главная причина, как мне объяснили Кошелев и Оболенский, Дмитрий (он вчера приехал и нынче уехал), – это моя публикация в газетах о князе Львове. Весь Петербург оскорблен, а Долгоруков принял за личное оскорбление (она ему сестра); видят в этом умышленное нападение на аристократию». В том же письме Аксаков просит Погодина прислать ему записку Карамзина, и что у него есть «мелкого, с перцем, для *Паруса*»¹¹⁰.

Аксаков, ранее свободно относившийся к сотрудничеству западников в славянофильских изданиях, занял в 1858–1859 гг. неуступчивую позицию, стремясь придать своим изданиям строго выдержанное славянофильское на-

¹⁰⁷ Недоброжелатель Аксакова генерал-адъютант А.Е. Тимашев, в тот период (1856–1862) управляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

¹⁰⁸ Дело о строгом замечании цензорам за пропуск объявления об открытии в 1859 г. в газете «Парус» славянского отдела, воззвания редакторов журнала «Русская беседа» и газеты «Парус» к западным славянам о сотрудничестве и объявление об учреждении при этих периодических изданиях агентной славянской конторы (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 4598. 15 л.).

¹⁰⁹ В конце 1858 г., к выходу 1-го номера газеты, А.С. Хомяков написал стихотворение «Парус поднят». См.: Хомяков А.С. Стихотворения. М., 2005. С. 238, 576. См.: Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского... С. 239–242; Порох В.И. И.С. Аксаков и царизм (конец 40 – начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Вып. 13. Саратов, 1989. С. 60.

¹¹⁰ См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина... С. 310–311.

правление. Так он отказал графу А.К. Толстому в публикации его стихотворений, объясняя в письме: «Мы желаем, чтобы каждая строка нашего журнала была в известную цель, пела в общем хоре», а в письме к М.П. Погодину нетерпимость Аксакова высказана с полной определенностью: «Если бы Пушкин, Гоголь и проч. дали бы мне в *Парус* свои произведения, несогласные с духом газеты или противные моим убеждениям, так я бы не поместил»¹¹¹.

2. «...судьба моей газеты связана тесно с состоянием цензуры...»¹¹². В субботу 3 января 1859 г. в Москве вышел в свет первый номер еженедельной славянофильской газеты «Парус». Передовая статья Аксакова¹¹³ своею «необыкновенною резкостью» обратила на себя внимание цензуры, а стремление редактора газеты придать гласность многим злободневным вопросам вызвало со стороны «верхов» решительное осуждение. 6 января министр народного просвещения Ев.П. Ковалевский писал управляющему III отделением В.А. Долгорукову: «Без сомнения, Вам известен № 1 московской газеты “Парус”, издаваемой Аксаковым. Первая статья в этом номере в виде программы так отвратительна, что не может не обратить на себя внимание благомыслящего читателя. Хоть мне известно, что пропустил ее фон-Крузе (совершенно уволенный уже от службы), но тем не менее я требую по этому предмету объяснения от московского цензурного комитета и по получении оного почту своей обязанностью ходатайствовать о строгом взыскании с самого редактора и сочинителя статей. Не признаете ли, Ваше сиятельство, возможным довести об этом до высочайшего сведения»¹¹⁴. Это донесение имело печальные последствия для Аксакова.

10 января в Москве вышел второй номер «Паруса». В этом номере Аксаков опубликовал свою вторую передовую статью и отрывки из продолжения поэмы «Бродяга»¹¹⁵. Статьи М.П. Погодина¹¹⁶ и Аксакова обратили на себя неблагоприятное внимание цензуры. 17 января А.В. Никитенко в дневнике отмечал, что «“Парус” не запрещен, а только велено его следующий, то есть третий номер прислать в Петербург на предварительное рассмотрение»¹¹⁷. 21 января из Петербурга Аксаков известит Н.В. Луженовского: «На-

¹¹¹ См.: Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 326–327, письмо А.К. Толстому от 19 марта 1858 г.; Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина... С. 316, письмо М.П. Погодину от 9 января 1859 г.

¹¹² Письмо И.С. Аксакова А.И. Герцену от первой половины мая 1858 г. (Вольное слово. 1883. № 60. 1 мая. С. 5).

¹¹³ «Москва, января 3-го» // «Парус». № 1. 1859. 3 янв. С. 1–2. В этом номере была признана «неблагонамеренной» и статья Ф. Стратилатова «Несколько слов мещанина о мещанах (Письмо к редактору)» // Парус. 1859. № 1. С. 11–13.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. № 471. Л. 128–128 об.; Порох В.И. И.С. Аксаков и царизм (конец 40 – начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Вып. 13. Саратов, 1989. С. 61–62.

¹¹⁵ «Москва, января 10-го»; Бродяга (очерк в стихах). Отрывки из последней главы 1-й и из 2-й части (1850) // «Парус». № 2. 1859. 10 января. С. 17–18; С. 18–23.

¹¹⁶ «Прошедший год в русской истории. Письмо в редакцию». М. Погодин // Парус. 1859. № 2. С. 23–28.

¹¹⁷ Никитенко А.В. Записки и дневник: в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 106.

значено экстренное заседание, любезный Ник<олай> Вас<ильевич>, Главного упр<авления> цензуры по Высоч<айшему> повел<ению>, для суда над “Парусом” и для решения вопроса, быть ему или не быть. Это заседание будет завтра или послезавтра. Шансы все плохи»¹¹⁸.

Спустя почти месяц, 7 февраля Аксаков в «кратких словах» пересказал кн. В.А. Черкасскому историю «Паруса»: «...официальный мир весь раздражен, – особенно Тимашев и Долгорукий. Они наговорили Государю, что “Парус” – личное ему оскорбление, что я – образец черной неблагодарности, что я – вот как ответил на возвращенное мне право писать, и пр. и пр. Государь раздражился ужасно. Некоторое время шли толки о Вятке и Вологде, о предании суду. Кончилось тем, что отдали все это дело на рассмотрение Главного Управления цензуры, которому и велено было собраться в экстренном заседании. К сожалению, Блудов не мог быть в заседании, по болезни. Главное Управление, несмотря на то, что министерство иностранных дел объявляло себя *против запрещения* “Паруса” (находя это невыгодным по отношению к славянам), – решило запретить. Я в это время был в Петербурге, но на другой день после заседания уехал. Журнал Главного Управления пробыл у Государя дня три и был им утвержден...»¹¹⁹.

Итак, на втором номере правительство газету все-таки закрыло¹²⁰. Третий номер газеты в связи с ее запрещением не вышел, хотя Аксаков и подготовил очередную передовую статью¹²¹. Во всеподданнейшем отчете В.А. Долгорукова за 1859 г. по этому поводу говорилось: «Надворный советник Аксаков, получивший дозволение издавать в Москве газету “Парус”, в первых уже двух номерах поместил статью столь неуместного содержания, что издание газеты по высочайше утвержденному определению Главного управления цензуры прекращено»¹²².

А.В. Никитенко 26 января отметит в дневнике: «Аксакова не сослали в Вятку, но запретили его журнал. Мне передавал <А.А.> Краевский любопытный разговор Аксакова с Тимашевым. Между прочим, Аксаков сказал: “Вы боитесь, ваше превосходительство, революции. Вы правы – нам действительно угрожает революция, потому что есть заговорщики”. “Как, – спросил с ужасом Тимашев: – Где они?” – “В Третьем отделении. Третье отделе-

¹¹⁸ См.: «...Вы очень мне нужны здесь, нужны т.е. „Русской беседе“»... С. 414–415.

¹¹⁹ Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского... С. 289–292.

¹²⁰ Дело о запрещении дальнейшего издания газеты «Парус» за помещение в №№ 1–2 статей критического содержания, о выговоре Московскому цензурному комитету за пропуск статей в газете «Парус» и увольнение пропустившего их цензора П.И. Капниста, предостережение редактору «Русской газеты» за выражение в печати сочувствия направлению «Паруса» и выговору цензору за пропуск статей в «Русской газете» (РГИА.Ф. 772. Оп. 1. № 4695. 60 л.).

¹²¹ Эта статья впервые опубликована М. Петровским: Статья И.С. Аксакова, предназначавшаяся к помещению в третьем номере газеты «Парус» // Литературный вестник. Издание русского библиологического общества. Т. VII. Кн. 3. 1904. С. 4–8; см.: Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 102–106, 916.

¹²² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. № 24. Л.17; Порох И.В., Порох В.И. Герцен и И. Аксаков на рубеже 50–60-х годов XIX века // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1986. С. 95, 101.

ние своим преследованием мысли, своим гнетом готовит революцию, ссоря мыслящий класс с нашим добрейшим государем”»¹²³. Существует еще одна версия этого разговора: Тимашев, допросив Аксакова, сказал ему, что теперь, вероятно, он возненавидит его хуже Дубельта¹²⁴. Аксаков в ответ сказал: «Да вы, Александр Егорович, во сто раз хуже Дубельта; его можно было подкупить, а вас не подкупишь». Услышав такой своеобразный комплимент, Тимашев (который действительно не брал взятки) пришел в хорошее настроение и отказался от намерения сослать Аксакова в Вятку¹²⁵.

3. «Издание газеты *Парус* прекратить...» 5 февраля 1859 г. Аксаков послал М.П. Погодину собственноручно сделанную им копию с отношения министра народного просвещения Ев.П. Ковалевского к управляющему Московским учебным округом генерал-майору Н.В. Исакову за № 259 от 31 января 1859 г.: «Главное Управление Цензуры, рассмотрев представленные Московским Цензурным Комитетом по делу о газете *Парус* объяснения, от 14 и 19 сего января... <...> ...определяет: 1) Издание газеты *Парус* прекратить; 2) Московскому Цензурному Комитету сделать выговор; 3) Цензора титулярного советника Капниста предоставить мне употребить к более соответственной его способностям должности; 4) Редактору *Русской Газеты* сделать строгое предостережение, что в случае повторения в его газете подобных статей, обнаруживающих сочувствие к направлению неблагонамеренному, газета его будет подвержена запрещению; 5) Цензору Гилярову-Платонову сделать строгий выговор. – О таком определении Главного Управления Цензуры, я имел счастье всеподданнейше докладывать его императорскому величеству, и государь император, в 29 день сего января, высочайше повелеть соизволил привести оное во исполнение»¹²⁶.

Прочитав бумагу, присланную Аксаковым, М.П. Погодин в тот же день 5 февраля записал в дневнике: «Воспламенился и написал громовое письмо министру». В этом письме к Ев.П. Ковалевскому Погодин заявлял свои права свободно высказывать свои убеждения, требовал отмены заключения Главного Управления цензуры признавшего его статью неблагонамеренной, и взывал к суду самого Государя¹²⁷. Позже до Погодина дошел слух, что когда письмо его было представлено министром Государю, то он сказал: «Министром сделать не могу, а в Сибирь послать не хочу. Оставить так». Но слух этот оказался неверным, и сам Погодин в дневнике своем 25 апреля записал: «Тютчев объявил решительно, что слух об отзыве Государя выдуманный. Он промолчал. Советует ехать за границу и печатать там»¹²⁸.

¹²³ Никитенко А.В. Записки и дневник: в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 107, 108.

¹²⁴ Леонтий Васильевич Дубельт (1792-1862) – в 1839-1856 гг. управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

¹²⁵ См.: Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 198.

¹²⁶ См.: ИРЛИ. Ф. 382. № 6. Л. 1–1 об.; Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина... С. 346–348.

¹²⁷ Письмо М.П. Погодина и его реакция на письмо см.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина... С. 348–361.

¹²⁸ Там же. С. 357–358. В июне А.И. Герцен опубликовал секретные циркуляры Ев.П. Ковалевского, а также письмо к последнему М.П. Погодина, проливающие свет на закулисную сторону закрытия «Паруса» и об-

15 февраля Аксаков проинформировал Н.С. Соханскую: «...вместо *Паруса* явится *Пароход*¹²⁹. <...> Без шуток: *Парус* преобразуется в *Пароход* – такую же еженедельную газету, только не под моим именем. В сущности же не последует ни малейшей перемены, – и подписчики *Паруса* будут все получать *Пароход*»¹³⁰, а 28 февраля известит Н.В. Луженовского и М.П. Петровского: «”Парус” не выходит потому, что запрещен, но редакция хлопочет о дозволении издавать вместо “Паруса” – другую газету, и в случае разрешения переведет всех подписчиков “Паруса” на “Пароход” (так должна называться новая газета), а в случае отказа – публикует о прекращении “Паруса” и возвратит деньги гг. подписчикам...»¹³¹.

В архиве М.П. и Н.М. Петровских сохранилось скопированное М.П. Петровским отношение Ев.П. Ковалевского Н.В. Исакову (составленное, судя по указанию в тексте, после 26 февраля 1859 г.), в котором содержались некоторые, явно неприемлемые для славянофилов, требования «изменить программу по Высочайшим замечаниям», в частности – «чтобы идея о праве самобытного развития народностей, как славянских, так и иноплеменных, не имела места в газете и все, что относится до сего предмета в программе, было из нее исключено»¹³².

О реакции Аксакова на этот документ можно узнать из недатированного письма Ивана Сергеевича Ев.П. Ковалевскому: «Долгое ожидание официального разрешения и потом болезнь были причиною того, что я не отвечал на Ваше благородное и честное письмо. Условия для издания “Парохода” или “Славянского Вестника” были таковы, что принять их мог только спекулятор, ожидающий от издания каких бы то ни было выгод. Они убивают всякую жизнь и всякое сочувствие к славянскому миру; по смыслу их надобно было издавать какую-то славянскую газету и в то же время подчиняться запрещению, хотя сколько-нибудь касаться живых славянских вопросов»¹³³. Таким образом, к весне 1859 г. для Аксакова окончательно выяснилось, что ему лично не будет дано разрешение на новую газету.

«Объявление»: «По обстоятельствам, от редакции не зависящим, издание газеты *Парус* прекращено. Редакция только потому не объявила до сих пор о прекращении издания, что надеялась передать свою деятельность и свои обязательства к подписчикам – редакции другой, новой газеты. Но и это предприятие оказалось неисполненным – о чем редакция *Паруса* и имеет честь объявить всем своим Русским и заграничным Славянским подписчи-

стоятельства отказа В.Ф. Чижова издавать совместно с И.С. Аксаковым газету «Пароход»: Бешенство цензуры // Колокол. 1859. Л. 45. 15 июня. С. 367–370.

¹²⁹ См.: Аксаков, И.С. Материалы по изданию газеты «Пароход». /Адресы иногородних подписчиков...»/ (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 22. 25 л.). Номинальным редактором ежедневной газеты «Пароход» согласился стать Ф.В. Чижов.

¹³⁰ Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. № 2. С. 570–572.

¹³¹ См.: «...Вы очень мне нужны здесь, нужны т.е. „Русской беседе“... С. 416–417.

¹³² Там же. ИРЛИ. Ф. 382. № 6. Л. 2–2 об.

¹³³ См.: Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского... Приложение № 18. С. 167–169.

кам, сотрудникам и доброжелателям. – Все гг. подписчики получают назад свои деньги. <...> Иван Аксаков»¹³⁴.

P.S. «Я мог бы по всей Хорватии путешествовать безопасно и беспечно с № “Паруса” в руках. Я сам никогда не воображал, чтобы *такое* значение имел “Парус” для славян!»¹³⁵.

Несмотря на кратковременность издания, газета «Парус» оставила свой след в истории славянофильской журналистики: во-первых, как первый газетный проект Аксакова; во-вторых, «Парус» был разрешен при официальной поддержке Азиатского департамента МИД и, одновременно, выполнял цели, поставленные перед Московским славянским благотворительным комитетом; в-третьих, Аксаков в ходе подготовки и издания газеты проявил себя как последовательный сторонник свободы слова и печати; в-четвертых, «Парус» получил достаточно широкий резонанс в России и среди славянских народов; в-пятых, у лиц, ответственных за цензуру, сложилось весьма устойчивое восприятие Аксакова как неблагонамеренного редактора, что позже неоднократно подтверждалось в ходе его издательско-редакторской деятельности.

Иван Аксаков и Иоганн Блюнчли о государстве (по воспоминаниям Фридриха фон Боденштедта)

См.: *Мотин С.В.* И.С. Аксаков и И. Блюнчли о государстве (по воспоминаниям Ф. Боденштедта) // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке : материалы Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 9–10 апреля 2009 г. В 7 ч. Ч. 3. / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2009. С. 55–61.

Автор воспоминаний об Иване Сергеевиче Аксакове, опубликованных в журнале «Русская старина»¹³⁶, Фридрих фон Боденштедт (22.4.1819, Пейне, близ Ганновера – 18.4.1892, Висбаден) – немецкий писатель, переводчик, журналист. Ф. Боденштедт учился в университетах Гёттингена, Мюнхена, Берлина. В 1841-1843 гг. он был домашним учителем в Москве, затем преподавал в гимназии в Тифлисе. Ф. Боденштедт был знаком с А.И. Герценом, М.Ю. Лермонтовым, находился в переписке с Н.А. Некрасовым, Ф.И. Тютчевым, А. К. Толстым, И.С. Тургеневым. Свою известность в России он приобрел переводами К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, А.В. Кольцова, Г.Р. Державина, А.А. Фета. Именно Ф. Боденштедт первым познакомил немецких

¹³⁴ «Объявление» также содержало следующую информацию: «Печать позволяется 9 марта, 1859 года. Цензор А. Драшусов. Москва. В типографии А. Семена».

¹³⁵ Письмо И.С. Аксакова родным из Загреба от 26.06(8.07).1860 г. (И.С. Аксаков в его письмах... С. 127–128).

¹³⁶ Фридрих фон Боденштедт. Воспоминания // Русская старина. – 1887. – № 9. – С. 571-591. См. сокращенную версию в книге: Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И.С. Аксакове. Венок И.С. Аксакову. Москва И.С. Аксакова (путеводитель) / Сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г.В. Чагина. – М.: Русский мир, 2006. – С. 395-407. Все сноски на последнее издание в тексте статьи, в круглых скобках с указанием использованных страниц.

читателей с творчеством М.Ю. Лермонтова. Он издал 2-х томное «Собрание сочинений М.Ю. Лермонтова» и в 1852 г. написал работу «Поэтическое наследие М.Ю. Лермонтова». В 1854 г. по приглашению баварского короля Максимилиана Ф. Боденштедт переселился в Мюнхен, где читал лекции при университете о славянских языках и литературе, а позже о древней английской литературе. В 1867 г. Ф. Боденштедт переехал в Маннгейм, где стал заведовать придворной сценой.

В январе 1860 г., после решения А.И. Кошелева прекратить издание журнала «Русская беседа» И.С. Аксаков второй и последний раз выезжает за границу. В ходе поездки он посетил Германию, и славянские страны. В частности, с 29 февраля по 6 мая Иван Сергеевич проживал в Мюнхене¹³⁷,

Ф. Боденштедт в воспоминаниях дал следующую характеристику Ивана Сергеевича: «В моем воспоминании он остается таким, каким я узнал его во время нашего довольно близкого личного знакомства, как человек с чистым сердцем, восприимчивым ко всему хорошему и прекрасному, с теплою душою и умом возвышенным и богато одаренным природою, и который страдал в жизни более всего от того, что его идеалы не могли осуществиться. <...> Весьма простой в обращении, одетый без претензии, он не имел вида салонного героя, но походил на человека, принадлежащего к высшему кругу. Он не искал знакомств в аристократических кружках Мюнхена, где преобладающим разговорным языком, подобно Петербургу и Москве, был еще в то время язык французский. Зато он чувствовал себя прекрасно в обществе ученых, поэтов и художников, с которыми я его познакомил» (с. 407, 396).

В свою очередь, И.С. Аксаков в письме к родным от 16 марта 1860 г. следующим образом охарактеризовал Ф. Боденштедта: «...знает по-русски хорошо и знаком с литературой, но по-русски почти не говорит. Теперь он здесь профессором в университете, и один из современных немецких поэтов. Человек он умный, хотя и высокого о себе мнения и не без претензий. <...> ...любит Россию, т.е. собственно народ, и понимает его. Он рассказал мне, как трудно заставить понять немецких ученых – свободу и отсутствие определенности общины и вообще явлений народной русской жизни»¹³⁸.

Начинаются воспоминания Ф. Боденштедта со следующего фрагмента: «К посещению Ивана Сергеевича Аксакова я был подготовлен одним молодым человеком, по фамилии Рачинский¹³⁹, русским, рекомендованным мне йенским профессором Шлейденом, у которого он слушал курс ботаники. <...> О братьях Константине и Иване Сергеевиче Аксаковых Рачинский отзывался с большой любовью и уважением, но при этом заметил, что в России

¹³⁷ Все даты даны по новому стилю. О мюнхенском периоде жизни И.С. Аксакова смотри его 14 писем к родным: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. В 3 т. – М., 2003-2004. – Т. III. Письма 1857-1886 гг. Полемические речи. Воспоминания. – М., 2004. – С. 55-105.

¹³⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. В 3 т. – М., 2003-2004. – Т. III. Письма 1857-1886 гг. Полемические речи. Воспоминания. – М., 2004. – С. 63.

¹³⁹ Рачинский Александр Викторович (1826-1877) – историк, публицист, переводчик. В 1859-1862 гг. вице-консул в Варне. С 1875 г. в Архиве министерства иностранных дел.

их еще плохо понимают, так как общество, признавая их патриотические стремления благонамеренными, считает их в то же время несбыточными и неудобноисполнимыми, а их самих называют оригиналами. Только в Москве, в этом центре России, они имеют несколько сторонников, правда, не особенно многочисленных, но состоящих из людей влиятельных, тогда как в Петербурге над ними смеются и смотрят на их стремления как на возврат к древнему варварству» (с. 395-396).

Чего же хотели, к чему стремились братья Аксаковы и их немногочисленные сторонники? Автор воспоминаний следующим образом пишет об этом: «Указать народу и его руководителям в эту эпоху преобразований их истинный путь – сделалось задачей братьев Аксаковых и избранной кучки их московских друзей, и они ревностно стали трудиться над решением этой задачи. Они задались целью изменить в корне весь строй русской жизни, чего, по их мнению, можно было достигнуть без труда, так как для этого не пришлось бы прибегать ни к оружию, ни к насильственному перевороту; стоило только возвратиться миролюбивым путем к прежним, национальным формам правления, которые были попорчены и искажены, со времени насильственных реформ Петра Великого, и должны были уступить место иноземному образу правления, которому народ подчинился лишь поневоле и с внутреннею борьбою и которому теперь, после отмены крепостного права, он долго подчиняться не будет» (с. 395).

Затем начинается фрагмент воспоминаний Ф. Боденштедта, посвященный взглядам И.С. Аксакова и И. Блюнчли на государство: «Здесь же следует упомянуть прежде всего о том, чем Иван Сергеевич наиболее интересовался, т.е. о задуманных им социально-политических реформах, от которых он не только ожидал благоденствия для России, но полагал, что они будут иметь благотворное влияние и на другие народы цивилизованного мира, к которым цивилизация проникла раньше и у которых государство поглощает все силы и своим гнетом стесняет свободное развитие природных свойств человека, ибо даже в так называемых наиболее свободных государствах, как-то: в Америке, Англии, Франции и Швейцарии, господствует тирания “большинства”, которому “меньшинство” должно подчиняться, зачастую поступаясь при этом самыми священными своими убеждениями, причем истина, конечно, не может восторжествовать и настоящее единство в социальной жизни становится невысказанным, так как оно возможно лишь там, где царствует всеобщее согласие, как это было, например, во всех решениях, которые принимались на древнерусской мирской сходке. Впоследствии, когда Россия призвала к управлению иноземных князей, из этого мира развилось народное вече» (с. 397-398).

В этом месте автор воспоминаний поясняет: «Немецкое слово “Staat” вовсе не имеет соответственного выражения на русском языке; слово “земля” означает совсем иное, это есть понятие человеко-социальное. Со словом “земля” русский человек соединяет понятие о том, что дело земли есть вме-

сте с тем дело народа. Подобный народный быт (Volkszustand) не есть продукт известных общественных отношений в собственном смысле этого слова, как, например, понятие о роде; русская и вообще славянская община создана самою потребностью человеческого духа и поэтому составляет заслугу славянства...» (с. 398).

И.С. Аксаков, продолжает Ф. Боденштедт, «хотел сохранить государство, как “необходимое” – перестроив его на новых началах по плану, который должен был выработаться сообразно с “идеей славянства”, в противоположность западному государственному строю. Земля должна была управляться сама собою, причем вся бюрократия сделалась бы ненужною, взяточничество, искони разъедавшее государство, было бы искоренено и в стране сохранилась бы масса денег. – Для защиты этой земли от внешних врагов необходимо, однако, войско, которое будет состоять под начальством царя, являющегося, таким образом, защитником и покровителем страны...» (с. 398).

Затем Ф. Боденштедт замечает: «На вечера, которые проводил у меня И.С. Аксаков, я приглашал нередко нашего известного профессора государственного права Блюнчли, который доказывал с неумолимой логикой несостоятельность тех положений о государстве, на коих основывалась теория Аксакова» (с. 398).

Представим небольшую биографическую справку. Иоганн Каспар Блюнчли (7.3.1808, Цюрих – 21.10.1881, Карлсруэ), швейцарский юрист, специалист по государственному и международному праву, по истории права. Получил образование в Институте политики в Цюрихе, а также в университетах Берлина и Бонна. С 1833 г. И. Блюнчли профессор римского права в университете Цюриха. Развивал так называемую органическую теорию государства, впервые изложенную им в 1844 г. в работе «Психологические исследования о государстве и церкви». В 1847 г. обосновался в Мюнхене и спустя год был назначен профессором конституционного права Мюнхенского университета, с 1861 г. – профессором конституционного права Гейдельбергского университета. В 1865 г. И. Блюнчли был избран почетным членом Императорского Московского университета. Наиболее заметны заслуги И. Блюнчли в области военного и международного права. Его книга «Современное военное право» (1866) легла в основу документов Гаагских мирных конференций 1899 г. и 1907 г. А книга И. Блюнчли «Современное международное право» (1868), долгое время считалась «канонической» в своей области. Он был одним из основателей в 1873 г. Института международного права в Генте; в 1875-1877 гг. – его президент¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Смотри труды И. Блюнчли, переведенные на русский язык: Общее государственное право. В 2 т. – СПб, 1865-1866; О значении и успехах новейшего международного права. С приложением Антропологических очерков учений о праве и государстве. – СПб., 1867; История общего государственного права и политики от XVI в. по настоящее время. – СПб, 1874; Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. – М., 1876.

Ф. Боденштедт приводит некоторые положения, высказанные И. Блюнчли с критикой взглядов И.С. Аксакова. Этот фрагмент его воспоминаний весьма для нас важен:

«1) На слова Аксакова, что государство опирается лишь на грубую силу, он заметил: “Это неверно. Государство действительно не может обойтись без грубой силы, необходимой для поддержания внешнего порядка, но его авторитет поддерживается не этой силой, а нравственным сознанием права”.

2) На замечание Ивана Сергеевича, что истина не может выразиться в тех решениях, когда меньшинство должно подчиниться большинству, он возразил: “В правом деле решает не большинство, а воля всего собрания выражается большинством равноправных голосов; причем меньшинство, ради единства общей воли, подчиняется более сильному авторитету большинства”.

3) На замечание, что государство стремится сделать ненужною внутреннюю правду, Блюнчли заметил: “Напротив! Государство признает, что внутренняя правда не касается его, и что оно не имеет над нею власти. Внутренняя правда принадлежит индивидуальной умственной жизни, проявление которой государство вполне уважает и защищает от грубой силы. Полная свобода совести и свобода мысли признаны и обеспечены впервые цивилизованным государством”.

4) На слова Аксакова, что победа государства, как внешней правды, опирающейся исключительно как власть, влечет за собой гибель внутренней, единственно истинной и свободной правды, он возразил: “Истинная свобода и свободная правда возможны только в государстве и, разумеется, в государстве цивилизованном. Внутренняя сила нравственных законов не ослабла с тех пор, как государство отделило внешние заботы об охране закона от нравственности, и свобода внутренней правды могла развиваться беспрепятственно и без помехи лишь с тех пор, как государство пришло ему на помощь своею властью”» (с. 398-399).

Затем автор воспоминаний останавливается на реакции Ивана Сергеевича на возражения И. Блюнчли: «И.С. Аксаков выслушивал подобные разъяснения всегда с благодарностью, однако не мог вполне согласиться с ними, будучи твердо уверен, что русский народ призван судьбою выработать новый, совершенно своеобразный, государственный строй, соответственный первобытному духу народа, который скорее может подчиниться самому грубому насилию, которому подвергались бы все одинаково, нежели такому правлению, в котором всеобщая воля народа не находит выражения, ибо, говорил он, русские, как и все славяне вообще, не знают борьбы партий. <...> Аксаков не соглашался с нашим возражением, что жизнь государства немыслима без борьбы партий, а когда мы заметили ему, что он сам, как глава московской партии, ведет борьбу с петербургской партией, то он старался опровергнуть это замечание, говоря, что вовсе не считает петербуржцев за на-

стоящих русских, так как они слишком перемешаны с иноземным элементом и выросли в иноземных понятиях» (с. 399).

Наконец, Ф. Боденштедт делает следующий вывод: «Итак, хотя эти долгие беседы не привели ни к какому положительному результату, но обе стороны все-таки извлекли из них много поучительного, несмотря на то, что доводы Аксакова, увлекавшегося своей идеей, не всегда строго согласовались с логикой» (с. 399).

В этом месте мы приведем мнения И.С. Аксакова, высказанные им в письме к родным от 16 марта и в письме к брату Константину от 3 апреля 1860 г.: «Der Rechtsgelehrte Bluntschly¹⁴¹, когда я, вооружившись “Беседой”¹⁴² и рукописями Константина, стал ему излагать понятие о государстве и земстве и проч., – назвал все это Ketzerei, т.е. ересью; но под конец, кажется, понял и сознался, что тут лежат новые основы человеческого общества; он понял, согласился, что тут нет ничего общего с немецкой Jemeinde¹⁴³, признал, что это целый принцип, и сам объявил невозможным довод Чичерина¹⁴⁴, который месяца два тому назад был здесь у Блунтшли и рассказал ему об общине со своей известной точки зрения. <...> ...я уже писал, что Блунтшли, который знал мнение Чичерина от него самого, как скоро смекнул смысл и сущность общины русской, сказал, что он и знать не хочет доказательств Чичерина, потому что мнение его a priori нелепо, что такое явление как община не может быть государственным, от государства созданным институтом, что это целый принцип и т.д.»¹⁴⁵.

И в дополнение к этому в письме к брату Константину от 27 марта 1860 г. Иван Сергеевич пишет: «Недостает у меня сведений, но мне бы очень хотелось написать, обрисовать очерк развития собственно государственного элемента в Древней Руси. Именно потому, что оно было поставлено особняком, именно потому, что, как ты говоришь, государство и земля резко отделялись, имея разные призвания, именно потому государственный элемент развился на просторе в строгой логической последовательности, образно воплотился в чудовищной опричнине, довел бюрократизм, формализм и письменность допетровской Руси до такой степени, пред которой бледнеет современная казенная письменность»¹⁴⁶.

Автор воспоминаний следующим образом завершает фрагмент, связанный с жизнью И.С. Аксакова в Мюнхене: «Иван Сергеевич оставил Мюнхен первый раз в мае месяце 1860 года, с целью заняться изучением различных славянских племен Австрии. <...> Перед своим отъездом из Мюнхена, Акса-

¹⁴¹ Правовед Блунтшли (нем.).

¹⁴² Имеется в виду славянофильский журнал «Русская Беседа», который издавался в Москве в 1856-1860 гг.; всего вышло 20 томов.

¹⁴³ Общиной (нем.).

¹⁴⁴ Чичерин Борис Николаевич (1828-1904) – правовед, историк, философ, публицист, общественный деятель, яркий представитель российского либерализма.

¹⁴⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. В 3 т. – М., 2003-2004. – Т. III. Письма 1857-1886 гг. Poleмические речи. Воспоминания. – М., 2004. – С. 63, 83.

¹⁴⁶ Там же. С. 80-81.

ков сделал необходимые распоряжения для издания на немецком языке сборника наиболее замечательных, по его выбору, сочинений московских писателей» (с. 399, 400). Впоследствии Ф. Боденштедт выступил в роли издателя двухтомника произведений московских славянофилов на немецком языке под названием «Russische Fragmente» («Русские фрагменты»; Лейпциг, 1862)¹⁴⁷.

Таким образом, мы рассмотрели взгляды И.С. Аксакова и И. Блюнчли на государство, высказанные ими в ходе дискуссии в Мюнхене в 1860 г. Эти взгляды были воспроизведены на основе опубликованных в переводе на русский язык в 1887 г. воспоминаний Ф. фон Боденштедта.

И.С. Аксаков, К.С. Аксаков и «Русские идеи» (О славянофильской антологии на немецком языке)

См.: *Мотин С.В.* И.С. Аксаков, К.С. Аксаков и «Русские идеи» (О славянофильской антологии на немецком языке) // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 14 нояб. 2017 г. / М-во культуры РФ; СГИК; под ред. Т.В. Бакниной. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2018. С. 212-221.

«Мы, русские, ничего не сделали для *человечества* именно потому, что у нас нет <...> *русского воззрения*. <...> ...под русским воззрением разумеется *самостоятельное воззрение русского народа*» [1, с. 197-198; 201-202].

К.С. Аксаков (1856)

«Я считаю это дело очень полезным и важным – и для немцев, и для нас, и для науки вообще, и для науки в России в особенности. <...> ...очень важно пустить в оборот общечеловеческий русскую мысль» [2, с. 301, 302].

И.С. Аксаков – К.С. Аксакову (15(3).IV.1860)

В 2011 г. вышел в свет научный сборник, посвященный журналу «Русская беседа» [2]. Этот журнал собрал вокруг себя самых ярких представителей славянофильского направления: А.С. Хомякова, И.В. и П.В. Киреевских, К.С. и И.С. Аксаковых, А.И. Кошелева, Н.П. Гилярова-Платонова, В.А. Черкасского и других. «Русская беседа» издавалась на протяжении всего пяти лет (1856-1860), но прочно вошла в историю русской литературы и

¹⁴⁷ Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1862. Bd. I. XXVII, 314, <2> S.; Bd. II. 389 S. (Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии / Введение и издание Фридриха Боденштедта. Лейпциг: И.А. Ефрон, 1862. Т. I. XXVII, 314, <2> с.; Т. II. 389 с.). Подр. об этом см.: История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом / предисловие, публикация и комментарии А.П. Дмитриева // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. – СПб., 2011. – С. 278–300.

общественной мысли, прежде всего, как славянофильский орган, возникший в период наиболее пышного цветения «старого» славянофильства [см.: 2, с. 5].

Один из разделов сборника, подготовленный А.П. Дмитриевым, связан с историей перевода наиболее важных статей «Русской беседы» на немецкий язык [3]. Сюда вошли: предисловие публикатора (с. 278–300), письмо И.С. Аксакова к брату К.С. Аксакову от 3 апреля 1860 г. о проекте славянофильской антологии на немецком языке (с. 301–309), содержание опубликованной антологии (с. 310–311), введение к антологии Фр. Боденштедта, впервые переведенное на русский язык (с. 312–340) и, наконец, рецензия на антологию, подготовленная П.И. Бартневым (с. 341–343). Опираясь на материалы раздела, рассмотрим историю славянофильской антологии на немецком языке.

В 1860 г. И.С. Аксаков [о нем см.: 4], совершил путешествие за границу – сначала в Германию, а затем по Славянским землям Австрии. Одной из важных целей поездки являлся замысел опубликовать в немецкой печати подборку лучших славянофильских статей по истории, философии, социологии и эстетике, вышедших в свет в 1850-е гг. Об этом он писал 27 (15) января 1860 г. из Лейпцига настоятелю русской посольской церкви в Вене прот. М.Ф. Раевскому: «У меня есть намерение издать здесь книгу под названием „Russische Ideen“ – т.е. сборник или выборку замечательнейших статей из „Русской беседы“, „Сельского благоустройства“ и пр., таких, в которых бы ученый мир европейский ознакомился с оригинальной русскою мыслью, разрабатываемую, конечно, только славянофилами. Немцы говорят, что русские не выработали никакой идеи; вот и следует им показать, что наша идея далеко их опередила и что все, смутно сознаваемое Рилем, Фребелем и другими достойными немцами, давно высказано и ясно создано славянофилами и воплощено в жизни русского народа» [5, с. 206].

Для справки: Вильгельм Генрих Риль (Riehl; 1823–1897) – немецкий публицист, издатель и писатель, профессор Мюнхенского университета; Фридрих Вильгельм Август Фребель (Fröbel; 1782–1852) – немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания.

На следующий день в письме к родным, Аксаков замечает, что название „Russische Ideen“ было предложено его братом Константином, и здесь же употребляет это словосочетание на русском языке: «Очень бы хотелось перевести скорее на немецкий язык „Русские Идеи“, но жаль, что большая часть идей не изложена на бумаге» [5, с. 37].

Получается, что словосочетание „Russische Ideen“ («Русские Идеи») братьями Аксаковыми было использовано, по крайней мере, уже в январе 1860 г. Кстати, Иван еще 13 апреля 1859 г. в письме к прот. М.Ф. Раевскому употребляет словосочетание «идея русской народности»: «...редакция “СПБ Ведом<остей>” принадлежит, как у нас называется, к западникам, постоянно глумится над славянофильством и славянофилами, проповедует презрение к

русской народности и к народности вообще, восстает против наших требований самобытного развития, наконец в деле православных убеждений совершенно индифферентна. Тогда как у нас идея славянской народности коренится на идее русской народности и вообще на принципе народности» [5, с. 200]. Кроме того, еще в двух первых книгах «Русской беседы» за 1856 г. были опубликованы две небольшие статьи К.С. Аксакова с весьма характерными названиями «О русском воззрении» и «Еще несколько слов о русском воззрении» [6].

В связи с этим в сравнительном плане интересно отметить, что Ф.М. Достоевский словосочетание «*русская идея*» впервые употребил в 1860 г. в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год» [см.: 7, с. 13; 8]. Вот в каком контексте Достоевский использует это выражение: «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности. Недаром же мы говорили на всех языках, понимали все цивилизации, сочувствовали интересам каждого европейского народа, понимали смысл и разумность явлений, совершенно нам чуждых» [9, с. 7]. Впервые опубликованное в октябре 1860 г. объявление рассылалось при журналах и газетах «Сын отечества», «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Искра» и др. с подписью: Редактор М. Достоевский [9, с. 386].

В дальнейшем И.С. Аксаков все больше и больше утверждался в том, что проект славянофильской антологии – дело насущное и чрезвычайно важное, и находил все новые мотивы для его осуществления. Так, в письме родным от 25 (17) февраля он размышляет: «Мысли издать в Германии „Сборник“ на нем<ецком> языке я продолжаю держаться. Во-1-х, мне самому будет очень приятно и очень полезно заняться таким сводом, таким систематизированием славяноф<ильских> идей; во-2-х, потому, что в Германии найдутся серьезные головы, способные задуматься над ними и пустить их в обращение, внести в общечеловеческий капитал мысли и знания. Но недостаток переводчиков меня затрудняет» [5, с. 53].

Свой проект Аксаков собирался снабдить сопроводительной статьей, подготовленной немецким автором. В указанном выше письме впервые встречается имя поэта, прозаика, драматурга и историка литературы Фридриха фон Боденштедта, на котором в конце концов и остановится выбор Аксакова: «У меня есть в виду переводчик в Мюнхене, Боденштедт, прекрасно знающий русский язык и прекрасно переведший немецкими стихами стихотворения Лермонтова» [5, с. 53]. Спустя 20 дней, 16 (4) марта, Аксаков общал родным: «...познакомился я наконец с Боденштедтом. Он был некогда

учителем у Голицыных, жил в Москве и потом довольно много на Кавказе, знает по-русски хорошо и знаком с литературой, но по-русски почти не говорит. Теперь он здесь профессором в университете, – и один из современных немецких поэтов» [5, с. 62-63].

Боденштедт в мемуарном очерке «Иван и Константин Аксаковы», датированном 7 июня 1887 г., отмечал: «Указать народу и его руководителям, в эпоху преобразований, их истинный путь – сделалось задачей братьев Аксаковых и избранной кучки их московских друзей, и они ревностно стали трудиться над решением этой задачи. Они задались целью изменить в корне весь строй русской жизни, чего, по их мнению, можно было достигнуть без труда, так как для этого не пришлось бы прибегать ни к оружию, ни к насильственному перевороту; стоило только возвратиться миролюбивым путем к прежним, национальным, формам правления, которые были попорчены и искажены со времени насильственных реформ Петра Великого и должны были уступить место иноземному образу правления, которому народ подчинился лишь поневоле и с внутреннею борьбою и которому теперь, после отмены крепостного права, долго подчиняться не будет» [10].

15 (3) апреля, поздравляя Константина с Пасхой, Иван выслал ему из Мюнхена «План издания» будущей антологии [3, с. 304-306]. В связи с этим А.П. Дмитриев отмечает: «Если сопроводительное письмо к Константину Сергеевичу в свое время (в 1892 г.) было опубликовано вдовой Ивана Сергеевича А.Ф. Аксаковой (правда, с исключением одного фрагмента в конце и, с точки зрения современной текстологии, недостаточно корректно), то приложенный к письму «План издания» хотя и сохранился в архиве Аксаковых в Пушкинском Доме, но пребывал там, так сказать, автономно, не в составе папок, включающих переписку братьев друг с другом, и напечатан до сих пор не был (архивисты предположительно датировали его 1859 г.). Поскольку упомянутое письмо представляет собой развернутый комментарий к впервые публикуемому нами «Плану издания», оно также полностью воспроизводится по автографу...» [3, с. 290].

Остановимся на основных моментах Плана, изложенных в письме Ивана Сергеевича к брату: «Посылаю тебе перечень статей, назначенных мною к переводу. Так как это издание тогда только может ожидать успеха в Германии, когда будет издано немцем и от немца; и так как я сам могу только относительно судить о достоинстве нем<ецкого> перевода, и так как это дело продолжительное, – то мы с Боденштедтом уговорились так: он берет на себя весь труд, т.е. будет заведовать переводами и думать издавать ливрезонами <томиками (от *фр.*)> предпослав наперед Einleitung <предисловие (нем.)>. <...> ...я разделил все на 6 отделов. Каждый ливрезон сверх того будет иметь вступительную статью Боденшт<едта>, объясняющую значение помещаемых статей. Но исполнение этого дела зависит еще от многих условий, о которых, по собрании подробных сведений, я буду писать Кошелеву: нужны деньги. Я думаю, что перевести придется до 50 листов; если за пере-

вод каждого листа заплатить 10 талеров, то вот уже 500 р<ублей> сер<ебром>; потом издержки печатания; наконец – Боденштедту – не за статьи его, а за время, за труд, положенный на это дело: причем, само собою разумеется, ему оставляется полная свобода мнения и суда. <...> Беда в том, что почти все статьи в “Беседе” имеют характер полемический; это, разумеется, очень понятно и свидетельствует о борьбе, о жизненности разрабатываемых “Беседою” вопросов; но для немцев это неудобно. По-настоящему следовало бы сделать выборку, извлечение положительных выводов из всех 18 томов “Беседы”, и этот труд был бы полезен не только для немцев, но и для русских, – но это труд самостоятельный, для которого, может быть, не настало время и который во всяком случае должен подлежать строгой проверке всех вас. Поэтому приходится удерживать полемический характер статей, но ослабив его по возможности и выкинув из статей все неинтересное, случайное, подробности частные и т.д. Я так и сделал, т.е. отметил в статьях все подлежащее изменению, сокращению и т.д. <...> Если ты переберешь все 18 томов “Беседы”, то едва ли ты найдешь что-либо прибавить к моему перечню. <...> Разумеется, от вас зависит изменить перечень, план издания, или хоть вовсе отменить. У меня нет теперь под рукой “Московского сборника”. Может быть, там еще найдутся статьи. <...> ...философский отдел должен явиться последним; да и вообще переводы философских статей должны быть предварительно присланы в Россию на просмотр Хомякову и Гилярову» [см.: 3, с. 301-306].

В плане издания, таким образом, были намечены – вначале «Предисловие» и «Заключительное слово» из «Русской беседы», а затем шесть разделов антологии: «История» – 5 статей, «Национальная экономика, этнография» – 5 статей, «К социальным вопросам. Смесь» – 5 статей, «К истории литературы» – 2 статьи, «Филология» – 2 статьи, «Философия» – 4 статьи (их названия, кроме слова «Смесь», приведены в письме по-немецки), в состав которых должны были войти в общей сложности 25 статей, принадлежавших перу основных представителей славянофильского кружка (И.В. Киреевского – 1 статья, А.С. Хомякова – 5, Ю.Ф. Самарина – 4, А.И. Кошелева – 2, К.С. Аксакова – 8, И.С. Аксакова – 2 и Н.П. Гилярова-Платонова – 3 статьи), опубликованных главным образом в «Русской беседе», а также в «Сельском благоустройстве», «Московском сборнике 1852 года» и «Журнале землевладельцев»; кроме того, три неопубликованных материала своего брата И.С. Аксаков собирался представить для перевода в рукописном виде.

В качестве примера рассмотрим первый – исторический – раздел «Плана издания», в который вошли статья Ю.Ф. Самарина и 4 статьи К.С. Аксакова:

“I. *Geschichte* <История (нем.)>

1. «Несколько слов о современных исторических трудах большей части русских ученых» <Оригинальное назв.: Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина>, Самарина («Беседа» 1857 г., т. I), – Чичерина вы-

кинуть. Она очень хорошо рисует отрицательное отношение русских ученых к русской истории.

2. Разбор VI тома и VII тома Соловьева, Конст<антина> Аксакова («Беседа» 1856 г., т. IV, и 1857 <Правильно: 1858>, т. II).

Обе статьи соединены вместе; из второй взяты только последние страницы (с 31-ой); вообще, полемика, по возможности, выброшена.

3. Статья о родовом быте, в «Москов<ском> сборнике» <Аксаков К. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте) // Московский сборник. М., 1852. Т. I. С. 69–139; в более полном виде: Аксаков К.С. Полн. собр. соч. / Под ред. И.С. Аксакова. М., 1861. Т. I. С. 59–124. Эта статья впоследствии вошла в двухтомник Боденштедта «Русские фрагменты». – Из нее берется только положительная часть, об общинном быте и о вечах; опровержение мнения о родовом быте – только вскользь. Заглавие дано другое.

4. «Богатыри времен В<еликого> кн<язя> Владимира» («Беседа», т. IV. 1856 г.) <Статья К. Аксакова «Богатыри времен Великого Князя Владимира, по русским песням»>. Многие песни Кирши Данилова уже известны в Германии по переводам Боденштедта и Вольфсона <Фр. Боденштедт печатал переводы русских песен и былин в различных периодических изданиях. Немецкий писатель, исследователь русской литературы Вильгельм Вольфсон (Вольфзон, Wolfsohn; 1820–1865) опубликовал в своем переводе 5 песен из сборника «Древние русские стихотворения» Кирши Данилова (М., 1804; 2-е изд.: 1818), сопроводив их небольшим предисловием: *Wolfsohn W. Altrussische Dichtungen aus der Sammlung des Kirscha Danilow // Wolfsohn W. Die schonwissenschaftliche Literatur der Russen. Leipzig, 1843. Bd. I. S. 273–304*>.

5. «Взгляд на значение Земских Соборов» <Имеется в виду неоконченное исследование К. Аксакова, два вступительных очерка к которому были напечатаны посмертно под назв. «Краткий исторический очерк Земских Соборов» (нач. 1850-х, 1859): Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. I. С. 291–306. В 1860 г. сам К. Аксаков планировал опубликовать свою работу в «Русской беседе»>. Рукопись Конст<антина> Аксакова” [3, с. 304].

P.S. Спустя восемь с половиной месяцев после написания этого письма, 1 января 1861 г. (19 декабря 1860 г.), Аксаков извещает Боденштедта из Вены о смерти брата и фактически предлагает рассматривать работу над «немецкой “Русской беседой”» как отдание долга памяти перед почившими славянофилами – А.С. Хомяковым и К.С. Аксаковым: «Еще в начале 1860 г., когда мы беседовали о переводе разных статей из “Беседы”, этим вопросом интересовались многие, которых уже нет на свете». Ниже он уже прямо передоверяет всю работу над антологией Боденштедту, отказываясь даже от просмотра переведенных текстов. И объясняет причину: «Я возвращаюсь с телом брата в Россию <...>. Теперь мне немислимо просмотреть переводы, и я предоставляю это вполне Вам» [10, с. 583].

Спустя еще два с лишним года П.И. Бартеневым в «Русском архиве» была помещена рецензия под рубрикой «Новые замечательные книги» [11], посвященная выходу в свет двухтомной славянофильской антологии на немецком языке, подготовленной Боденштедтом [12]. Все статьи двухтомника были переведены Христианом Шмиттом.

Боденштедтом были подготовлены предисловие (Vd. I. S. V–XXVII) и введение (Vd. I. S. 1–37), в которых он постарался отметить и оценить существеннейшие черты русской жизни. Во введении, в частности, он пишет: «Этот новый труд из России и о России написан для читателей, которые искренне желают получить ясное представление о политическом и общественном устройстве царского государства, о том как оно на протяжении многих веков складывалось изнутри и под внешним влиянием и как в нынешнее время пребывает в глубоких разделениях и партийных спорах. Надо предупредить заранее, что любопытство тех, кто ожидает пикантных анекдотов, пошлых и поднимающих волосы историй, в изобилии встречающихся в других книгах о России, не будет удовлетворено. Напротив, надеемся и желаем обратить внимание просвещенных государственных деятелей и политиков на то, что нами будет изложено много нового материала, важного для понимания насущных проблем, – материала, которого, кроме данного труда, в Германии нигде не найти» [3, с. 312].

Антология содержала в себе переводы 10 произведений, преимущественно из журнала «Русская беседа»: *К.С. Аксакова* «О древнерусской общине и народном вече» (Vd. I. S. 39–57), «Семейная и народная жизнь у древних славян, в частности русских» (Vd. I. S. 59–159); *И.С. Аксакова* «Народная жизнь и украинские ярмарки (Современный взгляд)» (Vd. I. S. 161–259), «О ремесленном союзе в Ярославской губернии (Письмо к издателю «Русской беседы)»» (Vd. II. S. 305–316); *И.В. Беляева* «Об историческом значении деяний Московского Собора 1551-го года (По поводу 92–122 страниц VII-го тома «Истории России» г. Соловьева)» (Vd. I. S. 261–315); *Н.П. Гилярова* «Личное и общественное» (Vd. II. S. 1–45); *А.И. Кошелева* «О крестьянской общине и поземельной собственности» (Vd. II. S. 47–132); *А.С. Хомякова* «Исторические фрагменты» (Vd. II. S. 133–240); *П.А. Бессонова* «О рукописи времен царя Алексея Михайловича, найденной и изданной под названием “Русское государство в середине 17 века” П. Бессоновым» (Vd. II. S. 243–303); *П.И. Бартенева* «Граф Морков: Дополнение к истории русской дипломатии: По Петру Бартеневу» (Vd. II. S. 317–389).

Таким образом, из 25 статей, планировавшихся И.С. Аксаковым к публикации, в антологию вошло только четыре, которые принадлежали перу братьев Аксаковых, А.И. Кошелева и Н.П. Гилярова-Платонова. А по поводу названия антологии А.П. Дмитриев выдвигает следующее предположение: «Вероятно, Боденштедт счел название “Русская идея” слишком уж широко-вещательным и дал сборнику свое, более скромное, переиначив при этом заглавие хомяковской публикации...» [3, с. 297]. Так, вместо запланированного

названия «Russische Ideen» антология в итоге получила наименование «Russische Fragmente».

Источники и литература

1. Аксаков, К.С. О русском воззрении; Еще несколько слов о русском воззрении // Аксаков, К.С., Аксаков, И.С. Литературная критика / Сост., вступ. ст. и коммент. А.С. Курилова. – Москва: Современник, 1981. – С. 197-198; 198-205.

2. «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. – Санкт-Петербург: Издательство «Пушкинский Дом», 2011. – 567 с., ил. (Славянофильский архив; Кн. I).

3. «Русская беседа» в Германии. История славянофильской антологии «Русские фрагменты: К познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом. Предисл., публикац. и коммент. А.П. Дмитриева // «Русская беседа»: История славянофильского журнала... С. 278–343.

4. Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества. В 6 вып., 12 ч. / под ред. С.В. Мотина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2015. – 3122 с.

5. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. В 3 т. Т. III. Письма 1857-1886 гг. Полемические речи. Воспоминания / Сост., подгот. текста, примеч. Т.Ф. Прокопова. – Москва: Русская книга, 2004. – 608 с.

6. Аксаков, К.С. О русском воззрении; Еще несколько слов о русском воззрении // Русская беседа. 1856. Кн. 1. Смесь. С. 84-86; Кн. 2. Смесь. С. 139-147.

7. Боханов, А.Н. Русская идея. От Владимира Святого до наших дней. – Москва: Вече, 2005. – 393, [2] с., [16] л. цв. ил.

8. Поляков, А.Н. От истоков «русской идеи» мыслителей XIX века к авторскому прочтению концепта // Вестник Оренбургск. гос. ун-та. – 2014. – № 7 (168). – С. 165–171.

9. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. / Российская акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – Т. 11: Публицистика 1860-х годов. – 571, [1] с.

10. Воспоминания Фридриха фон Боденштедта / Пер. В.В. Тимощук с нем. рукописи автора // Русская старина. – 1887. – Т. 55. – Сент. – С. 572.

11. Русский архив. 1863. Вып. 2. Стб. 173–174.

12. Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1862. – Bd. I. – XXVII, 314, <2> S.; Bd. II. – 389 S. Перевод: Русские фрагменты: К познанию государственной и

народной жизни в ее историческом развитии / Введение и издание Фридриха Боденштедта. – Лейпциг: И.А. Ефрон, 1862. – Т. I. – XXVII, 314, <2> с.; Т. II. – 389 с.

Константин и Иван Аксаковы и Общество любителей российской словесности при Императорском Московском университете

См.: *Мотин С.В.* К.С. и И.С. Аксаковы и Общество любителей российской словесности при Московском университете // Аксаковский сборник. Выпуск V. Уфа, 2008. С. 57-67.

Учредители Общества любителей российской словесности при Московском университете¹ – московские литераторы и профессора университета, всего 21 человек – подготовили проект Устава Общества, который был утвержден 11 июня 1811 г. министром просвещения А. К. Разумовским. Ровно через месяц, 11 июля, состоялось первое заседание ОЛРС².

В истории Общества выделяют четыре периода: 1) 1811-1838 гг.; 2) 1858-1877 гг.; 3) 1878-1909 гг.; 4) 1910-1930 гг. Пятый период, начавшийся с возрождения Общества в 1992 г., продолжается и по настоящее время. Членом ОЛРС в первый период был С.Т. Аксаков. Активными участниками Общества во второй – славянофильский – период вместе с С.Т. Аксаковым стали его сыновья Константин и Иван.

По воспоминаниям С.Т. Аксакова, «московская публика приняла живое участие в его заседаниях и начала очень охотно посещать их, потому что они получили менее сухой, ученый характер, а более чисто литературный, более понятный, доступный людям светским, и особенно приятный любителям изящной словесности. Собrania становились многочисленны и блистательны... Года с 1816 по 1826 включительно можно назвать самым цветущим периодом Московского Общества любителей российской словесности...»³. Публику привлекала «вдохновенная речь Мерзлякова, мастерская декламация Кокошкина, увлекательное чтение С.Т. Аксакова»⁴.

С.Т. Аксаков вспоминал, что впервые представил в Общество перевод «Филоктета» Софокла, переложенного Лагарпом, сделанный им еще в 1812 г. «Мастер декламации» Ф.Ф. Кокошкин прочел 3 декабря 1815 г. четвертую сцену первого акта. Прочитанный отрывок поместили в «Трудах» Общества⁵.

К своему первому, после 20-летнего перерыва, заседанию ОЛРС проделало довольно долгий путь. Неистощимый на воспоминания С.Т. Аксаков много рассказывал о его деятельности. Именно после этих рассказов в 1856 г. возникло желание воссоздать Общество. По воспоминанию Н.П. Гилярова-Платонова, «...это было в кабинете С.Т. Аксакова. Мысль принадлежала Константину Аксакову, исполнение Михаилу Николаевичу Лонгинову»⁶. Был разработан план, продуманы все детали, обсуждено, как подойти к официальным лицам, от которых зависело открытие общества М.Н. Лонгинов в

письме И.С. Тургеневу от 22 ноября 1856 г. писал, что в Москве «хлопочут» о возобновлении Общества и особенно Аксаковы⁷.

27 мая 1858 г. состоялось 113-е распорядительное заседание ОЛРС. В зале Московского университета собрались шесть членов Общества. Они выбрали из своего состава временного председателя – А.С. Хомякова. С 1858 по 1877 г. в Обществе сменилось шесть председателей. Каждый из них занимал этот пост около трех лет, за исключением М.П. Погодина, который был председателем более пяти лет: А.С. Хомяков (27 мая 1858 – 23 сентября 1860), М.П. Погодин (22 декабря 1860 – начало 1866), Н.В. Калачов (1866-1869), А.И. Кошелев (1869-1871), И.С. Аксаков (1872-1874), Ф.И. Буслаев (1874 – до конца 1877).

С первых же заседаний Общество стремилось привлечь к своей работе новых членов. Выбирали, в основном, известных литераторов, профессоров Московского университета, ученых, занимавшихся изучением фольклора, исторических памятников, и библиографов. Так, в 1858 г. в Общество было принято около 40 новых членов⁸. Братья Аксаковы были избраны действительными членами ОЛРС на его 114-м распорядительном заседании, состоявшемся 10 ноября 1858 г.⁹

В 1859 г. число членов Общества превысило 100 человек (14 почетных членов и 90 действительных), а в 1875 г. – 150 человек (20 почетных членов, 132 действительных и 2 сотрудника). Около половины, состоявших в ОЛРС, были москвичами. На заседаниях обычно присутствовало 20-30 человек¹⁰. Важно отметить, что в 1859 г. по предложению И.С. Аксакова действительным членом Общества был избран М.Е. Салтыков-Щедрин.

Славянская тема стала звучать в ОЛРС сразу же после восстановления его деятельности. Так, К.С. Аксаков посвятил одно из выступлений внешним историческим событиям из жизни славян, а А.С. Хомяков в послании «К сербам» высказал мысли об объединении славян, призывал не прислушиваться к Западу, сохранять патриархальные устои. Послание подписали многие члены Общества: А.С. Хомяков, М.П. Погодин, А.И. Кошелев, Н.А. Елагин, Ю.Ф. Самарин, П.А. Бессонов, К.С. Аксаков, П.И. Бартенев, Ф.В. Чижов, И.С. Аксаков¹¹.

С открытием ОЛРС славянофилы надеялись получить реальную возможность формировать независимое мнение. Общество по Уставу, принятому в 1811 г., хотело воспользоваться правом публичной свободной речи и правом издания своих трудов, не подвергаясь общей цензуре, ограничиваясь внутренним надзором.

В частности, ОЛРС собиралось издать 28-й том «Сочинений в прозе и стихах», обозначив тем самым окончание первого периода своей деятельности. В него должны были войти протоколы заседаний с 7 ноября 1828 по 3 апреля 1837 г.¹² А затем приступить к изданию «Заседаний Общества любителей российской словесности при Московском университете», в первой части которого поместить: «Историческое известие об Обществе», устав, прото-

колы заседаний с 27 мая 1858 г. по 6 мая 1859 г., состав членов, неизданные сочинения¹³. Участие в подготовке сборников приняли М.Н. Лонгинов, И.С. Аксаков, С.А. Соболевский.

Однако университетская типография, куда были предоставлены сборники, усомнилась в праве Общества на собственную цензуру, которым оно пользовалось с 1811 по 1834 г., и отправила их в Цензурный комитет. Дело кончилось тем, что министр народного просвещения объявил Обществу высочайшую волю от 18 января 1860 г. о подчинении его изданий общей цензуре. Тогда Общество отказалось от издания трудов. Статьи из подготовленных сборников были помещены в журнале «Русская беседа» и некоторых других изданиях. ОЛРС решило впредь издавать лишь отдельные специальные книги¹⁴.

Например, К.С. Аксаков свой «Опыт русской грамматики» посвятил ОЛРС. И.С. Аксаков назвал этот труд «философией русского языка». Русское слово для Константина Сергеевича «само по себе было предметом и целью преимущественно с художественной своей стороны, не наше книжное, искаленное, чахлое слово, а именно слово живое, которое он всю жизнь, везде и всюду подбирал из уст самого народа»¹⁵.

16 января 1860 г. К.С. Аксаков представил в ОЛРС для обсуждения проект областного словаря. Тогда же он объявил, что братья В.А. и Н.А. Елагины изъявили свое согласие на предоставление Обществу права издать собрание песен П.В. Киреевского¹⁶. 6 февраля того же года на очередном заседании ОЛРС К.С. Аксаков прочитал отрывок из составляемого им «Опытного словаря» с объяснениями слов *алый, алеет, ау, аристократия*¹⁷.

23 февраля 1860 г. ОЛРС постановило приступить к изданию собрания песен П.В. Киреевского. Для этого была создана специальная комиссия, в которую вошли К.С. Аксаков, П.А. Бессонов и В.И. Даль. К ним вскоре присоединились Н.П. Гиляров-Платонов и С.А. Соболевский. Комиссия начала работу в марте 1860 г. Съезжались обычно у К.С. Аксакова, который, по словам Гилярова-Платонова, был душой всего дела. После того, как комиссия разработала план издания, К.С. Аксаков 15 марта представил его в Общество. И уже 1 октября в газетах появилось объявление о продаже сборника¹⁸.

20 марта 1860 г. на заседании ОЛРС А.С. Хомяков прочитал стихотворение К.С. Аксакова «Ожидание», 23 марта прозвучало «Свободное слово» в исполнении самого автора¹⁹. 6 апреля того же года, на 145-м заседании, Константин Аксаков прочел введение в поэму И.С. Аксакова «Мария Египетская»²⁰.

К сожалению, инициаторы возрождения ОЛРС – С.Т. Аксаков, А.С. Хомяков и К.С. Аксаков смогли участвовать только в самом начале его деятельности. После смерти Константина Аксакова стихи брата на заседаниях Общества читал И.С. Аксаков. Так, 26 февраля 1861 г. на 154-м собрании ОЛРС, когда уже стало известно о Манифесте об отмене крепостного права, Иван Сергеевич повторно прочитал стихотворение «Свободное слово». Поз-

же прозвучали «Гуманисту» и «Над всей русской землей» (2 апреля 1861 г.), «Сон» (11 марта 1862 г.), «Воззвание» (15 марта 1864 г.), некоторые – «с объяснительным словом» (20 мая 1867 г.)²¹. И.С. Аксаков на заседаниях Общества вспоминал и об отношениях К.С. Аксакова с кружком Станкевича и с Белинским²².

С 1 января 1861 г. и до начала 1866 г., за исключением полутора месяцев в начале 1863 г., И.С. Аксаков занимал должность временного председателя Общества, в 1866-1870 гг. был членом его подготовительного собрания²³.

В 1861 г. при участии членов Общества были опубликованы сочинения И.В. Киреевского (на средства А.И. Кошелева и под редакцией М.А. Максимова), 1-й том сочинений А.С. Хомякова, в том числе его выступления на заседаниях; 1-й том сочинений К.С. Аксакова под редакцией И.С. Аксакова.

В 1862 г. в венском славистическом журнале было опубликовано обращение к славянским ученым, перед которыми ставилась задача изучения славянских литератур и межславянских литературных связей. 21 марта того же года это обращение под названием «Послание к славянам по случаю наступающего тысячелетия славянской письменности» зачитал на заседании М.П. Погодин, а И.С. Аксаков напечатал его в газете «День»²⁴ под заголовком «Приглашение славянских ученых на собрание по случаю тысячелетия славянских апостолов Кирилла и Мефодия в 1863 году».

11 мая 1863 г. М.П. Погодин на очередном собрании произнес речь о значении деятельности святых славянских просветителей для русской истории и русской жизни. И.С. Аксаков в газете «День» по поводу этого выступления заметил, что Погодин до сих пор сохранил «одушевление молодости»²⁵.

2 мая 1865 г. ОЛРС отметило 100-летие со дня смерти М.В. Ломоносова: И.С. Аксаков произнес вступительное слово, Н.С. Тихонравов сделал доклад «Ломоносов в истории русского образования», Б.Н. Алмазов прочитал свое стихотворение «Памяти М.В. Ломоносова»²⁶.

В 1867 г. ОЛРС готовилось к участию в славянском съезде в Москве, инициатором которого стал член Общества В.И. Ламанский²⁷. Для проведения его была создана специальная славянская комиссия, в которую входили члены Общества И.С. Аксаков, В.Ф. Одоевский, Н.А. Попов. Было решено организовать в честь депутатов «от славян» публичное заседание, на котором предполагалось каждому преподнести экземпляр «Кирилло-Мефодиевского сборника» и первый выпуск «Беседы», а также разослать эти издания в 20 научных обществ, библиотеки и другие научные организации западных славянских стран²⁸.

Шесть дней, с 16 по 21 мая 1867 г., славяне находились в Москве. За это время были проведены заседания в университете (18 мая), в ОЛРС (20 мая), устроен университетский обед, 21 мая организован митинг в Сокольниках. На заседании Общества присутствовало 7 почетных членов и 29 действительных, славянские депутаты, многочисленная публика. Выступили Н.В.

Калачов, А.А. Майков, П.А. Бессонов, Д.Н. Цертелев, Ф.Б. Миллер, Б.Н. Алмазов, И.С. Аксаков. Иван Сергеевич произнес речь и прочитал стихотворение своего брата К.С. Аксакова, «проникнутое горячею верою в великую будущность славянского мира»²⁹. Было также дано много частных обедов: у М.П. Погодина, А.И. Кошелева, кн. В.А. Черкасского, А.И. Лёвшина, М.Н. Каткова, П.М. Леонтьева, И.С. Аксакова, С.И. Баршева, Н.В. Калачова, С.М. Соловьева, В.Ф. Одоевского и других³⁰.

28 января 1869 г. председателем ОЛРС был избран А.И. Кошелев. Именно И.С. Аксаков, в то время состоявший членом редакционной комиссии Общества, рекомендовал «последнего из друзей-сверстников Киреевского и Хомякова»³¹ на этот пост.

Почти три года, с 3 января 1872 г. по 9 ноября 1874 г., И.С. Аксаков возглавлял ОЛРС в качестве его председателя. За это время состоялось 14 заседаний³². Так, 25 февраля 1873 г. И.С. Аксаков произнес «Речь о А.Ф. Гильфердинге, В.И. Дале и К.И. Новоструеве», в которой дал оценку вклада ученых в развитие филологической науки³³. «Надо спешить, – сказал Аксаков, – собрать и уберечь от неизбежной гибели последние памятники, последние звуки народного эпоса и того непосредственного народного поэтического творчества, которое, видимо, отживает»³⁴.

В 1873 г. после смерти Федора Ивановича Тютчева Аксаков берется за написание труда, посвященного жизни и творчеству поэта. 18 сентября он сообщает М.Ф. Раевскому: «Мое постоянное занятие – исторический очерк славянофильства и биографии моего отца и брата, теперь же пишу биографический очерк Тютчева для Общества Любителей Русской Словесности»³⁵. 20 января 1874 г. И.С. Аксаков сделал предварительное сообщение на заседании Общества – «Воспоминания о покойном действительном члене Общества Ф.И. Тютчеве и очерк поэтической его деятельности»³⁶.

Биография Тютчева, по договоренности с П.И. Бартеневым, была напечатана в октябрьской книжке журнала «Русский архив» (причем 125 оттисков было сделано специально для автора). Номер этот подвергся цензурным преследованиям, которые прекратились только после того, как дочь Тютчева, жена Аксакова и бывшая фрейлина Анна Федоровна лично обратилась к императрице. Любопытная деталь: бывший секретарь Общества М.Н. Лонгинов, оказался в данном случае в роли цензора³⁷.

Во второй половине 1870-х гг. И.С. Аксаков отошел от активного сотрудничества в ОЛРС, так как в это время – время обострения русско-турецких отношений, приведших к войне, – являлся председателем Московского славянского благотворительного комитета.

В 1880 г. в Москве был открыт первый скульптурный памятник А.С. Пушкину работы А.М. Опекушина. В связи с этим событием с 5 по 8 июня в Москве состоялись Пушкинские празднества³⁸. Была у этого праздника и своя предыстория. Разрешение на установку памятника Пушкину было получено 20 марта 1871 г. В конце этого года член Пушкинского комитета К.К.

Грот принял участие в собрании у князя В.А. Черкасского, на котором присутствовали: городской голова И.А. Лямин, П.И. Миллер и члены ОЛРС И.С. Аксаков, П.И. Бартенев, М.Н. Катков, М.П. Погодин и Ю.Ф. Самарин³⁹. Именно ОЛРС принадлежит заслуга в организации пушкинского праздника. Общество образовало специальный комитет по проведению праздника, по его инициативе для участия в торжестве были приглашены все известные русские писатели. Не было только больного Гончарова, Салтыкова-Щедрина и отказавшегося Льва Толстого.

Пушкинские торжества были открыты 5 июня в два часа дня в зале Московской городской думы. Комитет по сооружению памятника, под председательством Его Императорского Величества принца П.Г. Ольденбургского, устроил торжественный прием депутатов (106 депутатов и 244 депутата). Аксаков по этому поводу писал: «Уже самый первый день, 5 июня, официальный прием депутатов в Думе поднял, неожиданно для всех, общий строй духа на целую, так сказать, октаву. Весело и радостно было уже видеть члена Царской фамилии и носителей высшей власти, сидящими (несколько смиренно и даже сконфуженно) под огромным бюстом Пушкина, поставленном на вершине целой горы лавров, и выслушивающими, в течение трех часов, заявления и приветствия, относящиеся исключительно к «великому русскому народному поэту», длинного ряда депутатов из разных концов России от учебных и всякого рода общественных учреждений, представителей науки, литературы и искусств. Это у нас новое зрелище: явление силы нравственной, смирившей грубую силу внешней государственной власти»⁴⁰.

6 июня состоялась служба в Страстном монастыре по усопшему поэту и торжественное открытие памятника Пушкину. «Москва приняла праздничный вид, и у памятника, закутанного пеленой, собрались многочисленные депутации с венками и хоругвями трех цветов: белого, красного и синего... Ко времени окончания литургии в Страстном монастыре, где служба началась в 10 часов, яркие лучи солнца прорезали облачное небо, и когда из монастырских ворот показалась официальная процессия, колокольный звон слился с звуками оркестров, исполнявших коронационный марш Мендельсона. На эстраду взошел принц Ольденбургский со свертком акта о передаче памятника городу. Наступила минута торжественного молчания. Городской голова <С.М. Третьяков> махнул свитком, пелена развернулась и упала, и под восторженные крики «ура» и пение хоров, запевших «Славься» Глинки, предстала фигура Пушкина с задумчиво склоненной над толпою головою. ... Хоругви задвигались, поочередно склоняясь перед памятником, и у подножья его стала быстро расти гора венков»⁴¹.

В тот же день на Думском обеде в Благородном собрании И.С. Аксаков произнес речь о Пушкине как поэте, познакомившем Европу с Россией и «соединившем теперь в Москве, этом центре народной русской мысли, собравшихся сюда с разных концов России представителей ее умственного развития»⁴².

7 и 8 июня в зале Благородного собрания были проведены два торжественных заседания ОЛРС, на первом из которых выступили с речами С.А. Юрьев, Луи Леже, М.И. Сухомлинов, С.М. Шпилевский, Я. К. Грот и И.С. Тургенев. Затем Общество дало обед, на котором присутствовали 223 человека. На следующий день состоялось второе торжественное заседание ОЛРС. В этот день с речами выступили: Н.А. Чаев, Ф.М. Достоевский, И.С. Аксаков, П.В. Анненков, Н.В. Калачов, П.И. Бартенев, А.А. Потехин.

Впечатление от речи Достоевского было исключительное. Она стала последним выражением самых дорогих для писателя идей о всемирном всепримиряющем значении творчества Пушкина, прозвучала как его духовное завещание и оказала, несомненно, прямое влияние на формулирование В.С. Соловьевым «русской идеи».

Аксаков был одним из первых, кто высоко оценил общественное значение речи Достоевского о Пушкине. В письме к жене Федор Михайлович так описывает это событие: «Аксаков (Иван), вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя – есть не просто речь, а историческое событие! Туча облегла горизонт, и вот слово Достоевского, как появившееся солнце, всё рассеяло, всё осветило. С этой поры наступает братство и не будет недоумений. «Да, да!» – закричали все и вновь обнимались, вновь слезы. Заседание закрылось. ... После почти часу перерыва стали продолжать заседание. Все было не хотели читать. Аксаков вошел и объявил, что своей речи читать не будет, потому что всё сказано и всё разрешило великое слово нашего гения – Достоевского. Однако мы все его заставили читать. Чтение стало продолжаться...»⁴³.

Подводя итог Пушкинскому празднику, И.С. Аксаков писал: «Вышло неожиданно хорошо, переросло всякие чаяния и стало истинным событием в историческом развитии Русского общества, великим актом нашего народного самосознания, новою эрою, поворотным пунктом для наших молодых поколений и, в конце концов, торжеством того русского направления или так называемого славянофильского, ... которого я остался в общем мнении как бы официальным представителем».

В 80-е годы «русское направление» представляли на заседаниях Общества лишь И.С. Аксаков и А.И. Кошелев⁴⁴. В 1886 г. И.С. Аксаков скончался, а вместе с ним в деятельности ОЛРС ушло и славянофильское направление. Примечательно, что Общество не организовало заседания, посвященного его памяти. На смерть своего бывшего председателя ОЛРС откликнулось лишь подпиской на венок⁴⁵.

В конце XIX столетия позиция Общества в оценке литературного наследия постепенно менялась, сближаясь с позицией тех, кого оно в середине века считало своими противниками: на заседаниях приветствовался интерес к Герцену, Огареву, Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому.

26 января 1911 г. в Богословской аудитории университета ОЛРС провело публичное заседание под председательством А.Е. Грузинского, который

произнес вступительное слово, посвященное А.С. Хомякову, К.С. Аксакову и И.С. Аксакову. Доклады сделали Н.М. Мендельсон («А.С. Хомяков и ОЛРС»), В. Е. Чешихин-Ветринский («И.С. Аксаков») и Н.Л. Бродский («К.С. Аксаков как публицист»). Общество произвело переоценку наследия славянофилов. Общую мысль выразил П.Н. Сакулин в работе «Оценка славянофилов и их дальнейшая судьба», сохранившейся без даты в его архиве. Славянофильское мировоззрение было оценено как идеалистичное и даже реакционное⁴⁶.

Р.С. 16 июня 1992 г. было проведено учредительное заседание возрожденного ОЛРС, на котором были выбраны почетный председатель Д.С. Лихачев и Совет Общества. С тех пор члены ОЛРС регулярно собираются в последний вторник месяца на свои заседания – обычно в Доме-музее Марины Цветаевой⁴⁷.

¹ Далее – ОЛРС или Общество.

² См.: Общество любителей Российской словесности при Московском Университете. 1811-1911. Историческая записка и материалы за 100 лет. М., 1911; Словарь членов Общества любителей Российской словесности. М., 1911; Клеймёнова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811-1930. М., 2002.

³ Аксаков С.Т. Разные сочинения. М., 1858. С. 79.

⁴ Лонгинов М.Н. Сочинения. М., 1915. С. 440.

⁵ Труды Общества любителей российской словесности. 1816. Ч. 6. С. 3-16.

⁶ Гиляров-Платонов Н.П. Сочинения. Т. 2: Возрождение Общества любителей российской словесности. М., 1899. С. 300-302.

⁷ Цит. по: Шахматова С.А. Переписка Тургенева с Лонгиновым // Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 159.

⁸ Клеймёнова Р.Н. Указ. соч. С. 102.

⁹ Общество любителей Российской словесности... С. 44.

¹⁰ Клеймёнова Р.Н. Указ. соч. С. 103.

¹¹ Клеймёнова Р.Н. Указ. соч. С. 184.

¹² ОР РГБ, ф. 207, п. 6, № 1, л. 1; Клеймёнова Р.Н. Указ. соч. С. 111, 227.

¹³ ОР РГБ, ф. 207, п. 5, № 7, лл. 2–2 об.; п. 6, № 1, л. 2; Клеймёнова Р.Н. Указ. соч. С. 111, 228.

¹⁴ Клеймёнова Р.Н. Указ. соч. С. 111-112.

¹⁵ Письмо к издателю Русского Архива по поводу статьи Э. Мамонова: «Славянофилы». 1873 // Аксаков И.С. Соч.: в 7 т. Т. 7. М., 1887. С. 778.

¹⁶ Клеймёнова Р.Н. Указ. соч. С. 173, 200.

¹⁷ Московские ведомости. 1860. № 60.

¹⁸ См.: Клеймёнова Р.Н. Указ. соч. С. 200-202.

¹⁹ Клеймёнова Р.Н. Указ. соч. С. 161.

²⁰ Общество любителей Российской словесности... 2-я паг. С. 105.

- ²¹ См.: Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 161-162.
- ²² См.: Русь. 1881. № 8; Аксаков И.С. Соч. Т. 7. С. 582, 583.
- ²³ Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 582, 585.
- ²⁴ День. 1862. 22 сент. № 38. С. 15-16.
- ²⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1-22. СПб., 1888-1910. Кн. 21. С. 161; День. 1863. № 20.
- ²⁶ Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 144.
- ²⁷ См.: Славянское движение XIX–XX веков. Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998.
- ²⁸ ОР РГБ, ф. 207, п. 8, № 9, л. 40, лл. 45–46; Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 191.
- ²⁹ ОР РГБ, ф. 207, п. 8, № 9, лл. 59, 52; Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 192-193.
- ³⁰ Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 191.
- ³¹ Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. Т. 7. М., 1887. С. 705; Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 220, 219.
- ³² См.: Общество любителей Российской словесности... 2-я паг., С. 131-133.
- ³³ Аксаков И.С. Соч. в 7 т. Т. 7. М., 1887. С. 784-794.
- ³⁴ Там же. С. 793-794.
- ³⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: в 3 т. Т. 3. М., 2004. С. 266.
- ³⁶ ОР РГБ, ф. 207, п. 51, № 2, л. 10; Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 151.
- ³⁷ См.: Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 150-153.
- ³⁸ См.: Левит М.Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994.
- ³⁹ Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 272.
- ⁴⁰ Из письма И.С. Аксакова к неизвестной от 14 июня 1880 г. // Русский архив. 1891. № 5. С. 90-99.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Цит. по: Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 278.
- ⁴³ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. Письма 1834-1881. СПб., 1996. С. 632-633.
- ⁴⁴ Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 246.
- ⁴⁵ Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 253, 317.
- ⁴⁶ ОР РГБ, ф. Сак., п. 22, № 10, 15 л.; Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 52.
- ⁴⁷ См.: Нерознак В.П. За «здравую» словесность // Клейменова Р.Н. Указ. соч. С. 593-595.

1860-е годы

1861-й год в жизни и творчестве И.С. Аксакова

См.: *Мотин С.В.* 1861-й год в жизни и творчестве И.С. Аксакова // Аксаковские чтения: (материалы XIII Международных Аксаковских чтений. Уфа, 24–25 сентября 2012 г.) / отв. ред.: д.ф.н., проф. В.В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2012. С. 68–82.

«Для нас, в современной действительности, действительно только одно: подъем народного духа, проснувшийся, оживший, повеселевший народ. Десятинадцатого февраля 1861 года начинается новое летосчисление русской истории...»

И.С. Аксаков («День». 1861. № 1. 15 октября) [24, 113]

Конечно, невозможно в небольшой статье дать подробный обзор жизни и творчества И.С. Аксакова за весь 1861-й год. Здесь сделана попытка выделить наиболее значимые эпизоды из жизни Ивана Сергеевича в этом году [подр. см.: 34].

1860-й завершился для семьи Аксаковых трагически: в ночь с 6 на 7 декабря вдали от родины, на греческом острове Занте, в окружении матери, брата Ивана, сестер Веры и Любви скончался Константин Сергеевич Аксаков. Им предстоял долгий скорбный путь домой... Только в воскресенье 1 января 1861 года к 8 часам вечера гроб с телом Константина, в сопровождении брата Григория Аксакова прибыл по железной дороге в Москву. Иван Аксаков вместе с матерью и сестрами добрались до Москвы утром 2 января. На следующий день, 3 января, состоялись похороны Константина Сергеевича в Симоновом монастыре, рядом с могилой отца С.Т. Аксакова. В этот же день в Москве вышла последняя – XX-я – книга «Русской беседы», на последней странице которой был помещен некролог о безвременной смерти «передового бойца славянофильства».

1861-й год стал переходной вехой как для страны в целом – от крепостной и дворянской к раскрепощенной и буржуазной, так и для славянофильского кружка – от славянофильства раннего (старшего) к славянофильству позднему (младшему). Этот год оказался переходным, насыщенным разными событиями и для Ивана Аксакова, в том числе и значительным объемом переписки, которая лишь частично используется в данной статье.

Несомненно, что главными творческими достижениями И.С. Аксакова в этом году стали подготовка и издание первых томов собраний сочинений К.С. Аксакова и А.С. Хомякова [1; 2], ряда других изданий [3; 4; 5; 6], а также подготовка и начало выпуска еженедельной славянофильской газеты «День» (15.10.1861 г. – 18.12.1865 г.).

Первый том К.С. Аксакова объединил «сочинения исторические», представленные далеко не в полном объеме. «Полное собрание сочинений», планировавшееся в шести объемистых томах, завершено, однако, не было. Значительная часть наследия К.С. Аксакова осталась в незавершенных, не обработанных автором рукописях: подготовка их к изданию требовала больших профессиональных усилий. Ряд таких рукописей И.С. Аксаков впоследствии сумел подготовить: «Наша литература», «Воспоминания студенчества», «О современном человеке», «О внутреннем состоянии России», «О современном литературном споре» и др. [см.: 7, 487].

И.С. Аксаков в предисловии к тому отмечал: «Исторические убеждения автора связывались такими крепкими органическими нитями со всем учением, которого он был представителем и проповедником, что в сочинениях его чрезвычайно трудно провести резкую грань между сочинениями историческими и не историческими. Цельность его воззрения философского, нравственного, социального, художественного почти не допускает правильного разделения его литературной деятельности на рубрики или разряды: так, например, он проводил свои исторические взгляды и в исторических исследованиях, и в стихах, и в повестях, и в драматических пьесах, и в частных письмах, и в нравственно-философских трактатах, и в статьях по живым общественным современным задачам; наоборот – в его исторических трудах вы постоянно встречаетесь с его нравственными и социальными убеждениями, и слышите ответный отзыв его на вопросы нашей эпохи. <...> Мы надеемся, со временем, издать и следующие томы сочинений К.С. Аксакова, именно: 2 том, заключающий в себе статьи разного содержания, преимущественно по современным общественным вопросам, 3 том – который будет содержать его художественные произведения в стихах и прозе; 4 и 5 тома, в которых будут помещены его диссертация о Ломоносове и труды по Русской филологии; 6-й том, в котором будут собраны его письма и сочинения, почему-либо не вошедшие в первые пять томов» [1, V–VII].

Отметим, что 4 и 5 тома в 1875 и 1880 гг. вышли из печати как 2 и 3 тома, а 2 том, содержащий статьи, касающиеся литературы, вопросов общественных, большею частью ненапечатанных, был подготовлен, но так и не был отпечатан. Наконец, в 1915 году был опубликован том художественных произведений К.С. Аксакова.

Первый том А.С. Хомякова включил большинство его критических, публицистических и философских статей. 1-й том, как и собрание в целом, выходил под редакцией И.С. Аксакова и был довольно хорошо издан в текстологическом отношении: Аксаков сверил печатные варианты с рукописями, восстановил некоторые пропущенные места, впервые по рукописи и спискам опубликовал статьи, запрещенные при жизни Хомякова: «О старом и новом», «По поводу Гумбольдта», «По поводу статьи И.В. Киреевского “О характере просвещения Европы...”», а также ряд не изданных при жизни Хомякова статей. Надо сказать, что в последующих изданиях 1-го тома их

редакторы П.И. Бартенев и Д.А. Хомяков (сын) не были столь внимательны, как Аксаков, допустили немало пропусков, опечаток, самовольных стилистических исправлений... [8, 304].

В предисловии к хомяковскому тому И.С. Аксаков писал: «По принятой друзьями покойного Алексея Степановича Хомякова, программе издания его сочинений, они должны были явиться в следующем порядке: В I томе – сочинения богословские. В II и III томах – записки о всемирной истории, а также и филологические исследования. В IV томе – статьи разнородного содержания, по разным вопросам науки и нашей общественной жизни, статьи полиграфические, которые не подходят под рубрику первых трех томов. В V томе – стихотворения и драматические произведения. В VI томе – письма Хомякова к разным лицам в России и за границей, и те сочинения, которые почему-либо не вошли в предыдущие тома. – В настоящее время мог быть выдан только один IV том; остальные же тома или не готовы или же не могут быть теперь выданы, по особенным внешним причинам. Поэтому мы решились изменить и самую нумерацию и назвать этот IV том первым, – тем более, что еще трудно определить – составят ли записки об истории только два, или же три тома. <...> Некоторые статьи, из помещаемых в этом томе, в первый раз появляются в печати» [2, V–VI].

Так как мнение Ю.Ф. Самарина, близкого друга и ученика Хомякова, имело для Аксакова решающее значение, то после бесед с ним (а Самарин находился в Москве между 15 и 23 января [9, 1]) он принялся хлопотать о разрешении издания нового славянофильского журнала [10, 69]. 6 февраля 1861 года в письме к Е.А. Черкасской И.С. Аксаков объяснял: «Журнал необходим как внешний центр, связующий нас, оставшихся; как орган, посредством которого мы можем служить памяти Хомякова и брата, печатая их статьи и доказывая своими статьями, что их мысль жива и плодотворна... Она, как фонарь, светящий в будущее» [10, 72; 11, 319].

В Российском государственном историческом архиве хранится «Дело о разрешении И.С. Аксакову издания в Москве газеты “День” без политического отдела и под особым наблюдением цензуры, а также о разрешении помещения в газете политических известий Министерства иностранных дел о славянах» [12]. Крайние даты документов, составляющих это дело – 14 марта и 23 ноября 1861 года.

28 марта 1861 года И.С. Аксаков предупредил М.Ф. Раевского: «...Вы получите от меня рукопись (брата), которую прошу немедленно переслать по почте Вагнеру для напечатания. Я пишу ему об этом подробно. Вас же прошу держать корректуру [14, 224–225]. В письме речь идет о замечаниях К.С. Аксакова на новое административное устройство крестьян в России [см.: 3].

В предисловии к этому труду Иван Сергеевич отмечал: «Хотя замечания покойного К.С. Аксакова писаны были еще в 1859 году, до обнаружения ныне действующего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, Высочайше утвержденного 19 февраля 1861 г.; однако они от то-

го ни сколько не теряют современного значения, во-1-х потому, что разбираемые им статьи проекта редакционных Комиссий вошли, почти вполне, в Положение и получили принудительную силу закона; во-2-х потому, заключают в себе положительное, так сказать догматическое изложение общих коренных начал Русской народной жизни, которые постоянно и во всем, большею частью несознательно, а иногда и умышленно, насилуются Петербургскою Бюрократией. <...> Мы вполне убеждены, что обнародование мыслей К.С. Аксакова, ревностного поборника освобождения крестьян, о современном новом административном их устройстве – полезно и для правительства и для общества и для самого народа, – но к несчастью благонамеренность правительства еще не простирается до решимости дать свободу Русскому печатному слову, еще не в состоянии уразуметь своих истинных польз и выгод. Между тем время не ждет; доброе слово, сказанное во время и кстати, вдвое сильнее и вернее достигает цели, а потому, как это ни неприятно семейству автора, мы решились напечатать рукопись за границей. <...> Болезнь, а потом и кончина не дали довершить К.С. Аксакову свой полезный труд. <...> Мы надеемся, что ни Правительство, ни бывшие члены Редакционных Комиссий, если только они истинно любят правду и желают блага России и Русскому народу, не посетуют на нас за обнародование этих замечаний» [3, VI, VIII].

В апреле министр народного просвещения Ев.П. Ковалевский пытался выхлопотать официальное разрешение на издание аксаковской газеты непосредственно у Александра II помимо главного управления цензуры и III Отделения. Император по докладу Ев.П. Ковалевского принял решение: «...запрещение “Паруса” не считать препятствием к дозволению газеты». Газета была разрешена, но против Аксакова выступили шеф жандармов В.А. Долгоруков и его помощник А.Е. Тимашев. Дело рассматривалось в Главном управлении цензуры, затем в Совете министров [10, 71]. Об этой истории 8 апреля А.В. Никитенко оставил следующую запись в своем дневнике: «Министр сильно промахнулся. Он прямо от себя, помимо Главного управления цензуры и помимо III отделения, исходатайствовал у государя дозволение И.С. Аксакову издавать журнал. Об этом нам было объявлено в прошлом заседании с указанием того, каким образом было испрошено согласие государя. Это сильно оскорбило Тимашева, а следовательно, и князя Долгорукова: они успели переубедить государя. Когда Ковалевский сегодня явился к нему с докладом, между прочим и по делу Аксакова, государь уже другим тоном начал о нем говорить и велел, чтобы оно – это дело – было рассмотрено в Главном управлении цензуры на законном основании. Министр говорил мне об этом с прискорбием. Но дело все-таки, кажется, не проиграно: большинство голосов было за Аксакова» [14, 249–250].

19 мая на заседании Московского славянского благотворительного комитета было избрано его правление в составе: почетного председателя графа Д.Н. Блудова, который никогда никакого участия в делах не принимал и в

1862 году был заменен Е.П. Ковалевским, временного председателя М.П. Погодина, секретаря и казначея И.С. Аксакова. По предложению Аксакова решено устроить особую комиссию из нескольких членов для содействия председателю и секретарю в исполнении их обязанностей, которая должна была бы разрабатывать разные проекты и предположения о расширении круга деятельности Комитета, об улучшении участи здешних болгар и проч. Комитет на первое время назначил комиссию из трех членов и таковыми избраны: П.И. Бартенев, П.А. Бессонов, Я. Орел-Ошмянцев [15, 6; 16, 81–82]. Аксаков, оказал большую услугу Комитету, предложив, издаваемую им газету «День» для обнародования известий о действиях Комитета и разъясняя пред читателями цели и задачи Комитета. Вследствие этого большая часть пожертвований от посторонних лиц поступала через редакцию газеты «День», поему Аксаков должен был принять на себя и казначейские обязанности по Комитету [см.: 17, 2].

7-м июня датируется последнее известное письмо Аксакова к А.И. Герцену в Лондон, в котором Аксаков благодарил Герцена за отклик на смерть К.С. Аксакова: «Нынче ровно полгода, как брат скончался, и почти полгода, как мы в последний раз перекликнулись за границей. Вы на мое письмо отвечали такой статьей в “Колоколе”, за которую я вас еще крепче полюбил и которая бесконечно лучше всего, что было сказано и написано о брате и Хомякове у нас, в России, друзьями» [18].

12 июня И.С. Аксаков писал Н.А. Елагину: «У меня на руках несколько изданий, которые я непременно хочу окончить к осени, т.е. до того срока, когда начну издавать свою газету. На днях выпустил в свет 4-е издание Записок Ружейного Охотника и тотчас же продал книгопродавцам столько, сколько нужно, чтобы покрыть издержки печатанья: издание роскошное, но дешевле прежнего. – Исторических Сочинений брата печатается уже 18 лист; это будет 1 том полного собрания сочинений; вслед за тем приступлю к печатанию 2-го тома – разных статей, касающихся литературы, вопросов общественных и проч., частью напечатанных и большею частью не напечатанных. Также отпечатано уже 5 листов 1-го тома полного собрания сочинений Хомякова – статей различного содержания» [см.: 5; 1; 2].

15-м июня датировано письмо И.С. Аксакова к Л.Н. Толстому. (Напомним, что Толстой познакомился с Аксаковым в мае 1856 года. Между ними особой близости не было, хотя в период 1856–1864 гг. они неоднократно встречались и испытывали взаимный интерес. Известны три письма Аксакова и одна записка Толстого [19, 140–141]).

«Любезнейший граф! – Жаль, что мы в Москве не успели повидаться и потолковать друг с другом на досуге. Помочь этому делу перепискою трудно, да и мы оба слишком заняты. Я слышал, что Вы – мировой посредник, и слышал также от лиц, с Вами вовсе незнакомых, что крестьяне Вашего участка от того “в восхищении”, как выразился мне кто-то. <...> Вы, может быть, знаете, что издание еженедельной газеты мне разрешено, и я начну из-

давать ее с 15 сентября или 1-го октября. Я прошу Вашего содействия – не вкладом литературных или “беллетристических” произведений – а статьями или письмами, во 1-х, о сельских школах, о народном обучении, и т.п.; во 2-х, о Вашей посреднической деятельности. Мне хотелось бы, чтобы в моей газете отражалась, как в зеркале, вся внутренняя областная жизнь, вся пробудившаяся в ней деятельность общественная, умственная, экономическая. <...> Пока развитие наше совершалось в области отвлеченной, без приложения к жизни, не захватывая быта земли, – она, естественно, заключалась в среде столичной, в среде людей отвлеченно-просвещенных, оторванных от почвы, в оранжерее умников, книжников, литераторов. Но когда дело коснулось всей земли, быта народного, когда наступила та социальная революция, которую мы теперь переживаем, наши столичные интересы мигом побледнели, жители столиц остались как раки на мели, чувствуют или должны почувствовать всю свою несостоятельность, всю свою отчужденность от дела, когда наступило *серьезное* дело, когда из области фраз оно перешло в область жизни. <...> Изданием газеты я взваливаю на себя страшную обузу. Я теперь один! Целой среды сочувственной, животворящей – около меня нет: точно провалилась! А между тем, кажется мне, нужен будет мой орган в литературе, – не лично мой, разумеется, а того направления, к которому я принадлежал и принадлежу. Мне кажется – многие чувствуют потребность в ином органе, кроме существующих. Но, может быть, я и ошибаюсь. Время неблагоприятное. Не до газет теперь! Думаю, впрочем, что участие в моей газете мировых посредников – возбудит интерес и в тех, которые готовы были бы теперь вовсе не читать журналов» [см.: 19, 141–144]. Неизвестно, ответил ли Толстой на это письмо. Аксаков в письме от 8–9.10.1861 года жаловался графине А.Д. Блудовой: «Всего обиднее мне, что по части мирового посредничества нет у меня ни одной статьи. Все, без исключения, мировые посредники обманули и ничего не прислали» [13, 355].

3-м июля отмечено цензурное разрешение энциклопедического словаря, в котором были опубликованы биографии С.Т. Аксакова и его сыновей: «Аксаковы, семейство русских литераторов»: 1) «Аксаков Сергей Тимофеевич», подписано: *М.Л.* Автор: М.Н. Лонгинов. 2) «Аксаков Константин Сергеевич», подписано: *М.М.* и *К. Б.-Р.* Авторы: М.Л. Михайлов и К.Н. Бестужев-Рюмин. 3) «Аксаков Иван Сергеевич», подписано: *М.М.* Автор: М.Л. Михайлов [см.: 20, 387–392, 392–393, 393].

31 июля 1861 года – еще одна горестная дата аксаковского семейства – в этот день скончалась Ольга Сергеевна (1821–1861). За два года до кончины для нее была специально нанята дача на Башиловке, в соседстве врача А.И. Овера, который ежедневно навещал больную. Из письма И.С. Аксакова к М.Ф. Раевскому от 5 августа: «Похороны брата Константина, по возвращении нашем в Москву, были 3 января. Ровно через 7 месяцев, 3 августа, были у нас новые похороны! Это уже слишком. <...> Сестра моя, скончавшаяся 31 июля, была очень нужным членом семейства. Она моложе Веры Сергеевны,

но старше всех остальных моих четырех сестер (в том числе одна замужняя). Когда она достигла 19-летнего возраста, она сделалась жестоко больна, болезнь обратилась в хроническую и продолжалась 18 лет с лишком. <...> Бедные мои сестры не выходят из траурных одежд. Три года сряду смерти: 1859 г. – отец; 1860 г. – брат, в 1861 г. – сестра! – Маменька очень ослабла... Тяжело. Болезнь и кончина сестры помешали мне объявить о моей газете...» [13, 235–236].

В сентябре был образован Высший комитет для пересмотра существующего цензурного законодательства [21, 56]. Тогда же М.Н. Катковым была написана «Записка русских литераторов», которую подписали ряд писателей (В.М. Белозерский, Г.Е. Благосветлов, М.М. Достоевский, В.Ф. Корш, А.А. Краевский, В.А. Кремпин, Н.Ф. Павлов, Н.Г. Писаревский, Н.Г. Чернышевский), в том числе И.С. Аксаков. В записке впервые было открыто сформулировано положение о свободе печати, как общем требовании русских журналистов.

В этом же месяце в Лондоне вышла из печати книга, в которой были помещены три стихотворения И.С. Аксакова: «Моим друзьям», «Пусть гибнет всё, к чему сурово...» (оба приписанные К.С. Аксакову), «Добро б мечты, добро бы страсти...», а также его юношеская мистерия «Жизнь чиновника». А.И. Герцен опубликовал сочинение Аксакова, которое было написано молодым автором еще в 1843 году и отличалось сатирическим изображением русского чиновничества. Такого рода произведение не могло быть издано в России; оно получило распространение в списках, один из которых и попал в Лондон [см.: 22].

3 сентября в «Московских ведомостях» впервые было напечатано объявление об издании газеты «День», в котором Аксаков писал: «Издатель и редактор газеты “День” смеет думать, что имя его уже само по себе указывает на характер и направление нового литературного предприятия». Он обещал читателям следующие отделы газеты: «Московская летопись», «Литературный», «Областные вести», где «особо почетное место» отводилось письмам мировых посредников, «Славянский», «Обозрение русской журналистики», «Смесь» («Московские ведомости», 3 сентября 1862, № 192). Объявление повторялось в № 197 и № 202 [10, 73].

Это объявление было разрешено к печати московским цензором Н.П. Гиляровым-Платоновым и вызвало неприятную для Аксакова переписку между Главным управлением цензуры и Московским цензурным комитетом. Аксакову ставили в вину отход от ранее объявленной и утвержденной программы. Дело закончилось тем, что московские цензоры получили от своего начальства новое указание о строжайшем надзоре за газетой «День». Бывший в это время в Москве государственный секретарь В.П. Бутков лично обращал внимание председателя Московского цензурного комитета М.П. Щербинина на необходимость «усугубления надзора» за газетой Аксакова и «в

особенности за статьями по крестьянскому делу» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 48: письмо И.С. Аксакова к Ю.Ф. Самарину от 22.9.1861 г.).

В архиве Российской государственной библиотеки сохранилась «Доверенность» И.С. Аксакову и Ф.В. Чижову от наследников Н.В. Гоголя на издание его сочинений, подписанная Ник. Трушковским, А.В. Гоголь, Е. Быковой и Ол. Головниной от 29 сентября 1861 г. (РГБ. Ф. 332 Чижов. 68. 2. 2 л.).

15 октября увидел свет первый номер газеты «День» – московский славянофильский еженедельник, выходивший по субботам. Аксаков И.С.: «Знамя нашей газеты есть знамя “Русской беседы”, знамя русской народности, понятной и определенной Киреевскими, Хомяковым, Аксаковым Константином и всей так называемую славянофильскою школой» («День». 1861. № 1. 15 октября. С. 2). «День» откликался на все ключевые вопросы времени: крестьянский, дворянский, земский, судебный, славянский, польский, вопрос о юго-западных окраинах России и железных дорогах, о студенчестве и нигилизме, о свободе слова и цензуре, о свободе совести, трактуя их со славянофильских позиций.

По внешнему виду газета напоминала тонкий журнал, число страниц в номере не было постоянным и колебалось от 16 до 24. Иллюстраций в газете не было. В первую очередь «День» был личным печатным органом Аксакова. Никто из славянофилов и близких к ним лиц не мог повлиять на принятые им решения. Независимость Аксакова отчетливо проявилась в направлении «Дня», который далеко не всегда выражал взгляды и настроения других славянофилов. Славянофильство «Дня» – это в первую очередь славянофильство Аксакова [10, 74, 88, 89].

Цель нового издания состояла в обличении явлений, мешающих выработке самосознания славянских народов, в первую очередь, русского народа. Газета стала самым выдающимся и влиятельным органом славянофильской партии. Вместе со всем прогрессивным лагерем печати «День» ратовал за свободу совести и слова, требовал широких и демократических прав для крестьянства, держался примирительного тона в польском вопросе (впрочем, только до польского восстания). Но цензура не забывала об Аксакове. Однако ни официальные бумаги Московского цензурного комитета, ни повеление Александра II, дважды ему объявленное, не смогли сломить его волю.

К 1861 году не осталось в живых никого из старших славянофилов. Аксаков чувствовал себя «душеприказчиком» их идейного наследия. Сознвая свой долг перед умершими, буквально через месяц после смерти брата он заявил, что обязан продолжить его труд, заменить Константина. Человек деловой и практичный, он хорошо понимал, что воздействовать на общественное сознание удобнее всего через печать, тем более что эпоха, наступившая со второй половины 1850-х гг., была эпохой публичного слова и возрождения журналистики.

С.Ф. Шарапов в речи посвященной памяти учителя напишет: «Основанный Аксаковым “День” представлял уже явление в тогдашней литературе и

веское, и серьезное. Позади Аксакова стояла самобытная русская культурная и философская школа, идеи которой он популяризовал с замечательной силой и страстностью. <...> “День” был первым торжественным выходом русского направления *из кружка в общество*. Самобытность русских и славянских начал была окончательно провозглашена и стала с этих пор не кабинетной, но живой, реальной силой. Таков был первый шаг Аксакова, характеризующий целый период в истории русского самосознания» [23, 628–629].

С октября 1861 года по февраль 1864 года по пятницам регулярно проводились Аксаковские «вечера». Как правило, они приурочивались к выходу очередного номера газеты «День». Душой этих встреч была сестра И.С. Аксакова – Вера Сергеевна [25, 711].

С 23 октября начинается известная переписка Ф.И. Тютчева с И.С. Аксаковым: «Благодарим вас, любезнейший Иван Сергеевич, от души благодарим и поздравляем... Трудно выразить то отрадное чувство, с каким читается ваш “День”. Словно просыпаешься от какого-то тяжелого, больного, нелепого сна, просыпаешься к жизни, к сознанию действительности, к сознанию самих себя...» [см.: 26, 13–14]. В эпистолярном наследии Ф.И. Тютчева письма к Аксакову и старшей дочери Анне Федоровне Тютчевой (с января 1866 года – Аксаковой) занимают особое и весьма важное место. Определяется оно тем, что в этих письмах сформулированы многие наблюдения и выводы Тютчева, относящиеся к политической современности. Иные из вопросов, поднятых в них, получили затем публицистическую разработку на страницах аксаковских газет «Москва» и «Москвич» (1867–1868). Хотя Тютчев, по определению Аксакова, стоял «вне партий и определенных направлений как поэт» (письмо Аксакова к А.Ф. Тютчевой от 2.10.1865 г.; [27, 27]), из всей периодики 1860-х гг. наиболее близки ему были именно газеты Аксакова. Тютчев был в курсе всех трудностей литературно-издательской деятельности Аксакова, сочувствовал ему, призывал к решительности и выдержке. В статьях Аксакова о свободе слова Тютчев находил отражение своих собственных взглядов на положение печати. Особенно близки были ему высказывания Аксакова по славянскому вопросу [26, 424]. Известно 39 писем Ф.И. Тютчева к И.С. Аксакову (23.10.1861 г. – 19.11.1871 г.; [28, 569]).

К сожалению, письма Аксакова к Тютчеву отнюдь не являлись предметом тщательного хранения. Из этого эпистолярного комплекса, несомненно значительного и по объему и по содержанию, до сих пор опубликовано лишь два письма – от 28.11.1867 г. [29, 597–598] и от 16.12.1872 г. [30, 497–498]. Что же касается остальных писем, то их местонахождение (если они не утрачены навсегда) остается неустановленным. Исключение составляют лишь выписки из двух писем (от 1.4.1866 г. и 8.11.1870 г.), перлюстрированных в III Отделении (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. № 2027. Л. 1 и № 1746. Л. 1–2 об.), и три письма, сохранившиеся в семейном архиве Аксаковых (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 59. Л. 1–8 об.): от 27.10.1871 г., 16.12.1872 г. и 26.2.1873 г. Таким образом, пока есть сведения только о 6 письмах Аксакова к Тютчеву. См.: с. 243.

18 ноября И.С. Аксаков опубликовал свою первую статью, посвященную польскому вопросу «Наши нравственные отношения к Польше». «День». № 6 [31, 3–13]. Аксаков заявил, что необходимо осуществить «нравственную правду»: вывести из Польши русские войска и предоставить ей возможность развиваться самостоятельно: «Русский народ был бы рад видеть в поляках добрых родственных соседей». «Осуждая со всей резкостью правды притязания поляков на Смоленск и Киев, мы бы погрешили против логического смысла, если бы стали осуждать законность их патриотизма в отношении к Познани, Кракову и Варшаве...» Аксаков решительно высказался против «теории государственного эгоизма, доктрины практической необходимости», против «учения о какой-то особенной политической нравственности», утверждая, что политика России в своей основе всегда была подчинена нравственным, христианским началам и «всякое уклонение нашей политики от начал нравственных нам удастся плохо и возбуждает сильный протест нашей собственной, общественной исторической совести».

В 1861–1862 гг. И.С. Аксаков выступил с серией статей, в которых развивал идею «самоупразднения» дворянства как господствующего сословия, его слияния с «земством» (крестьянством) и создания на этой основе принципиально новой, народной интеллигенции («общества», включающего лучших представителей всех сословий), которая по мысли Аксакова, будет способна разрушить главное противоречие русской жизни – между «землей» и «государством». Российское общество в те времена делилось на семь сословий: дворянство, почетное гражданство, духовенство, купечество, мещанство цеховое, крестьянство и казачество. Самым привилегированным сословием было дворянство.

2 декабря Аксаков публикует передовую статью («Исторический ход дворянского учреждения в России», «День», 1861, № 8; [24, 619–624]), в которой напоминает русскому дворянству о том, что служилое сословие никогда не носило в себе аристократического начала. Попытки же образовать аристократию были сокрушены «смертельным ударом» Петра I. «Табель о рангах сделала всякую аристократию в России невозможной». Теряя с отменой крепостного права свою главную привилегию, дворянство должно было вернуться «домой, в земство».

9 декабря выходит очередная аксаковская передовая статья («Дворянам необходимо определить себе – что они такое и чем могут быть», «День», 1861, № 9; [32, 203–208]). Аксаков не мыслил дальнейших преобразований в России в отрыве от процесса гармонизации общественных отношений. Ликвидация сословных перегородок выступала, таким образом, как исходный пункт продвижения вперед. Аксаков призывал русских дворян: «Во-1-х, вникнуть в исторический ход дворянского учреждения и проникнуться сознанием, что *дальнейшее существование дворянского сословия как сословия*, на прежних основаниях, после великого дела 19 февраля 1861 г., *невозможно*; во-2-х, отрешиться от прежних воспоминаний, бесплодных сожалений и

от всякого духа сословной гордости и исключительности; в-3-х, устранить все перегородки, которые отделяют его от народа, как в политическом, так и в нравственном смысле; в-4-х, определить свои отношения к прочим сословиям» [32, 206]. Однако против идей Аксакова выступили почти все дворянские публицисты – как западники (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, М.Н. Катков), так и друзья-славянофилы (А.И. Кошелев, Н.А. Ригельман).

23 декабря Аксаков в передовой («О цензе». «День». № 11; [32, 208–214] выступил против имущественного ценза. Он провозглашал ценз иноземным началом, чуждым русскому народу и спрашивал: «Почему меньшинство “имущих” имеет право решать участь громадного большинства “неимущих”? Почему это громадное большинство, составляющее то органическое ядро, которое хранит в себе всемирно-историческую идею известного народа, должно быть лишено голоса в вопросах, непосредственно до него касающихся?» [32, 210]. Эта идея, в конечном итоге, воплотилась в «земской реформе» 1864 года, хотя и в очень измененном, «сглаженном» виде. Защитниками ценза на страницах «Дня» выступил А.И. Кошелев, которого поддерживал кн. В.А. Черкасский.

В конце года И.С. Аксаков обратился с письмом к И.С. Тургеневу: «Ни слуху, ни духу об вас, или лучше сказать, ходят какие-то слухи, но такие нелепые, что и слухами называться не могут. Не знаю, в Петербурге ли вы, или за границей. На всякий случай посылаю письмо. Что же ваше обещание, любезный Иван Сергеевич? Мне очень бы хотелось и нужно бы было поместить ваши “Четыре месяца в деревне”. Об Анненкове также ничего не знаю, следовательно, и о повести вашей. Ваш *Иван Аксаков*». Однако статья, обещанная Тургеневым «Дню», так и не была написана. Не смотря на близкие отношения к семейству Аксаковых и на знакомство с другими представителями славянофильского направления, Тургенев никогда не мирился с их воззрениями и оставался чистым западником. К тому же, во второй половине 1861 года Тургенев был поглощен работой над романом «Отцы и дети» [см.: 33, 150–151].

Тяжелый, противоречивый и, одновременно, дающий надежду на будущее 1861-й год завершился. В этом году Иван Аксаков вместе со своими родными и близкими похоронил любимого брата Константина и сестру Ольгу. Свершился великий акт освобождения крестьян от крепостной зависимости. Славянофилы приступили к изданию собраний сочинений своих основоположников – братьев И.В. и П.В. Киреевских (в двух томах), А.С. Хомякова (1-й том), К.С. Аксакова (1-й том). Иван Сергеевич, подхватив знамя, выпавшее из рук А.С. Хомякова и К.С. Аксакова, начал издание славянофильской еженедельной газеты «День». По сути дела рубеж 1860–1861 гг. разделил жизнь Ивана Сергеевича на две половины. И если период раннего славянофильства (1839–1860) можно назвать хомяковским, то период позднего славянофильства (1861–1886), не без основания, можно наречь аксаковским.

Примечания

1. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова: Т. 1. Сочинения исторические / Изд. под ред. И.С. Аксакова. М.: тип. П. Бахметева, 1861. VIII, 632, II с. (Предисловие И.С. Аксакова, с. V–VII).
2. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: Т. 1. Собрание отдельных статей и заметок разнородного содержания / Изд. под ред. И.С. Аксакова. М.: тип. П. Бахметева, 1861. VIII, 722, III с. (<Предисловие> И.С. Аксакова, с. V–VI).
3. Аксаков К.С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1861. VIII, 116 с. Изд. и предисл. (с. V–VIII) И.С. Аксакова.
4. Аксаков К.С. Князь Луповицкий, или Приезд в деревню: Комедия в 2 действиях с прологом: [Писано в 1851 г.]. 3-е изд. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1861. 88 с.
5. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии: С политипажами, латинск. названиями птиц и примеч. К.Ф. Рулье. 4-е изд. М.: тип. Л. Степановой, 1861. 408, III с.
6. Хомяков А.С. Стихотворения А.С. Хомякова. М.: тип. Бахметева, 1861. [2], II, 148, III с.
7. Кошелев В.А. Комментарии // Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. С. 487–516.
8. Егоров Б.Ф. Примечания // Хомяков А.С. Избранное. Тула, 2004.
9. Хроника жизни Ю.Ф. Самарина, 1861 // НИОР РГБ. Фонд Самариных, 102, 8.
10. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. 264 с.
11. Кошелев В.А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2005. 380 с.
12. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 5658. 43 л.
13. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. М., 2003–2004. Т. III. Письма 1857–1886 гг. М., 2004. 600 с.
14. Никитенко А.В. Записки и дневник: в 3 т. Т. 2. М.: Захаров, 2005. 608 с.
15. Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858–1868) Славянско-го благотворительного комитета в Москве, составленный и читанный в заседании 11-го мая, в день памяти Славянских первоучителей Св. Кирилла и Мефодия, секретарем Комитета Н.А. Поповым. М.: в Университетской типографии (Катков и К°), 1868. 28 с.

16. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 362 с.
17. История Славянского благотворительного комитета в Москве. Выпуск II. Второе пятилетие (1863–67) / составил секретарь комитета Нил Попов. М.: в Университетской типографии (Катков и К^о), 1872. 63 с.
18. «Вольное слово». 1883. № 60. 1 мая. С. 7.
19. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. Изд. 2-е, доп. / сост., примеч. С.А. Розановой. М.: «Худож. лит.», 1978. 479 с.
20. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Том II. АДВ – АКШ. СПб.: в типографии И.И. Глазунова и Комп., 1861. VIII, 485 с.
21. Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. XIII, 3, 427 с.
22. Русская потаенная литература XIX столетия. Стихотворения: Ч. 1 / С предисл. Н. Огарева. Лондон: Trübner & Co, 1861. LXLVI, 427, XII с.
23. Шарапов С.Ф. Памяти И.С. Аксакова (Речь, произнесенная в торжественном заседании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества 10 февраля 1896 г.) // Шарапов С.Ф. Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 627–644.
24. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступит. статья, примеч. В.Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002. 1008 с.
25. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. Письма 1834–1881. СПб., 1996. 863 с.
26. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. Т. 6 / сост. Л.Н. Кузина. М.: Издательский Центр «Классика», 2004. 592 с.
27. Тютчевский сборник. 1873–1923. Пг., 1923.
28. Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. М.: Наука, 1988–1989. Кн. 1. 1988. 587 с.
29. Литературное наследство. Т. 19–21. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. 711 с.
30. Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. М.: Наука, 1988–1989. Кн. 2. 1989. 708 с.
31. Аксаков И.С. Полное собрание сочинений: Тт. 1–7. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. 1860–1886. Еврейский вопрос. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. VIII, 844 с.
32. Аксаков И.С. Полное собрание сочинений: Тт. 1–7. Т. 5. Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. VI, 675 с.
33. Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. С введением и примечаниями Л. Майкова. М.: Университетская типография, 1894. 152 с.

34. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Выпуск 4: в 3 частях. 1861–1869: Часть 1: 1861–1862. Уфа: УЮИ МВД России, 2012. 277 с.

Письмо И.С. Аксакова к Ег.П. Ковалевскому от 29 января 1861 года о возможности издания славянофильских журнала и газеты

См.: Письмо И.С. Аксакова Ег.П. Ковалевскому от 29 января 1861 г. о возможности издания им славянофильских журнала и газеты // «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2017. Ч. 1. С. 125-131.

Письмо И.С. Аксакова адресовано Егору Петровичу Ковалевскому (1809–1868) – государственному и общественному деятелю, горному инженеру, путешественнику, дипломату, историку, прозаику; брату Евграфа и Петра Ковалевских. По своим убеждениям Егор Петрович был близок к славянофильству и панславизму. С 1825 г. обучался на отделении нравственных и политических наук Харьковского университета. Окончил курс в 1828 г. со званием «действительного студента». Служил горным инженером на алтайских и уральских золотопромышленных заводах (1830–1837). В 1856–1861 гг. директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, помощник председателя Русского географического общества. Поддерживал тесные связи со многими славянскими деятелями и уделял большое внимание балканскому вопросу. Член-корреспондент (1856) и почетный член (1857) Академии наук. Один из основателей и с 1859 г. бессменный председатель Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. В 1861 г. в чине генерал-лейтенанта назначен сенатором и членом Совета министра иностранных дел. В 1871–1872 гг. вышло собрание сочинений Ковалевского в 5 томах. Недавно переиздана одна из самых известных его книг: «Граф Блудов и его время (царствование императора Александра I)» (М.: Гос. публичная ист. Б-ка России, 2016. 318 с.).

Известно, что еще в 1858 г. по предложению Ег.П. Ковалевского И.С. Аксаков стал готовиться к изданию газеты «Парус». Именно Ковалевский написал представление от имени Цензурного комитета с изложением всех обстоятельств. (О подготовке, издании и последствиях издания газеты «Парус» подр. см.: *Мотин С.В.* «Я все же буду издавать “Парус” до тех пор, пока не запретят...»: (К истории издания газеты И.С. Аксаковым) // *Меди@льманах*. Москва, 2013. № 2. С. 65–73).

Предыстория публикуемого письма начинается летом 1860 г. – во время путешествия Аксакова по Славянским землям. В письме к родным от 1–4 июня 1860 г. из черногорского Цетинье Аксаков делится своими планами: «По окончании своего путешествия – по славянам, я думаю написать Ковалевскому (не министру): я убедился в необходимости газеты. Здесь в Каттаро

объявление “Паруса” заставило, как ни смешно и пошло это выражение, биться сердца всех утесненных славян! Живое слово им необходимо. <...> Итак, я хочу просить опять о дозволении газеты» (*Аксаков в письмах*. Т. III. С. 122).

2 января 1861 г. Иван Сергеевич вместе с маменькой, двумя сестрами и телом скончавшегося на греческом острове Занте брата Константина возвращается в Москву. Как известно, 3 января Константин Сергеевич был похоронен на кладбище Симонова монастыря рядом с могилой отца – С.Т. Аксакова. В это время – накануне отмены крепостного права и после безвременной кончины А.С. Хомякова и К.С. Аксакова – перед Аксаковым «встал вопрос о месте славянофилов в общественной жизни», так как «в славянофильском кружке царила обстановка уныния и растерянности» (*Цимбаев*. С. 69).

19 января Аксаков обращается к Ю.Ф. Самарину: «Я очень желаю твоего приезда, мне нужно с тобою видиться и поговорить, но не о тебе собственно и не об эмансипации, а о тех обязанностях, которые налагает на нас связь с умершими, о наследстве, ими оставленном, об общественном положении славянофильства, о том, разойтись ли нам, или теснее соединиться, загасить ли последние лучины, довольствуясь тем, что ветер по сторонам разнесет несколько искр, или раздуть их и поддерживать по возможности пламя, – создавать ли новый орган литературный, или отказаться от деятельности литературной *in corpore* <всем вместе (лат.)>» (*Переписка Аксакова и Самарина*. С. 82).

Самарин находился в Москве проездом между 15 и 23 января (РГБ. Ф. 265. К. 102. Ед. хр. 8: Хроника жизни Ю.Ф. Самарина, 1861. Л. 1). Мнение его, близкого друга и ученика Хомякова, имело для Аксакова решающее значение. После бесед с ним Аксаков принялся хлопотать о разрешении издания нового славянофильского журнала (*Цимбаев*. С. 69). Также важно отметить, что, еще находясь летом 1860 г. в Загребе, Аксаков обещал славянам добиваться разрешения на периодическое издание: «Газету ради славян издавать необходимо, грешно не издавать. И я к тому всеми обстоятельствами призван теперь: я дал им честное слово, что буду всеми силами хлопотать о газете» (см. письмо Аксакова к родным от 26 июня 1860 г. // *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 132).

28 января, то есть за день до письма Ковалевскому, Аксаков обращается к прот. М.Ф. Раевскому: «Прошу Вас, внимательно следя за событиями, составлять записки вроде тех, какие Вы мне читали, но не посылая их туда, куда посылали прежде, доставлять ко мне для напечатания, может быть, в моей газете» (Там же. С. 220). Этой же датой отмечено и письмо Аксакова к Ф. Боденштедту: «Я занят теперь изданием полного собрания сочинений моего брата (около 8 томов) и стихотворений Хомякова. Я намереваюсь также основать и издавать новый журнал. <...> Как скучна теперь для меня жизнь в Москве! Как я одинок!» (*У России одна столица*. С. 406).

Н.И. Цимбаев, введший это (впервые публикуется нами полностью) письмо Аксакова к Ковалевскому в научный оборот в своей монографии 1978 г., обращает внимание на следующее важное обстоятельство: «Сугубо внутренний вопрос русской жизни Аксаков пытался решить с помощью одного из руководителей русской внешней политики. Аксаков ничего не писал об отношении славянофилов к внутривосточным аспектам правительственной политики, славянская деятельность славянофилов служила единственным доказательством их политической благонадежности» (Цимбаев. С. 70).

Тем не менее, спустя всего 8 дней, 6 февраля, Аксаков весьма четко сформулирует свою позицию в письме к кн. Е.А. Черкасской: «Журнал необходим как внешний центр, связующий нас, оставшихся; как орган, посредством которого мы можем служить памяти Хомякова и брата, печатая их статьи и доказывая своими статьями, что их мысль жива и плодотворна; освещает и озаряет все современные и будущие вопросы русской жизни. Она, как фонарь, светящий в будущее» (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 167; цит. по: Цимбаев. С. 72).

Письмо И.С. Аксакова к Ег.П. Ковалевскому публикуется по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе ИРЛИ: Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 1–4. Конверт в архивной папке отсутствует. Приношу свою благодарность А.П. Дмитриеву за помощь в расшифровке текста.

Милостивый Государь
Егор Петрович.

Решаюсь писать к Вам прямо, оставляя в стороне окольные пути, – и считаю себя в полном праве: оно основано на искреннем к Вам уважении, на несомненной уверенности, что Вы, так же как и я, желаете общей пользы; наконец на глубоком сознании, что побуждения мои чисты. Итак, без обиняков, позвольте приступить к делу.

Дело идет о существовании, о продолжении издания «Русской Беседы»,¹ или совершенно *подобного ей* периодического Сборника с другим названием. Деньги на это издание имеются: все затруднение в том, чтобы было дозволено *мне* быть редактором и издателем,² с сохранением прежней программы «Русской Беседы».³ Могу ли я на это надеяться? Могу ли из Министерства Народного Просвещения ожидать ответа более благоприятного, нежели в конце 1859 года, когда на все мои просьбы звонил один ответ: «не заслужил доверия Правительства!...»⁴

Вы, конечно, не станете отрицать пользы, принесенной «Русскою Беседою» и в России, и за границей, между славянами. В прошлом году я был в Сербии, в Далмации, в Хорватии, познакомился лично с славянами турецкими и австрийскими.⁵ Я убедился на месте, какое огромное значение имела и имеет «Беседа»: ведь это единственный свободный, сочувственный голос из России, достающий до них; ведь это единственный орган русской народно-

сти, русского и славянского самосознания, – а о том, как важно для западных славян ясное понимание сущности начал славянских, для них, окруженных готовыми формами и приемами западной цивилизации и всеми соблазнами западного строя жизни, – об этом Вам и говорить нечего. Вы это сами очень хорошо знаете.⁶ – Поверите ли Вы, что с появлением «Р<усской> Беседы» в Белграде многие, принадлежавшие прежде к французской или иной иностранной партии, перешли на сторону русской партии. И это даже не потому, чтоб они внимательно читали «Беседу», а потому, что периодическое появление «Беседы» служит признаком жизни самой славянской идеи в России, свидетельствует о целом, независимом направлении.⁷ Мое путешествие дало мне возможность еще более упрочить значение «Беседы» и славянофильской школы между славянами, и связать с «Беседою» еще теснее партию *народности* у славян, следовательно, партию, сочувствующую и преданную России. Как бы там ни думало обо мне Правительство, но я убежден, что наша славянофильская деятельность полезна интересам России вообще, а в частности, и нашей политике. «Беседа», без сомнения, поддерживает в славянах любовь к России, веру в нее, мешает им поддаваться чуждому влиянию,⁸ а следовательно, этим самым достигает целей, предположенных и самим Правительством. – Вот и теперь, напр<имер>, минута в Сербии очень важная. Князю Михаилу⁹ ужасно хочется дать Сербии какой-нибудь устав или конституцию. Для сочинения ее он вызывал в Белград многих юристов и докторов прав из славян австрийских. Я видел некоторых и убедился, что если им дать волю, то в Сербии произойдет нравственный разрыв между властью и народом, и самой народности, началам славянским грозит важная опасность. Потребность законности и готовность самоограничения очень похвальны в Князе Михаиле, но, к сожалению, тут примешивается суетное желание поскорее попасть в государи *comme il faut*¹⁴⁸ и Сербию сделать страной, государством *comme il faut*,¹⁰ т.е. обзавестись аристократией, бюрократией, судейскими и полицейскими порядками и всякими модными болезнями, приличными людям и странам пожилым и знатным. Незадолго до смерти своей брат мой¹¹ получил из Сербии письмо, в котором его настоятельно просят подать им, сербам, мысль о государственном устройстве в славянском духе.¹² Он не успел отвечать им, но вопрос этот разрешается двумя его сочинениями, оставшимися в рукописях.¹³ – Все это я привожу для того, чтобы доказать, как был бы нужен и своевременен голос из России, для разрешения многих внутренних вопросов славянских, голос в то же время свободный, неофициальный, не заподозренный в чистоте побуждений.

Конечно, этих доводов было бы, по моему мнению, достаточно даже для того, чтобы позволить славянофилам не только издание периодического Сборника в роде «Беседы», но и издание газеты, хоть бы под названием «Славянского Вестника» или каким-нибудь другим. Я бы желал издавать и

¹⁴⁸ благопристойные, надлежащие, подобающие (*фр.*). Сам Аксаков в этом же письме использует слово «приличные».

то, и другое.¹⁴ Конечно, газета, чтобы иметь подписчиков на Руси, должна быть не исключительно славянской, в тесном смысле слова, но заниматься и русскими вопросами, и иметь право на политическое обозрение (что теперь разрешается очень туго).

Но кому издавать и «Беседу» и газету? Другому некому, как мне. Смерть жестоко опустошила ряды наши, и мне поневоле приходится принять на себя, по возможности, обязанности умерших, – разумеется, в том объеме, какой доступен моим личным силам. Если же издавать мне, то необходимо мне иметь право выставить на изданиях *мое* имя. Только в таком случае могу я рискнуть капиталом, уверенный, что сочувствие публики к моему отцу¹⁵ и к брату поддержит меня.

Егор Петрович! Вы имеете возможность узнать дело поближе, ощупать почву, справиться с барометром, одним словом, дать мне искренний и – позвольте сказать – дружеский совет: начинать ли мне ходатайство по инстанциям о дозволении издавать эти два журнала¹⁶ или нет. Я бы не хотел вновь получить отказ официальный, отсрочивающий мои искания опять на долгое, неопределенное время!

А времени так мало! Когда вспомнишь все наши страшные потери, так поневоле хочется поскорее приняться за дело, не теряя времени, чтобы успеть добраться до цели.

Может быть, Вы будете недовольны тем, что я посылаю это письмо по почте. Но мне, право, кажется, что в моем письме нет ничего «компрометирующего»... Впрочем, я в этом отношении, говорят, не наделен особенным тактом.¹⁷

Еще раз извините меня за такое прямое и бесцеремонное обращение к Вам. Примите это как знак искреннего и глубокого моего к Вам уважения.

Иван Аксаков.

29 янв<аря>

1861.

Москва.

Мой адрес: на *Малой Никитской*, дом *Гусева*, бывший барона *Корфа*.¹⁸

¹ «Русская Беседа» – славянофильский журнал, выходивший в 1856–1860 гг. Всего за 5 лет вышло 20 книг. С середины 1858 г. и до конца 1859 г. Аксаков неофициально являлся редактором этого издания.

² Предыдущее издание Аксакова газета «Парус» (1859), где он выступил в качестве редактора, было запрещено уже после выхода в свет 2-го номера.

³ См. опубликованные в «Русской Беседе» редакционные статьи А.С. Хомякова, А.И. Кошелева, Т.И. Филиппова и И.С. Аксакова с изложением программных установок журнала: «Русская Беседа». С. 255–277.

⁴ В конце 1859 г. Аксакову, несмотря на все его старания, так и не удалось стать официальным редактором журнала «Русская Беседа», после чего

он решил отправиться путешествовать – сначала в Германию, а потом по Славянским землям.

⁵ См. письма Аксакова родным из путешествия по Славянским землям в мае–августе 1860 г.: *Аксаков в письмах*. Т. III. С. 110–149. Также см.: <Славянский дневник (1860)> // *Собр. соч.* Т. 1. Кн. 2. С. 471–517, 645–665.

⁶ В 1838-м и 1852–1853 гг. Ковалевский находился на службе в Черногории. См.: *Ковалевский Е.П.* Путевые записки о Славянских землях // *РБ.* 1858. Кн. I (IX). Отд. V. С. 1–53; 1859. Кн. V (XVII). Отд. IV. С. 1–38; *Ковалевский Е. П.* Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1872. Т. 4: Черногория и Славянские земли. VIII, 371 с., [2] л. фронт. (ил.), [1] л. карт.

⁷ О славянской идее, о славянском вопросе в России см. недавние исследования: *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. 205, [2] с.; *Славянская идея: история и современность: [Сб. ст.] / Отв. ред. В.А. Дьяков.* М.: Наука, 1998. 173 с.; *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея»: Вторая половина XIX – начало XXI в. М.: Ин-т права и публич. политики, 2002. 623 с.

⁸ Речь идет о прозападно-католическом и турецко-исламском влиянии.

⁹ Михаил Обренович III (1823–1868) – сербский князь в 1839–1842 и 1860–1868 гг. Вступив в 1860 г. на престол, стремился сделать Сербию независимой европейской державой.

¹⁰ Соответствующим уже давно сложившимся западным моделям государственности.

¹¹ Константин Сергеевич Аксаков.

¹² Это письмо нам неизвестно.

¹³ О каких рукописях идет речь – неясно. Возможно, одна из них – недавно опубликованный очерк К.С. Аксакова «<Россия и Запад>» (1854), где, в частности говорится: «Славянские народы должны быть освобождены и, составивши по народностям своим отдельные Княжества, должны находиться под покровительством России, как теперь Сербия. Для России открывається, таким образом, новый путь величия и силы. Это покровительство не затруднит нас, ибо мы не будем входить в домашний распорядок покровительствуемых народов, но только умножит наши силы, и вместе с тем придаст нам нравственное средоточие для всего Славянского мира, – а это великая, верная сила» (Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской, 1853–1856 / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2016. С. 261. (Сер. «Крым в истории, культуре и экономике России»)).

¹⁴ 15 мая 1861 г. Аксаков получил официальное разрешение на издание одной только газеты («День»).

¹⁵ Речь идет о Сергее Тимофеевиче Аксакове.

¹⁶ То есть одновременно – и журнал, и газету.

¹⁷ Об этой особенности Ивану неоднократно писал отец. Так, получив письма Ивана от 18 и 22 января 1851 г., он отвечал: «Давно было бы мне по-

ра убедиться, что ты человек невозможный для переписки, и потому оставляю без ответа и без возражений твое последнее письмо» (Письмо С.Т. Аксакова к Ивану от 26 января 1851 г. // Русская Мысль. 1915. Кн. 8. С. 128).

¹⁸ В письме к Ю.Ф. Самарину от 19 января 1861 г. Аксаков писал: «Мы наняли дом Гусева, бывший барона Корфа на Малой Никитской и завтра или послезавтра туда переезжаем» (*Переписка Аксакова и Самарина*. С. 82). Этот же адрес 28 января Аксаков сообщал своим адресатам М.Ф. Раевскому и Ф. Боденштедту.

Газета «День» в переписке И.С. Аксакова (1861–1865)

См.: *Мотин С.В.* Газета «День» в переписке И.С. Аксакова (1861–1865) // Историко-правовое и духовное наследие семьи Аксаковых в социокультурном пространстве России, к 200-летию со дня рождения первого Уфимского губернатора Г.С. Аксакова [Электронное издание] : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, г. Уфа, 23 октября 2020 года / под общ. ред. Р. Г. Букановой. – Электрон. текстовые дан. (1,4 МБ). Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020. С. 77–82.

Славянофильская газета, без преувеличения, стала смыслом и содержанием почти всей корреспонденции И.С. Аксакова за 1861–1865 гг. Указанное пятилетие – чрезвычайно важное в отечественной истории, в которой аксаковская газета оставила свой заметный след.

Первый номер газеты «День» вышел в свет 13 октября 1861 г. В письме от 9 декабря 1861 г. Аксаков объяснял графине А.Д. Блудовой: «<...> номер у меня всегда выходит в пятницу, в 9 часов вечера: в это время у меня всегда бывает человек до 20 знакомых, которые тут же и получают свои экземпляры; с вечера же выдается газета рассылным для разноски по городу, а ранехонько утром в субботу сдается на почту и книгопродавцам».¹⁴⁹

Уже в самом начале издания газеты, 22 октября 1861 г., редактор жалуется А.Д. Блудовой на цензоров: «Если цензура будет постоянно отнимать у меня столько времени, сколько теперь, то сил моих положительно не хватит. Я, чтобы вознаградить потерянное время, должен сидеть каждый день до 4 часов ночи. Надо и писать статьи, и читать все присылаемое, и вести обширную корреспонденцию, и держать корректуры, и следить за газетами и журналами, и наконец видаться кое с кем, чтобы знать настроения умов и проч.».¹⁵⁰

В письме к В.И. Ламанскому от 8 ноября 1861 г. Аксаков отмечает: «Я получаю довольно много писем от знакомых и не знакомых (анонимных). Кто хвалит, напр<имер> передовую статью, кто ругает ее, как <А.Ф.> Гильфердинг, кто благодарит за то, что я решился сказать о Поляках и испытыва-

¹⁴⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: В 3 т. Т. III / Сост., подгот. текста, примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Рус. книга, 2004. С. 377.

¹⁵⁰ Там же. С. 360.

ет при этом какое-то чувство нравственной эманципации, – кто готов отравить меня за это, кто бранит крестьянский отдел в 4 №, кто его хвалит. Одним словом, вспомнишь пословицу: на всякое чиханье не наздравствуешься».¹⁵¹

20 ноября 1861 г., Иван Сергеевич пишет Н.С. Соханской: «Действительно, я занят страшно. Кроме авторской работы, в редакторское дело входит много суетливых хлопот и забот по внешней части издания, по сношению с сотрудниками, и проч. Затем – переписка, т.е. корреспонденция в размерах колоссальных, – чтение статей, присылаемых в Редакцию, – и главное – возня с цензурой».¹⁵² Ее же Аксаков информирует (около 8–18 марта 1862 г.): «Я получаю круглым числом писем 8 в день, с разных концов России, из коих значительная часть анонимных. Если бы Вы знали – какая разногласица! Кто хвалит, кто бранит одну и ту же статью! <...> сплю я только раз в неделю 6 часов, а в другие – 4 или 5, не более, работаю как вол, – совершенно один, без помощников, и вожусь с этим орудием дьявола – цензурой».¹⁵³

16 марта 1862 г. Аксаков следующим образом начинает свое письмо к М.О. Кояловичу: «Дорогой Михаил Осипович. Чувствую, как не деликатно было с моей стороны так долго не отвечать Вам, но не обвиняйте меня. Это произошло во 1х от того, что в душе моей не было ни малейшей досады против Вас, а во 2х от того, что по множеству занятий я вообразил, что уже отвечал Вам, и мог бы даже сказать – что отвечал. Читая письмо, я мысленно отвечаю, а потом мне кажется, что отвечал».¹⁵⁴ Ниже похожее начало аксаковского письма К.Н. Леонтьеву, кстати, того же периода (конец марта 1862 г.): «Простите меня, Милостивый Государь, что я так долго не отвечал на Ваше письмо, требовавшее немедленного ответа. Я вообразил себе, что уже отвечал Вам, – я помнил в голове свой ответ – не написанный».¹⁵⁵

11 января 1863 г. Аксаков информирует Ю.Ф. Самарина: «Дело в том, что писать длинные письма мне было решительно некогда, а коротких писем писать к тебе я не люблю; к тому же писать о том, что всего интереснее, неудобно по почте, и я всё поджидал тебя в Москву».¹⁵⁶ Спустя почти 4 месяца, 5 мая, Иван Сергеевич разъясняет Юрию Федоровичу: «<...> Касьянов – это я, но держи это в секрете. Я же написал и письмо финна <...> Что же делать: вы никто не пишете, и приходится писать разными перьями».¹⁵⁷

¹⁵¹ См.: Русская мысль. 1916. № 12. Отд. II. С. 110–111.

¹⁵² Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884) / ИРЛИ РАН; Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 128.

¹⁵³ Там же. С. 164.

¹⁵⁴ Тесля А.А. Последний из «отцов»: Биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 642–643.

¹⁵⁵ Цит. по: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб.: «Пушкинский Дом», 2012. С. 155.

¹⁵⁶ Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подг. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко и В.Ю. Шведов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. С. 169.

¹⁵⁷ Там же. С. 176.

В письме А.О. Смирновой от 23 марта 1863 Аксаков вновь возвращается к болезненной для него теме цензурного гнета: «“День” 1863 года гораздо сумрачнее, облачнее прошлогоднего. Другими словами газета несколько полиняла в колорите, стала скучнее и суше. Этому единственная причина – цензура, которая преследует мою газету с невероятным ожесточением. Из 12 №№ нынешнего года только в четырех имеются мои передовые статьи; в остальных восьми все запрещено! Для цензурирования “Дня” назначен особенный специальный цензор <Ф.И. Рахманинов> из Петербурга; а мои статьи, кроме того, цензурятся полным составом присутствия Цензурного Комитета и при малейшем сомнении отсылаются в Петербург к министру <П.А.> Валуеву; таким образом в нынешнем году представлено ему было 16 статей, из которых он ни одной не разрешил. <...> Валуев постоянно объявляет, что он считает существование “Дня” несовместным со своей системой управления, и так как запретить “День” ему не удалось, то он решился всячески ослаблять его достоинством цензурным утюгом. Цензурному Комитету дана особая инструкция, как цензуровать “День”».¹⁵⁸

В середине ноября 1863 г. Москву посетил князь В.П. Мещерский. Вот, в частности, что он рассказал великому князю Александру Александровичу в письме от 16/17 ноября 1863 г. из Владимира: «В Москве пробыл сутки. В ней толковал много о <М.Н.> Каткове, так как ни о чем другом там не говорят. Все общество разделено на два враждебных лагеря: один лагерь обожает Каткова и ругает <И.С.> Аксакова, другой наоборот; затем есть несколько разумных средин, кавалеры и дамы, которые из любви к тому и другому пытаются мирить враждующие стороны, но доселе увы! тщетно! Я попал к одной из таких дам во время аудиенции Аксакова и имел счастье с ним познакомиться. Наружность и красноречие его в высшей степени симпатичны, хотя не прошло четверти часа разговора, как мы вступили в самый жаркий спор по поводу крестьянского дела».¹⁵⁹

Писатель и цензор, член Совета по делам книгопечатания И.А. Гончаров, подводя итоги 1863 г., охарактеризовал газету «День» следующим образом: «Вообще польское восстание послужило главной темой деятельности газеты за прошлый год, и изгнание полонизма из Западно-Южного края России до того поглотило заботы редакции, что даже любимое и заветное влечение ее напоминать о политических и гражданских формах старой Руси мало проникало в печать».¹⁶⁰ И сам Иван Сергеевич в письме к Н.С. Соханской от 7 января 1864 г. тоже подытоживал: «Вот начался и 3 год существования моей газеты. 2 год был для меня особенно тяжел, по недостатку сотрудников;

¹⁵⁸ И.С. Аксаков и А.О. Смирнова. Письма И.С. Аксакова 1845–1880 // Русский архив. 1895. № 12. С. 468.

¹⁵⁹ Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / Сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н.В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 69.

¹⁶⁰ Гончаров И.А. Общие заключения об изданиях «Нувеллист», «Собрание иностранных романов», «Картинные галереи Европы», «Северное сияние», «Звездочка», «Забавы и рассказы», «Русский архив», «Историческая картинная галерея», «День», «Современник» за второе полугодие 1863 г. // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем в 20 т. Т. 10. Материалы цензурной деятельности. СПб.: Наука, 2014. С. 79.

зато День приобрел животворное значение в Западном Крае и, могу сказать с некоторою гордостью, способствовал усвоению этого края России путем сознания».¹⁶¹

В письме от 27 июля 1864 г. Аксаков извещал своего друга-славянофила Ю.Ф. Самарина: «Дела мои по “Дню” довольно плохи. Число подписчиков в нынешнем году то же, что и в 1863 г., т.е. 2400. – Но этого мало, это только что покрывает расход печатанья, но не житья, и требует необыкновенной экономии, даже скупости в уплате гонорария, а при этом и дело идти не может. “День” приносит 17 тысяч рублей доходу, а расходу с лишком 17 тысяч. У меня нет помощника, я всё делаю один, а если взять помощника и немножко расширить программу, устроить политический отдел, которого решительно требует публика, то придется приплатить тысячи две. Я не считаю здесь издержек на меня самого, на житье, вот многих отношениях обуславливаемое званием редактора (например, приемы, квартира и пр.). Одним словом, “День” мне в убыток, и я должен приплачивать собственных денег несколько тысяч, что в настоящее время, при положении наших имений, более чем затруднительно».¹⁶²

21 декабря 1864 г. Аксаков обращается к своему постоянному корреспонденту протоиерею М.Ф. Раевскому: «Начинаю 4-й год существования “Дня”. Из них два года лишен я возможности говорить своим голосом, благодаря цензуре, которая, кажется, только для одного меня и существует. Устал я ужасно, тем более что лучшие мои сотрудники и приятели – или в Варшаве, или за границей, или бездействуют, и мне приходится не только выносить все на своих плечах, но и приплачивать карманом. Первый год была мода на “День” и потому подписчиков было очень много, т.е. за 3500, но на следующий же год все дворянство, рассердясь на меня отхлынуло и подписчиков было не более 2500, на этой цифре и остановилось».¹⁶³

3 сентября 1865 г. в письме к невесте А.Ф. Тютчевой Иван Сергеевич замечает: «Вчера, по возвращении, нашел я у себя официальную телеграмму, извещающую, что издание “Дня” без цензуры – разрешено. № 30 вышел, однако, сегодня вечером еще процензурованный, но с будущей недели – начнется новая эра. Наступает-то она немного поздно, когда уже человек из сил выбился».¹⁶⁴

В письме к Анне Федоровне от 6 октября 1865 г. Аксаков подводит своеобразные итоги своей издательской деятельности: «Когда я окончу “День”, я переплету себе все 4 года, – тогда, перелистывая его, ты сама уви-

¹⁶¹ Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884) / ИРЛИ РАН; Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 216.

¹⁶² Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подг. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко и В.Ю. Шведов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. С. 196–197.

¹⁶³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: В 3 т. Т. III / Сост., подгот. текста, примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Рус. книга, 2004. С. 256–257.

¹⁶⁴ Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. С. 340.

дишь, что, однако, много, много в нем было высказано нового, оригинального, меткого, умного, и что есть заслуги в этом 4-летнем труде. Пусть попробуют понести этот подвиг и не уступить ни в чем, ради успеха. Издавать 4 года без всякого – не только успеха, в обыкновенном смысле этого слова, но даже одобрения – очень тяжело. Я уверен, впрочем, что “День” принес пользу многим, это-то и есть настоящий успех, – и эта мысль меня поддерживает...»¹⁶⁵

Наконец, 28 декабря 1865 г. Иван Сергеевич напишет А.Ф. Тютчевой: «Нынче разобрал 8 ящичков моего стола с разными бумагами, порвал множество разных, во время оно животрепещущих интересом минуты, писем и бумаг, но многое оставил для будущих Бартеневых», а 1 января 1866 г. добавляет: «Стол свой письменный уже отправил в деревню <в Абрамцево>, бумаги все разобрал, перервал несколько тысяч писем, и пол моего кабинета уже несколько дней сряду устилается рваными клочками бумаг».¹⁶⁶

Правовой вопрос в публицистике И.С. Аксакова: о праве обычном

См.: *Мотин С.В.* Правовой вопрос в публицистике И.С. Аксакова: о праве обычном // Традиция. Духовность. Правопорядок: материалы второй всерос. науч. конф. (18–19 мая 2007 г.) / под общ. ред. А.И. Числова, С.А. Шестакова; Тюменский юридический ин-т МВД РФ. Тюмень, 2007. С. 70–72.

Когда в целом характеризуют Ивана Сергеевича Аксакова (1823-1886), то обычно перечисляют следующие главные его ипостаси: поэт, редактор, издатель, публицист, общественный деятель, идеолог пореформенного славянофильства («младший из старших славянофилов»). Однако почему-то забывают, что он 4 года (1838-1842) обучался в Императорском училище правоведения и почти 9 лет (1842-1851) являлся сотрудником правоохранительных органов Российской Империи. Поэтому характеристика И.С. Аксакова в качестве правоведа, или юриста, является одной из важнейших. Тем более что И.С. Аксаков уделял много внимания правовым вопросам в своей публицистике.

Составители собрания сочинений И.С. Аксакова [1] использовали при его подготовке тематический подход. Они выделили следующие рубрики: славянский вопрос, славянофильство и западничество, польский вопрос и западно-русское дело, еврейский вопрос, церковный вопрос, свобода слова, судебный вопрос, общественное воспитание, государственный и земский вопрос, прибалтийский вопрос, внутренние дела России, общеевропейская политика, статьи разного содержания.

¹⁶⁵ Там же. С. 342.

¹⁶⁶ Тесля А.А. Последний из «отцов»: Биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 252–253, 259.

Юридическая тематика отдельно ими выделена не была. Между тем при анализе ряда рубрик просматривается их тесная взаимосвязь с правовыми вопросами. Например, государственный вопрос тесно пересекается с государственно-правовым содержанием; в земском вопросе можно выделить муниципальную проблематику (право местного самоуправления); проблемы свободы слова и свободы совести также тесно связаны с правом; судебный вопрос по сути дела является правовым изначально. В контексте судебного вопроса необходимо рассматривать и знаменитые «Судебные сцены», опубликованные А.И. Герценом в 4-м выпуске «Полярной звезды». Наконец, в отдельную тему можно выделить служебные записки И.С. Аксакова, посвященные расколу [2].

В публицистике И.С. Аксакова можно выделить несколько статей, имеющих общеправовой характер [3]. Далее, в качестве примера, представим взгляды И.С. Аксакова, посвященные правовым вопросам, дав в изложении одну из его ранних статей, опубликованную в конце 1861 года [4].

Начинает эту статью И.С. Аксаков с констатации: «Знают ли наши читатели, что в России миллионов сорок русского народа существуют *вне* положительного закона... Почти все наши крестьяне живут под законом общинного быта, создавшим совершенно особенные поземельные и имущественные отношения. Опека над малолетними, наследство, дележ имущества, суд и применение наказаний – все это в нашем простонародном быту совершается на основании коренных древних обычаев, вполне ведомых народу и вполне неведомых нашему образованному обществу» (с. 625).

Затем И.С. Аксаков делает важный вывод: «Наше внимание обращалось, обращается отчасти и теперь, только на поверхность почвы, а не на самую почву: два-три миллиона людей с своею отвлеченною искусственною жизнью, с своими отвлеченными искусственными потребностями, – выдавая себя за Россию, – заслоняли и заслоняют еще, от Европы и от нас самих быт и потребности сорокаmillionного населения» (с. 625).

Затем И.С. Аксаков утверждает, что «ни один из так называемых русских юристов, ни один профессор права в юридических факультетах всех наших университетов без исключения, – не в состоянии объяснить, да и положительно не знает – законов о порядке наследства, об опеке и имуществе малолетних и других многочисленных законов, которыми тысячу лет руководится, в его отечестве, его же народ... Неужели мы дождемся того, чтоб к нам пожаловал какой-нибудь любознательный немец, и стал бы сам немец – нас самих учить нашему русскому *common law* и духовной независимости от немцев!» (с. 626).

«Конечно, – продолжает И.С. Аксаков, – в настоящее время, науки народного обычного русского права еще не существует, но мы решительно не видим причины, почему бы она не могла возникнуть». Ниже он ставит перед будущей наукой задачи и делает вывод: «...наука из отрывочных данных должна построить цельную систему, раскрыть юридическое созерцание на-

рода, определить его юридические начала и провести их в общественное сознание. Тогда и законодательство, проникаясь невольно этими, живущими в общем сознании, народными началами, не будет чуждо народной жизни, не будет стремиться к ее регламентированию по иноземным образцам, не станет прилагать к быту миллионов людей – теоремы римского права, возникшего на совершенно иных основах». И тут же замечает, что «даже и в Европе, в основе ныне действующего, положительного права, вместе с римским правом, лежат и племенные местные обычаи» (с. 627).

Здесь И.С. Аксаков ставит вопрос ребром: «Отчего частная истина западного мира, налагаемая русскому народу, должна быть для него истиною общечеловеческою, а истина *его* быта не есть истина общечеловеческая, потому только, что еще не признана авторитетом западных ученых?» (с. 627-628).

И ниже И.С. Аксаков продолжает: «...мы указываем на существующее явление нашего невежества относительно *обычного права русского народа* с следующей целью:

Во-первых, мы надеемся побудить наших ученых «юристов» к внимательному изучению юридической стороны быта русских крестьян на основании тех данных, какие уже имеются, а также к тщательному собиранию и исследованию новых.

Во-вторых, мы думаем, что мировые посредники могли бы, став на нашу точку зрения, воспользоваться своим положением и постоянным столкновением с народом, с тем, чтобы подмечать, собирать, записывать народные обычаи как по самоуправлению, так и по отношению к имущественному народному праву.

В-третьих, – и это главное – мы желали бы остановить пылкое усердие наших прогрессистов-преобразователей, которые, гордясь знанием римского права или казуистическою опытностью чиновника, готовы были бы, с самоуверенною опрометчивостью, применять в русской земле то или другое юридическое учреждение» (с. 628).

Завершает статью И.С. Аксаков следующим выводом: «Ввиду восстающего к жизни русского народа после события 19 февраля, мы должны с величайшею осторожностью допускать коренные преобразования или новые созидания, потому что, в случае несогласия их с требованиями народности, еще не вполне заявленными, – они могут только стеснить в будущем свободу и самостоятельность нашего народного развития, а в настоящем осуждены оставаться шаткими и непрочными... Пусть же наука, обратившись к русской жизни и русской народности, готовит заранее ответы на запросы пробуждающегося народного самосознания!..» (с. 629).

Закончить данную статью хочется предложением, которое заключается в подготовке будущей книги избранных статей И.С. Аксакова, посвященных юридической проблематике. В этом сборнике можно, на наш взгляд, выделить семь разделов: 1) общеправовой вопрос, 2) государственный вопрос, 3)

земский вопрос, 4) судебный вопрос, 5) свобода слова и печати, 6) свобода совести и 7) служебные записки о расколе.

1. Аксаков И.С. Сочинения. Т. 1-7. М., 1886-1887. (Далее: Соч. Т. 1-7). См.: Мотин С.В. Сочинения И.С. Аксакова // Традиция. Духовность. Правосознание: Материалы всероссийской научной конференции. – Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2006. – С. 49-51.

2. См.: Мотин С.В. Служебные записки о расколе чиновника МВД И.С. Аксакова // Терроризм как угроза обществу в эпоху глобализации (международно-правовые и внутригосударственные проблемы противодействия): Материалы Международной научно-практической конференции. В 3 ч. Ч. 2. – Уфа: УЮИ МВД РФ, 2006. – С. 140-145.

3. Аксаков И.С. О трудности согласить юридическое и бытовое право в вопросе об освобождении крестьян // День. 1861. 25 ноября (Соч. Т. 5. С. 190-195); О праве обычном, игнорируемом нашими юристами // День. 1861. 16 декабря (Соч. Т. 4. С. 533-539); О праве челобитных в древней Руси // День. 1865. 20 февраля (Соч. Т. 2. С. 282-289); О двух началах права, действующих в русской жизни: писанный закон и народный обычай // Русь. 1883. 1 апреля (Соч. Т. 4. С. 638-652).

4. Аксаков И.С. О праве обычном, игнорируемом нашими юристами // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? – М., 2002. 1008 с. (Приложение к журналу «Вопросы философии». Серия «Из истории отечественной философской мысли»). – С. 625-629. – Далее ссылки на данную книгу в тексте, в круглых скобках, с указанием номера страницы.

Земская реформа в передовых статьях И.С. Аксакова (1861–1865 гг.)

См.: Мотин С.В. Земская реформа в передовых статьях И.С. Аксакова (1861-1865 гг.) // 150-летие принятия земской и судебной реформ Александра II: сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 3 июля 2014 года. Уфа: УЮИ МВД России, 2014. С. 132-139.

«...в России две России, одна – казенная, правительственная, немецко-петербургская, другая – московская, независимая, народная, земская»¹⁶⁷.

И.С. Аксаков

«Мужики и дворяне – это Восток и Запад, это Русь до-Петровская и по-Петровская, это две различные по самым началам своим цивилизации (из которых первая существует только в задатках)...»¹⁶⁸.

И.С. Аксаков

¹⁶⁷ Из письма И.С. Аксакова к М.Ф. Раевскому от 13 апреля 1859 г. См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг.: в 3 т. Т. 3. Письма 1857-1886 гг. М., 2004. С. 201-202.

¹⁶⁸ Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». М., 1887. С. 283.

Статьи Аксакова, посвященные земскому вопросу, были собраны издателями в пятом томе его сочинений¹⁶⁹. В этой книге представлено 47 статей за четверть века – с 1861 по 1885 гг. Они впервые были опубликованы в аксаковских газетах: «День» (1861-1865) – 23 статьи, «Москва» (1867-1868) – 6 статей и «Русь» (1880-1886) – 18 статей. Остановимся подробнее на основных положениях аксаковской публицистики первой половины 1860-х гг., т.е. накануне и в самом начале учреждения Земской реформы.

20 марта 1861 г. Аксаков пишет письмо к Д.А. Оболенскому, в котором говорит о роли российского дворянства для будущего земства: «Для меня Манифест и Положение имеют только значение *бреши*, сделанной в крепостной стене, но за то они и безобразны, как брешь: мусор, камни, кирпичи, и пролезть трудно и ступать мудрено. Эта стена с одной стороны держала население в плену, с другой удерживала напор государственного начала; теперь в пробитую брешь с одной стороны устремилось всею страшною силою своею государство, с другой будет вылезать и народ на свет Божий. Боюсь, что первое явление перемелет последнее, боюсь страшного развития государственности. Ибо и самый дар свободы, подносимый ныне народу государством, есть дар отравленный; государство отравливает народ государственностью, бюрократизмом, началом формальной, внешней правды. Никакие конституции не спасут, да я и не верю в их возможность, и не хочу их, не хочу этого нового пласта лжи на Русской земле. Одно только поможет, если мы, дворяне, признав торжественно, что историческая миссия дворянства, как сословия кончилась, обратимся вполне и искренно в Земство и внесем в земское сословие новый элемент просвещения, сознания и личности, умеренный и просветленный элемент народности»¹⁷⁰.

В декабре 1861 г. – январе 1862 г. Аксаков выступил в газете «День» с серией статей, в которых развивал идею «самоупразднения» дворянства как господствующего сословия, его слияния с «земством» (крестьянством) и создания на этой основе принципиально новой, народной интеллигенции («общества», включающего лучших представителей всех сословий), которая, считал Аксаков, будет способна разрушить главное противоречие русской жизни – между «землей» и «государством».

В статье «Исторический ход дворянского учреждения в России»¹⁷¹ Аксаков подчеркивал, что служилое сословие никогда не носило в себе аристо-

¹⁶⁹ См.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 190-596. Обращаю внимание на заглавия аксаковских передовых статей – они предложены не самим Аксаковым, а издателями его первого собрания сочинений. Об этих «кратких заглавиях» можно прочитать в предисловии ко 2-му тому его сочинений следующее: «В издаваемом томе, по заявлению некоторых из читателей, над каждою статьею сделано краткое заглавие. Этими заглавиями, конечно, не обнимаются вполне содержание статей, но они все-таки могут служить некоторым пособием для читателей, которые затрудняются разбираться в большой книге с предметами разнообразного содержания» (Предисловие <без подписи>. С. VI).

¹⁷⁰ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 30. Л. 50-50 об. За использованное письмо благодарю Д.А. Бадаляна.

¹⁷¹ «День». 1861. № 8. 2 декабря. То же см.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 195-203.

кратического начала. Табель же о рангах «сделала всякую аристократию в России невозможной». Теряя с отменой крепостного права свою главную привилегию, дворянство должно было вернуться «домой, в земство»¹⁷². Аксаковский проект предполагал такое будущее социальной организации в России: «В земстве мы видим, или скоро увидим, два начала, две бытовые стихии: начало общины и начало личности, начало общинного поземельного владения и начало личного поземельного владения, *общинников-крестьян* и *личных землевладельцев*, большинство которых едва ли не исключительно составляют дворяне. *Других* делений нам не предвидится. Взаимный союз этих стихий, чуждых замкнутости, исключаящий взаимную односторонность; их искреннее сближение и дружное действие, сближение, не внешнее только, но и нравственное, в области исторических и духовных общенародных начал, могли бы служить, кажется нам, залогами богатого будущего развития»¹⁷³.

23 декабря в статье «О цензе»¹⁷⁴ Аксаков выступил против имущественного ценза. Он провозглашал ценз иноземным началом, чуждым русскому народу. Аксаков спрашивал: «Почему меньшинство “имущих” имеет право решать участь громадного большинства “неимущих”? Почему это громадное большинство, составляющее то органическое ядро, которое хранит в себе всемирно-историческую идею известного народа, должно быть лишено голоса в вопросах, непосредственно до него касающихся?»¹⁷⁵. Эта идея, в конечном итоге, воплотилась в «земской реформе» 1864 г., хотя и в очень измененном, «сглаженном» виде. Аксаков дал своеобразный толчок дворянскому конституционному движению, которое началось как раз с призывов «Дня»¹⁷⁶. Защитниками ценза на страницах «Дня» выступил А.И. Кошелев, которого поддерживал кн. В.А. Черкасский. Полемика Кошелева с Аксаковым не привела к существенным изменениям взглядов последнего¹⁷⁷.

16, 24 февраля и 10 марта 1862 г. в «Дне» состоялась публикация статей профессора полицейского права Московского университета В.Н. Лешкова под общим названием «Что такое общество и что значит земство». Аксаков печатал статьи Лешкова, где в славянофильском истолковании давались определения государству, земству и обществу. Немного позже – с 3 марта по 17

¹⁷² См.: Китаев В.А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И.С. Аксаков в общественном движении начала 60-х годов XIX в.). Горький, 1974. С. 18.

¹⁷³ Цит. по: Там же. С. 19. Впоследствии Аксаков развивал эту свою концепцию ликвидации сословных перегородок – прежде всего в передовицах «Дня» № 9 от 9 декабря («Дворянам необходимо определить себе – что они такое и чем могут быть») и № 12 от 6 января («О самоуничтожении дворянства как сословия»). Эти идеи Аксакова вызвали бурную журнальную полемику: против него выступили как западники (К.Д. Кавелин, М.Н. Катков, Б.Н. Чичерин), так и друзья-славянофилы (А.И. Кошелев, Н.А. Ригельман). См. об этом: Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 83-88; Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни... С. 97-101.

¹⁷⁴ «День». 1861. 23 декабря. № 11. То же см.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 208-214.

¹⁷⁵ Там же. С. 210.

¹⁷⁶ Кошелев В.А. Век семьи Аксаковых: повествование // «Север». Петрозаводск, 1996. № 4. С. 85.

¹⁷⁷ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 102.

апреля – Аксаков осуществляет незаконченную по цензурным соображениям публикацию пяти своих статей об обществе, впоследствии перепубликованных под названием «О взаимном отношении народа, государства и общества»¹⁷⁸. Теория «общества» стала идейной основой выступлений Аксакова за самоупразднение дворянства как сословия, за бессословное земство, за свободу совести, слова, печати и общественного мнения, против вмешательства государства в земские и церковные дела, имущественного ценза и т.д. Вне теории «общества» его общественно-политическая позиция в 1860-е годы не может быть понята и объяснена¹⁷⁹.

Первые статьи, где излагались преимущественно общетеоретические вопросы, а в качестве примеров иногда приводились факты западноевропейской, чаще английской, жизни, Аксаков сравнительно просто проводил через цензуру. Но статьи, в которых он пытался раскрыть роль «общества» в русской истории, были подвергнуты цензурному запрещению. Лишь 5-ю статью о значении земства в допетровской Руси, запрещенную всеми цензурными инстанциями, Аксакову удалось напечатать по личному разрешению Александра II¹⁸⁰, который при этом указал, что должны быть исключены три места. Все они содержали неприятные ему оценки государства. Так, император исключил в конце статьи следующие слова: «Отсутствие общественной деятельности или бездействие общественной жизни, как жизни народного самосознания, делает народ беззащитным, государственные учреждения несостоятельными и самую земскую жизнь, народную стихию земства в народе бессильною и бесплодною»¹⁸¹.

Здесь Аксаков развивает ту мысль, что в нашем историческом прошлом между Государством и Землею не развилось той посредствующей среды, которая называется *обществом* и которая могла бы с одной стороны придать силу земской стихии, а с другой стороны – «сдерживать напор государственного начала». Аксаков пытался исторически объяснить эту особенность русской государственной жизни. Здесь также он обещал читателям в следующих статьях коснуться вопросов о «перевороте» Петра I и о значении русского общества и русского земства в современной действительности. Однако дальнейшая разработка теории «общества» была остановлена цензурными запрещениями¹⁸². Аксаков думал продолжить развитие теории «общества», подробно обосновать, как со времени Петра I, когда возникло «общество»,

¹⁷⁸ «День». 1862. № 21-24, 27. То же: Аксаков И.С. Собр. соч. в 7 т. Том 2. Славянофильство и западничество. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М., 1886. С. 26-59; Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 229-238.

¹⁷⁹ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России... С. 187-188.

¹⁸⁰ См.: Там же. С. 181-182.

¹⁸¹ См.: Бадалян Д.А. Цикл статей И.С. Аксакова об обществе: история цензуры и неопубликованные страницы // Третьи Аксаковские чтения. Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 220-летию со дня рождения С.Т. Аксакова. (Ульяновск, 21–24 сентября 2011 года) / Сост. и отв. ред. Л.А. Сапченко. Ульяновск, 2011. С. 107.

¹⁸² См. только в 2012 г. впервые полностью опубликованную 6-ю статью из этого цикла: Тесля А.А. Запрещенная 6-я статья И.С. Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства» // Социологическое обозрение. Т. 11. 2012. № 2. С. 41-69.

оно начинает играть сдерживающую «самодержавную инициативу» роль¹⁸³. Однако в архивах семьи Аксаковых не удалось обнаружить окончание трактата об «обществе». Имеются все основания предполагать, что он не исполнил своего намерения¹⁸⁴.

19 января 1863 г. выходит в свет передовая статья Аксакова «Смещение стихий государственной и земско-общественной»¹⁸⁵, в которой можно выделить следующие основные выводы: «...для нас важно соблюдение в целостности бытовой силы в простом народе и в обществе, сохранение негосударственной стихии в общем всенародном организме – свободною от государственности, от элемента формы, формальной правды и внешнего принуждения. Поэтому, при допущении так называемых порядков самоуправления, наше внимание преимущественно должно быть обращено на то, чтобы эти порядки не искажали существенного нравственного характера и свободы народного и общественного быта. <...> Местное самоуправление, в том виде, как оно существовало и существует у нас в России, по характеру своему, есть учреждение не только не общественное, но чисто государственное, казенное, и органы самоуправления суть органы правительственные, а орудия самоуправления – чиновники в общественном мундире»¹⁸⁶.

В своих мемуарах славянофил А.И. Кошелев пишет: «Зима 1863-1864 года была особенно оживлена и интересна. Сперва известия из Петербурга о предстоящем, а впоследствии суждения о состоявшемся обнародовании “Положения о земских учреждениях” занимали всех и каждого. Не только при случайных съездах толковали об этом нововведении, но были нами нарочно назначаемы частные собрания, в которых обсуждались главные статьи этого “Положения” и меры к приведению их в исполнение. Многие были недовольны “Положением”, найдя, что круг действия земских учреждений и права, предоставленные земству, слишком ограничены. Другие, и в том числе и я, доказывали, что на первых порах вполне достаточно и того, что нам дали, что следует усердно заняться разработкою и пользованием этого малого, нам отмеренного, и что если мы исполним эту нашу обязанность добросовестно и со смыслом, то и большее придет само собою»¹⁸⁷.

Итак, 1 января 1864 г. Александром II были утверждены «Положения о губернских и уездных Земских учреждениях», разработанные комиссией П.А. Валуева. В уездах и губерниях создавались земства «для содействия правительству ведения местных хозяйственных дел» (экономика, просвещение, медицина, строительство и т.д.). Уездные и губернские земства функционировали в виде уездных и губернских собраний и земских управ. В выборах участвовали все слои населения, разделенные на три разряда: уездные

¹⁸³ См.: письмо Аксакова к В.А. Елагину от 2 июня 1862 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 17.

¹⁸⁴ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России... С. 186.

¹⁸⁵ «День». 1863. № 3. То же см.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. Государственный и земский вопрос... С. 241-253.

¹⁸⁶ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 381, 382.

¹⁸⁷ Записки Александра Ивановича Кошелева (1812-1883). С семью приложениями. М., 2002. С. 99.

землевладельцы, городские обыватели, сельские крестьянские общины. Исполнительным органом земского уездного собрания была уездная управа, состоявшая из председателя и двух членов. На уездных собраниях избирались члены губернского земского собрания и соответственно – члены губернской управы. Земства не имели права на политическую деятельность, за ними сохранялся правительственный контроль.

Аксаков в письме к А.Д. Блудовой назвал земскую реформу «довольно скудным даром»¹⁸⁸, а в статье «По поводу Положения о губернских и уездных земских учреждениях» оценил Положение как «первый, конечно, очень скромный шаг, но все же шаг по пути к сближению и соединению сословий в деле общего интереса, к признанию значения земства»¹⁸⁹.

В статье «Чего можно ожидать от земства в современных условиях?» Аксаков утверждает: «...в настоящее время не только нечего думать об осуществлении какой-нибудь полноты отвлеченных начал земства, но и вообще необходимо признать, что у нас земства еще нет... Древнее понятие о земстве, о земле, в противоположность понятию о государстве предполагало силу более нравственную, силу естественную, свободную, органическую силу, основанную на духовном всенародном единстве, на тождестве начал, преданий и коренных условий быта, – на цельности всего народного организма. Эта цельность была нарушена переворотом Петра и восстановится не скоро... <...> Древняя цельность порушена, новая еще не создалась, и потому существенный элемент всякой земской силы – единство и цельность – отсутствует»¹⁹⁰. Аксаков соглашался с тем, что крестьянская реформа, сломав юридические перегородки между сословиями, открывала дорогу к желаемой цельности. Однако сохранение обязательных отношений между помещиками и крестьянами на неопределенно долгий срок откладывало их бытовое и нравственное, внутреннее сближение. «Между простым народом и его высшими классами в России – лежит целый Петровский переворот, которому продолжает еще подвергаться каждый из народа, получающий официальное воспитание, примыкающий к дворянской или чиновничьей среде»¹⁹¹.

24 октября 1864 г. Аксаков, завершая очередную передовую, обращается к читателям: «Мы со своей стороны охотно открываем столбцы своей газеты для всяких предварительных соображений и прений, долженствующих предшествовать, сопровождать и последовать за открытием Земских Собраний, и приглашаем наших читателей, живущих в губерниях, присылать нам подробные сообщения о ходе этого нового явления в нашей общественной

¹⁸⁸ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 8. Л. 20. Цит. по: Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 160.

¹⁸⁹ «День». 1864. 18 января. № 3. То же см.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 253-261.

¹⁹⁰ «День». 1864. 20 июня. № 25. С. 2. То же см.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 280.

¹⁹¹ Там же. С. 283.

жизни, для чего в «Дне» будет отведен нами особый отдел под рубрикою: *Земские Учреждения*»¹⁹².

Интересно отметить, что 5 декабря 1864 г. Аксаков в статье «Об участии земства в суде» пишет, что судебная реформа более верно выражала понятие о земстве, чем «Положение о земских учреждениях»: «Здесь участие земства в суде является своей настоящей стороной – не чиновнической, а нравственной: свободно, по совести высказываемым мнением избранных от общества лиц в качестве присяжных, публичностью и гласностью суда, и свободой печатного обсуждения»¹⁹³.

27 февраля 1865 г. Аксаков утверждает: «С утратою юридических привилегий дворяне не перестают быть образованным классом и в этом качестве составлять главный элемент общественной силы. <...> дворянство должно было бы теперь, по нашему мнению, искренно и откровенно примкнуть с своею общественною силою к земству и стать вполне сословием земским. Поступая иначе – оно рискует попасть в изолированное положение, в котором, к сожалению, уже и стоит отчасти»¹⁹⁴.

Профессор А.В. Никитенко 30 марта 1865 г. после встречи с Ф.И. Тютчевым, только что вернувшимся из Ниццы, заносит в дневник следующее свидетельство: «"Московские ведомости" свирепо ссорятся с "Днем". Одни стоят за дворянство, другие за земство. Тютчев очень недоволен "Московскими ведомостями"»¹⁹⁵.

29 мая 1865 г. в передовой статье, названной позднее «По поводу первых земских выборов и собраний», Аксаков констатирует: «Крестьяне почти повсюду отказывались выбирать гласных из своей среды в губернское земское собрание, находя, что в последнем они менее нужны, и что дворяне там будут полезнее: вероятно они сознают себя еще недостаточно подготовленными к общим собраниям, к обсуждению интересов, касающихся целой губернии, а не одной знакомой им уездной местности...» И далее утверждает: «В Русских крестьянах несравненно менее замашек демократических, чем в крупных собственниках-дворянах – замашек аристократических. При разрыве нашего образованного общества с народом, при склонности общества вертаться по ветру всяких отвлеченных и новомодных заграничных теорий, при его незнании и непонимании Русской жизни – не только полезно, но и необходимо, чтоб центр тяжести был в народе, чтоб имелся груз, который мог бы противопоставить достаточный упор волнам и ветрам и легкомыслию дворян-кормщиков»¹⁹⁶.

¹⁹² «День». 1864. № 43. Аксаков И.С. О деятельности дворянства в земских собраниях // Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 295.

¹⁹³ «День». 1864. 5 декабря. № 49. С. 4. То же полностью см.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 295-303.

¹⁹⁴ «День». 1865. № 9. С. 197. То же см.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 321.

¹⁹⁵ Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. Том. 2. М., 1955. С. 506.

¹⁹⁶ «День». 1865. № 22. То же см.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 336, 341.

Наконец, в передовой от 4 сентября 1865 г. «Задачи земства (по поводу первого земского собрания в Москве)» Аксаков пишет: «Какие бы ни были несовершенства нового Устава, но мы уже имеем перед собой пример некоторых губерний, по воле начальства предупредивших Москву в деле организации земства. Этот пример дает нам полное основание заключать, что с помощью и тех прав, которые даны, можно все-таки сделать не мало дельного дела, натворить не мало добра *в прок*, а именно проку-то и недостает, обыкновенно, нашим начинаниям и деяниям. <...> Земские учреждения представляют возможность действительного сближения – не на словах, а на деле и не отдельных лиц разного звания, а целых сословий, разделенных между собою не столько юридическими (хотя и таковые еще существуют), сколько бытовыми перегородками. Европеизм встречается здесь лицом к лицу с народностью, развитое сознание с непосредственным разумом, дворянская заемная цивилизация с установившимся бытом и историческим инстинктом народа. <...> Пусть общественная сила, если она имеется, вместо того, чтоб растрачиваться преждевременно и по пустякам, взойдет вся внутрь, окрепнет, созреет и оплодотворит собою земскою почву. Устройство земских почт, устройство проселочных дорог, устройство школ, учреждение больниц и врачебной помощи в селах, приведение в ясность всех поземельных сборов, переложение натуральных повинностей на денежные, неуклонное исполнение обязанностей и твердое соблюдение прав – в точных пределах установленных законом, никак не более, – все это, исходя от земства, быстро придаст силу народному сознанию и заставит его дорожить дарованными ему учреждениями»¹⁹⁷.

Завершим статью, посвященную земскому вопросу, весьма важным выводом И.С. Аксакова: «...центр тяжести в Русской земле – Русский народ, и что слияние с этой силой, а следовательно и образование крепкого земства – может быть достигнуто не внешним наружным способом, а через сближение в духе, чрез единение нравственное, в общих началах народной жизни, и зависит – повторим слова наши – преимущественно от нас самих, от общества, от успехов в нем – Русского народного самосознания»¹⁹⁸.

Земский вопрос в публицистике И.С. Аксакова: о смешении стихий государственной и земско-общественной

См.: *Мотин С.В., Хафизов И.М.* Земский вопрос в публицистике И.С. Аксакова: о смешении стихий государственной и земско-общественной // Становление местного самоуправления в Российской Федерации и Республике Башкортостан: опыт, проблемы и перспективы развития: Международная научно-практическая конференция. 24 апреля 2007 года. Уфа: РИЦ БашГУ. С. 186-191.

¹⁹⁷ «День». 1865. № 30. То же см.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 369, 371, 372-373.

¹⁹⁸ Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Том 5. Государственный и земский вопрос... С. 287.

В качестве иллюстрации взглядов И. Аксакова на земский вопрос ниже предлагаем в изложении одну из первых его статей на данную тему от 19 января 1863 года.

(См.: Аксаков И.С. Смешение стихий государственной и земско-общественной // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 375-383. – Далее сноски на эту публикацию в тексте статьи, в круглых скобках, с указанием номера страницы).

В начале статьи И. Аксаков констатирует: «в настоящее время, слово “общественное самоуправление” у всех на языке и предлагается как (с. 375) панацея от всех зол и бедствий». Затем он выясняет, что такое самоуправление: «Это тот порядок, при котором общество управляется само собою, чрез своих членов, – отвечают обыкновенно. Прекрасно. Но что же такое общество, *по-вашему?* ... На это отвечать уже несколько труднее. Общество, скажут нам, есть совокупность людей, живущих в гражданском союзе. Но ведь это определение объемлет собою и государство (в смысле *état*); государство есть также цельная органическая совокупность, политическое единство людей, живущих в гражданском союзе – следовательно, можно одинаково сказать, вместо *общественного, государственного* самоуправления? И действительно, в стране, в которой не было завоевания, в строгом смысле слова, всякое правление есть *самоуправление* страны» (с. 376). В этом месте статьи Аксаков толкует понятие «самоуправление» в самом широком значении этого слова.

Затем И. Аксаков рассматривает для примера государство: «области тяготеют властью центральною и требуют самоуправления; уезды тяготеют властью областною, добиваются самоуправления; уезд разделен на станы; каждый стан находится к уезду в отношении общества к правительству; волость в таком же отношении к стану, села к волости, деревни к селам, отдельные лица к деревне».

В этом месте И. Аксаков делает вывод, что «разницы между «правительством» и «обществом» также нет никакой (кроме объема власти), потому что общество, при самоуправлении, сейчас же становится само правительством в отношении к обществу меньшего объема, и внутри самого себя образует вновь и правящих и управляемых, ощущающих в свою очередь потребность самоуправления. Тот же самый элемент правительственный, элемент официальности, принудительности, внешней законности, формализма (потому что законы и формы – необходимые атрибуты всякого государственного действия) повторяется, преломляясь, на всех ступенях государственного устройства, нисходя до самой последней административной единицы; то же самое начало казенности проникает весь общественный организм до последнего сустава, видоизменяясь только в объеме, а не в качестве...»

Затем И. Аксаков пишет, что «между стихией правительственной и стихией земской или общественной существует великая разница *качественная*, разница в принципе, в самих началах». И поясняет свою мысль: «стихия зем-

ская есть по преимуществу стихия нравственная и (с. 377) бытовая, а начало русского народного быта и общественности есть внутренняя свобода духа от рабства форме, внешней, формальной, ограниченной правде, от всего того, что составляет сущность стихии государственной, – которой значение и необходимость в организме общественном русский народ вполне признает, но которой не поклоняется и не вносит ее в область своей духовной жизни. Если желать, чтобы земство принимало участие в местном управлении, то это участие должно быть свободно от форм, характера чисто нравственного, основано на совести больше, чем на законе, иметь целью ограждение свободы жизни и быта от всякой казенности и выражать себя не столько внешним проявлением власти и правительствованием, сколько судом народного мнения».

Однако далее И. Аксаков обращается к понятию “самоуправление”, «как оно понимается нашим обществом, в смысле местных правительственных центров». В результате, пишет И. Аксаков «происходит вредное смешение двух разнородных элементов, и негосударственная стихия в народном организме заражается государственностью или, иначе, казенностью» (с. 378).

Затем И. Аксаков обращается к российской истории и делает вывод, что «“общественное местное самоуправление”, существовавшее у нас довольно долго и дававшее сословиям право участвовать в полицейской администрации и в суде, не только не усилило наше общество, но нисколько не помешало ему дойти до того состояния нравственного бессилия, о котором мы так часто и пространно, и с такою горечью говорили» (с. 379).

Ниже И. Аксаков разъясняет, почему правительству выгодно призвать местные общества к участию в местном управлении: «во-первых, потому, что местные дела им ближе ведомы; во-вторых, потому, что своих чиновников, особенно при огромном пространстве, какова Россия, у правительства достать не может; в-третьих – и это едва ли не главное, – оно и дешево, потому что чиновники по выбору обществ – орудия самоуправления – служат большею частью без жалованья или насчет самих обществ; в-четвертых, общество лишается права роптать и быть недовольным правительством. ... Вот почему простой народ смотрит на эту «общественную службу» как на повинность» (с. 380).

Как один из главных выводов, И. Аксаков повторяет: «для нас важно соблюдение в целостности бытовой силы в простом народе и в обществе, сохранение негосударственной стихии в общем всенародном организме – свободною от государственности, от элемента формы, формальной правды и внешнего принуждения. Поэтому, при допущении так называемых порядков самоуправления, наше внимание преимущественно должно быть обращено на то, чтобы эти порядки не искажали существенного нравственного характера и свободы народного и общественного быта» (с. 381).

Завершает статью И.С. Аксаков следующими выводами:

«2. Местное самоуправление, в том виде, как оно существовало и существует у нас в России, по характеру своему, есть учреждение не только не общественное, но чисто государственное, казенное, и органы самоуправления суть органы правительственные, а орудия самоуправления – чиновники в общественном мундире.

3. Подобные учреждения, через которые правительство поступает, по видимому, своею властью, а в сущности употребляет (с. 382) земство на общую службу государственную, если и могут быть допущены, и даже с пользою, в государстве, не должны иметь притязаний на общественное или земское значение и не в состоянии придать нравственной силы обществу.

4. Напротив того, выдавая себя за общественное или земское свободное учреждение, – местное самоуправление может подорвать внутреннюю цельность и свободу общественного быта, придавая стихии государственный характер стихии общественной и, наоборот, распространяя элемент правительственности и казенности в самые сокровенные тайники жизни, проникая с ним, так сказать, во все поры общественного организма» (с. 383).

Таким образом, в данной статье нами были представлены некоторые мысли и выводы И.С. Аксакова о смешении государственной и земско-общественной стихий («государства» и «земли»), изложенные в статье от 19 января 1863 года.

О праве на свободу слова в публицистике И.С. Аксакова: по поводу проектируемых законов о печати в 1862 году

См.: *Мотин С.В.* О праве на свободу слова в публицистике И.С. Аксакова: по поводу проектируемых законов о печати в 1862 году // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 8. В 3 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Юрист», 2008. С. 359-362.

«Главная задача новых законов о печати состоит не столько в составлении нового уголовного кодекса по преступлениям в области печати, сколько в *обеспечении обвиняемых правильным устройством суда* и предоставлении определения виновности или невинности обвиняемых – *суду присяжных*»¹⁹⁹.

И.С. Аксаков

Защита свободы слова и печати всегда составляла сильную сторону воззрений Аксакова. В 4-м томе сочинений Аксакова в специальном разделе собрания его передовые статьи, посвященные свободе слова²⁰⁰. В условиях 60-х

¹⁹⁹ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 557.

²⁰⁰ См.: Аксаков И.С. Сочинения. Т. 1-7. М., 1886-1887. Т. 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи вышедшие отдельно. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. С. 361-530. [Здесь 24 статьи из газет: «День» – 12 статей (с. 361-443); «Москва» – 5 статей (с. 446-475) и «Русь» – 7 статей (с. 478-530)].

– 80-х годов его борьба за свободу слова и печати сливалась с подобными же требованиями передовых слоев русского общества, имела важное общественное значение. Аксаков разрабатывал проекты цензурной реформы, проекты законов о печати и принимал участие в обсуждении правительственных законопроектов²⁰¹.

Пик борьбы за свободу печати в пореформенной России приходится на 1862-1882 гг.²⁰² В это время работали правительственные комиссии по составлению проектов нового закона о печати: первая и вторая комиссии князя Д.А. Оболенского (1862-1864 гг.); комиссия князя С.Н. Урусова (1869-1871 гг.); комиссия П.А. Валуева (1880-1881 гг.). Именно в эти годы русская журналистика широко обсуждала проблему освобождения от цензуры, разрабатывала свои программы, создавая тем самым серьезный противовес цензурной политике правительства. Такая возможность практически была прервана законом 27 августа 1882 г., завершившим цензурную контрреформу.

В 1862 г. создалась уникальная и позже уже не повторявшаяся ситуация, возможная только в переломные моменты истории, в пору высочайшей общественной активности и реформаторских устремлений правительства, когда и власть, и журналистика открыто заявили о своих позициях, когда состоялась широкая дискуссия о свободе печати, «обмен» инициативами.

Указ 10 марта 1862 г. упразднял Главное управление цензуры, но высший административный контроль за литературой до выхода в свет (предварительная цензура) оставался у Министерства народного просвещения, а наблюдение за вышедшими в свет изданиями (последующая цензура) возлагалось на Министерство внутренних дел. Печать оказалась под контролем сразу двух министерств. 13 марта 1862 г. начала работать первая комиссия для выработки закона о печати, но 12 мая этого же года на срок до окончания ее работы были введены «Временные правила по делам книгопечатания»²⁰³, которые усугубили положение прессы.

Газета «День» (1861-1865) Аксакова, выступила одним из пионеров борьбы за свободу печати. Введение «Временных правил» Аксаков назвал «узаконением об усилении цензуры» и выдвинул свой контрпроект цензурного Устава. Высказываясь о действиях руководимой Д.А. Оболенским комиссии для пересмотра постановлений по делам книгопечатания, Аксаков повторил тезис о том, что «стеснение печати губительно для самого государства», и предупреждал членов комиссии от увлечения западноевропейскими

²⁰¹ См.: Миллер О.Ф. И.С. Аксаков и свобода слова. Речь, читанная в торжественном собрании Славянского общества 14 февраля 1887 г. // Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1887. № 3; Райский Д.П. И.С. Аксаков о свободе совести, свободе слова и печати. СПб. 1907; Герасимова Ю.И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850 – начала 1860-х годов. М., 1974. С. 162-166; Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 113-120.

²⁰² См.: Антонова Т.В. Борьба за свободу печати в пореформенной России 1861-1882 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1993.

²⁰³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 гг. СПб. 1862. С. 467-474.

образцами²⁰⁴. По прочтении этой статьи Д.А. Оболенский писал Аксакову: «Твоей статьей о цензуре я нимало не обиделся, ибо она просто глупа... Ничего ты не сказал в статье, кроме пустых громких фраз о свободе слова, – жду твоего проекта – чепуха яснее выражается в параграфах»²⁰⁵.

В следующем номере газеты от 19 мая 1862 г. Аксаков изложил свой проект цензурного законодательства²⁰⁶. В начале своего проекта автор перечисляет главные основания, которыми он руководствовался:

«Во-первых, признавая за каждым безусловное право на свободу речи изустной и печатной, мы полагаем необходимым, чтобы каждый нес и ответственность за свое слово, так же как он несет ответственность и за всякое общественное действие. ...

Во-вторых, мы думаем, что преступные действия в области публичного слова должны подлежать *единственно* ведению (юрисдикции) тех же судебных учреждений, которым подлежат и всякие другие преступные действия.

В-третьих... суд над преступными деяниями в пределах свободы слова немислим без суда присяжных. Такого учреждения у нас вовсе не существует, и потому приходится его *создать вновь*... Каких бы несовершенств ни было исполнено это нововведение, оно все же представляет некоторые преимущества пред существующим ныне порядком судопроизводства.

В-четвертых, допуская в некотором смысле форму обвинительного процесса, мы в то же время считаем совершенно излишним создавать особенное звание официального обвинителя или же возлагать эту обязанность на прокурора, министра юстиции и вообще на лица, принадлежащие к судебному ведомству»²⁰⁷.

Далее Аксаков приступает к изложению своего «мнения»:

«Прежде всего необходимым кажется нам постановить твердое правило, которое и внести в I том Св<ода> Зак<онов> Разд<ела> 1, главу 1, следующего содержания: “Свобода печатного слова есть неотъемлемое право каждого подданного Российской Империи, без различия звания и состояния”.

Затем постановления, утверждающие это право на незыблемом основании и в то же время предохраняющие частные лица и государство от злоупотреблений сего права, – постановления как *полицейские*, так и *судебные* – должны быть изложены следующим образом: “Каждый русский подданный имеет полное право печатать или иным способом воспроизводить во множестве экземпляров свои собственные или же издавать чужие сочинения, равно

²⁰⁴ «День» от 12 мая 1862 г.; Соч., т. 4, с. 361-366.

²⁰⁵ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (ИРЛИ), ф. Аксаковых, оп. 4, ед. 437 (письмо без даты между 12 и 19 мая 1862 г.).

²⁰⁶ См.: Аксаков И.С. По поводу проектируемых законов о печати. Впервые: День. 1862. № 32. 19 мая. С. 1-5. Перепечатано: Аксаков И.С. Соч. Т. 4. С. 366-378. Также см.: Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 551-560.

²⁰⁷ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 551-552.

и заводить типографии, без всякого разрешения, но с непременным соблюдением следующих условий...»²⁰⁸. Эти условия мы опускаем.

Ниже Аксаков особо оговаривает: «Ни полиция, ни Министерство внутренних дел не должны *бы* иметь права, *без приговора суда*, останавливать выход и обращение в публице какого бы то ни было периодического издания, если на нем есть подпись редактора и фирма типографии: им предоставляется право преследовать злоупотребление печати перед судом, уже по выходе в свет номера периодического издания»²⁰⁹.

Рассмотрев *полицейские* постановления²¹⁰, Аксаков переходит к изложению своего мнения о *судебной* стороне дела²¹¹.

В этом разделе Аксаков сначала описывает преступные деяния в области печатного слова, подразделяя их на 4 рода и 12 видов²¹². Так, Аксаков в своем проекте выделяет следующие роды преступных деяний: относительно верховной власти и правительства, относительно общественной безопасности, относительно общественной нравственности и вероисповедания, относительно семейной и личной чести частных лиц. При этом в примечании он пишет: «Мы указали только общие главные категории преступлений и вовсе не означили наказаний. Это сделано потому, что подробное определение преступлений и наказаний переходит уже в область положительного общего уголовного законодательства»²¹³.

Затем Аксаков представляет соображения, которыми руководствуется суд при обсуждении всех описанных преступных деяний и описывает порядок судопроизводства для разбирательства дел о преступлениях против законов о печати²¹⁴. И в примечании добавляет: «Разумеется, порядок судопроизводства, описанный здесь вкратце, требует более подробного изложения и особой инструкции для руководства судам – от Министерства юстиции»²¹⁵.

Последний сюжет проекта посвящен присяжным заседателям: «Присяжных в заседании должно быть 12. Они избираются ежегодно, из лиц, имеющих аттестаты об окончании курса в высших учебных заведениях, не исключая и духовных Академий, – без различия звания и состояния, известных своею нравственностью, не опороченных судом и не моложе 25 лет. Из них 4 человека избираются сословием дворян той губернии, 4 сословием купцов и 4 человека белым духовенством того города, где производится суд. ... Приговор присяжных может быть действителен только при *единогласии* всех 12 присяжных»²¹⁶.

²⁰⁸ Там же. С. 552.

²⁰⁹ Там же. С. 554.

²¹⁰ Там же. С. 552-555.

²¹¹ Там же. С. 555-560.

²¹² Там же. С. 555-557.

²¹³ Там же. С. 557.

²¹⁴ Там же. С. 557, 558-559.

²¹⁵ Там же. С. 559.

²¹⁶ Там же. С. 559.

Завершает свой проект Аксаков следующим заключением: «Мы... исполнили с своей стороны тот нравственный долг, который наложило на нас, как и на всех литераторов и редакторов, приглашение “Комиссии для пересмотра, изменения и дополнения законов о книгопечатании”. Если же наше мнение подвергнется добросовестному критическому разбору газет и журналов, то цель наша будет вполне достигнута: тогда, по крайней мере, можно будет видеть общее мнение литературы по этому государственному общественному вопросу – самому жизненному, самому важному для России, после освобождения крестьян»²¹⁷.

Таким образом, проект Аксакова мог стать основой для обсуждения положения печати в русской журналистике. Однако предложения Аксакова получили неодобрительный отзыв Министерства внутренних дел. Вскоре после появления проекта гласное обсуждение начал предполагаемой цезурной реформы было прекращено, правительство отошло от либеральной политики в области печати и перешло к новому наступлению на прессу, а аксаковский «День» был приостановлен.

В конечном счете, ведущей фигурой, определявшей исход дела, был царь Александр II, который на всех этапах подготовки цензурного закона опирался на консервативно настроенных представителей власти и был их идейным наставником. В 1859 г. он давал установку на такие действия, при которых «не могло быть и речи» об отмене предварительной цензуры²¹⁸, а в 1862 г. на тезис Аксакова о свободе слова «как безусловном праве каждого», заметил: «подобное право у нас не признается и не может быть признано»²¹⁹.

Подводя итоги можно отметить, что Иван Аксаков основательно обогатил журналистику аргументацией в пользу освобождения печати от архаичной цензурной опеки. Для Аксакова важно было доказать, что свобода печати, возвышаясь над политическими институтами, сама способна стать гарантом их охранения или преобразования, что без свободы печати реформы невозможны, что свобода слова, свобода духа, первична по отношению к власти. Аксаков своей деятельностью расширил журналистскую полемику, заострил внимание на юридических аспектах реформы и, главное, раскрыл правовой смысл понятия «свобода печатного слова».

Цикл статей И.С. Аксакова «О взаимном отношении народа, государства и общества»

См.: *Мотин С.В.* Цикл статей И.С. Аксакова «О взаимном отношении народа, государства и общества» // Актуальные вопросы государства и гражданского общества на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции 10-11 апреля 2007 г. Часть 10. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 206-215.

²¹⁷ Там же. С. 560.

²¹⁸ Русская старина. 1902. № 11. С. 4.

²¹⁹ Цит. по: Герасимова Ю.И. Из истории русской печати... С. 138.

В 1862 г. Аксаков в своей газете осуществил публикацию статей профессора полицейского права Московского университета В.Н. Лешкова «Что такое общество и что значит земство»²²⁰. Профессор В.Н. Лешков²²¹ читал в Московском университете курс общественного права²²².

Почти одновременно со статьями В.Н. Лешкова Аксаков опубликовал свой цикл статей под общим названием: «О взаимном отношении народа, государства и общества»²²³. Эти статьи печатались с большими цензурными сложностями. Текст Аксакова искажался цензурой, некоторые статьи запрещались вообще, приготовленные на их место материалы также отвергались²²⁴. В этом цикле статей Аксаков развивает представления К.С. Аксакова о взаимоотношениях земли и государства, дополняя их учением об обществе. К.С. Аксаков писал о зарождении в петровскую эпоху публики с ее западной ориентацией, которую он противопоставлял народу²²⁵. Под «землей» К.С. Аксаков подразумевал народ, под «государством» – власть. Аксаков вводит в эту теорию третье звено, которое рассматривает как составную часть единого целого.

Переходим к подробному изложению основных взглядов Аксакова.

Первая статья Аксакова имеет вводный характер. Вот, на наш взгляд, главная мысль этой статьи: «...мы привыкли всего ожидать сверху, всякое спасение полагать в законодательной мере или учреждении, в форме внешнего принуждения, – а не во внутреннем побуждении, не в собственном начинании или инициативе, не в самостоятельной деятельности личной или общественной» (с. 133).

Развивая эту мысль, Аксаков пишет: «Государство, какое бы оно ни было, самодержавное, конституционное или республиканское, не может, по самому существу своему, действовать и совершать свои отправления иначе как посредством разных бюрократических форм и порядков, захватывая область *внешней* правды, *внешнего* действия и *внешних* отношений, и никакой указ императорский, конституционного короля, парламента или законодательного собрания республики не в силах создать апостола или проповедника!»

²²⁰ «День». - 1862. - 16 и 24 февраля, 10 марта.

²²¹ См.: Емельянова И.А. «Общественное право» В.Н. Лешкова // Правоведение. - 1987. - № 6; Бельский К.С. Выдающийся русский ученый-полицист В.Н. Лешков // Государство и право. - 1996. - № 11.

²²² Лешков В.Н. Русский народ и государство – история русского общественного права до XVIII века. - М. 1858.

²²³ «День». - 1862. - № 21-24. - 3, 10, 17, 24 марта; то же: Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 2. - М. 1886. - С. 26-59; то же: Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? - М. 2002. - С. 132-156. - Далее все ссылки на последнее издание в тексте статьи, в круглых скобках с указанием номера очередной страницы при ее переходе к странице последующей.

²²⁴ См.: Греков В.Н., Смирнова Н.А. Примечания // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? - М. 2002. - С. 920-922.

²²⁵ Бродский Н.Л. Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. - М. 1910. Приложение. - С. 121. См. также: Михайлов М.В., Мотин С.В. Концепция государства и общества в работах К.С. и И.С. Аксаковых // Аксаковский сборник. [Вып.] 4. - Уфа, 2005.

Затем он приводит актуальный пример: «Мы сильно хлопочем в настоящее время о народном и общественном образовании, придумываем тот или другой способ устройства народных школ и высших учебных учреждений, – и не находим других причин осуществить наше предположение, как чрез принудительное распоряжение правительства, тогда как сами убеждены, что принудительное распоряжение не дает жизни и легко порождает официальную ложь!..» (с. 134).

В заключение статьи Аксаков ставит диагноз: «Нам недостает внутренней, общественной жизни, недостает глубоких убеждений, недостает самостоятельности, недостает силы, *силы общественной*, той силы, которая есть единственная могучая, нравственная, человеческая сила, достойная человеческого общества, животворящая, всепобеждающая, ведущая народы к совершению предназначенного им подвига в истории человечества! Проснуться, ее, *эту* силу, вызвать, ею поработать, ее созидать – вот к чему мы должны стремиться, все, всем обществом, от мала до велика, вот в чем наше спасение и охрана, вот единственное условие нашего развития и преуспевания!..»

Завершая первую статью, Аксаков ставит вопросы: «Но каким образом? И почему недостает нашему обществу этой силы? И что такое общество? И какое его значение у нас, в России, между землею и государством?..»

Во второй статье Аксаков предлагает свои ответы на поставленные вопросы, обращаясь «к свидетельству истории и к отвлеченным, теоретическим построениям» (с. 135). Сначала Аксаков отмечает: «Было ли у нас общество до Петра? Не было, отвечаем мы, точно так же, как не было и литературы, без которой в позднейшие времена немислимо никакое общество...»

Затем Аксаков подчеркивает «то, что мы разумеем под словом *общество*, ускользает от всякого юридического определения, не укладывается ни в какую юридическую рамку...» (с. 136) и предлагает свое определение понятия «общество», имеющее не правовой, а явно социально-психологический характер: «Общество, по нашему мнению, есть та среда, в которой совершается сознательная, умственная деятельность известного народа; которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознание. Другими словами: общество *есть* народ во втором моменте, на второй ступени своего развития, народ самосознающий» (с. 137).

Ниже Аксаков разъясняет предложенное определение: «постижение народной мысли личным сознанием есть уже новая ступень в жизни народной – народное *самосознание*. Это самосознание совершается в *обществе*. ... Обращаясь к истории, мы видим, что ... первым действием всех народов было: создать себе внешнюю государственную форму... *Общества* еще нет, а уже возникает *государство* над народом, продолжающим жить (с. 138) жизни непосредственной. Но не выражает ли государство народного самосознания? Нет, оно есть только внешнее определение, данное себе народом; деятельность его, то есть государства, и сфера его деятельности чисто внеш-

ние. ...общество есть не что иное, как народный организм в деятельном развитии, не что иное, как *сам народ*, в его поступательном движении».

После разъяснения определения Аксаков делает следующий вывод: «Итак, мы имеем: с одной стороны, народ в его непосредственном бытии; с другой – государство как внешнее определение народа, заимствующее свою силу от народа – и усиливающееся за его счет, при бездействии его внутренней жизни, при долговременном его пребывании в непосредственном бытии; наконец, между государством и народом – *общество*, то есть тот же народ, но в высшем своем человеческом значении, не пребывающий только в известных началах своей народности, но сознающий их, сознательно развивающий и обособляющий их в явлениях... (с. 139) При отсутствии общества, при бездействии его, государственное начало, захватывая все шире и шире круг своей деятельности, внутри государства, может наконец, как кора – сердцевину, сдавить и почти заглушить жизнь народа, находящегося на ступени непосредственного бытия... Только *сознание* народных начал, только общество, служащее истинным выражением народности, являющее высшую сознательную деятельность народного духа, может спасти народ и остановить растущее внутрь государство».

Далее Аксаков рассматривает «поближе, что такое общество.

Во-первых, имеет ли оно какую-либо политическую, внешнюю организацию? Никакой. Это не есть ни сословие, ни цех, ни корпорация, ни кружок, ни какое-либо иное, условленное соединение людей. ...оно <общество> образуется из людей всех сословий и состояний – аристократов самых кровных и крестьян самой обыкновенной породы, соединенных известным общим уровнем образования. Чем выше умственный и нравственный уровень, тем сильнее и общество. Во-вторых, общество... должно постоянно освежаться, обновляться новым притоком сил из народа... (с. 140). В-третьих, общество, разумеется, существует только там, где есть цельное народное тело, цельный организм с соответствующим ему цельным органическим покровом, то есть внешней, государственной формой. ... В-четвертых, сила общества, как явления не политического, есть сила *нравственная*, сила «общественного мнения». Орудие деятельности общества есть *слово*, и по преимуществу печатное слово, разумеется, *свободное*» (с. 141).

В начале третьей статьи Аксаков утверждает, что «где нет деятельности слова, там нет и общества... или иначе: в истории позднейших времен, *без литературы* немислимо никакое общество. (с. 142) ...деятельность общественная есть, сказали мы, деятельность народного самосознания; деятельность народного самосознания выражает себя в *слове*, которое есть *плоть* сознания, *плоть* человеческой мысли; стало быть, выражение общественного сознания есть общественное слово; следовательно, только там, где есть *общественное слово* есть и общество, и наоборот – нет и общества там, где нет общественного слова. Постоянная деятельность общественного слова есть то,

что называется словесностью или литературою. ... Чем больше образованных людей в какой-либо стране, тем скорее возникает в ней общество...» (с. 143).

Затем Аксаков обращается к истории западного общества и выделяет важнейший исторический факт: «общества на Западе не было до того времени, как изобретение книгопечатания дало возможность возникнуть деятельности *общественного слова*. ... Только с того времени и возникает литература в собственном смысле слова, литература, как выражение общественной жизни. *Печать* есть единственная арена, где, при современном внешнем устройстве народного организма, может раздаваться общественное слово» (с. 145).

Исторический экскурс Аксаков завершает весьма актуальным для России начала 1860-х гг. выводом: «стеснение печатного слова, когда явилась в нем потребность, когда, стало быть, в народе возникло общество, есть нарушение правильных отправлений общественного организма, есть умерщвление жизни общества, и следовательно, *опасно* для самого государства, допускающего это стеснение».

Затем Аксаков продолжает в духе социологической юриспруденции: «Никакие в мире либеральные учреждения не заменят *свободы общественного слова*, никакие консервативные охраны не заменят охранительной силы свободного слова, никакие законы не имеют прочности и живительного действия без помощи общественного сознания, следовательно, без его деятельности и жизни в свободном слове. ... государство, против его болезненного роста внутрь, может спасти только общество с своею свободою деятельности, свободою критики, свободою слова» (с. 146).

Завершает третью статью Аксаков следующим выводом: «Государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа и общества на поверхность и оставаться в тех скромных пределах, какие полагает им духовная и нравственная деятельность самого общества» (с. 147).

В четвертой статье Аксаков рассматривает взаимные отношения общества и государства, и начинает ее с основополагающей мысли, что «всякая попытка организовать *общество* политически противоречила бы самому существу общества, убила бы внутреннюю свободу его развития, внесла бы в стихию его духовной деятельности начало *внешнего принуждения*. При всем том, общество такое имеет значение в организме народа, граждански живущего, что *без него* бессилен народ и несостоятельно государство» (с. 148).

Затем Аксаков размышляет о соотношении общества и парламента. Он, в частности, пишет, что «представительное собрание само по себе еще не заменяет общества ни для народа, ни для государства, еще не способно, *само по себе*, сдерживать рывок государственной стихии: была даже опасность в английской истории, по замечанию Маколея, чтобы сам парламент не обратился в деспотическое правительство. Истинные пределы государственной власти положены были в Англии не парламентом, а обществом» (с. 149).

Аксаков делает следующий вывод: «Никакие учреждения, как бы свободны они не были, никакие представительства, никакие *политические сословия*, никакие аристократии и демократии не могут заменить *общества* и своею деятельностью восполнить недостаток деятельности *общественной*... Другими словами: *вне* нравственной, неполитической силы того неполитического явления, которое мы называем обществом, бессильна сила политических учреждений; *вне* свободы нравственной, неполитической, *вне* свободы духовной общественной жизни – нет истинной свободы, ничтожна всякая политическая свобода» (с. 150).

В номере «Дня» от 17 апреля И. Аксаков публикует статью, которая исследователями рассматривается как продолжающая цикл статей об обществе²²⁶. В этой статье он останавливается на наследии своего брата К. Аксакова по вопросу о взаимоотношениях «земли» и «государства». Здесь особое внимание уделяется роли вечевого начала в истории Руси до Петра I и показывается, что это начало выражалось в мирской сходке. Именно в вечевом начале автор усматривает гарантии обновления и возрождения России. Он выступает за народную инициативу и за самоуправление. Одновременно Аксаков подчеркивает, что общества до Петра I в России не было, что создание общества шло параллельно с ослаблением народной инициативы, с мрачной тишиной и безгласностью русского народа.

Аксаков в письме к Ю.Ф. Самарину от 23 марта 1862 г. пишет: «Как неприятно и даже страшно, даже дерзко писать такие статьи как плод одиночной мысли, которой и созреть было некогда, писать без предварительного суда и проверки. Мне кажется, что эти статьи восполняют некоторый пробел в славянофильском учении, особенно в учении Константина о государстве и земле. Там не было места обществу, литературе, работе самосознания. Непосредственность народного бытия и деятельность сознания, безличность единиц, народ составляющих и личная деятельность их в обществе, все это не было высказано, а потому сбивало с толку публику и читателей; потому что понятия эти и представления, как не разграниченные, постоянно смешивались»²²⁷.

Итак, под обществом Аксаков разумел представительство всех сословий, прежде всего дворянства, но именно того, которое не было включено в государственную систему. Дворянство должно играть ведущую роль в обществе, но опять-таки не как цельное сословие, а как представительство, посылая в общество своих образованных и способных выходцев. По Аксакову, образованная часть населения страны и есть общество. Однако ставить знак равенства между ней и интеллигенцией, видимо, в соответствии с аксаков-

²²⁶ Аксаков И.С. Исторические судьбы земства на Руси: 1) «День». - 1862. - 17 апреля; 2) Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 5. - М. 1887. - С. 229-238; 3) Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? - М. 2002. - С. 642-648.

²²⁷ РО ИРЛИ РАН, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 48, л. 40.

ской концепцией, не следует. Главное – это не включенность в бюрократические структуры.

Так, в письме к графине А.Д. Блудовой от 15/16 января 1862 г. Аксаков пишет: «Сущность воззрения брата моего (и Хомякова) состоит в том, что русский народ не политический, никогда не бунтовал за свои политические права, – а народ социальный, имеющий задачую внутреннюю жизнь, жизнь земскую. Его идеал не государственное совершенство, а создание христианского общества»²²⁸. На эту нацеленность обратил внимание Л.А. Тихомиров, писавший о том, что Аксаков называл современное общество «обществом христианским, но отрекшимся от Христа»²²⁹.

Завершая статью, обратим внимание, что на теорию общества Аксакова, несомненно, повлияли взгляды профессора Мюнхенского университета В. Рилья²³⁰ и труды В.Н. Лешкова. Однако для своего времени теория Аксакова была достаточно самобытна. Вот, например, что об этих статьях писал Ю.Ф. Самарин: «Они превосходны, и я должен тебе сказать, что, читая их, я дивился тому, как никто из нас до сих пор не догадался осветить именно эту сторону вопроса. Именно потому, что она оставалась до сих пор в тени, к коренному разномыслию между нашими и не нашими примешивались тучи недоразумений, которые теперь отпадают. Определение общества как среды самопознающегося быта (говоря гегелевским языком *das Volksleben an und für sich*) совершенно ново; по крайней мере в иностранной литературе я ничего подобного не встречал»²³¹.

Аксаков добавил к построениям своего брата лишь один новый элемент – общество. Но элемент этот оказался весьма значительным и привел к созданию триады «власть – общество – народ», заметно изменившей понимание расстановки не только социальных, но и политических сил. Хотя Аксаков говорил об аполитичности общества, его автономности, но он сам по существу противопоставлял его государству, настаивал на необходимости общественного мнения, требовал свободы слова устного и печатного, призывал к диалогу государства с обществом. Одновременно он признавал инициативу общества, его авангардную роль в стране и неизбежность его последующего влияния.

Таким образом, для Аксакова общество – это среда, отличающаяся способностью мыслить и не возвышающаяся над народом, то есть по сути дела он обосновывает вариант гражданского общества, способного к независимой от власти деятельности и призванного к собственному внутреннему, то есть духовному бытию.

²²⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Письма к разным лицам. Т. 4. - СПб. 1896. - С. 228-229.

²²⁹ Тихомиров Л. Демократия либеральная и социальная. - М. 1896. С. 15; Бродский Н.Л. Указ. соч. С. LIV.

²³⁰ Риль Вильгельм Генрих (1823-1897), немецкий историк, этнограф. И. Аксаков познакомился с ним в 1860 г. в Мюнхене, а перед этим приобрел пятитомник его сочинений. См.: Риль В.Г. Гражданское общество: Монография. - СПб. 1883.

²³¹ И. Аксаков цитирует отрывок из письма Ю.Ф. Самарина к нему в письме к В.А. Елагину от 2 июня 1862 г. См.: РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 17, л. 2–2 об.

О понятии «интеллигенция» в творчестве И.С. Аксакова и П.Д. Боборыкина

См.: *Мотин С.В.* О понятии «интеллигенция» в творчестве И.С. Аксакова и П.Д. Боборыкина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 838–844.

«...вся наша культура взята была в казну; русское просвещение выросло не в грунту; русская интеллигенция – питомица казенной теплицы».

И.С. Аксаков [2, 735]

В 1909 г. П.Б. Струве по поводу слова «интеллигенция» писал: «История этого слова в русской обиходной и литературной речи могла бы составить предмет интересного специального этюда» [24, 158–159]. На протяжении почти всего XX века эта история прослеживалась в основном западными историками и славистами. Обстоятельно изучали понятие «интеллигенция» историки из США Д. Биллингтон [34] и А. Поллард [36], немецкий филолог О. Мюллер посвятил ему весьма обширную монографию [35]. Однако и в России по данной тематике на протяжении двух последних десятилетий вышли в свет многочисленные публикации. При нескольких государственных университетах – Московском, Ивановском, Уральском, Омском – действуют исследовательские группы, изучающие феномен интеллигенции целенаправленно. Наконец, произошло становление научного направления «Интеллигентоведение» [подр. см.: 13; 14; 15].

Цель данной статьи двоякая: во-первых, рассмотреть изменение смысла понятия «интеллигенция» в России в 1860–1880 гг. и, во-вторых, подчеркнуть приоритет И.С. Аксакова в использовании этого слова в отечественной публицистике.

Из истории понятия «интеллигенция». Первоисточником понятия «интеллигенция» можно считать греческое слово «*poesis*» – сознание, понимание в их высшей степени. Со временем греческий вариант породил в римской культуре слово «*intelligentia*», которое несло несколько иную смысловую нагрузку – хорошая степень понимания, сознания. Слово использовал драматург-комик Теренций (190–159 гг. до н.э.). Позднее в латыни значение этого понятия трактовали как «способность понимания» («умственная способность») [см.: 22; 25]. Слово «интеллигенция» непосредственно восходит к французскому «*intelligence*» («разум», «рассудок», «умственные способности», «степень умственного развития»). Первоисточник – латинский *intellegentia* – «понимание», «рассудок», «знание», «идея» (от *intellegō* – «узнаю», «воспринимаю») [см.: 31, 351–352].

Увлечение образованных россиян XIX столетия немецкой идеалистической философией и французской позитивистской социологией побуждало к поискам русских эквивалентов. Например, первые русские переводчики

Ф.М.Й. Шеллинга переводили его термин «Intelligenz» как «разумение», а заглавие книги И. Тэна «De l'intelligence» – как «Об уме и познании». Это и есть исходные значения, в которых слово «интеллигенция» стало употребляться в русском языке: отвлеченное, философское или психологическое, как набор признаков или совокупность качеств [см.: 16, 384].

В русском языке слово «интеллигенция» вошло в употребление сначала в значении «умственные способности» («мыслительная сила») в 1860-х гг., но вскоре на русской почве оно получило новое (современное) значение, а именно «социальная группа, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом» [31, 351]. Толковый словарь В.И. Даля в 1880 г. дает уже только новое значение. С этим значением это слово возвратилось в западноевропейские языки. В период между 1845–1865 гг., отмечает Ю.С. Степанов, совершается очередной этап в развитии понятия «интеллигенция»: субъектом исторического самосознания народа в процессе государственного строительства оказывается при этом новом понимании не абстрактный «разум», не «дух народа» и не весь народ, а определенная, исторически и социально вполне конкретная *часть народа, взявшая на себя социальную функцию общественного самосознания* от имени и во имя всего народа. Собственно, это и есть основное содержание понятия «интеллигенция». Понятие остается одним и тем же, как бы «рамкой» для кадра, но он лишь как бы «примеривается», а затем и передвигается с одной социальной группы на другую в поисках ответа на вопрос: какая же социальная группа является субъектом самосознания нации? В «кадре» оказываются разные социальные группы. «Передвижение» понятия и его фиксация на той или иной социальной группе происходят путем сознательных усилий, путем общественного осмысления и обсуждения в среде различных социальных групп и общества в целом. В конечном счете путем *сознательных* усилий тех самых социальных групп, которые в данную историческую эпоху и оказываются, в силу самих этих усилий самосознания, носительницами общественного самосознания [см.: 23, 20].

По мнению историка С.О. Шмидта, первое засвидетельствованное употребление слова «интеллигенция» содержится в дневниковой записи В.А. Жуковского. 2 февраля 1836 г. последний описывает страшный пожар, случившийся около Адмиралтейства в балагане, где погибло много народа, а «через три часа после этого общего бедствия, почти рядом... осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию; никому не пришло в голову (есть исключения), что случившееся несчастье есть общее; танцевали и смеялись и бесились до 3-х часов и разъехались, как будто ничего не было...» [11]. С.О. Шмидт заключает: «...для Жуковского понятие “интеллигенция” ассоциируется не только с принадлежностью к определенной социокультурной среде и с европейской образованностью, но и с нравственным поведением. По-

видимому, в таком значении это слово было в употреблении в разговорном языке его круга» [33].

Пётр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921). В 1904 г. он утверждал: «Около сорока лет назад, в 1866 г., в одном из своих критических этюдов я пустил в обращение в русский литературный язык <...> слово интеллигенция, придав ему то значение, какое оно, из остальных европейских литератур или прессы, приобрело только у немцев: интеллигенция, т.е. самый образованный, культурный и передовой слой общества известной страны» [5, 80, 2-я паг.]. Кстати говоря, современный толковый словарь немецкого языка «Разговорный Брокгауз» дает два его значения: ум, благоразумие и совокупность интеллектуалов. В немецкой традиции слово «интеллигенция» никогда не означало только или даже по преимуществу совокупность (группу, слой) людей, не говоря уже о том, что сама эта совокупность понималась иначе, чем в России.

Версию Боборыкина впоследствии воспроизвели его первый биограф С.А. Венгеров и историк русской общественной мысли Р.В. Иванов-Разумник. Выходит, что именно писатель Боборыкин ввел в русский язык понятие «интеллигенция» [например, см.: 10; 27], закрепив этот термин за специфическим феноменом русской социальной истории [подр. см.: 16].

Боборыкин подолгу жил за границей, а приезжая в Россию особенно остро подмечал вновь возникавшие за время его отсутствия реалии русской жизни. Он замечал только входившие в массовый обиход слова, вводил их в диалоги своих героев – и таким образом привлекал к ним внимание общественности, вводил их в общелитературный словарь. Вовсе не зря Боборыкин казался И.С. Тургеневу редким образчиком сверхчуткого и сверхоперативного беллетриста-репортера, который описывает «жизненные факты за пять минут до их рождения» [28].

В произведениях Боборыкина слово «интеллигенция» впервые встречается в 1866 г. в статье о парижских театральных постановках и явно не в современном («русском», социологическом) значении слова: «Постановки театра Шатле больше, чем постановки других театров, нравятся массе, без различия интеллигенции и общественного положения» (Русский вестник, 1866, август, с. 647). В том же году выходит роман Боборыкина «В чужом поле», где можно найти следующий фрагмент: «французики казались ему очень мизерными по части интеллигенции» [4, т. 4, 47], т.е. по части умственных способностей, духовных запросов. Этот фрагмент, как замечает В.Б. Катаев, «кажется, первое употребление слова интеллигенция в русском беллетристическом произведении» [16, 385].

В следующем романе Боборыкина, «Жертва вечерняя» (1868), слово встречается чаще (см.: 4, т. 5, 196, 302, 326, 344). О. Мюллер полагает, что моде на слово «интеллигенция» способствовал именно этот роман. Дело в том, что роман имел скандальный успех. Автор смело изобразил нравы аристократического общества, в том числе эротические оргии, и без обычной

сентиментальности коснулся темы проституции. По постановлению Комитета министров тираж отдельного издания романа был арестован и уничтожен. Боборыкин если и не ввел первым слово, то расширил круг его употребления – пока в первоначальном его значении.

А между тем, в том же 1868 г. вышло отдельное издание романа Л.Н. Толстого «Война и мир», где на первых же страницах читаем: «Он <Пьер> знал, что тут <в салоне Шерер> собрана вся интеллигенция Петербурга». Интересно, что в журнальном варианте 1865 г. слово «интеллигенция» отсутствовало. В начале же 1870 г. был опубликован рассказ И.С. Тургенева «Странная история», где герою советуют: «послезавтра в дворянском собрании большой бал. Советую съездить; здесь не без красавиц. Ну, и всю нашу интеллигенцию вы увидите».

Важный шаг в сторону современного наполнения понятия «интеллигенция» был сделан Боборыкиным в следующем его большом романе – «Солидные добродетели», который был напечатан в журнале «Отечественные записки» в 1870 г. [см.: 4, т. 6, 41, 42, 44, 45]. Здесь среди главных признаков «интеллигентности» (само это слово в романе еще не использовано) названы следующие составляющие: пренебрежение житейскими благами ради духовных, почти мистическая устремленность в будущее, идейность, неустанный жар внутренней работы. В конце романа намечено представление о божестве этой новой интеллигентской религии – это народ и Россия.

В последующих романах Боборыкина можно встретить случаи употребления слова «интеллигенция» и в его прежнем, отвлеченном смысле. Например, в знаменитом «Китай-городе» (1882) одна из героинь характеризуется «тайными желаниями, замыслами, внутренней работой, заботами о своей “интеллигенции”, уме, связях, артистических, ученых и литературных знакомствах» (Ч. 2, гл. XXI). Здесь «интеллигенция» означает уровень развития. Это показывает, что и через двенадцать лет после «Солидных добродетелей» значение слова и понятия «интеллигенция» не устоялось.

Боборыкин не ограничивался только классовыми и мыслительными аспектами понятия «интеллигенция» («образованные люди», «мыслящий пролетариат»). Центр тяжести он переносит с головы на душу и сердце. Боборыкиным перечисляются отличительные признаки «так называемой интеллигенции», русской интеллигенции: неустроенность быта, житейские мытарства, не слишком богатый образовательный багаж и в то же время неустанный жар внутренней работы, жизнь по своему внутреннему идеалу, взывание «грядущего града». Это уже не только социологическое, но и ценностное, т.е. этическое толкование [см.: 16, 388–89].

Однако, и этот факт мы подчеркиваем, еще раньше, чем в романах Боборыкина, слово «интеллигенция» приобрело достаточно частотное употребление в русской публицистике. Такие исследователи, как А. Поллард и Ю.С. Сорокин критически отреагировали на то, что они называли «боборыкинской легендой» и отказали Боборыкину в приоритете введения слова «интели-

генция» в русский язык. Вышеназванные ученые показали, что слово «интеллигенция» встречается ранее у других авторов 1860-х годов: в публицистических и критических статьях И.С. Аксакова, П.Н. Ткачева, Н.В. Шелгунова [см.: 36, 7; 21, 147]. Кроме того, слово «интеллигенция» в смысле «чиновники, представители административной власти» было употреблено в 1865 г. в дневниках министра внутренних дел П.А. Валуева и профессора литературы, цензора А.В. Никитенко.

Кстати говоря, писатель Боборыкин и публицист Аксаков знали друг друга, по крайней мере, с зимы 1866–1867 гг. Об этом Боборыкин свидетельствует в воспоминаниях: «Я уже сказал, что приехал в Париж, заручившись и работой корреспондента. Первая газета, с которой я условился по этой части, была “Москва” (потом “Москвич”) – орган Ивана Аксакова. <...> Он меня принял ласково и согласился печатать письма и о парижской общей жизни, и о политике, литературе и выставке, когда она весной откроется» [см.: 7]. Напомним, что упоминаемые Боборыкиным газеты издавались Аксаковым в 1867–1868 гг.

Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886). Некоторые современные исследователи указывают на тот факт, что именно Аксаков впервые употребил слово «интеллигенция» в статье «Отчужденность интеллигенции от народной стихии», опубликованной в газете «День» 21 октября 1861 г. [см.: 8; 20, 202; 29, 121–124]. Говоря об отчужденности от народа, оторванности от народной почвы и народного духа «литераторов и всякого рода художников» и уподобляя их пигмеям, снующим вокруг спящего великана-народа, Аксаков в самой статье слово «интеллигенция» не использует, хотя и указывает на характерную черту современных ему русских интеллигентов – «подобострастное рабское отношение к иноземному, бессмысленная покорность подражания, измена народному духу, при наружной грубой подделке под русскую народность» (2, 117). В данном случае важно знать, что название этой статьи Аксакова, впрочем, как и всех других статей, были даны в 1886–1887 гг. издателями его собрания сочинений.

И все-таки, Аксаков в 1861 г., 5 апреля, употребляет слово «интеллигенция» в форме прилагательного в письме к М.П. Погодину по поводу опубликованных Положений по крестьянскому делу: «Признаюсь, чем больше я читаю Положение, тем мне грустнее становится, грустнее именно потому, что в составлении его участвовали близкие мне люди. Положение обличает полную несостоятельность нашего интеллигентного класса...» (2, 908). Близкие Аксакову люди – это славянофилы Ю.Ф. Самарин и В.А. Черкасский.

В 1861–1862 гг. Аксаков выступил в газете «День» с серией статьей, в которых развивал идею «самоупразднения» дворянства как господствующего сословия, его слияния с «земством» (крестьянством) и создания на этой основе принципиально новой, народной интеллигенции (по терминологии Аксакова, «общества», включающего лучших представителей всех сословий), которая будет способна разрушить главное противоречие русской жизни –

противоречие между «землей», т.е. народом и «государством». Начиная с 1863 г. в статьях Аксакова уже постоянно используется слово «интеллигенция».

В начале 1863 г. в статье «О необходимости перевоспитания нашего общества в духе русской народности» («День», 1863, № 1, 5 января) Аксаков задавал вопрос: может ли современное русское общество «быть названо у нас действительно выражением *народного* самосознания, деятельностью живых сил, выделяемых из себя народом, *народною* интеллигенциею в высшем значении этого слова?» И отвечал: «Притязаний на эту связь с народом, кажется, наше общество теперь даже и не имеет. <...> До сих пор наше общество носило на себе характер преимущественно дворянский; даже самая литература наша может быть названа вообще дворянскою или чиновною: это и понятно. Дворянство было самым обеспеченным классом в государстве и всегда отделялось от массы простого народа уже по самому своему служилому положению. Освобожденное Петром от органической связи с непосредственным народным бытом, выученное, по его воле, всяким наукам и художествам, оно, конечно, представляло собою силу интеллигентную, – но не народную, и в строгом смысле слова не составляло и общества. <...> Очевидно, что государственный или правительственный характер главной массы того, что называется у нас обществом, не мог способствовать развитию настоящего значения, настоящих нравственных сил русского общества». И добавляет, что после 19 февраля 1861 г. «дворянство перестает быть исключительно служилым, правительственным, государственным, – и переходит в земство, призвано внести в него стихию сознания и просвещения, силу интеллигенции» [2, 388–95]. В этой статье слово «интеллигенция» означает понятие не собирательное, а в большей степени отвлеченное – восходящее к гегелевской идее о самосознании народа.

В другой статье «Отчего Тамбовская губерния о себе не говорит?» («День», 1863, № 47, 23 ноября) Аксаков еще более конкретизировал понятие, говоря о «Тамбовской интеллигенции», не уделяющей внимание старобрядчеству у себя в губернии [1, 225]. Здесь слово употреблено в переходном значении – от отвлеченного к собирательному. Эта переходность особенно наглядна в аксаковском рассуждении о том, что «полтора года лет чужие интеллигенции имели полный простор на Руси» и что Россия сумеет «совершить внутреннее развитие свое без чужих интеллигенций», а «германские интеллигенции могут остаться для Германии» («Не немецкий Немец нам опасен, а Немец, что сидит в душе всякого “образованного” Русского» // «День», 1865, № 33, 25 сентября) [1, 309]. Ясно, что невозможное впоследствии множественное число слова «интеллигенция» отражает здесь особенность периода, когда смысловое наполнение понятия только устанавливалось. Интересно, что в другой статье («Дух православия: вот наше единство! вот наша цельность!» // «День», 1865, № 27, 26 августа) Аксаков говорит об «аристократических представителях» русской интеллигенции, о ее «демокра-

тических представителях», об интеллигенции «в высших своих делегатах» и интеллигенции «в мелких чинах» [1, 299]: здесь слово «интеллигенция» само по себе употреблено в отвлеченном значении, а в сочетании с добавлениями образует уже понятие собирательное [см.: 16, 386].

В 1864 г. в статье «В чем недостаточность русского патриотизма?» («День», 1864, № 42, 17 октября) Аксаков употребляет слово «интеллигенция» в кавычках (т.е. так называемая интеллигенция или как бы интеллигенция): «Пора также не очень-то гордиться своим единством и цельностью и уразуметь, наконец, что единством и цельностью мы обязаны прежде всего не Русскому обществу, а Русскому народу – этому громадному и несомненному факту единства и цельности, но что в противоположность этому внешнему или, лучше сказать, земскому единству и цельности, в противоположность нашему простому народу, мы как общество являем в себе отсутствие духовной цельности и органической силы. Оттого-то наша “интеллигенция” до сих пор так непроизводительна, оттого-то иностранцы или судят по нас о целой России, или же, видя пред собой публику и народ, воображают, что видят две разные России! Оттого-то Россия могуча и слаба в то же время. <...> Скрывать от иностранцев разрыв образованных классов с народом, слабость народного самосознания в Русском обществе, недостаток цельности, единства духовного с Русской землей и отсутствие органического творчества в так называемой Русской интеллигенции – скрывать это было бы совершенно напрасно; да и невозможно» [3, 118–19].

Такое понимание слова «интеллигенция» в публицистике Аксакова становится постоянным. Так, в статье «Украинофильско – польский бред “Тараса Воли”» («Москвич», 1868, № 20, 20 января) он следующим образом характеризует «так называемую интеллигенцию»: «Есть и между прочими славянами люди – страстные охотники чествовать себя “интеллигенцией” своего племени и стоящие обыкновенно в разительном противоречии с народными историческими инстинктами своего племени. Эти люди, состоя в чине “интеллигенции”, не отличаясь ни крепостью разума, ни здоровой логикой, большей частью люди очень искренние, способные даже на самопожертвование, легко увлекающиеся, до такой степени легко, что энтузиазм составляет их общественное положение: они считают своей обязанностью приходить в энтузиазм от каждой фразистой речи, нашпигованной словами “свобода”, “самостоятельность”, и способны вслед за тем броситься чуть не в объятия барону Бейсту, Наполеону III, Лангевичу, Чарторыйскому – врагам всякой славянской свободы и самостоятельности. Отличительными признаками такой “самостоятельной”, как выражаются сербы, интеллигенции служит, во-первых, враждебное отношение к России. <...> сии представители интеллигенции спешат обыкновенно засвидетельствовать о своей взрослости и независимости тем, что бранят и ругают Россию» [3, 311].

В 1874 г. П.И. Бартеневым был опубликован аксаковский биографический очерк Ф.И. Тютчева («Русский архив», № 10), в котором «так называе-

мой интеллигенцией» обозначены противники славянофилов – западники: «Самое это учение <славянофилов>, в своем целом объеме, как учение, никогда не было популярным, да и не было вполне сформулировано или выражено в виде точного кодекса; славянофильские издания расходились вообще в малом количестве; их журналы имели сравнительно очень немного подписчиков; непосредственного действия на массы читающего люда они не оказывали, но действие их на своих противников, на так называемую интеллигенцию, было неотразимо, хотя и не быстро» [3, 520].

И, наконец, еще две цитаты. 7 июня 1880 г., в речи, посвященной открытию в Москве памятника А.С. Пушкину, Аксаков дважды использует слово «интеллигенция» в разных значениях. Сначала в завышенном смысле: «Жизнь наводнилась ложью, призраками, абстрактами, подобиями, фасадами – и колоссальным недоразумением между народом и его так называемой “интеллигенцией” – официальной и неофициальной, консервативной и либеральной, аристократической и демократической». А в конце речи обращается с надеждой к русской интеллигенции напрямую с призывом: «Пусть изваянный в меди образ этого всемирного художника и русского народного поэта неумолчно зовет чреды сменяющихся поколений к труду народного самосознания, к плодотворному служению истине на поприще правды народной, – чтоб сподобиться наконец русской “интеллигенции” стать действительным высшим выражением русского народного духа и его всемирно-исторического призвания в человечестве!» [3, 586–87, 605].

Таким образом, Аксаков был одним из первых русских публицистов, постоянно употреблявшим слово «интеллигенция». Общественный слой, который в настоящее время мы обозначаем этим словом, Аксаков называл «обществом» или «образованным обществом» [см.: 30, 7, 188; 29, 132–36]. Именно Аксаков в цикле статей «О взаимном отношении народа, государства и общества» вводит в славянофильское учение наряду с понятиями «земля» и «государство» еще и третий элемент – «общество» (см.: «День», 1862, № 21–24, 3, 10, 17, 24 марта). По его мнению, общество это «та среда, в которой совершается сознательная умственная деятельность известного народа, которая создается всеми духовными силами народа, разрабатывающими народное самосознание. Другими словами: общество есть народ во втором моменте, на второй ступени своего развития, народ самосознающий») [3, 73–4]. В 1907 г. Р.В. Иванов-Разумник отмечал: «Глубоко прав по существу дела был Аксаков, определявший интеллигенцию как «самосознающий народ» и указывавший, что интеллигенция «не есть ни сословие, ни цех (мы бы прибавили теперь: ни класс), ни корпорация, ни кружок... Это даже не собрание, а совокупность живых сил, выделяемых из себя народом» [12, 73]. Легко заметить, что общество, по Аксакову, есть лучшая часть народа, разрабатывающая народное самосознание, и именно в этом заключается принципиальное отличие общества от т. н. «интеллигенции». Нигилизм был логичным

концом, до которого могла дойти лишенная национальной почвы «интеллигенция» [см.: 17, 23].

А также нигилисты и разночинцы. На другом фланге русской публицистики, в выступлениях «демократических представителей» наблюдалось иное толкование понятия «интеллигенция». То, что славянофилу Аксакову виделось как выражение самосознания нации, здесь сузилось до идеологии определенной социальной группы. Так, П.Н. Ткачев в леворадикальном журнале «Дело» в 1868 г. писал, называя эту группу «образованным меньшинством»: «по своему строго-критическому отношению к окружающим ее явлениям, по смелости своей мысли она ни в чем не уступает лучшей части западноевропейской интеллигенции», а «здоровые мысли и понятия, которые в наше время стали распространяться и утверждаться в небольшом кружке нашей интеллигенции», привели к тому, что «барская интеллигенция должна была стушеваться перед другою, вышедшею из другого класса людей» [26].

Здесь приведен набор признаков, по которым в 1860–1870-е годы отличали тех, кого А.И. Герцен и Н.П. Огарев называли «образованным меньшинством», «новой Россией», Н.Г. Чернышевский – «новыми людьми», Д.И. Писарев – «мыслящим пролетариатом», П.Л. Лавров – «критически мыслящими личностями», а идейные противники и широкая публика – «нигилистами». В этом же значении Н.В. Шелгунов писал: интеллигенция – «создающая сила, и в этой роли – ее государственная функция. Она же создает и новое государство, разрушая сначала критикой все обветшалое» [32]. В итоге, для России второй половины XIX – начала XX в. наиболее устойчивым и типичным оказалось понимание интеллигенции в социальном смысле, связанным с разночинцами [подр. см.: 18, 25; 23, 27].

Заключительные мысли и выводы. П.Б. Струве в 1909 г. в сборнике «Вехи» сделал очень интересное наблюдение: «В 60-х годах с их развитием журналистики и публицистики, “интеллигенция” явственно отделяется от образованного класса как нечто духовно особое». Здесь же он пытался именно определить, кто из русских литераторов имел сомнительную (в его глазах) честь называться интеллигентом. В его квалификации Пушкин – не интеллигент, Михайловский – интеллигент, Белинский – наполовину (на ту самую половину, которая берет начало от Бакунина) интеллигент, а наполовину нет [подр. см.: 24].

По мнению Ю.С. Степанова, именно в России 1860-х годов слово и понятие «интеллигенция» приобрело социологический смысл, стало обозначать социально оформленную часть общества, взявшую на себя «миссию» («функцию») выразителя и «формирователя» самосознания нации [см.: 23, 24].

В 1884 г. в статье «Мы глупы и бедны» («Русь», 1884. № 1, 1 января) И.С. Аксаков напишет: «Нет, поэтому, большего врага истинного, плодотворного для России просвещения и более болезненного продукта русской казенно-тепличной культуры, как та наша “интеллигенция”, которая наипре-

довольна собою, горделиво сама себя величает этою кличкой и, исповедуя космополитизм, презирая русскую духовную самобытность, плюя на русские исторические предания, на все, чем в сущности живет, держится и нас самих спасает народ, мнит себя быть истинной представительницей русского народного ума и народной мысли и вопит благим матом, при всяком обличении ее глупости, что “Русь” компрометирует в глазах народа науку и просвещение!! Дошли ли мы, одаренные и умом, и всяким духовным богатством, до предела своей умственной и духовной несостоятельности? Или наша “историческая глупость” ни в сфере “интеллигенции”, ни на поле бюрократическом – еще не сказала своего последнего слова?..» [2, 737].

Спустя 20 лет П.Д. Боборыкин даст следующее толкование слова «интеллигенция»: «...самый образованный, культурный и передовой слой общества известной страны. <...> самый просвещенный, деятельный, нравственно развитый и общественно подготовленный класс граждан. <...> собирательная душа русского общества и народа. <...> избранное меньшинство, которое создало все, что есть самого драгоценного для русской жизни: знание, общественную солидарность, чувство долга перед нуждами и запросами родины, гарантии личности, религиозную терпимость, уважение к труду, к успехам прикладных наук, позволяющим массе поднять свое человеческое достоинство» [5, 81–8, 2-я паг.]. В 1909 г. в своем гневном отклике на знаменитые «Вехи» Боборыкин уточнит: «Интеллигенция, в данном случае русская интеллигенция, состояла из людей высшей умственной и этической культуры» [6, 134].

Философ А.А. Гусейнов уточняет: «Интеллигенция предстает в русском сознании категорией не только социологической, но и этической, и даже по преимуществу, главным образом этической. Не будет насилем над языком и его смысловой структурой, если сказать, что человек может быть образованным, но не интеллигентным и наоборот: интеллигентным, но не образованным. Такое возможно именно по той причине, что основным и специфичным признаком интеллигенции считается ее высокая нравственная проба» [8].

Исследователь В.Б. Катаев подчеркивает два важных момента: понятие «интеллигенция» в исторически закрепившемся значении сложилось именно в русской художественной литературе и именно романист Боборыкин сыграл здесь заметную роль: он придал понятию «интеллигенция» то значение, которое закрепилось в дальнейшем: значение не просто сословное (образованные люди, работники умственного труда), а определенное морально-ценностное [см.: 16, 384, 395].

Таким образом, в России на протяжении 1860–1880-х гг. в публицистике и в художественной литературе в основном происходит переход от одного словоупотребления к другому: от «носителей интеллигенции» – к «представителям интеллигенции» или просто к «интеллигенции». Если в первом издании словаря В.И. Даля (1865) слово «интеллигенция» еще отсутствует, то во 2-м издании (1881) оно зафиксировано, и уже в значении социологиче-

ском, собирательном: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [9].

П.Д. Боборыкин впервые использовал слово «интеллигенция» в 1866 г. И.С. Аксаков же достаточно часто употребляет его уже в первой половине 1860-х годов, чаще всего иронически и в кавычках, нередко с оттенком негативного значения, для обозначения образованных людей, чьи интересы расходятся с интересами народа, людей, ориентированных на западные идеалы и ценности.

Список литературы

1. Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. VI. 542 с.
2. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступит. статья, примеч. В.Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002. 1008 с.
3. Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / Сост. и коммент. С. Лебедева. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
4. Боборыкин П.Д. Собрание сочинений: в 12 т. СПб.; М., 1884–1886.
5. Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12.
6. Боборыкин П.Д. Подгнившие «Веи» // В защиту интеллигенции. М., 1909.
7. Боборыкин П.Д. За полвека: Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 685 с.
8. Гусейнов А.А. Слово об интеллигенции // На рубеже веков. 1997. № 1. С. 64–71; Персональный сайт А.А. Гусейнова: URL: <http://guseinov.ru/publ/intel.html> (дата обращения: 26.06.2011).
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 46.
10. Дживилегов А.К. Интеллигенция // Энциклопедический словарь бр. Гранат. 7-е изд. 1914. Т. 22. С. 59–60.
11. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 671.
12. Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция // Интеллигенция. Власть. Народ. Русские источники современной социальной философии: Антология / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 73–86.
13. Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы // Тезисы докладов Международной научно-теоретической конференции. Иваново, 22–4 сентября 1999 г. Иваново, ИвГУ, 1999. 376 с.
14. Интеллигентоведение: проблемы становления нового вузовского курса // Материалы межгос. заоч. науч.-метод. конф., июнь 1999 г. / Отв. ред. В.С. Меметов. Иваново, 2000. 88 с.
15. Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук: исследования и учебно-методические разработки / Отв. ред. В.С. Меметов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. 273 с.

16. Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов (К истории понятия «интеллигенция» в русской литературе) // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 1999. С. 382–397.
17. Лебедев С.В. Аксаков Иван Сергеевич // Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 17–23.
18. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971.
19. Русская интеллигенция. История и судьба / Сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 1999. 423 с.
20. Соколов К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 1999. С. 149–208.
21. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90 годы XIX века. М.; Л., 1965.
22. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997. С. 610–628.
23. Степанов Ю.С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся: «Жертва» (К понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 1999. С. 14–44.
24. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. 4 изд. М., 1909.
25. Тепикин В.В. Культура и интеллигенция. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2006. 78 с.
26. Ткачев П.Н. Избранные сочинения. М., 1932. Т. 1. С. 274, 275.
27. Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Интеллигенция в России. СПб., 1910. С. 248.
28. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л., 1960–1968. Письма. Т. 13. С. 90.
29. Фурсова Е.Б. И.С. Аксаков: апология народности и самодержавия / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2006. 244 с.
30. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. 264 с.
31. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1994. Т. 1. 623 с.
32. Шелгунов Н.В. Неизданная записка 1881–1882 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 165.
33. Шмидт С.О. Подвиг наставничества: В.А. Жуковский – наставник наследника царского престола // Русское подвижничество / Сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 1996. С. 217–218.
34. Billington J.H. The intelligentsia and the religion of humanity // The American Historical Review / 1960. July. Vol. 65. № 4. P. 807–821.

35. Müller O.W. *Intelligencija: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes*. Frankfurt. M., 1971. 419 S.

36. Pollard A.P. *The Russian intelligentsia: the mind of Russia // California Slavic Studies*. Berkeley; Los Angeles, 1964. Vol. 3. P. 1–32.

И.С. Аксаков об использовании экспериментального метода в ходе внедрения судебной реформы 1864 года

См.: *Мотин С.В.* И.С. Аксаков об использовании экспериментального метода в ходе внедрения судебной реформы 1864 года // *Наследие семьи Аксаковых в русской культуре, отечественной истории и общественной жизни: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции*, Самара, 9 сентября 2022 г. / Самарский государственный институт культуры; под редакцией Т.В. Бакниной. Самара, 2022. С. 319–329.

«...судебная реформа не есть временная или легко изменяемая мера; она есть органический статут, полагаемый на многие веки народной жизни...»

И.С. Аксаков [1, с. 680].

В грядущем 2023 году исполняется 200 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) – знаменитого славянофила (младшего среди старших и старшего среди младших) и выдающегося патриота России, правоведа и поэта, публициста и литературного критика, редактора и издателя, общественного и политического деятеля. Приближающейся юбилейной дате и посвящена эта статья.

Стоит начать с события, состоявшегося в 1999 году. В ноябре этого года под научным руководством доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева в Москве при Академии управления МВД России мною была защищена кандидатская диссертация, посвященная использованию экспериментального метода в социально-правовой сфере [подр. см.: 5; б]. Однако после успешной защиты к этой теме возврата не было – сначала в течение пяти лет я занимался изучением государственно-правовой и социально-политической мысли России [подр. см.: 3; 4], а с 2005 года взялся за другую тему: начал собирать и системно излагать информацию о жизни, творчестве и трудах И.С. Аксакова.

Летом 2005 года в Москве мною была приобретена книга, вышедшая в серии «Из истории отечественной философской мысли» [1], в которой была напечатана статья «О пользе постепенного введения судебной реформы, в виде опыта, на пространстве, ограниченном несколькими губерниями» [1, с. 677–682]. В этой статье Иван Сергеевич по сути предлагал использовать на практике некоторые важные положения экспериментального метода познания. Впервые эта статья была опубликована 22 мая 1865 года в аксаковской газете «День» (с. 485–488), а позже вошла в состав раздела «Судебный вопрос» 4 тома его посмертного собрания сочинений [2, с. 585–593].

Прежде чем перейти к рассмотрению аксаковской статьи, очень кратко остановимся на характеристике судебной реформы 1864 года. Это «комплексная реформа судоустройства и судопроизводства, разработанная в 1861–1863 годах, утвержденная в 1864 году и проведенная в 1866–1899 годах» [подр. см.: 8]. 20 ноября 1864 года были утверждены и вступили в силу четыре основных акта судебной реформы (получившие общее название «Судебные уставы 20 ноября 1864 года»): «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [7]. В судебной реформе 1864 года наиболее полно отразились буржуазные принципы судоустройства и судопроизводства: независимость и отделение суда от администрации; создание всесословного суда; равенство всех перед судом; введение присяжных заседателей; установление прокурорского надзора; создание более четкой системы судебных инстанций.

По Судебным уставам судьи объявлялись несменяемыми, частично вводилась выборность. Создавались две судебные системы: местные и общие суды. К местным относились волостные суды, мировые судьи и съезды мировых судей, к общим – окружные суды, учреждаемые для нескольких уездов; судебные (по гражданским и уголовным делам) палаты, распространявшие свою деятельность на несколько губерний или областей; кассационные (по гражданским и уголовным делам) департаменты Сената. Власть этих судов распространялась на все сферы, кроме тех, где действовала юрисдикция духовных, военных, коммерческих, крестьянских и инородческих судов [подр. см.: 8].

Передовая статья И.С. Аксакова начинается со следующего вступления: «В двух предшествовавших статьях, говоря о легкомысленном суждении нашей публики, мы старались побудить читателей к более строгой и внимательной оценке всей важности предстоящей судебной реформы: с этою целью мы указывали им на трудности, с которыми неизбежно связано применение к жизни, на практике, такого громадного теоретического творения, как представляются судебные уставы 20 ноября» [1, с. 677].

Здесь речь идет об аксаковских статьях: «О необходимости постепенного введения судебной реформы» [2, с. 566–573] и «По вопросу о возможности совместного существования мировых судей и мировых посредников или соединения их должностей в одном лице» [2, с. 574–585], опубликованных в газете «День» 8 и 15 мая 1865 года, которые вместе с рассматриваемой статьей образовали цикл статей, посвященных осуществлению судебной реформы 1864 года. Важно заметить, что названия этих трех статей не являются авторскими, а были предложены публикаторами собрания сочинений И.С. Аксакова.

Затем Иван Сергеевич с определенной долей оптимизма предлагает свой вариант реализации судебной реформы: «Мы скорее расположены видеть в новой судебной реформе много залогов положительного успеха, – если... ес-

ли к делу ее применения будет приступлено с полной добросовестностью, с полным сознанием трудности такого важного и серьезного дела, с полным уважением к жизни. Выражением такого отношения к делу преобразования мы и считаем введение новых уставов в действие сперва в виде опыта на ограниченном пространстве, в одном или двух округах, т.е. в пяти или даже десяти губерниях» [1, с. 677]. Последнее предложение этого фрагмента является ключевым с точки зрения экспериментальной методологии.

В этой связи предлагаю определение социально-правового эксперимента: «это метод научного познания и/или способ совершенствования управлением социально-правовых систем, организованный компетентным органом и связанный с целенаправленным изменением социальных, государственно-политических и правовых явлений, осуществляемый в специально созданных и контролируемых условиях с целью проверки гипотезы относительно целесообразности, эффективности и возможности широкого применения на практике новых социально-правовых форм» [5, с. 14; 6, с. 69–70]. Если попытаться выразить короче, то можно сказать, что социально-правовой эксперимент – это научно-организованный опыт по внедрению новых социально-правовых норм в жизнь общества, ограниченный пространством и временем проведения.

Аксаков требует осуществить этот опыт незамедлительно: «Но опыт этот, казалось бы нам, должен быть произведен немедленно и без отлагательства, как для удовлетворения понятного нетерпения публики, так и для скорейшего разрешения на практике тех вопросов, сомнений, недоумений, которые теперь, на досуге, тем более роятся, чем внимательнее и пристальнее всматривается отвлеченная мысль – покуда еще в мертвое, еще не одушевленное жизнью слово закона» [1, с. 677].

«Отвлеченная мысль» здесь – это мысль теоретическая или гипотетическая, которая требует проверки эффективности норм закона (точнее, законопроекта) на практике, в результате которой мертвое слово закона должно одушевиться жизнью и доказать целесообразность, эффективность и возможность широкого применения на практике новых социально-правовых норм (форм), показав в то же время – и это, наверное, главное! – слабые, проблемные места закона, требующие доработки, уточнения для лучшего соединения теории (т.е. норм закона, в нашем случае – норм судебных уставов) и практики (т.е. самой жизни, в нашем случае – на территории нескольких избранных для опыта губерний).

Еще один важный момент в осуществлении судебной реформы по мнению Аксакова – это ее постепенность. В течение года необходимо опробовать нормы судебных уставов на территории нескольких губерний, а затем в течение еще двух лет распространить полученный опыт (с учетом позитивных и негативных результатов) на остальные губернии страны. Вот как об этом пишет Аксаков: «<...> в течение года все остальные области России поучатся практике нового судопроизводства у тех пяти-шести губерний, где

оно будет предварительно применено к жизни, – поучатся, присмотрятся, и когда наступит черед этих областей, они приступят к реформе с большим знанием дела и практических способов введения, с возможностью избежать тех ошибок и недоразумений, которые могут быть и, вероятно, будут допущены губерниями – предшественницами в деле реформы» [1, с. 678].

Ход осуществления судебной реформы Аксаков излагает следующим образом: «Представим себе, что с такого-то числа входит в силу, в пяти-шести губерниях Московского округа, новое наше судебное законодательство. Внимание публики и всей журналистики, не развлеченное ни количеством, ни обширностью опытов, сосредоточивается на определенном и относительно тесном пространстве. Новизна, свежесть, важность интереса побуждают, а ограниченность местности дает возможность – следить пристально за всеми проявлениями, всеми видоизменениями и фазисами преобразования.

Гласность, приданная процессу водворения новых уставов, обнаружение малейших его подробностей благодаря деятельности корреспондентов, – все это сделает опыт нескольких губерний общим для всей России, – и конечно, ни одна затем из остальных губерний не пожелает стать, по отношению к преобразованию, ниже предложенного первоначального образца. <...> Нет сомнения, что лежащие около Москвы губернии, соединенные большею частью с ней железными дорогами, представляют для первых испытаний реформы наиболее удобств, – и то, что будет происходить в них, будет известно по всей России. Впрочем, где бы ни происходил первый опыт применения новых судебных порядков к делу, – если только этот опыт будет обнимать собою пространство, доступное наблюдению, он будет предметом всеобщего напряженного внимания, хотя бы даже для наблюдения представлялось и меньше удобств, чем в губерниях близ московских. <...>

Мы же убеждены, что менее чем в полгода, в какие-нибудь три-четыре месяца, уже окажутся на практике такие результаты, которые вынудят некоторые необходимые немедленные перемены в частностях или дадут практические указания на наилучший способ применения к жизни нового законодательства. Особенно ощутительными явятся эти данные в деле мировых судебных установлений, так как они всего ближе касаются жизни и захватывают область бытовых житейских отношений» [1, с. 678, 679, 680].

Предупреждает Аксаков и о необходимости живого единообразия в новых порядках суда, т.е. о единой государственной законности в ходе осуществления судебной реформы [см.: 1, с. 679]. Также он добавляет: «Самою счастливою губерниею будет последняя из всех, в которой водворится новый суд, и именно потому, что она будет иметь возможность воспользоваться практическим опытом всех прочих губерний. Если Самарской и Костромской губерниям было очень лестно явиться первыми в деле земского самоуправления, так, наверное, те губернии, в которых земские учреждения открыты были позднее, не менее довольны тем, что, наученные опытом Костромы и Самары, могли избежать их ошибок. Эти ошибки, по новости интере-

са, были усердно оглашены журналистикою по всей России, и едва ли можно предполагать, что какая-либо губерния назначила на будущее время своим земским чинам такое же жалованье, какое сгоряча, на первых порах, назначило Самарское земство» [1, с. 680].

По ходу статьи Аксаков выступает и в роли правоведа-компаративиста, подвергая критике отдельные положения французского суда присяжных, который лично наблюдал в 1857 году в ходе своего заграничного путешествия по Европе: «Нет сомнения, что на первых порах многие наши адвокаты и прокуроры постараются огласить залы судебных собраний громкими и пышными речами на манер французских и будут тешиться, в роде гоголевского Петрушки, не столько внутренним содержанием своего труда, сколько самим процессом говорения. На первое время вообще будет предноситься пред нашими деятелями идеал французских судов, как потому, что и в самых уставах многое, слишком многое заимствовано оттуда, так еще и потому, что те порядки известнее, – а еще более потому, что достижение этого французского идеала, красивого и блестящего – в сущности, несравненно легче, чем подражание простоте, серьезности и дельности английских судов. Многие юноши уже и теперь, в своем кругу, упражняются в *красноречии*, готовя себя в русские адвокаты; все это естественно и понятно; но мы уверены, что через несколько же месяцев такое ораторствование в деле суда испытает ту же участь, какую вообще испытывает у нас, в быстром ходе своего развития, все ложное, все напыщенное, пустое внутри, все стоящее на ходулях (во сколько оно может подлежать гласной критике): то есть – оно опошлится донельзя и будет осмеяно тем сильнее и язвительнее, чем более, на первых же порах, сосредоточит на себя общее внимание этот новый и свежий тип оратора-адвоката» [1, с. 681].

Завершает статью И.С. Аксаков следующим образом: «Да, мы полагаем, что один год практического испытания новых порядков суда в одном каком-либо округе будет служить благодетельным наставительным примером для всей остальной России, и чем скорее будет приступлено к этому первому опыту, тем лучше, тем полезнее для дела, тем скорее положится конец всем бесчисленным толкам, сомнениям и недоразумениям, порождаемым теперь ожиданием реформы. <...> Но так или иначе, а приступить к делу – время, кажется нам, неотложно приспело... Станем ждать» [1, с. 682].

При принятии Судебных уставов Государственный Совет высказался за распространение их на всю империю в течение 4 лет. В действительности же процесс затянулся до 1899 года, причем при введении Уставов во многих местностях были допущены существенные отклонения от их первоначальных идей. В целом становление новых судов встретилось со значительными трудностями. Новые принципы их деятельности – гласность, состязательность, несменяемость судей, их независимость (пусть относительная) от административных властей – не могла не вызвать подозрительности и проти-

водействия со стороны государственной бюрократии, что неизбежно предвещало наступление эпохи контрреформ.

Как и предполагал И.С. Аксаков, в апреле 1866 года были созданы два судебных округа – Петербургский и Московский: первые суды были открыты в Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Московской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской и Ярославской губерниях. А в 1868 году новая судебная система была распространена и на Харьковскую, Курскую, Орловскую, Воронежскую губернии и на Закавказский край.

В остальных регионах страны новые суды создавались постепенно и по частям, и к концу 1879 года распространились на 54 губернии и области. В царствование Александра III Судебные уставы были распространены еще на 13 губерний. В 1896 году новые суды были открыты в Архангельской губернии, а в 1897 году (с существенными изменениями) – в Сибири. В 1899 году, также с существенными отклонениями, Судебные уставы были введены в Средней Азии и в северной части Вологодской губернии, чем и был полностью завершён процесс распространения Судебных уставов 1864 года [подр. см.: 8].

Источники и литература

1. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? / сост., вступ. ст. В.Н. Грекова; подг. текста, примеч. В.Н. Грекова, Н.А. Смирновой. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 1008 с.

2. Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи вышедшие отдельно. Москва: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. VIII, 770 с.

3. Государствоведы, полицейисты и социально-политические мыслители России (сер. XVII – сер. XX века): Опыт библиографического словаря / Авт.-сост. С.В. Мотин. Уфа: УЮИ МВД России, 2006. 347 с.

4. Кашапов У.А., Мотин С.В., Хафизов Э.Д. Из истории становления и развития социально-правовой мысли в России. (Вторая половина XVIII – первая треть XX в.): учеб. пособие / М-во внутр. дел Рос. Федерации, Уфим. юрид. ин-т. Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2005. 262 с.

5. Мотин С.В. Использование экспериментального метода в социально-правовой сфере: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.01 – Теория права и государства; История права и государства; История политических и правовых учений / Науч. рук. проф. В.В. Лазарев; Академия управления МВД России. Москва, 1999. 21 с.

6. Мотин С.В. Экспериментология: история и теория экспериментального метода в естествознании и в социально-правовых исследованиях: монография / науч. ред. д.ю.н., проф., академик РАЕН В.В. Лазарев. Уфа: УЮИ МВД РФ, 1999. 225 с.

7. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. В 5 выпусках. Санкт-Петербург: Изд. Гос. канцелярии, 1866.

8. Судопроизводственная реформа Александра II // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Судебная_реформа_Александра_II (дата обращения 25.06.2022).

«Ответ иезуиту отцу Мартынову» в переписке И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина

См.: Мотин С.В. «Тут „День“ является пред лицом всего иезуитства как бы представителем православия...»: «Ответ иезуиту отцу Мартынову» в переписке И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 191–203.

Статья подготовлена на основе переписки И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина за 1864–1866 гг. – между собой и с другими адресатами: Н.П. Гиляровым-Платоновым, баронессой Э.Ф. Раден, П.Ф. Самариним, Н.С. Соханской, А.Ф. Тютчевой, княгиней Е.А. Черкасской. Уточнены некоторые важные обстоятельства подготовки первой публикации в 1865 г. в славянофильской газете «День» и первого книжного издания 1866 г. – капитального сочинения Самарина «Ответ Иезуиту отцу Мартынову» (в книжном варианте: «Иезуиты и их отношение к России»). Использованы фрагменты 18-ти опубликованных писем из личной переписки указанных корреспондентов и двух изданных публичных писем: И.М. Мартынова к Аксакову (1864) и И.С. Гагарина к Самарину (1866). Наиболее содержательное письмо – ответное послание Аксакова к Соханской от 12 сентября 1864 г., в котором славянофил-публицист выступает с подробными разъяснениями о соотношении церкви и государства на Западе и в России.

Вступление. В 1864 г. по Москве прошел слух о том, что правительство намеревается разрешить ордену Иезуитов возвратиться в Россию – информация поступала как из-за границы, так и опиралась на факт пребывания в Петербурге иезуита-проповедника. Этот слух стал поводом для славянофила и редактора газеты «День» Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) опубликовать 21 марта 1864 г. передовую статью на эту тему (при публикации озаглавленную: «По поводу слуха об учреждении иезуитской коллегии при католической церкви в Петербурге»).²³² В передовой Аксаков сравнивал иезуитов с шайкой шулеров и воров, а главная их вина, по мнению

²³² <Аксаков И.С.>. Москва 21 марта // День. 1864. 21 марта. № 12. С. 1–3; перепеч.: Аксаков И.С. Сочинения. Т. 7. М., 1887. С. 475–483.

автора, заключалась в том, что они подрывали нравственные основы христианства. В этом же номере газеты была напечатана и статья Петра Емельяновича Рощина «Водворение иезуитов в Польше»²³³, наконец, в номере от 4 апреля, в продолжение темы, была опубликована еще одна аксаковская передовая, получившая в собрании сочинений название: «По поводу слуха о водворении иезуитов в России».²³⁴

Слухи, однако, не подтвердились, и 2 мая (н. ст.) католический священник, иезуит из русских проживающий в Париже, Иван Михайлович Мартынов (1821–1894) написал Аксакову письмо в защиту своего ордена: «В 12-м номере издаваемой вами газеты “День” напечатана на первом месте статья о *иезуитах*. Я имею счастье принадлежать к их обществу, и, как член его, как Русский, особенно же как священник, не могу оставить этой статьи без ответа. / Суждения, изложенные в ней, до того не правдоподобны, обвинения, взводимые на нас, так ужасны, что молчание с нашей стороны было бы оправданием тех и других, и соблазном для католиков, живущих в России. <...> Я убежден, что вы не замедлите дать гласность моему ответу на страницах вашей газеты – благородство всей вашей литературной деятельности служит в том порукою».²³⁵

Эту просьбу Аксаков сразу исполнить не смог, именно поэтому в том же году отец Мартынов выпустил свое письмо в Париже отдельной брошюрой. А редактор «Дня» смог опубликовать его в рамках своей передовой статьи²³⁶ только спустя полтора года, 20 ноября 1865 г., одновременно с началом публикации ответного послания в пяти письмах – «Ответ Иезуиту отцу Мартынову», подготовленного славянофилом Юрием Федоровичем Самариным (1819–1876).²³⁷

В настоящей статье, на основе доступной переписки Аксакова и Самарина (между собой и с другими адресатами) за 1864–1866 гг., уточнены некоторые обстоятельства подготовки газетной публикации (1865) и первого книжного издания (1866) одного из важнейших самаринских трудов – «Ответ Иезуиту отцу Мартынову» (в книжном варианте: «Иезуиты и их отношение к России»).

1864 год. В недавно изданной переписке двух славянофилов²³⁸ письмо Мартынова впервые упоминается 17 (29) мая 1864 г. в письме Самарина из Венеции: «Любезный друг, сегодня получил я письмо от Чижова, в котором говорится и о тебе, по поводу письма Мартынова (иезуита). Я буду отвечать

²³³ День. 1864. 21 марта. № 12. С. 3–8.

²³⁴ Там же. 4 апреля. № 14. С. 1–4; перепеч.: Аксаков И.С. Сочинения. Т. 3. М., 1886. С. 230–237.

²³⁵ Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России: Письма к иезуиту Мартынову. 3-е изд. М.: Типография Грачева и к., 1870. С. 15, 26.

²³⁶ День. 1865. 20 ноября. № 45/46. С. 1061–1065.

²³⁷ Ответ иезуиту отцу Мартынову. Письмо I–V. Подп.: Юрий Самарин // День. 1865. 20 ноября – 18 декабря. № 45–52.

²³⁸ Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко, В.И. Шведов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 712, [16] с. ил. Далее все сноски на страницы этой книги размещены в тексте статьи в круглых скобках.

вам обоим зараз. <...> Катехизис иезуитов я постараюсь достать, но на что он тебе? Неужели ты задумываешь обстоятельное обличение иезуитов? Они только этого и желают, докажут неосновательность двух, трех взведенных на них обвинений и протрубят, что они оклеветаны. Иезуиты уличены и осуждены. Если тебе нужно освежить память, перечитай Ранке, XVII век.²³⁹ Что же касается до их проделок собственно с нами, то след их виден на всей истории Западной России; современная Польша – их детище; наконец, вспомни брошюру Гагарина,²⁴⁰ на которую отвечал Хомяков,²⁴¹ в которой Гагарин заподозривал нас всех, славянофилов, в революционных замыслах. Я удивляюсь только, как после этого иметь дерзость вызывать на полемику» (с. 180–181). Из этого отрывка становится понятно, что на момент написания письма Юрий Федорович вовсе и не собирался вступать в полемику с иезуитами, и что эту проблему Аксаков успел обсудить с еще одним славянофилом – Федором Васильевичем Чижовым (1811–1877), написавшим письмо Самарину. Также упомянуты: историк Леопольд фон Ранке (1795–1886), иезуит Иван Сергеевич Гагарин (1814–1882) и основоположник славянофильства Алексей Степанович Хомяков (1804–1860).

В ответном письме, 31 мая, Аксаков пишет из Москвы: «Я получил твое письмо третьего дня, любезный друг Самарин, и в тот же день показывал его Чижову. <...> Письмо Мартынова поставило меня в немалое затруднение. Отвечать его <так!> мог бы вполне удачно Хомяков, затем ты. Я просил Гилярова написать ответ, – по крайней мере, как материал для ответа, и он взялся, но, кажется, надувает. – Письмо мошенническое, но добросовестного мошенника, искренно верующего... <...> Он просит его напечатать, но без ответа напечатать нельзя. Надо, однако же, так отвечать, чтоб не втянуться в полемику. Вероятно, цензура не пропустит ничего, но в таком случае ответ должен быть ему послан письменно. Тут дело идет не обо мне лично и не о “Дне”... <...> тут “День” является пред лицом всего иезуитства как бы представителем православия, и это придает делу особенную важность, налагает тяжелую нравственную ответственность. Я хотел было посоветоваться, хотя бы и не лично, с Филаретом, но он болен» (с. 182, 186). По мнению Аксакова, без ответных возражений публикация письма Мартынова была невозможна. В этом случае лучшим ответчиком иезуитам, несомненно, был бы А.С. Хомяков, потом Ю.Ф. Самарин и близкий к славянофилам Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887). Именно к двум последним православ-

²³⁹ Трехтомный труд Л. фон Ранке «Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im sechzehnten und siebzehnten Jahrhundert» («Папы Римские, их Церковь и государство в XVI и XVII веках», 1834–1835).

²⁴⁰ Gagarin J. La Russie sera-t-elle catholique? («Станет ли Россия католической?») Paris, 1856). Брошюра переведена на русский язык И.М. Мартыновым и издана с измененным названием: О примирении русской церкви с римской / Соч. И. Гагарина; Пер. И. Мартынова, свящ. Братства Иисусова. Париж: А. Франк, 1858 (Ле Ман: в тип. Жюльена, Ланьера, Конарда). [4], II, 103 с.

²⁴¹ А.С. Хомяков отвечал Гагарину в брошюре: Encore quelques mots d'un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion de plusieurs publications religieuses, latines et protestantes. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1858. («Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу разных сочинений Латинских и Протестантских о предметах веры». Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1858).

ным мыслителям и обращается Аксаков за помощью. Упомянут митрополит Московский и Коломенский Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782/1783–1867).

В свою очередь, отец Мартынов, прождав несколько месяцев ответ Аксакова, опубликовал свое письмо в Париже в виде отдельной брошюры. В предисловии к ней он писал: «По первоначальному назначению оно (письмо. – С.М.) должно было явиться на страницах московской газеты “День”, издаваемой г. Аксаковым. Вот уже три месяца, как оно послано в Москву, а между тем почтенный редактор все еще хранит глубокое молчание... Гласные нападки требуют гласных возражений. Вот почему... помянутое письмо является в печати в Париже».²⁴²

19 августа Аксакову пишет близкая к славянофилам писательница Н.С. Соханская (псевд. Кохановская; 1823–1884): «Ольга Федоровна сказывала мне, в ответ на Вашу статью в “Дне” об Иезуитах, наши французские Иезуиты и, кажется, именно Мартынов написали Вам большое, горячее письмо, на которое отвечать есть дело чести Православия. Но по затруднениям нашей цензуры Вы ни отвечать, ни напечатать это письмо не могли доселе. Пришлите мне, пожалуйста, копию с письма и с Вашего ответа, если он написан. У нас об этом был разговор с Преосвященным Макарием, и ему очень хочется, да и мне давно хотелось узнать, что это такое».²⁴³ Упомянуты: супруга славянофила А.И. Кошелева – Ольга Федоровна Кошелева (урожд. Петрово-Соловова; 1816–1893) и архиепископ Харьковский Макарий (в миру Михаил Петрович Булгаков; 1816–1882).

Аксаков подробно ответил Соханской 12 сентября – с разъяснениями о соотношении церкви и государства на Западе и в России. В содержательном плане это, пожалуй, самое интересное письмо из всех имеющихся: «Исполняя Ваше приказание, посылаю Вам, многоуважаемая Надежда Степановна, копию с письма иезуита Мартынова. Подлинник писан церковно-славянским шрифтом, так как Мартынов имеет притязания на глубокие познания в церковной археологии. Он и в самом деле очень образованный человек, и думаю я – вполне искренний, убежденный адепт католицизма. Оно и не может быть иначе, потому что переход в латинство влечет у нас потери прав гражданских, а переход в орден иезуитов требует полнейшего самоотречения воли. <...> Самолюбие личное и все личные страсти перенесены у них на Орден. Идея же Ордена, его жизнь, его цель – есть страстное воплощение идеи Римской *духовной* вселенской государственности, есть уловление душ всеми средствами и всеми путями в подданничество Папе, в круг вселенского духовного единства. <...> Но в том-то и дело, что это единство, эта вселенскость понимается в Латинской церкви *внешним*, юридическим образом, что

²⁴² Письмо о. Мартынова к г. Аксакову в ответ на статью о иезуитах, помещенную в 12 № газеты «День». Издание Кирилло-Мефодиевского Общества, Париж: 1864. С. I–II.

²⁴³ Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884) / ИРЛИ РАН; Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 234.

Латинская церковь носит не себе тип Государства с централизацией в Риме и что элемент внешней правды, государственный и юридический, внесен ею в область духовную. <...> Письмо это поставило меня в затруднительное положение. Отвечать ему публично я бы мог только тогда, когда бы имел полное право не только признать справедливость некоторых его упреков, делаемых Русской церкви (т.е. ее внешнему, временному, официальному представительству), но еще *усилить* их, когда бы я мог отделить ярко истину Православной церкви как идеи от ее земного современного выражения в Синоде и духовенстве! Я не могу не сознаться, что в настоящее время Церковь наша состоит в холопском отношении к Государству, что она прониклась духом казенщины, что наши архиереи – духовные генералы, что никто так не сеет подлость полными пригоршнями по Русской земле, как архиереи и попы, что церковь, одним словом, у нас есть только одна из функций *Государственного* организма. Развивать эту мысль не дозволяет цензура. Что же касается до других сторон этого письма, то, конечно, мерзость иезуитизма не включена в параграфы его устава, предназначенного для публичного употребления; всевозможные факты они называют клеветой, и трудно истолковать им, что принцип – “всякая цель оправдывает средства”, есть логическое последствие принципа светской власти Папы и вообще идеи Папы как земного царя неземного царства! Это письмо есть ловушка затянуть в полемику: они хорошо знают, что в официальной полемике мы будем слабы, а частная полемика будет стеснена в своем выражении. – Впрочем, так как я не специалист-богослов, то я поручил было составить ответ бывшему профессору Троицкой духовной академии Гилярову, он и взялся, но ничего до сих пор не сделал, так что письмо осталось без ответа и до сих пор». ²⁴⁴ В связи с этим, Н.П. Гиляров-Платонов в конце жизни, 2 ноября 1886 г., в письме к публицисту И.Ф. Романову-Рцы (1858–1913) упоминал: «Ю.Ф. Самарин, славивший предо мной оружие, умолявший писать “Иезуитов” и только после моего решительного отказа взявшийся писать (и написавший монографию, по глубине и ясности не имеющую подобия) <...>». ²⁴⁵

1865 год. Следующее письмо было отправлено Самариним уже в 1865 г. – 19 мая он сообщает княгине Екатерине Алексеевне Черкасской (урожд. Васильчикова; 1825–1888): «...я взялся отвечать иезуиту Мартынову и, против чаяния, здесь, в Москве, открыл обильный запас материалов и втянулся в эту работу по уши. Знаю я, что этот предмет вовсе не имеет интереса современности и не займет публики, но во мне самом проснулась старая охота к исследованию отвлеченной мысли...». ²⁴⁶ Таким образом, весной 1865 г. Самарин приступает к работе над ответом о. Мартынову.

²⁴⁴ Там же. С. 235–236.

²⁴⁵ «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н.П. Гилярова-Платонова к И.Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.П. Дмитриева // Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Коломен. гос. пед. ин-т; отв. ред. В.А. Викторovich. Коломна, 2007. С. 248.

²⁴⁶ Самарин Ю.Ф. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3: Русское самосознание / Редкол.: А.Н. Николкин [и др.]; Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам. СПб.: Росток, 2016. С. 538.

2 июня он пишет брату Петру Федоровичу Самарину (1829–1892): «Взявшись отвечать иезуиту Мартынову на письмо его к Аксакову, я надеялся отделаться статейкою, чтоб только не подать повода думать, что мы уклоняемся от вызова, вместо этого совершенно неожиданно открылись в Москве редкие и драгоценные материялы, которыми нельзя было не воспользоваться; именно в последнее время, с разных сторон я получил несколько любопытных книг; надобно было всё это прочесть в короткое время и возвратить. Таким образом, статейка разрослась в ряд статей, и я, незаметно, втянулся в работу, которая займет, вероятно, половину лета. Теперь я и сам этому не рад, а уж бросить не хочется» (с. 487–488).

9 августа Самарин из родового имения Васильевское Самарской губернии извещает Аксакова: «Письмо твое, с выговором за леность и безучастие, я получил вчера, а третьего дня отправлено было в типографию Бахметева, через московского моего поверенного, второе письмо о иезуитах, для набора. <...> Если тебе это непременно нужно, ты можешь в первом же № объявить, что поместишь вскоре письмо Мартынова и ряд ответов. Первое письмо я могу доставить к концу августа или в начале сентября, а потом уже они пойдут без перерыва, номеров на пять. Мое мнение – печатать всё это в виде приложений. <...> ...ускорь печатание второго письма и заставь Гилярова прочесть его в корректуре; я уж распорядился, чтобы к нему посылали. Мне его замечания нужны» (с. 215–216). Упомянут Петр Владимирович Бахметев (1818–1896). Из письма становится понятно, что сначала Самариним было написано и отправлено Аксакову второе письмо. Кроме того, Самарин требует, чтобы к работе подключился Гиляров-Платонов и пишет ему письмо.

Гиляров отвечает Самарину 16 августа: «Душевно благодарю Вас, любезнейший Юрий Федорович, за Ваше письмо. Воспоминание о Вас и представление о Вашем труде несколько оживило меня... <...> Нет нужды говорить, что поручение Ваше я исполню с великим удовольствием, и с нетерпением ожидаю времени, когда статья Ваша будет получена здесь»²⁴⁷. То есть Гиляров готов к сотрудничеству с Самариним.

17 августа из Васильевского Самарин информирует Аксакова: «Любезный друг, посылаю тебе: во-первых, письмо Мартынова; во-вторых, мое, первое, уродливо длинное. Оно до крайности неопрятно, неразборчиво и, может быть, чересчур обременено цитатами. <...> По моему мнению, *необходимо* письмо Мартынова напечатать *церковно-славянским* шрифтом; это придаст делу особый колорит, и я намерен, в третьем письме, сказать несколько слов об этом. <...> Необходимо мне также самому продержать корректуру, притом *как первого, так и второго письма вместе*, потому что в них есть, мне кажется, повторение... <...> Будет еще одно письмо, может быть, даже два, небольших, и род послесловия. <...> Вместе с корректурами первых двух писем необходимо доставить мне, не говоря уже о подлиннике,

²⁴⁷ Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов / ИРЛИ РАН; Отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: ООО «Родник», 2018. С. 406.

твою передовую статью о иезуитах, вызвавшего Мартынова на переписку. <...> Теперь все зависит от тебя; ускорь печатание и присылку, потребуй от Гилярова, чтоб он доставил замечания. Я недолго задержу корректуру. <...> Ты, вероятно, предпошлешь несколько слов от редакции. Нельзя ли тебе будет объяснить, отчего мы выводим против Мартынова такую тяжелую артиллерию, которой он как противник не стоит» (с. 216–217). Итак, Самарин вслед за вторым отсылает свое первое письмо и намечает подготовить еще три.

29 августа Аксаков извещает друга о возникших проблемах с набором самаринских писем: «Любезный друг не писал тебе, в ожидании корректуры, которую хотелось послать к тебе поскорее, но вышло иначе. Я предлагал тебе набрать твоё *второе* письмо *летом*, когда типография и шрифт свободны, но ты прислал его тогда, когда у типографии началась удвоенная работа. Я выдаю теперь по два номера в неделю... <...> Мне, впрочем, нужно не второе, а первое письмо, которого я до сих пор не получил. <...> Если какое письмо слишком велико, пушу двойной №» (с. 217). В этом письме у Аксакова появляется идея двойных номеров газеты для больших писем Самарина.

Через четыре дня, 2 сентября, Аксаков вновь сообщает Самарину: «Любезный друг, спешу тебя уведомить, что я получил и 1-ое, и 3-ие письмо. Я отдал набирать 1-ое письмо в другую типографию, где нашел тот же шрифт, а 2-ое обещают набрать всё у Бахметева. Обещают в конце будущей недели набрать всё (наверное, однако, нельзя рассчитывать), и тогда, согласно твоему желанию, пошлю тебе обе корректуры. Только не задержи, а всего лучше – приезжай с ними сам. Гилярову экземпляр корректуры доставлю. Посылаю тебе книжечку, изданную в Париже, где ты найдешь выписки из моей статьи об иезуитах. Впрочем, 12 № 1864 г., верно, имеется у Вас в деревне – у Дмитрия Федоровича» (с. 218–219). Упомянут младший брат Ю.Ф. Самарина – Д.Ф. Самарин (1827–1901), общественный деятель и писатель.

12 сентября Самарин отвечает Аксакову: «Любезный друг, вчера вечером получил я два письма твоих от 29 августа и 2 сентября с приложением письма Мартынова, парижского издания. <...> Поганых иезуитов я кончил *совсем*. <...> В IV письме вышло 45 страниц, в V и последнем – 27. Не посылаю тебе ни того, ни другого, потому что теперь тебе не нужно; мне же можно будет окончательно их исправить, как только я получу корректуры трех первых. Тогда, вместе с исправленными корректурами, я доставлю тебе и IV и V письма и можно будет печатать их, не присылая сюда корректур. / Мне все-таки нужно то письмо Мартынова, которое ты получил от него; в печатном, парижском, есть разница против текста» (с. 220–221). Итак, к 12 сентября Самарин завершает основную работу по написанию писем к иезуиту Мартынову.

В письме от 16–20 сентября Аксаков сообщает Самарину: «Посылаю тебе корректуру твоего второго письма. Первое набирается в другой типографии и еще не готово» (с. 222).

4 октября Аксаков в письме княгине Е.А. Черкасской замечает: «Письма Самарина к иезуитам – капитальный, добросовестный труд, но едва ли удобоваримый для желудка публики» (с. 527). Конечно, такое историко-теоретическое сочинение весьма нехарактерно для еженедельника, но, заметим, – не для аксаковской газеты.

11 октября Аксаков с тревогой пишет Самарину: «Корректурa и 1-го письма к тебе послана, и для выигрыша времени – по легкой почте. Сделай милость, не задержи: типографии обе – особенно чужая – бунтуют, и действительно – они обе бездействуют оттого, что шрифт лежит заколоченный в гранках твоей статьи уже столько времени! – Дороги становятся всё хуже и хуже, почты опаздывают, пересылка корректур становится неудобною. Когда же ты будешь? <...> Писем без тебя печатать нельзя. Корректурь отвратительны. Возвращая 1-ое письмо, пришли и письмо Мартынова, – а лучше привези его сам» (с. 226).

15 октября Самарин отвечает Аксакову: «Любезный друг, вчера вечером, вернувшись из Самары, я нашел у себя дома твое письмо в конверте с корректурой моей статьи. <...> Я теперь примусь серьезно за Хомякова; может быть, эта работа подготовит и наведет меня на другой, серьезный труд о церковном вопросе, которого хватит за глаза на всю жизнь мою. <...> Хотя, по многим причинам, для меня крайне неудобно устанавливать окончательно редакцию II письма о иезуитах, не имея перед глазами I-го и III-го, однако, чтоб не задерживать тебя, я этим займусь немедленно и пришлю тебе корректуру на будущей неделе. Но где же обещанные замечания Гилярова? Неужели он и в этом случае поленился и не сдержал обещания? А мне его совет нужен, почти необходим» (с. 227, 228). И опять Самарин через Аксакова обращается за помощью к Гилярову-Платонову.

Через несколько дней, 20 октября, Самарин информирует Аксакова: «Посылаю тебе, любезный друг, продержанную мною, исправленную и значительно пополненную корректуру II-го письма. При твоих обстоятельствах грех на тебя пенять, но типография твоя *подлец!* Такой небрежной и отвратительной корректурь, такого гадкого шрифта я не видывал. Предчувствую, что подлещи всё перепутают, особенно *вставки* и *примечания*. <...> Всего бы лучше было отложить до моего приезда; я бы мог в Москве продержать еще корректуру. Думаю выехать отсюда через неделю и быть в Москве в начале ноября... <...> Если тебе неудобно до этого времени отложить печатание, то я тебя не стесняю, но в таком случае попросил бы поручить продержать корректуру кому-нибудь из надежных и знающих латинский язык. Всего бы лучше было Гилярову. Его бы я мог уполномочить даже на поправки; но ведь на него нельзя положиться. – Делай как знаешь. <...> Имей в виду, что кроме тех 3-х писем об иезуитах, которые к тебе уже посланы, у меня совершенно готовы еще два; одно длинное: Иезуиты в России, и одно короткое – заключительное» (с. 229, 230). То есть к 20 октября Самарин, на основе полученной корректурь, значительно дорабатывает второе письмо.

И, наконец, 27 октября Самарин отсылает Аксакову из Васильевского последнее письмо, связанное с ответом отцу Мартынову: «Всё теперь считано, исправлено, значительно дополнено. Первое письмо готово. Кажется, что все вставки и дополнения я расположил понятным манером, под знаками, с нужными ссылками и т.д. Но наборщики так небрежны и глупы, корректуры так отвратительны, поправок столько и к тому же в статье так много примечаний, что, вероятно, произойдет ужасная путаница. Пожалуйста, постарайся предупредить это и позаботиться о возможной исправности. <...> Думаю отправиться в Москву дней через пять, но поневоле поеду медленно. Дружески тебя обнимаю. Не сердись и позаботься о моих иезуитах. Чёрт меня дернул положить на них много труда; не хотелось бы видеть их в неопрятном виде» (с. 230, 231).

Самарин, приехав в Москву, вероятно, успел просмотреть корректуры всех своих писем, направляемых в печать. И вот, наконец, с 20 ноября по 18 декабря 1865 г. в пяти номерах газеты «День» (три из которых были сдвоенными) был опубликован ответ иезуиту отцу Мартынову.²⁴⁸

8 декабря, уже из Москвы, Самарин сообщает княгине Е.А. Черкасской: «Позвольте послать вам в январе несколько экземпляров моих писем о иезуитах и попросить вас раздать их охотникам до скучного чтения, буде таковые найдутся. Несколько экземпляров я хотел бы также передать в Вену М.Ф. Раевскому».²⁴⁹ Упомянут протоиерей Михаил Федорович Раевский (1811–1884), настоятель русской посольской церкви в Вене (1842–1884) и писатель славянофильского направления.

9 декабря Аксаков спрашивает свою невесту Анну Федоровну Тютчеву (1829–1889): «Читаешь ли ты письма Самарина об иезуитах? Что это за мастерская вещь! Какое владение собою, какое хозяйство своим дарованием, какая архитектура в построении статьи, какая точность и меткость выражений. Производят ли какое-нибудь действие они там в Петербурге? В 4 письме, которое напечатано в завтрашнем №, очень хороша характеристика эпохи Павла и Александра, но некоторые выражения о Павле могут подать повод Щербинину к придирам».²⁵⁰ Упомянут Михаил Павлович Щербинин (1807–1881), в 1865–1866 гг. начальник Главного управления по делам печати.

12 декабря Самарин извещал фрейлину великой княгини Елены Павловны баронессу Эдиту Федоровну Раден (1823–1885): «Во время моего отъезда из Самары я поручил одному из своих друзей доставить вам два экземпляра моей брошюры об иезуитах. Позвольте, мадемуазель, предложить одну из них вам, а другую позвольте просить вас поместить в библиотеку Е<е> И<мператорского> Выс<очества> Великой Княгини».²⁵¹ Возможно, речь

²⁴⁸ Ответ иезуиту отцу Мартынову. Письмо I–V. Подп.: *Юрий Самарин // День*. 1865. 20 ноября. № 45/46. С. 1065–1087; 27 ноября. № 47/48. С. 1112–1137; 4 декабря. № 49. С. 1161–1167; 11 декабря. № 50/51. С. 1185–1199; 18 декабря. № 52. С. 1233–1238.

²⁴⁹ *Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 3: Русское самосознание. С. 541.

²⁵⁰ *Тесля А.А. «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова*. СПб.: «Владимир Даль», 2015. С. 241.

²⁵¹ *Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 3: Русское самосознание. С. 607–608.

идет об оттисках первых трех писем из газеты «День», опубликованных в виде отдельной брошюры в типографии П.В. Бахметева.²⁵²

1866 год. В Российской национальной библиотеке (РНБ) сохранилось письмо, написанное иезуитом Гагариным Самарину 18 (30) января 1866 г. из Парижа.²⁵³ Прочитируем начало и окончание этого письма: «В пяти письмах Ваших, напечатанных в журнале “День”, Вы нападаете на всех иезуитов вообще и на меня в особенности. Как Вы обратились к о. Мартынову, то я ему и предоставляю честь защитить невинных жертв клеветы, которой Вы слишком легко поверили. Что же касается до меня, Вы, вероятно, ожидаете от меня ответа. Да будет по Вашему желанию. <...> P.S. После жестоких нападений, сделанных Вами на меня в журнале “День”, я убежден, что Вы не отказались бы напечатать мое оправдание в том же журнале. По слухам, дошедшим до меня, “День” прекратил свое существование и более издаваться не будет. Это обстоятельство наносит мне положительный вред, лишая меня возможности оправдаться перед тою публикою, которая читала нападения на меня. Но я надеюсь, что другие русские газеты не откажутся напечатать на своих столбцах мое письмо».²⁵⁴ Информацией о том, что это письмо было в то время напечатано в русских газетах, мы не располагаем.

19 февраля Самарин извещает княгиню Е.А. Черкасскую: «Во-первых, Петр Иванович Бартенев издает мои письма отдельною брошюрою²⁵⁵ и надеется на хорошую выручку; во-вторых, они переводятся на болгарский язык и на *арабский* для Сирии. Этой последней чести удостоивается второй русский писатель. Первый из них – известная вам писательница А.Н. Бахметева. Как только выйдет моя брошюра (вероятно, к празднику), я вам пришлю несколько экземпляров».²⁵⁶ Упомянуты: Петр Иванович Бартенев (1829–1912), историк, литературовед, издатель-редактор журнала «Русский архив» и Александра Николаевна Бахметева (урожд. Ховрина; 1823–1901), писательница. Состоялась ли публикация самаринских писем на болгарском и арабском языках, к сожалению, нам не известно.

21 марта Самарин сообщает баронессе Э.Ф. Раден: «По почину одного из моих друзей, недавно появилось новое издание моих писем об иезуитах. Поскольку первое изобилует ошибками, я надеюсь, что окажете любезность и позволите заменить те два экземпляра, что я вам отправил, таким же количеством новых, более приличных, по крайней мере на вид» (с. 610).²⁵⁷ В этом

²⁵² <Самарин Ю.Ф.> Ответ иезуиту отцу Мартынову. Письма 1–3. М., 1865. 60 (28, 26, 6) с. Этот «Ответ» доступен для просмотра на сайтах РГБ и РНБ.

²⁵³ Письмо о. Гагарина, священника Общества Иисусова, Юрию Федоровичу Самарину (В ответ на письма, напечатанные в журнале «День»). <Париж: Б. и., 1866>. 11 с. Без тит. л. и обл. Написано от руки. Литогр.

²⁵⁴ Письмо отца Гагарина, священника Общества Иисусова, Юрию Федоровичу Самарину в ответ на письма, напечатанные в журнале «День» // Символ. № 7. Июнь. Париж, 1982. С. 182, 189.

²⁵⁵ Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России: Письма к иезуиту Мартынову. М.: Рус. архив, 1866. 304 с.

²⁵⁶ Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Русское самосознание. С. 543.

²⁵⁷ Там же. С. 610.

письме Самарин признается в том, что газетная публикация его писем содержит много ошибок.

В течение нескольких лет труд «Иезуиты и их отношение к России» вышел в свет еще двумя изданиями,²⁵⁸ в 1887 г. – был опубликован в составе VI тома сочинений Самарина,²⁵⁹ в 1914 г. в Сергиевом Посаде увидела свет сокращенная версия книги.²⁶⁰ В 1867 г. «Иезуиты» появились также во французском и польском переводах.

Итоги. Итак, получив в качестве реакции на свою статью (о возможном возвращении Ордена иезуитов в Россию) письмо от иезуита отца И.М. Мартынова, И.С. Аксаков принимает решение опубликовать его в своей газете «День» одновременно с ответным посланием-опровержением. Сам Аксаков в роли ответчика выступить не решается («так как я не специалист-богослов»), а потому обращается за помощью к своим ближайшим соратникам – Н.П. Гилярову-Платонову и Ю.Ф. Самарину. В это время, не дождавшись публикации своего письма в газете «День», Мартынов издает его в виде брошюры в Париже. Гиляров писать ответ о. Мартынову решительно отказывается. Тогда, «чтоб только не подать повода думать, что мы уклоняемся от вызова», за дело весной 1865 г. берется Самарин. Сначала он думал «отделаться статейкою», однако статья в итоге разрослась до пяти пространных писем-статей. Над «Ответом» Самарин трудится в своем родовом имении Васильевское Самарской губернии. Аксаков в это время находится в Москве, где продолжает и к концу года завершает четырехлетнее издание своей газеты «День». Между славянофилами завязывается переписка, в которой получают отражение и проблемы подготовки к печати «Ответа Иезуиту отцу Мартынову». К 12 сентября Самарин завершает все пять задуманных им писем. Сначала, 9 августа, Самарин отправляет Аксакову для набора 2-е письмо, затем 17 августа – 1-е письмо. 2 сентября Аксаков сообщает Самарину, что получил 1-е и 3-е письма; также обещает в конце будущей недели (т.е. к 12 сентября) набрать два первых письма и корректуры отправить ему и Гилярову. Однако только 20 сентября Аксаков отправляет Самарину корректуру 2-го письма, а 11 октября – и корректуру 1-го письма. Самарин, в свою очередь, 15 октября требует от Аксакова обещанные замечания Гилярова и 20 октября высылает «исправленную и значительно пополненную корректуру II-го письма». Наконец, к 27 октября готово и 1-е письмо. 1 ноября Самарин собирается выехать в Москву. Вероятно, прибыв в Москву, он успел просмотреть корректуры своих писем, направляемых в печать. В Российских государственной и национальной библиотеках сохранились отиски первых трех самаринских писем, изданных в виде отдельной брошюры. Возможно, именно такие от-

²⁵⁸ Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России: Письма к иезуиту Мартынову. 2-е изд., доп.: М.: Рус. архив, 1868. 480 с.; 3-е изд.: М.: Рус. архив, 1870. 510 с.

²⁵⁹ Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. VI: Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1887. С. 1–326.

²⁶⁰ Иезуитизм и иезуиты: [По Ю.Ф. Самарину]. Сергиев Посад: тип. Н. Иванова, 1914. 140 с. (Религиозно-философская библиотека; Вып. 36).

тиски Самарин отправил княгине Е.А. Черкасской и баронессе Э.Ф. Розен. В ноябре и декабре 1865 г. пять писем Самарина иезуиту отцу Мартынову опубликованы в газете «День». В Российской национальной библиотеке также сохранилось литографированное письмо на 11 страницах, написанное иезуитом Гагариным Самарину 18 (30) января 1866 г. из Парижа, которое было в 1982 г. опубликовано в парижском журнале «Символ». Наконец, в феврале и марте 1866 г. Самарин информирует своих адресатов о том, что по инициативе П.И. Бартенева выходит «новое издание моих писем об иезуитах».

Источники и литература

Гагарин И.С. О примирении Русской Церкви с Римской / Пер. И. Мартынова, свящ. Братства Иисусова. Париж: А. Франк, 1858 (Ле Ман: в тип. Жюльена, Ланьера, Конарда). [4], II, 103 с.

Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов / ИРЛИ РАН; Отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: ООО «Родник», 2018. 912 с.

Иезуитизм и иезуиты: [По Ю.Ф. Самарину]. Сергиев Посад: тип. Н. Иванова, 1914. 140 с. (Религиозно-философская библиотека; Вып. 36).

«Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н.П. Гилярова-Платонова к И.Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.П. Дмитриева // Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов / Коломен. гос. пед. ин-т; отв. ред. В.А. Викторovich. Коломна, 2007. С. 209–342.

Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко, В.И. Шведов; вступ. ст. Т.Ф. Пирожковой <с. 5–44>; подг. текстов Т.Ф. Пирожковой и О.Л. Фетисенко; примеч. Т.Ф. Пирожковой и В.Ю. Шведова <с. 337–649>. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 712, [16] с. ил.

Письмо отца Гагарина, священника Общества Иисусова, Юрию Федоровичу Самарину в ответ на письма, напечатанные в журнале «День» // Символ. № 7. Июнь. Париж, 1982. С. 182–189.

Письмо о. Мартынова к г. Аксакову в ответ на статью о иезуитах, помещенную в 12 № газ. «День» [Предисловие, с. 3–6; письмо о. Мартынова, с. 7–33; Извлечение из 12 № газеты «День» за 1864 год. I. Из передовой статьи, с. 34–43; II. Из статьи «Славянство – православие» г. Беллюстина, с. 43–50]. Париж: Кирило-Мефодиев. о-во, 1864. [1], 50 с.

Ранке Л. фон. Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях: в 3 т. Пер. с нем. Берлин, 1834. [Кн. 1–8]. СПб.: тип. И. Глазунова и К°, 1842–1847. [6], 480; [8], 360; [6], 433 с.

Самарин Ю.Ф. Ответ иезуиту отцу Мартынову. Письма 1–3. М.: тип. Бахметева, 1865. 60 (28, 26, 6) с.

Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России: Письма к иезуиту Мартынову. М.: Рус. архив, 1866. 304 с.; 2-е изд., доп.: М.: Рус. архив, 1868. 480 с.; 3-е изд.: М.: Рус. архив, 1870. 510 с.

Самарин Ю.Ф. Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. VI: Иезуиты и статьи богословско-философского содержания / Издание Д. Самарина. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1887. 577 с.

Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Русское самосознание / Редкол.: А.Н. Николукин [и др.]; Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам. СПб.: Росток, 2016. 927 с.

Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884) / ИРЛИ РАН; Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. 600 с.: [8] с. ил.

Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 800 с.

Хомяков А.С. Еще несколько слов православного Христианина о западных вероисповеданиях по поводу разных сочинений Латинских и Протестантских о предметах веры. 1858 // Полное собрание сочинений А.С. Хомякова: [в 4 т.] Т. 2. Сочинения богословские / Изд. под ред. [и с предисл.] Ю. Самарина. Прага: тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1867. С. 146–221.

«Славянский вопрос» в передовых статьях газет «Москва» и «Москвич»

См.: Мотин С.В. «Славянский вопрос» в передовых статьях газет «Москва» и «Москвич» 1867–1868 годов (К выходу в свет первого тома нового Собрания сочинений И.С. Аксакова) // Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / ИРЛИ РАН; СПбИИ РАН; Союз писателей Санкт-Петербурга; Ред.-сост. А.П. Дмитриев и П.С. Глушаков. СПб.: Издательство «Росток», 2016. С. 616–622.

«1867 год составляет эпоху в истории славянского мира. Над племенным эгоизмом, над индивидуальным народным сознанием каждого славянского племени возобладало сознание всеславянства, и сознание это явилось уже не отвлеченной, а живою, реальною силою <...>»

(И.С. Аксаков; 1, 224)²⁶¹

В 2015 году вышли из печати две книги первого тома нового 12-томного Собрания сочинений выдающегося русского мыслителя, общественного деятеля, публициста-славянофила, поэта, правоведа, редактора-издателя, литературного критика, одного из вождей славянофильства и основоположников национально ориентированной идеологии Ивана Сергеевича Аксакова²⁶².

²⁶¹ Здесь и далее таким образом даются ссылки на рецензируемое издание (вых. дан. см. в следующей сноске): первая цифра обозначает полutom (книгу), вторая – страницу.

²⁶² Аксаков И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос / Изд. подг. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2015. Кн. 1. 639 с.; Кн. 2. 768 с., ил.

Это второе Собрание сочинений И.С. Аксакова. Вдохновителями издания выступили видный специалист по истории русской литературы и общественной мысли Б.Ф. Егоров и директор издательства «Росток» Л.И. Чикарова (1, 498), а уважаемый Борис Федорович, возглавивший, кроме того, редакционную коллегию, выступил и в качестве ответственного редактора первого тома.

Как известно, первое, посмертное Собрание сочинений Ивана Сергеевича в семи томах было издано в 1886–1887 годах его вдовой Анной Федоровной, старшей дочерью Ф.И. Тютчева. В 1891–1903 гг. были без изменений переизданы II, III и IV тома. Прошло без малого 130 лет со времени издания первого Собрания сочинений И.С. Аксакова, и вот мы дождалась начала выхода нового собрания сочинений классика славянофильской мысли. В этой связи важно отметить, что Иван-Аксаковедение²⁶³ в настоящее время, несомненно, находится на подъеме²⁶⁴.

Как и в дореволюционных Сочинениях, все материалы нового Собрания будут сгруппированы по тематическому признаку. Во вступительной статье уточняется: «Эту разбивку по томам мы оставляем, сохраняя в основном и состав томов (как известно, он был согласован с вдовой писателя, А.Ф. Аксаковой), т.е. воспроизводим все материалы, включенные в них составителями, однако при этом добавляем целый ряд произведений, оставшихся вне их поля зрения» (1, 8).

Перечислим названия томов посмертного издания, указывая в скобках годы их издания и переиздания: Том I – «Славянский вопрос» (1886). Том II – «Славянофильство и западничество» (1886, 2-е изд.: 1891). Том III – «Польский вопрос и западнорусское дело. Еврейский вопрос» (1886, 2-е изд.: 1900). Том IV – «Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание» (1886, 2-е изд.: 1903). Том V – «Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях» (1887, обл.: 1886). Том VI – «Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам²⁶⁵» (1887, обл.: 1886). Том VII – «Общеввропейская политика. Статьи разного содержания и некоторые не бывшие в печати» (1886, обл.: 1887).

²⁶³ Термин наш. Иван-Аксаковедение – часть аксаковедения, в центре внимания которой жизнь и труды третьего сына Сергея Тимофеевича Аксакова – Ивана Сергеевича.

²⁶⁴ Только за последние два года вышло несколько изданий, связанных с жизнью и творчеством И.С. Аксакова: Московский сборник: [т. 1, 2] / Сост., подг. текста, прим., статья, подбор иллюстраций В.Н. Грекова. СПб.: Наука, 2014. 1307, [5] с., [17 л.] ил. (Лит. памятники); Иван Аксаков в воспоминаниях современников / Сост., предисл. и комм. Г.Н. Лебедевой. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 544 с.; Иван Сергеевич Аксаков: Библиогр. указатель (1836–2014) / Сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; сост. фотоприложения Г.О. Иванова; вступ. ст. С.В. Мотина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.: 8 л. ил.; *Порох В.И.* И.С. Аксаков в борьбе за свободу слова и печати. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юридическая акад.», 2014. 177, [2] с.; *Тесля А.А.* «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 800 с.; Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 6: В 2 ч. 1880–1886: Редактор-издатель газеты «Русь» / Сост. С.В. Мотин. Уфа: УЮИ МВД России, 2015. 301, 302 с.

²⁶⁵ В этом 6-м томе, впервые с 1858 года, должен быть полностью опубликован статистический труд И.С. Аксакова «Украинские ярмарки».

Таким образом, из 12 томов нового Собрания «первые семь томов представят в возможно более полном объеме публицистическое наследие Аксакова, включая не только оригинальные его статьи и речи, но и, например, многочисленные подстрочные примечания к материалам авторов, опубликованных в его изданиях. В приложениях к томам помещаются наиболее важные материалы по теме, не вошедшие в состав посмертного издания: дневниковые и творческие записи, речи, адреса, фрагменты двусторонней эпистолярной и др.» (1, 8–9).

Том VIII Собрания сочинений – «Художественные произведения. Литературная критика» – объединит стихотворения, поэмы, пьесу и литературно-критические статьи²⁶⁶ писателя, не вошедшие в предыдущие тома. Последние четыре тома (IX–XII) составят избранные аксаковские письма. Также в качестве приложения к настоящему изданию намечено осуществить роспись статей издававшихся Аксаковым газет – полную для еженедельников «Парус», «День» и «Русь» и выборочную для ежедневных «Москвы» и «Москвича».

В первый том вошли произведения по стержневым проблемам славянофильского движения – славянской общности, роли России в мире как православно-славянской державы и ее жертвенного служения братьям по крови и вере. За единичными исключениями, ни одно из этих произведений не переиздавалось после 1886 г.; многие не вошли в посмертное Собрание сочинений 1886–1887 гг. и впервые собраны со столбцов знаменитых газет Аксакова «День», «Москва», «Москвич» и «Русь» (1, 497).

Составитель А.П. Дмитриев обращает внимание на следующую весьма важную особенность первого Собрания сочинений И.С. Аксакова: «При публикации не озаглавленных Аксаковым произведений (прежде всего передовых газетных статей), начиная со второго тома, составители давали им свои названия, которые со временем закрепились в читательском сознании и уже сегодня воспринимаются как традиционные и зачастую – словно бы принадлежащие самому писателю. Эти заголовки <...> выявляют основную идею или тему статьи, сформулированную, как правило, словами самого Аксакова. <...> При подготовке в 1886 г. первого тома составители еще не придерживались упомянутой традиции и статьи ими не озаглавливались. Поэтому в настоящем издании эта непоследовательность была поправлена нами. Все названия составлены путем цитирования отдельных, наиболее значимых выражений самого Аксакова и заключены в угловые скобки < >» (1, 9–10).

В первой книге первого тома «Славянский вопрос» опубликованы 50 произведений из газет «Москва» и «Москвич», подавляющее большинство из которых являются передовыми статьями (1, 127–292²⁶⁷, 541–573 (комм.)). Из них 27 в собрании сочинений публикуются впервые. Разделим вышеназван-

²⁶⁶ В том числе и самый известный литературно-критический труд И.С. Аксакова, посвященный биографии и творчеству Ф.И. Тютчева.

²⁶⁷ Крайние даты первых газетных публикаций: 4 янв. 1867 г. – 26 авг. 1868 г.

ные статьи по темам, создав тематическую классификацию передовых статей Аксакова. В итоге выявляются 12 тем²⁶⁸:

1) *о Славянском съезде 1867 г.*²⁶⁹: «<Подготовка Этнографической выставки в Москве и обустройство на ней Славянского отдела>» (146–148; 25.01.67), «<Славянский съезд на Этнографической выставке обновит духовный братский союз>» (169–170; 28.03.67), «<Итоги съезда – успехи славянского самосознания и подъем славянской мысли и воли>» (171–173; 01.07.67), *«<Славянство стоит, поколе стоит Россия>» (174–176; 07.07.67), *«<Инсинуации профессора Д. И. Каченовского против Славянского съезда оскорбительны для русских>» (200–205; 03.11.67). Здесь также необходимо учесть и две речи И.С. Аксакова на Славянском съезде 16 и 20 мая 1867 г., републикованные в приложении к 1-му тому (2, 518–520);

2) *о славянстве, о славянах вообще*: «<Пожертвования в пользу бедствующих греков и славян могут быть всенародными>» (127–130; 04.01.67), «<Славянский вопрос стал животрепещущим вопросом политики>» (134–137; 14.01.67), «<России нельзя упустить инициативу в разрешении Славянского вопроса>» (138–141; 18.01.67), *«<Восточный вопрос назревает. Не полезно ли было бы поспешить и гласностью?>» (162; 04.03.67), *«<Россия домогается для славян только равноправности и свободы мирного национального развития>» (185–189; 29.07.67), «<Поддержка славянской самобытности и свободы в российской декларации от 27 октября 1867 года>» (211–213; 10.11.67), «<Если славяне хотят остаться славянами, они должны отречься Рима и всех дел его>» (214–216; 18.11.67), «<Освободительная миссия России на Балканском полуострове и в Средней Азии>» (233–234; 28.05.68);

3) *о панславизме*: «<Вековое презрение немецкой народности к славянам и новая жизнь панславистской идеи>» (221–225; 11.01.68), *«<Панславизм опирается на духовную взаимность и умственное родство всего славянского мира>» (278–281; 30.07.68), *«<Политические идеи славянофильства и панславизма в противостоянии западноевропейской вражде>» (282–285; 31.07.68);

4) *о политике Запада и европейской дипломатии*: «<Греческий и румынский национализм как орудие политики Запада против России>» (142–146; 19.01.67), «<Миссия России как защитницы христиан на Востоке и европейская дипломатия>» (163–165; 05.03.67), «<Отступление европейских держав от политики поддержки угнетаемых славян>» (217–220; 09.01.68), «<Интриги европейской дипломатии с целью политической изоляции России и усмирения славянского движения>» (226–230; 14.02.68), *«<Россия в со-

²⁶⁸ Ниже в сносках звездочками (*) отмечены произведения, впервые включенные в Собрание сочинений И.С. Аксакова и не входившие в предшествующее издание в семи томах (М., 1886–1887); в круглых скобках указаны страницы, на которых расположены эти произведения, и дата их первой газетной публикации.

²⁶⁹ См. о нем, например: *Русский славянин*. Первый всеславянский съезд в России, его причины и значение. М.: В тип. Шюман и Глушкова, 1867; Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в Москве в мае 1867 года / Изд. Н.А. Попов. М.: Унив. тип., 1867; *Майорова О.* Славянский съезд 1867 года: Метафорика торжества // НЛЮ. 2001. № 51. С. 89–110.

перничестве европейских влияний на славян, нравственно поддерживаемых ею>» (245–249; 06.06.68);

5) *об Австро-Венгрии*: «<Создание Австро-Венгрии усугубляет политическое положение разобщенных славян>» (155–158; 18.02.67), *«<Создание Австро-Венгрии пало своею тяжестью на славянские народы>» (166–168; 14.03.67), *«<Австрия не имеет на Боснию и Герцеговину никакого – ни исторического, ни политического – права>» (257–260; 21.06.68), «<К убийству болгарина и серба на австрийском пароходе и положению русских консулов на Востоке>» (194–196; 05.09.67), *«<Хорватско-венгерское соглашение предвещает распад искусственной империи и возрождение славян>» (273–277; 27.07.68), «<К убийству болгарина и серба на австрийском пароходе и положению русских консулов на Востоке>» (194–196; 05.09.67);

6) *о Болгарии*: «<Россия поможет восставшим болгарам во имя их духовного и политического возрождения>» (177–179; 14.07.67);

7) *о Крите*: «<Россия должна требовать присоединения Крита к Греции>» (159–161; 21.02.67), «<Восстание на Крите как предвестие войны Греции с Турцией>» (183–184; 25.07.67), «<Кровопролитие на Крите как плод двуличия европейской дипломатии>» (197–199; 30.09.67);

8) *о Пруссии*: *«<Пруссия – желанный союзник России ради ее укрепления как славянской державы>» (206–210; 09.11.67), *«<У Пруссии нет ни исторических, ни юридических, ни этнографических прав на обладание Чехией>» (270–272; 10.07.68);

9) *о Сербии*: *«<Кто виновен в насильственной смерти владетеля Сербии князя Михаила III Обреновича?>» (238–239; 31.05.68), *«Михаил Обренович III» (240–242; 01.06.68), *«<Силу Сербии составляют народные установления, а не бюрократические формы правления>» (249–252; 08.06.68), *«<После убийства сербского князя убавились нравственные силы и одушевление жителей Балкан>» (255–256; 15.06.68), *«<Создать независимую и сильную Сербию можно, если примирятся ее внутренние партии>» (264–266; 29.06.68);

10) *о Турции*: «<Славяне в Турции поставлены перед выбором: свобода от ига ценой окатоличивания>» (131–133; 06.01.67), «<Русская дипломатия в преддверии освобождения Балканского полуострова от турецкого ига>» (149–151; 05.02.67), «<Внутренняя несостоятельность Турецкой империи и опасность ее европейской колонизации>» (286–288; 15.08.68);

11) *о Чехии*: «<Протест чешского народа против политического неравноправия как первое славянское вече>» (231–232; 30.04.68), *«<Оскорбление в Австрии национальных чувств чехов, которые ей нужны ради политической силы государства>» (235–237; 30.05.68), *«<К 70-летию Франца Палацкого – международного посредника чешского народа>» (243–244; 02.06.68), *«<Чешский народ – полная жизни ветвь европейской семьи – не согласен служить интересам немецкой партии>» (253–254; 14.06.68), *«<Торжество в память Яна Гуса обязывает чехов искать сближения с Православием и вос-

точным славянством>» (261–263; 23.06.68), *«<Чешский вопрос приобрел значение европейского, и первый голос о судьбе Чехии должен принадлежать самим чехам>» (267–269; 04.07.68), *«<Чешский народ имеет все исторические права на прямое участие в издании государственных законов>» (289–292; 26.08.68);

12) *о П.А. Кулише*²⁷⁰: «Запрос г. Кулишу» (180–182; 18.07.67), «<Призыв П.А. Кулиша создать малорусский литературный язык – попытка раздробить духовное единство Руси>» (190–193; 26.08.67).

В настоящей публикации нет возможности подробно представить взгляды И.С. Аксакова, касающиеся Славянского и других смежных с ним вопросов (Восточного, Польского, Критского, Болгарского, Чешского, Западного, Римского, Сербского и др.), поэтому позволим себе сформулировать основные идеи Ивана Сергеевича по Славянскому вопросу в виде синтетической реконструкции, взяв за основу его ключевые высказывания из передовых статей, опубликованных в газетах «Москва» и «Москвич»:

«...латинство и православие – это те исторические и духовные начала, под воздействием которых двинулись различными историческими путями, сложились и образовались различно народности в Западной и Восточной Европе. <...> В силу этого глубокого духовного различия делится европейский мир на две половины, на два мира – на Восток и Запад: это не географические термины, а термины качественные, означающие различие просветительных начал, ставших действительными силами в истории человечества» (1, 215).

«У России в Европе три существеннейших вопроса внешней политики: вопрос Польский, вопрос Восточный и вопрос Славянский (в широком смысле)» (1, 206); «...в политической сфере нет частных, противоречащих друг другу славянских вопросов, Австрийского, Турецкого или еще какого-либо другого: есть один Славянский вопрос, и он должен собою наполнить всю будущую историю Австрии, европейской Турции и России» (1, 137).

«Чтобы вполне уразуметь русскую народность, надо понять ее не только как русскую, но и как славянскую; чтобы русская политика была вполне национальной, русскою, необходимо, чтоб она была не только русскою, но и славянскою» (1, 172).

«Вся задача Европы состояла и состоит в том, чтобы положить пределы материальному и нравственному усилению России, чтобы не дать возникнуть новому миру – православно-славянскому, которого знамя предносится единой свободною славянскою державой, Россией, и который ненавистен латино-германскому миру» (1, 138).

«“Панславизм” – вот современное пугало Франции, Австрии и Германии; вот новая стена, ставшая между Россией и остальной Европой, между

²⁷⁰ Пантелеймон Александрович Кулиш (1819–1897) – украинский писатель и общественный деятель – как известно, создал одну из ранних версий украинского алфавита («кулишовку») и был основным автором первого украинского перевода Библии.

Востоком и Западом; вот новый властитель дум западноевропейских политиков, под воздействием которого отсрочивают они решение Восточного вопроса; вот, наконец, тот призывный клич к бою, к крестовому походу на Россию и на славянский мир...» (1, 225).

«“Политическое одиночество России” – вот, по единодушному сказанию иностранной журналистики, к чему направлены теперь все усилия западноевропейской политики, преимущественно австро-французской...» (1, 221); «В настоящую минуту враги славянства – поляки (не как племя, а как политическая секта), мадьяры и немецкая Австрия» (1, 210).

«...главная задача австрийской государственной политики – покорить австрийские различные славянские племена системе дуализма или, по крайней мере, примирить их с нею» (1, 224).

«Оттереть Россию от славян и от Востока, овладеть славянским движением в Турции, стать во главу его, ассимилировать это племя Западной Европе, усвоить себе этот материал и употребить его как фундамент для духовного и вещественного господства западноевропейского элемента – вот миссия, возлагаемая теперь Западной Европой на Австрию...» (1, 228).

«Между Пруссией, или объединенною Германией, и Россией не существует сочувствия, – обе великие силы, напротив того, смутно предчувствуют в будущем возможность грозного столкновения, – но в данную политическую минуту не только взаимные их интересы враждебно не сталкиваются, но, напротив, совпадают, так что оба государства могут эксплуатировать интересы друг друга, каждое в свою пользу» (1, 209).

«...все предания русской политики и самые интересы европейского равновесия указывают на то, что Чехия, вместе с Венгрией и Румынией, должна составить те три нейтральные государства, задачей которых будет охранение мира и спокойствия на востоке Европы» (1, 272).

«Из всех славянских племен только одно усыновлено Западом вполне – это именно то племя, которое приняло латинство себе в плоть, кровь и душу, которое отреклось от братства славянского и стало передовым войском латинского Запада против православно-славянского мира, – это племя польское» (1, 215).

«Мы желаем союза болгар с сербами для противодействия османскому владычеству и честолюбивым греческим замыслам, если таковые будут предъявлены греками относительно славянских племен, – но мы не можем требовать от болгар, чтоб они исчезли как болгары в племени сербском, если на то нет соизволения самих болгар» (1, 151).

«В Критском, или Кандийском, вопросе Россия не может предложить иного сообразного с своим достоинством совета Порте, как отдать Кандию Греции» (1, 159).

«Весь вопрос о будущности Чехии состоит, по мнению чешских публицистов, лишь в том: удастся ли чехам соединить в общий сейм все земли Чешской короны – Богемию, Моравию, Силезию – и в таком виде сохранить

свою политическую самостоятельность и внутреннюю независимость...» (1, 136).

«Крымская война, восстание Польши и другие события разоблачили ясно, в какой мере остался нам благодарен Запад за наше благоговейное к нему чувство, за наши уступки и жертвы. Отрезвление большинства здравомыслящих людей должно было явиться последствием подобных отношений тем скорее, чем уединеннее являлась Россия и чем согласнее все силы Запада выступали с враждой к ней и ко всему, что в состоянии ее усилить» (1, 284).

«Самого важного, самого главного результата Славянского съезда <1867 г.> надо искать – в самой России. Величайшим, благим последствием посещения нас славянами было то, что Славянский вопрос в самой России перешел в общественное ведение и сознание, из отвлеченного стал действительным, реальным, из области книжной спустился в жизнь. А этого только и недоставало Славянскому вопросу, чтобы сделаться живою силой, перестать быть вопросом и стать делом» (1, 171).

«Все исторические предания России коренятся в ее славянском происхождении; будущие успехи ее на политическом поприще обуславливаются национальным, т.е. славянским, направлением, и программа этой политики не должна быть в разладе с частными программами, которые выработаны остальными славянами вместе и каждым племенем порознь» (1, 234).

Подводя итоги, необходимо констатировать, что идеи И.С. Аксакова в рамках славянского (или восточного) вопроса спустя полтора столетия остаются, и особенно в последние годы, чрезвычайно актуальными: противостояние России и Запада, взаимные санкции, украинский вопрос, сирийский и турецкий вопросы. При этом известно, что славянский вопрос являлся составной внешнеполитической частью славянофильского учения, согласно которому духовное развитие и национальная политика России немислимы без осознания ее славянского призвания. Если старшие славянофилы были в большей степени теоретиками, разработавшими основные положения об особой роли России и славянства в мировой истории, то важно помнить и то, что Иван Сергеевич был не только публицистом, развивавшим взгляды ранних славянофилов, но и общественным деятелем, способствовавшим в меру своих сил политической реализации славянского вопроса.

**Судебный процесс газеты «Москва» 1869 года:
министр внутренних дел А.Е. Тимашев
против редактора газеты И.С. Аксакова**

См.: *Мотин С.В.* Судебный процесс газеты «Москва» 1869 года: министр внутренних дел А.Е. Тимашев против редактора газеты И.С. Аксакова // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 82-87.

«Для совершенно честного, совершенно искреннего слова в печати требуется совершенно честное и искреннее законодательство по делу печати, а не тот лицемерно-насильственный произвол, который теперь заведывает у нас этим делом, – и потому неизменившейся “Москве” долго еще суждено будет, вместо спокойного плавания, биться, как рыбе об лед» [Тютчев, 2004, с. 216].

Ф.И. Тютчев – И.С. Аксакову, 18 апреля 1867 г.

В свое время мы представили биографию публициста-славянофила И.С. Аксакова и характеристику его взглядов на право, свободу слова и цензурное законодательство [см.: Мотин, 2016 и 2010]. В предлагаемой статье рассмотрим противостояние редактора ежедневной газеты И.С. Аксакова с министром внутренних дел А.Е. Тимашевым – в ходе судебного процесса газеты «Москва», состоявшегося в начале 1869 г.

Газета «Москва», наверное, самая «многострадальная» газета в истории русской журналистики. За два неполных года издания она получила девять предостережений, трижды приостанавливалась (30 марта 1867 г. на три месяца, 3 декабря 1867 г. на 4 месяца и 22 октября 1868 г. на 6 месяцев), а затем была и вовсе прекращена. Эти карательные действия были вызваны, главным образом, за передовые статьи самого И.С. Аксакова [подр. см.: Цимбаев, 1978, с. 127-166; Тесля, 2015, с. 268-294; Летопись, 2012, с. 237-365; Аксаков, 2012].

Итак, 24 октября 1868 г. в газете «Северная пчела» было опубликовано распоряжение министра внутренних дел Тимашева от 21 октября о третьем предостережении газете «Москва» и приостановке ее на 6 месяцев, так как она «продолжает обнаруживать прежнее резкое и крайне неумеренное направление, которое неизбежно ведет к возбуждению вражды между населением и раздражения против действий правительственных властей (передовые статьи в №№ 128, 136, 141, 154, 155 и статьи областного отдела в №№ 114 и 134)» [см.: Материалы, 1870, ч. II, с. 153–154; Периодическая, 2011, с. 81].

Непосредственным поводом к приостановке «Москвы» послужила передовая статья от 15 октября (№ 154), в которой Аксаков, опираясь на факты, изложенные в книге Ю.Ф. Самарина «Окраины России...» [см.: Самарин, 1868], подверг критике официальную политику в отношении населения Ост-

зейского края. Статья вызвала крайнее недовольство Александра II, который «прислал этот номер Тимашеву с приказанием поступить с редактором по законам» [Сухотин, 1894, с. 605], т.е. приостановить газету. О том, что «Москва» приостановлена по личному распоряжению императора, написал Аксакову 24 октября его друг и одноклассник по Училищу правоведения Д.А. Оболенский [см.: Цимбаев, 1978, с. 148].

18 ноября тесть Аксакова Ф.И. Тютчев, старшая дочь которого Анна Федоровна в 1866 г. вышла замуж за Ивана Сергеевича, предлагает ему собрать передовые статьи из газет «День» и «Москва», представляющие злободневный интерес, и издать их «особою книгою». И далее добавляет: «...во главе этой же книги, в виде предисловия, вы могли бы поместить вашу отповедь на все те постыдно-бестолковые преследования, которые заставили вас прекратить вашу публицистическую деятельность. И достаточно будет одного спокойного изложения вашего учения об основных началах русского общества, чтобы выставить во всем его осязательном безобразии все это невыносимое тупоумие, подвизавшееся противу него во имя консерватизма...» [Тютчев, 2004, с. 364].

Спустя месяц, 18 декабря, министр внутренних дел А.Е. Тимашев, в соответствии с действующими временными правилами о печати (1865 г.), возбудил вопрос об окончательном прекращении газеты «Москва», обратившись с рапортом в I (административный) департамент Правительствующего Сената с подробным перечислением цензурных промахов Аксакова и изложением мотивов предостережений, данных газете «Москва». Перечислив многочисленные «прегрешения» газеты, нападения на администрацию, резкий тон статей и т.п., министр утверждал в своем рапорте: «Продолжительный опыт показал, что ни предостережения, ни временные приостановки газеты “Москва”, ни многочисленные доказательства снисходительности и терпимости правительства к редакторской деятельности Аксакова <...> не производили на него никакого действия, но побуждали его еще более усиливать резкость своих нападений на правительственные власти и систему правительственных действий». По закону, дело о запрещении должно было поступить в Судебную палату. Однако министр внутренних дел передал его в I департамент Правительствующего Сената [подр. см.: Судебный, 1881; К материалам, 1888; Цимбаев, 1978, 150; Греков, 2011].

2 января 1869 г. Тютчев извещает Аксакова, что Тимашев вошел в 1-й Департамент Сената с представлением о запрещении «Москвы» как газеты «преступного направления». «Эта выходка поразила здесь всех или своею крайнею нелепостью, или своею крайнею наглостью. В самом деле, предложить Сенату объявить преступным направление такого издания, которое постоянно и энергичнее всякого другого защищало все основные начала русского общества <...> это нечто, близкое к безумию <...>. В вашем лице – и вы вполне достойны этой чести – брошен самый наглый вызов русскому общественному чувству и убеждению тою шайкой людей, которая так безнака-

занно тяготеет над Россией и позорит Государя, и вы, конечно, не усумнитесь поднять брошенной перчатки...» Затем Тютчев утверждает, что дело о запрещении «Москвы» «становится государственным вопросом первой важности», и просит Аксакова «приехать сюда безотлагательно», ибо присутствие его в Петербурге необходимо для того, чтобы продолжать борьбу [Тютчев, 2004, с. 368].

Аксаков откликается на призыв Тютчева и приезжает в Петербург. Здесь он добивается согласия 1-го Департамента Сената принять его протест против запрещения «Москвы». Аксаков потребовал рассмотреть вопрос в качестве имущественного – в соответствии с законами о собственности он настаивал на том, что газета является таковым и, следовательно, ее запрещение есть вопрос права гражданского. Сенат, неожиданно для Тимашева, встал на сторону Аксакова, согласившись с его правом на защиту и предоставив время для подготовки защиты, выдав для составления возражений рапорт Тимашева [см.: Тесля, 2015, с. 290].

Вот что об этом 11 января пишет М.Н. Каткову Б.М. Маркевич: «Аксаков был, и все еще и поныне здесь. 1-й Департамент Сената после горячих, говорят, прений согласился принять от него объяснения против акта обвинения Главного управления по делам печати <...>. Этот 1-й Департамент составлен все из людей, живущих казенным жалованьем, а потому алчущих крови и т.п. При таком составе весьма можно опасаться приговора, согласного с желанием администрации. Тютчев надеется на разногласие, которое перенесет дело в Общее собрание Сената, в котором можно ожидать более независимых суждений. Но если и там произойдет разногласие, то вопрос о злобности направления “Москвы” дойдет и до Государственного совета, а там приговор по этому направлению едва ли может подлежать сомнению» [Тютчев, 1989, с. 400].

В эти дни Тютчев обсуждает с Аксаковым действия, которые следует предпринять в защиту запрещенной «Москвы». Следуя советам Тютчева, Аксаков, возвратившись в Москву, приступает к работе над обращением в Сенат с протестом против запрещения «Москвы». 18 января Тютчев обращается с посланием к старшей дочери: «...сейчас речь идет о самой настоящей войне, и сражение, которое вот-вот начнется, будет иметь решающее значение. Но вот что утешительно: каков бы ни был его исход, оно не может быть проиграно... Здесь начинают все яснее представлять себе, насколько серьезен спор, и постепенно, даже в правительственных сферах, складывается все более благоприятное мнение. Тимашев заявил, что считает решение дела вопросом государственной важности, а партия, которая пользуется сейчас наибольшим влиянием, хорошо понимает, что к ней это относится самым непосредственным образом. Можно без преувеличения сказать, что ничего подобного у нас еще не происходило. Впервые два течения, которые разъединяют русское общество и оспаривают право направлять его политически, должны будут официально заявить о своем существовании и вступить друг с

другом в открытую борьбу. Вот что главное, и Аксаков достоин представившейся ему возможности связать свое имя с этой фазой борьбы...» [Письма, 1988, с. 354].

Об этих и последующих событиях расскажет 19 февраля А.Ф. Аксакова в письме к Н.С. Соханской: «Иван Серг<еевич> получил благовременно извещение, что над ним готовится суд, полетел в Петербург, явился с неожиданным прошением в Сенат, чтобы ему дали право защиты на том юридическом основании, что газета составляет собственность и что нельзя лишить человека своей собственности, не предоставив ему право защищать ее. К великой досаде министра, Сенат согласился на это прошение и передал моему мужу обвинительный акт министра. Иван поспешно вернулся в Москву, и в течение недели работал ежедневно с 10 часов утра до 3 ночи, не отходя от своего письменного стола ни на минуту, кроме получаса для обеда. Следовало отвечать на 35 обвинительных статей, восстановить неправильные цитаты и извращенный ими смысл и изложить весь этот труд в официальной, сухой форме прошения. К концу этого богатырского труда нервы Ивана были порядочно натянуты. Я, признаться, даже опасалась за его здоровье, и не имела духа отпустить его в Петербург без себя» [см.: Переписка, 1897, с. 423-424].

20 января Аксаков снова был в Петербурге и 23 января подал в 1-й Департамент Сената протест против представления министра внутренних дел о запрещении газеты «Москва» [см.: Аксаков, 1869; Греков, 2011]. Суть детальных возражений Аксакова, в составлении которых сказалась его предшествующая богатая юридическая практика, сводилась к различению «двух понятий (*тон и направление*)», откуда следовала «необходимость их строгого и точного разделения».

Далее сокращенно воспроизведем «общую часть» записки Аксакова: «<...> Я прежде всего позволю себе поставить следующий вопрос: что собственно в настоящем случае подлежит суждению Правительствующего Сената? Статья 30-ая Отделения II Законоположения о печати от 6 апреля 1865 г. гласит только то, что “если после третьего предостережения, Министр признал нужным, независимо от предварительного приостановления издания, на известный срок, вовсе прекратить это издание, то он входит о сем с представлением в Первый департамент Правительствующего Сената”. Но эта статья не разъясняет, какими основаниями должен руководствоваться Сенат, обсуждая подобное представление. Ответ на поставленный вопрос дают, по моему мнению, пункт II именного указа Правительствующему Сенату 6 апреля 1865 г., при котором было приложено уже обнародованное *Высочайше* утвержденное того же числа мнение Государственного Совета, или новое законоположение о печати, – и статья 18 IV Отделения этого законоположения. Из соображения этих двух статей видно, что запрещение газеты бывает двоякого рода: или *по суду* – при сем установлен и особый порядок судопроизводства, или по решению 1-го Департамента Сената.

Судебному преследованию и наказанию *по суду* повременные, освобожденные от предварительной цензуры издания подвергаются <...> *в случае нарушения в них законов*; но кроме того, говорит пункт II указа, повременные издания, *в случае замеченного в них вредного направления*, подлежат и действию административных взысканий, по особо установленным на то правилам. Таким образом, запрещение какой-либо газеты по решению Сената отнесено к административным взысканиям и может состояться лишь в том, единственном случае, когда самое *направление* газеты будет... признано *вредным*. Обсуждая представление Министра внутренних дел о запрещении повременного издания, Сенат призван вместе с тем, рассмотреть и обсудить – не нарушения положительных законов, ибо за таковые виновный подлежит судебному преследованию в порядке формального судопроизводства, – а только и единственно: направление, из чего следует, что запрещение “Москвы” по указу Сената, было бы равнозначительно *всенародному оглашению направления ее вредным*.

Вред или безвредность направления издающейся в России политической газеты само собою разумеется, с точки зрения правительственного учреждения определяется единственно отношением этой газеты к основным началам нашего политического устройства, к основным нравственным началам общежития и к учению господствующей в обществе, т.е. православной церкви или просто христианской религии. Другими словами: *оценке подлежит направление издания – политическое, религиозное и нравственное* <...> едва ли в длинном перечне оснований, в силу которых г. Министр ходатайствует о запрещении “Москвы”, и в целом ряде ссылок на передовые статьи, можно почерпнуть какое-либо понятие о политическом, религиозном и нравственном основании этой газеты, о том, например, как она относится к принципу верховной власти, или к тем коренным основам, на которых зиждется гражданское и христианское общество? И так как без сомнения г. Министр <...> не упустил бы, в оправдание и в подкрепление своего рапорта, указать в нем, до малейшего оттенка все, что есть предосудительного в направлении газеты, то это отрицательное свидетельство само собою становится свидетельством в мою пользу или тем, что в логике называется “доказательством от противного”. Из 388-ми №№ газет “Москва” и “Москвич” генерал-адъютант Тимашев в своем рапорте указывает только на 35-ть, в которых, по его мнению, заключается наиболее оснований к запрещению газеты; и которые стало быть избраны им как самое яркое выражение моего вредного направления за оба года издательства. <...> Одним словом, в рапорте не приводится ни одного указания на то, чем собственно только и определяется вред направления в государственном смысле и вся тяжесть обвинения сводится на обсуждение мною в газете некоторых частных распоряжений правительства, на “несдержанность тона при дозволенном обсуждении законов или действий правительственных лиц; на неумеренность выражений” и “резкость литературных приемов”. <...> Разность этих двух понятий (*тон и направление*) и

необходимость их строгого и точного разделения, конечно, не ускользнет от мудрости Правительствующего Сената. Статья может быть написана в тоне самом приличном, а направление иметь самое опасное и вредное. И наоборот, тон может быть резкий, а направление честное и благонамеренное. Можно в самых мягких и привлекательных формах, застрахованных от всякой административной кары, в роде предостережения, проводить ядовитые мысли и подтачивать нравственные основы общества. Можно, напротив того, языком самым *грубым* и в тоне самом грубом, *страстном* (употребляю выражение г. Министра) проповедовать самую чистую истину. Стало быть, существенное не в тоне, и не в литературных приемах, а направлении, – и потому едва ли, при обсуждении вопроса о запрещении газеты, *форма* и *содержание* статей могут быть не только смешиваемы, но и сопоставлены рядом, в одной мере значения и важности. Между тем, по собственному выражению рапорта, в нем делается перечень тем статьям “Москвы”, которые с особенною ясностью обнаруживали *предосудительную сторону* в направлении и *литературных приемах* этой газеты. <...> А так как оценка направления составляет самую существенную задачу сенатского рассмотрения, то в своем дальнейшем объяснении я позволил себе восполнить этот недостаток более пространными выписками. Я считаю их небесполезными и для суждения о внешней форме моих статей, так как главными основаниями предупреждений, постигших мои издания (что видно из рапорта) служили в большей части именно тон и литературные приемы. <...> Правительствующий Сенат, само собою разумеется, не поставит на одну степень форму и содержание, мысль и тон, и даже в самом тоне опознает признаки искренности и чистосердечия. Правительствующий Сенат, конечно, не упустит из виду важность подлежащего ему решения и тех последствий, которые может иметь для всей русской литературы его полновесное, авторитетное слово, – ибо, осуждая какое-либо направление, Сенат одобряет направление противоположное и так сказать начертывает программу политического и нравственного исповедания, допускаемого правительством для независимой русской печати. <...>» [см.: Аксаков, 1869; Греков, 2011].

Министр внутренних дел Тимашев, отвечая на эту «Записку», в «Дополнении» называет направление «Москвы» вредным и развивает целую теорию о характере и методах исследования направления издания. Он прямо заявляет, что его заботит «характер и влияние» периодических изданий «не столько по их отдельному содержанию, сколько в силу их частого повторения и известной формы их выражения». <...> Министр отводит обвинение Аксакова в том, что цензура преследует «русское направление». Признавая благонамеренность общих начал, цензура, как это представляет министр, преследует «крайности», «увлечения» и неприличный тон частных выводов. <...> Тимашев разграничивает «вредное направление» издания и «прямое нарушение закона». Он настаивает на том, что газета имела «вредное направление» вследствие принятой ею постоянной линии – распространять «вредные уче-

ния, касающиеся основных начал народной жизни, государственного устройства, религии и нравственности, и при том в такой форме, которая не представляет в каждом отдельном случае явного и осязательного преступления, предусмотренного законами уголовными». Поэтому Тимашев и предлагает административное запрещение «Москвы» [см.: Греков, 2011].

В противовес выводам министра приведем мнение Ф.И. Тютчева, высказанное им 21 ноября 1866 г. в письме к старшей дочери: «Я, как и все друзья твоего мужа, горячо желаю, в интересах его издания, чтобы идеи, коими он вдохновляется, были бы до конца поняты как публикой, так и в *высших сферах*. Мы хорошо знаем, что из всех общественных направлений, представленных в русской печати, его направление носит наиболее ярко выраженный национальный характер и именно потому является наиболее реально консервативным, наиболее *искренне* преданным самому принципу власти в России» [Тютчев, 2004, с. 183–184]. Следует заметить, что далеко не все в «высших сферах» до конца понимали это.

29 января при обсуждении дела о «Москве» в 1-м Департаменте Сената возникли разногласия, и оно было перенесено в Общее собрание трех Департаментов и Департамента герольдии Сената. При разбирательстве Сенат раскололся: семь сенаторов высказались за запрещение, а три – за специальное судебное рассмотрение. По мнению семи сенаторов, и среди них А.Е. Тимашева, главную тему публицистики «Москвы» составляет «неспособность нашей администрации во всем ее составе, от высших до низших ее представителей». В заключение они требовали прекращения газеты, которой «гг. сенаторы усматривали все признаки вредного направления, далеко не окупаемого в своих последствиях теми патриотическими чувствами и верностью православно-христианским началам нашей церкви, которые заявлялись газетой». Только трое сенаторов (А.Ф. Веймарн, А.В. Веневитинов и Н.И. Любимов) высказались за судебное преследование «Москвы» [см.: Материалы, 1870, ч. II, с. 65–74; Греков, 2011].

А.В. Никитенко 31 января записал в дневнике: «<...> министр обвинил Аксакова в противозаконном и вредном направлении его издания, после чего сенату предстояло уже формально осудить редактора, запретив ему всякое издание на пять лет, или выразить мысль, что такого направления в газете он не видит. Аксаков представил в сенат (1-й департамент) свое оправдание. Сенат его принял, а отсюда начинается уже род тяжбы между министром и редактором газеты. Это производит большой шум в публике. Сегодня мне говорили, что за разногласием в 1-м департаменте дело переходит в общее собрание сената. Час от часу не легче» (Никитенко, 2005, с. 235).

7 февраля Общее собрание трех Департаментов и Департамента герольдии Сената разбирало дело о «Москве». Но и в общем собрании на стороне генерал-адъютанта Тимашева не получилось необходимых двух третей голосов. Разногласие не устранилось и после согласительного предложения министра юстиции, вследствие чего дело перешло на рассмотрение Государст-

венного Совета. При обсуждении дела сенатор А.А. Харитонов заявил, что запрещение «Москвы» не отвечает «соображениям общей государственной пользы», ибо приведет к возбуждению общественного мнения и к потере органа, полезного правительству [см.: Материалы, 1870, ч. II, с. 74–91].

Вот как эти события описывает А.Ф. Аксакова: «В общем собрании опять произошло разногласие. Человек 20 подало голос в пользу министра, 9 высказали мнение за передачу *Москвы* гласному суду, 5 нашли, что она не подлежит никакому суду. – Следовало бы делу перейти в Государственный Совет, но этого, конечно, не хотят там в Петербурге. Теперь министр Юстиции должен еще сделать согласительное предложение и стараться перевести три голоса на сторону Тимашева [см.: Переписка, 1897, с. 424].

15 февраля Ф.И. Тютчев посещает А.М. Горчакова и встречается у него А.В. Веневитинова. Втроем они обсуждают вопрос о судьбе газеты «Москва». Тютчев уже не верит в благополучный исход дела [см.: Тютчев, 1989, с. 401]. И 19 февраля в письме к Аксакову Тютчев обрисовывает ситуацию, сложившуюся в связи с предполагаемым запрещением «Москвы»: «Все еще неизвестно, дойдет ли дело или нет до Государственного совета, но, по моему, – с самого начала дело не так ведется, как бы желательно. Принявши вызов, просто ли бессознательно глупый или преднамеренно нахальный, со стороны Администрации, можно было надеяться, что <нрзб.> и в официальной сфере повторится та же борьба, какая происходит в нашей печати, т.е. что люди национального направления станут лицом к лицу с тою кликою, которая захватила власть и влияние и путает Россию, а не правит ею. <...> Здесь много говорят об отдельном мнении сенатора Харитонова, сформулированном именно в этом смысле, и которое, по этому самому, произвело, уверяют, сильное впечатление. Если бы и все оппоненты стали на эту почву и вместо юридических формальностей выдвинули бы на первый план самую суть вопроса, то их протест приобрел бы совершенно другое значение». А затем ставит перед ним задачу: «...я и теперь, как с самого начала, нашел бы существенно полезным то, о чем мы столько раз с вами говорили, т.е. оглашение, *приноровленное к обстоятельствам*, и в самой сдержанной форме, вашей *profession de foi* <декларации убеждений, символа веры (*фр.*)> <...> нечто вроде *Апологии так называемого славянофильского учения* <...> интерес дела отнюдь не в отдельном факте газеты „Москва“, а в правильном и общедоступном изложении всего учения...» [Письма, 1988, с. 355-356].

Спустя полтора месяца, 29 марта, Тютчев встревожен нездоровьем Аксакова, о чем он пишет старшей дочери: «Мне нет надобности убеждать тебя, что он – один из тех, чье здоровье мне особенно дорого <...>. Аксаков не только твой муж, – он один из тех немногих, кому мы обязаны возможностью существовать, ибо такие люди как он, поддерживает в нас веру в благородство человеческой натуры» [Летопись, 2012, с. 365].

7 апреля решением Государственного совета «Москва» была запрещена, однако при окончательной редакции мнения большинства сделана была ого-

ворка в том смысле, что хотя газета и запрещается, однако же направление ее по существу нельзя признавать вредным [см.: Материалы, 1870, ч. II, с. 99-103]. А.В. Никитенко 13 апреля делает в дневнике запись: «Дело Аксакова в Государственном совете кончено. Определено: воспретить ему издание “Москвы”. Два члена подали голос против этого определения – Титов и Княжевич. Они видят в газете только неловкость, резкость суждения, но не признают вредным ее направления, за которое газета только и может подлежать запрещению» [Никитенко, 2005, с. 241–242].

«О прекращении издания газеты “Москва”. Государственный совет в Соединенных департаментах гражданских и духовных дел и законов и в Общем собрании рассмотрев внесенное, за разногласием из общего собрания первых 3-х Департаментов и Департамента герольдии Правительствующего Сената, дело по рапорту министра внутренних дел о прекращении газеты “Москва”, принял во внимание, что в Общем собрании Сената большинство сенаторов соглашалось с министром внутренних дел, некоторые же другие находили, что допущенные в газете “Москва” преступления и проступки подлежат не административному, а судебному преследованию. Ввиду сего Государственный совет признал необходимым прежде всего установить пределы и значение подлежащего разрешению вопроса. <...> Министерство внутренних дел с 1 января 1867 г. по 21 октября 1868 г. девять раз подвергало ее предостережениям и три раза приостанавливало ее издание. Несмотря на то, “Москва” не только ни в чем не изменяла своих приемов, но вслед за каждою приостановкою в резких и иногда грубых выражениях подвергала порицанию постигавшие ее распоряжения. После вторичного приостановления “Москвы” в конце 1867 г., редактор ее, предприняв продолжение той же газеты под наименованием “Москвич”, впоследствии открыто, с глумлением над Министерством внутренних дел, объявил, что целью его было именно обойти наложенное на него взыскание, причем дозволил себе даже оспаривать обязательное значение узаконений, в силу которых министерство действовало. Всем вышеизложенным газета “Москва” обнаруживала направление, которое не может быть терпимо. Вследствие приведенных соображений и принимая на вид, что министр внутренних дел в уважении к основным началам газеты “Москва” не входил с представлением о ее прекращении ни при первом, ни при втором приостановлении, но что признававшееся в ней предосудительным и после сего ни в чем не изменилось, Государственный Совет мнением положил: *издание газеты “Москва” прекратить*. – Государь император изложенное мнение Государственного совета Высочайше утвердить соизволил, о чем указ Правительствующего Сената г. министру внутренних дел последовал 18 апреля 1869 г.» [Правительственный вестник. 1869. 24 апр.; Периодическая, 2011, с. 83–85].

А.Н. Майков 12 апреля извещал Ф.М. Достоевского о запрете газеты «Москва»: «Я не понимаю, правительство видит развитие нигилизма, само от него страдает. На что же оно надеется? Ведь у нигилистов есть хотя и глу-

пый, но соблазнительный идеал. *Идеал вытесняется только идеалом.* <...> У нас нигилистическому идеалу страшен только идеал живой, выработанный вековой жизнью русского народа» [Летопись, 1999, с. 209].

Наконец, 15 апреля 1869 г. министр внутренних дел А.Е. Тимашев представил в Государственный совет проект дополнений и изменений закона от 6 апреля 1865 г., чтобы еще более ограничить свободу печати. Результатом вышеописанного процесса стало изменение временных правил о цензуре, предоставившее право закрывать издание без судебного рассмотрения [см.: Материалы, 1870, ч. II, 648–705].

Таким образом, в рассмотренном судебном процессе победа была на стороне администрации. А.Ф. Аксакова писала о муже: «Он заступался не за себя, потому что он не имел ни намерения, ни возможности возобновить газету, но заступался просто за общее дело свободного слова» [Переписка, 1897, с. 424]. Шансов выиграть дело у Аксакова при сложившихся обстоятельствах практически не было. Однако он, при поддержке Тютчева и отдельных «людей национального направления», все-таки попытался это сделать и, как это ни досадно было для министра Тимашева, довел-таки дело до третьей инстанции – до решения Государственного совета, утвержденного Высочайшим соизволением.

Второй важный момент – это аксаковский задиристый тон – тон, без которого Аксаков, наверное, не был бы самим собою. А.В. Никитенко отмечал в дневнике: «Погодин следующим образом характеризует обоих Аксаковых, умершего <К.С. Аксакова> и ныне живущего <И.С. Аксакова>: оба лезут на нож, но один как слепой, а другой, издатель “Москвы”, с открытыми глазами бросается на него» [Никитенко, 2005, с. 241–242]. Сколько раз Тютчев советовал Аксакову смягчить тон, спокойно изложить, не уступая при этом содержания. Но Иван Сергеевич, похоже, был не меньшим «передовым бойцом славянофильства», чем старший брат Константин, которого он и заменил после его безвременной кончины.

А.Е. Тимашев будет возглавлять министерство еще почти 10 лет, поэтому И.С. Аксаков сможет добиться разрешения на издание газеты только в 1880 г. Однако это уже другая история.

Список использованной литературы

Аксаков И.С. Докладная записка Ивана Аксакова о запрещении газеты «Москва», поданная им в I Департамент Сената <23 января 1869 г.>. (РГБ. Ф. 369. К. 415. № 19. 38 л.).

Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 4: в 3 ч. 1861-1869: Редактор-издатель газет «День», «Москва» и «Москвич». А.Ф. Аксакова (Тютчева) и И.С. Аксаков. Ч. 3: 1867-1869 / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2012. 275 с.

Греков В.Н. «Я иду своей дорогой...» Иван Аксаков о журналистике без шипов, цензуре и запрещении газеты «Москва // Медиаскоп. Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2011. № 3. (URL: <http://mediascope.ru/node/858>).

К материалам о литературной деятельности И.С. Аксакова / сообщено С.В. Никольским // Русский вестник. 1888. № 9. С. 424–426.

Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, 1821–1881: В 3 т. Т. 2: 1865–1874 / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) Рос. акад. наук. СПб.: Акад. проект, 1999. 583, [3] с.

Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Книга третья (1861–1873) / Сост. Т.Г. Динесман, И.А. Королева, Б.Н. Щедринский. М.: Индрик, Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева, 2012. 591 с., [24] л. ил.

Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше утвержденною 2 ноября 1869 года для пересмотра действующих постановлений о печати. Ч. I–III. СПб., 1870.

Мотин С.В. И.С. Аксаков о праве, свободе слова и цензурном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 277–280.

Мотин С.В. Иван Сергеевич Аксаков – правовед, публицист-славянофил и общественный деятель // Пробелы в Российском законодательстве. 2016. № 4. С. 78–84.

Никитенко А.В. Записки и дневник: в 3 т. Т. 3. М.: Захаров, 2005. 592 с.

Переписка Аксаковых с Н.С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. Т. 47. № 10. С. 409–430.

Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание / сост., вступ. ст. Н. Г. Патрушева. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2011. 412 с.

Письма к московским публицистам. Публ. К.В. Пигарева. Предисл. и коммент. Л.Н. Кузиной // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1988. С. 258–430.

Самарин Ю.Ф. Окраины России. Русское Балтийское поморье. Вып. 1. [Русское Балтийское поморье в настоящую минуту (как введение в первую серию)]. Прага: тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1868. [4], X, 188 с.

Судебный процесс газеты «Москва» // «Русь». 1881. № 54, с. 13–16; № 55, с. 13–16; № 56, с. 14–16; № 57, с. 11–14; № 58, с. 10–14.

Сухотин С.М. Из памятных тетрадей. 1867 и 1868 годы // Русский архив. 1894. № 4. С. 599–610.

Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 800 с.

Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников. Публ. К.В. Пигарева и Т.Г. Динесман при участии К.М. Азадовского, А.Л. Осповата и В.Н. Сажина. Коммент. Т.Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1989. С. 171–432.

Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма. В 6 т. Т. 6 / Сост. Л.Н. Кузина. М.: Издательский Центр «Классика», 2004. 592 с.

Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 264 с.

**Переписка Ф.И. Тютчева
с И.С. и А.Ф. Аксаковыми и ее контекст:
хронологическая роспись писем за 1861–1873 годы**

См.: *Мотин С.В.* Переписка Ф.И. Тютчева с И.С. и А.Ф. Аксаковыми и ее контекст: хронологическая роспись писем за 1861–1873 годы // Вестник УЮИ МВД России. 2014. № 2. С. 75–85.

Представлена хронологическая роспись 199 посланий из переписки Ф.И. Тютчева, А.Ф. Тютчевой (с 1866 г. Аксаковой) и И.С. Аксакова. Расписаны все известные письма Тютчева к Аксаковым и письма Аксаковых к Тютчеву (опубликованные; неопубликованные, хранящиеся в архивах; упоминаемые – неопубликованные, место нахождения которых неизвестно), а также ряд контекстных писем из переписки Тютчевой (Аксаковой) с Аксаковым и несколько других писем, упоминающих Тютчева.

В 2012 г. вышел из печати 3-й, заключительный, том летописи жизни и творчества поэта и мыслителя Федора Ивановича Тютчева²⁷¹, который стал своеобразным итогом в развитии отечественного тютчеведения. В этом томе получила подробное отражение переписка Ф.И. Тютчева, в том числе со старшей дочерью Анной Федоровной и ее (с 12 января 1866 г.) мужем – известным публицистом-славянофилом Иваном Сергеевичем Аксаковым.

В наследии Тютчева письма к Аксакову и его жене занимают особое место. В этих письмах сформулированы многие наблюдения, размышления и выводы Тютчева, относящиеся к политической современности. Часть из проблем, поднятых в них, получили затем разработку на страницах аксаковских газет («Москва» и «Москвич», 1867–1868 гг.). Письма Тютчева к дочери тесно связаны с его письмами к Аксакову. Не только сообщаемые в них факты дополняют друг друга, но и сами письма эти написаны с одних и тех же позиций, проникнуты едиными мыслями и побуждениями²⁷². Сохранилось 39 писем Тютчева к Аксакову за 1861–1871 гг. и 145 писем к Тютчевой (Аксаковой) за 1838–1873 гг., а также два письма, адресованных ей вместе с сестрами²⁷³.

²⁷¹ Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева: Книга третья (1861–1873) / Сост. Т.Г. Динесман, И.А. Королева, Б.Н. Щедринский. М.: «Индрик», 2012. 592 с.

²⁷² См.: Кузина Л.Н. Предисловие: [Письма] И.С. и А.Ф. Аксаковым // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. Кн. I. М.: Наука, 1988. С. 258–262.

²⁷³ Подр. см.: Указатель писем Тютчева в архивах СССР. Составила И.А. Королева // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. Кн. I. М.: Наука, 1988. С. 569.

Единственное известное письмо Тютчевой к Тютчеву (1855) хранится в РГАЛИ (Ф. 505. Оп. 1. № 79). А из писем Аксакова к Тютчеву до сих пор опубликовано лишь два письма – от 28 ноября 1867 г.²⁷⁴ и 16 декабря 1872 г.²⁷⁵. Что же касается остальных писем, то их местонахождение (если они не утрачены навсегда) остается неустановленным. Исключение составляют лишь выписки из двух писем (от 1 апреля 1866 г. и 8 ноября 1870 г.), перлюстрированных в III Отделении (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. № 2027. Л. 1; № 1746. Л. 1–2 об.), и три письма, сохранившиеся в семейном архиве Аксаковых (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 59. Л. 1–8 об.) от 27 октября 1871 г., 16 декабря 1872 г. и 26 февраля 1873 г. Таким образом, на данный момент есть сведения о шести письмах Аксакова к Тютчеву, из которых только два опубликованы²⁷⁶.

Дополнение. В 2014 г. стараниями А.П. Дмитриева были опубликованы еще два письма Аксакова к Тютчеву. (См.: 23).

В предлагаемой хронологической росписи представлены 199 посланий (писем, телеграмм и записка) из переписки Ф.И. Тютчева, А.Ф. Тютчевой (с 1866 г. Аксаковой) и И.С. Аксакова. Расписаны все известные письма Тютчева к Аксаковым и письма Аксаковых к Тютчеву (опубликованные; неопубликованные, хранящиеся в архивах; упоминаемые – неопубликованные, место нахождения которых неизвестно), а также ряд контекстных писем из переписки Тютчевой (Аксаковой) с Аксаковым и несколько других писем, упоминающих Тютчева.

В росписи представлены 4 комплекса посланий (193 послания, из которых 5 писем Тютчева были адресованы одновременно И.С. и А.Ф. Аксаковым, 5 телеграмм, 1 записка): два основных (письма Тютчева к Аксаковой (Тютчевой) описаны под цифрой «1» (114 единиц); переписка Тютчева с Аксаковым – под цифрой «2» (60 единиц)) и два контекстных, упоминающих Тютчева (переписка Аксаковых между собой – под цифрой «3» (22 единицы); остальные письма описаны под цифрой «4» (8 единиц)).

Все даты даны по старому стилю. Сноски оформлены в круглых скобках с указанием номера источника, описанных в библиографическом списке в конце росписи, а также, через запятую, номер страницы (страниц) или листа (листов).

Основные используемые сокращения: А, Аксаков – И.С. Аксаков; АФ, Аксакова, Тютчева – А.Ф. Аксакова (рожд. Тютчева); ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (М.); ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (СПб.); Л. – лист(ы); М. – Москва; Оп. – опись; пер. – перевод; П. – Санкт-Петербург; РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и ис-

²⁷⁴ Литературное наследство. Т. 19–21 / Отв. ред. П.И. Лебедев–Полянский. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. С. 597–598.

²⁷⁵ См.: Аксаков И.С. Письмо Тютчеву Ф.И., 16 декабря 1872 г. / Публ. А.Л. Осповата, А.Б. Рогинского // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. Кн. II. М.: Наука, 1989. С. 497–498.

²⁷⁶ Там же. С. 497.

куства (М.); рус. – русский язык; Собр. Пигарева – Семейный архив К.В. Пигарева (М.); Т, Тютчев – Ф.И. Тютчев; Ф. – фонд; фр. – французский язык.

1861

4.1. 8 окт. М. А – А.Д. Блудовой. Благодарит Тютчева за стихотворение «При посылке Нового Завета», предназначенное для публикации в газете «День» (4, 193).

2.1. 23 окт. П. Т – А в М. (Впервые: «Московский понедельник». 1922. № 13. 11 сент. С. 3 при статье Д.Д. Благого; 11, 262–263; 19, 13–14). Автограф неизвестен. Печатается по весьма несовершенной копии Аксаковой (2, 1–3 об.).

4.2. 25 окт. М. А – А.Д. Блудовой. Пишет о впечатлении, которое произвело на него письмо Тютчева. Ответ Аксакова на письмо Тютчева не сохранился (9, 28–29).

4.3. 7 нояб. М. А – А.Д. Блудовой. Спрашивает о возможности передать Тютчеву послание «К Сербам» для предоставления его в цензуру. Намерение Аксакова перепечатать «послание» в России не осуществилось (4, 208, 239).

1862

3.1. 25 мая. Царское Село. АФ – А. В письме стихотворение Тютчевой «Святые горы» и одноименная переделка этого же стихотворения Тютчевым (12, 329 (пер. с фр.)). Стихотворение Тютчева впервые опубликовано 15 сентября 1862 г. в газете «День», № 37 (9, 42, 51).

3.2. 22 окт. М. А – АФ. Проявляет заинтересованность в получении стихов Тютчева для своей газеты. Автограф: Собр. Пигарева (9, 52).

3.3. 26 окт. Царское Село. АФ – А. В письме речь идет о чтении Тютчевым статьи Аксакова «Договор Порты с Черногорией» («День». 1862. № 41. 13 окт.). Тютчева обещает Аксакову достать для него новые стихи отца (12, 333; 9, 52, 53).

1863

1.1. 25 июня. М. Т – АФ в Царское Село. Рассказывает о своих беседах с Аксаковым и Катковым. Полностью согласен с точкой зрения Аксакова на польский вопрос (14, 222 (пер. с фр.); 9, 74).

17 июля. Д.И. Сушкова поручает Тютчеву передать Аксакову для публикации в «Дне» два письма из Минска, адресованные А.С. Паниной. Выдержки из них Аксаков напечатал в: «День». 1863. 27 июля. № 30 (9, 77).

2.2. <7 авг.> М. Т – А. Тютчев посылает Аксакову стихотворение «Ужасный сон отяготел над нами...» Об этом см. письмо: Т – А от 8.8.1863 г. (9, 80).

2.3. <8 авг.>. М. Т – А в М. Сообщает поправки к стихотворению «Ужасный сон отяготел над нами...» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 627. Л. 1–1 об.; 11, 264; 19, 37–38).

2.4. 9 авг. М. Т – А в М. Предоставляет Аксакову право распоряжаться стихотворением «Ужасный сон отяготел над нами...» Сообщает дополнительную поправку к нему (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 627. Л. 2; 11, 264; 19, 40–41).

Стихотворение опубликовано в газете «День» (1863. 10 авг. № 32. С. 3–4) с учетом всех тютчевских поправок.

1864

3.4. 6 дек. М. А – АФ. Просит прислать стихи Тютчева. Автограф: Собр. Пигарева (9, 137).

3.5. 22 дек. / 3 янв. Ницца. АФ – А. Посылает стихотворение Тютчева «Epsyclisa». Автограф: Собр. Пигарева (9, 139).

1865

3.6. 2 янв. М. А – АФ. Благодарит за присланное ею стихотворение «Epsyclisa». Автограф: Собр. Пигарева (9, 142). Стихотворение опубликовано в газете «День» (1865. 9 янв., № 2).

3.7. 22 янв. / <3 февр.> Ницца. АФ – А. Пишет о восторженной реакции отца на передовую статью «Дня» (№ 2) по поводу энциклики папы Пия IX. Посылает ему эпиграмму «Ответ на адрес» (12, 368).

3.8. 3/15 февр. Ницца. АФ – А. Сообщает мнение отца о передовой статье «Дня», № 3, 15 янв. (12, 370).

3.9. 25 февр. / <9 марта.> Ницца. Тютчев с Тютчевой читает не пропущенную цензурой статью Аксакова, предназначавшуюся для газеты «День» (№ 7) и присланную им Тютчевой (см.: АФ – А. Ницца. 26 февр. 1865. Автограф: Собр. Пигарева (9, 150)).

3.10. 28 февр. М. А – АФ. Разъясняет обстоятельства публикации в «Дне» (1865. № 4) стихотворения Тютчева «Как хорошо ты, о море ночное...» Автограф: Собр. Пигарева (9, 150).

3.11. 8/20 марта. Ницца. АФ – А. Передает слова Тютчева о себе. Автограф: Собр. Пигарева (9, 152).

3.12. 25 марта / <6 апр.> Ницца. АФ – А (на фр.). Передает одобрительный отзыв Тютчева о статьях Аксакова в газете «День». Автограф: Собр. Пигарева (9, 153–154).

3.13. 11 авг. М. А – АФ. Сообщает суждение ее сестры Екатерины о причинах раздражительности отца. Автограф: Собр. Пигарева (9, 170).

3.14. <3 сент.> М. А – АФ. Описывает свое посещение Тютчева с тем, чтобы сообщить ему о своей помолвке с Тютчевой (12, 378).

3.15. 14 сент. М. А – АФ. Пишет о длительной совместной прогулке и беседе с Тютчевым. Автограф: Собр. Пигарева (9, 173).

3.16. 1 окт. М. А – АФ об отношении Тютчева к предстоящему браку дочери (8, 173). Письмо не опубликовано.

3.17. 2 окт. М. А – АФ. С восхищением пишет о стихотворении Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...». Сетует, что Тютчев отдает свои стихи не только в «День», но и в «Русский вестник» (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 236. Л. 97–98; 9, 174–175).

3.18. 5 окт. М. А – АФ. Несколько раз упоминает Тютчева (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 236. Л. 111; 9, 175).

3.19. 2 дек. М. А – АФ. Пишет: Ю.Ф. Самарин сообщает ему, что Тютчев просит его выступить с ответом на статью М.А. Антоновича «Суемудрие “Дня”» («Современник». 1865. № 10). (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 236. Л. 261; также см.: 8, 174). Аксаков выполняет пожелание Тютчева, см. его передовую статью («День». 1865. № 49).

3.20. 6 дек. М. А – АФ. Сожалеет, что Тютчеву «не удалось отстоять» «Современник» от второго предостережения. Интересуется его мнением о своей статье в «Дне» от 4 декабря, № 49 (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 236. Л. 273; также см.: 8, 174).

2.5. 8 дек. П. Т – А в М. (Впервые: 13, 11–14; 11, 264–265; 19, 117–119).

2.6. 10 дек. А – Т. См. упоминание об этом письме в письме: А – АФ от 9.12.1865 г. (8, 175).

1866

1.1. 25 февр. П. Т – АФ в Абрамцево (Впервые: 11, 266–267 (на фр. и в пер.); 19, 128–132).

2.7. 1 апр. А – Т. Это письмо было перлюстрировано. Полный текст его неизвестен. Копия отрывка сохранилась в «секретном архиве» III Отделения (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. № 1027. Л. 1; см.: 9, 196–197).

1.2. 9 апр. П. Т – АФ в Абрамцево (Впервые: 11, 268–270; 19, 136–141 (на фр. и в пер.)).

2.8. До 19 апр. А – Т. См. упоминание об этом письме в письме: Т – А от 19.4.1866 г.

2.9. 19 апр. П. Т – А в М. (Впервые: 11, 272–273; 19, 145–147).

1.3. 25 июля. П. Т – АФ (8, 180). Письмо не опубликовано.

1.4. 16 авг. П. Т – АФ в Абрамцево (Впервые: 11, 274–276 (на фр. и в пер.); 19, 175–179 (на фр. и в др. пер.)).

2.10. До 7 окт. А – Т. См. упоминание об этом письме в письме Тютчева к Аксакову от 7.10.1866 г.

2.11. 7 окт. П. Т – А в М. (Впервые: 11, 276–277; 19, 180–181).

3.21. 15 окт. П. Семью Тютчевых посещает Аксаков. См.: А – АФ. П. 16 окт. 1866 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 235. Л. 3 об.; 9, 227).

3.22. 18 окт. П. Аксаков видится с Тютчевым. См.: А – АФ. П. 18 окт. 1866 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 235. Л. 2; 9, 227).

1.5. 21 нояб. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 277–278; 19, 182–184 (на фр. и в пер.)).

1.6. 20 дек. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 278–280 (на фр. и в пер.); 19, 188–192 (на фр. и в др. пер.)).

1867

2.12. 5 янв. П. Т – А в М. (Впервые – отрывки: 13, 15; полностью: 11, 281; 19, 194–195).

2.13. 8 янв. П. Т – А в М. (Впервые – отрывки: 13, 16–17; полностью: 11, 282–283. 19, 195–197).

1.7. 22 янв. П. Т – АФ в М. (Впервые: «Литературная газета». 1936. № 3. 15 янв. С. 6 (отрывок в рус. пер.); полностью: ЛН, 97, 283–285 (на фр. и в пер.); 19, 200–203 (на фр. и в др. пер.)).

1.8. 1 февр. П. Т – АФ в М. (18, 288–290 (пер. с фр.); 20, 316–318).

1.9. 8 февр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 286–287 (на фр. и в пер.); 19, 204–206 (на фр. и в др. пер.)).

1.10. 13 февр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 288–289 (на фр. и в пер.); 19, 206–208 (на фр. и в др. пер.)).

2.14. 19 февр. П. Т – А (8, 184). Письмо не опубликовано.

1.11. 23 февр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 290–291 (на фр. и в пер.); 19, 208–210 (на фр. и в пер.)).

1.12. 17 марта. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 291–292 (на фр. и в пер.); 19, 210–212 (на фр. и в др. пер.)).

2.15. До 5 апр. Несохранившееся письмо (А – Т), которое Тютчев называет «предсмертной передовой статьей “Москвы”». См. упоминание в письме: Т – А от 18.4.1867 г. (9, 248–249).

2.16. До 18 апр. Несохранившееся письмо (А – Т). См. упоминание в письме: Т – А от 18.4.1867 г.

2.17. 18 апр. П. Т – А в М. (Впервые полностью: 17, 211–213; 11, 292–294; 19, 215–218).

1.13. 19 апр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 294–296 (на фр. и в пер.); 19, 218–221 (на фр. и в пер.)).

2.18. 10 мая. П. Т – А в М. (Впервые полностью: 11, 296–297; 19, 227–228).

2.19. 16 мая. П. Т – А в М. (Впервые полностью: 11, 298; 19, 229–231). Автограф: Собр. Пигарева.

2.20. 20 мая. П. Т – А в М. (19, 231–232).

1.14. 21 июня. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 299–301; 19, 238–243 (на фр. и в пер.)).

1.15. 15 авг. П. Т – АФ в М. (19, 251–254 (на фр. и в пер.)).

2.21. 23 авг. П. Т – А в М. (Впервые: 11, 302–303; 19, 257–258).

1.16. 29 авг. П. Т – АФ в М. Автограф: 1, 108–109 об. (на фр.); в описи РГАЛИ значится под неверной датой: «20 августа 1867 г.» (см.: 9, 281).

1.17. 7 (?) сент. П. Т – АФ. Дата сомнительна: в оригинале неразборчиво (см.: 8, 190).

1.18. 8 сент. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 303–305; 19, 266–269 (на фр. и в пер.)).

1.19. 20 сент. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 305–307; 19, 269–272 (на фр. и в пер.)).

1.20, 2.22. 23 сент. П. Т – АФ и А в М. (Впервые: 11, 307–308 (на фр. и в пер.); 19, 272–274 (на фр. и в пер.)).

2.23. 2 окт. П. Т – А в М. (Впервые: 10, 239–240; 11, 309; 19, 274–276).

1.21, 2.24. 7 окт. П. Т – АФ и А в М. (Впервые: 11, 309–310; 19, 276–279 (на фр. и в пер.)).

1.22. 18 окт. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 312–313; 19, 283–285 (на фр. и в пер.)).

2.25. 22 окт. Телеграмма: А – Т в П. (9, 292).

1.23. <9 нояб.> М. Записка: Т – АФ (9, 293–294, пересказ, цитата).

2.26. 19 нояб. Т – А в М. (Впервые: 11, 313–314; 19, 293–294).

2.27. 25 или 26 нояб. Телеграмма: А – Т. См. упоминание об этой телеграмме в письме: Т – А от 26.11.1867 г.

2.28. 26 нояб. П. Т – А в М. (11, 314–315; 19, 296–298).

2.29. 28 нояб. М. А – Т в П. (10, 597–601; 6, 353–355). Ответом Тютчева на это письмо было его письмо к Аксаковой от 3.12.1867 г.

1.24. 3 дек. П. Т – АФ в М. (11, 315–317; 19, 298–300 (на фр. и в пер.)).

2.30. 18 дек. П. Т – А в М. (11, 317–318; 19, 302–303).

1.25. 23 дек. П. Т – АФ в М. (9, 299, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 120–121 об.).

1.26. 29 дек. П. Т – АФ в М. (9, 299, пересказ). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 122–123 об.).

1868

2.31. 4 янв. П. Т – А в М. (Впервые полностью: 11, 318–319; 19, 303–304).

2.32. Янв., <между 4 и 16 янв.> П. Т – А в М. (11, 319–320). Отрывок (начало письма утрачено); датирован предположительно.

1.27. 22 янв. П. Т – АФ в М. (11, 320–322 (на фр. и в пер.)).

2.33. 30 янв. П. Т – А в М. (Впервые: 11, 322–323; 19, 305–306).

1.28. 2 февр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 323–324 (на фр. и в пер.); 19, 306–309 (на фр. и в пер.)).

2.34. 9 февр. П. Т – А в М. (Впервые: 11, 325; 19, 309–310).

1.29. 16 февр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 325–327 (на фр. и в пер.); 19, 310–312 (на фр. и в пер.)).

2.35. До 17 февр. А – Т. Несохранившееся письмо. См. упоминание о нем в письме: Т – А от 17.2.1868 г.

2.36. 17 февр. П. Т – А в М. Отвечает на несохранившееся письмо Аксакова (Впервые: 18, 317–318; 11, 328; 19, 312–314).

1.30. 20 февр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 329–330 (на фр. и в пер.); 19, 314–316 (на фр. и в пер.)).

2.37. Вероятно, 25 марта. П. Телеграмма: Т – А в М. Требуется изъять из сборника своих стихов (М., 1868) три стихотворения (9, 316, 541).

4.4. 25 марта. П. М.Ф. Бирилева – АФ в М. Письмо написано по поручению Тютчева (12, 392–394 (пер. с фр.); см.: 9, 315–316, 540).

4.5. 1 апр. Телеграмма: М.Ф. Бирилева – А. Пишет (без ведома отца, но от его имени) об исключении из сборника Тютчева еще одного стихотворе-

ния. Телеграмма пришла поздно: к этому времени работа по изъятию нежелательных стихов была закончена (см.: 9, 317, 542).

2.38. До 11 апр. Т – А. См. упоминание об этом письме в письме: Т – АФ от 11.4.1868 г.

1.31. 11 апр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 330–331 (на фр. и в пер.); 19, 319–321 (на фр. и в пер.)).

1.32. 20 апр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 332–334; 19, 322–327 (на фр. и в пер.)).

2.39. 23 апр. П. Т – А в М. (Впервые: 11, 334–336; 19, 327–329).

1.33. 28 апр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 19, 329–332 (на фр. и в пер.)).

1.34. 2 мая. П. Т – АФ в М. (9, 323, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 140–142 об.)

1.35. 27 июня. Старая Русса. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 337–339; 19, 334–337 (на фр. и в пер.)).

1.37. <19 июля.> М. Т – АФ в Кунцево (9, 333, пересказ, цитата). Письмо без даты; помечено пятницей. Письмо не опубликовано (автограф: 1, 145–146 об.).

1.38. 9 сент. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 339–340; 19, 346–348 (на фр. и в пер.)).

4.6. 21 сент. П. Тютчев посылает в редакцию газеты «Москва» стихотворение «Памяти Е.П. Ковалевского». См. упоминание об этом письме в письме: Т – А от 22.9.1868 г.

2.40. 22 сент. П. Т – А в М. (Впервые: 11, 341–342; 19, 351–352). Автограф: Собр. Пигарева.

1.39. 25 сент. П. Т – АФ в М. (9, 342–343, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 149–150 об.).

2.41. 29 сент. П. Т – А в М. (Впервые: 11, 342–344; 19, 352–355).

1.40. 3 окт. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 344–345; 19, 355–357).

2.42. 15 окт. П. Т – А в М. (Впервые: 11, 346; 19, 357–359).

1.41. 24 окт. П. Т – АФ в М. (11, 347–348 (на фр. и в пер.)).

2.43. 18 нояб. П. Т – А в М. (Впервые: 18, 327–328; 11, 348–349; 19, 363–365).

1.42. 3 дек. П. Т – АФ в М. (11, 349–351 (на фр. и в пер.)).

1869

2.44. 2 янв. П. Т – А в М. (Впервые, с включением отрывка из другого письма Тютчева к Аксакову: 13,, 25–27; 11, 351–352; 19, 368–369).

1.43. 2 янв. П. Т – АФ в М. (18, 330–331 (пер. с фр.)).

1.44. 18 янв. П. Т – АФ в М. (16, 353; 11, 353–354 (на фр. и в пер.)).

2.45. 19 февр. П. Т – А в М. (11, 355–356).

1.45. 29 марта. П. Т – АФ в М. (9, 365, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 159–160 об.).

1.46, 2.46. 7 июня. П. Т – АФ и А в Ново-Аксаково Оренбургской губ. (11, 357–358 (на фр. и в пер.)).

1.47. 7 июля. М. Т – АФ в Ново-Аксаково Оренбургской губ. (9, 376, пересказ и цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 163–164 об.).

1.48, 2.47. 4 сент. П. Т – АФ и А в М. (Впервые: 11, 358–359 (на фр. и в пер.); 19, 375–377 (на фр. и в др. пер.)).

1.49. <14> сент. П. Т – АФ в М. Извещает по поручению Аксакова, что хлопоты о разрешении перевезти в Россию тело Н.С. Аксаковой успешно завершились (9, 384). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 167).

1.50. 27 окт. П. Т – АФ (8, 204). Письмо не опубликовано.

1.51. 30 окт. П. Т – АФ в М. (18, 338–339 (пер. с фр.); 11, 360–361 (на фр. и в пер.)).

1.52. 12 нояб. П. Т – АФ в М. (9, 390, пересказ). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 174–175 об.).

1.53. 3 дек. П. Т – АФ (8, 204). Письмо не опубликовано.

1.54. 24 дек. П. Т – АФ в М. (9, 392, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 178–179 об.).

1870

1.55. 28 февр. П. Т – АФ в М. (9, 397, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 180–181 об.).

2.48. 13 марта. П. Т – А в М. Ответ на несохранившееся письмо Аксакова (см.: 3, 185–187, без обращения и заключительных строк). (Автограф: 2, 64–68. Копия: 9, 399–400).

1.56. 3 апр. П. Т – АФ в М. (18, 341–342 (на фр. и в пер.); 19, 380–383 (на фр. и в др. пер.)).

1.57. 17 апр. П. Т – АФ в М. (9, 402, пересказ). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 184–185 об.).

1.58. 9 июня. П. Т – АФ в М. (9, 405–406, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. № 74. Л. 87–88 об. (на фр.)).

1.59. 26 июня. П. Т – АФ в М. (9, 407, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 186–187 об.).

1.60. 19/31 июля. Карлсбад. Т – АФ в М. (9, 411, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 188–189 об.).

1.61. 31 июля / 12 авг. Тёплиц. Т – АФ в М. (Впервые: Литературное наследство, т. 31–32. М., 1937, с. 755–756 (рус. пер.); 19, 387–390 (на фр. и в пер.)).

1.62. 7/19 авг. Тёплиц. Т – АФ и Е.Ф. Тютчевой в М. Отвечает на только что полученные письма обеих дочерей (9, 415–416, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 192–193 об.).

1.63. 13 окт. П. Т – АФ в М. (11, 361–362 (на фр. и в пер.)).

1.64. 19 окт. П. Т – АФ в М. (Впервые: 11, 362–364 (на фр. и в пер.); 19, 391–393 (на фр. и в др. пер.)).

1.65. 27 окт. П. Т – АФ в М. (9, 415–416, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 198–199 об.).

1.66. 7 нояб. П. Т – АФ в М. (10, 241 (в сокращ., пер. с фр.); 9, 429, пересказ, цитаты; автограф: 1, 200–203 об.).

2.49. 8 нояб. М. А – Т. Отвечая на несохранившееся письмо Тютчева от 5 или 6 ноября, Аксаков характеризует реакцию московского общества на декларацию, опубликованную 3 ноября. Это письмо Аксакова также не сохранилось. О содержании его позволяет судить свидетельство Аксаковой (см.: 21, 503). Письмо Аксакова перлюстрировано. Краткая выписка из него сохранилась в архиве III Отделения (см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. № 1746. Л. 1–2 об.; см.: 9, 429).

1.67. 11 нояб. П. Т – АФ в М. (9, 430–431, отрывок). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 204–205 об.).

2.50. 12 нояб. П. Т – А в М. (10, 242–243). Написано рукой М.Ф. Бирилевой под диктовку Тютчева и включено в ее письмо к Аксакову от 12.11.1870 г. с пояснением.

4.7. 20 нояб. М.Ф. Бирилева вручает Тютчеву долгожданный адрес Московской городской думы, полученный по почте от Аксаковой. Тютчев незамедлительно отправляет его А.М. Горчакову в расчете, что тот поспешит вручить его императору. Составителем «адреса» был Аксаков (9, 433).

1.68. 22 нояб. П. Т – АФ в М. (18, 347–348 (пер. с фр.); 20, 389–390).

1.69. 1 дек. П. Т – АФ в М. (10, 245–247 (пер. с фр.)).

4.8. 2 дек. П. По поручению Тютчева М.Ф. Бирилева сообщает Аксакову о реакции министра внутренних дел А.Е. Тимашева на мнение императора об адресе московской думы (12, 414).

1.70. 7 дек. П. Т – АФ в М. (11, 364–366 (на фр. и в пер.)).

1.71. 20 дек. П. Т – АФ в М. (см.: 10, 223; 9, 438, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 216–217 об.).

1.72. 24 дек. П. Т – АФ (8, 214). Письмо не опубликовано.

1.73. 25 дек. П. Т – АФ в М. (9, 438, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 218–219 об.).

1871

1.74. 5 янв. П. Т – АФ в М. (9, 440, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 220–221 об.).

1.75. 14 янв. П. Т – АФ в М. (18, 349–350 (пер. с фр.); 20, 393).

1.76. 1 февр. П. Т – АФ в М. (9, 441–442, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 224–225 об.).

1.77. 18 февр. П. Т – АФ в М. (9, 442, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 226–227 об.).

1.78. <7> марта. П. Т – АФ в М. (9, 442, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 228–229 об.).

1.79. 27 марта. П. Т – АФ в М. (9, 446, пересказ, цитата). Письмо осталось незаконченным, Тютчев продолжил его 31 марта. Письмо не опубликовано (автограф: 1, 230–231 об.).

1.80. 31 марта. П. Т – АФ в М. (9, 447, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 232–233 об.).

1.81. 6 апр. П. Т – АФ в М. (9, 447, пересказ). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 234–235 об.).

1.82. 23 апр. П. Т – АФ в М. (9, 448, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 236–237 об.).

2.51. 7 мая. П. Т – А в М. (Впервые, отрывок: Литературное наследство, т. 31–32. М., 1937, с. 763; полностью: 11, 366; 19, 398–399).

1.83. 23 мая. П. Т – АФ в М. (9, 449, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 238–240 об.).

1.84. 23 июня. П. Т – АФ в Спасское, близ М. (9, 452, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 240–241 об.).

1.85. 2 июля. П. Т – АФ в Спасское, близ М. (9, 454, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 242–243 об.).

1.86. 17 июля. П. Т – АФ в Спасское, близ М. (Впервые: 15, 482–484 (пер. с фр.); 17, 256; 19, 399–402 (на фр. и в пер.)).

1.87. <12 авг.> М. Т – АФ в Спасское, близ М. (9, 459, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 246).

1.88. 2 сент. П. Т – АФ в Спасское, близ М. (11, 367–369 (на фр. и в пер.)).

1.89. 17 сент. П. Т – АФ в М. (9, 464, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 250–251).

2.52. 25 сент. П. Т – А в М. (9, 465, пересказ, цитата). Письмо не опубликовано (автограф: 2, 76–77 об. и 78–80 – копия Э.Ф. Тютчевой).

1.90. 25 сент. П. Т – АФ в М. (9, 465, пересказ). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 252–253 об.).

1.91. 30 сент. П. Т – АФ (8, 221). Письмо не опубликовано.

2.53. 2 окт. П. Т – А в М. (11, 369–370).

1.92. 6 окт. П. Т – АФ в М. (11, 370–372 (на фр. и в пер.)).

2.54. 16 окт. П. Т – А в М. (Впервые: 19, 407–410).

2.55. 16 окт. П. Тютчев получает из М. «письмо» Аксакова к Дёллингеру (9, 467).

1.93. 17 окт. П. Т – АФ в М. (9, 468, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 256–257 об.).

1.94. 20 окт. П. Т – АФ в М. (9, 468, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 258–259 об.).

1.95, 2.56. 22 окт. П. Т – АФ и А в М. (9, 469, пересказ). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 260–263 об.).

1.96. 26 окт. П. Т – АФ в М. (9, 469, пересказ). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 264–265 об.).

2.57. 21 окт. М. А – Т (автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 59. Л. 1–4 об.; 23, 199–206, 206–210 (комм.)).

2.58. 19 нояб. П. Т – А в М. (11, 372–373).

1.97. 27 нояб. П. Т – АФ в М. (9, 471, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 266–267 об.).

1.98. 12 дек. П. Т – АФ в М. (9, 472, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 268–269 об.).

1.99. 17 дек. П. Т – АФ в М. (9, 472, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 270–271 об.).

1872

1.100. 4 янв. П. Т – АФ в М. (11, 373–375 (на фр. и в пер.)).

1.101. 21 апр. П. Телеграмма: Т – АФ. Здесь четверостишие Тютчева к Аксаковой «Мир и согласие между нас...», посланное в день ее рождения (9, 485).

1.102. 20 мая. П. Т – АФ в М. (9, 487–488, пересказ, цитаты). Письмо не опубликовано (автограф: 1, 293–294 об.).

1.103. 26 мая. П. Т – АФ (8, 223). Письмо не опубликовано.

1.104. 11 июля. П. Т – АФ в Турово (Впервые: 11, 375–376; 19, 412–415 (на фр. и в пер.)).

1.105. 2 сент. П. Т – АФ (8, 224). Письмо не опубликовано.

1.106. 28 сент. П. Т – АФ (11, 376–378).

1.107. 30 окт. П. Т – АФ (8, 225). Письмо не опубликовано.

1.108. 11 нояб. П. Т – АФ (8, 225). Письмо не опубликовано.

1.109. 17 нояб. П. Т – АФ (11, 379–380).

2.59. 16 дек. М. А – Т (12, 497–498; автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 59. Л. 5–6 об.).

1873

1.110. <30 янв.> П. Т – АФ в М. (14, 251 (пер.); то же: 16, 430).

1.111. 7 февр. П. Т – АФ в М. (Впервые: 17, 258–259 (пер.); 19, 415 (на фр. и в пер.)). Автограф: Собр. Пигарева.

1.112. <Около 23 февр.> П. Т – АФ (3, 187–190 (на фр. и пер.)).

2.60. 26 февр. М. А – Т. Отвечает на письмо Тютчева <ок. 23 февр.>, адресованное Аксаковой (9, 510, пересказ, цитата). (Автограф: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 59. Л. 7–8 об.; 23, 210–213, 210 (комм.)).

1.113. 9 марта. П. Т – АФ (3, 197–198 (отрывок, на фр. и в пер.); 9, 512, пересказ, цитаты). Письмо полностью не опубликовано (автограф: 1, 275–278 об.).

1.114. <7 или 8 апр.> П. Т – АФ в М. (18, 359–360 (пер. с фр.); 20, 410–411). Письмо без даты.

Библиографический список

1. Тютчев Федор Иванович. Письма Аксаковой (Тютчевой) Анне Федоровне. 28 декабря 1838 г. – 1873 г. На французском языке // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. № 37. 318 л.

2. Тютчев Федор Иванович. Письма Аксакову Ивану Сергеевичу. 23 октября 1861 г. – 19 ноября 1871 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. № 25. 97 л.
3. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: тип. М.Г. Волчанинова (б. М.Н. Лаврова и К°), 1886.
4. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть 2: Письма к разным лицам. Т. 4. Письма к М.Ф. Раевскому, к А.Ф. Тютчевой, к графине А.Д. Блудовой, к Н.И. Костомарову, к Н.П. Гилярову-Платонову. 1858–1886 гг. СПб.: издание Императорской Публичной библиотеки, 1896.
5. Аксаков И.С. Письмо Тютчеву Ф.И., 16 декабря 1872 г. / Публ. А.Л. Осповата, А.Б. Рогинского // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. Кн. II. М., 1989. С. 497–498.
6. Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006.
7. Кузина Л.Н. Предисловие: [Письма] И.С. и А.Ф. Аксаковым // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. Кн. I. М., 1988. С. 258–262.
8. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева / сост. Георгий Чулков. М.; Л.: Academia, 1933.
9. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева: Книга третья (1861–1873) / Сост. Т.Г. Динесман, И.А. Королева, Б.Н. Щедринский. М.: «Индрик», Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева, 2012.
10. Литературное наследство. Т. 19–21. М.: Журнально-газетное объединение, 1935.
11. Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. М.: Наука, 1988–1989. Кн. I. 1988.
12. Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. М.: Наука, 1988–1989. Кн. II. 1989.
13. Мурановский сборник. Вып. 1. Мураново: Изд. Музея им. поэта Ф.И. Тютчева, 1928.
14. Пигарев К.В. Ф.И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. Приложение. Письма Ф.И. Тютчева // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 219–256.
15. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. К.В. Пигарева. М., 1957.
16. Тютчев Ф.И. Лирика. В 2 т. Т. 2 / Изд. подготовил К.В. Пигарев. М., 1965. («Литературные памятники»).
17. Тютчев Ф.И. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1980.
18. Тютчев Ф.И. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1984.
19. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. Т. 6: *Письма, 1860-1873* / сост., коммент. Л.Н. Кузина. М.: Классика, 2004.

20. Тютчев Ф.И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова. М.: Культурная революция, 2007.

21. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники / пер. с фр. Л.В. Гладковой. 3-е изд., доп. М.: Захаров, 2004.

22. Указатель писем Тютчева в архивах СССР. Составила И.А. Королева // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2 кн. Кн. I. М., 1988. С. 568–575.

23. Новое об историософских взглядах И.С. Аксакова. Два неизвестных его письма к Ф.И. Тютчеву 1871 и 1873 гг.: (Публ. А.П. Дмитриева) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 193–213.

1870-е и 1880-е годы

«Каждое твое слово я готов подписать» (О переписке И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, 1848–1876 гг.)

См.: Мотин С.В. «Каждое твое слово я готов подписать» (О переписке И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, 1848–1876 гг.) // Вестник Уфимского ЮИ МВД России. 2016. № 2. С. 103–108.

«...в нем <И.С. Аксакове> не только много жизни, но даже есть какие-то возбудительные силы, действующие на других. Я особенно ценю в нем его беспощадную строгость к самому себе...» [1, с. 10].

Ю.Ф. Самарин – А.О. Смирновой, 25.V.1849 г.

«Юрий Федорович Самарин был из сонма тех *трех*, которые в истории русского общества осуществили тот умственный и нравственный процесс, что зовется славянофильством» (с. 333–334).

И.С. Аксаков. Речь о Ю.Ф. Самарине, 18.IV.1876 г.

«Их <И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина> роднили между собой самостоятельность и независимость общественной позиции, они прожили жизнь так, как редко кому удается, – не изменяя убеждениям, не кривя душой» (с. 7).

Т.Ф. Пирожкова

В марте 2016 г. вышла из печати третья книга «Славянофильского архива», в которой представлена переписка И.С. Аксакова (62 письмо) и Ю.Ф. Самарина (71 письмо), выдающихся славянофилов, сыгравших огромную роль в социально-политической и духовной жизни России XIX века. Никогда прежде их письма не собирались воедино, а отношения – личные и творческие – не исследовались.

Юрий Фёдорович Самарин [21.4(03.05).1819 – 19(31).03.1876] – православный мыслитель, историк, общественный деятель, публицист, критик, философ, один из лидеров пореформенного славянофильства. Иван Сергеевич Аксаков [26.09(08.10).1823 – 27.01(08.02).1886], правовед, поэт, редактор, публицист, издатель, общественный деятель, один из лидеров пореформенного славянофильства.

Их переписка велась на протяжении почти 28 лет: первое и последнее письма написаны Аксаковым – 20.X.1848 г. и 10.III.1876 г. Из 133 писем, опубликованных в книге, 105 печатаются впервые. Все письма сопровождаются обстоятельными примечаниями, которые по объему намного превосходят текст писем, а отдельные из них, по сути, превращаются в мини-исследования. Переписка знакомит читателей с жизнью и творчеством кор-

респондентов в широком контексте социальных и культурных исканий русского общества 1840–1870-х гг.

Содержание книги: *Т.Ф. Пирожкова*. Переписка двух славянофилов, с. 5–44; Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) (*подгот. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко*), с. 45–324; <между страницами 324 и 325 размещена вкладка на 16 с. с 29 иллюстрациями;> *Дополнение*. Письмо И.С. Аксакова Д.А. Оболенскому, с. 327–330; И.С. Аксаков. Речь о Ю.Ф. Самарине (Сказана в заседании Славянского комитета 18 апреля 1876 г.) (*подгот. Т.Ф. Пирожкова*), с. 331–334; *Приложение*. Примечания (*подгот. Т.Ф. Пирожкова, В.Ю. Шведов*), с. 337–649; Список сокращений, с. 650–651; Список иллюстраций, с. 652; Указатель имен (*сост. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко*), с. 653–708 (см.: с. 709).

Из обширного эпистолярного наследия славянофилов, полностью не собранного и не изданного до сегодняшнего дня, рассматриваемая переписка выделяется своим объемом и значением. В ней идет речь о судьбах славянофильства в пореформенное время, о состоянии славянофильского кружка и о взаимоотношениях в нем, о журнально-издательской политике славянофилов, о внешней политике России, о российских и европейских политических деятелях. Письма раскрывают масштаб личности корреспондентов, их творческих дарований и нравственных качеств. Переписка отличается необыкновенно доверительным тоном, это бесценный материал для летописи их жизни и творчества. До 1861 г. переписка (15 писем) носила эпизодический характер. После смерти в 1860 г. А.С. Хомякова и К.С. Аксакова, когда Самарин и Аксаков стали сильнее нуждаться друг в друге, переписка приобретает более-менее регулярный характер. Вместе с тем публикаторы отмечают, что список обнаруженных писем довольно значителен: они перечисляют 8 таких посланий, но, возможно, имеются и другие утраченные или неведомые им свидетельства. Все письма печатаются по подлинникам, хранящимся в ИРЛИ РАН (59 писем), РГБ (73 письма) и РГАЛИ (1 письмо), без купюр, в хронологической последовательности (см.: с. 337–339).

Одним из первых на выход книги откликнулся А.А. Тесля (исследователь славянофильства и автор недавно опубликованной биографии Ивана Аксакова), который подчеркивает, что «выход в свет переписки И.С. Аксакова с Ю.Ф. Самариним – одно из наиболее долгожданных событий в изучении истории русской общественной мысли XIX века. Важность и интерес данной переписки давно были оценены исследователями» [см.: 2].

Письма Аксакова более подробны и обстоятельны; еще с юности он приучился писать к родным пространные письма, заменявшие ему дневник, с 1850-х годов он «осел» в Москве, жил с семьей, но потребность «изливать душу» осталась. Самарин нередко просил друга написать ему «*длинное, обстоятельное письмо обо всем и обо всех*», а потом благодарил «за длинное, интересное письмо»; иногда письма Аксакова напоминали «мастерскую этюду». Однако Самарин такие письма писать не умел – его письма короче,

сдержаннее, то, чем он занимался, казалось ему неинтересным для других, порою ему не хотелось распространяться о пережитом. Не раз – и без особенного успеха – Аксаков пенял Самарину на краткость его писем (см.: с. 36).

Переписке за каждый год предшествуют небольшие вводные статьи (всего их 20), в которых представлена информация об основных событиях в жизни корреспондентов за этот период, как упоминаемых в тексте писем, так и оставшихся за их пределами. В результате перед читателем предстает параллельное жизнеописание двух славянофилов, ведущееся, как правило, их собственными словами либо словами их близких и знакомых.

Представив общую характеристику изданных писем, предлагаем некоторые, важные на наш взгляд места из переписки друзей-славянофилов. В центре внимания первого аксаковского письма, написанного 20.X.1848 г. из Петербурга, оказывается рукописный вариант «Писем из Риги» Самарина (см.: с. 47), позже вошедших в состав 7-го тома его сочинений [3] и, кстати, впервые напечатанных Аксаковым в 1882 г. в газете «Русь».

Аксаков, 5.III.1851 г., Ярославль: «Возьмите все мои бумаги, писанные в продолжение 9-летней разнообразно-деятельной моей службы, возьмите все мои рапорты и записки, писанные в Министерство, о расколе и о других предметах: везде слышится искренний, а не официально лживый язык. По одному делу о расколе мне пришлось писать совершенно против мнения, принятого министром... <...> ...чем более уходит моя молодость, чем дальше в жизнь, чем зрелее становлюсь я, – тем сильнее и сильнее во мне потребность говорить языком правды, тем живее чувствую я в себе возможность *неблагоразумных, непрактических*, но честных поступков, тем гаже и гаже делается для меня ложь официальности, тем противнее самонадеянная, довольная собою и игнорирующая живую жизнь мания администрации» (с. 51).

Самарин, 29.XI.1860 г., Петербург: «Скоро всё затаенное выступит наружу, всё сдержанное приличием и внешним гнетом заговорит своим языком. Мы с Вами знаем, какие представления, понятия и идеалы выработались в умах тех несчастных поколений, которые воспитались в последнее двадцатилетие; сколько сгущений, концентрированной, сдавленной лжи, сколько всяких мерзостей и гнусностей нахлынет со всех сторон, как скоро приподнимутся цензурные шлюзы. Неужели наше общество, наш народ всем этим будет пропитываться и пропитается, не встречая ниоткуда противодействия?» (с. 75).

В переписке есть два фрагмента, посвященные старшему брату Ивана Аксакова и близкого по духу товарища Самарина – К.С. Аксакову.

Самарин, 2.I.1861 г., Петербург: «Такая ничем не омраченная чистота сердца и неповрежденность нравственного существа в другой среде почти немислима. Разумеется, он был грешен, как все, но есть целый порядок соблазнов, для которых душа его была неприступна не вследствие борьбы на-

пряженной воли, а по прирожденной чистоте его сердца. Это именно те соблазны, которые притупляют тонкость нравственного чутья, от которых грубеет и черствеет совесть, обленивается мысль и теряет упругость воля. Его пример доказывает, что значит целомудрие во всех проявлениях жизни, в трудах мысли, в семейном быту, в общественной деятельности. Он и науку постигал чистым сердцем своим, а не упорным трудом мышления. Процесс умственного постижения в нем сливался с процессом жизненным. Он и Хомяков – это две личности, взаимно дополняющие и объясняющие одна другую» (с. 79).

Самарин, 10-12(22-24).VI.1864 г., Берлин: «Ты помнишь Ригера; как-то раз вечером, у него в деревне, мы перебирали всех наших общих знакомых; когда я назвал Константина, Ригер точно встрепенулся; выражение лица его изменилось, и вот его подлинные слова: “Аксаков – этот человек был из ряду вон; такого я никогда и нигде не встречал, а я много шатался по свету и у меня широкий круг знакомых. Кажется, это был святой человек, по крайней мере такими я представляю себе святых. Он привлекал и, сам того не ведая, покорял других не яркостью мысли, не даром слова и не силою воли, а необыкновенною чистотою своей неповрежденной души; в нем чувствовалось такое свежее и безошибочное нравственное чутье, перед которым всякая ложь и неправда, самая тонкая и самая затаенная, тотчас обличались. В его присутствии я терял самоуверенность и мне как-то становилось совестно и стыдно”. Ригер говорил о нем долго, с увлечением, с тем чувством, которое римляне называли *pietas* <благоговение (лат.)>; а ведь сколько времени прошло с тех пор, как мало они виделись, и сам Ригер, как человек по преимуществу практический, деловой, как, по-видимому, мало был способен понять и оценить Константина! Видно, однако, что Константин недаром прошел мимо его и что эта кратковременная встреча навсегда оставила след в его душе... <...> Рассказывают, не знаю, правда ли, будто бы Шеллинг сказал раз, говоря о Станкевиче: “перестаньте укорять его за бездействие; такие люди тем уж служат ближним, что они живут”. Эти слова можно применить к Константину» (с. 187).

Аксаков, 19.I.1861 г., Москва: «Я очень желаю твоего приезда, мне нужно с тобою видиться и поговорить, но не о тебе собственно и не об эмансипации, а о тех обязанностях, которые налагает на нас связь с умершими <А.С. Хомякове и К.С. Аксакове>, о наследстве, ими оставленном, об общественном положении славянофильства, о том, разойтись ли нам, или теснее соединиться, <...> создавать ли новый орган литературный, или отказаться от деятельности литературной...» (с. 82).

Аксаков, 6-8.III.1861 г., Москва: «Купив Положение <о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости>, я принялся его читать. Не обвиняя никого, я должен сказать, что есть от чего народу прийти в отчаяние. Он должен отказаться от надежды когда-либо понять это Положение, он должен ввериться истолкователям. <...> Его надо прочесть раз 10, чтобы взять

сколько-нибудь в толк: я говорю про нас, а не про народ. Про народ, кажется, никто и не подумал, <...> по крайней мере, таково впечатление» (с. 86).

Самарин, 21.III.1861 г., Самара: «Положение, и по содержанию, и по форме – вовсе не лирическое произведение, вылившееся из одной души в минуту цельного настроения, а *сделка* между четырьмя далеко, впрочем, не равносильными началами: интересом крестьян, интересом помещиков, взглядом правительства и взглядом нашим. <...> Надобно было *дружно* защищать общий труд и не доводить до внутреннего раскола, которым бы очень легко было воспользоваться противникам. Они об этом немало старались. Вот тебе мое оправдание» (с. 89, 90).

Самарин, 7.V.1861 г., Самара: «Не постигаю, как ты до сих пор не убедился, что первое и самое существенное условие всякой практической деятельности заключается в умении держаться твердо своих убеждений, как бы они радикальны ни были, и в то же время понимать, что осуществление их возможно только путем целого ряда сделок с существующим порядком вещей. Я знаю, что путь этот очень труден и не привлекателен; <...> Но что же делать? Таков закон всякого *прочного* развития, побеждающего *окончательно* и *безвозвратно* то, что лежит на его пути» (с. 97).

Аксаков, 17.V.1861 г., Москва: «Мне бы хотелось, чтобы газета отзывалась на каждое явление общественной жизни, подвергая его суду с известной точки зрения, освещая его светом славянофильской мысли, и в то же время в настоящем лабиринте, хаосе стремлений, понятий и направлений указывая путеводящую нить. Таким образом, в ней не должны находить место статьи чисто отвлеченного догматического содержания, например философские, богословские и т.д. (это не журнал, а газета), но пусть результаты, добытые славянофилами, объяснятся, так сказать на деле, примером, будут проведены в жизнь, озарят смысл современных явлений жизни. <...> Я жду от тебя указаний и наставлений» (с. 101).

Самарин, 22.VI.1861 г., Самара: «...взвесив все доводы и убеждения, я прихожу к тому, что издание *газеты* как-то не свойственно нашему литературному назначению и не гармонирует с ним. <...> Между сороковыми и шестидесятыми – громадная разница. С противниками нашими того времени мы стоим на противоположных полюсах, но на одинаковом уровне, можно было говорить, мы понимали друг друга. Теперь для поколения, воспитанного Белинским, “Отечественными записками”, “Современником” и т.д., наша среда вовсе не существует» (с. 102).

Аксаков, 30.VIII.1861 г., Москва: «...таково печальное положение дел в России, что всякое доброе семя, упдающее на общественную почву, взойдет и расцветет непременно каким-нибудь репейником. Россия – точно зеркало особенного рода, показывающая всё в кривом виде, и всякая истина отражается в ней ложью!» (с. 108).

Самарин, 23.X.1861 г., Самара: «Прошлое царствование началось с того, что в один морозный день, на Дворовой площади, облетел лучший цвет це-

лого поколения. Остались Орловы, Клейнмихели и Закревские. В развитии нашей общественности последовал насильственный перерыв. И теперь то же и еще хуже; потому что движение обхватило гораздо больший круг, и это движение не простое заблуждение ума, а видать разврат воли. Я знаю, что не наставят виселиц, не будут расстреливать, ни ссылать; но от этого не легче. Все-таки целое поколение, а может быть, и больше, *испорчено* навсегда для жизни. Зараза, которою оно прониклось в спертом воздухе казематов, закрытых заведений, ничем не вытравишь» (с. 112).

Аксаков, 22-23.III.1862 г., Москва: «Я с 21 № начал целый ряд статей об обществе. <...> Мне кажется, что эти статьи восполняют некоторый пробел в славянофильском учении, особенно в учении Константина о государстве и земле. Там не было места обществу, литературе, работе самосознания» (с. 121).

Самарин, 13.V.1862 г., Самара: «Все твои статьи о значении общества вообще и в применении к нам в особенности я читал с большим вниманием... <...> Они превосходны, и я должен тебе сказать, что, читая их, я дивился тому, как никто из нас до сих пор не догадался осветить именно эту сторону вопроса. <...> Определение общества как среды самосознающегося бытия (говоря гегелевским языком – *das Volksleben an und für sich* <народная жизнь сама по себе (нем.)>) совершенно ново; по крайней мере, в иностранной литературе я ничего подобного не встречал» (с. 122–123).

Самарин, 5.VII.1862 г., Самара: «Господи! Если б мы имели свободу книгопечатания, какую бы можно было устроить батарею против “Современника”, “Слова” и всей базаровщины! Но они этого не поймут никогда. Сквозь тучу сгущенных недоразумений никогда не проникнет ни один луч. *Quos vult perdere demental* <Кого [Бог] хочет наказать, того лишает разума (лат.)>» (с. 140).

Аксаков, 5.V.1863 г., Москва: «Война Европы с Россией есть требование истории; нелегко, недешево Западный мир допустит ей развиваться и укрепляться. Кажется, они смекают, что Россия свободная опаснее для них России николаевской, и что если дать ей еще 10 лет мира, так она приобретет огромный моральный вес в Европе...» (с. 175).

Аксаков, 27.VII.1864 г., Москва: «...прежде всего знай, что ты имеешь полнейшее право, и не только право, но и обязанность бранить меня всякий раз, когда тебе кажется, что я этого заслуживаю; я буду за это искренно благодарен...» (с. 193).

Самарин, 24.XII.1864/5.I.1865 г., Париж: «Тому назад лет 10 или 15, как всё казалось просто и легко; переехать из Петербурга в Москву, ослабить того натянутые поводья, дать простор местной жизни, умственной и промышленной, – и мы думали, что жизнь заиграет сама собою. Теперь странно и вспоминать об этих увлечениях нашей молодости. Опыт доказал несостоятельность разрешений, которыми так долго довольствовались; все стушева-

лось и слилось в какую-то бесцветную, дряблую, неосязаемую массу. Когда-то она окрепнет и примет определенный образ?» (с. 207).

Самарин, 15.X.1865 г., с. Васильевское. Узнав, что Аксаков жениться на старшей дочери Ф.И. Тютчева – Анне Федоровне, пишет: «...от всей души радуюсь за тебя, радуюсь и тому, что могу еще радоваться от всей души чужой радости, хотя чувствую в то же время, что для меня это потеря, потеря незаменимая и последняя. Последнего товарища я теряю. – А.Ф. всегда была для меня существом неразгаданным. Я уж не говорю об уме; но меня поражала эта изумительная чуткость совести, этот постоянный, неумолкающий протест против неправды и лжи, никогда в то же время не переходящий в ожесточение» (с. 227). «Я теперь примусь серьезно за Хомякова; может быть, эта работа подготовит и наведет меня на другой, серьезный труд о церковном вопросе, которого хватит за глаза на всю жизнь мою. Советую и тебе сделать тоже. Бросим журнальную полемику, писание статей и т.д., пора специализироваться и браться за сочинение книг» (с. 228).

Аксаков, май – начало октября 1872 г., Москва: «Знакома ли тебе “Молитва митрополита Филарета”. <...> Эта молитва, конечно, может занять место и, вероятно, займет в молитвенниках, рядом с молитвами Иоанна Златоуста, Василия Великого и других отцов церкви, но она отделяется от них своею оригинальностью. Она очень коротка. Вот она:

“Господи, не знаю, чего мне просить у Тебя. Ты один ведаешь, что мне нужно. Ты меня любишь паче, нежели я умею любить себя самого. Отче, даждь рабу Твоему, чего он сам просить не умеет. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения; только предстаю пред Тобою, сердце мое Тебе отверзаю. Ты зришь нужды мои, которых я не знаю: зри и сотвори по милости Твоей. Порази или исцели, низложи или подними меня: благоговею перед изволениями Твоими, не зная их, безмолвствую, приношу себя в жертву Тебе, предаюсь Тебе: нет у меня желания, кроме желания исполнить волю Твою. Научи меня молиться, Сам во мне молись”. <...>

Не правда ли, что эта молитва уже человека *нашего*, XIX века? Ни Златоуст, ни Григорий, ни Василий, ни другие молитвенники (если не ошибаюсь) не сказали бы: не знаю, чего мне просить, не знаю, чего мне нужно, безмолвствую, не умею молиться, Сам во мне молись. Это молитва человека верующего, но критически относящегося к собственным движениям души, обессиленного анализом себя самого и своих потребностей. Впрочем, мне казалось бы, что молитва современного человека, у которого *сознание*, так сказать, заступило место *совести*, а размышление заглушило ее простой голос, – у которого сознание, отражая в себе как в зеркале все движения души, заставило усомниться в их искренности и в собственной правдивости, – молитвы такого человека, устающего от борьбы и возни с самим собой, могла бы выразиться иногда в одном простом вопле: *Господи, отыщи во мне правду мою!*» (с. 288–289).

Самарин, 23.X.1872 г., с. Васильевское: «Поэтический талант, которым ты пренебрег, все-таки остался при тебе и выражается во всем, в полноте и свежести впечатлений, в умении по двум-трем высмотренным чертам воспроизвести всю внутреннюю жизнь лица, наконец в художественной, всегда умеренной идеализации действительного явления. Это великий дар, которого никто не ценит лучше меня именно потому, что я безусловно им обделен» (с. 289). «Писания для безграмотного люда не существует; остается богослужение. Но оказывается, что крестьяне, по крайней мере в здешних местах, не понимают в нем ни полслова; мало того, они так глубоко убеждены, что богослужебный язык им не по силам, что даже не стараются понять его. Из тридцати человек очень усердных к церкви и вовсе не глупых крестьян ни один не знал, что значит *паки, чаю, вечера, вонмем* и т.д. Выходит, что всё, что в церкви читается и поется, действует на них как колокольный звон; но как *слово* голос церкви не доходит до них ни с какой стороны...» (с. 290).

Аксаков, 18-19.VII.1873 г., Царское Село: «Любезный друг. Сегодня утром схоронили мы Тютчева. <...> Это был последний поэт, – т.е. последний поэт того типа, к которому принадлежал отчасти и Пушкин, и Гёте, – последний представитель той художественности, которая являлась не как способность, не как средство и уменье, а как самостоятельная духовная среда, о которую преломляясь, лучи возвышенной, отвлеченной мысли принимали поэтические, конкретные образы в слове и звуках. <...> Тютчев, живучи в Мюнхене, в Турине, вообще за границей, совершенно одиноко, совершенно самостоятельно, силою собственной мысли доработался до убеждений вполне славянофильских не только в смысле национальности, но и в области религиозной, даже православной. Вспомни, что он первый начал ту полемику с Западом о православии и католицизме, которую перенял у него и повел Хомяков» (с. 298, 300, 301).

Самарин, 22,28.VII.1873 г., с. Васильевское: «Любезный друг, сейчас узнал я из газет о кончине нашего дорогого Федора Ивановича. <...> Как поэт и художник слова, он принадлежал бесспорно к пушкинской плеяде, а по природе своей приходился более сродни язычнику Гёте» (с. 303, 304).

Самарин, 5.IX.1875 г., с. Васильевское: «Поколение, к которому принадлежал Константин Аксаков и непосредственно за ним следовавшие, не могли не испытать на себе влияние Гегелевой системы уже потому, что, как последнее слово немецкого идеализма, она властвовала в Германии долго и самодержавно, как ни одна из предшествовавших ей. Там не подчинился ей один Шопенгауер, в продолжение всей своей жизни стоявший одиноко, слывший каким-то чудачком и оцененный своими соотечественниками только в последнее время, после его смерти, а у нас Хомяков, убеждения и воззрения которого окончательно сложились прежде, чем Гегелево учение проникло в Россию» (с. 311–312).

Аксаков, 7.XI.1875 г., Москва: «В “Отечественных записках” есть философская статья Мамонова [см.: 4], в которой он рассматривает философские

письма Хомякова к тебе и объясняет, почему последнее осталось недоконченным, именно потому, что желанный вывод не вытекал логически из положения, и затем указывает, в чем именно заключалась фальшь славянофильской философии, именно в стремлении отвести *воле* особое самостоятельное место, тогда как она ничто более, как свойство вроде запаха у цветка и т.п. Затем похвала позитивизму, за что он с своей стороны удостоился от них превеликих похвал. Если хочешь, я этот № достану и пришлю его тебе. Письма Хомякова к тебе адресованы, и ты лучший их комментатор» (с. 319).

Последнее аксаковское письмо из многолетнего эпистолярного диалога двух славянофилов умирающий Самарин получил в Берлине. В этом послании Аксаков отмечает: «По всему видно, что ты много читаешь, много работаешь, и хоть для России ты изволишь себя считать уже непригодным писать философские статьи, однако для отечества Канта и Гегеля твоих сил еще хватает...» (с. 321, 10.III.1876, Москва). Здесь речь идет о двух самаринских статьях, написанных на немецком языке в связи с чтением трудов М. Мюллера и устной полемики вокруг его идей, в которой Самарин принял живое участие [см.: 5].

Далее Аксаков призывает друга отложить все дела и взяться за теоретические занятия по развитию славянофильского учения: «Хомяков, умерший за философским письмом к тебе, недоконченностью письма как бы наложил на тебя обязательство продолжать его дело» (с. 321). Имеется в виду второе философское письмо к Самарину [см.: 6]. Однако по этому поводу, как бы отвечая на вышеприведенные строки, за несколько дней до смерти Самарин писал брату Дмитрию: «Мысль бросить всё и поднять с земли нить размышлений, выпавшую из рук умиравшего Хомякова, меня много раз занимала, но я сознаю слишком глубоко, что до этой задачи я далеко не дорос умственно и не подготовлен *душою* (это главное)» (письмо от 10.III. /27.II.1876 г. // НИОР РГБ. Ф. 265. К. 37. № 6. Л. 222. Копия) (с. 644).

В заключение важно отметить, что на переплете вышедшей Переписки изображена университетская церковь св. Татианы в Москве, где 30 марта 1876 г. состоялась заупокойная литургия по Ю.Ф. Самарину, а 31 января 1886 г. – по И.С. Аксакову. Предложение отпевать Самарина в университетской церкви поступило от ректора Московского университета С.М. Соловьева, так как Самарин состоял почетным членом университета. Похоронили Юрия Федоровича на Даниловском кладбище в семейной ограде, недалеко от могилы Хомякова.

На второй день после похорон Самарина, 1.IV.1876 г., Иван Сергеевич писал Д.А. Оболенскому: «Без всякого сомнения, я обязан – и подчиняюсь этой обязанности, хотя и не сознаю в себе для того достаточно уменья и сил, воспроизвести, в назидательную память потомству, нравственный образ Самарина, брата Константина и Хомякова. Биография каждого из них – истекает из общего источника. Я хочу сказать, что они прежде всего имеют значение, как *трое*, и потом как каждый порознь. Это было созвездие, от которого

сначала оторвались и погасли две звезды – оставалась одна одинокая, и та, наконец, закатилась... (с. 327–328). Последнее, что читал Самарин, именно в четверг утром, 18-го марта, было мое письмо к нему, содержание которого я тебе именно и рассказывал: я приглашал его вместе со мною издавать критический журнал. За чтением этого письма застал его доктор, и оно найдено на столике совершенно измятым его рукою...» (с. 330).

К сожалению, намерение Аксакова написать славянофильскую биографическую трилогию, посвященную А.С. Хомякову, К.С. Аксакову и Ю.Ф. Самарину, исполнено не было. В связи с этим, по нашему мнению, одной из задач исследователей славянофильской мысли является создание – на основе всех доступных трудов и эпистолярия И.С. Аксакова – реконструкции истории славянофильства, чему, несомненно, способствует и недавно вышедшая в свет переписка двух «неисправимых славянофилов» [7].

1. Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т.Ф. Пирожковой, О.Л. Фетисенко и В.Ю. Шведова; вступ. ст. Т.Ф. Пирожковой; подготовка текстов Т.Ф. Пирожковой и О.Л. Фетисенко; примеч. Т.Ф. Пирожковой и В.Ю. Шведова. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. – 712 с.: [16] с. ил. – (Славянофильский архив. Кн. III). – Все последующие ссылки на эту книгу – в тексте, в круглых скобках с указанием номера используемой страницы.

2. Тесля А.А. Положительно прекрасные люди (URL: <http://gefter.ru/archive/18155>).

3. Сочинения Ю.Ф. Самарина. М.: Д. Самарин, 1877-1911. Т. 7: Письма из Риги и история Риги. – 1889. – [2], СХХХV, [I], 658, [1] с.

4. Дмитриев-Мамонов Э.А. «Наука и предание» // Отечественные записки. 1875. № 8.

5. Из посмертных сочинений Ю.Ф. Самарина. Два письма об основных истинах религии, по поводу сочинений Макса Мюллера: «Введение в сравнительное изучение религий» и «Опыты по истории религий» // Православное обозрение. 1878. № 1; отд. отт.: М.: Унив. тип. (М. Катков), 1878; текст паралл. на рус. и нем. яз.

6. Хомяков А.С. «О современных явлениях в области философии» // Русская беседа. 1860. Кн. 2. С. 1, 2–30.

7. Выражение «неисправимый славянофил» употреблено Самариним для характеристики А.С. Хомякова в предисловии ко II тому его сочинений (сочинения богословские), вышедших в 1867 г. в Праге. Аксаков в речи о Самарине 18.IV.1876 г., по-видимому, счел возможным применить его к самому Юрию Федоровичу, который действительно до самой смерти оставался наиболее последовательным славянофилом (см.: с. 649).

И.С. Аксаков и Болгария

<Мотин С.В. Тезисы научного доклада «И.С. Аксаков и Болгария» в:> Обзор материалов Всероссийской видеоконференции «Государство и право на рубеже XX–XXI веков. (К 75-летию Н.А. Катаева)» // Правовая культура, Саратов, 2015. № 1 (20). С. 99–100.

В столице Болгарии одна из центральных улиц – улица Аксакова; в Варненской области находится Община Аксаково, в которую входит 23 населенных пункта, в том числе и город Аксаково с населением около 8 тысяч человек; в городе Пазарджик под Пловдивом уже более столетия существует гимназия «И.С. Аксаков». Откуда такое уважение в Болгарии к Аксакову? Давайте разбираться.

Итак, Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886) – правовед, поэт, редактор, публицист, издатель, общественный деятель, лидер пореформенного славянофильства²⁷⁷. Со славянским вопросом Иван познакомился еще дома: известный исследователь истории болгар Ю.И. Венелин был учителем в их доме²⁷⁸. С.А. Никитин, первый досконально исследовавший деятельность славянских комитетов, подчеркивает, что сердцем Московского славянского благотворительного комитета (с 1877 г. – общества; далее – МСБК(О)) был именно И.С. Аксаков²⁷⁹. Организационное оформление Комитета в 1857 г. происходило без Аксакова, путешествовавшего по Европе, но уже славянофильский журнал «Русская беседа» и газеты «Парус», «День» и «Москва» (1858-1867), редактировавшиеся Аксаковым, выполняли цели, поставленные перед Славянским комитетом²⁸⁰.

МСБК содержал на свои средства и средства благотворителей, а также за счет пособия от министерства народного просвещения славян, обучавшихся в учебных заведениях Москвы. За первые десять лет существования комитета он содержал 46 учащихся (из них в Московском университете – 35), большинство из которых были именно болгары²⁸¹.

С 1876 г. Аксаков возглавляет МСБК и усваивает «панславистскую точку зрения, согласно которой Восточный вопрос могла решить только сила русского оружия. Поэтому добровольческому движению и помощи Сербии он придавал вспомогательное значение, считая их средством давления на царское правительство. Конечной целью, смыслом своей деятельности он считал вовлечение России в войну с Турцией»²⁸².

²⁷⁷ См.: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1-5 / под ред. С.В. Мотина. Уфа, 2009-2013. 6-й, заключительный, выпуск находится в работе.

²⁷⁸ Чуркина И.В. И.С. Аксаков и южные славяне // Аксаковские чтения. Материалы конференции 1983 года. Абрамцево, 1988. С. 80.

²⁷⁹ Подр. см.: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960.

²⁸⁰ См.: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 228-229.

²⁸¹ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С. 93-94. Также см.: Краткий отчет о десятилетней деятельности (1858-1868) Славянского благотворительного комитета в Москве, составленный... секретарем Комитета Н.А. Поповым. М., 1868. С. 10.

²⁸² Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России... С. 234.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде И.С. Аксакова сохранились документы МСБК(О) за 1876-1878 гг.: о покупке, доставке и хранению оружия для болгарских дружин; дела по обмундированию и снаряжению болгарских дружин; документы и различные записи, относящиеся к отправке на Балканский полуостров военного снаряжения и различных вещевых пожертвований²⁸³.

МСБК принадлежит несомненная заслуга в деле формирования болгарского ополчения. Русское правительство, хотя и приняло решение об образовании ополчения, весьма прохладно относилось к вопросу об его обмундировании, снаряжении и ассигновании нужных для этого сумм. Поэтому можно предполагать, что ополчение едва ли было бы организовано, если бы не настойчивость и терпение, проявленное Аксаковым, который через кн. В.А. Черкасского, возглавлявшего Русское гражданское управление Болгарией, производил постоянный нажим на военное министерство²⁸⁴.

12 апреля 1877 г. Манифестом Александра II была объявлена Русско-турецкая война, которая стала кульминацией Восточного кризиса 1875-1878 гг. Значительную роль в возбуждении русского общественного мнения, в оказании помощи южным славянам (сбор пожертвований, покупка оружия, посылка добровольцев) сыграли Славянские комитеты и особенно МСБК(О)²⁸⁵.

19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано, близ Стамбула, был подписан предварительный мирный договор. Сербия, Черногория и Румыния получили независимость, Болгария, Босния и Герцеговина – автономию. К России отошли Южная Бессарабия и ряд крепостей. Условия Сан-Стефанского мира были пересмотрены на Берлинском конгрессе, созванном в 1878 г. по инициативе Великобритании и Австро-Венгрии, выступавших против усиления позиций России на Балканах. Европейские державы настояли на расчленении Болгарии по Балканскому хребту на две части: к югу от Балканского хребта была образована автономная провинция Восточная Румелия, зависимая от Турции. Австро-Венгрии было предоставлено право «временно» оккупировать Боснию и Герцеговину, а Британия получила от султана остров Кипр.

Аксаков рассматривал это решение как предательство интересов всех славян. У него созрел план выступления против решений Берлинского конгресса. Речь Аксакова 22 июня 1878 г.²⁸⁶ имела прогрессивное историческое значение и явилась свидетельством недовольства широких слоев русского общества антиславянскими решениями Берлинского конгресса²⁸⁷.

²⁸³ Подр. см.: ОР РНБ.Ф. 14 (И.С. Аксаков): № 440. 324 л.; № 441. 193 л.; № 442. 123 л.; № 446. 51 л.; № 447. 56 л.; № 448. 100 л.; № 449. 94 л.

²⁸⁴ Козьменко И.В. Из истории болгарского ополчения (1876-1877) // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867-1878 годах. М., 1948. С. 130-131.

²⁸⁵ Подр. см.: Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы в трех томах. М., 1961-1967.

²⁸⁶ См.: Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. Славянский вопрос. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878. М., 1886. С. 297-308.

²⁸⁷ Напр., см.: Адо В.И. Выступление И.С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и Болгарии // История СССР. 1962. № 6. С. 125-139.

Выступление Аксакова нашло самый широкий отклик среди демократических слоев болгарского народа. Благодарность болгар за заступничество простиралась столь далеко, что часть прогрессивно настроенной болгарской молодежи даже выдвинула кандидатуру И.С. Аксакова на болгарский престол.

И.С. Аксаков в воспоминаниях А.Ф. Кони

См.: *Мотин С.В.* И.С. Аксаков в воспоминаниях А.Ф. Кони // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы V Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 25–26 апреля 2013 года: в VI ч. Ч. II / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. С. 100–104.

Собрание сочинений А.Ф. Кони²⁸⁸ было издано в 1966–1969 гг. в издательстве «Юридическая литература»²⁸⁹. Сочинения Кони – его теоретические работы по вопросам права и судебные речи – проникнуты идеями гуманизма и справедливости. Их без преувеличения можно отнести к высшим достижениям русской юридической мысли. Огромную ценность представляют его воспоминания о корифеях русской литературы – Л.Н. Толстом, И.С. Тургеневе, Ф.М. Достоевском, Н.А. Некрасове. Мемуары Кони – один из важнейших источников изучения русской жизни конца XIX – начала XX века. Наполненные живым дыханием эпохи, необычайно содержательные и яркие, написанные метким, образным языком, сочинения А.Ф. Кони имеют большое общественное, литературное и юридическое значение, они давно завоевали признание широких читательских кругов²⁹⁰.

В своих воспоминаниях «За границей и на родине», датированных 1912 г., А.Ф. Кони описывает и свою встречу с И.С. Аксаковым²⁹¹, произошедшую в апреле 1878 г.²⁹².

²⁸⁸ Анатолий Федорович Кони [29.1(9.2).1844 года, Санкт-Петербург – 17.9.1927, Ленинград] – юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, выдающийся судебный оратор, действительный тайный советник, член Государственного совета Российской империи. Почётный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук по разряду изящной словесности (1900), доктор уголовного права Харьковского университета (1890), профессор Петроградского университета (1918–1922). О нем см.: Смоллярчук В.И. Анатолий Фёдорович Кони (1844–1927). М., 1981. 216 с.; Высоцкий С.А. Кони. М., 1988. 432 с.; Сашонко В.Н. А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1991. 320 с.; Скрипилев Е.А. А.Ф. Кони – выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель (1844–1927): К 150-летию со дня рождения // Государство и право. 1994. № 2. С. 130–140; Шаповалов А.В. Правовые взгляды А.Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 209 с.; Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 2007. 538 с.

²⁸⁹ Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. Под общей редакцией В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. М.: Издательство «Юридическая литература», 1966–1969: Том 1: Из записок судебного деятеля. Том 2: Воспоминания о деле Веры Засулич. Том 3: Судебные речи. Том 4: < Правовые воззрения А.Ф. Кони >. Том 5: <Статьи и воспоминания о судебных и государственных деятелях>. Том 6: Статьи и воспоминания о русских литераторах. Том 7: <Воспоминания>. Том 8: Письма.

²⁹⁰ См.: Волк С., Выдря М., Муратов А. Анатолий Федорович Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. М., 1966. С. 5–6.

²⁹¹ Иван Сергеевич Аксаков [26.9(8.10).1823, Оренбургская губ., Белебеевский у., с. Надеждино – 27.1(8.2).1886, Москва) – правовед, поэт, публицист, редактор, издатель, общественный деятель, один из

«На другой день, т.е. в Пасхальное воскресенье²⁹³, в настоящее светлое воскресенье по погоде, я выехал из Москвы, когда ликование пробуждавшейся природы вторил несмолкаемый и радостный гул московских колоколов. Меня провожал на станцию Курской железной дороги мой покойный друг – благородный, суетливый и несчастный Александр Иванович Барановский, бывший петербургский столичный мировой судья. Поезд был почти пустой. Кондуктора были под хмельком, и в купе для некурящих I класса был лишь один пассажир, с которым Барановский поздоровался, позабыв мне сказать, с кем мне приходится ехать».

«Мы долго ехали молча, – продолжает Кони, – он читал какую-то рукопись, а я погрузился в чтение только что вышедшего II тома «Les origines de la France contemporaine» Тэна²⁹⁴, не предчувствуя еще, что мне, в перелицовке на русские нравы, придется пережить кое-что из этого, да, пожалуй, и из следующих томов, замечательного труда Тэна. На одной из больших станций, – кажется в Серпухове, – я вышел из вагона и, когда вернулся, то застал своего спутника с моей книжкой Тэна в руках, на первой странице которой, были написаны мое имя и фамилия. Он извинился и, сказав, что не читал еще этой книги, спросил мое о ней мнение. Мы разговорились. <...> ...мы провели в приятной и оживленной беседе почти все время до ночи».

Затем Анатолий Федорович раскрывает содержание этого разговора: «Разговор касался главным образом литературы, поводом к чему послужило мое указание на удивительную книгу того же Тэна – “Essais sur Tite Live”²⁹⁵, которая представляет собою непревзойденный, на мой взгляд, образец литературно-исторической критики. Собеседник, очевидно, принадлежал к высокообразованному кружку московского общества, имея обширные знакомства и связи в Москве, тогда еще не приобретшей некоторого оттенка богатого коммерческого самодовольства, покрытого лишь тонким слоем легко стираемого европейского лака. Он рассказал мне много интересных подробностей о даровитой писательнице Кохановской²⁹⁶, о М.П. Погодине²⁹⁷ и, между

лидеров пореформенного славянофильства. О нем подр. см.: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. 264 с.; Фурсова Е.Б. И.С. Аксаков: апология народности и самодержавия. М., 2006. 244 с.; Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1–4. [сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина]. Уфа, 2009–2012.

²⁹² См.: Кони А.Ф. За границей и на родине // Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1969. С. 159–199.

²⁹³ 16/28 апреля 1878 г.

²⁹⁴ Ипполит Адольф Тэн (1828, Вузье, Арденны – 1893, Париж) – французский философ-позитивист, эстетик, писатель, историк, психолог. Создатель культурно-исторической школы в искусствознании. Много томный труд Тэна состоит из трех частей: «L'Ancien Regime», «La Revolution», «Le Regime moderne». Имеется в виду первый том второй части, изданный в 1878 г.

²⁹⁵ H. Taine. Essai sur Tite Live, Paris, 1856.

²⁹⁶ Кохановская, псевдоним, настоящее имя *Соханская Надежда Степановна* [17.2(1.3).1825, хутор Веселый близ г. Корога Курской губ. (ныне Курская обл.) – 3(15).12.1884, хутор Макаровка Изюмского у. (ныне Харьковская обл.)] – прозаик, критик, публицист, драматург.

²⁹⁷ Михаил Петрович Погодин [11(23).11.1800, Москва – 8(20).12.1875, Москва] – русский историк, коллекционер, журналист, писатель, публицист, беллетрист, издатель, профессор Московского университета.

прочим, о моем дяде Вельтмане²⁹⁸ и об оригинальном взгляде его на славянство. – Назидательная беседа моего спутника перешла затем на вопросы искусства, педагогики и философии, но он тщательно избегал говорить о современных нам делах, несмотря на мои попытки вызвать его на подобный разговор. Только о славянском вопросе, по поводу книги Спасовича²⁹⁹ и Пыпина³⁰⁰ по истории славянских литератур³⁰¹, он несколько распространился, но вскоре перешел к воспоминаниям об оригинальном московском профессоре Бодянском³⁰². Наконец объяснилось, почему он избегал касаться злобы дня, На его вопрос, куда я еду, я отвечал, что еду в Харьков, нуждаясь в нравственном отдыхе после всего пережитого мною в последнее время. “По делу Засулич³⁰³?” – спросил он, давая мне понять, что знает, кто я».

Напомним, что в июле 1877 г. петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов отдал приказ о порке политического заключенного народника А.С. Боголюбова за то, что тот не снял перед ним шапку. Приказ Ф.Ф. Трепова о сечении розгами был нарушением закона о запрете телесных наказаний от 17 апреля 1863 г. 24 января 1878 г. Засулич пришла на приём к Трепову и дважды выстрелила в него, тяжело ранив. Была немедленно арестована, но на суде снискала симпатии присяжных заседателей, хотя по закону за подобные преступления полагалось от 15 до 20 лет тюремного заключения. Суд присяжных 31 марта 1878 г. полностью оправдал Засулич. На оправдательный вердикт присяжных повлияла и позиция председателя суда А.Ф. Кони и защитника П.А. Александрова. Оправдательный приговор был восторженно встречен в обществе. Кони предложили признать свои ошибки и уйти добровольно в отставку, но он отказался, заявив, что на нём должен решиться вопрос о несменяемости судей.

Продолжим мемуары Кони: «“Извините меня, – сказал он мне, – я не принадлежу к вашим сторонникам в этом процессе, хотя и не разделяю тона

²⁹⁸ Александр Фомич Вельтман [8(20.7.1800, Санкт-Петербург – 11(23).1.1870, Москва] – российский картограф, лингвист, археолог, поэт и писатель.

²⁹⁹ Владимир Данилович Спасович (16.1.1829, Речица Минской губернии, ныне Гомельской области – 26.10.1906, Варшава) – русский юрист-правовед, выдающийся адвокат, польский публицист, критик и историк польской литературы, общественный деятель.

³⁰⁰ Александр Николаевич Пыпин [25.3(6.4)1833, Саратов – 26.11(9.12).1904, Санкт-Петербург] – русский литературовед, этнограф, академик Петербургской Академии наук (1898), вице-президент АН (1904).

³⁰¹ Речь идет о совместном труде, в первом издании вышедшем под названием «Обзор истории славянских литератур» (СПб., 1865), а во втором, дополненном и переработанном, получившем название «История славянских литератур» (тт. 1–2, СПб., 1879–1881).

³⁰² Осип Максимович Бодянский [31.10(12.11)1808, м. Варва, Лохвицкий у., Полтавская губ. – 6(18).9.1877, Москва] – русский и украинский учёный: филолог, историк, археограф, один из первых славистов в России, писатель, переводчик, редактор, издатель древнерусских, древнеславянских литературных и исторических памятников, фольклорист, украинский поэт-романтик.

³⁰³ Вера Ивановна Засулич (партийные и литературные псевдонимы – *Велика*, *Велика Дмитриевна*, *Вера Ивановна*, *Иванов В.*, *Карелин Н.*, *Старшая сестра*, *Тётка*, *В.И.* и др.; 27.9(8.10).1849, деревня Михайловка Гжатского уезда Смоленской губ. – 8.5.1919, Петроград) – деятель российского и международного социалистического движения, народница, террористка, писательница.

и характера нападков на вас Каткова³⁰⁴. Как могли вы допустить присяжных произнести оправдательный приговор?” Объяснив ему *законную* роль, права и обязанности председателя на суде присяжных, не могущего быть ответственным за их приговор, произносимый по внутреннему убеждению, и в то же время не имеющего права ни играть с ними в *прятки*, – ни их заставлять играть в *жмурки*, причем он грубо нарушил бы святой долг судьи, если бы стал оказывать давление на их совесть, голос которой должен звучать в *свободно* выработанном решении, – я рассказал ему вкратце всю историю возникновения и разбора этого дела. <...> Он слушал чрезвычайно внимательно, изредка прося разъяснений технического свойства, и, когда я кончил, сказал мне, предварительно на несколько минут задумавшись: “Да, я вижу, вы – правы и вели себя, как подобает судье. Я беру назад мой упрек, но судьба поставила вас в положение поистине трагическое, возложив на вашу нравственную ответственность тяжелую задачу”. – “Я это сознаю, – отвечал я ему, – и признавал всегда. Но если бы мне снова пришлось вести это дело, то и тогда, несмотря на все тяжелое, уже мною пережитое, и на то, что, конечно, еще придется пережить, я не считал бы согласным с законом вести его иначе, добиваясь обвинительного приговора путем скрывания от присяжных того, что было или казалось невыгодным для обвинения”».

«Наступала ночь. Обменявшись еще несколькими фразами, мы собирались лечь спать, когда мой спутник сказал мне, что едет в Киев к больной матери³⁰⁵ и завтра утром в 6 часов должен в Курске пересест в киевский поезд, так что мы, пожалуй, не увидимся. “Мне крайне приятно было с вами встретиться и узнать вас ближе, – прибавил он. – Позвольте обратиться к вам с одною просьбою: вы, кажется, уже дочитываете Тэна, а мне очень хотелось бы с ним познакомиться до возвращения в Москву, где я буду через неделю. Не можете ли вы мне дать эту книгу, а по приезде вашем в Москву я вам ее завезу или, быть может, вы найдете минутку, чтобы заехать ко мне, чем доставили бы мне большое удовольствие”. Я отвечал полною готовностью исполнить его просьбу и вновь почувствовал крайнюю неловкость оттого, что не знаю, с кем имею дело. На другой день, рано утром, в Курске, выйдя на платформу, я увидел его уже сидящим у окна киевского поезда. Он дружески приветствовал меня. Необходимость разрешить вопрос о том, кто он такой, предстала передо мною с особою ясностью, и я схватился за его заявление: “Так в Москве мы увидимся!” – как за якорь спасения. – “Да, конечно, – сказал я. – Но я не знаю вашего адреса”. “Вот моя карточка с адресом”. Я положил ее в карман, не читая и тем поддерживая в нем иллюзию, что я знаю, с кем так чудесно повел в долгой беседе первый день Пасхи».

³⁰⁴ Михаил Никифорович Катков [1(13).2.1818], Москва – 20.7(1.8).1887, с. Знаменское-Садки Подольского у. Московской губ.] – русский публицист, издатель, литературный критик. Основоположник русской политической журналистики.

³⁰⁵ Аксакова Ольга Семеновна, урожденная Заплата (1.3.1793, г. Обоянь Курской губ. – 9.5.1878, Москва).

Таким образом, в продолжение всего общения Кони так и не узнал – с кем ему довелось общаться. Лишь позже он «...вынул карточку и прочел на ней: *Иван Сергеевич Аксаков...* “Боже мой! – воскликнул я невольно, – и я этого не знал!..” <...> Я говорил бы с ним о политике, о славянофилах, о его отце и брате и на его слова о важной ответственности, принятой мною на себя ведением дела Засулич, ответил бы вопросом: “Ну, а вы, Иван Сергеевич, с вашими статьями, сыгравшими такую влиятельную роль пред сербской и русско-турецкой войнами, разве не неизмеримо большую ответственность принимали на себя перед Россией?”³⁰⁶ Наша встреча вызвала со стороны Аксакова, как оказалось впоследствии, лестный для меня, хотя и совершенно незаслуженный, отзыв. “До Курска ехал я с К., – писал он своей супруге 18 апреля 1878 г. из Киева, – председателем Петерб<ургского> окр<ужного> суда, замечательно умным, даровитым и очень хорошим человеком. Его рассказы были в высшей степени интересны. Он оставил мне книгу Taine «la Revolution», которой по дороге от Курска до Киева я и прочел с лишком 200 страниц. На Фоминой неделе на обратном пути заедет к нам”. Но в Москве нам видеться не удалось, и мы лишь разменялись визитами»³⁰⁷.

В воспоминаниях Кони упоминает еще одну короткую встречу с Аксаковым, произошедшую 3 года спустя. «Я его встретил во второй и последний раз лишь в апреле 1881 года, тоже на Пасхе, у Александра Ивановича Кошелева³⁰⁸, на одном из своеобразных вечеров последнего, куда сходилась почти вся интеллигенция Москвы и где подавали ужин на ломберных, ничем не покрытых столах. Аксаков был подавлен трагической кончиной Александра II, был неразговорчив и с мрачным видом слушал шумные выходки старика Сергея Андреевича Юрьева³⁰⁹ <...> Аксаков пробыл недолго и ушел все в том же грустном и тревожном настроении»³¹⁰.

В заключение представим следующую характеристику И.С. Аксакова, которую А.Ф. Кони дал в своих мемуарах: «Это был человек довольно высокого роста, с мягкими чертами задумчивого и мыслящего лица, в золотых очках, сквозь которые глядели добрым и вместе серьезным взглядом серые глаза. В очертаниях лица сквозил отдаленный татарский тип, но русая с проседью густая борода придавала ему, вместе с мягкой складкой губ, славянский характер. <...> Он оказался человеком разносторонне-образованным, живым и вдумчивым, с чрезвычайно привлекательным складом умной и содержательной речи...»³¹¹

³⁰⁶ И.С. Аксаков был деятельным участником Московского славянского комитета по сбору средств в пользу славянского населения на Балканах. Он был выдающимся оратором, способным увлечь аудиторию, и значение его речей в 1875–1878 гг., направленных на защиту угнетенного славянства, было особенно важно.

³⁰⁷ Кони А.Ф. За границей и на родине... С. 177–181.

³⁰⁸ Александр Иванович Кошелёв [9(21).5.1806, Москва – 12(24).11.1883, там же] – известный публицист и общественный деятель, славянофил.

³⁰⁹ Сергей Андреевич Юрьев (1821–1888) – известный русский литературный и театральный деятель XIX века.

³¹⁰ Кони А.Ф. За границей и на родине... С. 181–182.

³¹¹ Там же. С. 177, 178.

И.Е. Репин. «Портрет писателя И.С. Аксакова. 1878» (материалы для статьи)

См.: *И.Е. Репин. «Портрет писателя И.С. Аксакова. 1878»*. Холст, масло. 97×76 (Государственная Третьяковская галерея, Москва).

И.С. Аксаков: «Художник Репин очень талантливый и очень скромный, еще довольно молодой человек и известный (одна его большая картина, „Садко“, богатый гость (купец) – находится у наследника, куплена за 6 т. р., другая – „Бурлаки на Волге“ – у в. кн. Владимира), прислан был сюда Третьяковым, чтобы снять мой портрет для его галереи. / Не затягивая дела, я отдался в его распоряжение, и в три дня портрет готов. Сегодня он сушится и сохнет» (Солоухин В.А. Владимирские проселки // Солоухин В.А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1983. С. 324).

П.М. Третьяков, воспользовавшись временным удалением Аксакова от дел, просит И.Е. Репина сделать с него портрет. Согласие сторон было получено, и на следующий день А.Ф. Аксакова пишет Е.Ф. Тютчевой: «Сегодня утром, когда я вставала, звук колокольчика приближающейся тройки доставил мне некоторое ощущение беспокойства, но оказалось, что это приехал из Москвы художник, присланный Павлом Третьяковым к моему мужу с просьбой разрешить воспользоваться его досугами, чтобы сделать его портрет для своей портретной галереи актеров и прочих знаменитостей. Вот они уже водворились в гостиной за работой...» (Солоухин В.А., с. 323-324; Чагин Г.В. «...Москва и Русь одно и то же...» // *Аксаков И.С. У России одна-единственная столица...* М., 2006. С. 26).

10 августа 1878 года, по просьбе П.М. Третьякова, в Варварино приезжает И.Е. Репин исполнить портрет Аксакова, с которым уже был знаком с 1873 года, когда писал портрет Ф.И. Тютчева. Прожив в имении менее недели, он исполнил не только портрет Ивана Сергеевича (хранится в Государственной Третьяковской галерее), но и пейзаж «Вид села Варварино», который, по мнению сотрудников музея-усадьбы «Мураново» им. Ф.И. Тютчева, подарил заочно хозяйке имения. <...> Сейчас пейзаж И.Е. Репина «Вид села Варварино» украшает собрание Музея личных коллекций отдела Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (Варварино // <http://vladregion.info/geography/selo-varvarino>).

Портрет И.С. Аксакова датирован 12 августа 1878 года. Портрет сделан с натуры, в имении Варварино Владимирской губернии, где жил опальный Аксаков. <...> Передовое русское общество осудило репрессии, которым подвергся Аксаков. «Аксаков ссылается за смелое, правдивое слово», – писал П.И. Чайковский; «Аксакову пришлось одному публично высказать, что чувствовали все простые русские люди», – говорил П.М. Третьяков; «Ужасное время!» – восклицал И.Н. Крамской. – Репин, как и все передовые люди того

времени, возмущался ссылкой Аксакова и с удовольствием поехал, по предложению П.М. Третьякова, в Варварино писать портрет Аксакова. Он создал этот великолепный портрет за три дня. – Вспоминая впоследствии, через двадцать пять лет, о том, как писался портрет Аксакова, Репин говорил: «Вообще у нас многие странно понимают художество. Я реалист и никогда не прикрашивал и не скрывал натуры. Припоминается случай с Иваном Сергеевичем Аксаковым. Начинаю писать его, он мне и говорит: «Вот что, Илья Ефимович, если вы хотите писать меня, как следует, убавьте мне лицо, рожи у меня много!» Действительно, лицо у Ивана Сергеевича Аксакова было красное, мясистое и массивное. Но это-то мне и показалось очень типичным в этой фигуре, а он просил сделать ему тонкое и бледное лицо». – Репин, как и всегда, не стал «приукрашивать» свою натуру. Самому Аксакову портрет очень понравился, и он благодарил Третьякова «за знакомство с Ильей Ефимовичем Репиным. Он очень симпатичный и талантливый художник, с широкою кистью. Мне кажется, портрет удался». «Портрет очень хорошо удался», – писала и жена Аксакова. – Репин пробыл у Аксакова четыре дня, в течение которых, помимо портрета, написал интересный, очень удавшийся художнику пейзаж одного из уголков Варварина. О создании этого пейзажа и о том, как работал Репин, хорошо написал сам Аксаков, наблюдавший работу Репина над варваринским пейзажем. Вот что он писал: «К сожалению, у него не было акварельных красок или цветных карандашей, а к еще большему сожалению, погода, сначала солнечная, обратилась в пасмурную, потом в холодную с дождем и ветром. Тем не менее он, под дождем и ветром, прямо на полотне масляными красками, широкою талантливою кистью перенес прелестный вид... Сделано чрезвычайно живо и талантливо, хотя, разумеется, без отделки, всего ведь в несколько часов». –

Портрет Аксакова был выставлен Репиным на Первой периодической выставке картин Общества любителей художеств в Москве в январе 1881 года и вызвал восторженную оценку критики. «Русский курьер» писал, что «портрет написан бойкой кистью, но просто, без всякой погони за эффектами, тем не менее художник постарался здесь выдвинуть перед глазами зрителя внутреннего человека, его психику, а это и составляет, по нашему мнению, главную задачу портретиста». «Художественный журнал» отмечал: «Общее внимание привлекает портрет И.С. Аксакова, написанный И. Репиным. Аксаков, с энергическими, блестящими глазами, выделяется на темном фоне полотна, точно живой, он как будто сейчас вот заговорит, черты его лица как бы в движении, напряжены, и кисть Репина с одного, видимо, сеанса, уловила эти черты, прочувствовала их и вылила в одну жизненную форму» (Портретная галерея Ильи Репина. История репинских портретов // <http://ilya-repin.ru/portrets.php>).

Некрасивое с грубоватыми чертами лицо Аксакова дышит энергией и выдает прямой и резкий характер. Золотисто-рыжие волосы и борода живописно гармонируют с бронзой натюрморта на столе. Зеленое сукно дополни-

тельным красивым тоном обогащает цветовую гамму. В обычной экспозиции Третьяковской галереи портрет недостаточно хорошо освещен. Чтобы увидеть его во всем блеске исполнения, надо его посмотреть при хорошем солнечном освещении или очень ярком электрическом свете, тогда заиграет красочная гамма, исключительно красивая соединением золотистого и зеленого цветов, и оживет пластика лица богатством внутреннего выражения (Портрет И.С. Аксакова // <http://la-fa.ru/history/repin43.html>).

А. Благодравов. Из воспоминаний об И.С. Аксакове (материалы для статьи)

См.: *Благодравов А. Из воспоминаний об И.С. Аксакове // Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И.С. Аксакове. Венок И.С. Аксакову. Москва И.С. Аксакова / Сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. С. 465–469.*

1878. Июль, начало. – Благодравов А.Ф.: «Чрез неделю по приезде И.С. Аксакова, имея к нему письмо Е.Ф. Тютчевой, я отправился в Варварино. Признаюсь, не без некоторого рода смущения и робости я переступил порог дома, чтобы познакомиться с известным литератором и публицистом, неутомимым борцом за Русский народ и весь Славянский мир. Но с первого же раза самое внимательное и вместе исполненное простоты обращение И.С. и А.Ф. Аксаковых прогнало всю мою робость, и, после кратковременной беседы с И.С., я почувствовал, как будто давно знаком с ним. В этот первый приезд мой в Варварино, я встретил здесь известного художника Репина, который, по желанию П.М. Третьякова, снял с Аксакова очень хороший поясной портрет масляными красками. – И.С. Аксакова нашел я в то время мужественным, бодрым, совершенно здоровым и, по-видимому, спокойным душою...» (с. 465).

Благодравов А.Ф.: «По душе, как говорится, пришлась И.С. мирная сельская жизнь в “укромном и милом Варваринском приюте”. После тяжелого и утомительного труда ему нужен был покой и физический нравственный. “Здесь на просторе, – говорил он, – я буду иметь возможность разобрататься в моих воспоминаниях”. Скучать ему не приходилось, да и некогда было: время все было распределено для занятий. Кроме составления записок, относящихся к эпохе борьбы России с Турцией, он вел огромную переписку. К нему присылалась масса писем изнутри России и из Славянских земель, в том числе из Македонии; в письмах из этой несчастной области яркими красками изображались мучения жителей. Такие письма болезненно влияли на впечатлительную натуру Ивана Сергеевича» (с. 466).

Благодравов А.Ф.: «Живописное местоположение села Варварино, расположенного на горе, внизу которой, между зелеными лугами, прихотливо извиваясь, течет река Колокша, а вдали, за рекою, виднеются поля, рощи и многочисленные села с их церквями, вдохновило Ивана Сергеевича, два-

дцать лет, по его словам, оставившего музу поэзии, написать стихотворение «Варварино», посвященное Е.Ф. Т-вой» (с. 466).

29 сент. – Благоднравов А.Ф.: «Насколько стояла хорошая, ясная и теплая осень в 1878 году – можно судить из того, что И.С., гуляя в Варваринском саду, в последних числах сентября, нашел расцветшую розу, и по этому случаю написал свое стихотворение “Среди цветов поры осенней”...» (с. 466).

1 дек. – Письмо А. к А.Ф. Благоднравову. Благоднравов А.Ф.: «1-го декабря 1878 г., перечитывая русские газеты, я в одной из них нашел известие из Болгарии о том, что Болгары на сходках громко заявляли о желании своем предложить княжеский престол Ивану Сергеевичу. Я послал к нему № газеты. В тот же день И.С. прислал мне письмо следующего содержания: “Возвращаю вам газету, мне прислан подлинный № газеты «Болгарин» и я уже знаком с лепетом этих наивных детей эпического периода, из которого они еще не совсем вылупились. Им я представляюсь издали, как Чичиков сам себе представлялся почти *военным человеком*, способным командовать армией, хитрейшим дипломатом и, вероятно, состоящим в особой чести у русского правительства. Болгарским князем может и *должен* быть тот, кто угоден Русскому Государю, распоряжающемуся миллионами штыков: силе реальной, способной защитить Болгарию подействительнее слов”» (с. 466-467).

29 нояб. – Письмо А. к А.Ф. Благоднравову. Благоднравов А.Ф.: «...вот и конец Варваринскому эпизоду моей жизни. Но мы не поедем отсюда ранее прочного санного пути, т.е. конца декабря, и надеемся еще увидеть вас в Варварине. Посылаю Вам на память о себе четыре книги сочинений моего отца с надписями» (с. 467).

12 дек. – Благоднравов А.Ф.: «Днем отъезда Аксаковых из Варварина назначено было 13-е декабря, и накануне я поехал в Варварино проститься с ними, поблагодарить их за расположение к о мне и пожелать им благополучного пути. При прощании И.С. сел к столу и написал мне на память стихотворение, сочиненное им 1-го декабря: Затворы сняты у дверей, / Свободно стелется дорога, – / Но я... я медлю у порога / Тюрьмы излюбленной моей, *и т.д.*» (с. 467).

13 дек. – Благоднравов А.Ф.: «13-го декабря Аксаковы уехали в Москву» (с. 467).

1879. 11 янв. – Письмо А. к А.Ф. Благоднравову. Благоднравов А.Ф.: «В письме своем от 11-го января 1879 г., поговорив о своем физическом и нравственном утомлении, какие пришлось им вытерпеть по случаю приискания удобной квартиры, устройства хозяйства и в особенности приведения в порядок библиотеки, он письмо свое заканчивает так: “вот наши внешние обстоятельства. Затем, об обстоятельствах не внешнего или материального свойства и сказать нечего. После возбуждения последних трех лет общество как бы спешит отдохнуть, вздремнуть и совсем задремать...”» (с. 467-468).

1880. 27 сент. – Письмо А. к А.Ф. Благоднравову. Благоднравов А.Ф.: «Перед началом издания газеты «Русь» И.С., заявляя желание иметь меня кор-

респондентом, в письме своем ко мне от 27-го сентября 1880 года, изложил программу главных вопросов, которые должны были подлежать всесторонней разработке. “Мне не нужно ни сплетен, ни анекдотов о частных случаях злоупотреблений, мне нужны те черты, какие сказываются в существенных явлениях общественной жизни, какими по преимуществу следует назвать – все виды самоуправления. Вопросы стоящие теперь на очереди: – I. О земстве. Почему земские учреждения не имеют авторитета для народа и земские управы представляются ему наравне с казенным управлением? Как устранить это зло? Правительство думает теперь о расширении прав земства, но все-таки это дело будет мертворожденным, если не пустить корней в народном сознании. – II. О крестьянском самоуправлении, а именно о волостях. Как смотрят на последние крестьяне? Подлежат ли они уничтожению, как об этом некоторые прожектеры мыслят, или только преобразованию, сообразно потребности и воззрениям сельского народа? – III. Об уездных мировых судьях, о Присутствии по крестьянским делам? О полиции? – Вообще нейдя в даль и высь, задайтесь мыслью об устройстве *уезда* на началах самоуправления не искусственного, а живого и действительно плодотворного, поразунав и народную мысль об этом и личных землевладельцев, взяв в соображение именно вашу местность. – IV. Теперь либеральная печать раздувает вопрос о недостаточности наделов, видя в этом главную причину обеднения крестьян и т.д. В некоторых местах наделы недостаточны, это правда, но в общем едва ли следует признать размер наделов причиною настоящего положения сельского населения. Возбуждать “аграрный” вопрос (это слово именно и прельщает легкомысленных птенцов нашей прессы) в России нет повода, но в частности здесь, там может встречаться их недостаточность. Как в вашем уезде? Вот разные темы, которые было бы полезно разработать на месте. Не возьметесь ли за это дело?”» (с. 468).

Благодоров А.Ф.: «Несмотря на пошатнувшееся здоровье, на просьбу родных, он не мог оставить издание «Руси». Вечером, стоя у конторки, он работал по 6 часов сряду, и иногда, как говорил он мне, чувствуя себя взволнованным или сильно утомленным, выпивал стакан молока, которое его успокаивало, и ложился спать» (с. 469).

1885. 19 дек. – Благодоров А.Ф.: «Еще 19-го декабря прошлого года я нашел И.С. бодрым, спокойным и веселым...» (с. 469).

1886. 12 янв. – Благодоров А.Ф.: «...12-го января, по приезде моем в Москву, я заметил в нем большую перемену: он похудел и лицо его было очень бледно, я узнал от него, что он страдал сильным геморроидальным кровотечением. Поговорив о разных средствах, полезных в этой болезни, я посоветовал И.С. прогулки, но он сказал, что не может гулять, ему тяжело ходить в шубе, и что он чувствует одышку. Последняя указывала на поражение сердца» (с. 469).

Иван Аксаков и Федор Достоевский (К истории взаимоотношений)

См.: *Мотин С.В.* Иван Аксаков и Федор Достоевский (К истории взаимоотношений) // Вторые Аксаковские чтения: Сборник материалов Всероссийской научной конференции 21-24 сентября 2006 г. / Под общ. ред. Л.А. Сапченко. Ульяновск: УлГУ, 2006. С. 129-141.

«Достоевский и Аксаков никогда не были особенно близки, но в силу ряда причин сферы их интересов нередко соприкасались, их мысли постоянно были сконцентрированы на одних и тех же коренных проблемах – проблемах исторического бытия России»³¹².

И.Л. Волгин

Федор Михайлович Достоевский (1821-1881) и Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886) были почти ровесниками и жили практически в одни годы. Оба одновременно обучались в Петербурге, кстати, недалеко друг от друга: Достоевский в Главном инженерном училище (1838-1843), располагавшемся в бывшем Михайловском замке (Садовая ул., 2); Аксаков в Императорском училище правоведения (1838-1842) – на Фонтанке, 6.

15 декабря 1845 г.³¹³ Аксаков в письме к родным упоминает, что «Отечественные записки» «нашли новую звезду, какого-то Достоевского, которого ставят чуть ли не выше Гоголя, находя в Гоголе много славянофильского духа»³¹⁴.

В 1840-х гг. Достоевский, очевидно, не имел случая увидеться с Аксаковым, который принадлежал к враждебной кружку «Отечественных записок» общественной группировке³¹⁵. 1850-е гг. в жизни Достоевского были исключительными – это годы каторги в Омском остроге и службы в Семипалатинске сначала рядовым солдатом, затем прапорщиком.

История отношений Достоевского и Аксакова не изобилует столь острыми коллизиями, как например, дружба-вражда Федора Михайловича с Тургеневым или Некрасовым. В их взаимоотношениях был лишь один напряженный момент: полемика между журналом братьев Достоевских «Время» и аксаковской газетой «День», полемика довольно ожесточенная, не приведшая, правда, к окончательному разрыву, но, несомненно, наложившая определенный отпечаток на общение обоих писателей в 60-70-е годы³¹⁶.

1. Заочная полемика: «Время» и «День» (1861-1862). 8 января 1861 г. выходит первый номер журнала братьев Достоевских «Время»³¹⁷.

³¹² Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому: Публикация, вступительная статья и комментарии И.Л. Волгина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31. Вып. 4. С. 349.

³¹³ Все даты даны по старому стилю.

³¹⁴ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1888. Т. I. С. 313.

³¹⁵ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 2. Л., 1990. С. 416.

³¹⁶ См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 349.

³¹⁷ Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 304.

В сентябре 1861 г. образован Высший комитет для пересмотра существующего цензурного законодательства³¹⁸. В этом же месяце М.Н. Катковым была написана «Записка русских литераторов», которую подписали ряд писателей (В.М. Белозерский, Г.Е. Благосветлов, В.Ф. Корш, А.А. Краевский, В.А. Кремпин, Н.Ф. Павлов, Н.Г. Писаревский, Н.Г. Чернышевский), в том числе И.С. Аксаков и брат Ф.М. Достоевского – Михаил. В записке впервые было открыто сформулировано положение о свободе печати, как общем требовании русских журналистов.

15 октября 1861 г. в Москве начинает выходить орган славянофилов еженедельная газета «День». Газета была доброжелательно встречена редакцией журнала «Время»³¹⁹. Однако первые же номера газеты (№№ 1-4) привлекают внимание Достоевского «славянофильским» тоном общественно-политических и литературных взглядов К.С., И.С. Аксаковых и Н.М. Павлова. Достоевский резко выступает против их позиций в статье «Последние литературные явления. Газета “День”»³²⁰.

В свою очередь, 20 октября 1861 г. Аксаков в письме к Н.С. Соханской пишет о журнале Достоевских: «Вообще – этот журнал славянофильствует отчаяннейшим образом, и при всяком удобном случае нас ругает, говорит, что славянофильство – отживший момент, и хочет создать учение о русской народности – минус вера и нравственный закон!»³²¹.

16 февраля 1862 г. Достоевский обращает внимание на передовую статью Аксакова, напечатанную в «Дне» и содержащую требования ограничения прав евреев. В анонимной статье «Славянофилы, черногорцы и западни-ки. Самая последняя перепалка»³²² Достоевский пишет, цитируя Аксакова: «Вопрос шел об уравнении прав евреев и русских в России. “Если будет равенство права, то тогда, пожалуй, иной еврей дослужится до обер-прокурора Синода. Ну что тогда с нами будет!”»³²³.

26 февраля 1862 г. опубликована статья Достоевского «Два лагеря теоретиков (По поводу “Дня” и кой-чего другого)»³²⁴.

Достоевский отдавал должное общественной позиции газеты «День», которая, как он писал, хочет «действовать в интересах нашего земства» и поэтому «с особенной силой отрицает современный строй общества», хотя и подчеркивал при этом, что «собственный-то идеал» Аксакова и его единомышленников «еще вовсе не выяснен». Одновременно резкое осуждение Достоевского вызвало утверждение Аксакова, что крепостное право основыв-

³¹⁸ См.: Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов. СПб., 1904. С. 56.

³¹⁹ См.: «Время». № 7. С. 107.

³²⁰ «Время». 1861. № 11; Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 19. Л., 1979. С. 57, 254-257.

³²¹ Русское обозрение. 1897. № 4. С. 570.

³²² «Время». 1862. № 9.

³²³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 20. Л., 1980. С. 24.

³²⁴ «Время». 1862. № 2.

валось на «человеческой и божеской законности» и поэтому помещик относился к крестьянам «дружелюбно и простосердечно»³²⁵.

Вероятно, Достоевский не был лично знаком с Аксаковым в 1862 г., когда вел с ним полемику на страницах журнала «Время»³²⁶.

2. Достоевский на «пятницах» у Аксакова (1863-1864). Записные тетради Достоевского за сентябрь 1863 г. свидетельствуют о том, что в это время он, возможно по совету А.А. Григорьева, с особым «прилежанием» читал сочинения А.С. Хомякова и газету Аксакова «День»³²⁷.

Личное знакомство писателей состоялось, очевидно, в конце 1863 – начале 1864 г. Достоевский приехал с больной женой на лечение в Москву 11 ноября 1863 г.³²⁸, и в течение нескольких месяцев принимал активное участие в литературно-общественной жизни города³²⁹.

Из письма к брату Михаилу из Москвы от 9 февраля 1864 г. («У Аксакова за болезнью давно не был»³³⁰) ясно, что Достоевский регулярно бывал в доме Аксакова.

Аксаковские «вечера» происходили еженедельно по пятницам: они приурочивались к выходу очередного номера газеты «День». Душой этих встреч была старшая сестра Аксакова – Вера Сергеевна. «Пятницы» проводились регулярно с 15 октября 1861 г. по февраль 1864 г.³³¹.

Письмо Достоевского к брату Михаилу из Москвы от 20 марта 1864 г.: «Ни у кого я не был, по причине болезни. Вчера видел на улице Плещеева. Очень он мне обрадовался, полагал, что я в Петербурге. Сообщил кой-что о московских, то есть что вечера у Аксакова, по случаю смерти сестры, прекратились, и т.д. и т.д.»³³².

В это же время, около 20 марта 1864 г. Аксаков пишет М.М. Достоевскому из Москвы, что С.П. Колошин предлагает быть корреспондентом журнала «Эпоха» (2-й журнал братьев Достоевских). Передает поклон Ф.М. Достоевскому³³³.

3. Деловые отношения (1864-1877). Личные и деловые контакты между Достоевским и Аксаковым поддерживались и в последующие годы. Бывая наездами в Москве, Достоевский встречался с Аксаковым. Имя Аксакова изредка встречается и в письмах Достоевского 1860-70-х гг., преимущественно в нейтральной тональности³³⁴. Об их чисто деловых отношениях свидетельствуют письма Аксакова от 20 ноября 1864 г. и от 13 января 1877 г.

³²⁵ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 20. Л., 1980. С. 9; Т. 19. Л., 1979. С. 59, 66, 254-255.

³²⁶ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 2. Л., 1990. С. 416.

³²⁷ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. Письма 1834-1881. СПб., 1996. С. 708.

³²⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л., 1985. С. 539.

³²⁹ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 2. Л., 1990. С. 417.

³³⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л., 1985. С. 65.

³³¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. Письма 1834-1881. СПб., 1996. С. 711. Дата смерти В.С. Аксаковой – 24 февраля 1864 г.

³³² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. Письма 1834-1881. СПб., 1996. С. 236-237.

³³³ «Литературное наследство». Т. 86. М., 1973. С. 395.

³³⁴ См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 349.

Всего известны семь писем Аксакова к Достоевскому (1864-1880; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Ф. 93. П. 6.1)³³⁵.

В письме к Достоевскому от 20 ноября 1864 г. Аксаков предлагает не понадобится ему для «Дня» рукописи. В письме к Достоевскому от 13 января 1877 г. Аксаков обращается с просьбой высылать ему «Дневник писателя», «начиная с 1-го № в течение всего 1877 года по нижеследующему адресу: Москва. Ивану Сергеевичу Аксакову. Филипповский переулок, дом Скородумова»³³⁶.

Из письма Достоевского к А.Г. Сниткиной из Москвы от 2 января 1867 г.: «До сих пор мало кого видел, кроме Яновского... и Аксакова, который ужасно занят. ... С Аксаковым говорил о сотрудничестве». Аксаков безрезультатно пытался привлечь Достоевского к участию в издававшейся им газете «Москва»³³⁷.

В записной тетради с подготовительными материалами к «Бесам» 16 февраля 1870 г. зафиксирован имеющий отчасти автобиографическую основу неосуществленный замысел («Великолепная мысль...») о «романисте (писателе)». Достоевский намеревался представить картину сложных взаимоотношений писателя с критиками и такими его современниками, как Тургенев, Гончаров, Плещеев, Аксаков, Салтыков, написать «о направлениях и идеях, бывших в литературе»³³⁸.

2 января 1872 г. Достоевский отвечает на письмо А.Г. Достоевской: «От Каткова поехал к Аксакову, который прекрасно и радушно принял меня и у которого просидел часа три. Звал в четверг к себе вечером»³³⁹.

В январе 1873 г. Достоевский встречается с приехавшим в Петербург Аксаковым. Одна из тем разговора – ход подписки на еженедельник «Гражданин»³⁴⁰.

4. Речи Аксакова и «Дневник писателя» Достоевского (1877). 24 апреля 1877 г. «Московские ведомости» (№ 98) публикуют речь Аксакова, произнесенную 17 апреля в заседании Московского славянского благотворительного комитета и посвященную объявлению Россией 12 апреля войны против Турции. Переключки с основными положениями речи Аксакова ощущаются у Достоевского в апрельском выпуске «Дневника писателя»³⁴¹.

11 мая 1877 г. «Московские ведомости» (№ 113) публикуют речь Аксакова, произнесенную 1 мая на общем собрании Московского славянского благотворительного общества. Он приветствует начало русско-турецкой

³³⁵ Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 352-361.

³³⁶ См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 352.

³³⁷ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 295.

³³⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 12. Л., 1975. С. 5, 365-367. Также см.: Греков В.Н. Ф.М. Достоевский и И.С. Аксаков в шестидесятые годы: (От «национальной самобытности» к «общечеловеческому прогрессу») // Романтизм в литературном движении. Тверь, 1997. С. 147-156.

³³⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 222.

³⁴⁰ См.: Письмо Ф.М. Достоевского к М.П. Погодину от 26 февраля // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 263.

³⁴¹ См.: «Война. Мы всех сильнее» // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 95.

войны и освободительную миссию России по отношению к «православным славянским племенам». Достоевский сочувственно откликается на речь Аксакова в «Дневнике писателя»³⁴².

Во время остановки в Москве 18-19 июля 1877 г., на пути из Петербурга в Даровое, Достоевский, возможно, встречался с Аксаковым. Намек на эту встречу содержится в «Дневнике писателя» – встреча описана в 1-й главе июльско-августовского выпуска 1877 г.³⁴³. Достоевский писал: «...я, проездом через Москву, поговорил кой о чем с одним из моих давних московских знакомых, с которым вижу редко, но мнение которого глубоко ценю». Достоевский приводит темы их беседы – о значении для человека «святых воспоминаний» детства (в связи с намерением Достоевского «посетить» Даровое), о разрушении строя старой семьи, запечатленного в автобиографических повестях Л.Н. Толстого, и возникновении «случайных семейств», о новых вопросах, являющихся у народа после реформы, о выходе восьмой (последней) части «Анны Карениной». Высказывания собеседника созвучны настроениям самого Достоевского³⁴⁴.

5. «Пророчество» Достоевского (1878). Около 20 июня 1878 г. Достоевский делает «пророчество» о высылке Аксакова, последующей за его речью против Берлинского конгресса. В.Ф. Пуцыкович вспоминает: «Дня за два до знаменитой речи Аксакова <...> сидел я у покойного Ивана Сергеевича в Москве, в его кабинете, в обществе купеческого взаимного кредита, причем он мне читал выдержки из той речи, которую он готовился произнести 22-го июня 1878 г. Вошел Достоевский, жизнерадостный, веселый, каким он всегда казался, когда попадал в круг близких ему людей. Конечно, сейчас же заговорил и о речи, тщательно подготовляемой Аксаковым тут же. Аксаков стал и ему делать выдержки из нее, т.е. читать разные места. «Ой, смотрите, чтоб вас за это не выслали», – все говорил Достоевский. И когда с нашей стороны высказывались сомнения, так как мы, обсудив все шансы, были уверены, что все дело кончится «предостережением» «Гражданину», он со свойственной ему живостью, почти вскрикнул: «Так я же вам предсказываю, что вас вышлют за эту речь!».³⁴⁵

Предсказание Достоевского сбылось буквально. Аксаков был выслан из Москвы и отстранен от должности председателя Московского славянского благотворительного общества.

15 июля 1878 г. В.Ф. Пуцыкович пишет Достоевскому, что 23-24-й номер «Гражданина», где была опубликована речь Аксакова от 22 июня 1878 г., «до сих пор остается арестованным». Сообщает о своем восторге от речи Аксакова³⁴⁶.

³⁴² См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 214-217, 442-443.

³⁴³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 172, 430.

³⁴⁴ См.: Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 796; Т. 14. С. 203-204.

³⁴⁵ См.: На чужой стороне. Сб. V. Берлин; Прага, 1924. С. 131.

³⁴⁶ См.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. Т. 3. СПб., 1999. С. 281.

28 августа 1878 г. Аксаков в письме к В.Ф. Пуцыковичу из села Варварино, куда он был сослан, сообщает: «Стихи все-таки прилагаю. Покажите их Ф.М. Достоевскому, в напоминание его пророчества о моем изгнании, и во свидетельство моего мирного настроения»³⁴⁷. Пуцыкович исполнил просьбу Аксакова. Вместе с Достоевским было решено поместить стихи о пребывании Аксакова в Варварино в «Гражданине», что навлекло на журнал новую кару, он был арестован до начала октября³⁴⁸.

29 августа 1878 г. Достоевский отвечает на письмо В.Ф. Пуцыковича от 10 августа. Благодарит за сообщение об Аксакове, которому собирается непременно написать (это письмо неизвестно)³⁴⁹.

В.Ф. Пуцыкович в письме к Достоевскому из Берлина от 2 июля 1879 г. извещает, что Аксаков по его просьбе прислал для возобновляющегося «Гражданина» 100 руб. Приглашает к сотрудничеству Достоевского и Аксакова³⁵⁰.

В.Ф. Пуцыкович в письме к Достоевскому из Берлина от 9 июля 1879 г. сообщает, что получил письмо от Аксакова, который поддерживает идею возобновления «Гражданина».

О.Ф. Миллер в письме к Достоевскому от 30 января 1880 г. сообщает, что «здесь теперь И.С. Аксаков», которому он оставил «карточку» с приглашением к себе на завтра «вечером»; просит быть и Достоевского³⁵¹.

Аксаков в письме к О.Ф. Миллеру от 12 февраля 1880 г. сообщает: «Очень рад, что Ф.М. Достоевский пишет адрес <по поводу 25-летия царствования Александра II. – С.М.>, и от всей души желаю, чтоб приняли <...> все равно, копия дойдет во всяком случае. Здесь, было, я написал адрес для Думы, но подачу адресов отменили. А нужно бы. Молчать долее нельзя. Нужен голос земли...» В письме Аксакова отразилась, вероятно, и собственная его позиция как сторонника создания Земского собора³⁵².

6. Пушкинские торжества (1880). 23 мая 1880 г., в 10 часов вечера Достоевский прибывает в Москву на торжества по случаю открытия памятника Пушкину скульптора А.М. Опекушина на Страстной (ныне – Пушкинской) площади, куда он был приглашен Обществом любителей российской словесности.

Из письма Достоевского к А.Г. Достоевской от 25 мая 1880 г.: «Сегодня, 25-го, в 5 часов, приехали за мной Лавров и Ник. Аксаков и повезли меня в собственной коляске в «Эрмитаж». ...обед, как оказалось, был именно устроен в честь меня. В «Эрмитаже» уже ждали нас литераторы, профессора и ученые, всего 22 человека. ... Было 4 профессора университета, один директор гимназии Поливанов (друг фамилии Пушкиных), Иван Сергеевич Акса-

³⁴⁷ См.: На чужой стороне. Сб. V. Берлин; Прага, 1924. С. 143.

³⁴⁸ Берлинский листок. 1903. № 4-5. С. 46.

³⁴⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988. С. 42.

³⁵⁰ См.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. Т. 3. СПб., 1999. С. 329.

³⁵¹ Достоевский и его время. Л., 1971. С. 279.

³⁵² См.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. Т. 3. СПб., 1999. С. 378-379.

ков, Николай Аксаков, Николай Рубинштейн (московский) и проч. и проч. ... Сказано было мне (с вставанием с места) 6 речей, иные очень длинные. Говорил Юрьев, оба Аксаковы, 3 профессора, Николай Рубинштейн»³⁵³.

Из письма Достоевского к А.Г. Достоевской от 26 мая 1880 г.: «Сегодня утром пришел ко мне Иван Серг. Аксаков с тем, чтобы настоятельнейшим образом просить меня остаться на открытие, так как оно произойдет, как все ожидают, до 5-го»³⁵⁴.

Достоевский в письме к А.Г. Достоевской с 28 на 29 мая 1880 г. сообщает о своем решении остаться на пушкинские празднества, которые откроются 4 июня, так как нужен не одним только «любителям российской словесности», а всей «нашей партии», ибо «враждебная партия» (имеются в виду «западники» – «Тургенев, Ковалевский и почти весь университет») «решительно хочет умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая саму народность». Достойных же оппонентов «западникам» Достоевский кроме себя не видит: «Иван Аксаков и устарел, и приелся в Москве», а «Юрьев и прочие не имеют весу...». «Мой голос будет иметь вес, а стало быть, и наша сторона восторжествует»³⁵⁵.

Из письма Достоевского к А.Г. Достоевской от 1 июня 1880 г.: «Как-то я прочту мою речь? Аксаков объявил, что у него то же самое, что и у меня»³⁵⁶.

Из письма Достоевского к А.Г. Достоевской со 2 на 3 июня 1880 г.: «Был у Ив. Аксакова – на даче»³⁵⁷.

6 июня 1880 г. в 12 часов дня на Тверской площади начинается церемония открытия памятника Пушкину. С 5 часов вечера Достоевский присутствует на обеде, устроенном Московской городской думой в зале Благородного собрания: обед открывают министр народного просвещения А.А. Сабуров и городской голова С.М. Третьяков, с ответным словом выступает сын поэта А.А. Пушкин; «небольшие речи» за столом произносят преосвященный Амвросий, М.Н. Катков (приглашенный Думой); И.С. Аксаков и А.Н. Майков читают свои стихотворения. Катков делает безуспешную попытку провозгласить призыв к примирению враждующих сторон, протянув бокал Тургеневу, который оставляет его жест незамеченным.

Из письма Достоевского к А.Г. Достоевской от 7 июня 1880 г.: «...на утреннем чтении речей Иван Аксаков отказался читать свою речь после Тургенева (в которой тот унижил Пушкина, отняв у него название национального поэта)... Несколько незнакомых людей подошли ко мне и шепнули, что завтра, на утреннем чтении, на меня и на Аксакова целая кабала»³⁵⁸.

Аксаков был одним из первых, кто высоко оценил общественное значение речи Достоевского о Пушкине. Из письма Достоевского к А.Г. Достоев-

³⁵³ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 606, 607.

³⁵⁴ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 609.

³⁵⁵ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988. С. 169-171.

³⁵⁶ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 621-622, 816.

³⁵⁷ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 625.

³⁵⁸ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 630-631.

ской от 8 июня 1880 г.: «Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя – *есть не просто речь, а историческое событие!* Туча облегла горизонт, и вот слово Достоевского, как появившееся солнце, всё рассеяло, всё осветило. С этой поры наступает братство и не будет недоумений. «Да, да!» – закричали все и вновь обнимались, вновь слезы. Заседание закрылось. ... После часу почти перерыва стали продолжать заседание. Все было не хотели читать. Аксаков вошел и объявил, что своей речи читать не будет, потому что всё сказано и всё разрешило великое слово нашего гения – Достоевского. Однако мы все его заставили читать. Чтение стало продолжаться...»³⁵⁹.

Письмо Аксакова к О.Ф. Миллеру из села Троекурово от 14 июля 1880 г. о Пушкинской речи Достоевского (подарено Миллером А.Г. Достоевской)³⁶⁰.

Письмо Аксакова к О.Ф. Миллеру из Москвы от 17 августа 1880 г. По мнению Аксакова, основные идеи Пушкинской речи Достоевского не новы и восходят к славянофилам, в частности к А.С. Хомякову и К.С. Аксакову. Однако Достоевский поставил их на «художественно-реальную почву» и «отважился в упор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроений, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только рукоплескала»³⁶¹.

7. Переписка (1880-1881). 28 августа 1883 г. Аксаков в письме к А.С. Суворину, предоставляя письма Достоевского для публикации, пишет: «До 1880 года, до Пушкинского праздника у меня не было переписки с Достоевским; но затем было получено мною писем шесть. Из них посылаю четыре...»³⁶². Таким образом, стали известны 4 письма Достоевского к Аксакову³⁶³.

Инициатором завязавшейся в 1880 г. между писателями переписки был Аксаков. В письмах обсуждались главным образом «Дневник писателя» Достоевского за 1880 г., основу которого составляла его Пушкинская речь, и первые номера еженедельника газеты «Русь», которую Аксаков начал издавать с 15 ноября 1880 г.

20 августа 1880 г. в письме к Достоевскому из Москвы Аксаков благодарит его за присылку «Дневника писателя» с Пушкинской речью и необходимым «разъяснением» к ней. Поддерживает Достоевского в его полемике с А.Д. Градовским «об отношении лично-нравственных христианских идеалов к идеалам гражданским»³⁶⁴.

23 августа 1880 г. Аксаков «в дополнение» к письму своему от 20 августа посылает Достоевскому новое, чтобы до конца искренне высказать ему

³⁵⁹ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 632-633.

³⁶⁰ Письмо большей частью опубликовано в: «Литературное наследство». Т. 86. М., 1973. С. 512.

³⁶¹ Письмо частично опубликовано в: «Литературное наследство». Т. 86. М., 1973. С. 514-515.

³⁶² Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883. 2-я паг. С. 344.

³⁶³ От 28 августа, 4 ноября, 3 и 18 декабря 1880 г. Первая публикация в: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883. 2-я паг. С. 344-350.

³⁶⁴ См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 353-355.

«не то что замечания, а так сказать <...> ощущения», касающиеся не содержания и формы речи, а ее «тона»: находит «что-то негармонирующее между исповеданием, частым поминанием Христа и умышленно-оскорбительною» для противника Достоевского беседую с ним, хотя и соглашается, что статья А.Д. Градовского «способна хоть кого взбесить самодовольством противной дешевой мудрости и принаряженных общих мест»³⁶⁵.

26 августа 1880 г. Достоевский отвечает на письмо О.Ф. Миллера. Сообщает, что только что получил от И.С. Аксакова «превосходное, удивительное письмо» с отзывом о «Дневнике писателя»³⁶⁶.

28 августа 1880 г. Достоевский отвечает на письма Аксакова от 20 и 23 августа (назвав последнее «драгоценным»): «Никогда еще в моей жизни я не встречал критика столь искреннего и столь полного участием к моей деятельности, как теперь Вы. Я даже забыл и думать, что есть и что могут быть такие критики. Это не значит, что я с Вами во всем согласен *безусловно* <...> Вам могу изложить хоть часть сомнений, а Вы всегда мне скажите глубоко искреннее и прозорливое слово. <...> Мне Вы нужны, и я Вас не могу не любить». Сообщает, что занят окончанием «Братьев Карамазовых»³⁶⁷.

3 сентября 1880 г. Аксаков отвечает из Москвы на письмо Достоевского от 28 августа. Просит его не отвлекаться от писания «Братьев Карамазовых» – романа, в котором его «собственная плоть и кровь – в переносном смысле». Посылает для А.Г. Достоевской три автографа: письмо Гоголя из Рима к К.С. Аксакову от марта 1841 г., стихотворение К.С. Аксакова «Поэту-укротителю» и «записку» С.Т. Аксакова 1852 г. к неизвестному адресату³⁶⁸.

12 сентября 1880 г. В.Ф. Пуцыкович в письме к Достоевскому из Берлина считает, что было бы хорошо, если бы Достоевский объединился в издании журнала с И.С. Аксаковым, чтобы противостоять «созданию неописаревых, зайцевых и т.д.»³⁶⁹.

18 октября 1880 г. Достоевский отвечает на письма М.А. Поливановой. Сетует на нехватку времени: уже два месяца не в состоянии ответить И.С. Аксакову на «самое интересное и нужное» письмо³⁷⁰.

4 ноября 1880 г. Достоевский в письме к Аксакову извещает об отправке «третьего дня» в редакцию «Руси» рукописи романа «Мачеха» П.Е. Гусевой (псевдоним: А. Шумова). Сообщает о своей «каторжной работе» в последнее время. Расценивает объявление в газетах о «Руси»³⁷¹ как «превосходное». Полагает, что издание «Руси» следовало бы начать не с 15 ноября, а с 1 января будущего года. Откликается на замечание Аксакова о допускаемых им

³⁶⁵ См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 356-358.

³⁶⁶ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988. С. 213.

³⁶⁷ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 644-645.

³⁶⁸ См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 358-359.

³⁶⁹ См.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. Т. 3. СПб., 1999. С. 475.

³⁷⁰ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988. С. 220-222.

³⁷¹ Объявление Аксакова об издаваемой им с 15 ноября еженедельной газете «Русь» и ее программе см.: «Московские ведомости». 1, 4, 13, 17 окт. и т.д. № 272, 275, 284, 288; «Голос». 5, 8, 10 окт. № 275, 278, 280 и др.

резкостях в полемике со своими оппонентами. «Ну, как отказываться от полемики и иногда горячей?» – недоумевает Достоевский, раздумывая о возобновляемом им с января издании «Дневника писателя»³⁷².

12 ноября 1880 г. Аксаков отвечает на письмо Достоевского от 4 ноября. Сообщает, что «Мачеха» П.Е. Гусевой, посланная в «Русь», дошла по назначению. Подписка на «Русь», по его словам, «идет отлично»: «выручает провинция». Извещает, что газета будет высылаться Достоевскому регулярно. С «величайшим интересом» ожидает возобновления «Дневника писателя»³⁷³.

15 ноября 1880 г. – начало выхода газеты Аксакова «Русь». После вынужденного двенадцатилетнего молчания один из самых деятельных представителей семейства Аксаковых возвращался на арену публицистической борьбы. Почти одновременно, с января 1881 г., Достоевский собирался возобновить свой ежемесячный «Дневник писателя». Письма Аксакова к Достоевскому, по мнению И.Л. Волгина, являются своеобразным зондажем: ведь речь могла идти о союзе двух *печатных органов*³⁷⁴.

27 ноября 1880 г. Е.Ф. Юнге в письме из Киева к Н.И. Костомарову высказывает критическое отношение к передовой статье Аксакова в № 1 «Руси». По поводу вновь завязавшегося спора между славянофилами и западниками замечает: «...нечего греха таить: Достоевский своей речью не примирил, а выдвинул вперед вопрос»³⁷⁵.

29 ноября 1880 г. в № 3 газеты «Русь» опубликовано объявление о возобновлении с 1 января 1881 г. ежемесячного издания «Дневника писателя». Здесь же представлена статья И.П. Павлова, посвященная «Братьям Карамазовым». Аксаков сопровождает статью редакционным примечанием о том, что «роман “Братья Карамазовы” по богатству, по важности и глубине поставленных им вопросов, по яркости и художественных достоинств и художественных недостатков, по необыкновенной силе таланта, проявившемся здесь с большим блеском, чем во всех прежних произведениях» Достоевского, заслуживает «целого исследования», вместо которого газета пока представляет «беглый очерк» одного из своих сотрудников³⁷⁶.

3 декабря 1880 г. Достоевский в письме к Аксакову сочувственно оценивает его передовые статьи в газете «Русь» о роли земства и одновременно высказывает ряд полемических замечаний. Возлагает на «Русь» надежды в будущем как на выразительницу «русского направления». Рекомендует добиваться в газете большего разнообразия и занимательности. Сообщает, что подписка на «Дневник писателя» 1881 г. уже началась. В связи с разбором в «Руси» «Братьев Карамазовых» благодарит Аксакова за его «редакторскую выноску и за обещание сказать еще нечто». В приписке поясняет, что в Петербурге, на его взгляд, определенного мнения о «Руси» пока не составилось,

³⁷² См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988. С. 225-227.

³⁷³ См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 359.

³⁷⁴ См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 350.

³⁷⁵ «Литературное наследство». Т. 86. М., 1973. С. 522.

³⁷⁶ См.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. Т. 3. СПб., 1999. С. 501-502.

и хотя 1-й № прочтен был с чрезвычайным любопытством, однако даже сочувствующие пока не решаются высказаться. Относительно раздела политики и внутреннего обозрения замечает, что они прекрасно подобраны, но им не хватает огня, сопоставлений, указаний. Он бы, на месте Аксакова, подпустил туда более сарказму³⁷⁷.

18 декабря 1880 г. Достоевский сообщает Аксакову, что вместе с письмом посылает ему экземпляр «Братьев Карамазовых»; прилагает 25 руб. для оплаты печатающегося в «Руси» объявления о будущем издании «Дневника писателя»; просит присовокупить к нему и объявление о выходе отдельного издания «Братьев Карамазовых», печатный текст которого прилагает; высказывает пожелание о повторении его в трех номерах. Положительно оценивает передовые статьи газеты «Русь», но настаивает на том, что, заговорив на важные темы, надо «разъяснять, развивать и “долбить” неустанно» проводимые Аксаковым идеи³⁷⁸. На шмуцтитуле тома I отправленного Достоевским отдельного издания «Братьев Карамазовых» надпись: «Глубокоуважаемому Ивану Сергеевичу Аксакову на память от автора»³⁷⁹.

27 декабря 1880 г. в № 7 «Руси» опубликовано объявление о выходе отдельного издания «Братьев Карамазовых»³⁸⁰.

Письмо Аксакова к Достоевскому от 21 января 1881 г. «С нетерпением ожидаю Вашего “Дневника”, – пишет Аксаков, подчеркивая необходимость совместно противостоять негативным тенденциям в современном “журнализме”, который он называет “толкучим рынком мысли”. – Я утешаюсь лично за себя только тем, что многие в глуши, мне неизвестные, загнанные, пристыженные, смущенные наглým “либерализмом”, вздохнули свободнее, почувствовали опору и стали доступнее упованию. Но Ваше слово захватывает еще больший круг, и главное, проникает туда, куда едва ли достигает мое, в среду молодежи, и проникает сквозь затворенные двери силою художественного очарования»³⁸¹.

Это было последнее письмо Аксакова к Достоевскому. 28 января 1881 г., 8 часов 36 минут вечера Достоевский умер³⁸².

Post mortem (После смерти). 29 января 1881 г. генерал-лейтенант А.А. Киреев записывает в своем дневнике: «...скончался Достоевский! Страшная потеря! Незаменимая! Он один не популярничал, не подличал перед молодежью (говорю о Петербурге, в Москве есть Аксаков, отчасти есть влияние на молодежь у Каткова)»³⁸³.

³⁷⁷ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988. С. 232-234.

³⁷⁸ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988. С. 235-236.

³⁷⁹ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 2. Л., 1990. С. 64.

³⁸⁰ Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. Т. 3. СПб., 1999. С. 514.

³⁸¹ См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому... С. 359-361.

³⁸² См.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. Т. 3. СПб., 1999. С. 547.

³⁸³ «Литературное наследство». Т. 86. М., 1973. С. 534.

Письмо К.П. Победоносцева к Аксакову в Москву от 30 января 1881 г. с сообщением о кончине Достоевского. Победоносцев пишет: «Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, и он нередко приходил проводить его вдвоем со мною. И своего “Зосиму” он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей»³⁸⁴.

31 января 1881 г. «Русь» (№ 12. С. 3) помещает неподписанную некрологическую статью Аксакова: «Достоевский умер! Потеря незаменимая!.. В нашей современной литературе это была чуть ли не единственная положительная сила, не растлевающая, не разрушающая, а укрепляющая и зиждательная <...> Никто из наших писателей не был равен ему по глубине и бесстрашию психического анализа, по важности и широте нравственных задач, к разрешению которых он так страстно стремился в своих сочинениях»³⁸⁵.

«Колокол призывный».

О монографии, посвященной И.С. Аксакову и его газете «Русь»

См.: *Мотин С.В.* «Колокол призывный». О монографии, посвященной газете И.С. Аксакова «Русь» (1880–1886) // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке [Текст]: материалы IX Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 20-21 апреля 2017 г.: [в 5 ч. Ч. 2] / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. С. 36–48.

«Аксаков был кремлевский колокол, призывной, всполошной. Это общественная, даже и государственная совесть русского народа. Как ни размашисто и иной раз и совсем не приборчив бывал он, а все-таки каждый раз чувствовалось: а ведь он говорит правду. Его деятельность смущала, будила, звучала праведною укоризной»³⁸⁶.

П.И. Бартенев – кн. Н.В. Шаховскому, 17.VII.1893 г.

В ноябре 2016 г. тиражом в 1000 экземпляров вышла в свет монография Д.А. Бадаляна³⁸⁷, изданная при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда³⁸⁸. Рецензентами книги выступили: научный руководитель кандидатской диссертации Дмитрия Александровича³⁸⁹ – доктор

³⁸⁴ Чешихин-Ветринский В.Е. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1912. С. 162-163.

³⁸⁵ См.: Аксаков И.С. По поводу смерти Достоевского // Аксаков И.С. Соч.: В 7 т. Т. 2. М., 1886. С. 487-494.

³⁸⁶ ОР РНБ.Ф. 847. Д. 94. Л. 5–5 об. Цит. по: Бадалян Д.А. «Колокол призывный»... С. 121. Полностью выходные данные книги смотри в 388 сноске.

³⁸⁷ Дмитрий Александрович Бадалян – старший научный сотрудник сектора книговедения Отдела редких книг Российской национальной библиотеки, член Союза журналистов, специалист по славянофильству и славянофильской журналистике.

³⁸⁸ Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2016. 360 с.: илл. Все последующие ссылки на данное издание размещены в тексте статьи в круглых скобках.

³⁸⁹ Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2010. 297 с.

исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации А.Н. Цамутали (СПБНИИ РАН) и доктор исторических наук Н.Г. Патрушева (РНБ).

В книге на основе многочисленных архивных данных представлены последние годы жизни Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) – выдающегося общественного деятеля, публициста, поэта, редактора целого ряда славянофильских периодических изданий³⁹⁰. В центре внимания монографии – деятельность И.С. Аксакова как редактора-издателя газеты «Русь» (1880-1886), в которой печатались многие замечательные общественные деятели и литераторы, такие как Н.П. Гиляров-Платонов, Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский, Н.С. Лесков, О.А. Новикова (Киреева), Д.Ф. Самарин, В.С. Соловьев, Н.Н. Страхов и др. Автор исследует отношения властей и изданий различных общественных направлений к аксаковской «Руси».

Структурно монография состоит из введения (с. 5-22), трех глав (с. 23-122, 123-197, 198-313), заключения (с. 314-316), списка использованных источников и литературы (с. 317-343), указателя имен (их 540; с. 344-359) и 8-ми листов иллюстраций.

Композиционно первая глава исследования посвящена общей характеристике последнего аксаковского издания, вторая – реконструирует цензурную историю газеты «Русь», а третья – рассматривает полемику в прессе при активном участии аксаковской газета. Далее в конспективном изложении представим некоторые, на наш взгляд, наиболее значимые сюжетные линии и цитаты из монографии.

Введение содержит историографию и источники монографии.

Историография. Первые публикации, посвященные деятельности Аксакова, появились в печати сразу после его смерти. Они не носили характер научного исследования, но повлияли на формирование концептуальных суждений в последовавших затем научных работах. Основная проблема, к которой обращались писавшие о позднем Аксакове, – вопрос о его месте в общественной борьбе. Многие социалисты и либералы называли его консерватором. С другой стороны, существовало представление об Аксакове как о социалисте³⁹¹. В то же время газета либеральных народников «Неделя» писала: «Определяя характер Аксакова, нельзя руководствоваться какими-нибудь обыденными классификациями. Его нельзя причислять ни к консерваторам, ни к либералам, ни к радикалам, ни к каким-либо другим подобным группам. <...> Это была слишком исключительная натура, совсем особенное явление в нашем общественном мире»³⁹² (с. 6).

Источники. В монографии использованы: документы 29 фондов, находящихся в 9 архивах и рукописных собраниях; свыше 30 петербургских, московских и провинциальных газет и журналов; 74 опубликованных источни-

³⁹⁰ Из последних публикаций о нем см.: Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1–6. В 12 ч. / Под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2009-2015. 3122 с.; Тесля А.А. «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 800 с.

³⁹¹ Маркевич А.И. И.С. Аксаков и его значение // Одесский вестник. 1886. 17 февраля, № 46. С. 2.

³⁹² Неделя. 1886. 2 февраля, № 5. С. 1.

ка; 80 воспоминаний, дневников и писем; 8 томов законодательных актов; 12 справочных изданий; 222 книги и статьи (подр. см.: с. 317-343).

Глава 1. «Слишком резко иду я против течения»³⁹³: Последнее издание И.С. Аксакова. В этой главе рассмотрены: попытки Аксакова организовать в конце 1870-х гг. выпуск еженедельной газеты; подготовка к выпуску газеты в 1880 г.; первые годы издания еженедельной газеты «Русь» (1880-1882); выход «Руси» в журнальном формате (1883-1884); попытка превратить «Русь» в ежедневное издание (1884); возвращение к еженедельным выпускам и вынужденный перерыв (1885); финал издания «Руси» и споры об «аксаковском наследии» (1886); феномен влияния аксаковской «Руси».

Готовясь к выпуску нового издания, Аксаков с самого начала ориентировался на хорошо опробованный им тип еженедельной общественно-политической газеты. Именно такой являлась газета «День», которой Аксаков посвятил свыше четырех лет жизни³⁹⁴ (с. 26). Первую попытку ее издания он предпринял еще во время Русско-турецкой войны, в августе 1877 г.³⁹⁵ (с. 27).

В газетном деле Аксакова всегда интересовало *содержание*, а не *форма*, глубина идеи, а не ее заманчивая упаковка (с. 51). Уже после смерти Аксакова А.П. Никольский писал о нем: «...материального успеха в тесном смысле “Русь” не имела, да Иван Сергеевич и не искал так называемой популярности. У него был совершенно особый взгляд на задачи журналиста, к сожалению, очень редкий в наше время. Вследствие этого взгляда он, напри(с. 54)мер, печатал некоторые статьи заведомо “для немногих читателей” <...> К печатному слову И.С. относился как к делу самому серьезному, которое несомненно дает человеку в руки могучее орудие воздействовать на общество и даже на ход событий, но с которым связаны не одни права, а еще больше обязанностей»³⁹⁶ (с. 55).

Под непосредственным руководством Аксакова с 15 ноября 1880 г. по 25 января 1886 г. вышло 190 номеров газеты и 5 «особых прибавлений»³⁹⁷ (с. 107). Газета выходила еженедельно по субботам. В начале издания обычный номер «Руси» состоял из 24 страниц (с. 40). В 1883-1884 гг. «Русь» выходила в «журнальном варианте», обычно объемом 64 страницы (с. 66). С января 1885 г. «Русь» вернулась к еженедельным выпускам в обычном для нее в 1880-1882 гг. формате. При этом первые четыре номера вышли объемом 20 страниц, а затем газета стала 16-страничной (с. 79).

³⁹³ Аксаков – К.П. Победоносцеву, сентябрь 1880 г. (Из переписки И.С. Аксакова // Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». 1909. 5 декабря. С. 7).

³⁹⁴ С 15 октября 1861 г. и до конца 1865 г.

³⁹⁵ См.: Дело об отказе И.С. Аксакову в разрешении издавать в Москве газету «День» // РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Д. 185.

³⁹⁶ Никольский А.П. И.С. Аксаков // Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И.С. Аксакова. М., 1886. С. 16 (3-я паг.).

³⁹⁷ См. полную версию газеты «Русь» в Интернете: (<https://mgou.ru/203-uncategorised/6964-gazeta-rus/>).

Лицо газеты определяли передовые статьи, которые всегда писал сам Аксаков. Кредо своего нового издания Аксаков отчасти представил уже в объявлении об издании «Руси», когда выдвинул задачей для всего общества вернуть в русскую жизнь «свободу органического самороста». При этом направление будущей газеты ее редактор не связывал ни с либералами, ни с консерваторами. Оба эти понятия он назвал «вздорными, пошлыми, пустозвонными у нас кличками»³⁹⁸ (с. 41). В передовой статье первого номера главной целью для всего русского общества было названо развитие уездного самоуправления (с. 42).

Спустя два с небольшим года Аксаков напишет В.С. Россоловскому: «Моя задача теперь действовать не столько на правительство, сколько на общественное сознание, и заменить идеалы *отрицательного* свойства, увлекающие молодежь, – идеалами положительного характера. Вообще править наше сознание. Без этого все реформы выйдут – пшик»³⁹⁹ (с. 60).

Аксаковская газета представляет собой феномен издания, которое распространялось всего в нескольких тысячах экземпляров, но было известно в различных слоях общества, в разных концах страны и за ее пределами (с. 109). Современники Аксакова многократно заявляли о его необыкновенном влиянии. «Санкт-Петербургские ведомости» писали через два дня после его смерти: «Слово Аксакова до последней минуты имело громадный вес во всем славянском мире и даже во всем западном мире и не оставалось без влияния и в лагере отшатнувшихся от него прежних друзей и единомышленников»⁴⁰⁰. Мнением Аксакова интересовались политические деятели – например, В. Гладстон и Отто фон Бисмарк (с. 110). За «Русью» следили иностранные дипломаты. Так, имя редактора «Руси» неоднократно встречается в дневнике германского посла в России Г.-Л. фон Швейница, который назвал его (наравне с Катковым) «московским политиком»⁴⁰¹ (с. 111). Еще более внимательно «Русь» читали в славянских землях (с. 112).

В России, особенно поначалу, среди читателей «Руси» было много простых обывателей, жителей провинции. Отклики на газету мы встречаем в письмах и заметках представителей самых разных сословий: крестьян, мещан, купцов, чиновников и государственных деятелей (с. 113). Помимо того что публикации «Руси» периодически включались в «царские обозрения» (так назывались обзоры печати, куда ежедневно попадали 2–3 публикации, которые отбирали для императора чиновники Министерства внутренних дел), аксаковскую газету читали в царской семье сам Александр III⁴⁰², а иногда и императрица Мария Федоровна (с. 115). В 1883 г. Аксаков оказался в

³⁹⁸ Голос. 1880. 5 октября. № 275. С. 5.

³⁹⁹ Аксаков – В.С. Россоловскому, 17 января 1883 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 45. Л. 25-25 об.

⁴⁰⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1886. 29 января. № 29. С. 1.

⁴⁰¹ Фон Швейниц Г.-Л. Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 175 (запись от 18 мая 1881 г.).

⁴⁰² 25 марта 1881 г. Александр III сказал А.Ф. Тютчевой: «Я читал все статьи вашего мужа за последнее время» (Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники. М., 2004. С. 558).

числе немногих журналистов, приглашенных властями на церемонию коронации Александра III (с. 118).

Д.П. Святополк-Мирский, назвавший редактора «Руси» величайшим из русских политических журналистов после А.И. Герцена, в 1926 г. вспоминал, что Аксаков «во времена яростной междупартийной ненависти оставался одним из немногих общественных деятелей, которых уважали даже противники»⁴⁰³. Эти слова об Аксакове – «уважали даже противники» – многократно повторялись в русской прессе сразу после его смерти (с. 120).

В 1884 г. либеральный публицист В.О. Михневич не без иронии писал про Аксакова: «По знаменитости и весу соперничает с царь-пушкой, по красноречию и звонкости органа – с царь-колоколом, если бы только последний не безмолвствовал»⁴⁰⁴. Судя по всему, Михневич хотел пошутить над сравнением Аксакова (с. 116) с колоколом, которое к тому времени уже прижилось в русском обществе (с. 117).

Глава 2. *«Считаю всякое личное сближение с верховною властью опасным для своей независимости»*⁴⁰⁵: И.С. Аксаков, газета «Русь» и цензура. Эта глава посвящена: попыткам Аксакова получить разрешение на издание газеты в 1877-1880 гг.; газете «Русь» при министре внутренних дел гр. М.Т. Лорис-Меликове и попытке издания сборника «Взгляд назад» (1880-1881); газете «Русь» при министре внутренних дел гр. Н.П. Игнатьеве (1881-1882); газете «Русь» при министре внутренних дел гр. Д.А. Толстом (1882-1886); цензурным циркулярам в повседневной практике «Руси» (1881-1886).

Для современников Аксакова не являлись секретом его драматичные отношения с цензурой. Об этом, как и его независимости от официального мира, писали многие близко знавшие редактора «Руси», например, Н.П. Гиляров-Платонов, К.П. Победоносцев, Н.Н. Страхов. Позднее М.К. Лемке несколько эмоционально назвал Аксакова «страстотерпцем цензуры всех эпох и направлений»⁴⁰⁶ (с. 123).

К началу издания «Руси» Аксаков имел репутацию редактора целого ряда изданий, закрытых либо по прямому решению органов цензуры, либо в силу возникших перед ними цензурных препятствий. Судьба его изданий решалась не только и не столько на уровне Московского цензурного комитета или Главного управления цензуры (с 1865 г. его функции перешли к Главному управлению по делам печати (ГУДП)), сколько представителями высшей (с. 124) государственной власти – министрами народного просвещения или внутренних дел, Правительствующим Сенатом, Государственным советом и, наконец, лично императором. В связи с этим весьма показателен эпизод 1867 г.: Ф.И. Тютчев, сообщая Аксакову в письме от 23 августа, что в са-

⁴⁰³ Мирский Д.П. История русской литературы древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2006. С. 347-348.

⁴⁰⁴ Михневич В.О. Наши знакомые: Фельетонный словарь современников. СПб., 1884. С. 4.

⁴⁰⁵ Аксаков – Н.П. Гилярову-Платонову, 19 сентября 1884 г. // И.С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. III. Письма 1851–1860 гг. М., 1892. С. 442-443.

⁴⁰⁶ Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов. СПб., 1904. С. 270.

мом ГУДП против него нет «положительной враждебности» и что чиновников Главного управления только огорчает аксаковская «чрезмерная резкость», добавлял: «Враждебность свыше»⁴⁰⁷. Тютчев был на этот счет хорошо информирован, т.к. являлся членом Совета ГУДП (с. 125).

22 сентября 1880 г. начальник ГУДП Н.С. Абаза подписал «Свидетельство № 3502», удостоверяющее, что надворный советник И.С. Аксаков «состоит издателем газеты “Русь”». Закон предоставлял для столичных и московских периодических изданий право печати без предварительной цензуры – по желанию издателя, с внесенным денежным залогом⁴⁰⁸. Именно этот путь выбрал Аксаков, 22 сентября внесший необходимый залог в главное казначейство. <...> Первые четыре месяца своего существования «Русь» не имела заметных проблем с цензурой (с. 137).

Первые очевидные признаки влияния цензуры на деятельность «Руси» проявились в марте 1881 г., т.е. сразу после убийства Александра II. Речь идет об исчезновении в газете ее постоянной рубрики «Наше земское самоуправление» (с. 139). В апреле 1881 г. Аксаков представил в Московский цензурный комитет сборник, составленный из статей газеты «Русь» – так было сказано в цензурных документах⁴⁰⁹. В действительности, сборник состоял из семи статей опубликованных под рубрикой «Наше земское самоуправление», и одной новой, которая представляла аксаковские воззрения на отношения верховной власти и народа⁴¹⁰ (с. 141). Автор предлагал или даже подробно разрабатывал меры, направленные на изменение существующего общественного устройства. В самой последней статье, названной «Царь и Земля», Аксаков прямо заявлял, что источник царской власти он видит именно в народе – «Земле» (с. 142). Итогом цензурного рассмотрения стало запрещение аксаковского сборника.

С новым министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым Аксакова связывало давнее знакомство и близость взглядов. <...> Однако редактор «Руси» был далек от того, чтобы превратить свою газету в официоз министерства, руководимого Игнатьевым (с. 148). Аксаков писал: «...необходимо сохранять положение независимое, ибо и власть способна удружить вам сегодня такую глупостью, которая посрамит всех ее партизанов. Ибо ясного сознания ей недостает, – это положительно»⁴¹¹. И еще: «...вовсе не хочу обращать “Русь” в министерский орган, хотя и считаю нужным поддерживать графа Игнатьева»⁴¹² (с. 149).

Надо заметить, что важные обстоятельства отношений редактора-издателя «Руси» с властью не всегда фиксировались органами цензуры. Это связано с тем, что порой газета и ее судьба (с. 154) обсуждались не на засе-

⁴⁰⁷ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 6. М., 2004. С. 257.

⁴⁰⁸ ПСЗ. [Собр. 2-е]. Т. 40. 1867. № 41988, 41990.

⁴⁰⁹ <Доклад от 24 июня 1881 г. о сборнике И.С. Аксакова «Взгляд назад»> // Рус. лит. 2006. № 2. С. 158.

⁴¹⁰ Взгляд назад (Гранки). Запрещено 24.VI.1881 // ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 88.

⁴¹¹ Аксаков – А.П. Никольскому, 24 октября 1881 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1670. Л. 87-87 об.

⁴¹² Аксаков – В.С. Россоловскому, 21 января 1882 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 45. Л. 20.

даниях ГУДП, а в кулуарах власти или даже в резиденции императора. <...> Особенно драматичный из подобных эпизодов связан с маем-июнем 1882 г., когда Игнатьев пытался провести в жизнь аксаковскую идею Земского собора. Вокруг нее возникла закулисная борьба, которая привела к отставке Игнатьева с поста министра. Тогда же «Победоносцев требовал, чтобы “Русь” запретили или хоть дали ей предостережение»⁴¹³. Игнатьев тем не менее «энергически отстоял» редактора «Руси» – в то время никакие официальные цензурные взыскания не затронули аксаковскую газету (подр. см.: с. 155-158).

Политика, проводимая с 1882 г. в отношении прессы, не могла не коснуться и такого издания, как «Русь». На рубеже мая-июня 1883 г. стали распространяться слухи о высылке Аксакова из Москвы. А.И. Кошелев прочел об этом «и в немецких и в французских газетах» еще до 2 июня в Эмсе⁴¹⁴. Причиной ссылки называлась передовая статья в номере «Руси», посвященная коронации Александра III. Аксаков об этом рассказывал следующее: «Газета “France” напечатала, что я сослан в Сибирь за статью в 10 №, вероятно, потому, что Вобо Мещерский разразился по поводу моей статьи негодованием: какая дерзость сметь давать советы и указания Царю в такую минуту особенно»⁴¹⁵ (с. 168). На самом деле, Аксаков не подвергался никаким административным наказаниям (с. 169).

Отношения власти и аксаковской газеты в 1882-1885 гг. развивались отнюдь не просто (с. 172). Самое серьезное столкновение с цензурой произошло у Аксакова в последние месяцы издания «Руси». 26 ноября 1885 г. на заседании Совета ГУДП выступил его начальник Е.М. Феоктистов с «заявлением о направлении газеты “Русь”» (с. 173). В протоколе Совета было записано общее решение: «признавая, что газета “Русь” обсуждает текущие события тоном, несовместимым с истинным патриотизмом, и явно стремится возбудить неуважение к правительству, Совет Главного управления по делам печати единогласно полагает объявить газете “Русь” *первое* предостережение»⁴¹⁶. В тот же день министр внутренних дел Д.А. Толстой представил всеподданнейший доклад о первом предостережении газете «Русь». На этом докладе Александр III наложил резолюцию: «Действительно, он уж слишком зашел далеко, и ему поделом»⁴¹⁷ (с. 175).

Аксаков чувствовал себя оскорбленным – это отметил даже Феоктистов⁴¹⁸ (с. 177). После полученного «Русью» предостережения жена Аксакова советовала мужу прекратить издание газеты. Однако он решил во что бы то ни стало ответить на вынесенное ему обвинение (с. 178). В 23-м номере газе-

⁴¹³ Аксаков – кн. М.А. Мещерской, 27 августа 1882 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 25. Л. 12 об.

⁴¹⁴ А.И. Кошелев в связи с этим писал Аксакову: «Иностранные газеты очень вами заняты» (Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову (1881-1883 гг.) // О минувшем. Исторический сборник. СПб., 1909. С. 416).

⁴¹⁵ Аксаков – П.Д. Голохвастову, 2 июня 1883 г. // ИРЛИ. Д. 11052. Л. 53 об. – 54.

⁴¹⁶ Журнал заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1885 г. Л. 137 об. – 138.

⁴¹⁷ Всеподданнейший доклад министра внутренних дел // РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

⁴¹⁸ Дневник Е. М. Феоктистова // ИРЛИ. Д. 9120. Л. 4 об.

ты, вышедшем в свет 6 декабря, Аксаков дал самую решительную отповедь на обвинения в недостатке «истинного патриотизма». Причем на этот раз оппонентом, а точнее – объектом критики он выбрал не внешнеполитическое ведомство, а Министерство внутренних дел, как назвал его Аксаков, «высшее литературно-полицейское ведомство» (с. 179). Выпускник Училища правоведения, Аксаков легко перевел разговор на язык юриспруденции и заявил, что понятие «истинный патриотизм» не предусмотрено никаким законом, а следовательно, незаконно и обвинение, выдвинутое на этом основании⁴¹⁹ (с. 180).

Позднее Аксаков получил известия о том, как развивались события, и 20 декабря рассказывал об этом в письме к Б.Н. Чичерину: «Моя статья 23 № привела в превеликое смущение Главное управление по делам печати и председателя оного – Феокистова. Вертели, вертели статью: как быть? Давать ли второе предостережение или просто, без мотива ее запретить? Пошли к Толстому, который, рассказывают, на них напустился и разобрал, что подвели его в такое некрасивое положение, подсунули такую неумную редакцию предостережения, – и велел оставить совсем без последствий, чтоб скорее замять дело»⁴²⁰ (с. 180).

Глава 3. «Целая бездна недоразумения»⁴²¹: Аксаковская «Русь» и полемика в прессе 1880-х гг. В данной главе представлена: общественно-политическая позиция Аксакова в 1870-1880-е гг.; реакция прессы на «Объявление об издании газеты «Русь»; спор о «венчании здания» (1880-1882); борьба вокруг идеи Земского собора; полемика «Руси» с консервативной печатью. Завершает главу параграф «И.С. Аксаков и его газета в публикациях массовых изданий».

В этой части исследования мы будем постоянно иметь дело с идеями, высказывавшимися Аксаковым в самый последний период его деятельности. Поэтому стоит внимательно рассмотреть аргументы, на которых в суждениях об общественно-политической позиции позднего Аксакова основывался Н.И. Цимбаев, один из авторитетных исследователей аксаковской публицистики. В 1970-1980-е гг. этот историк указывал, что «в первой половине 70-х годов происходит процесс неуклонного поправления Ивана Аксакова, его отхода от либеральной оппозиции к самодержавию и приобщения к консервативному направлению русской общественной мысли», а к концу 1870-х гг. «он окончательно определился как общественный деятель консервативного направления»⁴²² (с. 198). Оценки позднего Аксакова именно у этого историка имели форму наиболее развернутых и, как может показаться, наиболее обоснованных суждений. Они повлияли на формирование мнений иных исследователей, которые продолжают опираться на многие аргументы Цимбаева (с. 199).

⁴¹⁹ Подр. см.: Русь. 1885. 6 декабря, № 23. С. 1-2.

⁴²⁰ Аксаков – Б.Н. Чичерину, 20 декабря 1885 г. // ОР РГБ. Ф. 334. К. IV. Д. 46. Л. 3–3 об.

⁴²¹ Аксаков – В.Ф. Пуцыковичу, 29 августа 1878 г. (Письма Ив. Серг. Аксакова к В.Ф. Пуцыковичу / Вступ. статья и коммент. С.О. Якобсона // На чужой стороне. 1924. Т. 5. С. 142).

⁴²² Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 219, 248.

Подытоживая, надо сказать, что мы не видим оснований говорить о принципиальных изменениях, произошедших в убеждениях Аксакова к началу 1880-х гг. Однако в середине 1870-х гг. действительно совершились определенные перемены. Но это перемены, произошедшие во всем русском обществе в целом. Изменилась сама историческая обстановка, она не могла не привести новые темы и новые акценты. <...> В 1870-е гг. Аксаков вместо прежнего «противника номер один» – «казенщины» уже ясно увидел нового, более опасного врага – нигилиста-революционера. С другой стороны, после ухода в 1874 г. с поста шефа жандармов П.А. Шувалова значительно снизилась активность «аристократической» оппозиции⁴²³, с которой прежде Аксаков вел весьма жесткую полемику на страницах газеты «Москва» (с. 217). Есть еще одно основание говорить о произошедших в середине 1870-х гг. переменах. В 1875 г. началось национально-освободительное движение в поработанных Турцией Боснии и Герцеговине, которых поддержали Сербия и Черногория; в 1876 г. вспыхнуло восстание в Болгарии. Как никогда остро перед русским обществом встал так называемый Славянский вопрос. Этот период действительно оказался временем подъема национального сознания, но не для одного Аксакова, а для всех сословий русского общества (с. 218).

Настоящая полемика с Аксаковым развернулась сразу после того как 26 сентября он приступил к публикации объявлений о «Руси» и представил ее программу (с. 220). Основные издания либерального и социалистического направлений отреагировали на само известие о будущей газете Аксакова быстро и в полемическом духе⁴²⁴ (с. 225). Прессу иных направлений программа «Руси» практически не заинтересовала (с. 226).

За многогранным художественным образом «увенчания здания» стояло понятие «конституция». В 1906 г. Г.К. Градовский вспоминал: «Слово “конституция” еще не попадало в 1880-81 гг. в печать, – разве в виде контрабанды или для обличения “крамольной пропаганды”»⁴²⁵. Однако Аксаков весной 1881 г. утверждал, что «конституционный вопрос стал предметом ожесточенной газетной полемики»⁴²⁶. В действительности обсуждение этого вопроса в русской прессе было возможно, но без открытой пропаганды конституционных идей (т.е. без запрещенных «суждений о необходимости изменения государственного строя»). «Контрабандный» путь, о котором говорил Г.К. Градовский, подразумевал использование эзопова языка, различных эвфемизмов. Правильно понимаемые в кругу «своих», эти эвфемизмы зачастую позволяли обходить цензурные запреты в публичных выступлениях (с. 228).

Редактор «Руси» заявил о своем неприятии конституционного пути развития для России: «...прежде чем венчать здание, нам приходится очищать

⁴²³ Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 9.

⁴²⁴ Сам Аксаков вскоре констатировал, что «большая часть органов нашей печати» «дружно напала» на «Русь» за ее объявление (см.: Русь. 1880. 22 ноября, № 2. С. 1).

⁴²⁵ Градовский Г.К. Итоги (1862-1907). Киев, 1908. С. 70-71.

⁴²⁶ Русь. 1881. 16 мая, № 27. С. 2.

фундамент от обломков великих сооружений минувшего, а частью и XIX века...». От (с. 232) всего «здания» Аксаков видел «лишь две истинные исторические основы» – это «русский народ и единоличная верховная власть». «Эти два начала, две существенные реальные силы связаны между собою живым органическим союзом, которым и стоит наше государственное бытие»⁴²⁷. Альтернативой «венчанию здания» Аксаков считал развитие местного самоуправления (с. 233).

В первой передовой «Руси» Аксаков говорил о «живом органическом союзе», которым связаны народ и верховная власть. Единственным возможным воплощением этого союза и альтернативой конституционному (т.е. парламентскому) устройству он видел Земский собор. «Земскими соборами» в XIX в. стали называть общегосударственные сословно-представительные учреждения с законосовещательными функциями, которые действовали на Руси в середине XVI–XVII вв. (с. 239).

Еще готовясь к изданию «Руси» и рассчитывая поднять в ней серьезный разговор о Земском соборе, Аксаков 23 сентября 1880 г. в письме к Г.П. Галагану подталкивал его к обсуждению этой темы: «Дело идет вообще о возможно широком развитии самоуправления – местного. Моя формула: “самоуправляющаяся Земля с самодержавным царем”. Формула несравненно шире всякой западной республиканской формулы, где есть политическая свобода, т.е. парламентский режим в столицах, а самоуправления нигде – и социальное почти рабство внизу»⁴²⁸ (с. 243). Аксаков впервые публично если не заявить о Земском соборе, то хотя бы обозначить эту тему смог в своей речи на экстренном заседании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества 22 марта 1881 г.⁴²⁹ (т.е. через три недели после убийства Александра II) (с. 245).

Ведя полемику, Аксаков следил, чтобы в споре с либеральными изданиями не перейти своего рода «демаркационную линию», отделяющую его от консерваторов. Так, в августе 1881 г. Аксаков наставлял Пуцыковича: «Борьбу против парламентаризма надобно вести так, чтобы она не выходила в пользу петербургского абсолютизма, коснеющего в отчуждении от национальности, объятого бюрократией и всемертвящего»⁴³⁰ (с. 256).

В январе 1882 г. редактор «Руси» обратился с письмом к гр. Игнатьеву. Представив в нем собственное, весьма драматичное видение ситуации, сложившейся в стране, он указывал, что «конституционная партия захватывает в свой круг чуть не все русское общество – от лиц, близких к Престолу, до самых низменных учителей, адвокатов, писцов». Однако для России конституция, подчеркивал Аксаков, «не избавление от зол, а начало горших зол». «Дать конституцию царь не может, – писал он, – это с Его стороны было бы

⁴²⁷ Русь. 1880. 15 ноября, № 1. С. 1–2.

⁴²⁸ Письма И.С. Аксакова периода основания им газеты «Русь» (сентябрь–октябрь 1880 года) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Д.А. Бадаляна // Русская литература. 2007. № 2. С. 151–152.

⁴²⁹ См.: Русь. 1881. 28 марта, № 20. С. 2–4.

⁴³⁰ Аксаков – В.Ф. Пуцыковичу, 22 августа 1881 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 161. Л. 7.

изменой народу, предательством». Тем не менее кризисное положение России, настаивал Аксаков, требует «меры решительной, такой, которая разом бы перевернула все общественное настроение, подняла дух всей страны, открыла бы новую историческую эру для России и утвердила бы самодержавие на новой для нашего времени, но в сущности старой исторической, народной основе». Аксаков имел в виду Земский собор с прямыми выборами от сословий, который он предлагал созвать к коронации императора⁴³¹. Для подробной разработки этого проекта он рекомендовал Игнатьеву сотрудника своей газеты (с. 257) П.Д. Голохвастова. <...> Однако в той ситуации противниками идеи Аксакова и Игнатьева выступила не «конституционная партия», а ее главные враги – Победоносцев и Катков, которых затем поддержали министры И.Д. Делянов и М.Н. Островский (с. 258).

То, что, начиная борьбу за Земский собор как «войну на два фронта» – и с либералами, и с консерваторами, Аксаков в итоге встретил самую серьезную вражду именно у лидера консервативных сил, является весьма примечательным фактом. Ведь если в первые месяцы и годы издания «Руси» ее главным оппонентом выступила, как выражался Аксаков, «наша так называемая либеральная печать»⁴³², то со временем его газета обрела нового противника (с. 266).

О своих разногласиях со славянофилами К.Н. Леонтьев вполне четко заявил в «Моей литературной судьбе». Вспоминая свое близкое знакомство с Аксаковым, состоявшееся в 1874 г., он признался: «...я через несколько месяцев яснее понял, что и на почве государственной, чисто политической, и даже (вот что неожиданнее!), и даже на почве Церковной я со слишком либеральными московскими славянофилами никогда не сойду»⁴³³.

С самого начала нельзя было назвать дружественными отношения славянофилов с «Гражданином» князя Мещерского. И причина тому – позиция самих славянофилов (с. 268). 29 августа 1878 г., Аксаков в письме к Пуцыковичу объяснял: «Никогда не надо смешивать этих двух понятий: “патриотизм” и “народность”. Человек русский, приобщившийся народного духа – непременно “патриот”, (с. 269) каков сам народ весь, но “патриоты” могут не ведать, отрицать и гнать Русскую народность. В “Гражданине”, в статьях кн. Мещерского – это очень часто смешивалось. Таким образом, между патриотами, очень искренними, высших сфер и людьми так называемого славянофильского или русского в духовном смысле направления – целая бездна недоразумения...»⁴³⁴ (с. 270). Аксаков, вероятно, с некоторой долей презрения относился к Мещерскому (вспомним хотя бы оброненные им в адрес князя

⁴³¹ Аксаков – гр. Н.П. Игнатьеву, 10 января 1882 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2258. Л. 15 об., 16, 17.

⁴³² Русь. 1880. 20 декабря, № 6. С. 1.

⁴³³ Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 6, кн. 1. С. 97. Об отношениях Леонтьева и Аксакова подр. см.: Фетисенко О.Л. «Гептастилистъ»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 154–185.

⁴³⁴ Письма Ив. Серг. Аксакова к В.Ф. Пуцыковичу / Вступ. статья и коммент. С.О. Якобсона // На чужой стороне. 1924. Т. 5. С. 142.

выражения «дурак» и «несуразная голова») и не считал нужным реагировать на каждый его выпад (с. 275).

Не менее сложными были отношения между Аксаковым и М.Н. Катковым (с. 276). В апреле 1880 г. Аксаков в письме к Галагану говорил, что Катков «опять только в *statu quo*, в укреплении “правительства” видит спасение, во внешних принудительных мерах. Между тем, – продолжал Аксаков, – общество чувствует себя поставленным между двумя категориями нигилистов: нигилистов социально-революционной партии и нигилистов правительствующих, или, вернее, между двумя категориями представителей отрицания, одинаково не признающих Русской народности и пр. Одним словом: с одной стороны нигилизм, с другой казенщина, а Катков казенщину чуть не отождествляет с народностью...»⁴³⁵ (с. 277). Вместо усиления бюрократической системы, разъяснял Аксаков, нужны меры, которые основывались бы на силе народного мнения (с. 279).

В *заключении* автор монографии подытоживает: «Общественно-политические идеи, представленные в публицистике Аксакова 1880-х гг., служат последовательным продолжением традиции славянофилов 1840-1850-х гг. Как бывало и прежде, Аксаков вел дискуссии и с либеральной, и с социалистической, и с консервативной прессой. Редактор «Руси» упорно избегал каких-либо союзов с либералами. <...> Дистанция, разделяющая “Русь” и консервативные издания, менялась в зависимости от обстановки. В разгар политического кризиса, когда “левые” силы были на подъеме, Аксаков отказался от полемики с консерваторами. Однако с укреплением политики, проводимой Победоносцевым и Д.А. Толстым, Аксаков проявил себя как решительный оппонент их и близких им изданий» (с. 314).

Ниже Д.А. Бадалян отмечает, что «...из всех исследователей, писавших об Аксакове, только В.В. Зеньковский обратил внимание на то, что Иван Сергеевич задолго “предугадал опасность катастрофы русской революции”⁴³⁶ и <...> сознательно боролся с ней еще с 1860-х гг., едва ли не со времени появления в 1862 г. первой прокламации “Молодой России”, призывавшей к насилию и гражданской войне» (с. 315).

Наконец, исследователь делает следующий вывод: «Важнейшей целью, которой осознанно служил Аксаков и которой были подчинены иные, частные задачи, являлась борьба с грядущей революцией. Аксаков, как очень немногие его современники (в их число не входят ни Л.Н. Толстой, ни В.С. Соловьев), почувствовал и осознал угрозу будущей революционной катастрофы. И принципиально важно, что в своей борьбе он опирался не на ограничения и запреты (как III Отделение или нередко Победоносцев), а предлагал позитивную программу строительства отношений власти, народа и общества. В этом заключалась его главная роль. Но программу эту власть не приняла.

⁴³⁵ Аксаков – Г.П. Галагану, 10 апреля 1880 г. // Русский архив. 1902. № 7. С. 493.

⁴³⁶ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 2005. С. 65.

<...> И тогда миссия славянофильства оказалась исчерпана, а Россия еще более приблизилась к революции» (с. 316).

Завершая обзор монографии, приведем мнение историка В.О. Ключевского, высказанное им сразу же после безвременной кончины Аксакова: «...я много лет и с великой любовью следил за его деятельностью как публициста, а она давно укрепила во мне убеждение, что так, как писал Аксаков, должен чувствовать всякий честный русский человек»⁴³⁷ (с. 122).

Иван Аксаков и Николай Страхов (Из переписки двух “правомыслящих”)

См.: *Мотин С.В.* Иван Аксаков и Николай Страхов (Из переписки двух «правомыслящих») // СОФИЯ: Альманах: Вып. 3: Евразийство и А.Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Андрей Словохотов, 2013. С. 356–373.

«“Русь” по-прежнему утешает и укрепляет меня, да и всех правомыслящих».

Н.Н. Страхов

В 2007 г. в полном объеме была опубликована переписка Ивана Сергеевича Аксакова и Николая Николаевича Страхова⁴³⁸. За семь первых лет XXI века эта седьмая книга И.С. Аксакова⁴³⁹.

Переписку подготовила и прокомментировала Марина Ивановна Щербакова – доктор филологических наук, заведующая Отделом русской классической литературы Института мировой литературы Российской академии наук. Переписка содержит 57 писем – 38 писем И.С. Аксакова и 19 писем Н.Н. Страхова. Первое письмо, отправленное Страховым, датировано 7 июня 1863 г., последнее написано Аксаковым 15 декабря 1885 г., за несколько недель до смерти.

В письмах Аксакова и Страхова обсуждаются жгучие вопросы современности, много откликов на главные события эпохи. Принципиальный вопрос, должна ли Россия повторить европейский путь развития или выбрать свой, – ключевой в письмах Аксакова. В них сформулированы фундамен-

⁴³⁷ Ключевский В.О. И.С. Аксаков (31 января 1886 г.) // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В.А. Фатеева. СПб.: РХГА, 2006. С. 430.

⁴³⁸ И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка / Составитель М.И. Щербакова. – Группа славянских исследований при Оттавском университете и Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2007. VIII, 192 с.

⁴³⁹ Предыдущие книги И.С. Аксакова см.: Еврейский вопрос. Статьи из газет «День», «Москва» и «Русь». 1862-1883. М., 2001; Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступит. ст., примечания В.Н. Грекова. М., 2002; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: В 3 т. / Сост., подг. текста, примеч., указ. имен Т.Ф. Прокопова. М., 2003-2004; У России одна-единственная столица... Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И.С. Аксакове. Венок И.С. Аксакову. Москва И.С. Аксакова (путеводитель) / Сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г.В. Чагина. М., 2006.

тальные константы «небесной» и «земной» жизни России, исторического единства Святой Руси и Великой России; много сказано о России как самобытном явлении и особом типе духовной жизни; о ее внешней политике и восточном вопросе. Понимание и отклик эти мысли получили в ответных письмах Страхова. Как философ, основоположник философской антропологии в России он обосновал задачи русской философии в связи с осмыслением европейской философской традиции, ее достижений и ее уроков; внес в русскую философию историко-теоретический подход к вечным метафизическим проблемам – и прежде всего проблеме духовного бытия, сознания, мышления; ревностно выступал за возведение наших национальных стремлений в сознательные начала, за прояснение и углубление самосознания человека⁴⁴⁰.

Предлагаемая статья основана на переписке Аксакова и Страхова, вступительной статье и комментариях составителя переписки М.И. Щербаковой, а также приложениях, которые содержат «много редких и впервые публикуемых материалов, в том числе из архивов Москвы, Петербурга, Киева, а также не переиздававшиеся публикации русской периодики второй половины XIX века»⁴⁴¹. Прежде чем перейти к изложению переписки, представим краткие биографические данные наших корреспондентов.

Аксаков Иван Сергеевич (26.9.1823, с. Куроедово (Надёжино) Белебеевского у. Оренбургской губ. – 27.1.1886, Москва; похоронен в Сергиевом Посаде) – публицист, редактор, издатель, общественный деятель, поэт, крупнейший идеолог пореформенного славянофильства. Сын писателя С.Т. Аксакова и брат К.С. Аксакова, одного из теоретиков славянофильского направления. Иван Аксаков после смерти старших славянофилов стал ревностным хранителем и продолжателем их традиций, возглавил славянофильскую публицистику⁴⁴². В 1861-1865 гг. издавал газету «День», в 1867-1868 гг. газеты «Москва» и «Москвич», с 1880 г. и до самой смерти газету «Русь».

Страхов Николай Николаевич (16.10.1828, Белгород – 24.1.1896, Петербург), философ, публицист, литературный критик. Родился в семье священника, профессора Белгородской семинарии. В 1851 г. окончил естественно-математическое отделение Главного педагогического института в Петербурге. В 1857 г. защитил магистерскую диссертацию по зоологии. До 1861 г. работал учителем физики и математики в Одессе, преподавал естественную историю во 2-й Петербургской гимназии. С 1861 г. начинается литературная и публицистическая деятельность Страхова, итогом которой является множество опубликованных им работ⁴⁴³ и весьма обширная переписка, из нее осо-

⁴⁴⁰ Подр. см.: Щербакова М.И. «Радейте и не оскудевайте». Переписка И.С. Аксакова и Н.Н. Страхова // И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка... С. 1-8.

⁴⁴¹ Там же. С. 8.

⁴⁴² Об И.С. Аксакове см.: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978; Чванов М.А. «Печальник славянства»: К 180-летию И.С. Аксакова // Бельские просторы. 2004. № 4; Кошелев В.А. Иван Аксаков: консервативная оппозиция как литературная идеология // Русская литература. 2006. № 1; Фурсова Е.Б. И.С. Аксаков: апология народности и самодержавия. М., 2006.

⁴⁴³ Например, см.: Борьба с Западом в нашей литературе. Т. 1-3. СПб., 1882-1896; Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1883; Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. СПб., 1885; Об основных

бое значение имеет переписка с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским. Страхов сотрудничал в журналах братьев М.М. и Ф.М. Достоевских – «Время» и «Эпоха», а также в «Библиотеке для чтения» и «Русском вестнике». В 1869-72 гг. он являлся сотрудником журнала «Заря». С 1873 г. Страхов работал библиотекарем в юридическом отделе Петербургской публичной библиотеки. После смерти Ф.М. Достоевского он стал его первым биографом⁴⁴⁴. С 1885 г. Страхов перешел на службу в Комитет иностранной цензуры. В целом он занимал устойчиво консервативную позицию⁴⁴⁵.

Всю переписку между Аксаковым и Страховым можно хронологически разделить на три части: переписка 1863 г. – 6 писем; переписка рубежа 1860-1870-х гг. – 5 писем; наконец, основная часть переписки – 1880-1885 гг. – 46 писем. Большинство писем отправлены Аксаковым из Москвы, а Страховым – из Петербурга.

1. Переписка 1863 г. В первых шести письмах наших корреспондентов отразились бурная журнальная полемика начала 1860-х годов, процесс формирования «почвенничества» как общественного и литературного движения. Поводом к началу переписки послужила статья Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», напечатанная в журнале братьев Достоевских «Время» (1863, № 4, отд. II, с. 152-163) под псевдонимом *Русский*. Статья Страхова касалась серьезного для России вопроса о взаимных отношениях польской и русской цивилизаций.

Аксаков в «Заметке по поводу статьи “Роковой вопрос”» («День», 1863, № 22, 1 июня) критически отнесся к суждениям автора о достоинстве латинско-польской культуры и о проистекающих будто бы оттуда правах Польши на русские земли. При этом Аксаков подчеркнул важность появления статьи, «выносившей наружу те сомнения, которые втайне разъедают некоторую часть нашего русского общества».

В тот же день, 1 июня, газета МВД «Северная почта» (№ 119) в Официальном отделе поместила сообщение «О прекращении издания журнала “Время”». Вот его текст: «По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел о помещении в № IV журнала “Время” статьи под заглавием “Роковой вопрос”, направленной прямо наперекор всем патриотическим чувствам и заявлениям, вызванным внешними обстоятельствами, а с тем вместе и всем действиям правительства, до них относящимся, высочайше повелено 24 мая: прекратить издание журнала “Время”». Предпринятые правительством меры оказались несоразмерно жесткими; это стало очевидно всем. И через полгода

понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886; О вечных истинах: Мой спор о спиритизме. СПб., 1887; Всегдашняя ошибка дарвинистов. СПб., 1887; О задачах истории философии. СПб., 1888; Опыт систематического изложения начальных оснований философии. В 2 вып. М., 1888-1889; Из истории литературного нигилизма, 1861-1865. СПб., 1890; Воспоминания и отрывки. СПб., 1892; Учение о Боге по началам разума. М., 1893; Философские очерки. СПб., 1895; Литературная критика. М., 2000.

⁴⁴⁴ Страхов Н.Н. Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. С портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883.

⁴⁴⁵ См.: Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX века. М., 1992.

министр внутренних дел П.А. Валуев разрешил братьям Достоевским издание с тем же направлением, но с переименованием в «Эпоху»⁴⁴⁶.

Итак, первое письмо Страхова к Аксакову от 7 июня 1863 г. было его ответом на редакторскую заметку Аксакова в газете «День». Недоумение сквозит в письме Страхова: «Вы удивили меня выше всякой меры. Я надеялся, что Вы лучше всякого другого поймете “Роковой вопрос”. <...> Что бы со мной не случилось, посадят меня или сошлют, я все-таки приготовлю Вам большое объяснительное письмо для печати и надеюсь, что Вы все сделаете для того, чтобы его напечатать или по крайней мере сделать как можно более известным».

Аксаков 16 июня 1863 г. отвечал Страхову: «Я со своей стороны обрадовался Вашей статье, как статье серьезной, возбуждающей вопросы самые “нутренние”, так сказать; я собирался только пуститься с вами в полемику, как должен был отказаться от этого желания вследствие запрещения “Времени”. <...> Нельзя не сознаться, что Вы сами виноваты в том недоразумении, которое возбуждает Ваша статья. Таких вопросов касаться слегка невозможно. К этим внутренним вопросам Вы отнеслись чисто внешним образом. <...> Сделайте милость, пришлите мне письмо, о котором Вы говорите. Я употреблю все старания, чтоб его поместить. Ошибка капитальная журнала “Времени” всегда была та, что он думал ухватить субстанцию русской народности *вне* религии, *вне* Православия, толковал о почве, не разумея свойств почвы. Историю же цивилизации нельзя понять, устранив от нее действие просветительных духовных начал».

Из письма Страхова к редактору «Дня» от 22 июня 1863 г.: «Обращаюсь к Вам, милостивый государь, по поводу вашей “Заметки” в № 22-м. Статья моя “Роковой вопрос” имела такие печальные следствия, произвела такое дурное и превратное впечатление, что я, обвиняя сначала других, начинаю, наконец, глубоко обвинять самого себя. Статья моя породила соблазн; она радовала тех, против кого собственно шла, и печалила тех, за кого стояла; понятно, что такая статья во многих отношениях заслуживала строго осуждения. <...> Весь грех статьи в том, что она *недоговорена, недосказана*, а никак не в том, чтобы в ней было сказано что-нибудь противное русскому чувству».

Страхов – Аксакову, 25 июня 1863 г.: «Ваши упреки относительно “Времени” заключают много справедливого. Но поверьте, “Время” само чувствует свои недостатки. <...> Говоря публике, что *мы оторвались от почвы*, редакция вовсе не хотела дать понять, что она-то сама в соединении с почвою. Нет, все мы оторвались от почвы и носимся в облаках. Понимать же народ стараемся *по мере сил*. <...> Прибавлю к этому, что эти первые, личные отношения к вам только увеличили то глубокое уважение, которое я всегда

⁴⁴⁶ Рудаков В.Е. Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения // Исторический вестник. 1911, т. 125, с. 983, 986.

питал к вам и к Вашей деятельности. Вы отнеслись к делу так открыто и прямо, как никто».

Аксакова – Страхову, 6 июля 1863 г.: «Статья Ваша назначена была мною для 27 № и совсем набрана, цензор <Московского Цензурного комитета> Рахманинов соглашался ее пропустить, но председатель Щербинин остановил ее; впрочем, так как я сильно настаивал, он послал ее с своим ходатайством в Петербург, к Валуеву. Нельзя не сознаться, что это верх подлости! Лишать человека средств к защите! <...> Если Валуев не пропустит, то я могу, чрез некоторых моих знакомых, довести эту статью до сведения Государя. Но всего бы лучше было, если бы Вы сами написали собственноручное письмо к Государю, в котором, изобразив ему всю тягость напрасного обвинения, просили бы о позволении оправдаться пред Россиею, прекратить недоразумение, дать истинное объяснение статье. <...> Оно <”Время”> имело бесстыдство напечатать в программе, что первое в русской литературе провозгласило и открыло существование русской народности! Нет такого врага славянофилов, который бы не возмутился такою дерзкою ложью. Потом это наивное объявление, что славянофильство – момент отживший, а пути к жизни, новое слово теперь у “Времени”! ...а славянофилы, как Вы знаете, *нигде*, ни единым словом даже не задели “Времени”, потому что убеждения их – не вопрос личного самолюбия».

Дата следующего письма Страхова к Аксакову точно не установлена – оно было написано между 6 и 30 июля 1863 г.: «Ваш совет написать письмо Государю я охотно исполнил бы, если бы дело касалось меня одного. Но тут замешаны интересы “Времени”; я советовался с редакторами <М.М. и Ф.М. Достоевскими>, и они порешили на следующем: всякое письмо к Государю будет так или иначе жалобой на Валуева; а от Валуева все зависит, зависит и разрешение “Времени”; следовательно, раздражать его не нужно. Прошу Вас убедительно сделать так, как Вы писали, т.е. довести мое письмо к Вам до Царя. <...> Теперь скажу еще несколько слов в защиту “Времени” <...> “Время” было, если хотите, просто попыткою популяризировать славянофильские идеи на петербургской почве. Пусть оно было не оригинально, пусть ради успеха оно прикидывалось, что оно совсем не славянофильский орган, а что-то новое, небывалое, чудесное, – все-таки в сущности дело остается то же. В отношении к славянофилам журнал был как бы светским религиозным журналом в отношении к духовным писателям. <...> Ни один петербургский журнал не отзывался с большим уважением о славянофилах, ни один не становился так резко против “Современника”; как бы то ни было, но о “Времени” было известно всем, что оно стоит за *почву*».

Страхов – Аксакову, 30 июля 1863 г.: «Итак, вероятно, Ваши старания остались без успеха и моему письму не явиться в “Дне”⁴⁴⁷. Если Вы не дадите мне никакой вести, я так буду понимать Ваше молчание. <...> Цензора го-

⁴⁴⁷ Письмо впервые было напечатано спустя 27 лет: Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. 2. Изд. 2-е. СПб., 1890. С. 136-146.

ворят здесь, что никакой полемики по *роковому вопросу* им не велено пропускать».

На этом письме завершается первая часть переписки между Аксаковым и Страховым. Эту часть мы заключим двумя характерными отрывками из писем Страхова к Ф.М. Достоевскому и брату Павлу. Ф.М. Достоевскому 29 сентября 1863 г.: «"День" меня защищает и ставит в число своих. Не шутя – очень лестно!»⁴⁴⁸. И брату Павлу 2 декабря 1864 г.: «Советую тебе на следующий год подписаться на "День"; стоит это недорого, а между тем газета эта такая теплая, задушевная, что дает истинную отраду, просто согревает душу».

2. Переписка рубежа 1860-1870-х гг. в основном посвящена неопочвенническому ежемесячному литературно-политическому журналу «Заря», издававшемуся в Петербурге в 1869-1872 годах, формированию его авторского состава. Основателем журнала был В.В. Кашпирев (1835-1875), Страхов был приглашен в «Зарю» ведущим критиком. Журнал «Заря» в 1869 г. опубликовал получившую большую известность книгу Н.Я. Данилевского⁴⁴⁹ «Россия и Европа», в которой было дано своеобразное обоснование славянофильства.

Аксаков – Страхову, 6 сентября 1868 г.: «От души радуюсь новому затеваемому в Петербурге литературному предприятию и совершенно согласен с Вами насчет необходимости нового журнала. <...> Неподдельная, искренняя *любовь* к Русской земле и ее народу, ревность о ее чести, славе и интересах, – участие в ее *современной истории*, в ее современных жизненных, а не навязанных вопросах, раскрытие не одних отрицательных, но положительных сторон русской народности, – нравственная опрятность и чистоплотность, чего именно недостает обыкновенно петербургским изданиям, – вот те стороны журнала, которые могут снискать ему всеобщие симпатии».

Аксаков – Страхову, 4 ноября 1868 г.: «Вы писали мне, месяца два тому назад, по поводу затеваемого Вами с г. Кашпиревым журнала, что желали бы иметь сотрудников в Москве и просили меня рекомендовать их. Теперь, прекратив издание "Москвы", я считаю себя вправе рекомендовать Вам сотрудничество моего бывшего помощника по редакции Владимира Петровича Перцова⁴⁵⁰. <...> В "Москве" он заведовал Областным отделом. Вообще он человек чрезвычайно дельный, способный, знакомый с многими внутренними практическими вопросами, а знание балтийской окраины составляет его специальность. <...> ...он живет там же, где и я, на особой квартире только, именно в доме Хлудова на Большой Дмитровке⁴⁵¹. <...> Кроме областного отдела, на его ответственности лежала вся техническая часть журнала – заведение типографией, печатанье, исправный выход и проч. – и в этом отношении он не имеет себе подобного».

⁴⁴⁸ Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.-Л., 1940, с. 257.

⁴⁴⁹ Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), естествоиспытатель, философ, публицист.

⁴⁵⁰ Перцов Владимир Петрович (1822-1877), публицист, работал помощником редактора в газете Аксакова «Москва» и в «Московских ведомостях».

⁴⁵¹ Дом № 7 на Большой Дмитровке в Москве, с 1860-х годов принадлежавший купцу Хлудову.

Аксаков – Страхову, 26 января 1871 г.: «Не пожелает ли “Заря” поместить у себя неизданный и последненаписанный роман покойного Вельтмана⁴⁵². Старшая дочь его, опекунша малолетних детей, оставленных Александром Фомичом, обратилась ко мне с просьбой поместить где-либо, разумеется ради денег, это произведение своего отца. <...> Пакет с повестью находится на квартире Федора Ивановича Тютчева, куда я отсылаю его нынче с оказией».

Страхов – Аксакову, 8 апреля 1871 г.: «...роман принимается; в нем будет листов 17 шрифта “Зари”; редакции желательно бы заплатить не более 40 рублей за лист, что составит всего 680 рублей; когда роман напечатается, в точности сказать нельзя. <...> Ваше внимание к “Заре” и, наконец, прямое участие очень нас порадовало и было принято как истинная честь. Скоро Вы должны получить корректуры “Присутственного дня в уголовной палате”⁴⁵³, вещи, которую я давно восхищался и много раз перечитывал».

Спустя 8 с половиной лет, 23 сентября 1879 г., Аксаков пишет Страхову письмо. Это письмо, несмотря на дату, необходимо отнести ко второй части их переписки: «Я к Вам с усерднейшею просьбой. <...> Произведение это <А.Ф. Вельтмана>, не имевшее особенных достоинств, напечатано не было. Долго хлопотал я о том, чтобы мне возвратили рукопись, наконец меня уведомили, что рукопись Вельтмана препровождена вместе с 200 оттисками моего “Утра в уголовной палате” в Москву, в редакцию “Московских ведомостей”, к одному служившему в редакции господину, *близкому другу Кашпирева*, для передачи мне. <...> Вдруг дочь Вельтмана, вспомнив о рукописи отца, потребовала от меня ее возвращения. <...> Ради Бога узнайте, если можно, как зовут того господина в Москве, который находился в частых сношениях с Кашпиревым и служил в редакции “Московских ведомостей”. <...> Позвольте Вам кстати попенять за то, что, проезжая через Москву, никогда не заглядываете ко мне. Буду ждать Вашего ответа с нетерпением. Мой адрес: Москва, Малая Никитская, дом кн. Урусова».

Таким образом, первые две части переписки Аксакова и Страхова в целом можно охарактеризовать как переписку деловую. Иной характер – более личный и душевный – приобретает их переписка в последние 5 лет жизни Ивана Сергеевича Аксакова.

3. В письмах Аксакова и Страхова за 1880-1885 гг. подробно обсуждаются актуальные проблемы нигилизма, мистицизма, отношение к террору; много о судьбе России, ее прошлом, настоящем и будущем. В письмах отразилась общественная среда: солидарность идеям Н.Я. Данилевского о России и Европе, полемические оценки выступлений В.С. Соловьева⁴⁵⁴. Страхов ак-

⁴⁵² Вельтман Александр Фомич (1800-1870), романист, поэт, автор трудов по истории и фольклору. Речь идет о рукописи романа «Последний в роде безродный» (РГБ, ф. 47/1, к. 32, д. 1).

⁴⁵³ Публицистическую сатиру И.С. Аксакова “Присутственный день в уголовной палате. Судебные сцены” в 1858 г. напечатал А.И. Герцен в “Полярной звезде” (кн. IV). Журнал “Заря” напечатал это произведение в апрельской книге за 1871 г.

⁴⁵⁴ Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900) – религиозный философ, поэт, публицист.

тивно помогал Аксакову, издававшему в это время газету «Русь» (1880-1886), своими публикациями: «Письма о нигилизме», литературно-критические статьи, в частности, о И.С. Тургеневе, Л.Н. Толстом и др. В письмах Аксакова – ответные размышления и нередко споры с Страховым о Толстом-художнике и мыслителе.

30 ноября 1880 г. Страхов пишет П.Д. Голохвастову⁴⁵⁵: «"Руси" я читал только первый номер. Как освежительно читать издание, которое держишь в руках без брезгливости, с уважением! Сегодня отправлю к Аксакову маленькую статью...»

Аксаков – Страхову, 3 декабря 1880 г.: «От всего сердца благодарю Вас, многоуважаемый Николай Николаевич, за привет и за статью. Помещу ее в следующем же, 5-м №. <...> Да не притяните ли Вы Данилевского Н.Я.? Где он? Пожалуйста, вербуйте мне хороших сотрудников». В этом письме речь идет о статье Страхова «Петербургские заметки», в которой разбирается картина А.И. Куинджи «Ночь на Днепре». Статья была напечатана 13 декабря в № 5 газеты «Русь».

Аксаков – Страхову, 6 февраля 1881 г.: «Сделайте одолжение, присылайте Вашу статью о Достоевском. <...> Я, как заметила одна газета, до сих пор пробавляюсь "покойниками". Да только, признаться сказать, меж их и живется. Достоевский к ним сопричислился!.. <...> Вообще московская "интеллигенция" мне большею частью враждебна, кроме Каткова⁴⁵⁶, но тот стоит особняком, вне общества». Ф.М. Достоевский умер 28 января, а статья Страхова «Из воспоминаний о Ф.М. Достоевском» вышла в газете «Русь» 28 февраля.

1 марта 1881 г. случилась трагедия – народовольцами был убит император Александр II. 2 марта Страхов пишет к Аксакову в ответ на его телеграмму: «О русская натура! Много в тебе сил, но ничего из тебя не выйдет. Да ведь тебе и не нужно ничего, а то бы ты уже добилась бы до цели, если бы цель у тебя была! Нигилизм есть одно из прямых твоих выражений, и тянет к нему всех, не одних недоучившихся гимназистов...»

Страхов – Аксакову, 20 марта 1881 г.: «Покорно прошу Вас напечатать мое первое письмо об нигилизме. <...> Тема – характеристика нравственного и умственного состояния нынешнего времени». Аксаков в ответ пишет Страхову 2 апреля 1881 г.: «Ваше 1-е письмо разъехалось со мною; я не имел о нем и понятия, когда был в Петербурге, и прочел его только вчера и тотчас же решил неотложно его печатать. Оно прекрасно и совпадает вполне с написанной уже мною статьей передовою, которая появится послезавтра. Но в

⁴⁵⁵ Голохвастов Павел Дмитриевич (1838-1892) – историк, публицист и филолог. В 1882-1886 гг. состоял мировым судьей Звенигородского уезда. Как теоретик славянофильской идеи Земского собора был в 1882 г. приглашен Н.П. Игнатьевым, министром внутренних дел, в Петербург для разработки основ этого органа, назначен чиновником особых поручений при министре. Голохвастов активно переписывался с Аксаковым, составил проект императорского манифеста о созыве Земского собора. Однако император Александр III отверг эту идею, и Голохвастов вышел в отставку.

⁴⁵⁶ Катков Михаил Никифорович (1818-1887), публицист, издатель, переводчик.

передовой статье все только намечается, поэтому я всегда очень дорожу подробным развитием той же мысли, предлагаемой в прочих статьях. <...> Правда, ли, что Соловьев держал речь о том, что Государь не должен казнить преступников и что если казнит, то мы не пойдем за ним в этом направлении... Я всегда был против смертной казни в *принципе* и держусь этого мнения».

28 марта 1881 г. В.С. Соловьев в зале Кредитного общества в Петербурге прочитал публичную лекцию «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса», заключив ее словами: «Пусть царь и самодержец заявит на деле, что он, прежде всего, христианин. Он не может не простить их! Он должен простить их!». Призыв был встречен аплодисментами собравшихся студентов, курсисток, интеллигенции. Лишь несколько офицеров и дам покинули заседание в знак протеста. После этого выступления Соловьев был вынужден подать в отставку из Ученого Комитета Министерства народного просвещения и покинул Петербург.

В передовой статье газеты «Русь» 9 апреля 1881 г. Аксаков писал: «Нигилизм – это последнее слово нашего западничества, нашего прогрессивного отрицательного движения и пошлости, вооружившееся револьвером, ядом и динамитом, – и из пошлости мысли перешедшее прямо в область действия, конечно, не пошлого, но какого? Разрушения и смерти».

«Письма о нигилизме» Страхова печатались в 1881 г. в 4-х номерах газеты «Русь» с 18 апреля по 16 мая. Первое письмо посвящено урокам истории, причинам и источникам социального зла. Во втором письме дан общий очерк программы нигилистов. В третьем письме рассмотрены «некоторые черты нравственного состояния века», в том числе шаткость понятий, отсутствие вековых, незыблемых истин, их непризнание. В четвертом письме рассмотрено значение положительных идеалов.

Аксаков – Страхову, письмо написано после 9 мая 1881 г.: «Я надеюсь, что летом Вы приметесь за окончание Ваших писем о нигилизме – прекрасных, особенно первые, и очень заинтересовавших публику». 9 июля того же года Страхов пишет Аксакову: «Я обманул Вас, но еще жесточе сам обманулся: несмотря на всякие усилия я не мог кончить своих писем об нигилизме и пришел только в мучительную тоску. <...> “Русь” по-прежнему утешает и укрепляет меня, да и всех правомыслящих».

Аксаков – Страхову, 26 сентября 1882 г.: «Весьма изнуряясь изданием еженедельной газеты, которую собственно один на своих плечах выношу вот уже почти два года, написав более сотни статей, и не усматривая *теперь* практической надобности в таком издании (непосредственное действие печати на правительство с падением Игнатьева⁴⁵⁷ ослабело и уши заложены ватой, а “событий” никаких таких нет), я пришел к такому предположению: на будущий 1883 г. издавать “Русь” (с тем же заглавием) в виде ежемесячных

⁴⁵⁷ Игнатьев Николай Павлович (1832-1908), граф – русский государственный деятель, дипломат; в 1881-1882 гг. – министр внутренних дел.

книжек от 8 до 10 листов, по той же цене, оставляя за собою право, в случае войны или иных событий, выпускать газетные листки в форме приложений. Капитальным моим сотрудником будет Влад. Соловьев, который уже начертил программу целого ряда статей, имеющих, так сказать, раздвинуть горизонты *мира*. Я полагаю, что “Русь” до сих пор довольно расчистила почву и порубила чащу современного вздора; теперь пора уже трубить и сбор и выбираться на большую дорогу мысли общей, совокупляющей и объединяющей. Мне необходимо Ваше участие не случайное, а *постоянное*, как критика, участие более или менее закрепощенное...»

Аксаков – Страхову, 10 октября 1882 г.: «Вам, конечно, известен адрес Н.Я. Данилевского, – пожалуйста, сообщите его, я собираюсь к нему писать и просить его сотрудничества в “Руси”. <...> Есть две темы, две задачи: диагноз нашего общественного духовного недуга, снедающего молодежь, – и, с другой стороны, указание этой молодежи новых горизонтов, куда мог бы воспарить юный дух... Я решил вместо ежемесячных книжек издавать двухнедельную “Русь”, т.е. два №№ “Руси” от 4 до 5 листов каждая, в формате газеты-журнала, в два столбца... Это для того, чтоб переход не так был резок. Ожидаю от Вас всякого содействия».

Аксаков – Страхову, 17 декабря 1882 г.: «...большое Вам спасибо за присылку в срок статьи... Состав 1 № будет хорош. Вместо беллетристики будет помещена переписка Самарина Юрия с Герценом в 1864 г., писем с 12, в высшей степени интересная». Переписка Ю.Ф. Самарина (семь писем) с А.И. Герценом (шесть писем) и статья Страхова «Взгляд на текущую литературу» были опубликованы в двух первых номерах газеты «Русь». В № 1 «Руси» также помещены статьи П.Д. Голохвастова «Земское дело в Смутное время», В.С. Соловьева «Великий спор и христианская политика», И.С. Аксакова (без подписи) «Политическая летопись: Скобелев и Гамбетта».

Страхов – Аксакову, 16 января 1883 г.: «Первый номер “Руси” имеет решительный успех; я слышу со всех сторон разговоры и похвалы. Очевидно номер играет роль *книжки*, а не листка газеты. Жалуются только, что не сшит, и если можно сшивать, то это будет большое удовольствие. Я сам очень одушевился и этим успехом и своим литературным оплотом: хочется писать, и я даю Вам слово *осенью усердно работать для “Руси”*». Из письма Аксакова к Страхову 17 января 1883 г.: «Вышел и 2 №, с Вашей статьей, в которой Вы так славно отделали Щедрина, многоуважаемый Николай Николаевич. <...> Пишите, пожалуйста. У меня для критики или литературного обзора никого нет. Политические обозрения я сам пишу». В статье «Взгляд на текущую литературу» («Русь», 1883, № 2) Страхов подчеркнул в М.Е. Салтыкове-Щедрине «несомненный талант нахальства и глумления»; отказав ему в настоящем художестве, отнес его сатиру к «межеумочному роду»⁴⁵⁸.

⁴⁵⁸ Страхов Н.Н. Литературная критика. Сборник статей. СПб., 2000, с. 403-404.

Аксаков – Страхову, 18 марта 1883 г.: «Вы собираетесь писать в “Гражданин”⁴⁵⁹... Как Вам это не претит! Недавно он выругал меня в каком-то заискивании у “либералов” и смеет при этом, дурак, указывать мне на Хомякова и Константа Сергеевича, словно они стояли за николаевщину!.. <...> Начинаю ощущать недостаток статей, особенно потому, что Голохвастов⁴⁶⁰ не в состоянии поставлять статьи для каждого №, а со статьями Соловьева⁴⁶¹ еще неизвестно как пойдет».

Аксаков – Страхову, 28 августа 1883 г.: «Орест Федорович Миллер пишет мне, любезнейший Николай Николаевич, что Вам необходимо иметь письма ко мне Достоевского, особенно то, выписка из которого занесена в его “Дневник”. До 1880 г., до Пушкинского праздника у меня не было переписки с Достоевским; но затем было получено мною писем 6. Из них посылаю четыре, которое прошу не затерять и по миновании надобности мне возвратить. Остальные два, конечно, сохраняются (я не имею привычки истреблять писем и все их складываю в особый ящик), но чтобы их добыть, нужно бы разворошить и пересмотреть всю эту массу писем за 4 года. <...> Есть еще письмо, уже не помню какого года, из-за границы, после свидания с Тургеневым в Баден-Бадене. <...> Это письмо страстное, ужасное для Тургенева; он описывает подробно разговор с ним, после которого их взаимные отношения стали враждебны»⁴⁶². Свидание Достоевского с Тургеневым в Баден-Бадене состоялось 28 июня (10 июля) 1867 г. и закончилось ссорой. Письмо Достоевского к Аксакову по поводу этой ссоры не сохранилось.

Страхов – Аксакову, 16 ноября 1883 г.: «...до сих пор все сидел над корректурами первого тома, т.е. биографического, Достоевского. Два дня назад он наконец сдан в цензуру. <...> Между тем я затеял статейку о Тургеневе, на похоронах которого мне довелось простудиться. Через три-четыре дня пришлю ее Вам – на Ваше благоусмотрение⁴⁶³. <...> Письма Достоевского к Вам напечатаны, а подлинник я Вам пришлю вместе со своей статьей. “Русь” читалась мною довольно усердно, но очень мне жаль было видеть, как мало интересовались ею другие. Она слишком суха для публики...»

Аксаков – Страхову, 1 декабря 1883 г.: «Ваша статейка уже напечатана в 23 №, и послезавтра Вы его получите, многоуважаемый и дорогой Николай Николаевич. Очень я ей обрадовался, и самой темы ради, и потому, что уже давно недоставало “Руси” Вашего мягкого, но многомысленного слова. И Вы

⁴⁵⁹ Основатель газеты-журнала «Гражданин» (1872-1879; 1882-1914) – Мещерский Владимир Петрович (1839-1914), князь – публицист, прозаик.

⁴⁶⁰ В 1883 г. в «Руси» печаталось его исследование «Земское дело в Смутное время» (№ 1, 2, 4, 6, 8).

⁴⁶¹ В.С. Соловьев с середины марта 1883 г. стал активно печататься в газете «Русь»: «Об истинном деле (в память Достоевского)» (15 марта, № 6); «Несколько слов о наших светских ересях о сущности церкви» (1 апреля, № 7); «Заметка по поводу новых христиан». (“Наши новые христиане” и т.д. К. Леонтьева. Москва, 1882)» (1 мая, № 9); продолжение статьи «Великий спор и христианская политика» (15 июля, № 14; 1 августа, № 15; 15 сентября, № 18; 1 декабря, № 23).

⁴⁶² О взаимоотношениях и переписке И.С. Аксакова и Ф.М. Достоевского см.: Мотин С.В. Иван Аксаков и Федор Достоевский // Бельские просторы. Уфа, 2007. № 4. С. 105-112.

⁴⁶³ Статья Страхова «Поминки по Тургеневе» вышла 1 декабря 1883 г. в № 23 газеты «Русь».

очень мягко, но беспощадно-верно воздали должное Тургеневу, определив его настоящее место и значение».

Аксаков – Страхову, 18 апреля 1884 г.: «...всяким Вашим писанием дорожу, а потому помещу и эту статью в 9 №⁴⁶⁴. <...> Странное время!.. Скучно издавать газету. Личное ли это, уже старческое ощущение, или в самом деле такая пора настала, где слово неймет и слух как-то притупился, и нет более веры в слово, а совершается где-то, как-то, невидимо для нас и независимо эволюционный органический процесс жизни?» Спустя полмесяца, 6 мая 1884 г., Страхов в письме к П.Д. Голохвастову, высказал подобные суждения: «В литературе теперь очень глухое время. Последние связи между пишущими порвались, и нет никакой *общей* публики, к которой можно было бы обращаться с вопросами и возражениями. Аксаков удивляется, что об “Руси”, над которой он так усердно старается, почти не делается печатных отзывов».

Страхов – Аксакову, 21 октября 1884 г.: «Три месяца я был космополитом, таскался по Германии, яхшался со всякими немцами и жидами, слушал оперы Вагнера, лечился, покупал книги и пр. <...> С каким наслаждением, вернувшись, читал я ваши статьи – не перестаю удивляться и Вашей бодрости и обилию, и Вашему тону – настоящему тону русского гражданина! <...> Наконец я надумался (неволью смеюсь над собою) – написать Вам статью о литературе и прошу Вашего одобрения относительно темы. Хочется написать об Л.Н. Толстом по поводу статьи Вогюэ⁴⁶⁵ ...»

Аксаков – Страхову, 24 октября 1884 г.: «Пожалуйста, пишите, и пишите именно на избранную Вами тему, т.е. по поводу статьи де Вогюэ. Хотя я и не в такой степени пристрастен к Толстому, как Вы, но это не помеха. У Вас все-таки будет обилие умных мыслей. Относительно Толстого – просто как художника – вот Вам два моих замечания, которые повергаю на Ваш суд. Первое: у него нет художественной перспективы, нет умения справиться с своим громадным талантом. Это какая-то гипертрофия таланта, *elephantiasis*⁴⁶⁶. <...> Другое. Толстой, при всем своем реализме, ужасно *субъективен*. Его творчество не есть творчество эпическое, спокойное, – ни то творчество объективное, каким отличается не только Шекспир, но даже Вальтер Скотт, где *автора* не видать, где автор будто не свое рассказывает, а передает то, что видел или слышал, а сам тут как бы ни при чем!»

Аксаков – Страхову, 9 декабря 1884 г.: «По возвращении в Москву сегодня я тотчас прочел Вашу статью. Она прекрасна и пойдет, я надеюсь, в 1-й № “Руси”⁴⁶⁷. <...> ...Толстой, увлекаемый к мистицизму, именно против мистицизма и борется! Может быть, натура реалиста-художника сказывается

⁴⁶⁴ Статья Страхова «По поводу стихотворений графа А.А. Голенищева-Кутузова» была напечатана в № 9 газеты «Русь» 1 мая 1884 г.

⁴⁶⁵ Мельхиор де Вогюэ (1848-1910) – французский писатель и историк литературы.

⁴⁶⁶ Elephantiasis – слоновая болезнь (лат.)

⁴⁶⁷ Страхов написал работу «Французская статья об Л.Н. Толстом»; она вышла в 1885 г. в № 2 газеты «Русь».

в нем – по всей вероятности к мистицизму он придет вполне; но пока в его книге “В чем моя вера?”⁴⁶⁸ – излагаются только убеждения, но не вера. Он и будущую жизнь отрицает и самое воскресение Христа! Он рационалистически относится к Евангелию и, вылуцывая из него сверхъестественное, выбирает только нравственную доктрину. <...> Ведь и Соловьев тоже выражает собою движение *русской* религиозной мысли – но ведь только движение, которое берет и вправо и влево, забрело даже в Рим, к папской туфле. <...> Вижу из Вашего письма, что Вы о многом другом и личном хотели бы поговорить со мною, но не сказали этого мне прямо, а я посовестился настаивать. Как я жалею, что “Русь” поставлена в материальном отношении не твердо, – а то бы я прямо предложил бы вам переселиться в Москву и взять на себя со-редакторство».

Страхов – Аксакову, 12 декабря 1884 г.: «Очень радуюсь, что Вы не отказываетесь печатать мою статью. Я боялся отказа; да Вы и теперь положили палец на то самое место, где рана. Соглашаюсь на изменения и пошлю Вам листки обратно с новым текстом в тех местах, которые Вы указали. Теперь же хоть несколько исповедаюсь перед Вами, так как Вы вызываете меня на исповедь».

Аксаков – Страхову, 23 декабря 1884 г.: «Хотелось мне отвечать Вам большим письмом, но вижу, что для него неостанет времени. В Вашем *profession de foi*⁴⁶⁹, если можно так выразиться, нет ничего, что бы нас разделяло, кроме того, может быть, что Вы слишком много отводите места для “истин безусловных”, хотя бы в мире физическом, – ибо и сей последний ведом нам лишь по *внешности*. Эти “безусловные истины” суть только констатирование внешнего факта, но не самой *сути* факта. *Сущность* вещей, таинства жизни даже березового листочка Вы все-таки не знаете и знать не будете. Да и так называемое “чудо” – чудо только с людской точки зрения, с близоруккой. <...> Мне кажется, что в суждении о Церкви и о христианстве упускаются из виду различие мер и весов для *лица* и для *человечества*. Каждому лицу дана возможность святости, совершенства и спасения, и в этом отношении нет разницы между христианином 1-го и 21-го, и 201-го века. Такого *равенства* мысль человеческая и не достигала, И в то же время каждое лицо живет под условиями места и времени, имеет сторону бытия, обращенную к *истории*. Эта его сторона образует историческое человечество и являет процесс развития, совершенствования и т.д.».

На первой странице № 6 газеты “Русь” 9 февраля 1885 г. было помещено объявление о приостановке издания в связи с болезнью Аксакова. Издание возобновилось только 17 августа 1885 г. выходом 7-го номера.

Страхов – Аксакову, 15 февраля 1885 г.: «Печальную весть принес Ваш воскресный номер! <...> Без Вашей “Руси” будет скучно; не будет ничего, на

⁴⁶⁸ Трактакт Л.Н. Толстого в феврале 1884 г. был запрещен к печати и распространялся в списках и копиях.

⁴⁶⁹ *profession de foi* – исповедание веры (фр.)

чем можно бы отдохнуть душою, что можно бы было читать с чувством нравственной чистоплотности».

Аксаков – Страхову, 27 февраля 1885 г.: «Дня через четыре, т.е. 2 марта, уезжаю на Южный берег, где буду *деятельно* предаваться *лени*, – деятельно потому, что наслаждение красотой – деятельное чувство. <...> Когда я был у Вас в Петербурге в декабре, я был *ужасно* болен, но думал износить эту болезнь (страшную простуду) на себе, походя. Вот она, вогнанная внутрь, и дала себя знать удушьем, ангиной. <...> Несомненно одно: крайнее утомление – нервное и физическое, так что отдых необходим как воздух... И, между нами, нет на свете большей неги, как не писать передовых статей в урочный час, всенепременно! Это такое блаженство... Надеюсь видеться на юге с Н.Я. Данилевским. Я ему уже писал».

Страхов – Аксакову, 17-25 мая 1885 г.: «Письмо Ваше к Н.Я. Данилевскому, полученное здесь при мне, содержит большие мне упреки за Толстого. Очень хотелось бы мне убедить Вас, что ни в каком случае Вам нет причины каяться в напечатании моей статье. <...> У Толстого много недостатков, и они очень мешают его достоинствам. В сущности и он – истинный христианин, и его мучение (которое в нем есть и внушает невольное сострадание) в том, что он стремится к полному христианству. Когда же он пишет на религиозные темы, то, чувствуя многое вполне глубоко и тонко и стараясь выразить эти чувства в отвлеченных словах и понятиях, он доходит до неуклюжести и неумелости поразительной. <...> Для письма было у меня очень мало времени, потому что вот уже десятый день, как мы говорим, и не можем наговориться с Николаем Яковлевичем».

Аксаков – Страхову, от 4 и 9 июня 1885 г.: «4 июня 85 г. <...> Чем длиннее Ваши письма, тем я Вам благодарнее, чем точнее и проще, без лишнего деликатничанья изложена Ваша мысль, тем приятнее и желательнее беседа с Вами. Сам я обыкновенно пишу сплеча и потому многое не договариваю. <...> Пожалуйста, имейте в виду: во-1-х, что никто более меня не ценит таланта Толстого и не восхищается им, хотя в то же время я нахожу, что у него *слишком много таланта* и, относительно, *не довольно – мастерства*. <...> Во-2-х, Боже меня сохрани заподозрить искренность внутреннего душевного движения в Толстом. Не только признаю я эту искренность, но и отношусь к ней с великим уважением, придаю его религиозному стремлению и исканию великое общественно-историческое значение: в нем сказывается свойство великого *русского* художника. С этой точки зрения я равно уважаю и Соловьева. <...> 9 июня 85. Первый листок, от 4 июня, оторван мной от большого, но недоконченного моего письма к Вам. <...> ...уничтожил вторую половину своего письма, в которой очень сильно нападал на Евангелие Толстого и на самого автора. Это не значит, чтоб я отказался от своего мнения о самом “Изложении Евангелия”, – несколько, но мне стало ясно, что это один из этапов его странствия к Истине, и что есть странствия заблуждения, которые угоднее Богу бесстрастного обладания правдой. Если Толстой от

формы дидактической возвратиться к форме художественной, то можно лишь благословить процесс его внутреннего перевоспитания. <...> Мой адрес пока: в редакцию “Руси”; я живу на даче, в селе *Спасском на Сетуни*⁴⁷⁰, 10 верст по Смоленскому шоссе, но раза два-три в неделю езжу в Москву. Ко мне можно и по железной дороге (Московско-Брестской) до *Кунцова*...»

Аксаков – Страхову, 21 августа 1885 г.: «Скажите Соловьеву, что я очень охотно приму и напечатаю его статьи, только без известной тенденции, не о Риме, который он почитает быти вечным, и не о феократии⁴⁷¹». Между Аксаковым и его сотрудником В.С. Соловьевым усиливались разногласия, выразившиеся сначала в примечаниях Аксакова к статьям Соловьева, а потом в открытой полемике, главным поводом к которой послужил напечатанный в «Известиях Славянского общества» (февраль 1884 г.) этюд Соловьева «О народности и народных делах России». Соловьев выступал за возможность и необходимость воссоединения церковей.

Аксаков – Страхову, 21 сентября 1885 г.: «Сегодня я получил циркуляр Главного управления по делам печати, по распоряжению министра внутренних дел “не сметь, под страхом такой-то и такой-то кары, печатать рассуждений, касающихся предстоящего в будущем году 25-летия освобождения крестьян”. Четверть века прошло с того события, которое составляет эру новейшей нашей истории, и общество не должно сметь в своем процессе сознания остановиться мыслию на этом событии! Я чуть не заболел расширением сердца снова от этой пощечины, данной всему мыслящему в России, от этого обращения с писателями как со школьниками и мальчишками. <...> Мой адрес: Пречистенка, против храма Христа Спасителя, дом кн. Голицына».

Аксаков – Страхову, 16 ноября 1885 г.: «Да, дорогой Николай Николаевич, тяжкая утрата! И незаменимая. Пусто останется его место⁴⁷². <...> В 20 № я сказал о нем несколько строчек и воспроизвел написанный Вами некролог. <...> Я чувствую себя нравственно нехорошо, словно будто масла не хватает уж в моей лампе. Нет охоты ни писать, ни бороться; чувствуешь, что настоящий переживаемый нами период – долгий период и что его ничем не сократишь; что нужно бы слово поновее и посвежее, и что пора бы бросить совсем газетное дело. <...> Благодарю Вас за присланную Вами книжку статей о Толстом и Тургеневе⁴⁷³. Это Вы хорошо делаете, что собираете Ваши статьи и издаете их книжками».

Страхов – Аксакову, 8 декабря 1885 г.: «Выхожу в отставку из Публичной библиотеки и устроил так, что могу жить без нужды и буду иметь почти

⁴⁷⁰ Спасское на Сетуни, или Спасское Манухино – старинная усадьба и село, названные по церкви Спаса (XVII в.), на реке Сетунь, правом притоке реки Москвы.

⁴⁷¹ Феократия – теократия, буквально господство Бога; форма правления, при которой верховный правитель государства является одновременно его религиозным главой.

⁴⁷² Речь идет о смерти Н.Я. Данилевского 7/19 ноября 1885 г. в Тифлисе.

⁴⁷³ Страхов Н.Н. Критические статьи. Том 1. Об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885). СПб., 1885. 484 с.

все утра свободные. Поэтому я могу гораздо ревностнее служить “Руси” и уже буду кончать свои статьи». Страхов, прослужив в Публичной библиотеке двенадцать лет, вышел в отставку в конце 1885 г. в чине действительного статского советника и с годовой пенсией в 385 руб. серебром.

Аксаков – Страхову, 15 декабря 1885 г.: «Теперь у нас завелось, с легкой руки Бисмарка, проповедовать освобождение “политики” от всяких нравственных начал, рекомендовать “политику реальных интересов” и т.п. Все это решительный вздор, и всего неуместнее в такой стране, которая называет себя Святою Русью, – которой народ еще способен одушевляться идеей освобождения христиан от мусульманского ига и приносить для этого всевозможные жертвы. Русский народ никогда не будет “политических дел мастер”, ибо у него есть живая *совесть народная*; никогда не должен *как народ* изменять требованиям высшей правды. Поэтому истинно *русский* патриотизм не может быть эгоистическим... Получил я на днях два тома о Дарвине Данилевского⁴⁷⁴. Кто мог мне их прислать? Едет к Вам В.С. Соловьев. Мы с ним опять сошлись, условившись не касаться вопроса о латинстве».

Это было последнее письмо Аксакова своему адресату. В некрологе в журнале «Русский архив» было сказано: «...на Волхонке, в скромном помещении, окнами против храма Христа Спасителя, на 63-м году жизни, скончался сего 27-го января 1886 г. Иван Сергеевич Аксаков». Скончался Аксаков в своем кабинете, за рабочим столом, редактируя очередной номер газеты «Русь». Сказалось многолетнее нравственное и физическое напряжение: по существу, в издаваемых им газетах самым главным, а иногда почти единственным сотрудником был он сам. Сердце не выдержало и остановилось...

* * *

В марте 1886 г. Страхов поместил в «Новом времени» статью-некролог⁴⁷⁵. «Вчера я послал Вам свои “Поминки по И.С. Аксакове”..., – общал он вдове Анне Федоровне Аксаковой 11 марта 1886 г. – Мир рушится вокруг меня, и со смерти Н.Я. Данилевского и Ивана Сергеевича кончилось то, что я прежде называл своею жизнью». В ответном письме Аксакова обратилась к Страхову с просьбой заняться бумагами ее покойного мужа. Но Страхов вынужден был отказаться, во-первых, по причине здоровья, во-вторых, в связи с тем, что серьезно занялся наследием Н.Я. Данилевского. «Наконец, еще один важный пункт: чтобы как следует справиться с бумагами Ивана Сергеевича, нужно быть знакомым с славянскими делами, даже нужно быть славистом; я нисколько не гожусь ни в том, ни в другом отношении, и это составило бы для меня чрезвычайное затруднение».

⁴⁷⁴ Критическое исследование Н.Я. Данилевского «Дарвинизм» (СПб., 1885).

⁴⁷⁵ Эта статья была позже воспроизведена в: Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И.С. Аксакова, 27 января 1886 г. М., 1886. С. 91-101.

Спустя два года А.Ф. Аксакова подготовила и издала первые два тома из собрания писем Аксакова⁴⁷⁶. 28 августа 1888 г. она писала Страхову: «Для меня чтение и разбор этих писем было отрадно и утешительно, – вспоминала она. – Я сроднилась, так сказать, с молодостью моего мужа, с тем временем его жизни, когда я его еще не знала, и эта строгая, чистая, труженическая молодость так хороша, так назидательна... Это все материал для будущего историка славянофильского развития и направления и его деятелей».

В ответном письме 24 сентября 1888 г. Страхов писал А.Ф. Аксаковой: «Теперь я уже прочел почти все и могу отчасти судить и о содержании, и об издании. Трудно выразить наслаждение, которое я испытываю. Не только все умно, чисто, благородно, но тут чувствуется необыкновенная доблесть, в своем роде единственная, Аксаковская строгость к самому себе. Вот превосходное поучение для всякого русского юноши. А какая энергия! Главная его потребность – деятельность, деятельное участие в жизни других людей. И всякое дело он делает вполне, не то что втягиваясь в него, а наоборот, овладевая им до конца. И этот беспримерный чиновник в то же время удивительный поэт. Высоко несется его мечта, он жаждет величия. Эти письма – превосходный комментарий его стихам, от которого значение стихов возрастает сторицею. Да, это бесподобная книга! ... Над изданием, как вижу, Вы трудились немало, и все сделано очень хорошо – читателю всегда дана путеводная нить, и все, что нужно, объяснено».

Обзор завершим словами Н.Н. Страхова из его статьи-некролога «Поминки по И.С. Аксакове»:

«Может быть найдутся люди, которые заменят его в наших славянских делах, но как писатель, как русский публицист он не имел себе равного, и его никто не заменит. Мы говорим здесь о *внутреннем* значении Аксакова, о нравственном складе, в нем воплощавшемся, о том чувстве, которое подкачивало его речи и светилось в них, о том несравненном тоне, которым они произносились. Какое безукоризненное благородство! Какая искренняя чистота! А в силу этого, какая смелость и твердость! В публицистике, на этой арене, где непрерывно и так жестоко оскорбляется наше нравственное чувство, явление подобное Аксакову есть нечто изумительное...»

Полемика между И.С. Аксаковым и А.Д. Градовским по поводу записки К.С. Аксакова

См.: *Мотин С.В.* Полемика между И.С. Аксаковым и А.Д. Градовским по поводу записки К.С. Аксакова // Государство, право, общество (вопросы теории, истории и практики): сборник научных статей / под ред. профессора, доктора юридических наук Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД России, 2009. С. 228–237.

⁴⁷⁶ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1888. Т. I. Письма 1839-1848 гг.; Т. II. Письма 1848-1851 гг.

В 1898 г. был издан сборник статей, посвященных теории государства у славянофилов⁴⁷⁷. Представляя сборник, его издатель С.Ф. Шарапов отмечал: «Настоящий небольшой сборник включает в себе наиболее существенное, высказанное почившими и здравствующими славянофилами по важному теоретическому вопросу о государстве. ... Русское общество совсем не знакомо с основными идеями славянофилов, а противники этого учения постарались их исказить и представить в самом превратном виде. Между тем, если русская самостоятельная мысль по вопросу о государственном устройстве нашла себе выражение, то именно у славянофилов. Вся остальная русская политическая литература представляет изложение чужих идей, отголосков разнообразнейших западно-европейских течений. ... Это не научно-критическая и тем более не литературно-историческая работа... Это просто справочное издание, излагающее, как думали славянофилы о государстве. Очень многого здесь нет, но есть самое главное»⁴⁷⁸.

Сборник включает десять материалов шести авторов: «Бюрократическое и земское государство»⁴⁷⁹ И.С. Аксакова (с. 5-14); «По поводу “Записки” К.С. Аксакова»⁴⁸⁰ И.С. Аксакова (с. 15-21); «Записка о внутреннем состоянии России, представленная Императору Александру II»⁴⁸¹ К.С. Аксакова (с. 22-44); «Дополнение к “Записке”» К.С. Аксакова (с. 45-50); «Самодержавие и правовой порядок»⁴⁸² Аф.В. Васильева (с. 51-53); «По поводу записки Ю.Ф. Самарина о конституции»⁴⁸³ И.С. Аксакова (с. 54-60); «По поводу толков о конституции»⁴⁸⁴ Ю.Ф. Самарина (с. 61-65); «Славянофильская теория государственности»⁴⁸⁵ А.Д. Градовского (с. 66-76); «Возражение А.Д. Градовскому»⁴⁸⁶ И.С. Аксакова (с. 77-87); «Самодержавие и самоуправление»⁴⁸⁷ С.Ф. Шарапова (с. 88-94).

Издатель, из всех материалов в первую очередь выделяет записку К.С. Аксакова: «На первом плане должна быть, конечно, поставлена “Записка” К.С. Аксакова, огромному большинству публики совсем неизвестная. Ее сначала и предполагалось издать одну. Но затем было сочтено полезным до-

⁴⁷⁷ Теория государства у славянофилов: Сборник статей И.С. Аксакова, К.С. Аксакова, Аф.В. Васильева, А.Д. Градовского, Ю.Ф. Самарина и С.Ф. Шарапова. Особое приложение к «Русскому Труд» 1898 года. СПб.: типография А. Пороховщикова, 1898. 95 с.

⁴⁷⁸ Шарапов С.Ф. От издателя // Теория государств у славянофилов: Сборник статей. СПб., 1898. С. 3, 4.

⁴⁷⁹ Впервые: «Русь». 1881. № 26. 9 мая.

⁴⁸⁰ Впервые под названием «О “Записке” К.С. Аксакова, поданной императору Александру II»: «Русь». 1881. № 28. 23 мая. С. 1-4. Перепечатана: Аксаков И.С. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М., 1887. С. 58-66.

⁴⁸¹ Впервые: «Русь». 1881. № 26, 27, 28. 9-23 мая. Перепечатана: Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1. Изд. 2-е. С. 601-635.

⁴⁸² Из статьи Аф.В. Васильева в «Благовесте» за 1890 г., озаглавленной «Задачи и стремления славянофильства».

⁴⁸³ Впервые под названием «О статье Ю.Ф. Самарина по поводу толков о Конституции в 1862 году»: «Русь». 1881. № 29. 30 мая. С. 2-4. Перепечатана: Аксаков И.С. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М., 1887. С. 66-74.

⁴⁸⁴ Проект заявления, написанный в 1862 г. Ю.Ф. Самариным // «Русь». 1881. № 29. 30 мая.

⁴⁸⁵ Письмо А.Д. Градовского в редакцию газеты «Голос» (1881. № 159).

⁴⁸⁶ Впервые под названием «Ответ г. Градовскому на его разбор “Записки” К.С. Аксакова»: «Русь». 1881. № 43. 5 сентября. С. 1-5. Перепечатана: Аксаков И.С. Собр. соч. в 7 т. Т. 2. М., 1886. С. 503-516.

⁴⁸⁷ «Русское дело». 1888. № 49.

бавить объяснительную к ней статью И.С. Аксакова. Далее, во избежание односторонности, приведена критика этой записки», сделанная в «Голосе» А.Д. Градовским, и ответная на нее статья И.С. Аксакова»⁴⁸⁸. Действительно, перечисленные выше материалы трех авторов – ключевые для представленного сборника. Остановимся более подробно на взглядах братьев Аксаковых и их критика А.Д. Градовского.

1. Итак, в марте 1855 г. К.С. Аксаков подготовил политическую записку, предназначенную для нового самодержца Александра II. В записке К.С. Аксаков попытался представить цельную и развернутую картину современного общества и выявить идеальную концепцию его устройства в соответствии со славянофильскими воззрениями. После окончания работы автор обсудил записку в узком кругу лиц, кроме членов семьи в обсуждении приняли участие М.П. Погодин, А.С. Хомяков и Ю.Ф. Самарин⁴⁸⁹.

В мае 1855 г. К.С. Аксаков передал записку графу Д.Н. Блудову с просьбой передать ее новому императору. Д.Н. Блудов обещал прямое содействие, но, ознакомившись с содержанием сочинения, поостерегся – и передал ее для начала императрице Марии Александровне. Только осенью 1855 г., обсужденная в придворных кругах, записка К.С. Аксакова дошла до Александра II. Впервые в российской истории частный, неслужащий подданный обращался к государю «с изъявлением общих желаний другой политики». Рассмотрим записку подробнее.

Записка К.С. Аксакова состоит из 12 частей и начинается с формулировки теории негосударственности русского народа: «...это народ *негосударственный*, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного. <...>

Отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнью. ... Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, – народной жизни внутри себя. ...чем должно быть государство в понятии народа, в истинном смысле христианского? *Защитою*, а отнюдь не целью властолюбивых желаний. Всякое стремление народа к государственной власти отвлекает его от внутреннего нравственного пути и подрывает свободу политической, внешней, свободу духа, внутреннюю. ...

Государственная власть при таких началах, при невмешательстве в нее народа должна быть неограниченная. ...Монархическое неограниченное правительство, в русском понимании, является не врагом, не противником, а другом и защитником свободы, свободы духовной, истинной, выражающейся в открыто возвещаемом мнении. ...

⁴⁸⁸ Шарапов С.Ф. От издателя // Теория государства у славянофилов: Сборник статей. СПб., 1898. С. 4.

⁴⁸⁹ См.: Кошелев В.А. Век семьи Аксаковых: Повествование // «Север», Петрозаводск, 1996, № 3, с. 98-99.

Но посмотрите на Запад. Народы, оставив там внутренний путь веры и духа, увлеклись тщеславными побуждениями народного властолюбия, поверили в возможность правительственного совершенства, наделали республик, настроили конституций всех родов, развили в себе и тщеславие власти мира сего, и обеднели душою, утратили веру и, несмотря на мнимое совершенство своего политического устройства, готовы рухнуть и предаться, если не окончательному падению, то страшным потрясениям каждую минуту. ...

Нам ясно, что Россия представляет в себе две стороны: государство и землю. Правительство и народ, или государство и земля, хотя ясно разграничены в России, тем не менее, если не смешиваются, то соприкасаются. Какое же взаимное их отношение? ... первое отношение между правительством и народом есть отношение *взаимного невмешательства*. Но такое отношение (отрицательное) еще не полно; оно должно быть дополнено отношением положительным между государством и землею. Положительная обязанность государства относительно народа есть защита и охранение жизни народа, есть внешнее его обеспечение...

Общественное мнение – вот чем самостоятельно может и должен служить народ своему правительству, и вот та живая, нравственная и несколько не политическая связь, которая может и должна быть между народом и правительством. ... И потому цари наши часто созывали Земские Соборы, состоявшие из выборных от всех сословий России, где предлагали на обсуждение тот или другой вопрос, касающийся государства и земли. ...

Теперь должно сказать о той эпохе, когда со стороны правительства, а не народа были нарушены начала гражданского устройства России, когда был оставлен русский путь. ... При Петре началось то зло, которое есть зло и нашего времени. ... Произошел общественный разрыв. ... так вместо прежнего союза образовалось *иго* государства над землею, и Русская земля стала как бы завоеванную, а государство – завоевательным. Так Русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ – значение раба-невольника в своей земле! ... В классах, оторванных от народного быта, преимущественно в дворянстве, сейчас обнаружилось стремление к государственной власти; пошли революционные попытки и, что не бывало прежде, престол российский стал незаконным игрищем партий. ...

Как скоро правительство отнимает постоянно *внутреннюю, общественную* свободу народа, оно заставит, наконец, искать свободы внешней, политической. Чем долее будет продолжаться Петровская правительственная система... столь противоположная Русскому народу, вторгающаяся в общественную свободу жизни, стесняющая свободу духа, мысли, мнения и делающая из подданного раба: тем более будет входить в Россию чуждые начала; тем более людей будет отставать от народной русской почвы, тем более будут колебаться основы Русской земли, тем грознее будут революционные

попытки, которые сокрушат, наконец, Россию, когда она перестанет быть Россией»⁴⁹⁰.

Экземпляр записки, прочитанный Александром II, сохранился. Ряд суждений автора встретил сочувственный отклик императора, умонастроениям которого вполне отвечала славянофильская идея мирного сожительства царя с народом. На полях записки К.С. Аксакова, в том месте, где говорится, что русский народ не проявляет никакого интереса к политическим правам и что ему совершенно чуждо стремление к участию в делах государственного управления, рукою Александра II написано: «Дай бог»⁴⁹¹. На титульном листе кто-то из близких императору лиц написал: «Некоторые мысли справедливы, но вообще ни с чем не сообразно, пустые бредни». После прочтения записка К.С. Аксакова осела в секретном архиве III Отделения и никакого влияния на практическую деятельность правительства не оказала.

2. Представим выборку из «Дополнения к “Записке”» К.С. Аксакова: «... основные истинные русские начала. 1. Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя и государствовать не хочет. 2. Не желая государствовать, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную. 3. Взамен того, русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа. 4. Государственная неограниченная власть, без вмешательства в нее народа, – может быть только неограниченная монархия. 5. На основании таких жизненных начал зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому) – неограниченная власть государственная, политическая; народу – полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственное, что самостоятельно может и должен предлагать безвластный народ полновластному правительству, это *мнение* (следовательно, сила чисто нравственная), мнение, которое правительство вольно принять и не принять. ... 9. Начала русского гражданского устройства не были нарушены в России со стороны народа; – но были нарушены со стороны правительства. То есть: правительство вмешалось в нравственную свободу народа, стеснило свободу жизни и духа (мысли и слова) и перешло таким образом в душевредный деспотизм... этот деспотизм угрожает или совершенным расслаблением и падением России, на радость врагов ее, или же искажением русских начал в самом народе, который, не находя свободы нравственной, захочет, наконец, свободы политической, прибегнет к революции и оставит свой истинный путь. ... 12. Правительство наложило нравственный и жизненный гнет на Россию; но должно снять этот гнет. Правительство отступило от истинных начал русского гражданского устройства; оно должно воротиться к этим началам, а именно: *Правительству - неограниченная власть государственная; народу – полная свобода нравственная, свобода жизни и духа.*

⁴⁹⁰ См.: Ранние славянофилы. Сост. Н.Л. Бродский. М., 1910. С. 69-89.

⁴⁹¹ ЦГАОР, ф. 109, отд. 1, Секретный архив, 1855, д. 149, л. 7; Сладкевич Н.Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. Л., 1979. С. 123.

*Правительству – право действия и, следовательно, закона; народу – право мнения и, следовательно, слова. Итак, свобода слова, вот что нужно России...»*⁴⁹².

3. «О “Записке” К.С. Аксакова, поданной императору Александру II»⁴⁹³. В мае 1881 г., И.С. Аксаков опубликовал записку брата и дополнение к ней в своей газете «Русь». Это были первые месяцы правления Александра III – и публикация стала своеобразным ответом на манифест нового царя, в котором провозглашалась вера «в силу и истину самодержавной власти». Записка К.С. Аксакова еще раз напоминала о том фундаменте нравственной свободы, на котором эта самодержавная власть должна покоиться. Предоставим слово И.С. Аксакову:

«Сущность петровского переворота состояла в том, что *земский* тип государства был заменен типом *полицейским*; что в его лице государство оторвалось от народных начал и для осуществления этого своего нового, чуждому русскому духу идеала – посягнуло на свободу внутренней, бытовой и нравственной жизни народа. Другими словами, или словами К.С. Аксакова: при Петре совершился разрыв власти с народом, «разрушился древней союз земли и государства и сменился *игом* государства над землею; русская земля стала как бы завоеванной, а государство с армией чиновников – завоевателем»; древнее самодержавие возведено не только на практике (в силу случайности), но в *принципе* – в *деспотизм* (каковым оно, впрочем, было почти везде на современном Петру континентальном Западе), а свободно-подданный русский народ, свободно и сознательно призвавший к себе власть и давший ей неограниченный простор в свойственной ей сфере правления, «получил значение раба-невольника в своей земле». К чему привел этот новый, внесенный Петром строй государственной жизни к концу царствования императора Николая, известно всем. Необходимо было изменить этот строй.

...

Благодетельному успеху реформ прошлого царствования <Александра II> вредило именно то, что как государственные деятели, так и верхний, образованный класс общества и вообще так называемая «интеллигенция», заражены у нас духом именно западноевропейского *либерализма*. На все новые учреждения смотрели они сквозь призму западноевропейских либеральных доктрин как на *уступки* власти, как на ее политическое ограничение. ...

Из этого следует, прежде всего, необходимость как для правительства, так и для общества, сознательного отречения от петровской системы государственного ига, административной опеки над жизнью, разрыва власти с народом: необходимость отрешиться как от петровского деспотизма, так и от его законнорожденного детища – протестующего рабства, западноевропейского *политического либерализма*».

⁴⁹² См.: Хрестоматия по истории политических и правовых учений России (XIX – начало XX вв.). Уфа: УВШ МВД РФ, 1993. С. 32-34.

⁴⁹³ См.: Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 464-470, 950.

4. «Славянофильская теория государства (письмо в редакцию)». С разбором записки К.С. Аксакова выступил видный историк права и государствовед, профессор А.Д. Градовский⁴⁹⁴. В письме в редакцию газеты «Голос» он оспаривал важные положения славянофильской теории⁴⁹⁵:

«Коренная черта этого политического учения состоит именно в *отрицании необходимости всяких юридических форм*, создаваемых для обеспечения разных личных и общественных прав. ... Их политическое учение есть теория *юридически бесформенного государства*, государства «по душе», государства, построенного на одних нравственных началах.

Этим и объясняется, во-первых, почему славянофилы, отрицая «западные формы» (в чем они встретились со многими из наших «западников»), никогда не могли дать указаний на формы «национальные» и донныне ограничиваются простым отрицанием, восклицая при виде всякой формы, попавшей в наше законодательство: «казенщина», «иноземщина», «духовное рабство», «средостение»? Этим объясняется, во-вторых, и то странное обстоятельство, что эти люди, искренно и непритворно желающие и свободы вероисповедания, и свободы слова, и всяких других хороших вещей, топорщатся и кричат при малейшей попытке дать какую-нибудь юридическую форму означенным «свободам».

... Сам народ, как сказано, не захотел быть государством, потому что это значило бы отказаться от своего достоинства, отречься от духовных интересов. Государство нужно было *призвать* извне, что и было сделано, если верить Нестеровой летописи и не верить изысканиям г. Иловайского. С этой минуты народ сложил с себя попечение о всем внешнем, для того чтоб с новою силою устремиться к внутреннему и духовному. ...дабы «государство» не выродилось окончательно в грубую материальную силу и тем самым не впало бы в бездну греха, оно не должно отрешаться от духовных стихий народа, должно подчиняться их влиянию. ...

Каждый народ – французский, английский, итальянский, немецкий и т.д. – есть народ «особенный» в том смысле, что каждый из них образует самостоятельную и самобытную *личность*. В этом смысле народ *не* особенный есть нелепость, логическое противоречие. Но такую же нелепость представляет понятие о *совершенно* особенном народе, т.е. народе составляющем *исключение* из всех народов земного шара, народе, не подчиняющемся в развитии своим общим законам материального и нравственного мира, народе, являющемся воплощенной и осуществившеюся *утопией*. ...

Русский народ, столкнувшись с европейскою цивилизацией, не только не развратился и не погиб, но начал воспринимать эту цивилизацию, как нечто *свое*, не переставая в то же время быть самим собою. ... Сознание нашей

⁴⁹⁴ О А.Д. Градовском см.: Замалеев А.Ф. Градовский как государствовед // Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001; Кашапов У.А. А.Д. Градовский – правовед и государствовед // Вестник УЮИ МВД РФ. 2000. № 2; Твардовская В.А. А.Д. Градовский: научная и политическая карьера российского либерала // Отечественная история. 2001. № 2, 3.

⁴⁹⁵ См.: Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 463-473.

национальности просветлялось и укреплялось по мере проникновения в нашу среду европейской цивилизации. Ясным доказательством тому служат сами славянофилы, в которых это сознание было доведено до преувеличенных размеров. ... Если искать для славянофильства какой-нибудь «параллели», то ее можно найти не в московских стрельцах и староверах, а в *немецких романтиках*, с такою же силою выразивших национальное чувство, возмущившееся против иноземного давления. Итак, славянофильство – явление европейское, и славянофилы суть такие же «птенцы гнезда Петрова», как и презираемые ими «западники». ...

Славянофилы при всей своей «самобытности» придерживаются, однако, очень устарелой и давно брошенной западной теории «естественного права». Естественных прав, т.е. прав, не созданных в общежитии, нет.

...государство не есть только «внешняя сила»; оно имеет и великую *нравственную* миссию – через улучшение форм жизни возвышать значение и достоинство человека, а через это значение – и достоинство всего народа. И в этом опять-таки состоит характеристическая черта европейских государств в отличие их от государств азиатских. От азиатских государств европейские отличаются именно степенью уважения и достоинства, какими пользуются в них человеческая личность. И именно потому, что Россия смогла понять это начало и воспринять его, она также есть государство *европейское*».

5. «Ответ г. Градовскому на его разбор “Записки” К.С. Аксакова»⁴⁹⁶: «Сущность так называемого славянофильского учения» и в частности “Записки” К.С. Аксакова вовсе не в «теории о *бесформенности* государства», а наоборот: с одной стороны, в признании государства именно внешнею только формою общежития, – именно внешним законом, внешнею силою; с другой, – в сопоставлении с государством внутренней жизни духа, высших начал, высших требований нравственной правды и свободы, заключенных в душе человеческой. ... По мнению лиц, осмеянных г. Градовским, государство само по себе не есть *цель* бытия, а только необходимое *средство* для достижения высшей предназначенной человечеству цели; поэтому и внешняя юридическая форма не есть еще *воплощение истины*, ни даже справедливости, вполне ее исчерпывающее, а только условное выражение части истины или справедливости, в применении к требованиям места и времени.

...на европейском Западе, где одновременно с успехами материализма возрастает и культ государства, то есть *внешней формы* политического бытия, заключающей в себе якобы разрешение всех задач, единственное, всеисчерпывающее условие спасения и благоденствия. Поэтому там, например во Франции, вся забота устремлена на приискание и создание внешней государственной формы, которая бы удовлетворила всем этим условиям и требованиям, так чтобы за пределами ее ничего – никакого Бога и никакого иного царства не оставалось. От этого там так часты и революции, разбивающие

⁴⁹⁶ См.: Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 477-486, 951-953.

одну форму за другой, в тщетной попытке втеснить в юридическую норму весь дух человеческий, все оформить, все претворить в *правовой порядок*, который уже предъявляет притязание стать высшим мерилom нравственности и справедливости. ...

«Правовой порядок!» Но ведь французский террор с его кровавой оргией и всеми способами истребления был самый что ни на есть *законный* и *правовой*... Все ведь делалось по решению законного большинства в конвенте, а конвент состоял из легальных, вполне легальных, представителей французского народа, которые совершали расправу якобы от его имени и в силу ими же легально провозглашенного принципа народного верховенства! ... Мы, само собою разумеется, не против правового порядка вообще, то есть не против юридических норм и форм, но не следует питать к ним никакого суеверия, придавать им какое-то самостоятельное преувеличенное значение или вводить их в те области, где им не место. ...

Дело в том, что сила не в правовом порядке, а в той общественной, духовной, нравственной почве, в которую упирается порядок своими корнями и которая их питает. ... Конечно, желательно, чтобы правовой порядок в данную минуту отвечал потребностям нравственного общественного сознания, но если этого соответствия нет, то правовой порядок останется мертвою буквою. Г. Градовский, например, видит обеспечение свободы слова только во внешнем законе. Почему же и не быть внешнему закону! Мы и сами его желаем, но закон сам по себе еще не составляет гарантии. Ученый профессор забыл, что в Англии, например, внешний закон о печати – самый драконовский из всех европейских и до сих пор воспрещает разглашение в печати парламентских прений. Но *нравы* переросли внешний закон, и никто никогда не решится «правовой», *существующий* и поныне «порядок» приводить в исполнение. Стало быть, сила не в самом «правовом порядке», а в жизни, в нравах, в том начале, которое одно истинно, могущественно и животворно.

Вот это-то животворящее начало, эту власть совести, это царство духа и истины в груди человека, этот несмолкающий запрос на высшую нравственную правду и ищет оградить К.С. Аксаков, во всей их самостоятельности, от посягательства внешней, юридической правды, от начала условности и формализма, которых воплощением служит государство. Ищет оградить, разумеется, только в сфере нашего сознания. ... Он понимает и признает необходимость внешней юридической формы, но *формализм* ему ненавистен. В этом именно смысле и называет К.С. Аксаков русский народ *не политическим* или *не государственным*. ...

Село вообще менее склонно жить политической жизнью, чем *город*; самая этимология греческого слова «*политика*» это подтверждает. Россия же, как мы однажды выразились, стоит *селоми*, а не городами. Уже самое это преобладание сельского населения в России свидетельствует о слабости политического элемента в громаднейшем большинстве, то есть в 80% всего населения Империи. Так что и с этой, внешней стороны оправдывается афо-

ризм автора “Записки”. Но он оправдывается и подтверждается всеми чертами нашей народной психологии, присущими не только так называемому простому народу, но даже и всем нам. Мы народ также социальный, и задачи социальные нам несравненно дороже политических. ...

“Записка” К.С. Аксакова трактует вовсе не о началах *управления*, а решает именно вопрос об отношении народа к политической форме государства, то есть к форме правления. Что же касается до области управления, области *подзаконной*, то само собою разумеется, ни К.С. Аксаков, ни “Русь” никогда не отрицали пользы издания верховною властью законов, устраняющих произвол подчиненных этой власти лиц и ограждающих свободу верующий совести и слова и личное достоинство человека...

Вот чего нужно желать и в чем заключается единственно прочная гарантия: это именно, чтоб свобода совести, свобода слова вошла в наш *обычай и нравы*, а она тем скорее сбудется и тем глубже войдет в обычай и нравы нашей правящей и общественной среды, чем меньше будут связывать с этою свободой общественной, неполитической жизни ложное понятие о каких-то политических правах и гарантиях, из области управления простирающихся на область правления...»

Ответ А.Д. Градовскому, в свою очередь, послужил толчком к полемике с И.С. Аксаковым журнала “Русская мысль”⁴⁹⁷. Однако, этот сюжет выходит за рамки статьи и требует отдельного рассмотрения. Данную же статью завершим следующими словами И.С. Аксакова: «Нужно желать, чтобы само наше правительство прониклось не только национальным, но и *народным* духом, и усвоило себе именно те понятия о союзе государства с землею, которые изложены в “Записке” покойного К.С. Аксакова; нужно, одним словом, чтобы государство и земля, народ и полноправная власть жили между собою, по русской поговорке, *в любви и совете*...»⁴⁹⁸

К истории взаимоотношений И.С. Аксакова и В.С. Соловьева

См.: *Мотин С.В.* «...вероятно, у меня найдется для вас что-нибудь менее спорное, чем великий спор» (К истории взаимоотношений И.С. Аксакова и В.С. Соловьева) // Соловьевские исследования. 2014. № 2 (42). С. 6–33.

До такого крайнего, радикального отрицания, до такого крайнего, радикального западничества не доходил доселе никто из русских мыслителей. Правда, полвека тому назад нечто подобное проповедовал и Чаадаев, но ход его мысли был иной; для него католицизм был тем историческим фактом, под воздействием которого просветился и сложился пленявший его Запад. Г.

⁴⁹⁷ Дитятин И. Когда и почему возникает разрыв в России между командующими классами и народом // Русская мысль. 1881. № 11. С. 340–386. Там же см. обширное предисловие редактора журнала к этой статье: С. 303–340.

⁴⁹⁸ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 486.

Соловьев, наоборот, в своей защите и прославлении папских притязаний становится на религиозно-богословскую почву⁴⁹⁹.

И.С. Аксаков

В 1884 году в литературном споре с покойным И.С. Аксаковым я должен был подробно объяснять, что народность и национализм две вещи разные (так же как личность и эгоизм), что усиление и развитие народности (так же как и личности) в ее положительном содержании всегда желательно, тогда как усиление и развитие национализма (равно как и личного эгоизма) всегда вредно и пагубно...⁵⁰⁰

В.С. Соловьев

История взаимоотношений двух мыслителей XIX в. Аксакова и Соловьева продолжалась на протяжении почти 11 лет. Ее можно разделить на два периода: малоизученный период – вторая половина 1870-х годов, и более насыщенный событиями период первой половины 1880-х годов.

Итак, 24 ноября 1874 г. состоялся магистерский диспут Соловьева. По словам Д.Н. Цертелёва, Соловьев после защиты диссертации «сразу стал в Москве знаменитостью. Редакции искали его сотрудничества, дамы на разрыв приглашали его на чашку чая, а литературные противники старались облить помоями»⁵⁰¹. Блестящий успех на магистерском диспуте и сама диссертация Соловьева вызвали ожесточенные нападки леворадикально настроенных русских позитивистов (Е.В. де Роберти, В.В. Лесевича, Н.К. Михайловского и др.) и сочувственный интерес в консервативном лагере (И.С. и А.Ф. Аксаковы, Н.Н. Страхов и др.), а также со стороны Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, П.И. Чайковского⁵⁰².

В исследовании о Соловьеве А.Ф. Лосев отмечает: «Один из ближайших приятелей Вл. Соловьева гр. Ф.Л. Соллогуб ... был родным племянником знаменитого славянофила Ю.Ф. Самарина, с которым по приглашению своего приятеля в дом его матери М.Ф. Соллогуб, урожденной Самариной, и познакомился Вл. Соловьев. Тут же состоялось знакомство с А.Ф. Аксаковой, а через несколько дней и с И.С. Аксаковым» [12, с. 48]. Эти встречи могли состояться в первой половине 1875 г. – до отъезда Соловьева, 21 июня, в первое заграничное путешествие.

Соловьев в своих воспоминаниях объясняет это знакомство следующим образом: «Желание Анны Федоровны Аксаковой и других лиц “смотреть” меня объясняется некоторым шумом, донесшим в Москву из Петербурга, где

⁴⁹⁹ См.: Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? / сост., вступ. ст., примеч. В.Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 818–819 [1].

⁵⁰⁰ См.: Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Философская публицистика / вступ. ст. В.Ф. Асмуса; сост. и подгот. текста Н.В. Котрелёва; примеч. Н.В. Котрелёва и Е.Б. Рашковского. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 592 [2].

⁵⁰¹ Цит. по: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. С. 86.

⁵⁰² Котрелёв Н.В., Рашковский Е.Б. Примечания // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 643–644 [11].

я несколько месяцев перед тем начал свое поприще магистерским диспутом в университете. Моя юношеская диссертация, а также вступительная речь на диспуте резко шли против господствовавшего у нас в то время позитивистического течения, и, доставивши мне *succes de scandale* <«скандальный успех»> в большой публике и у молодежи, вместе с тем обратили на себя внимание “старших”: Каткова, Кавелина, и особенно последних представителей коренного славянофильства, к которому в некоторых пунктах примыкали мои воззрения, хотя и незрелые, но достаточно определенные в главном» [13, с. 656].

Соловьев продолжает: «В ближайшее воскресенье я отправился на Спиридоновку – кажется, там жили тогда Аксаковы, – и застал дома обоих хозяев. Скоро потом я поехал за границу, потом оставил Московский университет и переселился в Петербург. Но часто и подолгу бывая в Москве, посещал и Аксаковых, у которых собирались по пятницам разные люди, более или менее примыкавшие к Славянскому комитету, где председательствовал тогда Иван Сергеевич. <...> Мне было интереснее видаться с Аксаковыми без гостей; я полюбил и мужа и жену, хотя с нею мне было более по себе, между прочим, потому, что в Иване Сергеевиче, при всех его серьезных достоинствах, было всегда что-то условное, был какой-то традиционный панцирь, стягивающий и закрывавший его прекрасную душу» [13, с. 657–658].

С конца 1875 г. и до июля 1878 г. Аксаков возглавлял Московский славянский благотворительный комитет (с апреля 1877 г. – общество). За речь, произнесенную 22 июня 1878 г. и направленную против решений Берлинского конгресса, Московское славянское благотворительное общество было закрыто, а Иван Сергеевич был подвергнут высылке из Москвы. Впоследствии А.Ф. Аксакова вспоминала: «Речь была произнесена 22 июня в Москве перед весьма малочисленной публикой, потому что в городе в это время уже никого не было. Из наших друзей и знакомых присутствовали графиня Соллогуб, Евреинова, князь Николай Мещерский, Владимир Соловьев» [14, с. 541–542]. Кстати, отметим, что на следующий день Соловьев вместе с Ф.М. Достоевским отправятся в Оптину пустынь.

Спустя почти три года – 22 марта 1881 г. Аксаков выступил с речью в экстренном заседании Петербургского Славянского общества, в которой в очередной раз обращал внимание слушателей на уникальность русского народа, отличие России от стран Западной Европы, бесполезность и вредность западноевропейских конституций, выражал восхищение Земскими соборами допетровских времен и обращался с призывом к обновлению союза Царя с народом⁵⁰³. А спустя 6 дней Соловьев прочитал лекцию, которая не только стала важной вехой в жизни самого философа, но и явилась заметным событием в общественно-политической жизни России. Причиной тому стала за-

⁵⁰³ См.: Речь, произнесенная И.С. Аксаковым в Петербургском Славянском обществе 22 марта 1881 года // Русь. 1881. № 20, 28 марта. С. 2–4 [15].

ключительная часть лекции, в которой Соловьев призвал царя Александра III помиловать убийц его отца⁵⁰⁴.

Спустя три дня, 31 марта, Аксаков обращается к А.С. Суворину: «...сейчас получил письмо из Петербурга. Мне пишут, будто В.С. Соловьев в своей речи где-то объявил, что *недосказанное мною* в речи – заключалось в мысли, что Государь должен простить убийцам своего отца. Ступайте к Соловьеву, и если действительно он сморозил такую чушь, так уполномочиваю Вас заявить, что я никогда ничего подобного не подразумевал. Я не считаю Государя даже в праве прощать: его правосудие не *личная* месть, не личные счета. Россия не позволяет ему прощать. Я о судьбе этих животных никогда и не задумывался» [6, с. 13]. Вот что было объявлено Соловьевым в ходе лекции: «В прошлое воскресенье на этом самом месте вы слышали красно-речивое изложение идеи царя по народному воззрению. Я с ним согласен (иначе я бы и не указывал на него), скажу только, что то, что говорилось, не было доведено до конца, истинная мысль не была досказана – беру на себя смелость ее досказать» [2, с. 41].

2 апреля Аксаков вновь пишет А.С. Суворину: «Я всегда в принципе был против смертной казни, но если она уж существует, то конечно приложение ее к настоящему злодейству всего менее способно оскорблять нравственное чувство. Затем: в прошлом году казнили десятка два человек. Отчего же Соловьев тогда не протестовал, а протестует против казни Рысакова. Наконец – протест в настоящую минуту слишком уж на руку живым извергам. Здесь казнь имеет значение не возмездия, а самообороны.

Сейчас разнесся слух, будто Соловьев арестован – за эту речь. Не верится, быть не может» [6, с. 14]. В тот же день в письме к Н.Н. Страхову Аксаков спрашивает: «Правда ли, что Соловьев держал речь о том, что Государь не должен казнить преступников и что если казнит, то мы не пойдём за ним в этом направлении, и что при этом будто сослался на меня, уверяя, что это именно то, что я недосказал, по замечанию статьи Русского в «Новом времени»? Я знаю, что гр. Л. Толстой писал об этом письмо, но ведь Толстой, говорят, встречая солдат, внушает им, что они не должны стрелять в неприятеля. Это кривомудрие. Я всегда был против смертной казни в *принципе* и держусь этого мнения. Но если она существует, если казнены Лизогуб⁵⁰⁵ и К°, то не казнить Рысакова⁵⁰⁶ было бы исключением, извращающим смысл правосудия» [7, с. 51].

6 апреля Н.Н. Страхов отвечает Аксакову: «Я был на лекции Соловьева, но не возьмусь Вам дать отчет об ней. Это была какая-то нескладная путани-

⁵⁰⁴ См.: <Лекция Вл. Соловьева, прочитанная им 28 марта 1881 года в зале кредитного общества> / публ. С.Б. Роцинского // Соловьевские исследования. 2013. Вып. 1 (37). С. 75–82 [16].

⁵⁰⁵ Лизогуб Дмитрий Андреевич (1849–1879) – революционер, народник, сторонник террористических методов борьбы. Один из организаторов «Земли и воли». В 1879 г. приговорен к смертной казни; повешен в Одессе.

⁵⁰⁶ Рысаков Николай Иванович (1861–1881) – народоволец. 1 марта бросил первую бомбу в императора Александра II. Повешен 3 апреля 1881 г. в Петербурге.

ца мыслей, высказанная с необыкновенным сосредоточенным азартом. Лекция продолжалась не более двадцати минут или четверти часа, состояла из ряда положений: 1) одно о Боге, 2) другое о Богородице, 3) третье о Христе и т.д. Переход к казни был неожидан; против казни было сказано *только* то, что есть заповедь: *не убий*; дважды было с напором повторено, что Царь *должен* исполнить это как требование христианского учения, и затем прибавлено, что если не исполнить, то “мы не выйдем из этого кровавого круга преступлений и возмездий”. Вот, кажется, все. Соловьева призывали к Баранову⁵⁰⁷, тот потребовал от него полного изложения лекции на бумаге и сказал, что больше не позволит ему читать публично.

Ссылки на Вас не припомню; кажется, было просто сказано, что “здесь, в заседании Славянского общества, указывалось на значение Царя в России”; но “к этому нужно прибавить” – и пр.» [7, с. 53].

После этой лекции Соловьев был вынужден подать в отставку из Ученого Комитета Министерства народного просвещения и покинуть Петербург. А нам остается добавить, что в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки среди писем Аксакова 1881 г. сохранилось и письмо Соловьева к Александру III⁵⁰⁸.

Редактирование и издательство газеты «Русь», с ноября 1880 г. по январь 1886 г., стали для Аксакова лебединой песней. Соловьев в этой связи отмечает: «Долгое время преследуемый администрацией, приговоренный к молчанию на двенадцать лет, он лишь в последние годы своей жизни получил в качестве личной, хотя и всегда проблематической, привилегии относительную свободу говорить в печати то, что думает» [3, с. 230].

Соловьев дебютировал на страницах «Руси» 5 декабря 1881 г. со статьей «О духовной власти в России», в которой Русская православная церковь, подчиненная государству, характеризовалась как безжизненная и не имеющая нравственного авторитета. Однако, как считает Соловьев, восточная иерархия, в отличие от западной, не восстала против духа Христова, а лишь отклонилась от него. Исходя из этого положения, Соловьев утверждал, что русская церковь может избавиться от заблуждений, и предлагал ряд мер⁵⁰⁹. Статья, вполне одобренная Аксаковым в передовой в том же номере «Руси»⁵¹⁰, вызвала недовольство церковных кругов и обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева.

Кстати, интересно отметить, что С.М. Соловьев-младший обнаружил философский текст, переработкой которого явилась статья Соловьева «О духовной власти в России»; этот текст озаглавлен «Когда был оставлен русский

⁵⁰⁷ Баранов Николай Михайлович (1837–1901) – с 1 марта 1881 г. петербургский градоначальник.

⁵⁰⁸ См.: Письма И.С. Аксакова к О.А. Новиковой. В письмо № 3 вложено письмо В.С. Соловьева к Александру III (НИОР РГБ. Ф. 126. К. 8337а. № 7. 8 л. 4 письма 1881 г. 2 конверта) [17].

⁵⁰⁹ См.: Соловьев В.С. О духовной власти в России (по поводу последнего пастырского воззвания св. Синода) // Русь. 1881. № 56, 5 декабря. С. 10–14 [18].

⁵¹⁰ См.: Аксаков И.С. Москва, 5 декабря. <Об отношении современного прогресса к христианству (по поводу статьи В.С. Соловьева «О духовной власти в России»)» // Русь. 1881. № 56, 5 декабря. С. 1–4 [19].

путь и как на него вернуться (по поводу “Записки о внутреннем состоянии России К.С. Аксакова”))» и датирован 28 мая 1881 г.⁵¹¹. А записка К.С. Аксакова, как известно, была впервые опубликована И.С. Аксаковым в мае того же года в трех номерах газеты «Русь»⁵¹².

В сентябре – октябре 1882 г. в газете «Русь» в трех номерах был опубликован труд Соловьева «О церкви и расколе»⁵¹³, переработанный позднее в исследование «О расколе в русском народе и обществе» (1884). Он был посвящен рассмотрению отношения старообрядцев к господствующей церкви. Признавая, что церковные правители иногда «неправо действовали», автор обвинял раскольников в том, что они «неправо мыслили». Старообрядцы в своей исключительности не понимали истинного соотношения между божественным и человеческим в Церкви и ставили букву выше духа.

Завершая публикацию Соловьева, Аксаков посвятил ей особую передовую. Всецело разделяя взгляды своего сотрудника, он утверждал, что «еще никогда в нашей литературе вопрос о расколе ... не был поставлен так верно и правильно...»⁵¹⁴. Воссоединение раскольников с официальной церковью привело бы, по мнению Аксакова, к подъему церковного духа за счет общепризнанного благочестия старообрядцев и их уважения к отеческим преданиям⁵¹⁵.

26 сентября, т.е. уже в ходе публикации второй статьи Соловьева, Аксаков извещал Н.Н. Страхова: «Капитальным моим сотрудником будет Влад. Соловьев, который уже начертит программу целого ряда статей, имеющих, так сказать, раздвинуть горизонты *мира*. Я полагаю, что «Русь» до сих пор довольно расчистила почву и порубила чащу современного вздора; теперь пора уже трубить и сбор и выбираться на большую дорогу мысли общей, совокупляющей и объединяющей» [7, с. 65–66].

Статья Соловьева «О церкви и расколе» (1882) привлекла к себе внимание не только общественности, но и высших государственных чиновников, так как вышла в свет без разрешения духовной цензуры. Церковная власть тут же отреагировала на это. 22 сентября (т.е. уже после выхода 38-го номера, где появилась первая часть статьи) Победоносцев обратился с письмом к министру внутренних дел Д.А. Толстому, в котором указал на факт нарушения цензурного устава, допущенного Аксаковым. 28 сентября 1882 г., выполняя поручение министра внутренних дел, Главное управление по делам печати направило Аксакову письмо. В нем, согласно заявлению обер-прокурора Св. Синода и представлению Московского цензурного комитета,

⁵¹¹ См.: Котрелёв Н.В., Рашковский Е.Б. Примечания. С. 651.

⁵¹² «Записка о внутреннем состоянии России» К.С. Аксакова опубликована с его «Дополнениями» («Русь»). 1881. № 26, 9 мая. С. 11–15; № 27, 16 мая. С. 17–20; № 28, 23 мая. С. 12–14).

⁵¹³ См.: Соловьев В.С. О церкви и расколе // Русь. 1882. № 38, 18 сентября; № 39, 25 сентября; № 40, 2 октября [20].

⁵¹⁴ См.: Аксаков И.С. Москва, 2 октября. <По поводу статьи В.С. Соловьева о церкви и расколе> // Русь. 1882. № 40, 2 октября. С. 1–3 [21].

⁵¹⁵ Там же.

внимание редактора «Руси» обращалось на необходимость получения разрешения со стороны духовной цензуры при опубликовании статей по вопросам веры и церкви⁵¹⁶.

Позднее, в письме к К.П. Победоносцеву от 11 ноября 1882 г., редактор «Руси» вспомнил о «конфиденциальном» напоминании Д.А. Толстого, чтобы изложить обер-прокурору свои представления о роли духовной цензуры. Отдельно Аксаков остановился на личности своего автора: «Соловьев не полумный. Он, напротив, непрестанно зреет и мыслью, и нравственной своей стороной, – и ничто его так не покорило, как сочувствие, выраженное ему теми, с которыми у него ничего не было общего» [23, с. 113].

С декабря 1882 г. между нашими героями начинается переписка, опубликованная в 1913 г. и содержащая 5 писем Аксакова и 15 писем Соловьева⁵¹⁷. Переписка продолжалась на протяжении 17 месяцев (декабрь 1882 г. – апрель 1884 г.) и касалась «заветнейшей мысли В. Соловьева – о примирении церковью – Западной и Восточной»⁵¹⁸. Автор вступительной статьи М. Зайдеман отмечает: «Все письма В. Соловьева не датированы, а из писем И. Аксакова датированы только три, и поэтому восстанавливать время написания каждого письма приходилось по совокупности многих соображений, в том числе и по времени выхода в свет номеров аксаковской “Руси”. Разумеется, что датировка в данном случае возможна только по месяцам и то только приблизительно» [4, с. 74]⁵¹⁹.

Первое письмо Аксакова к Соловьеву датировано 18 декабря 1882 г.: «Вот письмо от Энгельгардта⁵²⁰, любезный Владимир Сергеевич. Не знаю, можно ли будет сварить с ним кашу. Появление в нашей печати статей полемических, против церкви направленных – дело до сих пор небывалое, – на которое я однако решаюсь; но чтоб это нововведение могло привиться к нашей печати, необходимо, именно *сначала* действовать осторожно и постепенно. <...> Не спишетесь ли Вы с ним сами?» [4, с. 74–75].

В конце декабря в 1-м письме Соловьев отвечает: «...я получил Ваше письмо. Нужно подождать новой присылки от Энгельгардта, посмотреть, в какой степени он сократил и смягчил свои излияния. Напечатать просто в виде статьи ни в каком случае невозможно, не по одним цензурным соображениям, но и по направлению и значению “Руси”. Но при моем ответном

⁵¹⁶ См. об этом подр.: Материалы, касающиеся издания газеты «Русь» / РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 39. Л. 16–16 об. [22]; Сташневa М.А. Социально-политическая программа газеты И.С. Аксакова «Русь» (1880–1886 гг.): дис. ... канд. ист. наук. С. 152; Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. С. 143–146.

⁵¹⁷ См.: Переписка Владимира Сергеевича Соловьева с Иваном Сергеевичем Аксаковым. С. 73–90. См. также: Соловьев Вл. Письма: Т. 1–4 / под ред. Э.Л. Радлова. Т. IV. Пб.: Изд-во «Время», 1923. С. 13–28 [24].

⁵¹⁸ См.: Переписка Владимира Сергеевича Соловьева с Иваном Сергеевичем Аксаковым. С. 73.

⁵¹⁹ В дальнейшем мы будем использовать фрагменты этой переписки.

⁵²⁰ М.А. Энгельгардт, сын известного ученого, сельского хозяина и публициста А.Н. Энгельгардта, автор работы «Прогресс как эволюция жестокости». Письмо являлось ответом на статью В. Соловьева «О церкви и расколе», напечатанную в № 38 «Руси» за 1882 г. (*прим. И.С. Аксакова*).

письме напечатать сокращенную статью мелким шрифтом было бы возможно и весьма желательно...» [24, с. 14].

В связи с этими письмами отметим, что в Российском государственном архиве литературы и искусства хранятся переписка И.С. Аксакова с М.А. Энгельгардтом и письма М.А. Энгельгардта Л.Н. Толстому о статьях В.С. Соловьева «О церкви и расколе», а также публикация М.А. Энгельгардта «По поводу статей Соловьева», напечатанных в газете «Русь»⁵²¹.

Затем следует 2-е письмо Соловьева (1882 г.): «Не дается мне полемика. Только что приготовил я свой распространенный ответ Энгельгардту, чтобы послать его – Анне Федоровне, и перечел его, как меня взяло раздумье. <...> И теперь пишу другой ответ, весьма краткий...» [24, с. 14–15].

1883 год стал переломным во взаимоотношениях Аксакова и Соловьева. С начала года в семи номерах газеты «Русь» печатается соловьевский «Великий спор и христианская политика»⁵²². Этот труд является этапным обобщением соловьевских размышлений о судьбах России в контексте истории христианства и европейской культуры. «Великий спор» вызвал множество критических отзывов разной степени резкости. Наиболее важные по своим последствиям исходили из консервативного лагеря⁵²³.

Во время этой публикации впервые выявляются разногласия между Аксаковым и Соловьевым. Если Аксаков весьма одобрительно отозвался о первой статье, более того, представил ее даже в своем роде выражением редакционной платформы, то уже в четвертой статье Аксаков обнаружил признаки тяготения автора к папству и отказал в ее помещении на страницах «Руси». В этой и последующих статьях проявились глубочайшие разногласия в позициях редактора и его сотрудника. Так, Г.В. Флоровский по поводу этой публикации замечает: «Для Аксакова был неприятен и неприемлем новый оборот в мировоззрении Соловьева, приходившего тогда из самого славянофильства к своеобразному религиозному западничеству. Одну из глав Аксаков вовсе отказался напечатать. Это была глава об Империи, о всемирной монархии. Соловьеву пришлось уступить, с неохотой и огорчением» [26, с. 3–24].

Однако вернемся к началу 1883 г., когда в 3-м письме от января 1883 г. Соловьев обращается к Аксакову с просьбой: «...прикажете в типографии оставлять мне по мере печатания 1000 отдельных экземпляров моих статей величиной обыкновенный 8° (с «Русский Вестник» или немного больше), в один столбец разумеется. – Я намерен по окончании их в «Руси» издать книжкой и хочу сделать экономию на наборе. <...> С тем, что Вы говорите по поводу Энгельгардта, я вполне согласен, и мой второй ответ написан

⁵²¹ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 145. 50 л. 10–21 декабря 1882 г.

⁵²² Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Русь. 1883. № 1, 3 января. С. 20–30; № 2, 17 января. С. 17–23; № 3, 1 февраля. С. 17–29; № 14, 15 июля. С. 27–37; № 15, 1 августа. С. 14–23; № 18, 15 сентября. С. 11–18; № 23, 1 декабря. С. 25–32 (Исправлены опечатки, указанные автором – см.: Там же. № 2, 17 января. С. 17; № 19, 1 октября. С. 63 [25]).

⁵²³ См. об этом подр.: Котрелёв Н.В., Рашковский Е.Б. Примечания // Соловьев В.С. Сочинения. С. 652–654.

именно в этом смысле» [24, с. 16]. В 4-м недатированном письме Соловьев продолжает тему предыдущего: «Относительно оттисков я не желал удлинения строчек, а только чтобы в один столбец и с большими полями. Но теперь я вообще раздумал оставлять отдельные оттиски, потому что, гоняясь за экономией в наборе, можно потерять гораздо больше, если бы потом встретились препятствия от духовной цензуры, – тогда пропадет все издание» [24, с. 16].

Первая статья «Великого спора», вышедшая в 1-м номере газеты «Русь», – «Вступление. Россия и Польша» – явилась потом в переработанном виде первой главой «Национального вопроса» (1-е изд. 1884 г.), где носила заглавие «Нравственность и политика. Исторические обязанности России». В этой статье он говорит о проходящем через всю историю великом споре Востока и Запада. В 5-м письме Соловьев благодарит Аксакова за присылку 1-го номера «Руси» и отмечает: «В своей статье я заметил две опечатки, несколько изменяющие смысл; для исправления их в следующем № прилагаю особый листок. Может быть, это мелочность с моей стороны, но напечатать поправку⁵²⁴ дело не сложное» [24, с. 17].

Во второй статье – «Восток и Запад в древнем мире. Историческое место христианства» – Соловьев развивает идею о «мифических богочеловеках Востока», «ложном человекобоге Запада» и переходит к христианской религии истинного богочеловечества. В 6-м письме Соловьев пишет: «Третью статью окончил и завтра начинаю переписывать. <...> 2-й «Руси» еще не получил, но просматривал у знакомых. Он так же полон и интересен, как и первый. <...> Вы мне писали как-то, чтоб не очень удлинять статьи, потому я 3-ю довел только до разделения церквей, и она не длинна, но довольно содержательна...» [24, с. 17–18].

Третья статья называется «Христианство и реакция восточного начала в ересь. Смысл мусульманства». После выхода в свет 1 февраля 1883 г. 3-й статьи Соловьева в публикации его статей наступил почти полугодовой перерыв – до 15 июля, когда в 14-м номере была все же опубликована 4-я статья. Но и в этот промежуток времени Соловьев продолжал оставаться сотрудником аксаковской газеты.

19 февраля 1883 г. Соловьев выступил с речью – третьей по счету – в память Ф.М. Достоевского. Кстати, именно здесь Соловьев впервые высказал мысль о соединении церквей⁵²⁵. По поводу этой речи в 7-м письме он обращался к Аксакову: «Мою речь в память Достоевского постигли некоторые превратности, вследствие которых я могу Вам ее доставить к 6 № “Руси”. Дело в том, что во время моего чтения пришло запрещение мне читать, так что это чтение принимается яко бы не бывшее, и петербургские газеты должны умалчивать о вечере 19 февраля, хотя на нем было более тысячи человек. Вследствие того же полицейского запрещения попечитель Дмитриев,

⁵²⁴ Эта поправка была опубликована во втором номере газеты «Русь».

⁵²⁵ См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. С. 195.

разрешивший речь, пожелал для собственного ограждения как можно скорее иметь ее текст, и я должен был поспешно ее списать для себя. Но эту иероглифическую копию послать Вам было невозможно, и вот я должен еще раз списывать – а речь довольно большая... <...> Таким образом, о помещении речи в № 5 нечего и думать, а к вам я сам привезу ее в Москву. Напечатать же ее нужно не как речь, а как статью и под другим заглавием. И все это наш друг К.П. Победоносцев» [24, с. 19].

Ввиду изложенных выше обстоятельств, речь Соловьева была напечатана Аксаковым в 6-м номере «Руси» в виде статьи⁵²⁶. В ней Соловьев проводил идеи о примирении Востока и Запада, о необходимости совершения духовного подвига Россией. Редактор в целом поддерживал устремления Соловьева, оговариваясь лишь в примечаниях, что желаемое примирение предполагает взаимность, а не односторонние уступки православного Востока. Здесь же Аксаков извещает читателей, что печатание «Великого спора» откладывается до № 8 или 9, так как 4-я статья Соловьева «Разделение церквей» весьма смутила Аксакова и А.М. Иванцова-Платонова. Не желая прекращать печатание «Великого спора», редактор «Руси» настаивал на ее изменениях и сокращениях⁵²⁷.

Вернемся, однако, к 7-му письму Соловьева, в котором прослеживается начало принципиального разногласия между ним и его адресатом: «Теперь о Вашем письме, которое я получил перед самым моим выездом из Москвы⁵²⁸. Я искренне Вам признателен за дружественное расположение Ваше ко мне, в которое совершенно верю и которое надеюсь всегда сохранить. Также очень благодарен я Вам и за откровенность, с которою Вы ко мне обращаетесь в этом письме. Содержание же его вызывает с моей стороны некоторые объяснения. Чтобы не запутывать дела, я ограничусь констатированием двух фактов и одним категорическим заявлением:

1) Содержание статьи о католичестве и разделении церквей я обдумывал с прошлой весны, т.е. почти целый год.

2) Согласившись с Вами, что она в своем настоящем виде неудобна для напечатания по форме и тону *изложения*, я ни перед Вами, ни перед Ал^{ександром} Мих^{айловичем}⁵²⁹ не отказывался ни от одного из выраженных в ней *взглядов*.

3) Говоря о примирении с католичеством, я тем самым уже предполагаю, что католичество в *принципе* не ложно, потому что с ложью мириться нельзя. Я в католичестве вижу ложное применение, а применение может и перемениться.

При таком взгляде мне действительно приходится по совести защищать католичество от несправедливых, по-моему, обвинений, а потому слух о мо-

⁵²⁶ Соловьев В.С. Об истинном деле (в память Достоевского) // Русь. 1883. № 6, 15 марта. С. 22–31.

⁵²⁷ См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. С. 197–198.

⁵²⁸ Это письмо нам неизвестно.

⁵²⁹ А.М. Иванцов-Платонов.

ей апологии католичества не может меня пугать и удерживать от чтения статьи моим друзьям как в Москве, так и в Петербурге» [24, с. 19–20].

За этим посланием следует еще одно – 8-е письмо к Аксакову: «Отправив вчерашнее письмо, я подумал: не показалась бы моя краткость грубостью? Поэтому еще раз хочу Вас уверить в искренней признательности моей за Ваши дружественные чувства и в моем непременном желании всегда сохранять те добрые отношения, которые сложились между нами в последнее время. Во всяком случае вопрос о примирении великого спора не должен быть причиной малого спора между нами (а я уже заметил здесь в Петербурге, что кой-кому приятно было бы нас поссорить)» [24, с. 20].

Понемногу спор обостряется. В 9-м, мартовском, письме Соловьев высказывает свою принципиальную позицию: «Не в моей власти исцелить разделенные церкви, но в моей власти и обязанности не растравлять их ран полемикой, а смягчать их словом справедливости и примирения. Если я не умею сказать этого слова, пусть скажет его кто-нибудь другой, но никто не говорит. Если мой путь не ведет к цели, пусть укажут другой, лучший, но никто ничего не указывает. Только и есть, что обличение католических грехов да вражда против папизма. Но обличение не облегчает, и вражда не врачует. <...> Мне кажется, Вы смотрите *только* на папизм, а я смотрю прежде всего на великий, святой и вечный Рим, основную и неотъемлемую часть вселенской церкви. В этот Рим я верю, пред ним преклоняюсь, его люблю всем сердцем и всеми силами своей души желаю его восстановления для единства и целостности всемирной церкви, и будь я проклят как отцеубийца, если когда-нибудь произнесу слова осуждения на святыню Рима. <...> Придется писать для Вас новую статью⁵³⁰, а прежнюю, исправив и распространив в целое сочинение, издать за границей по-французски» [24, с. 21].

14 марта Аксаков в своем 2-м письме, не вступая в полемику, обращается к Соловьеву: «Пожалуйста не замедлите статью (яко бы ответ Энгельгардту)⁵³¹. 6 № Руси сегодня вечер<ом> выходит⁵³²» [4, с. 83]. В это время статьи нужны Аксакову, это становится ясным из его письма к Н.Н. Страхову от 18 марта: «Начинаю ощущать недостаток статей, особенно потому, что Голохвастов⁵³³ не в состоянии поставлять статьи для каждого №, а со статьями Соловьева еще неизвестно как пойдет» [7, с. 86].

1-го апреля выходит из печати очередная статья Соловьева в «Руси»⁵³⁴. В том же месяце в 10-м письме он извещает Аксакова: «Я уехал в деревню недели на три дописывать одну книжку религиозно-нравственного содержа-

⁵³⁰ Речь идет о 4-й статье Соловьева, которая была сокращена и переделана из другой, более обширной статьи о разделении церквей, не напечатанной Аксаковым.

⁵³¹ Наверное, речь идет о статье, опубликованной в «Руси» 1 апреля 1883 г. (см.: Соловьев В.С. Несколько слов о наших светских ересях о сущности церкви // Русь. 1883. № 7, 1 апреля. С. 13–19 [27]).

⁵³² В этом номере была опубликована речь-статья Соловьева, посвященная памяти Ф.М. Достоевского (см.: Флоровский Г.В. Тютчев и Владимир Соловьев (Глава из книги) // Путь. <Париж,> 1933. № 41. С. 3–24 [26]).

⁵³³ Голохвастов Павел Дмитриевич (1838–1892) – историк, публицист, филолог; сотрудник газеты «Русь».

⁵³⁴ Соловьев В.С. Несколько слов о наших светских ересях о сущности церкви. С. 13–19.

ния, которую намереваюсь издать отдельно этою же весной⁵³⁵. Вместе с тем, я взял с собой кое-какой материал для продолжения «Великого спора», за писание которого примусь по возвращении в Москву и сдавши в типографию свою книжку» [24, с. 22].

В 9-м номере аксаковской газеты – 1 мая – была опубликована еще одна заметка Соловьева⁵³⁶, в редакторском примечании к которой отмечено, что в брошюре Леонтьева есть многое, с чем «мы не можем быть согласны, чему мы решительно не сочувствуем и о чем когда-нибудь выскажемся при случае» [28, с. 43].

В апреле Соловьев заболел тифом. Следующее его 11-е письмо датировано июнем: «Я медленнее, чем думал, поправляюсь от своей болезни и только эти последние дни почувствовал себя в состоянии работать и принялся за продолжение «Великого спора»; думаю прислать Вам в начале июля...» [24, с. 22]. В письме, адресованном брату Михаилу, Соловьев сообщает: «Я теперь переписываю продолжение “Великого спора”, посылаю Аксакову к 15 июля» [24, с. 85].

Таким образом, только 15 июля была опубликована 4-я статья «Великого спора» под названием «Разделение церквей». Заголовок сопровождало следующее красноречивое примечание: «Эта статья сокращена и переделана из другой, более обширной статьи о разделении церквей, которая не была напечатана»⁵³⁷. Аксаков вынужден был пойти на это, во-первых, из-за интереса читателей, обращавшихся к нему с запросами о причинах такого длительного перерыва, а во-вторых, по всей видимости, редактор поначалу надеялся на отказ своего молодого сотрудника от идеи соединения с папством⁵³⁸. Однако уже к следующей 5-й статье Соловьева «Византизм и русское староверие. Народность в церкви» редактор делает показавшееся ему необходимым примечание в защиту православия⁵³⁹, а в следующем номере появляется еще один аксаковский отклик на «прокаталические» тезисы «Великого спора»⁵⁴⁰.

Около 15 сентября Соловьев пишет брату Михаилу: «Я послал Аксакову шестую статью “Великого спора”, о папстве и протестантизме, – вероятно уже напечатана. Еще будут три, а затем нужно будет издать отдельной книгой со включением всего, что я писал о Церкви, и кой-чего другого» [24, с. 87]. 6-я статья Соловьева «Папство и папизм. Смысл протестантства» была опубликована Аксаковым 15 сентября, но в таком виде, что Соловьев был возмущен. Цитаты, подтверждавшие положения Соловьева, были выброше-

⁵³⁵ Эта книжка – «Религиозные основы жизни». План издать ее весной 1883 г. не осуществился.

⁵³⁶ Соловьев В.С. Заметка по поводу новых христиан («Наши новые христиане» и т.д. К. Леонтьева. Москва, 1882) // Русь. 1883. 1 мая. № 9. С. 39–43 [28].

⁵³⁷ См.: Сташнева М.А. Социально-политическая программа газеты И.С. Аксакова «Русь» (1880–1886 гг.): дис. ... канд. ист. наук. С. 155.

⁵³⁸ См.: Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. С. 155.

⁵³⁹ Русь. 1883. № 15, 1 августа. С. 22.

⁵⁴⁰ См.: Русь. 1883. № 16, 15 августа. С. 5–7.

ны, а непосредственно за статьей следовали полемические номерные примечания-поправки А.М. Иванцова-Платонова⁵⁴¹, наиболее важные возражения которого относились не к философско-богословскому уровню соловьевской постановки проблемы, а к тем выходам в область практических действий, которые казались Соловьеву неизбежными.

На эти публикации Соловьев отреагирует в 12-м, сентябрьском письме к Аксакову: «Письмо Ваше я получил давно⁵⁴², но «Русь» – только вчера. Не хочу обижаться на Вас и на Ал<ександра> Мих<айловича> за свою статью, изувеченную без моего ведома и приведенную почти в неудобочитаемый вид. <...> Но есть одна вещь, которую я решительно не могу так оставить. Я не верил своим глазам, когда читал конец 20 примечания. <...> Я написал необходимый ответ и требую его немедленного напечатания. Не обижайтесь этим словом, это не юридическое требование, а нравственное и дружеское. Я считаю Вас и Ал<ександра> Мих<айловича> за людей без страха и упрека, считаю Ваш журнал за самый чистый в России. Но сделанная ошибка – нечаянно, я верю – должна быть исправлена: это дело не личное: заподозрена добросовестность писателя, и если явная неправда подозрения не будет указана, может быть потеряно доверие читателей. <...> Над окончанием моих статей приходится задуматься: дело выходит, мудреное. Но, вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем великий спор» [24, с. 23–24].

Ответ Соловьева был опубликован уже в следующем номере газеты⁵⁴³. В своем ответе А.М. Иванцов-Платонов, признавая верность теократических рассуждений Соловьева, призывал его подходить с крайней осторожностью к вопросу об их практическом применении. Иванцов-Платонов уклонился от «газетной полемики» по таким предметам, «для обсуждения которых нужно писать целые большие книги», утверждая при этом, что вопрос достаточно выяснен уже в богословской литературе⁵⁴⁴. Здесь же Аксаков отмечал несвоевременность требований Соловьева. По его словам, мечтать о восстановлении вселенского церковного единства можно будет лишь тогда, когда христианский Запад очистится и папство перестанет быть папизмом⁵⁴⁵. В связи с этим Е.И. Анненкова отмечает, что публицист и политик более, чем философ, Аксаков уловил расхождение между гибко изложенной идеей и практическим ее осуществлением⁵⁴⁶.

В октябре, в 13-м письме к Аксакову Соловьев пишет. «По долгом размышлении я пришел к тому заключению, что мне необходимо все-таки

⁵⁴¹ Иванцов-Платонов А., прот. Примечания к VI статье В.С. Соловьева // Русь. 1883. № 18, 15 сентября. С. 29–34 [29].

⁵⁴² Письмо это неизвестно.

⁵⁴³ Соловьев В.С. Несколько объяснительных слов по поводу «Великого спора» в ответ на примечания о. прот. А.М. Иванцова-Платонова // Русь. 1883. 1 октября. № 19. С. 38–42 [30].

⁵⁴⁴ Иванцов-Платонов А., прот. Ответ на «Несколько объяснительных слов» В.С. Соловьева // Русь. 1883. 1 октября. № 19. С. 42–45 [31].

⁵⁴⁵ См.: Русь. 1883. 1 октября. № 19. С. 42.

⁵⁴⁶ См.: Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб.: Наука, 1998. С. 294 [32].

окончить “Великий спор” в “Руси”, необходимо и для себя, и для Вас, и для самого дела. <...> ...я “хлопочу” вот о чем:

1) Чтобы представители нашей учащей церкви не считали церковный спор Востока и Запада порешенным в смысле *безусловного осуждения* западной церкви, на каковое осуждение они никаких высших полномочий не имеют.

2) Чтобы они не раздували спорных пунктов до нелепых и фантастических размеров.

3) Чтобы они сдали в архив свое “обличительное” и “полемическое” богословие, которое выдает себя уже одним названием, и вместо судейских и солдатских отношений к западной церкви допустили родственные и солидарные отношения в сфере религиозной, богословской и церковной, оставляя мирскую политику пока министрам и генерал-губернаторам. *Нравственная* перемена в нашем отношении к западной церкви будет первым шагом христианской политики, суть которой в том, что она исходит из нравственных чувств и *обязанностей*, а не *из интереса* и не из самомнения. <...> Желая этой статьей, между прочим, освободить себя от обвинения в одностороннем латинстве, я тем самым желаю снять и с Вас обвинение в напечатании моих статей. При заказанном заключении в них не будет ничего для Вас предосудительного, ничего *противоположного* славянофильским принципам. А пока я просматриваю те назидательные статейки, о которых я Вам говорил, и первую из них не замедлю Вам выслать к № 21⁵⁴⁷» [24, с. 24–26].

В 3-м, недатированном, письме Аксаков отвечает Соловьеву: «Милости просим в субботу, ради «гуманизма человечности» выслушаю, хотя статей у меня в виду и без того довольно. Ваша назидательная статья не пойдет в 21 №⁵⁴⁸, я ее еще и прочесть не успел, но прочту завтра утром» [4, с. 88].

1 ноября редактор «Руси» напечатал пространное возражение на статьи Соловьева, написанное А.А. Киреевым⁵⁴⁹.

В 14-м, ноябрьском, письме Соловьев пишет Аксакову: «Против собственной воли я очень обрадовался Вашему письму. <...> В той моей рукописи, которую я собирался послать Вам сегодня, место об Императоре было уже исключено, не потому что я отказался от этой идеи, а потому, что, изложенная кратко и отрывочно, она действительно могла бы вызвать неверные и грубые представления. <...> Впрочем, не думайте, что я усмотрел что-нибудь обидное для себя в Вашем замечании. Это невозможно уже потому, что идея всемирной монархии принадлежит не мне, а есть вековечное чаяние народов. Из людей мысли эта идея одушевляла в средние века, между про-

⁵⁴⁷ Осенью 1883 г. Соловьев хочет печатать первые главы «Религиозных основ жизни» в «Руси» (см. об этом 3-е аксаковское письмо к Соловьеву).

⁵⁴⁸ «Религиозные основы жизни» так и не появились в «Руси», и Соловьев начал печатать их в «Православном обозрении» с января 1884 г., в том же году этот труд вышел отдельным изданием (см.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. С. 210).

⁵⁴⁹ Киреев А. Несколько замечаний на статьи В.С. Соловьева «Великий спор» // Русь. 1883. № 21, 1 ноября. С. 26–38 [33].

чим, Данта, а в наш век за нее стоял Тютчев, человек, как Вам хорошо известно, чрезвычайно тонкого ума и чувства. В полном издании «Великого спора» я намереваюсь изложить идею всемирной монархии большей частью словами Данта и Тютчева.

Что касается до смущения русских читателей и радости католиков по поводу моих статей, то первое огорчает меня больше, чем второе. Я вполне признаю нашу существенную солидарность с католиками и вполне верю в будущее наше видимое воссоединение, а потому одобрение католиков – будущих наших братьев и союзников в общем христианском деле – мне не в обиду. <...> Я совершенно понимаю и одобряю Ваше решение не допускать у себя дальнейшей полемики и оставить за собой последнее слово в «Руси». Если, паче чаяния, в этом Вашем последнем слове будет что-нибудь непременно требующее ответа с моей стороны (в общем интересе), то у меня останется возможность возразить Вам где инде. Но я этого совершенно не предвижу и не желаю» [24, с. 26–27].

18 ноября, в 4-м письме Аксаков сообщает Соловьеву: «Я Вас поджидал в четверг, вчера, но не дождался, и потому Вы меня очень одолжите, если пожалуете прочесть Вашу статью, буде она готова, в субботу вечером. Я отложил ее до 23 № именно, чтоб не спешить, а если Ваша статья запоздает и к 23 №, то произойдет именно то, чего я хотел избежать. К тому же, желая сказать и свое последнее слово, я должен заранее ознакомиться с Вашим заключительным словом. В 22 №⁵⁵⁰ моя передовая тоже в противоречии с Вами» [4, с. 88].

Наконец, 1 декабря выходит из печати заключительная, 7-я статья Соловьева «Общее основание для соединения церквей», снабженная аксаковским примечанием и патриотическим письмом в редакцию за подписью К.А.⁵⁵¹.

Седьмым декабря датировано цензурное разрешение книжного варианта «Великого спора...»⁵⁵². Это отдельный переплетенный оттиск статей Соловьева. Кстати, одна книга с дарственной надписью К.Н. Леонтьеву сохранилась в фонде С.Н. Дурылина в РГАЛИ⁵⁵³. Посылая такие же книги генералу А.А. Кирееву для раздачи петербургским знакомым, Соловьев писал: «Это только оттиски из “Руси”, но я хотел бы очень напечатать книгу вполне, т.е. вдвое объемистее теперешнего. Оттиски эти разрешены цензурой гражданскою и избавлены от духовной» [36, с. 116].

Разногласия, возникшие между Аксаковым и Соловьевым в 1883 г. из-за труда «Великий спор и христианская политика», приобрели в 1884 г. характер открытой полемики, которая вышла за пределы газеты «Русь».

⁵⁵⁰ Речь идет о 22 № газеты «Русь» от 15 ноября 1883 г.

⁵⁵¹ Вероятно, А.А. Киреевым.

⁵⁵² Соловьев В. Великий спор и христианская политика. М.: Тип. М.Н. Лаврова и Ко, 1883. 260 с. [34].

⁵⁵³ См.: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. С. 375 [35].

Соловьев, не имевший больше возможности помещать на страницах «Руси» статьи, противоречащие взглядам ее редактора, опубликовал статью «О народности и народных делах в России», написанную им в конце 1883 г., в которой Владимир Сергеевич писал, что развитие народности может быть плодотворно только при усвоении ею вселенской сверхнациональной идеи, для чего требуется акт национального самоотречения. Россия в ходе своего исторического развития совершила уже два таких акта – это призвание варягов и реформы Петра I. Теперь же от России требуется отречение от церковной исключительности и замкнутости, ей необходимо свободное общение с духовными силами Церковного Запада⁵⁵⁴. Эта статья сопровождалась «Замечаниями» А.А. Киреева, на которые в марте 1884 г. в «Известиях Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» последовал ответ В.С. Соловьева⁵⁵⁵.

14 февраля Аксаков в письме к А.А. Кирееву⁵⁵⁶ разбирает статью Соловьева «О народности и народных делах в России», а 17 февраля продолжает эту же тему в письме к А.С. Суворину: «Соловьева следует сильно отделать. Я намерен потрепать его в следующем №. Это новое явление нашей отвлеченности, ни пред чем не останавливающейся в своих формально, т.е. мнимо логических выгодах. Ужасно *дешевы* эти «возвышенные» идеалы, – дешевы именно потому, что носителям их не с чем расставаться, не чем жертвовать. У богослова Соловьева нет ни живого *чувства* веры, ни живого чувства народности. Оттого он и мог притти к выводу, что спасение России в подчинении *Папе!* В статье «Слав<янских> Известий» он этого прямо не высказывает, но таково его убеждение, высказанное в других статьях. *Широкий* идеал сводится на идеал страшно узкий и внешний!... Я на него махнул рукой. Единство церковное он думает достигнуть единством внешним, т.е. подчинением единому начальнику, и теперь пишет ряд статей, которые я отказался помещать в «Руси», о необходимости единой монархии, в параллель единому Папе!» [9, с. 16–17].

Аксаков посвятил разбору соловьевской статьи передовые в двух номерах «Руси»⁵⁵⁷. Только через личную, семейную и национальную индивидуальность, по Аксакову, мог осуществиться христианский идеал всемирного братства. Славянофила возмущал соловьевский призыв к национальному самоотречению и обвинение им России в чрезмерном самомнении в то самое время, когда русское общество в большинстве своем было способно лишь к самооплеванию. На требование Соловьева о свободном общении с западным

⁵⁵⁴ См.: Соловьев В.С. О народности и народных делах в России // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1884. Февраль, № 2. С. 8–16. Тогда же статья Соловьева была перепечатана, по-видимому, без участия автора (Новости и Биржевая газета. 1884. 13, 14 февраля, № 44, 45).

⁵⁵⁵ См. об этом подр.: Медоваров М.В. К истории взаимоотношений А.А. Киреева и Вл.С. Соловьёва // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 234–239 [37].

⁵⁵⁶ См.: НИОР РГБ. 83376–4. 2 л.

⁵⁵⁷ См.: Аксаков И.С. <Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывавшихся в статьях В.С. Соловьева> // Русь. 1884. № 6, 15 марта. С. 2–14; № 7, 1 апреля. С. 2–16 [38].

христианством Аксаков отвечал призывом различать свободу полемики и свободу религиозной пропаганды, так как последняя всегда означала только одно – свободу совращения в латинство. Редактор «Руси» обвинял своего оппонента в отвлеченном диалектизме и невнимании к тем результатам, которые его выводы могли бы иметь в жизни⁵⁵⁸.

В 15-м, апрельском, письме Соловьев пишет Аксакову: «Как в прошлом году я не желал, чтобы “Великий спор” породил маленькую ссору между нами, так и теперь не желаю, чтобы народные дела России дурно повлияли на наши личные отношения. Я сердился на Вас несколько времени за черезчур сердитый тон Вашей первой статьи и за некоторые совершенно несправедливые замечания Ваши. Но, кажется, ни Вы, ни я вечно сердиться не можем» [24, с. 27–28].

Полностью процитируем 5-е письмо Аксакова от 23 апреля: «Душевно рад я Вашему письму, любезнейший Владимир Сергеевич, и не отвечал Вам тотчас потому, что посланный ваш застал меня на пороге. Я отвезил жену на дачу, пробыл с ней два дня и теперь дня на три приехал. То, что Вы не сердитесь – облегчает мою душу, я не без душевной боли и нападал на Вас. Напасть же и напасть резко я почитал своим долгом, ибо проповедывать России национальное самоотречение, когда мы от него именно страдаем, это от духа лестча. До свидания, надеюсь.

Когда начнется летний сезон милости просим к нам на дачу – место чудесное, всего полчаса по жел<езной> дороге от Москвы и 3 версты в сторону.

Ваш Ив. Аксаков.

Анна Федоровна Вам дружески кланяется» [4, с. 90].

Возможно, это письмо было написано ранее, чем Аксаков познакомился с открытым письмом к нему Соловьева⁵⁵⁹. Процитируем начало этого письма: «В последние два-три года я напечатал (преимущественно у вас в “Руси”) несколько статей по церковному вопросу. Главные мотивы мои были следующие. Россия (так же, как и другие страны) тяжело страдает от умственного и нравственного нестроения. Истинная основа христианской общности – церковь – не пользуется полной свободой жизни и действия, не занимает подобающего ей места, не полагается во главу угла. Ближайшая этому причина у нас – раскол, который еще с XVII века парализует действие церковного начала в русской народной жизни. Думая о путях к исцелению этого нашего домашнего недуга, я должен был убедиться, что начало болезни лежит дальше – в общем ослаблении земного организма видимой церкви, вследствие разделения ее на две части, разобщенные и враждующие между собою. Историей образована пропасть между нашей и западной церковью.

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ См.: Соловьев Вл.С. Любовь к народу и русский народный идеал (открытое письмо к И.С. Аксакову) // Православное обозрение. 1884. Апрель. С. 792–812 [39]. (Авторская датировка письма в журнале – 20 апреля 1884 г. Также известны отдельные оттиски этой публикации – М.: Университетская тип., 1884. 20 с.)

Но как ни глубока эта пропасть, все-таки она вырыта не Божьими, а человеческими руками. Разделение церквей – это Божье попущение, а не Божья воля. Божья воля неизменна: да будет едино стадо и один пастырь. Итак, можно и должно нам прилагать свои старания к тому, чтобы был засыпан этот пагубный ров, разделивший стадо Христово. Даже внешние политические меры, ведущие к ослаблению церковной вражды, когда эти меры внушены справедливостью и религиозным чувством, несомненно приносят пользу и заслуживают одобрения. Но главное дело, конечно, не в этом: главное дело – внутреннее примирение по существу, примирение в духе и истине. <...> Опыт такого примирительного отношения к Западной церкви я и хотел представить в статьях “Великий спор и христианская политика”, помещенных в “Руси”. Этот опыт, хотя и напечатанный в вашем журнале, привел вас в недоумение и негодование. Вы нашли, что он противен русским национальным чувствам и интересам. Я же, с своей стороны, глубоко и твердо убежден, что церковное примирение Востока и Запада есть именно национальная историческая задача России» [39].

Таким образом, на протяжении февраля – апреля 1884 г. происходит печатная полемика А.А. Киреева и Аксакова против Соловьева. Эти месяцы можно считать началом разрыва Соловьева со славянофильским лагерем. Уже в сентябре Аксаков, обращаясь к А.А. Кирееву, выражал надежду на то, что в «Известиях Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» больше не будет публикаций Соловьева, обещая в противном случае печатно напасть на редакцию⁵⁶⁰.

Первым октября отмечено авторское предисловие к первому изданию книги Соловьева «Национальный вопрос в России»⁵⁶¹. Эта книга состояла из 4-х статей, среди которых было переопубликовано и открытое письмо к Аксакову.

9 декабря Аксаков пишет Н.Н. Страхову: «Ведь и Соловьев тоже выражает собою движение *русской* религиозной мысли – но ведь только движение, которое берет и вправо и влево, забрело даже в Рим, к папской туфле» [7, с. 116]. В ответном письме Страхова от 12 декабря можно найти следующую характеристику Соловьева: «Соловьев мне очень дорог, потому что разъяснил мне понятие Церкви. Он один настоящий церковник, т.е. не только утверждает, что вне церкви нельзя спастись, но и ясно понимает, почему это так. Его мнений я вовсе не разделяю, не могу разделять, и он мне только уясняет и закрепляет то противоречие, которое лежит между моими мыслями и общепринятыми верованиями. Соловьев иногда называет себя мистиком; но он не мистик, а теософ. Он предается всяким построениям божественного

⁵⁶⁰ Владимир Соловьев в восьмидесятые годы. По его письмам к А.Ф. Аксаковой, а также по записям и переписке А.А. Киреева // Звезда. 1996. № 1. С. 143 [40].

⁵⁶¹ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М.: Университетская тип. (М.Н. Катков), 1884. 107 с. [41].

мира и судеб человечества. По-моему, это радость обманчивая, хотя и очень увлекательная. Все это образы, которые ниже своего предмета» [7, с. 120].

В следующем письме Аксакова к Страхову от 23 декабря опять затрагивается соловьевская тематика: «Ошибка Соловьева в том, что он уж и планчик изготовил, как это Царствие Божие соорудить, забыв, что Царство Божие не строят, а оно *строится*. Все исторические формы церковные суть только исторические эволюции, сами по себе необходимые и законные, – но они не более как формы, которые, во-первых, не вмещают в себе полноты содержания и не могут вместить, во-вторых, должны быть формами и почитаемы. Всякая форма или буква способна мертвить, и животворит только дух, но без буквы обойтись людям невозможно, и даже Глас Божий с неба, когда вещает человеку, так соблюдает падежи и спрягает глаголы по всем правилам. – Но Церковь основана и не погибнет, как бы ни губили ее грешные люди, а доживет до Царствия Божия, – это несомненно, но она пройдет еще много-много фазисов. Вот Соловьеву угодно Рим считать каким-то вечным началом! Я говорил ему, что Провидение, которое ничего так не боится, как фетишизма, перепугается его слов, возьмет да в один прекрасный день провалит землетрясением и Рим, и могилу Петра⁵⁶², – поминай как звали!» [7, с. 123].

4 июня 1885 г. Аксаков, обращаясь к Страхову по поводу Л.Н. Толстого, упоминает и Соловьева: «Боже меня сохрани заподозривать искренность внутреннего душевного движения в Толстом. Не только признаю я эту искренность, но и отношусь к ней с великим уважением, придаю его религиозному стремлению и исканию великое общественно-историческое значение: в нем сказывается свойство великого *русского* художника. С этой точки зрения я равно уважаю и Соловьева. Ведь это истинный подвиг – проповедовать чуть не папизм и тем подвергать себя чуть не оплеванию, добровольно лишая себя популярности, симпатий молодого поколения и т.д.» [7, с. 141–142].

Тем не менее в письме к тому же адресату от 21 августа Аксаков напишет: «Скажите Соловьеву, что я очень охотно приму и напечатаю его статьи, только без известной тенденции, не о Риме, который он почитает быти вечным, и не о феократии⁵⁶³, с феократической полицией, шпионами и прочими неизбежными аксессуарами государства» [7, с. 145].

14 сентября в газете «Русь» выходит из печати очередная соловьевская статья⁵⁶⁴, подписанная псевдонимом П.Б.Д.⁵⁶⁵ и направленная против М.Н.

⁵⁶² Над могилой апостола Петра в Риме в конце XV века воздвигнут собор Святого Петра, ставший центром Ватикана и католичества.

⁵⁶³ Феократия (теократия) – от греч., буквально – господство Бога; форма правления, при которой верховный правитель государства является одновременно его религиозным главой.

⁵⁶⁴ См.: <Соловьев В.С.> Государственная философия в программе Министерства народного просвещения // Русь. 1885. № 14, 14 сентября. С. 5–8 [42].

⁵⁶⁵ См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1956–1960. Т. 4. 1960. С. 447.

Каткова как крупнейшего представителя «ультраконсервативной» партии. В этой связи 17 сентября 1885 г. Соловьев писал А.А. Фету: «...пытаюсь бо-
дать Каткова в «Руси» за его отрицание философии и унижение религии, а
главное за непрактичность его консервативного доктринерства» [24, с. 230].

Под этим же псевдонимом 19 октября Соловьев опубликовал и открытое
письмо к С.А. Рачинскому. В нем он высказывался против уголовной и цен-
зурной охраны церкви, выступал за упразднение «принудительного право-
славия» и открытую борьбу за религиозную истину⁵⁶⁶. По поводу этой статьи
Соловьев писал брату Михаилу: «Последнюю неделю я проводил в Пус-
тыньке и не читал никаких газет. Перед тем виделся с одной важною петер-
бургскою особой, которая говорила мне, что моя статья в «Руси» произвела
волнение в высших сферах. Надеюсь, однако, что Аксаков не предостере-
жен» [24, с. 92].

Наконец, в декабре 1885 г. в двух номерах «Руси» была помещена еще
одна статья Соловьева об основанной в 1882 г. И. Рабиновичем секте «Виф-
леем», которую философ приветствовал, считая ее первым шагом евреев на
пути к истинному христианству, так как секта начала проповедь Еванге-
лия⁵⁶⁷. В это же время, 15 декабря, Аксаков уведомляет Н.Н. Страхова: «Едет
к Вам В.С. Соловьев. Мы с ним опять сошлись, условившись не касаться во-
проса о латинстве. Но боюсь я его поездки к Штроссмайеру⁵⁶⁸ в Загреб...» [7,
с. 154].

Спустя почти полтора месяца после этих событий, 27 января 1886 г.,
Аксаков скоропостижно скончался.

Однако и после смерти Ивана Сергеевича в отдельных работах Соловье-
ва присутствуют аксаковские сюжеты и цитаты. Так, в декабре 1886 г. Со-
ловьев обращается к М.М. и Л.И. Стасюлевичам: «...если никто из Ваших
сотрудников не занялся вышедшим недавно IV томом сочинений И.С. Акса-
кова (о свободе совести и печати)⁵⁶⁹, то я не прочь был бы сделать из него
статью для В<естника> Е<вропы>, но не начну ее не получивши от Вас отве-
та, ибо я имею в виду преимущественно извлечения из Аксакова – наиболее
сильные места. Самому написать в том же смысле теперь, пожалуй, нельзя, а
выписывать из разрешенной цензурой книги едва ли решаться воспрепятст-
вовать» [24, с. 30]. Такую подборку мыслей Аксакова о свободе совести Со-

⁵⁶⁶ См.: <Соловьев В.С.> Как пробудить наши церковные силы? Открытое письмо к С.А. Рачинскому // Русь. 1885. № 16, 19 октября. С. 5–6 [43].

⁵⁶⁷ См.: Соловьев В.С. Новозаветный Израиль // Русь. 1885. № 24, 14 декабря. С. 7–9; № 25, 21 декабря. С. 6–7 [44].

⁵⁶⁸ Штроссмайер (Strossmayer) Йосип (1815–1905) – один из руководителей хорватской национально-либеральной партии (1860–1873). Стронник федерализации Габсбургской империи, автономии хорватских земель и создания «югославянского комплекса» (хорватские, словенские, сербские земли) в составе Габсбургской империи, культурного и политического сближения славянских народов. Один из организаторов Югославянской Академии наук и искусств в Загребе (1867).

⁵⁶⁹ Аксаков И.С. Полное собрание сочинений в семи томах. Т. 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» и три статьи, вышедшие отдельно. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. VIII. 770 с.

ловьев впоследствии опубликовал⁵⁷⁰. Доказывая свой тезис о полной зависимости русской церкви от государства, Соловьев обильно цитирует Аксакова, с которым его объединяет глубокое убеждение в «подмене идеала», в «замещении правды внутренней» «правдой формальной». Соловьев полностью согласен с Аксаковым, что в русской церкви царит «мерзость запустения», а у ограды церковной стоят не ангелы, охраняющие ее входы и выходы, а «жандармы и квартальные надзиратели – эти стражи нашего русского душеспасения, охранители догматов русской православной церкви, блюстители и руководители русской совести».

В 1887 г. Соловьев по просьбе А.Ф. Аксаковой подготовил предисловие к 7-му тому собрания сочинений Аксакова⁵⁷¹, в котором дал характеристику Аксакову как публицисту и обозревателю общеевропейской политики: «Публицист по призванию, посвятивший политике свои лучшие силы, он был однако решительно свободен от той неустойчивости и поверхностной легкости суждений, которая сделалась как бы необходимою принадлежностью публицистики. С удивительною горячностью чувства отзываясь на политические события, Аксаков никогда не обсуждал их наобум, по одному мимолетному впечатлению. В основе его суждений пылкое патриотическое чувство соединялось с твердыми принципами; поэтому он мог действительно судить явления политической жизни, его отношение к ним могло быть в настоящем смысле критическим, так как у него был необходимый для этого критерий» [47, с. 1].

В конце марта 1887 г. Соловьев прочел в Москве в пользу бедных студентов две лекции на тему «Славянофильство и русская идея». В связи с этим процитируем отрывок из письма Л.И. Поливанова к своему родственнику Н.А. Демидову: «Встреченный шумными рукоплесканиями Соловьев был провожден гробовым и мрачным молчанием. Вдова И.С. Аксакова, которая издает теперь все статьи своего мужа, только что подготовила их, где просила написать предисловие Соловьева, что и было им исполнено; том был отпечатан с этим предисловием и готовился к выходу. Возвратившись со второй и последней лекции С<оловьева>, она немедленно вырезала предисловие С<оловьева> и отослала ему, а в типографию дала знать, чтобы то же было сделано с прочими экземплярами» [40, с. 144–145]. Тем не менее из части тиража 7-го тома предисловие все-таки не было вырезано. А Соловьев «от души простил А.Ф. ее поступок с предисловием и остался с ней в самых близких отношениях...»⁵⁷².

⁵⁷⁰ См. два варианта, подготовленные В.С. Соловьевым в 1888 г.: краткий вариант – в «Русской идее»: Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 230–234 [45]; и расширенная версия (1889 г.) – И.С. Аксаков об официальной русской Церкви // Соловьев Вл. Россия и вселенская церковь. Минск, 1999. С. 312–322 [46].

⁵⁷¹ См.: Соловьев В.С. Предисловие // Аксаков И.С. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. Общеевропейская политика. Статьи разного содержания. Из «Дня», «Москвы», «Руси» и некоторые небывшие в печати. 1860–1886. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1887. С. I–X [47].

⁵⁷² См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. С. 241.

25 мая 1888 г. Соловьев в парижском салоне княгини Сайн-Витгенштейн прочел доклад на французском языке «L'idée russe» («Русская идея»⁵⁷³), в котором он более смело и открыто, чем ранее, критикует цезаро-папистский строй России и цитатами из Аксакова рисует плачевное состояние русской Церкви, превратившейся в «одно из государственных ведомств»⁵⁷⁴.

В этом докладе Соловьев дает следующую характеристику «последнему могикану» славянофильства: «Один из самых выдающихся вождей “русской партии”, горячий патриот и ревностный православный, в своем качестве славянофила открытый враг Запада вообще и римской церкви в частности, питающий отвращение к папству и чувство омерзения к иезуитам, ... он стоял выше обыденных панславистов не только по своему таланту, но и по своей добросовестности, по искренности своей мысли и прямоте своих слов» [45, с. 230].

14 (26) июня 1888 г. Соловьев писал А.Ф. Аксаковой: «По приезде в Париж в первый раз видел во сне Ивана Сергеевича. Очень яркий и кажется знаменательный сон. Будто мы с Вами разбирали бумаги и читали печатные корректуры писем И.С. Встретилось какое-то недоразумение, и Вы меня послали на могилу И.С. спросить его самого. Около могилы был недостроенный дом. Я вошел туда и увидел И.С., очень больного. Он позвал меня за собой, и мы перешли в другое здание, огромное и великолепное. Тут И.С. сделался вдруг совсем молодым и цветущим. Он обнял меня и сказал: я и мы, все помогаем тебе. Тут я спросил его: разве Вы не сердитесь на меня, И.С., за то, что я не согласен со славянофильством? Он сказал: да, немного, немного, но это не важно. Потом мы вошли опять в недостроенный дом, и И.С. опять изменился, лицо его сделалось бледно-серым, и он падал от слабости. Я посадил его на красное кресло с колесами, и он сказал: здесь мне нечем дышать, неоткуда жизнь брать, скорее туда. – Тогда я повез его на кресле к великолепному зданию, – но тут меня разбудили. Утром я помнил больше подробностей этого сна, теперь они сгладились. Это было, должно быть, 27 или 28 апреля (старого стиля)...» [5, с. 254].

А.Ф. Лосев следующим образом комментирует этот сон: «Можно по-разному интерпретировать это сновидение Вл. Соловьева. Но как бы его не интерпретировать, оно, безусловно, отражает беспокойные и неуверенные настроения Вл. Соловьева в связи с выступлениями против славянофилов» [12, с. 66]. Завершая параграф «Славянофилы, западники и Вл. Соловьев», Алексей Федорович замечает, что «отношение Вл. Соловьева к славянофильству является чрезвычайно сложной проблемой, которая включает и такие, например, вопросы, как расположенность Вл. Соловьева к Хомякову и И. Аксакову при отрицательном отношении к славянофильству вообще» [12, с. 298–299].

⁵⁷³ Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. С. 219–246.

⁵⁷⁴ Там же. С. 230–234.

Таким образом, анализ переписки двух выдающихся личностей своего времени, И.С. Аксакова и В.С. Соловьева, позволил нам выделить в истории их взаимоотношений пять периодов:

1. Знакомство (первая половина 1875 г.) и общение (вторая половина 1870-х годов). Этот период в целом остается пока «белым пятном» в истории их взаимоотношений – это касается и точной даты знакомства, и возможных встреч, и переписки с другими адресатами.

2. Сотрудничество (с конца 1881 г. и до окончания 1883 г.): статьи Соловьева в аксаковской газете «Русь» («О духовной власти в России», «О церкви и расколе», «Великий спор и христианская политика», «Об истинном деле (в память Достоевского)», «Несколько слов о наших светских ересьях о сущности церкви», «Заметка по поводу новых христиан»), и полемика (с февраля 1883 г. по апрель 1884 г.) – публикации Соловьева: «Несколько объяснительных слов по поводу «Великого спора», в ответ на примечания о. прот. А.М. Иванцова-Платонова», «О народности и народных делах в России», «Любовь к народу и русский народный идеал (Открытое письмо к И.С. Аксакову)»; статья Аксакова «Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывавшихся в статьях В.С. Соловьева». В это же время между ними происходит и переписка: декабрь 1882 г. – апрель 1884 г. (в 1913 г. опубликовано 15 писем Соловьева и 5 писем Аксакова).

3. Охлаждение в отношениях (с апреля 1884 г. по август 1885 г.). Этот период также еще недостаточно исследован.

4. Период краткого возобновления сотрудничества (сентябрь – декабрь 1885 г.): статьи Соловьева в газете «Русь» («Государственная философия в программе Министерства народного просвещения», «Как пробудить наши церковные силы? Открытое письмо к С.А. Рачинскому», «Новозаветный Израиль»). Это сотрудничество обрывается внезапной кончиной Аксакова.

5. Упоминание аксаковских сюжетов и цитат в творчестве Соловьева после кончины Аксакова («Русская идея», «И.С. Аксаков об официальной русской Церкви», «Предисловие» к седьмому тому собрания сочинений Аксакова, «Из воспоминаний. Аксаковы»).

Наконец, важно обратить внимание на то, что, несмотря на расхождения во взглядах и острую полемику, И.С. Аксаков и В.С. Соловьев сумели на протяжении всей их истории взаимоотношений сохранить взаимное уважение и добрые чувства.

Список литературы

1. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? / сост., вступ. ст., примеч. В.Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002. 1008 с.

2. Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Философская публицистика / вступ. ст. В.Ф. Асмуса; сост. и подгот. текста Н.В. Котрелёва; примеч. Н.В. Котрелёва и Е.Б. Рашковского. М.: Изд-во «Правда», 1989. 688 с.

3. Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика / сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Котрелёва и Е.Б. Рашковского. М.: Изд-во «Правда», 1989. 736 с.
4. Переписка Владимира Сергеевича Соловьева с Иваном Сергеевичем Аксаковым / вступ. ст. М. Зайдеман // Русская мысль. 1913. № 12. С. 73–90.
5. Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция / послесл. П.П. Гайденоко; подгот. текста И.Г. Вишневецкого. М.: Республика, 1997. 432 с.
6. Письма русских писателей к А.С. Суворину / подгот. к печати проф. Д.И. Абрамович. Ленинград: Гос. публ. б-ка, 1927. С. 3–20, 195–197.
7. И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка / сост. М.И. Щербакова; Группа славянских исследований при Оттавском университете; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Оттава: Оттавский университет, 2007. VIII, 192 с.
8. Сташнева М.А. Социально-политическая программа газеты И.С. Аксакова «Русь» (1880–1886 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2011. 259 с.
9. Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 297 с.
10. Предисловие В.С. Соловьева к седьмому тому собрания сочинений И.С. Аксакова / вступ. ст., подгот. к публ. и примеч. С.В. Мотина // СОФИЯ: Альманах. Вып. 3: Евразийство и А.Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Словохотов А.А., 2013. С. 313–331.
11. Котрелёв Н.В., Рашковский Е.Б. Примечания // Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 640–685.
12. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
13. Соловьев В.С. Из воспоминаний. Аксаковы // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 656–663.
14. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники / пер. с франц. Л.В. Гладковой. 3-е изд., доп. М.: Захаров, 2004. 592 с.
15. Речь, произнесенная И.С. Аксаковым в Петербургском Славянском обществе 22 марта 1881 года // Русь. 1881. № 20, 28 марта. С. 2–4.
16. <Лекция Вл. Соловьева, прочитанная им 28 марта 1881 года в зале кредитного общества> / публ. С.Б. Роцинского // Соловьевские исследования. 2013. Вып. 1 (37). С. 75–82.
17. Письма И.С. Аксакова О.А. Новиковой. В письмо № 3 вложено письмо В.С. Соловьева к Александру III / НИОР РГБ. Ф. 126. К. 8337а. № 7. 8 л. 4 письма 1881 г. 2 конверта.
18. Соловьев В.С. О духовной власти в России (по поводу последнего папского воззвания Св. Синода) // Русь. 1881. № 56, 5 декабря. С. 10–14.

19. Аксаков И.С. Москва, 5 декабря. <Об отношении современного прогресса к христианству (по поводу статьи В.С. Соловьева «О духовной власти в России»)» // Русь. 1881. № 56, 5 декабря. С. 1–4.
20. Соловьев В.С. О церкви и расколе // Русь. 1882. № 38, 18 сентября; № 39, 25 сентября; № 40, 2 октября.
21. Аксаков И.С. Москва, 2 октября. <По поводу статьи В.С. Соловьева о церкви и расколе> // Русь. 1882. № 40, 2 октября. С. 1–3.
22. Материалы, касающиеся издания газеты «Русь» / РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 39. Л. 16–16 об.
23. Бадалян Д.А. Газета И.С. Аксакова «Русь» и цензура // Русская литература. 2006. № 1. С. 94–115.
24. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 1–4 / под ред. [и с предисл.] Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923. Т. 4. 1923. 243 с.
25. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Русь. 1883. № 1. С. 20–30; № 2. С. 17–23; № 3. С. 17–29; № 14. С. 27–37; № 15. С. 14–23; № 18. С. 11–18; № 23. С. 25–32.
26. Флоровский Г.В. Тютчев и Владимир Соловьев (Глава из книги) // Путь. <Париж>, 1933. № 41. С. 3–24.
27. Соловьев В.С. Несколько слов о наших светских ересьях о сущности церкви // Русь. 1883. № 7, 1 апреля. С. 13–19.
28. Соловьев В.С. Заметка по поводу новых христиан («Наши новые христиане» и т.д. К. Леонтьева. Москва, 1882) // Русь. 1883. № 9, 1 мая. С. 39–43.
29. Иванцов-Платонов А., прот. Примечания к VI статье В.С. Соловьева // Русь. 1883. № 18, 15 сентября. С. 29–34.
30. Соловьев В.С. Несколько объяснительных слов по поводу «Великого спора», в ответ на примечания о. прот. А.М. Иванцова-Платонова // Русь. 1883. № 19, 1 октября. С. 38–42.
31. Иванцов-Платонов А., прот. Ответ на «Несколько объяснительных слов» В.С. Соловьева // Русь. 1883. № 19, 1 октября. С. 42–45.
32. Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб.: Наука, 1998. 365 с.
33. Киреев А. Несколько замечаний на статьи В.С. Соловьева «Великий спор» // Русь. 1883. № 21, 1 ноября. С. 26–38.
34. Соловьев В. Великий спор и христианская политика. М.: Тип. М.Н. Лаврова и Ко, 1883. 260 с.
35. Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.
36. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 1–4 / под ред. [и с предисл.] Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923. Т. 2. 1909. VIII, 367 с.

37. Медоваров М.В. К истории взаимоотношений А.А. Киреева и Вл.С. Соловьёва // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 234–239.

38. Аксаков И.С. <Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывавшихся в статьях В.С. Соловьёва> // Русь. 1884. № 6, 15 марта. С. 2–14; № 7, 1 апреля. С. 2–16.

39. Соловьёв Вл.С. Любовь к народу и русский народный идеал (Открытое письмо к И.С. Аксакову) // Православное обозрение. 1884. Апрель. С. 792–812.

40. Владимир Соловьёв в восьмидесятые годы. По его письмам к А.Ф. Аксаковой, а также по записям и переписке А.А. Киреева // Звезда. 1996. № 1. С. 140–158.

41. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. М.: Университетская тип. (М.Н. Катков), 1884. 107 с.

42. <Соловьёв В.С.> Государственная философия в программе Министерства народного просвещения // Русь. 1885. № 14, 14 сентября. С. 5–8.

43. <Соловьёв В.С.> Как пробудить наши церковные силы? Открытое письмо к С.А. Рачинскому // Русь. 1885. № 16, 19 октября. С. 5–6.

44. Соловьёв В.С. Новозаветный Израиль // Русь. 1885. № 24, 14 декабря. С. 7–9; № 25, 21 декабря. С. 6–7.

45. Соловьёв В.С. Русская идея // Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 219–246.

46. И.С. Аксаков об официальной русской Церкви // Соловьёв Вл. Россия и вселенская церковь. Минск, 1999. С. 312–322.

47. Соловьёв В.С. Предисловие // Аксаков И.С. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. Общеввропейская политика. Статьи разного содержания. Из «Дня», «Москвы», «Руси», и некоторые не бывшие в печати. 1860–1886. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1887. С. I–X.

Государственный вопрос в публицистике И.С. Аксакова

См.: Аксаков, И.С. Сочинения: в 7 т. Т. 5. Государственный и земский вопрос; Статьи о некоторых исторических событиях: Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси» / И.С. Аксаков. Москва: тип. М.Г. Волчанинова, 1887. С. 3–189.

Начнем статью с двух важных цитат, характеризующих публициста-славянофила Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) в качестве политического мыслителя.

Религиозный философ и богослов Василий Васильевич Зеньковский в книге «Русские мыслители и Европа» (1-е изд. 1926 г.) утверждал: «Иван Аксаков, один из самых выдающихся наших политических мыслителей. Принадлежа по всем своим связям к славянофилам, Иван Аксаков всегда сохранял свою собственную – независимую и оригинальную личность, не терялся среди других; самая поразительная черта в нем – это удивительная внутрен-

няя свобода, способность чутко и трезво относиться к действительности. Обладая блестящими организаторскими способностями, особенно развернувшимися в его деятельности в Москве в качестве председателя Славянского общества, Иван Аксаков был глубоким мыслителем, смелым и трезвым, верующим и в то же время тонко образованным» [2, с. 65].

Политический деятель и религиозный мыслитель Лев Александрович Тихомиров в своем обширном исследовании «Монархическая государственность» (1-е изд. 1905 г.) отмечал: «Русская политическая мысль, насколько она сделала успехов в национальном духе, всем обязана не государственной науке, которая прививала европейские идеи и понятия, а публицистике. Среди ее представителей особенно много сделали славянофилы вообще, а И.С. Аксаков в частности, и особо от них стоящий М.Н. Катков. <...> Вообще разнообразная работа славянофилов очень многосторонне подготовляла почву для политического учения, хотя все-таки не создала его. Наиболее подошел к этой задаче И.С. Аксаков в своей вечно боевой публицистической деятельности, в период реформ, в пылу политической борьбы. На такой же почве борьбы развивал свои политические идеи М.Н. Катков. Это два писателя, у которых чаще всего ищут русского учения о государственной власти» [4, с. 279, 280].

В 1887 году в пятом томе семитомного собрания сочинений И.С. Аксакова были опубликованы его передовые статьи, посвященные государственному и земскому вопросу [см.: 1, с. 3–596]. Государственному вопросу в этом томе посвящена 21 статья [1, с. 3–189]. Заметим, что этим статьям названия были даны не самим автором, а составителями его собрания сочинений.

Вот названия этих статей (в скобках – дата их первой публикации): 1. По поводу празднования тысячелетия России (8.9.1862). 2. Русское самодержавие – не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм (2.10.1865). 3. «Пора домой!» (10.3.1881). 4. Две реальные государственные силы в России: Царь и народ (14.3.1881). 5. Речь, произнесенная И.С. Аксаковым в Петербургском Славянском обществе 22 марта 1881 г. (22.3.1881). 6. Возражение на отзыв корреспондента «Нового Времени» о речи 22 марта (9.4.1881). 7. По поводу Высочайшего Манифеста 29 апреля 1881 г. (2.5.1881). 8. О правильной постановке местного самоуправления (9.5.1881). 9. О «Записке» К.С. Аксакова, поданной императору Александру II (23.5.1881). 10. О статье Ю.Ф. Самарина по поводу толков о конституции в 1862 году (30.5.1881). 11. По поводу первого приезда Государя Александра III в Москву после его воцарения (18.7.1881). 12. Опора Русского самодержавия – Земская Россия (18.7.1881). 13. О настоящем значении наших древних земских соборов (22.5.1882). 14. Наши «сегодня», «вчера» и «третьего дня» (29.5.1882). 15. По поводу книги «Против течения» Варфоломея Кочнева (26.6.1882). 16. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего (15.5.1883). 17. После коронации (1.6.1883). 18. В русском самодержавии для нас залог истинной гражданской и социальной свободы (1.2.1884). 19. По поводу совершеннолетия Государя Наследника Николая

Александровича (15.5.1884). 20. Не в реакции спасение, а в ясном разумении нашего государственного строя (1.11.1884). 21. Что значит: выйти нашему правительству на исторический народный путь? (15.11.1884). Первые две статьи были опубликованы в газете «День», а все остальные – в газете «Русь».

Подробнее остановимся только на одной из самых содержательных, на наш взгляд, статей (№ 18) этого цикла [1, с. 138–154]. Эта передовая написана Аксаковым по поводу статьи Каткова в газете «Московские ведомости», № 12 от 11.1.1884 г. [см.: 3, с. 20–25], которая «касается самых существенных начал нашего политического и общественного бытия» [1, с. 138].

После цитирования ряда важнейших положений указанной статьи Иван Сергеевич пишет: «Мы конечно не можем не сочувствовать со всем тем, что высказано “Московскими Ведомостями” о происхождении и значении у нас монархического начала или единодержавия. Все это читателям “Руси” вполне знакомо, так как неоднократно, на разные лады, излагалось, развивалось и истолковывалось на страницах нашего издания в продолжении трех лет его постоянной борьбы с конституционными “веяниями” в русском обществе. В 10-м № прошлого года, по случаю венчания на царство в Успенском Соборе Государя Императора Александра III, мы также очертили взгляд наш на русскую форму правления. Учено-историческое и философское объяснение этого нашего исконного “государственного начала” дано было впервые в нашей литературе еще почти 40 лет назад Ю.Ф. Самариным, <А.С.> Хомяковым, К.С. Аксаковым, затем возобновлялось ими несколько раз и позднее – именно в “Русской Беседе”, и особенно в оживленной полемике с “Русским Вестником” конца 50-х годов... <...>

Да, монархическое начало росло у нас одновременно с Русским народом, единодержавие выработано тяжким процессом, трудом и борьбой всей русской истории, так что коренится не только в инстинктах народа, но и в его сознании как народа исторического, как политического организма. Другими словами: это учреждение в России вполне *национальное*, – оно не мыслится вне народности, которая в свою очередь не мыслится вне Православной церкви. Не бездушным, искусно сооруженным механизмом является (по народным понятиям) верховная власть в России – выразились мы однажды в “Руси”, – а с человеческою душою и сердцем... “В том-то вся и сущность союза Царя с народом, что божественная нравственная основа жизни у них едина, единый Бог, единый Судия, един Господень закон, единая правда, единая совесть. На совести, на вере в Бога и на страхе Божиим утверждаются их взаимные отношения... Русское гражданское общежитие не только не отвергает высшего, божественного над собою начала, а напротив, носит его в себе как душу в теле» [1, с. 141–142].

Ныне хорошо известно, что «как славянофил и политический мыслитель консервативного направления И.С. Аксаков руководствовался рядом идеологических принципов, отличавших русский консерватизм от современного

ему западноевропейского и, в упрощенном виде, сводимых к известной формуле “православие, самодержавие, народность”» [подр. см.: 5].

Затем Аксаков применительно к реформам Петра I высказывается уже сугубо по-славянофильски, т.е. весьма критически: «Действительно, принцип самодержавия перенесен и в новый начавшийся, так называемый петербургский период России, но несколько помутившийся в сознании носителей власти... Россия осталась православною, Православная церковь признана “господствующею”, но ее функции, как учреждения, были извращены: она взята была в казну, низведена на степень одного из официальных “ведомств”, облечена в мундир, разрознена с общественною жизнью страны, почти парализована в своих силах... В чистоте своей “историческое существо России” перешло только в *народ*, в тесном смысле слова, – в ту массу народную, которой почти вовсе не коснулись преобразования, которую они напротив оттеснили, уединили, обособили от нового государственного движения и строя. Народ ушел в самого себя, дивясь, недоумевая – что такое над ним творится, но свято храня верность своим историческим преданиям и заветам, сознавая в себе великую силу долготерпения и веруя, что в конце концов она может все *перебыть*. В своей инстинктивной государственной мудрости он пуще всего остерегал и доселе стережет собственно одно: целостность своего исторического государственного начала, т.е. неприкосновенность самодержавной власти. Он относился ревнивей к этой неприкосновенности и лучше, с большею историческою точностью ее понимал, чем относились к ней и понимали ее в самой среде правительственной, а в иные времена – даже на высотах самой власти. И так как этой народной массы считается у нас чуть не 80%, то, разумеется, истинный центр тягости Русского государства лежит в ней, в народе, – в нем же и залог нашего будущего национально-духовного возрождения. Тем не менее, благодаря совершенному при Петре перевороту, русское “государственное начало” действует и развивается уже в атмосфере более или менее чуждой его историческому существу, отрешенное, оголенное от стихии народного духа» [1, с. 144].

Ниже публицист-славянофил продолжает: «Дело теперь уже в том, чтобы действительно найти себя и познать, – чтобы хоть теперь-то признать странствие странствием и уметь различать свое от чужого; чтобы хоть в настоящее время, возвращаясь домой, не обращаться к своему народу со словами немецкой консервативной команды или французской либеральной проповеди, – не приступать к русской жизни с чужими весами и мерой, не смотреть на нее как на бездушный материал, *почтить* ее права, уразуметь ее смысл...

Петр без сомнения чувствовал себя русским самодержцем вполне, был во власти как в родной стихии; но он был не теоретик и сам не отдавал себе отчета – какими *чуждыми* ей, извне заимствованными атрибутами обставлял он *русскую* царскую власть. В его время и Пруссия, и Австрия, и Франция были “абсолютными монархиями”, и он едва ли догадывался о различии ме-

жду ними и русским единодержавием по существу. А различие неизмеримое, – это признают и “Московские Ведомости”» [1, с. 145].

Затем Иван Сергеевич предлагает характеристику отечественного единодержавия и тем изменениям, которые в него внесли петровские преобразования: «...Русский Царь не есть ни “первый дворянин”, ни представитель какого-либо господствующего в данную пору сословия, ни вождь известного разряда единомышленников, захвативший власть. Безусловно верно выражение “Московских Ведомостей”, что положение русского Самодержца возвышено над всеми сословиями и партиями, и интересы его пребывают в совершенной общности с благом народным и государственной пользой. Но в том-то и дело, что такое значение русской власти перестало быть всегда присутствующим ее сознанию с наступлением петербургского периода русской истории. <...> Московские цари состояли в живом, непрерывном искреннем общении со всею землею. А между тем, после Петра власть обставляется такими мерами политической предосторожности, как будто русский Монарх есть завоеватель или узурпатор!... Впрочем, Петр действительно совершал над Русскою землею завоевание: положим – *культурное*, однако же не мирное, а насильственное. Он находил нужным сломить и задавить всякую силу, представлявшую какую-либо нравственную или бытовую самостоятельность, от которой он мог ожидать себе оппозиции. Мысль о *земщине*, – так ярко выдвинутая вперед до-Петровским самодержавием, начиная с Ивана IV, – при Петре и преемниках его, с водворением западных порядков, замирает; государство утрачивает свой земский характер; идея государства противопоставляется идее земли, словно посторонняя сила. И она в самом деле становится постороннею народу уже по самой внешности, с ее немецким костюмом, немецкими кличками, почти немецким языком. Петр создает себе целую армию чиновников; создает для будущего русского общества рамки из четырнадцати немецких рангов; всеми способами стремится подорвать всякое предание старины, на все накладывает печать отрешенности от народа и народности. Он заводит неизвестный доселе Русской земле тип – “казенного человека”; советуется с Лейбницем о системе управления Русским царством и учреждает коллегии с непонятными иностранными названиями; издает по немецкому образцу знаменитый “Регламент” для письмоводства в присутственных местах, заводит “канцелярию” и подчиняет ей всю Россию... Он обращает церковь в “Духовное Коллегиум” с тем же регламентом и канцелярией, умышленно и резко проводит грань, неведомую доселе в русской жизни, между *светским* и *церковным* или религиозным, – чрез что создаются две разных области, два мирозерцания противоположные, почти враждебные друг другу, две системы воспитания, – и нарушается цельность народного духа в общественных классах... <...> До Петра, пока наше “государственное начало” сохраняло свое *историческое существо*, голос земли мог свободно и беспрепятственно доходить до Самодержца, но в России петербургского периода, при постоянных подобострастных подражаниях западноевропейским

образцам абсолютизма, произошла такая подтасовка понятий и идеалов, что между землею и Самодержцем возникло плотное бюрократическое средостение... Создался истинно-невыносимый порядок, вывезть из которого Россию и пытались реформы прошлого царствования <Александра II>» [1, с. 145–147, 148].

Следующий фрагмент аксаковской статьи посвящен западно-европейской науке государственного права и отсутствию русского государственного права:

«По мере того, как реформы Петра стали проникать *отвне* – внутрь, в самое сознание русских людей, перелаживался постепенно весь склад понятий русского общества, совершалось перерождение духовное, русские основы жизни забывались русскою “образованною” средою до неузнаваемости при встрече с ними в действительности; знакомство с западною историей (при полном неразумении *своей*), с западными науками, особенно политическими, наполнило русские, совершенно уже опорожненные от всякой народной стихии, умы – новыми, чуждыми политическими идеалами и “научными истинами”... А ведь с точки зрения западно-европейского исторического опыта, возведенного в философскую теорию, с точки зрения *западно-европейской науки государственного права*, русское историческое государственное начало – не более как *nonsens*, аномалия. Для него нет *юридической нормы* в западно-европейской науке. Западная идея “правового порядка” (*Rechtsstaat*), в котором все взаимные отношения в гражданском общезжитии, равно и отношения к власти, формулированы юридически, обусловлены точными выводами внешнего формально-логического разума, – с ним, с русским государственным началом, не может мириться. Тот, для кого истина определяется мерой, весом и счетом (например, не качеством, а количеством голосов, хотя бы и подтасованных), не может и вместить в свой ум такое отношение, которое основывается на взаимном доверии, на *Вере*, обуславливается совестью или страхом *Божиим*... Наше же русское государственное право до сих пор даже вовсе и не возведено в философское или научное сознание; оно не имеет права гражданства в западно-европейской науке, а *русской науки* этого *права* вовсе и не существует. Русские ученые юристы – большею частью немецкие *гелертеры* <т.е. ученые> русского происхождения. Русский преподаватель государственного права, который и не имеет, да и не смеет иметь, другого юридического мирозерцания, кроме воспринятого им у своих учителей, т.е. германского или вообще западно-европейского, вынужден по неволе, коснувшись основ русского государственного строя, стыдливо опускать очи долу и относиться к ним лишь как к *факту* – громадному, многовековому, с которым конечно приходится считаться, но который противоречит всем требованиям науки и цивилизации, – к факту, следовательно, временному!..

Каково однако ж положение страны, которая, – равняясь целой пятой части света, со стомиллионным населением, с тысячелетним историческим

бытием, – поставлена своими же учеными как бы *вне закона* или “вне науки”, – чувствует себя постоянно перед “наукою” в положении подсудимой или виноватой, и приглашается... признать, чуть не с легким сердцем, что вся она, т.е. вся Восточная Европа, она же и Россия, не более как наглый факт (*un fait insolent*), – что и ничего ей более не остается, как отречься от самой себя, от своего исторического существа и образа, и поплестись смиренно вслед за Европою Западною, по извилинам ее мысли и ее исторических путей!..» [1, с. 149–151].

Аксаков продолжает: «Повторяем: уже свыше 150 лет, как мы – классы образованные, интеллигенция – усердно воспитываемся в подобном направлении, всасываем иноземное мирозерцание чуть не с молоком матери, и почти даже и не пытаемся *осмыслить для себя Россию*. А между тем над неосмысленным, хотя и громадным, всемирно-историческим этим фактом – разве не мы же призваны орудовать с нашим западно-европейским мышлением?... И орудуем, и вносим поэтому неизбежно – внутреннее противоречие с историческим существом России во все наши законодательные акты» [1, с. 151].

И.С. Аксаков завершает свою статью следующими словами: «...говоря о русском самодержавии, необходимо прежде всего уразуметь *вполне* его историческое существо, отсечь от него все наносное – все что принадлежит теории и практике чуждого России не только “либерализма”, но и “консерватизма”».

Если мы всею душою враждебны конституционализму, то именно потому, что видим в русском самодержавии, в полноте нашего русского христианского исторического существа – залог лучших, разумнейших форм политического бытия и такой *истинной* гражданской и социальной свободы, создать которую не способны никакие конституции Запада...» [1, с. 154].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что И.С. Аксаков развивал идею органичного сочетания самодержавной власти (Царя) и самоуправляющейся местной жизни (Земли, народа). Публицист-славянофил пытался обосновать, что развитие России может совершаться по русскому пути гармонично, если правительство будет, главным образом, опираться на инициативы просвещенной части общества, а не на полицейские репрессии и бюрократический формализм.

Список литературы

1. Аксаков, И.С. Сочинения: в 7 т. Т. 5. Государственный и земский вопрос; Статьи о некоторых исторических событиях: Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси» / И.С. Аксаков. – Москва: тип. М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1887. – VI, 675 с.

2. Зеньковский, В.В. Русские мыслители и Европа / В.В. Зеньковский. – Москва: Республика, 2005. – 368 с.

3. Катков, М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей: 1884 год / М.Н. Катков. – Москва: Издание С.П. Катковой, 1898. – [2], VI, 671 с.

4. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – Москва: АЙРИС ПРЕСС, 2006. – 619 с.

5. Ширинянц, А.А. Монархизм И.С. Аксакова / А.А. Ширинянц, Е.Б. Фурсова // Слово. Православный образовательный портал. 2008. (URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/39646.php> (дата обращения 20.09.2020)).

Кончина И.С. Аксакова

См.: Кончина И.С. Аксакова: републикация / подгот. С.В. Мотин // Аксаковский сборник. Выпуск V. Уфа, 2008. С. 44–49.

25 января 1886 г. был выпущен последний прижизненный номер – № 30 – последней газеты Ивана Сергеевича Аксакова «Русь», которую он издавал более 5 лет – с 15 ноября 1880 г. На последней – 16-й – странице этого номера среди других объявлений можно было узнать следующее: «Вышли и раздаются гг. подписчикам тома 1-й и 2-й Полного собрания сочинений Сергея Тимофеевича Аксакова».

А 27 января И.С. Аксакова не стало... После его кончины были изданы особое приложение и еще три номера (№№ 31-33) газеты «Русь». Так, 29 января в виде одностраничной листовки вышло «Особое приложение» к № 30, в котором вдова И.С. Аксакова Анна Федоровна Аксакова и сотрудники газеты извещали подписчиков о кончине И.С. Аксакова.

1 февраля вышел из печати № 31 «Руси», который успел приготовить еще сам И.С. Аксаков. Однако в этом номере обычной передовой статьи главного редактора уже не было. 13 февраля и 1 марта были изданы последние два номера газеты «Русь», в которых опубликованы телеграммы, речи, письма и стихи в память И.С. Аксакова. Кроме того, в последнем номере газеты подробно описаны отпевание и погребение усопшего, а в предпоследнем номере на 2 и 3 страницах газеты представлен материал без подписи под названием «Кончина И.С. Аксакова», который мы вам ниже и предлагаем.

По возвращении из Крыма, в мае прошлого года¹, Иван Сергеевич провел лето на даче близ Москвы, в селе Спасском². Силы его настолько восстановились, что, когда в августе он снова приступил к изданию «Руси»³, он чувствовал себя вполне здоровым и бодрым. Это состояние продолжалось до Филиппопольского переворота⁴. По мере того, как развивались события и выяснялось направление, принятое в славянском деле нашей дипломатией, возрастала тревога и усиливалось нервное волнение Ивана Сергеевича, а начиная с № 23, все статьи были писаны им в страшном нервном возбуждении⁵.

Однажды, незадолго до смерти, Иван Сергеевич сказал жене: «Что

удивляться, что сердце болит! Разве такие статьи, как мои последние, можно иначе писать как сердцем?». Душевные мучения подтачивали его больной организм, ослабленный к тому же в последнее время сильными геморроидальными припадками, начавшимися в конце декабря и страшно изменившими его вид. Попробовали давать ему железо против малокровия, но приуждены были бросить это средство вследствие болезни сердца, замеченной докторами у Ивана Сергеевича еще прошлую зиму перед поездкою его в Крым. Тем не менее покойный скрывал, по возможности, свой недуг и даже самого себя старался уверить, что может работать безнаказанно. И он работал усиленно, выезжал, и как бы спешил исполнить все, что по его мнению, составляло долг дружбы или входило в круг его обязанностей. Недели за две, до кончины, после одного из вечерних собраний, бывавших у Ивана Сергеевича каждую пятницу, с ним сделался обморок; но затем, вследствие прекращения истощавших его припадков, он стал видимо поправляться, даже краска здоровья как будто показалась на его исхудалом лице. Тем не менее друзья уговорили Ивана Сергеевича посоветоваться с доктором Захарьиным⁶. В четверг, 23 января, он написал Григорию Антоновичу письмо и просил его назначить свиданье в субботу, воскресенье или понедельник – дни следования за выходом «Руси» и потому более свободные для Ивана Сергеевича. Д-р Захарьин просил его приехать в 7 часов вечера в воскресенье, 26 января. В этот день Иван Сергеевич чувствовал себя особенно хорошо, за обедом был весел и, смеясь, говорил жене: «Мне просто совестно ехать к Захарьину – что я ему скажу?»

Однако, в назначенное время Иван Сергеевич все-таки поехал и вернулся домой только в половине двенадцатого. Входя в переднюю, он сказал жене: «Можешь быть совершенно спокойна, Захарьин говорит, что у меня в сердце нет ничего. У меня хроническое воспаление нервов грудной клетки, что конечно отзывается и на деятельности сердца. Он говорит, что это можно отстранить мушками и некоторыми лекарствами. Впрочем, я так утомлен долгим исследованием, что говорить с тобою сегодня не буду. Завтра расскажу все». Справедливость требует, однако, добавить, что либо Иван Сергеевич не захотел всего сказать жене, либо что д-р Захарьин намеренно не все передал ему из того, что им было найдено при исследовании. Из сказанного д-ром Захарьиным на другой день, но еще до кончины Ивана Сергеевича, ясно, что исследование обнаружило у него старческий порок сердца, которого лечить нельзя; с ним можно жить долго, но может от него жизнь прерваться и внезапно. Во время этой консультации Иван Сергеевич был, по видимому, в возбужденном состоянии, говорил много и был не в силах сдерживать себя. Но не во власти врачей определять день и час, когда человеку суждено отдать душу Богу; еще менее могли опасаться быстрого исхода болезни Ивана Сергеевича в семье его, которой далеко не все было известно.

Вернувшись от д-ра Захарьина, Иван Сергеевич немедленно лег и заснул спокойно, но через час проснулся и сказал: «Мне очень дурно»; он просил,

чтобы ему поставили горчичники и принял капле; тем не менее припадок продолжался почти всю ночь. К утру, по желанию Ивана Сергеевича, послали за ассистентом д-ра Захарьина, который накануне вечером участвовал в исследовании больного. Когда припадок окончился, Иван Сергеевич уснул довольно тихо. В это время явился ассистент д-ра Захарьина; Анна Федоровна сказала ему, что с Иваном Сергеевичем был такой припадок, какого до того времени никогда не бывало; но врач успокаивал ее, говоря, что он не находит ничего серьезного в состоянии больного, что это последствия утомления от вчерашней консультации, что надо дать больному выспаться, тогда все пройдет, и прописал успокоительные капли. Около 11 часов Иван Сергеевич почувствовал себя бодрее; его перевели в кабинет и положили на кушетку. «Вот, когда я расплачиваюсь за неумеренный труд во время моего недуга», сказал он жене. Старались дать уснуть Ивану Сергеевичу; на него напала дремота, а по временам с ним начал делаться легкий бред. Тогда Анна Федоровна послала за Н.М. Павловым⁷ и Д.Ф. Самариним⁸, близкими друзьями покойного. Они приехали в начале третьего, и было решено немедленно ехать за доктором. Первую медицинскую помощь удалось однако подать больному только без четверти в 6 часов. Эти три часа слишком, прошедшие в ожидании врача, были ужасны, так как состояние больного быстро ухудшалось. Иван Сергеевич производил впечатление человека, находящегося в предсмертной тоске: он не терял сознания, но не мог одолеть дремоты, которая овладевала им; по временам он говорил голосом, исходившим как бы из глубины груди, и при этом путал некоторые слова. «Меня неотступно преследуют три пункта», говорил он. «Сербия, Сербия... это меня уже не интересует, но я не могу отвязаться от этих мыслей». Несколько времени спустя он сказал жене: «Кажется, придется выпустить этот номер без передовой статьи, материала у них довольно. Как бы не пришлось отменить и пятницу». Ударили в колокол в храме Христа Спасителя⁹. «Что это?» спросил Иван Сергеевич, пробуждаясь от дремоты. «Это звонят к вечерне», отвечали ему. И опять возобновилась тоска... Иван Сергеевич лежал бледный и томился; он жаловался на давление, ощущаемое им во лбу, на жажду, на пот, который выступал у него на лице. «Нельзя ли освежить голову?» Ему подали смоченное водою полотенце; он утерся. «Теперь легче», сказал он. Он попросил, чтобы его пересадили в кресло; придвинули кресло к кушетке и пересадили его; голова лежала на подушках, которыми обложили его. Иван Сергеевич оставался один с Анною Федоровной... Только по временам входил к нему один из оставшихся в доме друзей его, другой в это время хлопотал о докторе. Тревожно было впечатление, которое производил Иван Сергеевич, и все-таки окружающие не теряли надежды, в виду слов, сказанных утром врачом. Внесли в кабинет кровать, Ивана Сергеевича перевели под руки и положили на кровать. С ним возобновился такой же припадок, как ночью; Анна Федоровна распорядилась опустить руки и ноги Ивана Сергеевича в горячую воду; это облегчило его, но дыхание было тяжело; болезнь принимала все бо-

лее и более угрожающий характер. Иван Сергеевич стал молиться вместе с женою и громко, ясно и твердо прочитал: «Отче наш» и молитву Богородице.

Наконец, приехал ассистент д-ра Захарьина, видевший Ивана Сергеевича утром, выслушал сердце, поставил горчичники, обложил больного бутылками горячей воды, хотел сделать подкожное впрыскивание, но Иван Сергеевич отвернулся к стене и сказал громко, с досадой: «Оставьте меня, я хочу спать, спать, спать!» Послали к священнику просить его, чтобы он пришел со Святыми Дарами; напомнили врачу, что д-р Захарьин советовал поставить мушку, и что она готова. Ивану Сергеевичу приподняли голову и сказали, что ему надо ставить мушку. «Делайте, что хотите», сказал он в полном сознании; это было около четверти седьмого. Но все эти средства видимо не помогали, положение больного становилось явно безнадежно. Прибывший местный приходской священник, И.Я. Смирнов, причастил Ивана Сергеевича Святых Христовых Таин; он слабо вздохнул несколько раз и безболезненно испустил дух; можно было думать, что он заснул. Приехал духовный отец Ивана Сергеевича, протоиерей А.М. Иванцов-Платонов¹⁰, обратился со словами утешения к Анне Федоровне, и прочел у изголовья отошедшего в вечность молитву на исход души. Вдову отвели в другую комнату, к постели почившего подошел приехавший д-р А.Я. Кожевников и мог только удостовериться, что то была действительно кончина.

Тело омыли, одели в черное платье, положили на железную кровать и покрыли белой простыней; поставили кровать среди комнаты, и первую панихиду отслужил вместе с приходским священником друг покойного, протоиерей А.М. Иванцов-Платонов.

Через час после смерти Ивана Сергеевича, принесена была телеграмма, адресованная на его имя: «Гродно, 27-го января, 5 ч. 38 м. по полудни. Празднуй день Святого Иоанна Златоуста на окраине России, вспоминаем Русского Златоуста, борца за православие и славянскую идею, Ивана Сергеевича Аксакова. Протоиерей Опоцкий, Муравьев, Кузнецов, Говес, Каюк, Цветкова, Игнатова, Кожевникова 1-я, Кожевникова 2-я, Ванков, Стоянов, Игнатов, Цветков, Кожевников 1-ый, Кожевников 2-ой, Воложевич, Рязанский, Гвоздев, Воевник, Волкова, Алясеева».

Да, то был действительно Русский Златоуст, борец за православно-славянскую идею, но он лежал бездыханный, уста его умолкли навсегда...

¹ 9 февраля 1885 г. на первой странице № 6 газеты «Русь» было помещено объявление о приостановке издания в связи с болезнью И.С. Аксакова, который приостановил свое издание и провел несколько месяцев в Крыму.

² Спасское на Сетуни, или Спасское Манухино – старинная усадьба и село, названные по церкви Спаса (XVII в.), на реке Сетунь, правом притоке реки Москвы. 9 июня 1885 г. И.С. Аксаков писал Н.Н. Страхову: «...я живу на даче, в селе *Спасском на Сетуни*, 10 верст по Смоленскому шоссе, но раза два-три в неделю езжу в Москву. Ко мне можно и по железной дороге (Мос-

ковско-Брестской) до *Кунцова...*» (И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка / Составитель М.И. Щербакова. – Группа славянских исследований при Оттавском университете и Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2007. С. 143).

³ Издание «Руси» возобновилось 17 августа 1885 г. выходом № 7.

⁴ 18 сентября 1885 г. произошло восстание в Филиппополе (Пловдив), в результате которого Восточная Румелия вошла в состав Болгарии. Начался болгарский кризис, приведший к резкому изменению международной обстановки. Император Александр III выступил за неукоснительное соблюдение Берлинского трактата и предложил Болгарии самой решать свои внешнеполитические проблемы. В результате событий на Балканском полуострове Россия утратила влияние на Болгарию. Действия русской дипломатии, направляемой Александром III, не желавшим признавать образование объединенного болгарского государства, вызвали критику со стороны И.С. Аксакова.

⁵ Особой резкостью отличалась передовая статья И.С. Аксакова, помещенная 23 ноября 1885 г. в № 21 «Руси». Это был настоящий обвинительный акт против русской дипломатии. 26 ноября министр внутренних дел граф Д.А. Толстой объявил газете «первое предостережение» за то, что «газета “Русь” осуждает текущие события тоном, несовместимым с истинным патриотизмом, и стремится возбудить неуважение к правительству». 30 ноября, исполняя букву закона, И.С. Аксаков в № 22 напечатал предостережение без всяких оговорок и комментариев, а 6 декабря в № 23 поместил дерзкую отповедь в адрес министерства внутренних дел, где говорил о том, что следует считать истинным патриотизмом.

⁶ Захарьин Григорий Антонович (1829-1897) – терапевт, профессор (с 1862 г.), директор терапевтической клиники медицинского факультета Московского университета, почетный член Петербургской Академии наук.

⁷ Павлов Николай Михайлович (1835-1906), публицист, литературный критик, беллетрист, автор исторических трудов. Среда, воспитание, родственные и дружеские отношения (Павлов был крестником С.Т. Аксакова) с первых шагов литературной деятельности определили тесную связь с кругом славянофилов. Сотрудник изданий И.С. Аксакова.

⁸ Самарин Дмитрий Федорович (1831-1901), публицист, общественный деятель, участник подготовки крестьянской реформы, гласный московского земства. Сотрудник изданий И.С. Аксакова. Издатель сочинений своего брата Ю.Ф. Самарина. Один из лидеров «позднего славянофильства» 1880-1890-х гг.

⁹ И.С. Аксаков 21 сентября 1885 г. пишет к Н.Н. Страхову: «Мой адрес: Пречистенка, против храма Христа Спасителя, дом кн. Голицына» (И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка... С. 146). Аксаковы снимали скромное помещение у князей Голицыных в их московском дворце на Волхонке, 14. В этом доме располагался Институт философии РАН. 29 июня 2004 г. на фаса-

де дома, слева от входа в институт были торжественно открыты две мемориальные доски – И.С. Аксакову и Б.Н. Чичерину.

¹⁰ Иванцов-Платонов Александр Михайлович (1835-1894), протоиерей (с 1874), церковный публицист, историк церкви, профессор Московского университета по кафедре церковной истории (с 1872), соредaktor журнала «Православное обозрение» (1860-1874).

Иван Сергеевич Аксаков <Некролог из «Юридического обозрения»>

См.: Юридическое обозрение. Тифлис, 1886. № 254. С. 162–163; то же: Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И.С. Аксакова († 27 января 1886 года). М.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1886. С. 116–117; то же: Антология юридического некролога / Сост. В.М. Баранов, П.П. Баранов, В.И. Каньгин. Отв. ред. В.А. Назаров. 2-е изд., доп. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. С. 14–15.

В настоящее время почти вся мыслящая Россия скорбит о безвозвратной потере высокого патриота и вполне русского человека Ивана Сергеевича Аксакова. Юрист по образованию, публицист по профессии и призванию, И.С. Аксаков представлял собою редкий тип общественного деятеля, всецело преданного интересам России и славянского единства.

Иван Сергеевич во всех своих статьях ставил постоянно на первом плане благо России, ее истинные нужды; все, что он писал или говорил, было искренно, душевно, сильно.

Его образный, иногда несколько туманный язык производил неотразимое впечатление.

Конечно, многое, высказанное Иваном Сергеевичем носило на себе отпечаток некоторой крайности, а отчасти и призматичности в воззрениях, – тем не менее то, что было высказано этим русским патриотом, являлось продуктом личного, непоколебимого его убеждения, было проникнуто неподдельным чувством уверенности в правильности высказанного.

Иван Сергеевич был публицист неподкупной, идеальной честности, не свивавший себе – подобно многим другим – редакционного гнездышка *за чужой счет...*

Голос Ивана Сергеевича поэтому был всегда авторитетный.

Широко понимая интересы России, он и смотрел на Русский народ и его нужды так, как это было свойственно его русской натуре, оставаясь всегда на страже этих интересов и нужд.

Вот чем главнейше объясняется общая печаль, которая так неподдельно проявилась при известии о кончине И.С. Аксакова.

Мы не погрешим против истины, если скажем, что печаль о потере такого серьезного русского публициста и почтенного деятеля разделяется у нас почти всеми, без различия направлений и партий.

Если к тому присовокупить, что Россия пока не очень богата выдающимися писателями в области публицистики, то станет понятным, почему в данном случае всеобщая печаль еще более увеличивается.

Главная заслуга покойного заключается в том, что он прямо ставил вопрос и давал прямой на него ответ.

Можно было не соглашаться с его воззрениями, но нельзя было не выслушать его.

Глубоко веря в историческое призвание Русского народа, И.С. Аксаков во многом понимал вещи не так криво и узко, как некоторые публицисты как бы одного с ним пошиба. Поэтому когда эти публицисты – еще так недавно – забили в набат против суда присяжных, Иван Сергеевич со свойственной ему искренностью стал на защиту этого народно-правового института.

Его мужественная речь на защиту суда присяжных была выслушана как слово правдивого русского человека, правильно, с убеждением говорящего о том, что полезно для России.

Мы особенно подчеркиваем эту заслугу Ивана Сергеевича на пользу наших Судебных уставов.

В то время, когда отовсюду сыпались ярые нападки на Судебные уставы, слово независимого публициста, в честность которого все верили, имело решающее значение. Его защита суда присяжных, конечно, произвела большое впечатление, нежели софизмы разных публицистов, менявших свое убеждение об этом лучшем из судебных учреждений, смотря по надобности.

Такая великая заслуга Ивана Сергеевича Аксакова уже сама по себе способна вызвать в каждом Русском искреннее пожелание над свежую могилу его: «Мир праху твоему, честный патриот, истинный сын отечества!»

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ ОБ ИВАНЕ СЕРГЕЕВИЧЕ АКСАКОВЕ

К.П. Победоносцев. Аксаковы

См.: Гражданин. 1886. 11 февраля. № 14; то же: *Победоносцев К.П. Аксаковы*. [Некролог Ивана Сергеевича Аксакова. Санкт-Петербург] : тип. т-ва «Обществ. Польза», ценз. 11 февраля 1886 г. 8 с.; то же: Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И.С. Аксакова. М., 1886. Ч. II. Характеристики, мнения и отзывы. С. 1–7; то же: Иван Аксаков в воспоминаниях современников / Сост., предисл. и коммент. Г.Н. Лебедевой / Отв. редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 371–376.

27 января 1886 года † Иван Сергеевич Аксаков.

Увы! Взят от нас еще один в своем роде последний, незаменимый деятель и боец. Многие явятся идти по следам его и продолжать его дело, но войдут ли они в силу, и когда войдут, и успеют ли приобрести себе подвигом целой жизни имя, подобное его имени? Подобных ему не осталось, потому что он стоял и действовал, так сказать, на костях целого поколения, от коего он, и один он, принял всю годами накопленную силу.

Сергей Аксаков, Константин Аксаков, Киреевский, Хомяков, Чижов, Юрий Самарин – для него все это были живые люди, среди коих он вырос и воспитался, от коих принял завет живого слова и жизни, верной слову и завету.

Их называли славянофилами и соединяли имя их с понятием о школе и учении особого рода и с политической бранью, которая донныне продолжается, истощая силы борцов в пререканиях казуистики, свойственной всякому учению школы. Но кто хочет понять, чего стоили и что значили эти люди, тому надобно отрешиться от узкого понятия о школе, стать повыше, на широту, и взглянуть поглубже.

Это были честные и чистые русские люди, родные сыны земли своей, богатые русским умом, чуткие чутьем русского сердца, любящего народ свой и землю и алчущего и жаждущего правды и прямого дела для земли своей. Они были высоко образованы, но близкое знакомство с наукой и культурой Запада не отрешило их от родимой почвы, из которой почерпает духовную силу земли всякий истинный подвижник земли Русской. Перегорев в горниле западной культуры, они остались плотью от плоти, костью от кости русского своего Отечества и правду, которую так пламенно желали осуществить в нем, искали не в отвлеченных теориях и принципах, но в соответствии вечных начал правды Божией с основными условиями природы русского человека, отразившимися в историческом его быте.

Они начали с того же, с чего начинается каждый искренний искатель истины, – с протеста против ложного отношения к русской жизни и ее потребностям, господствовавшего в сознании так называемого образованного общества, против презрительного предрассудка, самодовольного невежества и равнодушия ко всему, что касалось до самых живых интересов России. В 30-х гг. – в эпоху появления бессмертной комедии Грибоедова – довольно уже накопилось в умах серьезных и в сердцах у простых людей полусознательного негодования против уродливых отражений внешней западной культуры – в жизни и обычаях, во взглядах и мнениях русского общества, в официальном строе управления, в направлении законодательства. Свежа была еще память о том цинизме, с коим относились юные реформаторы России к живому ее организму, к ее истории и к быту народному, в начале царствования Александра, о презрительном отношении высшего петербургского круга к родной Церкви, о рабском поклонении мнимому величию римско-католического культа, мнимому достоинству форм быта, выросших из чуждой нам истории; а недавние события 1825 г. показали, до какого самообольщения могут дойти самые передовые умы в русских людях, горячо преданных благу России, под влиянием ложной веры в ложное начало искусственной и чуждой нам цивилизации. С другой стороны, внимательный наблюдатель современных событий мог видеть, как само правительство, в царствование бесспорно русского по душе Николая I, грозное и в полном сознании своей силы, бессознательно поступалось русскими интересами во внешней и внутренней политике, оттого что не знало своего прошедшего (вспомним, как в правление Паскевича население Холмской Руси безразлично смешиваемо было с польским населением, бессознательно предоставлялось ополячиванию и окатоличиванию).

И вот великая заслуга московского Аксаковского кружка истинно русских людей: от них в первый раз явственно и разумно услышало наше сбитое с толку общество проповедь мудрости в великом слове: «Познай самого себя, углубись в прошедшие судьбы страны своей и своего народа, и узнаешь свой дух в его духе и свою силу почерпнешь из него». Слово это было необходимо ввиду надвигавшейся с Запада тучи космополитизма и либерализма: представителем его являлся в той же Москве другой кружок западников, кружок, из коего вышел и от коего отделился впоследствии Герцен. То было критическое время, когда прививались передовым умам России навеянные с Запада идеи, разъедавшие органическое чувство любви к родному краю, чувство патриотизма, – во имя отвлеченных либеральных начал. То было время, когда Арнольд Руге в Германии проповедовал, что следует полагать основною целью совсем не отечество, как-де говорили в 1813 и 1815 гг., а свободу и что истинное отечество для ищущих свободы людей есть партия. В отпор этому фальшивому и тлетворному направлению Аксаковский кружок воздвигал свою крепость здорового русского патриотического чувства и разумного познания земли Русской – крепость, к которой стали примыкать все мыслящие люди, сохранявшие в себе здравый инстинкт русской природы.

Нечего останавливаться на увлечениях этой веры и этого учения, увлечениях, свойственных всякой вере и всякому учению. То были люди, искавшие в прошедшем своей родины идеала для настоящего устройства и для будущих судеб ее. Немудрено, что, исследуя и разъясняя отдельные черты этого идеала, они нередко обманывались, увлекались в своих обобщениях, принимали мнимое за действительное, смешивали существенное с несущественным; но в существе своем высоконравственный их идеал есть и будет истинным народным идеалом земли Русской.

К этой же основной мысли присоединялся другой протест – против формального, канцелярского, высокомерного отношения официального мира к живым потребностям и к духовным расположениям народа. Официальный мир чиновничества заражен был и проникнут канцелярскою привычкою делать и решать все посредством мертвой бумаги, отписки и очистки, и этот обычай, простираясь на все сферы управления и суда, скрывал под собою массу несправедливостей, злоупотреблений и насилий над народной жизнью и бытом. С другой стороны, в верхних кругах управления господствовало, при полном неведении страны и ее потребностей, стремление установить легким путем регламентации, носившие на себе следы того же канцеляризма, порядки и правила всевозможных отправлений народной и общественной жизни; причем принимались во внимание готовые формулы, взятые из чужеземных обычаев и законов: такие приемы носили громкое название цивилизации. Против цивилизации такого рода ратовал всеми силами Аксаковский кружок и в живой беседе, и в литературе: борьба эта продолжается и донныне. Поверхностные умы объясняли и объясняют ее национальным предрассудком и узким чувством ненависти будто бы к немцам; но разумные патриоты, принимающие к сердцу истинное благо Отечества, понимают и чувствуют, что кружок ратовал за правду и заслуга его в этом отношении несомненная.

Наконец, еще великое значение и великая заслуга этих людей состоит в том, что они первые сознательно выяснили перед всеми нераздельную связь русской народности с Православною Церковью. В обществе до них это понятие было смутно и шатко. Они почуяли сердцем и дознали живым опытом в истории Руси и в быте народном, что в народе (которому интеллигенция склонна присваивать значение лишь грубой невежественной массы, подлежащей оживлению свыше) – в народе хранится запас духовной силы и глубокой веры, из коего сами учителя и просветители народа должны почерпать свою силу и одушевление; что у этого темного народа связь с Церковью живая и действенная и что на этой связи стоит и будет стоять вся наша история. Учение о Церкви и о вере давно и вполне было установлено отцами и учителями Церкви; но для общества представлялось оно схематизмом догм и правил, предметом изучения более, нежели живого ощущения. Передовые люди Аксаковского кружка, люди глубоко верующие, со всей горячностью любви преданные родной Церкви и вместе с тем высокопросвещенные наукой, они первые помогли обществу осмыслить и несравненное достоинство Право-

славной Церкви, и жизненное значение ее для народа, и самую любовь к ней, которую вынес народ из всей своей истории.

Вот в коротких словах, почему имена этих людей так любезны в России и так ей дороги: им место знаменитое в истории истинного русского просвещения. Притом неоцененное достоинство их и великая нравственная сила состоит в том, что они были люди цельные, не раздвоенные – качество, коим не отличались при всей честности намерений своих люди, принадлежащие к кружку западников и тоже искавшие по-своему истины, к сожалению, «на непроходимых, а не на пути». Люди Аксаковского кружка сильны были тем, что у них слово не расходилось с делом, и жизнь их согласовалась с теми началами, в которые они веровали. Они жили просто – все стояли вне официального мира и официальных почестей и не заискивали официальной поддержки, желая сохранить духовную независимость в обществе, к которому принадлежали; они оберегали тщательно скромную обстановку своего быта и простоту своих потребностей; свободно обращаясь в кругу образованного общества, ценившего в них ум, образование, чистоту и возвышенность мысли, они столь же свободно и просто относились к людям самого простого звания и быта. Храня неизменно веру в истинные начала русской жизни и русской истории, они не поступались никому ничем, в чем полагали правду русской жизни и русской истории. Люди эти были в известном смысле подвижниками великой идеи, и это в соединении с несомнительною чистотою их намерений и образа жизни придавало им великую нравственную силу.

И все-то они миновали, все скончались, «не приявшее обетования», ввиду обетованной земли, которую издали видели и проповедовали. Один оставался, один преемник силы, наследник предания, хранитель завета предков, Иван Сергеевич Аксаков. И его-то, последнего, мы потеряли и оплакали.

Вскормленный такой семьей, приняв из такого круга первые юношеские впечатления, Иван Сергеевич попал прямо отсюда в Петербург, в стены училища правоведения, в рамки школьных порядков, на торную дорогу служебной карьеры – и все время, пока он был тут, чувствовал себя неловко, точно на чужбине. Но и здесь, посреди товарищей, явился он горячим поборником самостоятельности – в характере, в деятельности, в науке, в литературе, которая с детства манила его к себе вкусом, приобретенным из семейных преданий.

Тотчас после выпуска он переехал в Москву и уже не возвращался никогда на жительство и на деятельность в северную столицу. Москва осталась для него на всю жизнь домом и центром его деятельности служебной, потом литературной, общественной и политической. Мысль его зрела и направление утверждалось посреди великих событий, коих он был живым свидетелем и участником. Мало-помалу схоронил он всех старших и остался один из своих, в Москве.

Пусть перечисляют другие все многообразные занятия и все литературные труды его. Всего драгоценнее была та нравственная сила, которая

соединилась с его именем и действовала и на ближних, и на дальних во всех концах России и даже за ее пределами. Эта неисчислимая и не всегда сознаваемая сила тем и драгоценна, что помогает множеству людей малосильных держаться на ногах, возбуждая их к одной мысли и к одному стремлению. Такую силу слабо сознают и чувствуют, пока она действует, но когда она исчезла, тогда становится явственно для каждого, что она значила. Для многих лиц официального мира Иван Аксаков представлялся лишь отвлеченною величиною в качестве издателя «Руси», иные с ужасом говорили о нем как о народном трибуне, опасном для государства, или с любопытством заглядывали на него как на московскую диковину. Но для Москвы и для великого множества простых русских людей, не знающих, куда деваться и на чем остановиться посреди хаоса современных явлений, течений и веяний общественной и политической жизни, Иван Аксаков был живое лицо, на коем отдыхало взволнованное чувство, успокаивалась смятенная мысль, ощущалась нравственная опора, оживлялась надежда на лучшее, отражалось сияние русской правды во тьме вавилонского разноязычия. Всякий чувствовал, подходя к нему, что в нем нет лести и своекорыстия, что он ни тепл, ни холоден, а горит огнем любви и негодования – для истинных интересов Русской земли и всего языка славянского. Русский, галичанин, и серб, и болгарин несли к нему свои печали о бедах и нуждах своего края, и простые русские люди шли исповедовать ему заботу о положении дел на Руси и ревность свою о праве. Теперь идти пока не к кому, и многие чувствуют себя осиротевшими.

Добрые, крепкие сеятели сошли с поля; семя, ими посеянное, даст во время новые всходы. Явятся, без сомнения, новые подвижники правды, для будущих поколений. Но в настоящем поколении грустное чувство объемлет душу москвича, когда он въезжает в родной свой город, в древний Сион свой, и между священными памятниками истории видит повсюду обширное кладбище – всюду следы людей, богатевших духовною силой, и так мало следов живой силы, вновь расцветающей. Приходится все вспоминать дорогие имена с молитвою. «Мать наша Сион, – скажет человек, – вот такой-то и такой-то родился в нем. Боже, помяни их во царствии Твоем».

Н.П. Гиляров-Платонов
<Иван Сергеевич Аксаков>

См.: Современные известия. 1886. 29 янв. № 28. С. 1; то же: *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания: в 2 т. Т. 2 / Изд. подгот.: А.П. Дмитриев, И.Г. Птушкина, Л.В. Дмитриева; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Наука, 2009. С. 215–217.

Москва, 28 января

Потеря невознаградимая! И.С. Аксаков был не только литератор, публицист, общественный деятель: он был знамя, он был общественная сила. В этом было его главное значение, и поэтому-то особенно тяжела его потеря, и

именно теперь, когда положен на весы вопрос: достойно ли Россия встретит надвигающиеся события, а они касаются тех глубочайших ее задач, того коренного ее призвания, которым и посвящена была вся жизнь покойного.

Голос покойного издателя «Руси» не был отголоском правящих сфер даже отдаленнейшим образом. Официальной опоры, материальной и нравственной, он не только не искал, не принимал, – напротив, всегда тщательно оберегался, не из оппозиции, которой в нем, искреннейше верноподданном, никогда не было, но чтобы сохранить независимость, оставить за собою свободу говорить правду, не стесняемую частными отношениями. При свете начал, завещанных ему первыми учителями славянофильской школы, он подвергал вопросы общественные и политические оценке с точки зрения народной, а не казенной, московской, а не петербургской.

И это дало ему свою силу. Честен, как Аксаков; это почти была пословица. Он не льстил никому и не подлаживался ни вверху, ни внизу, ни с боков. Он не был любимцем публики и даже сам невысоко чтит «популярность», которая большею частью создается толпою легкомысленною и дается мыслителям и деятелям поверхностным. Но его слово для иных звучало укором совести, для других служило нравственною уздою.

Сквозь преследование официальное, которому подвергалась его публицистическая деятельность, по удивительному недоразумению, объясняемому, впрочем, свойством Петербурга; сквозь глумление литературное, не перестававшее издеваться над тем, что отчасти не понимало, а отчасти намеренно искажало, – автор «Бродяги», издатель «Московского сборника», «Паруса», «Дня», «Москвы», «Москвича», пронес непоколебимыми свои убеждения, пока памятный 1876 год, застав его председателем Славянского комитета, не преобразил его из вещателя в деятеля. Не он вызвал народное движение, но народное движение нашло в нем чуткое орудие, послушного и разумного исполнителя своих чаяний. Мы читали тогдашние многочисленные письма, летевшие в Славянский комитет иногда из-за Урала и из-за Енисея; сам И.С. еще недавно напоминал в «Руси», как приходившие откуда-нибудь из-за Волги падали пред ним на колена и молили, чтобы он дал им «сподобиться пострадать и умереть за братьев». Москва 1612 года освобождена всею Землею, а не Мининым, но Минин оказался; народное движение к освобождению балканских христиан нашло своего Минина и в 1876 году.

За то и поспешили убрать его. По меткому выражению самих Аксаковых, Земля выступает только в торжественных случаях, затем выходит в отставку. С подписанием Берлинского трактата закрыли Славянский комитет и бывшего председателя сослали в деревню. Для торжествовавших победу над нами заграничных «друзей» Аксаков был *bete noire*, и Славянский комитет представлялся революционным гнездилищем, готовым и способным низвергнуть государства. По жалкому заблуждению воображают там, что у нас есть «партия», славянофильская или панславистская, как они ее называют, и лучшим пояснением глубокого недоразумения, кроющегося в этом мнении,

может служить ответ самого покойного И.С. одному иностранному путешественнику. – «Сколько вы считаете в своей партии?» – «Никого, – отвечал мнимый глава, – или, если хотите, – всю Россию».

И действительно, для русских людей Аксаков остался знаменем, по которому безошибочно можно было проверять, «коего духа» суть мнения, меры, направления; если не для каждого определенного случая можно было узнавать, где русское (человек идеалов, он не признавал себя созданным для подобных регламентов), то с точностью можно было отличать нерусское.

Он умер. Болезнь поразила его еще прошлым годом, но он приехал выздоровевшим и посвежевшим. Он бы должен был жить. К числу причин, сведших его в могилу, мы несомненно уверены, относилось и то глубочайшее страдание, которое испытывал он при виде направления, принимаемого политикою в Балканском вопросе. Говорят, была болезнь сердца, но, однако, врачебные знаменитости даже за несколько часов до кончины обещали ему еще много лет при «спокойной жизни». Но когда к физической болезни сердца присоединяются еще нравственные удары, бьющие в то самое, чем жил и для чего жил человек, – сосуд не устоит, и нравственное страдание прекратит физическую жизнь.

В.О. Ключевский. Аксаков

См.: *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 317-318; то же: *Славянофильство: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В.А. Фатеева.* СПб.: РХГА, 2006. С. 429-431.

[31 января 1886 г.]

Несколько часов тому назад мы проводили на вечный покой одного из наших сочленов, И.С. Аксакова. Да будет ему вечная память! Каждый из нас будет долго чувствовать всю тяжесть утраты, понесенной с его смертью славянским делом, русским обществом, русской литературой и, особенно, русской периодической печатью. Но, помяная его теплыми словами в настоящем собрании, я должен держаться в пределах тех специальных интересов, во имя которых мы собираемся. Покойный посвятил всю свою жизнь вопросам, изучение которых не входит в число прямых задач Общества и истории и древностей России. Он работал на более широком и трудном поприще: он служил русскому и остальному славянскому обществу и верховному блюстителю общих русских и всеславянских интересов громким словом честного, самоотверженного и даровитого публициста. Это одно из самых трудных и ответственных общественных служений. Но, идя в передовом ряду бойцов за русские и славянские интересы, он на каждом шагу оглядывался на нас, скромный арьергард, или, говоря древнерусским рогатым языком, сторожевой полк русской жизни, который, не участвуя в борьбе, подбирает падающих бойцов и читает над ними историческую отходную,

– г<ово>ря обычным языком нашей науки, сводит факты и выводит итоги жизни. Немногие из современных публицистов так любили обращаться к прошедшему за уроками и указаниями по текущим вопросам. Становясь перед каким-либо трудным вопросом нашей внутр<енней> или внешней жизни, он спешил обратиться к родной старине, чтобы спросить ее, как надобно поступить. На его суждения в политических и общественных делах всегда падал яркий свет исторического размышления. В своих исторических воззрениях он оставался верен преданиям школы, которую издавна привыкли называть славянофильской. Этой школе принадлежит видное место в нашей историографии, и в истории этой школы покойный занимал место, которое, думается мне, после него останется незанятым.

II.

[После 31 января 1886 г.]

Под впечатлением непритворной скорби, вызванной в нашем обществе преждевременной смертью И.С. Аксакова, многие добрые и нечуждые образования люди приходят в недоумение от суждений о покойном писателе, высказанных в нашей печати. «Скажите, – спросит иной из этих людей, – почему называют И.С. Аксакова славянофилом и даже последним славянофилом». Я много лет и с великой любовью следил за его деятельностью как публициста, и она давно укрепила во мне убеждение, что так, как писал Аксаков, должен чувствовать всякий честный русский человек. Причем тут славянофильство, и зачем публициста, из глубины русской души всегда отзывавшегося на текущие вопросы и насущные нужды нашей жизни, таким широким взглядом смотревшего на положение и практические задачи нашего народа, зачем характеризовать его каким-то обветшалым и деланным, нерусским и непонятным термином? Я не раз слышал, что его называют славянофилом; но я всегда думал, что здесь речь идет больше о его родословной, чем об образе его чувств и мыслей: он родился и вырос в кружке, в котором некогда много говорили и писали о гниении Запада, об отношении новой России к древней, – вот и все его славянофильство. По родственным воспоминаниям, он иногда вскользь касался этих специальных славянофильских тем; но он шел своею дорогой. Из многочисленной толпы, с такою скорбью провожавшей его гроб 31 января, многие ли помышляют о гниении Запада, о реформе Петра, и в былые годы, когда мы толпами ходили слушать его на заседаниях Славянского благотворительного комитета, разве речами о мурмолах заставлял он обливаться кровью наши сердца? Может быть, теперь иначе понимают славянофильство, называя этим словом живое патриотическое разумение русских и славянских интересов. В таком случае И.С. Аксакова следует считать первым, а не последним славянофилом в настоящем смысле этого слова.

Теперь нередко слышатся подобные толки о покойном. Они всего прямее указывают то место, какое занимал Аксаков в славянофильской школе.

Эти же самые толки всего убедительнее доказывают, что после него это место останется незанятым, что у него не будет преемника. Аксаков останется последним славянофилом.

В самом деле, что такое славянофильство? Было бы ошибкой думать, что это только учение, только известный образ мыслей. Многие и прежде разделяли и разделяют теперь славянофильский образ мыслей, не делаясь славянофилами. И сами славянофилы всегда думали о таких сторонних единомышленниках: это наши, но это не мы. Притом славянофильское учение родилось гораздо раньше славянофильства. Славянофилы стали известны в нашем обществе не раньше тридцатых годов текущего столетия, а их идеи, по крайней мере наиболее определенные, наиболее уловимые из них, были в ходу и настойчиво высказывались уже в прошедшем столетии.

Предисловия Н.П. Гилярова-Платонова к первым двум томам собрания сочинений И.С. Аксакова

См.: <Гиляров-Платонов Н.П.> Предисловие // Аксаков И.С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1 / Издание подготовили А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2015. С. 13–14, 498–499.

Также см.: Дмитриев А.П. Автор Предисловия к первому тому – Н.П. Гиляров-Платонов (О работе А.Ф. Аксаковой над Собранием сочинений мужа) // Там же. Кн. 2. С. 672–675.

См.: Гиляров-Платонов Н.П. Предисловие // Аксаков И.С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2: Славянофильство и западничество / издание подготовили А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2022. С. 5–6, 686.

Предисловие <к первому тому>

Собрание сочинений И.С. Аксакова начинается статьями и речами по Славянскому и вообще Восточному вопросу⁵⁷⁵.

Они поставлены наперед ввиду современного интереса к восточным делам, оживившегося после сухой Филиппопольской революции³ и последовавших за нею событий⁴, не улегшихся вполне и до сих пор. Несмотря на двадцатипятилетний период, истекший со времени первого слова, высказанного издателем «Дня» о славянском значении России и налагаемой отсюда на нее обязанности, и до последней статьи издателя «Руси», ни одна строка по восточным делам не только не потеряла своей современности, но многие,

⁵⁷⁵ Книжка стихотворений, напечатанная для подписчиков «Руси» в вознаграждение за недополученные №№ газеты и на днях вышедшая вторым изданием¹, не относится к настоящему изданию. В Собрании сочинений стихотворения найдут свое место; там они будут расположены в хронологическом порядке, чего не было соблюдено в предшествовавшей книжке, с прибавлением всех не изданных еще стихотворений И.С. Аксакова².

даже из самых первых, как будто писаны вчера. Если некоторые предостережения тогдашнего времени и утратили по-видимому свою практическую применимость, упраздненные историческими фактами (например, что Россия не допустит, чтобы Австрия присоединила себе Боснию или повелевала Сербиею ⁵), то фактическое опровержение служит в таких случаях только разительнейшим доказательством верности высказанных положений.

Но важнее меткости тех или других частных замечаний общая идея, связывающая все статьи и речи: освежение ее в современном сознании тем важнее, чем одностороннее судят еще о славянофильстве многие. С этой точки зрения (и опять не без прямой применимости к настоящему моменту) заслуживают внимания апологетические статьи за восставших кандиотов ⁶, а равно и суждения по случаю переворота, совершенного Кузою в Дунайских княжествах ⁷. Затем общие суждения о связи между народностями и верою, о действии, оказываемом на молодые балканские народы соблазном внешней цивилизации, о неразрывной зависимости, в которую поставлена историческая жизнь славянских народов от России и обратно, – все это не настолько еще вошло в кругооборот общественного сознания, чтобы утратить свою свежесть.

Вышесказанное относится преимущественно к статьям раннего периода (в «Дне», «Москве» и «Москвиче»). На статьях «Руси», равно и на речах, произнесенных в Славянском комитете, где Иван Сергеевич выступал не только публицистом, но и деятелем, не останавливаемся: то и другое в свежей памяти у всех. Характер деятеля, впрочем, проходит по всему периоду. «День» уже застаёт Аксакова секретарем того Комитета, которого он был потом столь славным председателем; сколько нам известно, самое учреждение Славянского комитета состоялось не без прямых внушений Ивана Сергеевича, с которыми он обращался к своим старшим друзьям после впечатлений и наблюдений, вынесенных им из путешествия по славянским землям в 1860 году.

Статьи и речи располагаются в хронологическом порядке. Но ими обнимается не все, писанное и сказанное по Восточному вопросу; помещается лишь то, что было уже в печати. Многие письма, очень существенные по содержанию, некоторые речи (например, к славянским гостям во время Этнографического съезда ⁸), некоторые адреса – могут увидеть свет только после полного разбора бумаг, оставшихся от издателя «Руси».

Печатается по первой публикации: *Соч.* Т. I. С. V–VII. Без подп.

¹ Сборник стихотворений И.С. Аксакова († 27_го янв., 1886 г.): С портр. авт. / Предисл.: От А.Ф. Аксаковой. М.: Тип. Т.И. Гаген, 1886. [8], 176, IV с. На титульном листе: «Москва, 1886 г., марта 7-го дня. – Прил. к № 33 газ. “Русь”»; 2-е изд., без перемен: М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. [4], 180 с.

² Это намерение не было осуществлено: художественные произведения Аксакова не вошли в Собрание сочинений И.С. Аксакова.

³ Имеется в виду народное восстание в Восточной Румелии 8 сентября 1885 г. в Филиппополе (ныне Пловдив), в ходе которого было провозглашено ее объединение с Болгарией.

⁴ Вскоре, 14 ноября 1885 г., Сербия, подстрекаемая Австро-Венгрией, объявила войну Болгарии, но уже 18–20 ноября потерпела поражение. 19 января 1886 г. было заключено соглашение между Турцией и Болгарией, в результате которого Болгария выходила из-под контроля России и становилась союзницей Порты. 21 августа 1886 г. в результате заговора прорусски настроенных офицеров софийского гарнизона болгарский князь Александр Баттенберг был арестован и, подписав отречение, покинул Болгарию. Там началась острая политическая борьба.

⁵ См., например, в передовице «Дня» от 13 ноября 1865 г.: «Ни Боснии, ни княжества Сербии, ни Дунайских княжеств не может уступить Австрии Россия» (наст. том, с. 94).

⁶ *Кандиоты* – греческое население острова Крит, который правившие городом и островом венецианцы называли Кандией.

⁷ Здесь имеется в виду переворот 24 декабря 1861 г., когда Александру Иоан Куза объявил себя князем всей Румынии.

⁸ Речь идет о Славянском съезде, состоявшемся в рамках Всероссийской этнографической выставки, которая была торжественно открыта в Москве 23 апреля (4 мая) 1867 г. ее почетным председателем, великим князем Владимиром Александровичем. На следующий день ее посетила Императорская чета, обратившая особое внимание на Славянский отдел. 4 (16) мая 1867 г. началось турне по России 62 славянских деятелей. Имеется в виду речь Аксакова 21 мая на банкете в Сокольниках, где он сказал: «Призвание России – осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни». См. о съезде подробнее: Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве 1867 года. М., 1867. Составителям Собрания сочинений И.С. Аксакова, как можно судить, это издание было незнакомо: в нем, на с. 340–342, уже увидела свет речь Аксакова (републикована нами вместе с другой речью того же времени в *Приложении 2* ко 2-й книге наст. тома).

Предисловие <к первому изданию второго тома>

В этом томе, под общим заглавием «Славянофильство и западничество», помещаются те статьи И.С. Аксакова, в которых по преимуществу раскрывались самые основы славянофильского учения о русской народности, о русской самобытности, о развитии народного самосознания, об отношениях России к западноевропейскому миру, о различии начал и задач русской и западноевропейской жизни, о различии древнерусского допетровского и ново-

го послепетровского строя и развития русской жизни, о жалких последствиях отступления от народных начал, искажениях народности, подделке под народность и т. под. Об этих предметах всего больше любил говорить И<ван> С<ергеевич>, находя разъяснение их в высшей степени необходимым для развития общественного самосознания. Мысли, раскрываемые в этих статьях, в основе нельзя назвать принадлежащими исключительно И.С.: они, как уже сказано, составляют выражение целого учения, совместно выработанного незабвенными деятелями самобытной русской мысли – Хомяковым, братьями Киреевскими, Ю. Самариным, К.С. и И.С. Аксаковыми при участии некоторых других близких друзей славянофильского кружка. Но поистине никто более И.С. Аксакова не сделал для развития основ славянофильского учения и распространения их в общественном сознании, для применения их к самым разнообразным сферам и вопросам общественной и политической жизни. Этим по преимуществу отличается публицистическая деятельность И.С. По поводу каждого сколько-нибудь значительного общественного события, по поводу каждого частного вопроса он, не ограничиваясь ближайшими частными разъяснениями общественных явлений, старался приводить читателей к самым корням – самым основам народного самосознания, на которых он сам неуклонно держался. В этом его нередко и упрекали такие из читателей, которых более занимает случайное чтение, интерес частных явлений общественной жизни. Но публицист-мыслитель, горячий пропагатор ¹ известного учения имел в этом случае более серьезные цели, чем простое возбуждение и удовлетворение случайных общественных вкусов; и если при этом нередко приходилось ему в своих статьях возвращаться к одним и тем же темам, повторять и повторять развитие одних и тех же идей, это, конечно, вызывалось известным состоянием общественного сознания, которое хорошо было ведомо автору. От этого-то в полном собрании и отдельном издании публицистические статьи И.С. Аксакова получают особый характер, какой едва ли могли бы иметь собранные вместе статьи какого-нибудь другого публициста. Писанные по разным случаям, на разные темы, статьи И.С. являются при этом все проникнутыми одною общею мыслию, одним неизменно верным себе и горячим убеждением, являются раскрытием одного и того же учения в разных его сторонах и применениях, и притом учения в высшей степени самобытного и народно-русского. И в этом-то заключается причина, почему публицистические статьи И.С. не только могли иметь значение для современных ему читателей, но, может быть, еще более будут иметь для поколений позднейших, воспитывая их в духе самобытного, народного русского воззрения. Другая черта, по которой статьи И.С. могут представлять не временный только публицистический, но более прочный, художественно-литературный интерес, заключается в самой их внешней форме – в изложении. Наследник лучших литературных традиций, человек с высокоразвитым эстетическим вкусом и природным, можно сказать, наследственным литературным талантом, строгий читатель и блюсти-

тель достоинства литературной формы, чистоты и изящества языка, И.С. в своих статьях, даже писанных и наскоро, и под особенным влиянием каких-либо возбуждавших и волновавших его настроений и чувств, никогда не допускал неряшливости, небрежности, необработанности и тем более чего-либо нравственно-нечистого и недостойного. В полном собрании сочинений эти черты литературной деятельности И.С. выдаются еще цельнее и выпуклее, чем в отдельных публицистических статьях. Не говорим о других, чисто нравственных свойствах литературной деятельности И.С., так отличавших ее в ряду других произведений публицистической литературы: о постоянно возвышенном духовном настроении, с каким он писал свои статьи, о серьезнейшем, можно сказать – благоговейном отношении к служению *публициста*, непреклонной честности, гражданском мужестве, свободе, искренности, независимости убеждений, горячности и одушевлении, с какими он раскрывал свои задушевные идеи и отстаивал дорогие народные интересы. По всем этим свойствам статьи И.С. всегда и, независимо от их содержания и тех частных поводов, по которым они писаны, навсегда останутся образцовыми произведениями, имеющими не временный только публицистический, но и общий литературный интерес. Поэтому есть основание думать, что изданием собранных статей И.С. не только удовлетворится желание ближайших к нему, любивших и любящих его людей, но и выполняется серьезный литературный и общественный долг.

Статьи и в этом томе, как и в прежде вышедшем («Славянский вопрос»), располагаются в хронологическом порядке, как они печатались в газетах «День», «Москва» и «Русь». В издаваемом томе, по заявлению некоторых из читателей, над каждой статьей сделано краткое заглавие. Этими заглавиями, конечно, не обнимается вполне содержание статей, но они все-таки могут служить некоторым пособием для читателей, которые затрудняются разбираться в большой книге с предметами разнообразного содержания.

Печатается по первой публикации: *Соч.* Т. II. С. III–VI. Без подп.

Авторство Н.П. Гилярова-Платонова установлено нами. См.: *Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов / ИРЛИ РАН. СПб.: Родник, 2018. С. 378–384. При републикации во 2-м издании тома статье было присвоено назв. «Предисловие к первому изданию» (Аксаков И.С. Сочинения. Изд. 2-е. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1891. Т. II: Славянофильство и западничество, 1860–1886. С. V–VIII. Без подп.).*

Композиционно в Предисловии можно выделить три части: в первой дается краткий тематический обзор материалов, составивших том, во второй определяется специфический вклад И. Аксакова в развитие славянофильского учения и, наконец, в третьей он характеризуется как писатель, художник слова.

¹ *Пропагатор* (лат. распространяющий, расширяющий пределы) – распространитель, пропагандист (устар.).

Владимир Соловьев о свободе совести в публицистике Ивана Аксакова

См.: *Мотин С.В.* Владимир Соловьев о свободе совести в публицистике Ивана Аксакова // Проблемы защиты прав человека на современном этапе развития государства и общества: Материалы межвузовской научно-практической конференции: г. Уфа, 21 декабря 2006 г. Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2007. С. 156-161.

«О вреде материальных ограждений для дела истины я уже раньше говорил достаточно, а прежде и лучше меня об этой печальной “монополии на лицемерие и на духовную бездеятельность” говорил покойный Иван Сергеевич Аксаков в статьях о свободе совести, собранных в четвертом томе его сочинений⁵⁷⁶ и составляющих истинное завещание родине этого патриота и последнего представителя старого славянофильства»⁵⁷⁷.

В.С. Соловьев.

С укреплением монархии при Иване IV усиливается церковная централизация, приоритет государственной власти укрепляется еще больше, и власть берет на себя охрану "правой веры", борьбу с еретическими учениями и вольномыслием. Приоритет государственной власти над церковной и определение статуса православной церкви как государственной религии получили правовое закрепление в Соборном уложении 1649 г.

При Петре I была создана государственная система управления, упразднено патриаршество, и даже тайна исповеди нарушалась в интересах государства. В России борьба за свободу вероисповедания предполагала борьбу с монархией. Государственная система управления церковью ограничивала свободу самой православной церкви, лишала прав другие вероисповедания, ставила религиозную оппозицию вне закона.

Русские религиозные мыслители и философы А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, В.С. Соловьев, Н.В. Бердяев, С.Н. Булгаков и другие негативно оценивали союз между русской православной церковью и самодержавием, призывали к нравственному возрождению христианства. Напри-

⁵⁷⁶ См.: Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. Т. 4. М., 1886.– В этом томе представлены статьи, опубликованные в аксаковской газете «Москва» за 1868 г.: «По поводу отчета обер-прокурора Св. Синода за 1866 год». С. 72-79; «Почему в православной России не допускается свобода совести». С. 79-84; «Государственные законы, полицейский надзор и уголовные кары по делам религиозным». С. 84-90; «Ответ М.П. Погодину по вопросу государственного ограждения Церкви». С. 90-97; «О том, что Церковь должна действовать на совесть и убеждение не материальным, а духовным орудием». С. 98-102; «Свобода совести – самая стихия и условие жизни Православной Церкви». С. 103-110; «О свободе совести и веротерпимости с точки зрения государственной». С. 110-119; «К чему ведет взгляд на Церковь как на государственное учреждение». С. 119-127.

⁵⁷⁷ Соловьев В.С. Спор о справедливости. М.; Харьков, 1999. С. 654.

мер, С.Н. Булгаков писал: «Вековые преступления против свободы совести тяжелым свинцом лежат на исторической совести русской церкви»⁵⁷⁸.

И.С. Аксаков был выразителем существеннейших вопросов своего времени, которые кажутся не менее злободневными и в наши дни: это вопрос об отношении государства к правам жизни общественной; вопрос о свободе совести её выражении в слове; вопрос о народном образовании; вопрос о судьбах России в современном мире. Иван Сергеевич был уверен в том, что «необходимо перевоспитание нашего общества в духе русской народности, который в то же время есть дух высшей истины и свободы».

Знакомство В. Соловьева с И. Аксаковым состоялось в июне 1876 года⁵⁷⁹. Первые публицистические статьи В. Соловьева были помещены в начале 80-х годов именно в газете И. Аксакова «Русь», и касались преимущественно вопросов церковных⁵⁸⁰.

1884 год стал началом разрыва В. Соловьева со славянофильским лагерем⁵⁸¹. В этом году, в частности, произошла полемика между И. Аксаковым и В. Соловьевым. Сначала выступил со статьей И. Аксаков⁵⁸². Возмущенный этим откликом, В. Соловьев продолжил полемику и напечатал статью в форме письма к И. Аксакову⁵⁸³. В ней он, в частности, писал: «В последние два-три года я напечатал (преимущественно у вас в «Руси») несколько статей по церковному вопросу. Главные мотивы мои были следующие. Россия (так же как и другие страны) тяжело страдает от умственного и нравственного нестроения. Истинная основа христианской общественности – церковь – не пользуется полной свободой жизни и действия, не занимает подобающего ей места, не полагается во главу угла».

Резкой критикой византийско-московского православия отличаются сочинения В. Соловьева конца 1880-х годов. Критика эта была настолько резкая, что сочинения эти даже не могли быть напечатаны в России, он напечатал их за границей на французском языке. В переводе на русский язык они смогли появиться после 1905 года, только через несколько лет после его смерти⁵⁸⁴.

⁵⁷⁸ Булгаков С. Неотложная задача. М., 1906. С. 7.

⁵⁷⁹ См.: Соловьев В.С. Из воспоминаний. Аксаковы // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: В 3 т. Т. III. Письма 1857-1886 гг. Poleмические речи. Воспоминания. М., 2004. С. 486-492; Лосев А. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С.48.

⁵⁸⁰ «О духовной власти в России (По поводу последнего папского воззвания Св. Синода)» // «Русь». 1881. № 56; «О церкви и расколе» // «Русь». 1882. № 38-40; «Великий спор и христианская политика» // «Русь». 1883. № 1-3.

⁵⁸¹ Об этом подр. см.: Переписка В.С. Соловьева с И.С. Аксаковым [18.12.1882 – 23.4.1884] // Русская мысль. 1913. № 12. С. 73-90.

⁵⁸² Аксаков И.С. «Против национального самоотречения и пантеистических тенденций в статьях В.С. Соловьева» // «Русь». 1884. № 6, 7.

⁵⁸³ Соловьев В.С. Любовь к народу и русский народный идеал. (Открытое письмо к И.С. Аксакову) // «Православное обозрение». 1884. № 4. С. 792-812. В том же году статья вышла отдельным изданием. См. также: Соловьев В.С. Собр. соч. Т. V. СПб., 1903. С. 35-52; изд. 2-е. СПб., 1912. С. 39-57.

⁵⁸⁴ Россия и вселенская церковь. М., 1911; Русская идея. М., 1911; Владимир Святой и христианское государство и ответ на корреспонденцию из Кракова. М., 1913.

Доказывая свой тезис о полной зависимости русской церкви от государства, В. Соловьев обильно цитирует И. Аксакова⁵⁸⁵, с которым его объединяет глубокое убеждение в «подмене идеала», в «замещении правды внутренней» «правдой формальной».

Итак, предоставим слово В.С. Соловьеву:

«Нам достаточно будет привести несколько замечательных мест из его сочинений. ... Известно, что русская Церковь управляется административным советом, именуемым духовной коллегией или Святейшим Синодом, члены коего назначаются императором и подчинены гражданскому или военному чиновнику (обер-прокурору Святейшего Синода), которому принадлежит инициатива в церковном управлении. Епархии номинально (с. 312) управляются епископами, назначаемыми главой Государства по представлению Синода, то есть обер-прокурора, который перемещает их затем по своему усмотрению.

«В «Табели о рангах» указано место и для церковной иерархии, к духовному достоинству применено общее государственное мерило, и различие даров Св. Духа принято было за основание для государственной расценки. Высшая епископская благодать признана соответствующею генеральскому достоинству и образовала так называемый духовный генералитет: митрополиты приравнены к полным генералам, архиепископы к генерал-лейтенантам, епископы к генерал-майорам. Низшая степень благодати, принадлежащая иереям, оценена, разумеется, ниже – от полковничьего до майорского чина. Отсюда прямой путь и к учреждению «духовных кавалеров» или к награждению кавалерскими орденами...»⁵⁸⁶. Павел I был лишь последователем, пожаловав военные ленты высшим сановникам Церкви.

«Все это пустяки, случайность, мелочь, внешность», – будет непременно сказано нам в ответ... Внешность! Но проследим хоть слегка развитие этой внешности во внешней жизни церковной, и тогда нам станет ясно, осталось ли это развитие без отражения и на внутренней ее стороне... Служители Церкви причислены, хотя бы только в понятии, к сонму служителей Государства, или чиновников государственных...»⁵⁸⁷. (с. 313)

... Но, с организацией самого управления, – т.е. с организацией пастырства душ, на начале государственного формализма, по образу и подобию Государства, с причислением служителей Церкви к сонму слуг государственных, – не превращается ли и сама Церковь в одно из отпращиваний государственной власти, не становится ли она одною из функций государственного организма – говоря отвлеченным языком, или, говоря проще, – не поступает ли она и сама на службу к Государству? (с. 314) ...

⁵⁸⁵ См.: Соловьев Вл. И.С. Аксаков об официальной русской Церкви // Соловьев Вл. Россия и вселенская церковь. Минск, 1999. С. 312-322. – Далее ссылки на это издание в тексте статьи в круглых скобках.

⁵⁸⁶ Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. Т. 4. М., 1886. С. 20.

⁵⁸⁷ Там же, с. 121.

Дело в том, что вместе с государственным элементом и государственное мирозерцание, как тонкий воздух, почти нечувствительно прокралось в ум и душу едва ли не всей, за немногими исключениями, нашей церковной среды и стеснило разумение до такой степени, что живой смысл настоящего призвания Церкви становится уже ей теперь малодоступен»⁵⁸⁸. (с. 315) ...

«На страже русского православия стоит государственная власть, с обнаженным, поднятым мечом, – «хранительница догматов господствующей веры и блюстительница всякого в святой Церкви благочиния», – готовая покарать малейшее отступление от того церковного, ею оберегаемого «правоведения», которое установлено не только изволением Святого Духа, Вселенскими и поместными соборами, святыми отцами и всею жизнью Церкви, – но, для большей крепости и с значительными добавлениями, также и Сводом Законов Российской Империи»⁵⁸⁹. (с. 316) ...

Церковь отказалась от своей церковной свободы; а Государство взамен этого гарантировало ей существование и положение Церкви господствующей, упразднив религиозную свободу в России. «Там, где нет живого внутреннего единства и целостности, – говорит Аксаков, – там внешность единства и целостности Церкви может держаться только насилием и обманом»⁵⁹⁰. Слова московского патриота жестоки, но справедливы. (с. 317) ...

«Отучать острогом от алкания духовной пищи, не предлагая взамен ничего, отвечать острогом на искреннюю потребность веры, на запросы недремлющей религиозной мысли; острогом доказывать правоту православия – это значит посягать на самое существенное основание святой веры – основание искренности и свободы, подкапываться под самое вероучение православной Церкви и давать в руки своему противнику, протестантизму, победоносное оружие. При таких средствах защиты, при таких способах утверждения в истине православия, сама собою оскудевает и упраздняется, становясь излишнею, ревность пастырей, меркнет и гаснет в духовных деятелях священный огонь, и никакие строгие предписания епархиального начальства, под угрозами штрафа, о заведении школ, не создадут действительной школы народной...»⁵⁹¹. (с. 318) ...

И все же оказывается, что уголовные законы решительно необходимы для ограждения «господствующей» Церкви. Самые искренние защитники этой Церкви (например, историк Погодин, которого цитирует наш автор) сознаются, что, как только религиозная свобода будет признана в России, половина крестьян отойдет в раскол, а половина людей общества (женщины в особенности) перейдет в католичество. (с. 319) ...

«Если судить по словам ее защитников, наша Церковь «уже не “малое, но верное стадо”, а стадо великое, но неверное, которого “пастырем добрым”

⁵⁸⁸ Там же, с. 125, 126.

⁵⁸⁹ Там же, с. 84.

⁵⁹⁰ Там же, с. 100.

⁵⁹¹ Там же, с. 72.

– полиция, насильно, дубьем загоняющая овец в стадо!.. Соответствует ли такой образ Церкви образу Церкви Христовой? Если же не соответствует, то она уже (с. 320) не есть Христова, – а если не Христова, то что же она? Уж не государственное ли только учреждение, полезное для видов государственных и для дисциплины нравов. Но Церковь, этого не надо забывать, есть такая область, где никакое искажение нравственной основы допущено быть не может, и тем более в принципе, где никакое отступление от жизненного начала не остается и не может остаться безнаказанным, – где, если солгано, то солгано уже “не человекам, а Духу”. Если Церковь не верна завету Христову, то она есть самое бесплодное, самое аномальное явление на земле, заранее осужденное словом Христовым⁵⁹². Если Церковь становится государственным учреждением, т.е. государством, “царством от мира сего”, она перестает быть “Церковью” и сама обрекает себя на судьбу мирских царств...⁵⁹³ Она отрекается сим от самой себя, от собственной причины бытия, осуждает себя на мертвенность и бесплодие»⁵⁹⁴.

«В России не свободна только русская совесть... Оттого и коснеет религиозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустения на месте святе, и мертвенность духа заступает жизнь духа, и меч духовный – слово – ржавеет, упраздненный мечом государственным, и у ограды церковной стоят не грозные ангелы Божий, охраняющие ее входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, как орудия государственной власти, – эти стражи нашего русского душеспасения, охранители догматов русской православной Церкви, блюстители и руководители русской совести»⁵⁹⁵.

Мы не забыли, что славянофилы видят в нашей Церкви единственную истинную Церковь Христа и (с. 321) живой синтез свободы и единства в духе любви. И вот заключение, к которому приходит последний представитель этой партии после беспристрастного рассмотрения наших церковных дел: «Дух истины, дух любви, дух жизни, дух свободы... в его спасительном веянии нуждается русская Церковь»⁵⁹⁶. (с. 322)

Таковы основные идеи И.С. Аксакова, высказанные им в статьях в газете «Москва» за 1868 год по поводу свободы совести в России, отобранные В.С. Соловьевым и составившие целую главу в его труде «Россия и вселенская церковь».

⁵⁹² Там же, с. 91, 92.

⁵⁹³ Там же, с. III.

⁵⁹⁴ Там же, с. 93.

⁵⁹⁵ Там же, с. 83, 84.

⁵⁹⁶ Там же, с. 127.

Предисловие Владимира Соловьева к седьмому тому собрания сочинений Ивана Аксакова

См.: *Соловьев В.С.* Предисловие // Аксаков И.С. Собр. соч. Тт. 1–7. Т. 7. Общевропейская политика. Статьи разного содержания. Из «Дня», «Москвы», «Руси», и некоторые небывшие в печати. 1860–1886. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. С. I–X.

Подр. см.: *Соловьев В.С.* Предисловие к 7 тому собрания сочинений И.С. Аксакова: предисловие, подготовка к публикации и примечания С.В. Мотина // СОФИЯ: Альманах: Вып. 3: Евразийство и А.Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Андрей Словохотов, 2013. С. 313–331.

«Один из самых выдающихся вождей русской партии, горячий патриот и ревностный православный, в своем качестве славянофила открытый враг Запада вообще и римской церкви в частности <...> он стоял выше обыденных панславистов не только по своему таланту, но и по своей добросовестности, по искренности своей мысли и прямоте своих слов»⁵⁹⁷.

В.С. Соловьев об И.С. Аксакове

Предлагаемое вашему вниманию «Предисловие» В.С. Соловьева является недостаточно известным. Почему мы так считаем? Несколько лет тому назад в Российской государственной библиотеке нам был выдан экземпляр 7-го тома собрания сочинений И.С. Аксакова без предисловия В.С. Соловьева, о котором мы узнали позже из статьи Д. Соловьева⁵⁹⁸.

Из этой публикации процитируем три отрывка из письма Л.И. Поливанова⁵⁹⁹ к Н.А. Демидову: «В конце марта 1887 г. Соловьев прочел в Москве две лекции на тему “Славянофильство и русская идея”. На лекции Соловьева съехалась вся та часть московской публики, которая представляет современную аристократию, и та часть неаристократической Москвы, которая интересуется философией, литературой, а также политикой, разделяя так или иначе мнения славянофилов». Далее в письме следующим образом излагается основная идея В.С. Соловьева: «Нужно осуществить на земле организацию вселенской церкви, с видимою одной главою: видимою, ибо невидимая глава есть Христос; но я говорю о земной организации государства⁶⁰⁰ христианского. Вывод неизбежен один: нужен христианский вселенский отец. Нам неизбежно обратиться к такому хранителю церковной дисциплины, сохраненному историей».

⁵⁹⁷ *Соловьев В.С.* Русская идея // Соловьев В.С. О христианском единстве. М., 1994. С. 170.

⁵⁹⁸ *Соловьев Д.* Владимир Соловьев в восьмидесятые годы. По его письмам к А.Ф. Аксаковой, а также по записям и переписке А.А. Киреева // Звезда. 1996. № 1. С. 140–158.

⁵⁹⁹ Поливанов, Лев Иванович (1838–1899) – русский педагог, литературовед, общественный деятель, директор частной гимназии в Москве. Сторонник классического образования. Составитель школьных хрестоматий и учебников по русскому языку, книг для классного чтения. Автор исследований по литературе, а также методик преподавания русского языка и литературы.

⁶⁰⁰ Ср.: у А.Ф. Лосева вместо слова «государства» слово «человечества» (см.: *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. С. 81).

Впечатление, произведенное лекциями на московскую публику, автор письма резюмирует так: «Встреченный шумными рукоплесканиями <...> Соловьев был провожден гробовым и мрачным молчанием. Вдова И.С. Аксакова, которая издает теперь все статьи своего мужа, только что подготовила их, где просила написать предисловие Соловьева, что и было им исполнено; том был отпечатан с эти предисловием и готовился к выходу. Возвратившись со второй и последней лекции С<оловьева>, она немедленно вырезала предисловие С<оловьева> и отослала ему, а в типографию дала знать, чтобы то же было сделано с прочими экземплярами»⁶⁰¹.

Однако и в Российской государственной библиотеке в Москве, и в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге имеются экземпляры 7-го тома И.С. Аксакова, в которых указанное предисловие присутствует. Таким образом, можно сделать вывод, что предисловие В.С. Соловьева было вырезано только из части тиража 7-го тома собрания сочинений И.С. Аксакова.

[С. I]¹ Предисловие²

Седьмой том сочинений И.С. Аксакова содержит главным образом статьи по иностранной политике за 22 года (1863–1885). Обыкновенно произведения публицистики, в особенности же вызванные внешними политическими событиями, представляют лишь интерес минуты и, раз прочитанные, забываются скоро и окончательно. Такое забвение есть большое счастье не только для заурядных журналистов, но и для таких, которые выдаются своими талантами, – это забвение спасает их от жестокого обличения: собрание их политических статей на расстоянии не только двадцати, но и двух лет, оказалось бы печальною коллекцией грубо-ошибочных соображений, резких противоречий и ложных предсказаний.

В этом отношении И.С. Аксаков представляет явление единственное в своем роде. Публицист по призванию, посвятившей политике свои лучшие силы, он был однако решительно свободен от той неустойчивости и поверхностной легкости суждений, которая сделалась как бы необходимою принадлежностью публицистики. С удивительною горячностью чувства отзываясь на политические события, Аксаков никогда не обсуждал их наобум, по одному мимолетному впечатлению. В основе его суждений пылкое патриотическое чувство соединялось с твердыми принципами; поэтому он мог действительно судить явления политической жизни, его отношение к ним могло быть в настоящем смысле критическим, так как у него был необходимый для этого критерий.

Мы говорим это в похвалу Аксакову как политическому писателю, хотя мы знаем, что господствующий в [с. II] наши дни оппортунизм ставит во-

⁶⁰¹ Л.И. Поливанов – Н.А. Демидову. Конец марта 1887 (Цит. по: *Соловьев Д.* Владимир Соловьев в восьмидесятые годы... // Звезда. 1996. № 1. С. 144–145. (Рукопись. РГАЛИ. Ф. 475. Оп. 1. № 17–18. Л. 284–285)).

прос: нужны ли принципы в политике? – и отвечает на этот вопрос отрицательно. Такой взгляд можно встретить теперь не только в газетах, но и в больших научных книгах. Недавно один замечательный ученый и политический писатель во Франции (И. Тэн³ в предисловии к одному из томов своего сочинения о революции) с презрительной иронией отозвался о людях, имеющих политические принципы, и самодовольно заявил, что он, Тэн, никаких принципов в политике и истории не допускает. Имея в виду ближайшим образом свой сюжет, он конечно разумел тут под «принципами» те выдумки полуобразованных резонеров XVIII столетия, которые вдохновляли бездарных тупиц вроде Робеспьера⁴ или бешеных маньяков вроде Марата⁵, и которыми до сих пор пробавляется передовая часть французского общества. Но если то обстоятельство, что во Франции плоская болтовня Вольтера⁶ и энциклопедистов⁷ до сих пор называется философией, еще не дает нам права презирать всякую философию, точно также окончательная несостоятельность «великих принципов» 89 года⁸ (хотя и сослуживших свою службу) еще не есть основание для отрицания всяких принципов в политике.

Говоря, что патриотическое чувство нашего писателя опиралось на твердые принципы, мы принимаем это нерусское слово в его русском смысле. Мы понимаем под принципами не отвлеченные вымыслы одиноких умов, а такие идеальные начала, которые глубоко коренятся в душе народов, которые дают высшее определение их жизни, двигают их историю. Аксаков и вся та литературная школа, которой он был в последнее время главнейшим представителем, не придумывали никаких *своих* принципов, крепко держась существенных основ национальной русской жизни, они старались возвести эти основы до ясного сознания, дать им по возможности полное и отчетливое определение. Поэтому славянофильские «принципы» имеют значение действительных, положительных начал, поскольку живущий ими Русский народ не есть *être de raison*⁹, каким должен быть признан «*le peuple souverain*»¹⁰ французской революции, а есть действительная историческая [с. III] сила. И эти принципы, имея всю силу действительности, имеют вместе с тем и будущность, насколько есть будущность у самого Русского народа. Получили ли эти начала в славянофильском учении свое окончательное выражение, возведены ли они на последнюю ступень сознания? – это другой вопрос. Несомненно лишь, что, во-первых, сущность славянофильского учения выражает действительную национальную идею России, и, во-вторых, что те формулы, в которых эта идея определилась у Славянофилов, еще до сих пор далеко не вошли у нас в общее сознание и не осуществились в русской жизни. Эти последние слова по-видимому находятся в противоречии с тем нашим замечанием, что славянофильские принципы имеют всю силу действительности. Но чтобы пояснить свою мысль, мы можем воспользоваться очень близким примером. В четвертом томе сочинений И.С. Аксакова¹¹ собраны между прочим статьи, в которых с неподражаемою силою и убедительностью (как это признали и литературные противники славянофильства) вы-

ставлен принцип свободы совести и свободы мнения, как основное условие правильной духовной жизни. Не подлежит никакому сомнению, что этот принцип не выдуман Аксаковым и Славянофилами, а также и не взят ими напрокат из катехизиса французских революционеров. Широкая терпимость к чужой вере и мнению составляла издревле одну из выдающихся черт русского национального характера. И не только как черта народного характера, но и как положительное убеждение, эта веротерпимость высказывалась уже в XV веке лучшими русскими людьми, как Св. Нил Сорский¹² и Заволжские старцы¹³. И лишь под несомненным чужим влиянием выставлялось противоположное начало – религиозного преследования, и выставлявшие его прямо ссылались на чужие образцы. Итак, та идея религиозной и умственной свободы, за которую с таким одушевлением и талантом ратовал И.С. Аксаков, имеет вполне действительное значение, как одна из существенных стихий русского народного духа. А между тем наша же русская действительность представляет вопиющее, упорное и систематическое нарушение и поругание этой самой идеи; и для [с. IV] некоторых важных сфер русского общества слово Аксакова в защиту духовной свободы остается и ныне немым словом, не потому, конечно, чтобы самое это слово было недостаточно громко и красноречиво (в этом его никто не упрекнет), а лишь потому, что упомянутые общественные сферы глухи ко всякому слову истины. – Но можно ли заключать отсюда, что славянофильский принцип есть фантазия, лишенная всякой действительности? Не вернее ли будет вместе с Славянофилами признать различие и даже противоположность между действительным существом русского народного духа и внешним действием законов и учреждений, навеянных чужим духом? Такое противоречие крайне печально, и вопрос: почему Русский народ – и он один во всем мире, – не сумел осуществить своих духовных начал, своей национальной идеи, в соответствующих законах и учреждениях, – этот трудный для старого славянофильства вопрос до сих пор остается нерешенным. Но ведь и судьбы России не решены, ее история не кончилась, а потому и тяготеющее над нашею жизнью противоречие не отнимает внутренней силы и значения у тех начал, которые несомненно коренятся в лучшей стороне нашего национального существа.

Возвращаясь к вопросам внешней политики, которым посвящена большая часть настоящего тома, мы находим, что держась глубоких основ русской национальной идеи, Аксаков мог верным взглядом смотреть далеко вперед и давать указания, которые, если бы были приняты, избавили бы нашу официальную политику от грубых ошибок и горьких разочарований. Помимо этого те же идеальные начала, почерпнутые славянофильством из глубин нашего национального мировоззрения, позволили Аксакову глубоко понять и верно определить общий смысл чужой, западно-европейской политики.

Всякая национальная идея всего лучше сознается и определяется чрез противоположение себя чужой идее, чужому национальному существу. Рус-

ский народ изначально резко определил свою особенность, противопоставив себя одинаково и Западу и Востоку, Европе и Азии, латинству и бесерменству¹⁴. Ныне один из этих терминов – бесерменство – [с. V] изжило свой век, износило свои силы и не может уже противопоставляться России как равное равному. Было время, когда можно было опасаться, что Россия не устоит перед Востоком, что она сама сделается восточным, азиатским царством. Теперь уже вполне выяснилось и то, что этот Восток бессилен перед Россией и вещественно и духовно, так что его народные элементы, теряя свою самостоятельность, могут входить и входят как страдательный материал в образовании русской национальной культуры. Остается во всей своей силе другая великая противоположность – Россия и Европа. Факт этой противоположности составляет исходную точку славянофильского учения. Возможно ли, при полном осуществлении русских национальных начал, примирение России и Европы в высшем синтезе (поскольку русская идея¹⁵ имеет не только национальное, но и вселенское значение), и как именно может совершиться такое примирение – это вопрос, который славянофильство завещало будущему. Но во всяком случае для того, чтобы такое примирение было осмысленным и прочным, чтобы это был добрый мир, – необходимо как можно глубже понять и как можно резче выставить все различие и всю взаимную противоположность обоих духовных начал. В этом отношении великая заслуга Славянофилов неоспорима, и значительная часть этой заслуги принадлежит Аксакову.

Другой писатель, примыкающий к славянофильству, покойный Н.Я. Данилевский¹⁶, с особенною, быть может чрезмерною обстоятельностью, как настоящий эмпирик-натуралист, описал и анализировал факт культурно-исторической противоположности России и Европы, и этим дал как бы научное обоснование славянофильскому воззрению. Но этот замечательный труд страдает отсутствием, если можно так выразиться, духовной перспективы. В той сложной картине, которую представляет нам Россия и Европа Данилевского, все культурно-исторические особенности обоих типов находятся как бы на одной плоскости, нет центральной фигуры, частности не сводятся с достаточною ясностью к одному основному нача[с. VI]лу. – Аксаков, напротив, оставаясь на почве коренного философского и идеалистического славянофильства, сводит все особенности России и Европы к единству общей образующей идеи, и отношение между этими двумя культурно-историческими типами является у него как глубокая и всеобъемлющая противоположность двух духовных начал. Этот взгляд, принадлежащий всем славянофилам и каждым из них излагаемый с более или менее своеобразным оттенком, предполагается и во всех статьях И.С. Аксакова по внешней политике, и дает ему, как мы сказали, неизменный критерий для определенной и большею частью совершенно верной оценки политических отношений и событий. А в некоторых статьях настоящего тома основной взгляд славянофильства на Россию и

Европу прямо высказывается как высший принцип для суждения о политических делах.

Господство единоличного начала, с одной стороны, и преобладающая общинность, всенародность, или соборность – с другой – вот самая широкая формула для обозначения духовной и исторической противоположности между Россией и Европой. На особое значение личного начала на Западе Аксаков указывает и по поводу Наполеонидов¹⁷, и по поводу диктатуры Бисмарка¹⁸. Но как политика сама по себе есть лишь второстепенная поверхностная область человеческой жизни, а истинная суть этой жизни находится в более глубокой области духа, в области религиозной, так и чисто политические проявления западно-европейского начала имеют лишь преходящее и ограниченное значение. Настоящее же, центральное и вековечное выражение западной идеи славянофильский взгляд Аксакова находит в сфере религии – в папстве¹⁹. В папстве начало единоличности, определяющее собою жизнь Запада, проявляется во всей своей полноте, – как *единоличная всемирная власть*, опирающаяся на священный закон, облеченная строго юридическими формами в духе и силе древнего Рима. Это образовательное начало, определявшее собою жизнь всего Запада в Средние века, сохранило свою исключительную важность и донныне, несмотря на великий раскол XVI века²⁰. Ибо протестантство в сущности есть лишь обратная сторона папизма²¹, [с. VII] или, говоря точнее, *папизм раздробленный*: как в католичестве верховный и окончательный авторитет принадлежит *одному над всеми*, так в протестантстве *каждый из всех* приписывает себе тот же верховный и окончательный авторитет, каждый является папою – для себя. И там, и здесь нет общества как самостоятельного целого, есть только лицо.

И как для развития и перевеса личных сил необходима искусственная среда городской жизни, то не случайно высшее выражение единоличного западного начала связано неразрывно с *вечным городом*. В Риме выросла единоличная всемирная власть языческого Кесаря²², в Риме же переродилась она в единоличную всемирную власть христианского первосвященника. – И вот, как полная и крайняя противоположность этому личному и городскому началу, выступает Славянский мир – общинный и сельский. И как на Западе высшее выражение его духовно-бытового начала дано в области религиозной – в папстве, так и верховное выражение русско-славянского образовательного начала должно видеть в форме Восточного христианства – в Православии, с его принципом соборности или всецерковности, в противоположность началу единоличного центрального авторитета в церкви. – Мы передали основное воззрение Славянофильства во всей его резкости, как его исповедовал И.С. Аксаков. Критика этого воззрения была бы здесь неуместна. Скажем только, что принципиальная противоположность России и Европы понята Славянофилами во всей ее глубине, что частные особенности двух миров сведены действительно к своим высшим началам и что характеристичные признаки этих начал указаны верно. А затем, правы ли были старые Славя-

нофилы, принимая противоположность двух начал в их *формуле* за несоместимое противоречие в жизни и разрешение этого противоречия понимая лишь в смысле безусловного и исключительного торжества одного начала с полным упразднением другого, – это вопрос, который будет решен историей.

Та высота основного воззрения, на которую И.С. Аксаков, как представитель славянофильской идеи, поднимался при [с. VIII] суждении о политических делах, нисколько не мешала, а напротив весьма способствовала ему в верной оценке частных политических положений и событий: сверху виднее. Вот почему мы находим в его статьях по внешней политике так много соображений вполне оправданных последующими событиями, так много сбывшихся предсказаний. Укажем лишь на некоторые. Еще в 1864 г., за шесть лет до Франко-Германской²³ и за два года до Австро-Прусской войны²⁴, Аксаков говорил в «Дне», что в случае войны между Францией и Пруссией все второстепенные немецкие государства, несмотря на свои соперничества, непременно стали бы на сторону Пруссии, и Наполеон III²⁵ остался бы без союзников, как это действительно и случилось в 1870 г. вопреки надеждам самого Наполеона, который до конца полагался на помощь Южной Германии. Таким образом, Славянофил в Москве, за шесть лет лучше видел будущее положение дел, нежели руководитель европейской политики перед самым наступлением событий. – Еще до Австро-Прусской войны 1866 года, Аксаков указывал на тот политический план Бисмарка, который отчасти обнаружился лишь впоследствии, а вполне стал несомненным только теперь, – именно на плане: исключивши Австрию из Германии, толкнуть ее на Балканский полуостров в качестве сильного авангарда немецкой культуры. – Точно также, еще до несчастной для Австрии войны, заставившей ее искать опоры в Мадьярах²⁶, Аксаков предсказывал что монархия Габсбургов²⁷ должна будет прибегнуть к системе немецко-мадьярского дуализма. – За три года, с полной уверенностью, предсказывал Аксаков и Франко-Германскую войну, и падение Наполеоновой династии.

В заключение приведем знаменательные слова Аксакова, относящиеся к нашему будущему. Вот что писал он по поводу Римского вопроса²⁸: «На смену отживающей исторической идеи должна явиться новая историческая идея, а не простое отрицание старой идеи или лживая сделка с нею. Гордое своею цивилизацией, западно-европейское общество с презрением смотрит на вопросы религиозные и вероисповедные, считает себя переросшим и решившим все подобные задачи еще со времен Французской революции [с. IX] 1789 г. Общество, духовно порожденное Вольтером и духовно-успокоившееся на Ренане²⁹, может только с улыбкою или же с лицемерною серьезностью, ради соблюдения приличий, относиться к заботам о церкви, между тем эти, так дешево ценимые им вопросы религиозные и вероисповедные, к величайшему его недоумению, восстают снова во всей своей грозной мощи, снова колеблют мир и не поддаются никакому по-видимому и удобному разрешению, уготованному им современною европейскою цивили-

зацией. Все прежние сделки и компромиссы оказываются изношенными, и вопросы вновь стучатся в двери. Живучесть причин сказывается живыми последствиями на пространстве веков, XIX веку приходится считаться с веком IX! Чем ниже станут ценить западные мыслители значение Римского вопроса, как вопроса религиозного и вероисповедного, тем труднее будет его разрешение. А Римский вопрос есть мировой, исторический, – вопрос, с которым связаны судьбы всей католической церкви, всего Латинского Запада, – следовательно вопрос всего Христианского мира. Наступает великий исторический миг. От кого же раздастся вещее слово, откуда, на отмену отживающей исторической идеи, выступит и предьявит свою власть иное духовное историческое начало? От кого же и откуда, как не от Православной России, главы Греко-Славянского Православного мира? Не ей ли предлежит сказать миру веще слово? Не налагается ли на нее именно теперь святая обязанность вознести высоко, пред всем светом, знамя истины православной? Не в истине ли православной заключается разрешение того вопроса, что волнуется теперь Латинский Запад? И не должна ли Россия, как Христианская Православная страна, указать на единственный путь спасения, остающийся христианству на Западе?» Далее, от лица Православной России, Аксаков обращается к католическому миру с такими словами: «Мы не покидали истинного пути, но не признавали полноту жизни церковной вне отделившегося Запада; мы не сотворили ни единого вселенского собора с тех пор, как вы отклонились от единения и возмечтали быть полнотою церкви; мы ждали и ждем вашего возвращения. Не подчинения Востоку, не обращения в какое-то особое восточное вероисповедание требует от [с. X] вас Восток, но призывает вас к обращению в ваше же собственное вероисповедание, которое было единым общим и для Запада и для Востока» (стр. 168)³⁰. Обращаясь с такою речью к Христианской Европе, Аксаков однако хорошо понимал, что эта Европа видит нас не в свете тех идеальных начал, которые и у нас самих создаются лишь немногими, а что мы представляемся чужому взору преимущественно темною стороной нашей действительности.

Вся сила православного Востока – в России, «а сила России, как внутренняя, так и внешняя, зависит от степени ее верности основным духовным началам своей народности». Но изменять этим духовным началам можно не только прямо, отрицая их, а еще более при мнимом лицемерном исповедании, злоупотребляя ими и искажая их до неузнаваемости. У нас, после эпохи либерального отрицания духовных начал русской жизни, наступила более тягостная эпоха – мнимого торжества этих начал, на самом деле подмененных другими. Дорогие идеалы подменены самою дешевою казенною действительностью, грубо подкрашенною «под идеал». Против этого кощунственного подмена никто не восставал так сильно и горячо, как покойный И.С. Аксаков, и в русской истории не забудется эта его заслуга.

Владимир Соловьев

Примечания

¹ Здесь и далее в квадратных скобках указано начало очередной страницы предисловия Владимира Соловьева.

² *Соловьев В.С.* Предисловие // Аксаков И.С. Собр. соч. Тт. 1–7. Т. 7. Общеввропейская политика. Статьи разного содержания. Из «Дня», «Москвы», «Руси», и некоторые небывшие в печати. 1860–1886. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. С. I–X.

³ Ипполит Адольф Тэн (1828–1893) – французский философ-позитивист, эстетик, писатель, историк, психолог; создатель культурно-исторической школы в искусствознании.

⁴ Максимилиан Франсуа Мари Исидор де Робеспьер (1758–1794), известный современникам как Неподкупный – один из лидеров Великой Французской революции, глава якобинцев.

⁵ Жан Поль Марат (1743–1793) – один из предводителей Великой Французской Революции, радикальный журналист, лидер якобинцев.

⁶ Вольтер (наст. имя Мари Франсуа Аруэ, Arouet le Jeune; 1694–1778) – французский писатель, историк, философ-просветитель.

⁷ Энциклопедисты – французские философы, ученые, деятели искусства и литераторы XVIII в., участвовавшие в создании Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел (1751–1780), одного из важнейших трудов эпохи Просвещения.

⁸ Речь идет о принципах «Декларации прав человека и гражданина», которая была принята 26 августа 1789 г. Ее текст состоит из краткого введения, в котором заявляется, что единственными причинами общественных бедствий и порчи правительств являются незнание, забвение или презрение естественных, священных и неотчуждаемых прав человека, и из 17 статей, заключающих в себе главным образом две основные идеи политической философии естественного права – идею индивидуальной свободы и идею народовластия.

⁹ «être de raison» (франц.) – «есть здравомыслящий».

¹⁰ «le peuple souverain» (франц.) – «полновластный народ».

¹¹ *Аксаков И.С.* Собр. соч. Тт. 1–7. Т. 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи вышедшие отдельно. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. VIII, 770 с.

¹² Нил Сорский (в миру Николай Майков; 1433–1508) – православный святой, знаменитый деятель русской церкви.

¹³ Заволжские старцы – иноки Белозерских и Вологодских монастырей, не соединенные никакой внешней связью. В конце XV и начале XVI в. они становятся известными как отдельная партия, по своим гуманным воззрениям, образованности и критицизму, резко проявившимися в борьбе с противоположной партией Иосифа Волоцкого.

¹⁴ Слово «бесерменство» производно от слова «бесермен», то есть иноземец, иноверец, как правило, с Востока, мусульманин; тот, кто исповедует мусульманство. Синонимы: бесерменин, басурман, басурманин.

¹⁵ Русская идея – совокупность понятий, выражающих историческое своеобразие и особое призвание русского народа. Подр. см.: *L'Idée russe par Vladimir Soloviev. Paris, 1888*; *Соловьев В.С. Русская идея. М., 1911*; *Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 219–246.*

¹⁶ Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) – русский естествоиспытатель, социолог, культуролог, публицист и геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории, идеолог панславизма.

¹⁷ Наполеониды – собирательное название братьев и сестер французского императора Наполеона I (1804–1814 /1815) и их потомков, назначенных Наполеоном правителями государств, оказавшихся в зависимости от Франции или связанных с нею.

¹⁸ Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен (1815–1898) – князь, германский государственный деятель, первый канцлер Германской империи (второго рейха), прозванный «железным канцлером».

¹⁹ Папство – богословский и религиозно-политический институт католицизма, устанавливающий Папу Римского главой всей Католической Церкви. В Римско-католической Церкви Папа также является верховным правителем Святейшего Престола, вспомогательной суверенной территорией которого является Ватикан, где находится его постоянная резиденция.

²⁰ Речь идет о появлении протестантизма или Реформации – общественном движении в Западной и Центральной Европе в XVI веке, направленном против традиций христианской веры, сложившихся в католической церкви. Начало Реформации положило выступление в 1517 г. в Германии Мартина Лютера. Идеологи Реформации выдвинули тезисы, которыми фактически отрицалась как необходимость католической церкви с ее иерархией, так и духовенства вообще. Отвергалось католическое Священное предание, отрицались права церкви на земельные богатства и др.

²¹ Папизм – признание Папы непогрешимым; принадлежность к числу приверженцев Папы; власть, господство церкви.

²² Кесарь – старославянская и древнерусская передача римского имени и императорского титула Caesar (Цезарь) через греческое *kaisar* – монарх, властелин.

²³ Франко-прусская война 1870–1871 гг. – военный конфликт между империей Наполеона III и добивавшейся европейской гегемонии Пруссией. Война, спровоцированная прусским канцлером Бисмарком и формально начатая Наполеоном III, закончилась поражением и крахом Французской империи, в результате чего Пруссия сумела преобразовать Северогерманский союз в единую Германскую империю.

²⁴ Австро-пруско-итальянская война 1866 г. – война Пруссии и Италии с Австрийской империей. Эта война предопределила путь объединения Гер-

мании и завершила войны за независимость Италии и объединения ее вокруг Сардинского королевства.

²⁵ Наполеон III Бонапарт (полн. имя Шарль Луи Наполеон; 1808–1873) – племянник Наполеона I, президент Французской республики с 20 декабря 1848 г. по 1 декабря 1852 г., император французов с 1 декабря 1852 г. по 4 сентября 1870 г. (с 2 сентября 1870 г. находился в плену).

²⁶ Магьяры – самоназвание венгров. Составляют подавляющее большинство жителей Венгрии. Значительное число венгров проживает также в Румынии (историческая область Трансильвания), Сербии (северная часть края Воеводина), Словакии, Украине, России, Германии, Австрии, США и Канаде.

²⁷ Монархия Габсбургов, Габсбургская монархия, Габсбургская империя или Австрийская монархия – неофициальное название совокупности территорий, находившихся под властью австрийской ветви династии Габсбургов. Обычно используется в отношении периода с 1526 г., когда австрийский эрцгерцог Фердинанд I присоединил к своим владениям земли Чешской короны и Венгрии, до 1804 г., когда была образована Австрийская империя. До 1804 г. территории, находившиеся под властью Габсбургов, не имели единого официального названия. Термин «габсбургская монархия» может также употребляться в более широком смысле в отношении периода с 1276 г. (переход Австрии под власть Габсбургов) до 1918 г. (распад Австро-Венгрии).

²⁸ Римский вопрос – политическое противостояние между итальянским правительством и папством, длившееся с 1861 по 1929 годы. Папский вопрос был разрешен в 1929 г. благодаря подписанию Латеранских соглашений. По ним Ватикан признал право Италии на владение территорией бывшей Папской области, Италия признала право Папы на владение Ватиканом и выплатило ему большую финансовую компенсацию.

²⁹ Жозеф Эрнест Ренан (1823–1892) – французский писатель, историк и филолог.

³⁰ См.: Аксаков И.С. Собр. соч. Тт. 1–7. Т. 7. М., 1887. С. 168.

В.Д. Набоков об И.С. Аксакове как поборнике судебной реформы

См.: Мотин С.В. В.Д. Набоков об И.С. Аксакове как поборнике судебной реформы // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы VI Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 17-18 апреля 2014 года: в 2 ч. Ч. 2. Том 1 / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2014. С. 62-66.

В 1904 году, к 40-летию со дня издания судебных уставов императора Александра II, была опубликована книга, посвященная участникам и предшественникам судебной реформы⁶⁰².

Редактор книги К.К. Арсеньев⁶⁰³ в предисловие к ней пишет: «С восторженным удивлением вспоминаются имена людей, решительно и смело положивших конец хаосу и тьме старых судебных порядков. <...> Неправосудие, во всех его видах и со всеми последствиями, было завещано московскою Русью Петровской России и дожило, в едва смягченной форме, до второй половины XIX века. <...> Наиболее характерной чертой составителей судебных уставов была именно последовательность, чуждая уступок и компромиссов. Несменяемость судей, бесповоротность окончательных судебных решений, гласность и устность процесса, самостоятельность адвокатуры, свобода защиты, отделение судебной власти от административной, участие общества в отправлении правосудия – все эти краеугольные камни нормально организованного суда были заложены во всей их целостности, во всем их объеме, без урезок и робких приспособлений. Результат реформы оправдал и широту ее замысла и прямолинейность исполнения: созданные ею судебные порядки скоро заставили забыть дурную славу старого суда и сделались одним из лучших украшений обновленной русской жизни»⁶⁰⁴.

Книга состоит из 13 очерков, посвященных императору Александру II, графу Д.Н. Блудову, С.И. Зарудному, Д.А. Ровинскому, Н.И. Стояновскому, Н.А. Буцковскому, Д.Н. Замятнину, М.Е. Ковалевскому, князю Н.А. Орлову, В.В. Капнисту, Н.В. Гоголю, И.С. Аксакову, М.Е. Салтыкову⁶⁰⁵. Автором

⁶⁰² См.: Главные деятели и предшественники судебной реформы / под ред. К.К. Арсеньева. СПб.: Типография Акционерного общества Брокгауз – Ефрон, 1904. VI, 61 с.

⁶⁰³ Константин Константинович Арсеньев (24.01.1837 – 22.03.1919, Петроград) – русский писатель, общественный и земский деятель, адвокат. Книги К.К. Арсеньева: Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. СПб., 1870; Судебное следствие. Сборник практических заметок. СПб., 1871; Заметки о русской адвокатуре. СПб., 1875; Критические этюды по русской литературе. СПб., 1888. Т. 1-2; Законодательство о печати. СПб., 1903; Свобода слова и веротерпимости. Сборник статей. СПб., 1904; За четверть века. Сборник статей. Пг., 1915.

⁶⁰⁴ Арсеньев К.К. Предисловие // Главные деятели и предшественники судебной реформы. СПб., 1904. С. III, IV.

⁶⁰⁵ Отметим, что шесть очерков (с. 8-43), написаны почетным академиком А.Ф. Кони.

очерка об И.С. Аксакове является профессор В.Д. Набоков⁶⁰⁶. Рассмотрим основные фрагменты этого очерка⁶⁰⁷.

«Ивана Сергеевича Аксакова нельзя, конечно, причислить к *деятелям* судебной реформы, в точном смысле слова. Он был лишь *поборником* основных ее начал – поборником красноречивым, убежденным и тем более убедительным, что в своей оценке этих начал и в сопоставлении их с началами до-реформенными он исходил не из отвлеченных только посылок, юридических и исторических, а из пережитых и виденных им фактов, неизгладимо отпечатлевшихся в его чуткой и пылкой душе. <...> Окончив курс в Училище Правоведения в 1842 г.⁶⁰⁸, И.С. Аксаков девятнадцатилетним юношей поступил на службу в Министерство юстиции, где и оставался до 1848 г.⁶⁰⁹. Подобно Арцимовичу, Стояновскому, Ровинскому и др., он принадлежал к тем первым поколениям правоведов, которые сыграли такую крупную роль в истории нашей общественной жизни. Аксаков начал службу во 2-м отделении 6-го <уголовного> департамента Правительствующего Сената в Москве, где он через три недели по вступлении был назначен исправляющим должность секретаря. В конце следующего года он эту должность временно оставил, отправившись, при ревизующем сенаторе князе П.П. Гагарине, в Астрахань. Там он прожил почти целый год и имел возможность близко присмотреться к бытовой и чиновничьей жизни захолустного провинциального города, – а ревизуя уездный суд и уголовную палату должен был познакомиться с порядками судебными» (с. 53).

Позже «Аксаков получил назначение в Калугу, товарищем председателя уголовной палаты. Это было осенью 1845 г. В Калуге он пробыл почти два года и за это время вполне познал темные стороны тогдашнего суда. Правда, в своих письмах он касается этих сторон редко, как бы эпизодически; но зато

⁶⁰⁶ Владимир Дмитриевич Набоков (21.07.1869 – 28.03.1922) – русский юрист, политический деятель, публицист, один из организаторов и лидеров Конституционно-демократической партии. В.Д. Набоков – сын министра юстиции Дмитрия Николаевича Набокова и баронессы Марии фон-Корф и отец известного писателя Владимира Набокова – окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, затем был командирован в Германию для подготовки по кафедре уголовного права. В 1896–1904 годах преподавал уголовное право в Императорском училище правоведения, имел звание профессора. Книги В.Д. Набокова: Содержание и метод науки уголовного права. (Задачи академического преподавания). СПб., [1896]; Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. СПб., 1903; Сборник статей по уголовному праву, 1904; Вторая Государственная дума. СПб., 1907 (в соавторстве с А.И. Каминкой); Речи В.Д. Набокова. СПб., 1907; Дуэль и уголовный закон, 1910; Об «опасном состоянии» преступника как критерии мер социальной защиты: Доклад. СПб., 1910; «Ceterum sensio...» (К вопросу о смертной казни). СПб., 1913; Из воюющей Англии: Путевые очерки. Петроград., 1916.

⁶⁰⁷ Набоков В.Д. Иван Сергеевич Аксаков // Главные деятели и предшественники судебной реформы. СПб., 1904. С. 53–58. Далее использованные страницы этого очерка будем обозначать в тексте статьи в круглых скобках.

⁶⁰⁸ В Училище он обучался в 1838–1842 гг. Подр. см.: Мотин С.В.: 1) Императорское училище правоведения и обучение в нем И.С. Аксакова // Вестник УЮИ МВД России. 2005. № 4. С. 20–25; 2) «О Характере Уголовного Процесса»: Сочинение И.С. Аксакова 1842 года, подготовленное в выпускном классе Императорского Училища правоведения // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 3. (В печати).

⁶⁰⁹ Подр. о службе И.С. Аксакова в Министерстве юстиции (1842–48) и Министерстве внутренних дел (1848–1851) см.: Мотин С.В. Аттестат о службе И.С. Аксакова, 2 июня 1851 года // Аксаковские чтения: Материалы XI Всерос. научн. конф. Уфа, 2 окт. 2009 г. Уфа: Вагант, 2009. С. 82–90.

они отразились в его литературном творчестве. Пять лет спустя после оставления им Калуги, Аксаков вылил свою желчь и свое негодование в “судебных сценах”, озаглавленных: “Присутственный день уголовной палаты”⁶¹⁰» (с. 54). А.И. Герцен считал «Судебные сцены» «гениальной вещью», в которую «только надобно вчитаться – надобно дать взойти в душе всему грустному, скрытому в смехе и пошлости»⁶¹¹.

«В “предуведомлении” к своим судебным сценам И.С. Аксаков старался подчеркнуть их более документальное, чем литературное значение. “Не изъясняя притязаний на художественное достоинство, эти сцены, как верная докладная записка, имеют все грустное достоинство истины, все печальное значение действительного факта”. В “сценах” не изображена самая трагическая сторона судебного быта, не разоблачены те вопиющие злоупотребления и страшные злодейства, которые хотя и случались, но все же носили характер исключительности, и к тому же не всегда избегали наказания по закону. <...> Напротив того, Аксаков бичует “те грехи, которые чествуются *грешками*, те пороки, которые извиняются легко, уживаются с снисходительною совестью, живут радом с хорошими свойствами души, принимают даже какую-то вполне искреннюю, добродушную физиономию, убаюкивают самое сознание какою-то особенною простосердечною логикою”. “В верности моего изложения, говорит Аксаков, поручится всякий, кому известен судебный быт не только столичный, но и провинциальный, не по одним книгам и законам, но на самом деле и по опыту”. И действительно, читая “сцены”, едва ли кто заподозрит автора в шарже, в утрировке. Он не сгущает красок, он выводит не отъявленных мерзавцев, а людей, по мнению окружавшей их среды вполне порядочных, с “благородными” понятиями. Тем правдивее и ярче получается впечатление, тем более безотрадные напрашиваются выводы. <...> Дикие и несообразные представления о своих обязанностях и о своем значении, грубое невежество, сословные предрассудки, наивное бессердечие, откровенное до цинизма кумовство и, в результате, плохо замаскированное, полубессознательное кривосудие и беззаконие: вот характерные черты той коллегии судей-дворян, которая фигурирует перед нами, – черты, сказывающиеся в их бесхитростно-добродушных речах» (с. 54).

«Характерными чертами обрисована в “сценах” и чисто процессуальная сторона тогдашнего правосудия. Формальная теория доказательств, с ее предпочтением показания “знатного” свидетеля показанию “незнатного”, – бесконечная волокита, постоянное обращение дела “к доследованию”, – канцелярские отписки, отсутствие самой элементарной добросовестности, наряду с чудовищным развитием кляуз: все это сильной и меткой иллюстрацией

⁶¹⁰ [Аксаков И.С.] Судебные сцены. Отрывок из книги «Самые достоверные записки чиновника очевидца». Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1857. 100 с. Это отдельный оттиск из «Полярной звезды». (1858. Кн. 4. С. 9–106). Одно из последних изданий этой пьесы см. в кн.: Аксаков И.С. И слово правды...: Стихи, пьеса, статьи, очерки. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. С. 113–172.

⁶¹¹ Из письма А.И. Герцена к М.К. Рейхель от 4/16 ноября 1857 г. // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М.: издательство АН СССР, 1954–1966. Т. 26. С. 137.

проходит перед глазами читателя. <...> Как и можно было ожидать, аксаковские “сцены” не были пропущены цензурой и появились, по-видимому против воли автора, в лондонском издании...» (с. 55).

А.И. Герцен, впервые опубликовавший “сцены” написал к ним и предисловие («От издателя»): «Судебные сцены были нам присланы два раза, оба раза с другими рукописями, напечатанными в четырех книжках “Русских голосов”. Мы медлили в издании этого превосходного произведения, во-первых, потому, что такое сочинение составляет значительную литературную собственность; во-вторых, думая, что при новом порядке вещей, “Судебные сцены” могут быть напечатаны в России; но, кажется, что романтические преследования взяток и бесправия так далеко не идут. Через два года мы решаемся их печатать, извиняясь в самовольном поступке перед неизвестным автором. Нам было бы очень больно, если б он был этим недоволен. “Голосам из России” мы не могли уступить такую пьесу, мы ее, как почетного гостя, сажаем на первое место – в наш красный угол. И<сканде>р. Лондон, 1 декабря 1857 г.». Аксаков, прочитав предисловие Герцена, отвечал: «Благодарю вас за отзыв в “Полярной звезде”. Он так искусно написан, что мне до сих пор никаких запросов не было»⁶¹².

В 1886 г. в 4-м томе посмертного собрания сочинений И.С. Аксакова были собраны около двух десятков статей, опубликованные в 60-е и 80-е годы в аксаковских изданиях и посвященные праву и судебному вопросу⁶¹³. В.Д. Набоков характеризует убеждения Аксакова применительно к судебному вопросу: «...и в судебном вопросе он остается верен себе, утверждая, что “основной элемент суда – элемент нравственный. Суд есть выражение общественной нравственности, это голос бытовой совести. Суд вообще должен твориться по разуму и по совести, и только уже при невозможности применить совесть ко всем условным явлениям гражданской жизни, или к среде чисто условных отношений, – общество прибегает к опоре внешнего закона... Живой обычай выше мертвой буквы закона, совесть выше справедливости внешней. Таков принцип, который должен господствовать в судопроизводстве”. По существу едва ли есть надобность доказывать, до какой степени неправильны и произвольны все эти положения; но они вполне понятны как реакция против той формальной теории доказательств, которая представляла

⁶¹² См.: «Вольное слово». 1883. № 60. С. 4–5.

⁶¹³ См.: Аксаков И.С. Собр. соч. в 7 т. Том 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи вышедшие отдельно. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. С. 533-686. Среди них, например, следующие: «По поводу обнаружения основных положений судебной реформы от 1 октября 1862 г.» (с. 540-547); «О судебной реформе» (с. 547-555); «О мировом суде» (с. 555-566); «О необходимости постепенного введения судебной реформы» (с. 566-573); «О пользе постепенного введения судебной реформы, в виде опыта, на пространстве, ограниченном несколькими губерниями» (с. 585-593); «О задачах нового суда и судей» (с. 593-598); «Отношение московской публики к гласному судопроизводству» (с. 598-603); «О старых судах (по поводу усилившихся нападений в газетах и обществе на новый суд)» (с. 652-665); «О старых судах (по поводу статьи, помещенной в «С.-Петербургских Ведомостях»)» (с. 665-679); «О вопросах, предлагаемых на суд защитниками (по поводу статьи: Перекрестный допрос)» (с. 684-686). Уточню, что названия всех статей были предложены не И.С. Аксаковым, а составителями его сочинений.

собою едва ли не характернейшую черту старого процесса. Они естественны для человека с горячим сердцем, воочию убедившегося в том, что чаще всего именем закона прикрывалось грубое и жестокое беззаконие» (с. 56).

«Аксакову довелось три раза участвовать в суде в качестве присяжного заседателя и принимать участие в заседаниях окружного суда в качестве почетного мирового судьи. Вместе с тем он продолжал внимательно наблюдать за жизнью судебных учреждений, вдумываться в результаты их деятельности, сопоставлять и сравнивать новое со старым, столь хорошо ему знакомым и столь ненавистным. И когда в начале восьмидесятых годов “Московские Ведомости” с новой силой ополчились против ненавистных им судебных уставов, когда хор их подголосков стал глумиться, метать грязь, со свистом и хохотом, во весь судебный персонал, не выделяя никого, во весь судебный институт, с его прошедшим и настоящим <...> тогда вновь заговорил Аксаков. Его статья, озаглавленная: “о старых судах (по поводу усилившихся нападений в газетах и обществе на новый суд)”⁶¹⁴, принадлежит не только к лучшим и сильнейшим, которые он когда-либо писал, но и во всей русской публицистической литературе достойна занять по силе выражения и глубине мысли одно из первых мест.

Обрисовав картину той травли, которой подвергся новый суд, Аксаков спрашивает: “Неужели же в самом деле так мы забывчивы, что у нас совсем уже и из памяти вон – во что обратился, чем был старый, еще недавний, еще и четвертью века от нас неотделенный прежний суд, вверенный Высочайшею властью дворянскому сословному охранению, поставленный под эгиду дворянской корпоративной чести? Старый суд! При одном воспоминании о нем волосы встают дыбом, мороз дерет по коже... Тогдашнее уголовное правосудие было во истину мерзость запустения на месте святе! Со всем пылом юношеского негодования ринулись мы вместе с товарищами по воспитанию в неравную борьбу с судейской неправдой, – и точно так же, как и теперь, встревоженная этим натиском стая кривосудов поднимала дикий вопль: “вольнодумцы! бунтовщики! революционеры!” Перед нами невольно встают воспоминания одно возмутительнее другого. Какие муки, какие терзания испытывала душа, сознавая бессилие помочь истине, невозможность провести правду сквозь пути и сети тогдашнего формального судопроизводства! Там внизу старый крючковед-следователь снует фальшивую основу, по всем внешним правилам закона, для будущего судебного приговора; затем, в уездной инстанции, при корыстном участии или при совершенном, не менее преступном, безучастии выборных дворян – судей, взяточник – секретарь стряпает из дела “записку” и подсказывает им безобразную, не по форме, а по существу, резолюцию; вот, наконец, после многолетней иногда проволоочки, дело в уголовной палате, где ждет его та же участь...” (с. 57).

⁶¹⁴ «Русь», 1884. 15 февраля. № 4.

“Никакого просвета не было в этой тьме. В судах черна неправдой черной, Россия не смела и уповать, что когда-либо убелится. Суд и неправда в понятиях народа были синонимами... Неправосудие представлялось каким-то неизбежным элементом жизни, чуть не основой русского общежития... Как ни мечтали мы о лучшем будущем, но самые дерзновенные наши мечты даже и не достигали до предположения, что когда-либо станет возможен в нашем отечестве суд *совсем без взяток*, хотя бы только *без взяток!*... И такой суд стал возможен!”

Как и можно было ожидать, статья Аксакова еще более раздражила гусей и вызвала новые нападки, на которые им был немедленно же дан отпор⁶¹⁵. Развивая в новой статье те выводы, которые он ранее высказал, вновь указывая на то, что судебные уставы сняли с русского правосудия позор взяточничества...» (с. 58).

В этот раз Аксаков вступил в полемику сразу с двумя лагерями. Во-первых, аксаковская газета отметила, что «сильное раздражение произвела статья “Руси” о старых судах в нашем так называемом консервативном лагере». В частности, Аксаков упоминал о полемизировавшей с «Русью» передовой 53-го номера «Санкт-Петербургских ведомостей» и брошюре «Заметки присяжного заседателя», «разосланной», как выразился он «при “Гражданине”»⁶¹⁶. Затем Аксаков ответил и либеральной прессе. При этом он, указав на целый ряд принципиальных расхождений с либералами, например, отношение к мирскому самоуправлению, крестьянской общине и «самобытности в сфере политических идей», т.е. представлениям о государственном устройстве⁶¹⁷. В частности, редактор «Руси» заметил, что не желает консолидироваться с позицией графа П.А. Кутузова, «сотрудника и вдохновителя» «Русского курьера», радостно откликнувшегося на его статью о судах «Письмом к И.С. Аксакову»⁶¹⁸.

Уже после смерти Аксакова, либеральный публицист и адвокат К.К. Арсеньев признавал, что статьи «Руси» о судебных уставах «внесли разлад в лагерь реакционеров и укрепили учреждение, висящее на волоске, авторитетом слова, беспристрастие которого никто не мог заподозрить»⁶¹⁹. А в 1890 г. В.А.

⁶¹⁵ См.: «Русь». 1884. 1 марта. № 5.

⁶¹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1884. 23 февраля. № 53. С. 1 (После появления этой статьи возникли слухи, что ее автор Победоносцев. Сам же обер-прокурор в письме к председателю московской судебной палаты А.Н. Шахову разъяснял, что хотя он не является автором, но «посоветовал редактору “Петербургских Ведомостей” план статьи и основные ее мысли» (К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. Минск, 2003. С. 46)); Заметки присяжного заседателя. СПб. 1884. (В этой брошюре собраны статьи, опубликованные под тем же заглавием в 30–35-м номерах «Гражданина» за 24 июня – 28 августа 1884 г.). Цит. по: Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2010. С. 257.

⁶¹⁷ Русь. 1884. 1 марта. № 5. С. 9–11.

⁶¹⁸ Русский курьер. 1884. 26 февраля. № 55. С. 1. 29 февраля эта газета снова вспомнила Аксакова, отметив «истинное красноречие» его статьи о судах и выразив надежду, что он «порвал в этом вопросе» связь с «партией князя “Точки” (Мещерского) и К°!...» (Русский курьер. 1884. 29 февраля. № 58. С. 1). Цит. по: Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь»... С. 257.

⁶¹⁹ [Арсеньев К.К.] Из общественной хроники // Вестник Европы. 1886. № 3. С. 437. Цит. по: Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь»... С. 256.

Грингмут в «Московских ведомостях», напомнив самое начало передовой о судах, где автор говорил о забывчивости общества, назвал ее одной из наиболее «либеральных» статей Аксакова, «за которую он стяжал себе громкую славу в рядах наших так называемых «западников», которые после этого его прямо объявили «своим». И Иван Сергеевич, – добавлял Грингмут, – был очень польщен этим кумовством, и ни разу нигде против него не протестовал»⁶²⁰.

Завершим же данный обзор словами профессора В.Д. Набокова об Иване Аксакове: «Ему пришлось быть деятелем дореформенной юстиции: болью и ужасом повеяла она на него, сделав его на всю жизнь горячим ненавистником того, что он называл “старой кривдой”, и побудив его всей силой крупного публицистического дарования встать на защиту судебных уставов в эпоху наибольшей для них опасности. Оттого-то в истории <...> судебных уставов – имя Аксакова не может быть забыто...»⁶²¹.

Лев Александрович Тихомиров о публицистическом сознании И.С. Аксакова

См.: *Мотин С.В.* Л.А. Тихомиров о публицистическом сознании И.С. Аксакова // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы Международной научно-практической конференции 11 декабря 2009 г. Уфа: Издательство БГПУ, 2009. С. 322–325.

«Русская политическая мысль, насколько она сделала успехов в национальном духе, всем обязана не государственной науке, которая прививала европейские идеи и понятия, а публицистике. Среди ее представителей особенно много сделали славянофилы вообще, а И.С. Аксаков в частности, и особо от них стоящий М.Н. Катков. <...> Это два писателя, у которых чаще всего ищут русского учения о государственной власти»

Л.А. Тихомиров [1, с. 279, 280].

Лев Александрович Тихомиров (1852–1923), политический деятель, публицист, религиозно-философский мыслитель [2, 3, 3а]. Из дворян, сын военного лекаря. Окончил Керченскую гимназию. В 1870–1872 гг. учился на медицинском факультете Московского университета. В 1872–1873 гг. входил в кружок «чайковцев» – тайной организации «Земля и воля». После ареста в 1873 г. находился в Петропавловской крепости в заключении.

После освобождения в 1878 г. переходит на нелегальное положение. Один из создателей партии «Народная воля», член ее Исполнительного комитета. В 1882 г. эмигрировал в Швейцарию, затем во Францию. За гра-

⁶²⁰ Spectator [Грингмут В.А.] Политические письма. 1. И.С. Аксаков // Московские ведомости. 1890. 18 ноября. № 319. С. 3. Цит. по: Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь»... С. 256.

⁶²¹ Набоков В.Д. Иван Сергеевич Аксаков // Главные деятели и предшественники судебной реформы. СПб., 1904. С. 53.

ницей с 1883 г. издавал вместе с П.Л. Лавровым «Вестник “Народной воли”». В 1888 г. подает на имя императора Александра III просьбу о помиловании. Просьба была удовлетворена, и в 1889 г. Л.А. Тихомиров возвратился в Россию.

В 1890-е и 1900-е гг. Л.А. Тихомиров пишет целый ряд книг, где на русском материале развивает свои антидемократические и монархические идеи [напр., см.: 4–10]. В 1909–1913 гг. редактор-издатель монархической газеты «Московские ведомости». Как эксперт по борьбе с революционным движением, был назначен членом Совета министра внутренних дел. В 1917 г. отходит от политической деятельности, пишет воспоминания [11, 11а], безвыездно живет в Сергиевом посаде. В постсоветское время были опубликованы несколько книг Л.А. Тихомирова [1, 12–15].

В 1905 г. выходит в свет книга Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность» [см.: 16]. Эта работа анализирует происхождение и содержание монархического принципа правления, представляет историю Римской, Византийской и Русской государственности в их историко-политической преемственности, раскрывает сильные и слабые стороны Русской монархии, проявившиеся к началу XX века. В книге есть фрагмент, посвященный анализу публицистического сознания И.С. Аксакова [1, с. 285–288], основанный на статьях из 5-го тома его собрания сочинений [17]. К изложению этого фрагмента мы и приступаем.

«Жгучие вопросы того времени – о конституции и парламентаризме, о народном представительстве, о самоуправлении, о свободе слова и мысли, вот что занимало Аксакова как и Каткова, и, касаясь вопроса о самодержавии, не столько разбирался этот принцип сам по себе, как его отношение к представительству, самоуправлению и свободе. <...>

Так, имея в виду защитить неограниченность царской власти, Аксаков говорит: "Что такое самодержавие, неограниченность власти? Это есть принадлежность, необходимое свойство всякой власти в области ей свойственных отправлений" (соч. т. V, стр. 13). Это, конечно, грубая ошибка. Самодержавность и неограниченность вовсе не свойство всякой власти, а только и исключительно власти верховной. Все же остальные власти – "делегированные", всегда и обязательно ограничены той властью, которая дала им их полномочия. <...>

Аксаков очень хорошо сознает, что связь царя и народа нравственная. "Вопрос о том, что лучше: коронованное ли общественное мнение или коронованный человек, ничем не огражденный, кроме права за ним всенародно признанного, бессильный как личная одинокая сила, но могучий идеями, которой он представитель, и этой идеей освящаемый, – этот вопрос решается в каждой стране сообразно ее местным потребностям и историческим особенностям развития". В России он решен в форме власти единоличной. Тут верно чувство и, как почти всегда, неясность мысли. Дело, конечно, не в "по-

требностях", а в духовном состоянии народа, чем бы оно ни создавалось.
<...>

"Русский народ, – говорит он, – образуя Русское государство, признал за последним в лице царя полную свободу правительственного действия, неограниченную свободу государственной власти, а сам, отказавшись от всяких властолюбивых притязаний ... свободно подчинил в сфере внешнего, формального действия, слепую волю свою ... воле одного им избранного (с его преемниками) человека... Для восполнения же недостаточности единоличной неограниченной власти в разумении нужд и потребностей народных – он (народ) признает землю, в своем идеале – полную свободу бытовой и духовной жизни, неограниченную свободу мнения или критики, то есть мысли и слова".

"Единоличному уму, облеченному верховной неограниченной властью, содействует, таким образом, ум миллионов, нисколько не стесняющих его свободы, не насилуя его воли" (соч. т. V, стр. 16). Несмотря на это "отречение" народа от "властолюбия", местное самоуправление, по Аксакову, все-таки входит в область ведения народа. "Самоуправляющаяся местная земля с самодержавным царем во главе – вот русский политический идеал" (соч. т. V, стр. 57, это писано в 1881 году).

Тут все неточно, все возбуждает вопросы: почему местное управление не есть дело "властолюбия", а общее государственное – дело "властолюбия"? Что такое местное управление? Правда ли, что царю принадлежит только внешнее и формальное действие? Неужели царская власть не участвует в действии нравственном? В истории русской никогда цари так себя не ограничивали, и народ всегда ждал от них не одного внешнего и формального действия. В государственном праве точно так же Верховная власть не осуждается на такое бездушное существование... И даже сам Аксаков говорит в своей знаменитой речи 1881 года в Петербургском Славянском Благородном Обществе: "Не бездушному снаряду вручена народом власть, а человеку, с живой человеческой душой, с русским сердцем и с христианской совестью"
...

Совершенно верно, но потому-то и ложны все перегородки, которые Аксаков устраивает между якобы областями ведения царя и народа, ибо монархия именно не имеет их. В монархии и народ не отказывался ни от какой власти, и царь не ограничен какой-либо отдельной областью действия, но как Верховная власть – ниоткуда не устранен.

В свою очередь и народ, как справедливо доказывает Катков, не устранен от сознательного участия в какой бы то ни было отрасли государственных интересов, а даже обязан к этому присягой. Дело не в одном "местном" управлении, которое точно так же не может остаться без воздействия Верховной власти, как в свою очередь общегосударственное управление не может оставаться без воздействия народа. Впрочем, Аксаков и славянофилы сами считали земские соборы неременной принадлежностью нашей монар-

хии. Следовательно, не в одном местном управлении проявляется единство царя и народа в заботе о народно-государственном деле. Сверх того, это единство относится не к области одной политики и какого-нибудь только "внешнего" действия, а ко всему, чем только живет народ.

Верховная власть выражает тот элемент, который выше всего и всем заведует. Царская Верховная власть есть верховенство нравственного идеала в государственной жизни, а следовательно, царь не может быть оторван от жизни этого идеала в народе. Правда, что в этой идеальной области царь уже не есть господин. Он здесь уже есть подчиненная сила. Но подчинен он только идеалу а в отношен всего, что уклоняется от этого идеала или восстает на этот идеал, царь, как Верховная власть государства, поставленная на страже этого идеала в общенародной жизни, является властью в области жизни церковной, нравственной и той "бытовой", которую Аксаков выделяет в исключительное ведение народа. <...>

В понимании содержания Верховной власти и отношений царя и народа Катков несомненно правее Аксакова, но только теоретически. На практике же Аксаков оказывался часто правее.

Аксаков требовал действительного общения царя с народом, он требовал самоуправления, он требовал восстановления прав Церкви, то есть требовал именно того, при наличии чего царская власть только и может быть верховной, выражать не произвольные побуждения царя, как человека, но требования нравственного идеала народа. Катков же всему этому противился, хотя и признавал сам, что какое-то непосредственное общение царя с народом требуется иметь. Он даже в отношении церкви фактически поддерживал положение царя как главы, фактически помогал цезаропапизму. Никогда он не поддержал ни одного случая нравственного влияния нации на Верховную власть, за исключением своего собственного влияния. <...>

Аксаков же готов был дать России возможность самой высказать, что она считает лучшим для себя. Это разница темпераментов, и в силу этого Аксаков, при худшей формулировке искренне выражал требования самого идеала царско-народных отношений.

Но если подвести счет политическому учению Аксакова, то итог получится все-таки небольшой. Положительного и верного в нем лишь то, что, во-первых, связь царя с народом, по существу нравственная, но какая? – это не определено; во-вторых, что есть учреждения, которые царская власть, не превращаясь в абсолютизм, не может уничтожать, а именно то, что охраняет церковную самостоятельность, – патриаршество, Соборы, затем "местное" самоуправление и Земские соборы, выражающие право подданных выражать свое мнение и критику. Во всем этом славянофилы и Аксаков стояли на совершенно верном пути к разработке политики самодержавия, но разработки этой все же не сделали и свое учение запестрили множеством теоретических произвольностей» [1, с. 285–288].

Литература

1. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 624 с.
2. Маевский Вл. Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. – Нови Сад, 1934.
3. Твардовская В.А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870-1880 гг. – М., 1969.
- 3а. Смолин М.Б. Тихомиров Лев Александрович // Славянофилы. Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 530–534.
4. Тихомиров Л.А. Демократия либеральная и социальная. – М., 1896.
5. Тихомиров Л.А. Вопросы экономической политики. – М., 1900.
6. Тихомиров Л.А. Государственность и религия. – М., 1903.
7. Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. – М., 1907.
8. Тихомиров Л.А. Законы о печати. – СПб., 1909.
9. Тихомиров Л.А. Что такое монархия? Опыт монархического катехизиса. – М., 1911.
10. Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. Сборник статей. – М., 1912.
11. Воспоминания Льва Тихомирова. – М.; Л., 1927.
- 11а. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания / сост., вступит. ст. и коммент. М.Б. Смолина. – М., 2000.
12. Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. – М., 1993.
13. Тихомиров Л.А. Критика демократии. – М., 1997.
14. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. – М., 1997.
15. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М., 1999.
16. Верецагин В.Ю., Макеев В.В., Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД РФ, 2003.
17. Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 1–7. – М., 1886–1887. – Т. 5. Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». – М., 1887.

П.Б. Струве и его статья, посвященная творчеству и политико-правовым взглядам И.С. Аксакова

См.: *Мотин С.В.* П.Б. Струве и его статья, посвященная творчеству и политико-правовым взглядам И.С. Аксакова // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина: материалы международной научно-практической конференции (посвящена 65-й годовщине со дня принятия Всеобщей деклара-

ции прав человека и 20-й годовщине принятия Конституции Российской Федерации), г. Уфа, 28 ноября 2013 года: в IV ч. Ч. II / под общ. ред. Р.В. Нигматуллина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2013. С. 63-69.

«<...> Иван Аксаков был в одно и то же время борцом и за права человека и гражданина, и за национальное начало. Ему было присуще острое и тонкое чувство права, укорененное в правде, и глубокое, трепетно-восторженное ощущение соборного начала народности. В русской публицистике нет лучшей защиты свободы слова и совести, чем классические статьи на эти темы Ивана Аксакова»⁶²².

П.Б. Струве

«Мировоззрение Аксакова, его уникальная консервативно-либерально-националистическая идеология действительно дают ключ к самым глубоким тайнам политического мышления Струве, объясняя те особенности его взглядов, которые подчас кажутся необъяснимыми»⁶²³.

Р. Пайпс

В 1923 году, к столетию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова (1823-1886), П.Б. Струве опубликовал, пожалуй, лучшую статью, посвященную жизни и творчеству И.С. Аксакова⁶²⁴.

Петр Бернгардович Струве (1870-1844) – выдающийся представитель русской интеллектуальной культуры конца XIX – первой половины XX века, общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк и философ⁶²⁵. «...Струве, прошедший сложный путь от марксиста, ревизиониста, социалиста, социал-либерала до националиста, либерал-консерватора и почти монархиста, всего лишь последовательно (то слева, то справа⁶²⁶) выявлял обе грани своего изначального кредо: либерализма и национализма»⁶²⁷. М.А. Колеров, первым опубликовал юношеский дневник Струве, в котором

⁶²² Струве П.Б. Аксаковы и Аксаков. К столетию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова // И.С. Аксаков в его письмах: эпистолярный дневник 1838–1886 гг. В 3 т. Т. III. Письма 1857–1886 гг. Poleмические речи. Воспоминания. М., 2004. С. 503.

⁶²³ Пайпс Р. Струве: левый либерал, 1870–1905. Том 1. М., 2001. С. 34.

⁶²⁴ Струве П.Б. Аксаковы и Аксаков. К столетию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова // Русская мысль. Прага – Берлин, 1923, № 6/8. Мы будем использовать републикацию этой статьи: И.С. Аксаков в его письмах: эпистолярный дневник 1838–1886 гг. В 3 т. Т. III. М., 2004. С. 500–504. Далее все ссылки на эту публикацию будем помещать в тексте статьи в круглых скобках с указанием номера страницы.

⁶²⁵ О нем см.: Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. 237 с.; Белов С.В. История одной "дружбы" (В.И. Ленин и П.Б. Струве). СПб., 2005. 108 с.; Ананьев О.В. Петр Бернгардович Струве: жизнь, борьба, творчество [2-е изд., перераб. и доп.]. СПб., 2009. 205 с.; Петр Бернгардович Струве / под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. 327 с.

⁶²⁶ Обращаю внимание на названия двух томов, впервые опубликованных Ричардом Пайпсом в 1970 и 1980 гг.: Струве: левый либерал, 1870–1905. Том 1. М., 2001; Струве: правый либерал. 1905–1944. Том 2. М., 2001.

⁶²⁷ Колеров М.А. Петр Струве как мыслитель: вводные замечания // Петр Бернгардович Струве. М., 2012. С. 84.

он, четырнадцатилетний, называет себя «национал-либералом, либералом почвы»⁶²⁸.

Совсем юный Струве, ему тогда не было и 15 лет, вспоминал: «У меня были патриотические, националистические устремления, с оттенком династических и в то же время славянофильских симпатий, граничащие с ненавистью к революционному движению. Иван Аксаков и Достоевский в качестве автора *Дневника писателя* были моими главными проводниками в царстве идей»⁶²⁹. Тетрадки аксаковской «Руси» «с увлечением читались и прилежно перечитывались. Я втихомолку строчил что-то для “Руси”, скрывая написанное и от родителей, и от братьев. Мать моя что-то писала и Достоевскому, и Аксакову» (с. 501).

До конца жизни Струве помнил в подробностях тот важный для всей его семьи эпизод, когда летом 1882 г., будучи проездом в Москве, они удостоились посещения Аксаковым их гостиничного номера в «Славянском базаре»: «...появилась фигура героя моих детских идейных восторгов и политических увлечений, Ивана Сергеевича Аксакова. Он пришел отдать визит моему отцу и поблагодарить мою мать за читательское сочувствие» (с. 501-502). Американский историк Р. Пайпс в своей монографии о Струве констатирует: «Восхищение Аксаковым, который из всех действующих лиц истории русской мысли оказал на него наибольшее влияние, проявилось у Струве в очень раннем возрасте и никогда не угасало»⁶³⁰. Вспоминая себя, двенадцатилетнего мальчика, Струве отметил, что его «первой идеологической любовью <...> были славянофилы вообще и редактор “Руси” в частности» (с. 501).

Первый серьезный мировоззренческий сдвиг у Струве произошел на рубеже 1885-1886 гг. и был вызван глубоким потрясением от противостояния с режимом кумира его юности, либерального славянофила Ивана Аксакова. Эту точку зрения высказывает Р. Пайпс, который пишет, что переход к либерализму в середине 1880-х гг. явился у Струве «результатом внезапного озарения»: «При каких обстоятельствах это произошло, мы можем только догадываться. Однако имеются твердые указания на то, что этот интеллектуальный кризис был спровоцирован последним столкновением, имевшим место между И. Аксаковым и цензурой незадолго до его смерти в январе 1886 года»⁶³¹. В связи с этим Струве вспоминал: «Его статья в “Руси” против цензурного ведомства»⁶³², которое почти перед самой смертью знаменитого публициста осмелилось обвинить его в “недостатке истинного патриотизма”, чи-

⁶²⁸ Колеров М.А., Плотников Н. С. Творческий путь П.Б. Струве. Публикация: Юношеский дневник П.Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009. С. 91.

⁶²⁹ Цит. по: Пайпс Р. Струве: левый либерал. С. 32. Сравни: Струве П.Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. 1950. № 9. С. 115.

⁶³⁰ Пайпс Р. Струве: левый либерал. С. 33.

⁶³¹ Пайпс Р. Струве: левый либерал. С. 39. Более подробное исследование этого вопроса доказывает полную обоснованность этого предположения. (См.: Глава 1. Иван Сергеевич Аксаков // Кара-Мурза А.А. Жукова О.А. Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: Институт философии РАН, 2011. С. 8–56.

⁶³² См.: «Русь». 1885. 6 декабря. № 23. С. 1-2.

талась и перечитывалась людьми нашего поколения буквально с трепетом и восторгом, как беспримерно-мужественное обличение бюрократической тупости и как такая же защита свободной речи» (с. 503). И еще: «В нашей семье все с энтузиазмом прочли страстный и мощный ответ Аксакова департаменту цензуры, а на меня он подействовал как теплый или даже горячий ветер, в порывах которого моя собственная любовь к свободе окончательно созрела»⁶³³. С этого времени Струве, по его собственным словам, «по страсти и убеждению становится либералом и конституционалистом»⁶³⁴.

С.Л. Франку принадлежит одна из самых точных интерпретаций особенностей либерального мировоззрения Струве – его *консервативной* составляющей. Почвенный консерватизм Струве вырастает из искреннейшего патриотического чувства. Его непосредственный идейный предшественник, человек духовного сродства – И.С. Аксаков. Струве – продолжатель аксаковской традиции, в которой, по его же словам, выразилось «то своеобразное сочетание неукротимого восторга и боевой энергии с трезвостью, с чувством меры и возможностей, с хозяйственной деловитостью, сочетание, в котором вся сила и прелесть подлинного патриотического горения и национально-государственного делания» (с. 502). Как и правоведа-государственника Б.Н. Чичерина, Струве относил И.С. Аксакова к «консервативным либералам» или «либеральным консерваторам». Аксаков был убежденным сторонником эволюционного, органического пути культурно-политического развития России и ее исторического субъекта – нации. Либеральное славянофильство Аксакова предшествует в отечественной политической традиции и находится в логической связи с формулой национально-культурного либерализма, к которой пришел Струве и чуть ранее старший современник Струве, выдающийся русский историк В.О. Ключевский⁶³⁵.

П.Б. Струве в начале статьи, посвященной И.С. Аксакову, замечает: «...это первый по специфической духовной одаренности и значительности русский публицист. Есть только два имени, которые можно поставить рядом с именем Ивана Аксакова. Это Герцен⁶³⁶ и Катков⁶³⁷» (с. 500). И чуть ниже продолжает: «Рядом с отцом⁶³⁸, художником быта, и братом⁶³⁹, философом народности, натурами созерцательными по своей сути, стал Иван Аксаков. В нем художническая чуткость отца к быту и природе и философски-

⁶³³ Цит. по: Пайпс Р. Струве: левый либерал. С. 41.

⁶³⁴ Струве П.Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. 1950. № 9. С. 116.

⁶³⁵ Подр. см.: Жукова О.А. Единство культуры и политики: либерально-консервативный проект П.Б. Струве в созидании России // Петр Бернгардович Струве. М., 2012. С. 106-108.

⁶³⁶ Александр Иванович Герцен (1812-1870) – публицист, писатель, философ.

⁶³⁷ Михаил Никифорович Катков (1818-1887) – публицист и издатель, идеолог охранительного движения, один из вдохновителей и организаторов русской политики 1850-80-х годов.

⁶³⁸ Сергей Тимофеевич Аксаков (1791-1859) – писатель, литературный критик, мемуарист. Его наиболее известные дети – Константин (1817-1860), Вера (1819-1864), Григорий (1820-1891) и Иван (1823-1886).

⁶³⁹ Константин Сергеевич Аксаков (1817-1860) – православный мыслитель, публицист, филолог, историк, поэт, литературный критик, славянофил. Старший сын С.Т. Аксакова.

исторический интерес брата к народу сопряглись с величайшей действенностью» (с. 501).

На многие годы Аксаков стал для Струве образцом человеческой «действенности» (именно это слово встречается в работах Струве об Аксакове наибольшее число раз). В нем особенно поражало то, что, «будучи приверженцем и носителем мировоззрения и писателем, он не замкнулся ни в учении, ни в теории, ни в писательстве или пропаганде» (с. 502). Высокие идеалы и одновременно умение претворять их в жизнь; подлинное свободолюбие и в то же время обостренное национальное чувство – в этих парадоксальных, на первый взгляд, соединениях был удивительный секрет Аксакова, волновавший и воодушевлявший Струве на протяжении всей его жизни⁶⁴⁰.

Затем Струве пишет: «В лице Ивана Аксакова, более чем кого-либо, более чем Александра Ивановича Кошелева⁶⁴¹, более даже, чем Юрия Федоровича Самарина⁶⁴², славянофильство спустилось с высоты историко-философского учения и вошло в реальную жизнь. Подобно Кошелеву и Самарину, Иван Аксаков был практическим деятелем. Но он больше их обоих был, на протяжении всей своей жизни, настоящим борцом. Унаследовав все духовное богатство старших славянофилов⁶⁴³, он, в качестве редактора ряда блестящих периодических изданий, выходявших с 1858 по 1886 г. (год его смерти)⁶⁴⁴, смыкал и сомкнул славянофильские учения с конкретными вопросами и запросами общественной и государственной жизни России» (с. 502).

В истории славянофильства, по нашему мнению, можно выделить, по крайней мере, пять этапов: 1-й этап – 1820-1830-е гг. – первоначальное (или подготовительное); 2-й этап – 1839-1860 гг. – раннее (или старшее); 3-й этап – 1860-1870-е гг. – срединное («панславистское»); 4-й этап – 1880-1890-е гг. – позднее (младшее) и 5-й этап – 1900-1910-е гг. – неославянофильское («младославянофильское»)⁶⁴⁵. Иван Аксаков начинает славянофильскую деятельность в той или иной степени еще с 1840-х годов, а с 1861 года и до конца жизни он становится, наряду с Ю.Ф. Самариным, идеологом и лидером пореформенного славянофильства.

⁶⁴⁰ См.: Кара-Мурза А.А. П.Б. Струве и развитие им концепции «личной годности» // Петр Бернгардович Струве. М., 2012. С. 163-164.

⁶⁴¹ Александр Иванович Кошелев (1806-1883) – мыслитель, сельский хозяин, экономист, публицист, славянофил.

⁶⁴² Юрий Федорович Самарин (1819-1876) – православный мыслитель, историк, общественный деятель, публицист, литературный критик, славянофил.

⁶⁴³ Это, в первую очередь, Алексей Степанович Хомяков (1804-1860), Иван Васильевич Киреевский (1806-1856) и уже упоминаемый К.С. Аксаков.

⁶⁴⁴ Это журнал «Русская Беседа» (1858-1859), газеты: «Парус» (1859), «День» (1861-1865), «Москва» и «Москвич» (1867-1868), «Русь» (1880-1886). Кроме того, в 1852 г. Аксаков выступил редактором «Московского сборника», вышел только 1-й том, а 2-й том был запрещен.

⁶⁴⁵ Подр. см.: Мотин С.В. Славянофилы, славяноведы, панслависты, неославянофилы, славянофилы... (К истории периодизации славянофильства) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / ИРЛИ РАН; под общ. ред. А.П. Дмитриева. СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2013. С. 882-893.

Впервые статьи Аксакова были собраны и изданы в 1886-1887 гг. сразу же после его смерти вдовой писателя А.Ф. Аксаковой. В этом издании статьи печатались по тексту газетных публикаций (1861-1886 гг. из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»). Кроме передовых статей здесь помещены некоторые речи Аксакова. Весь материал сгруппирован по тематическому признаку. Внутри разделов статьи печатались в хронологическом порядке⁶⁴⁶.

В статье Струве следующим образом характеризует аксаковскую публицистику: «В публицистике Ивана Аксакова был свой лад и строй. Эта духовная музыка была гармонически проникнута двумя основными мотивами-идеями: идеей свободной личности и идеей себя сознающего и утверждающего народа, то есть идеей нации, в которую не может не быть погружена даже самая свободная личность.

Вот почему Иван Аксаков был в одно и то же время борцом и за права человека и гражданина, и за национальное начало. Ему было присуще острое и тонкое чувство права, укорененное в правде, и глубокое, трепетно-восторженное ощущение соборного начала народности. В русской публицистике нет лучшей защиты свободы слова и совести, чем классические статьи на эти темы Ивана Аксакова⁶⁴⁷» (с. 502-503).

Остановился Струве и на особенностях аксаковского языка: «Внутренний строй и лад аксаковской публицистики нашел себе чудесное выражение в его языке. Иван Аксаков – классик русской речи. Никто ни до, ни после него не говорил таким сильным и ярким языком русским людям о праве, свободе, государстве, народе и народности. В этом чеканном языке красота русской поэтической речи, суровая четкость языка государственного управления и торжественная важность и неизъяснимая сладость церковного слова образовали какой-то новый сплав для выражения одушевленный пламенным патриотизмом гражданской мысли. Не случайно, что этот первоклассный публицист дал и неувядаемые образцы гражданской лирики, проникнутой каким-то скорбным пафосом⁶⁴⁸» (с. 503).

Особое внимание обратил Петр Бернгардович на аксаковские эпистолы: «Есть еще один род литературы, эпистолярный, в котором имя Ивана Аксакова должно быть поставлено в первом ряду русской письменности. Он оставил замечательные по содержанию и форме письма, в которых отразилось все богатство его души, все многообразие его запросов и интересов⁶⁴⁹. Пись-

⁶⁴⁶ Аксаков И.С. Собрание сочинений: Тт. 1–7. М., 1886–1887: Т. 1. Славянский вопрос. Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878. М., 1886. VIII, 791 с.; Т. 2. Славянофильство и западничество. М., 1886. VI, 846, IV с.; Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. М., 1886. VIII, 844 с.; Т. 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. М., 1886. VIII, 770 с.; Т. 5. Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. М., 1887. VI, 675 с.; Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. М., 1887. VI, 542, 71 с.; Т. 7. Общевропейская политика. Статьи разного содержания. М., 1887. VIII, 864 с.

⁶⁴⁷ Эти статьи размещены в 4-м томе собрания сочинений И.С. Аксакова.

⁶⁴⁸ См.: Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы / Общ. ред. А.Г. Дементьева; вступ. статья А.Г. Дементьева и Е.С. Калмановского; подгот. текста и примеч. Е.С. Калмановского. Л.: Советский писатель, 1960. 300 с.

⁶⁴⁹ См.: И.С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. М., 1888–1892: Т. I. Письма 1839–1848 гг. [2], 466, 100, [1] с.; Т. II. Письма 1848–1851 гг. [4], 409, [1], 56 с.; Т. III. Письма 1851–1860 гг.

ма эти – поучительный исторический документ своего времени и перво-классное произведение национальной литературы, иногда возвышающееся до несравненной поэтической красоты» (с. 503).

Выделяет Струве и экономико-финансовые аспекты в жизни и трудах Аксакова: «...Иван Аксаков хорошо понимал и знал действительную жизнь и, в частности, был одарен живым видением хозяйственной жизни. В истории русской экономической науки почетное место занимает его исследование украинских ярмарок, превосходное произведение описательной политической экономии⁶⁵⁰. <...> Этот “народный трибун”, этот подлинный художник слова был директором банка (одного из первых, основанных московским купечеством, обществ взаимного кредита⁶⁵¹). И это не было случайно, а соответствовало его глубочайшему убеждению в неразрывной связи между духовной и “материальной” культурой страны. Это входило в его общественное служение» (с. 503-504).

В заключение Струве отмечает значение Аксакова в славянском вопросе: «Роль Ивана Аксакова в славянском единении была для его времени чрезвычайно велика⁶⁵². Его имя было знаменем и для русских, и для других славян. Для врагов славянства он был “пресловутым панславистом” (“der berüchtigte Panslavist”), для многих русских западников – вредным мечтателем-националистом. Однако по существу многие мечты Аксакова уже стали непререкаемой действительностью. <...> Недаром одна из улиц столицы освобожденной русской кровью Болгарии, Софии, носит имя Аксакова, и недаром в духовном центре возрождающегося славянства, в Праге, среди сочувствия представителей братского народа, воскрешается его духовный облик и творится хвала его имени» (с. 504).

Таким образом, в предлагаемой статье нами рассмотрено: начальное формирование политического мировоззрения П.Б. Струве как «национал-либерала», огромное идеологическое влияние, оказанное на него передовыми статьями И.С. Аксакова и опубликованными им в газете «Русь» в первой половине 1880-х гг., а также изложение основных положений статьи П.Б. Струве, посвященной столетнему юбилею И.С. Аксакова.

[4], XXIV, 514, 166 с.; Часть вторая. Письма к разным лицам. СПб., 1896. Т. IV. Письма 1858–1886 гг. IV, [2], 297, 31, [2] с. Много аксаковских писем было опубликовано в дореволюционных журналах, а также эпистолярное наследие Аксакова начали достаточно активно издавать в последние годы.

⁶⁵⁰ Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. Труды Императорского русского географического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1858. [10], 383, IV с.

⁶⁵¹ Аксаков трудился в банке с 1869 г., а возглавлял его с 1874 г. и до самой своей кончины. См.: Очерк деятельности Московского купеческого общества взаимного кредита за двадцатипятилетие (1869–1894). М.: Типография Т.И. Гаген, 1895. 150 с.

⁶⁵² С 1858 г., когда был образован Московский славянский благотворительный комитет (с 1877 г. – общество), и до его закрытия в 1878 г. Аксаков был одним из его главных деятелей.

В.В. Зеньковский об опасности западного влияния на православный мир в публицистике И.С. Аксакова

См.: *Мотин С.В.* В.В. Зеньковский об опасности западного влияния на православный мир в публицистике Ивана Аксакова // Традиция. Духовность. Правопорядок: Материалы третьей всероссийской научной конференции (16-17 мая 2008 г.) / Под общ. ред. А.И. Числова, С.А. Шестакова. Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2008. С. 29-31.

«Из большой, хотя и мало изученной литературы, связанной со славянским вопросом, я выделяю лишь то, что писал Иван Аксаков, один из самых выдающихся наших политических мыслителей» [1].

В.В. Зеньковский

Философ, психолог, педагог и богослов Василий Васильевич Зеньковский (4(16).7.1881, г. Проскурово, ныне Хмельницкий – 5.8.1962, Париж) принадлежит к числу широко изучаемых авторов книг по истории русской философской и социальной мысли [2]. Его «История русской философии» [3] в течение многих лет служит руководством по изучению русской философской культуры в Западной Европе и США. По охвату материала и систематичности анализа идей русских философов (исключая мыслителей-материалистов) труд Зеньковского до сих пор остается во многом непревзойденным и в нашей стране [4].

Подобно многим мыслителям XX в., Зеньковский акцентировал внимание на проблемах кризиса европейской культуры и предлагал пути выхода из него. То, что С.Л. Франк называл «крушением кумиров», Н.А. Бердяев – «кризисом гуманизма», Г.П. Федотов – «кризисом культуры», О. Шпенглер – «закатом Европы», Зеньковский определяет по-своему, как секуляризацию культуры и возрастание в ней религиозного индифферентизма. Многие проявления современной культуры не удовлетворяли и, естественно, не могли удовлетворить Зеньковского. Наряду с другими русскими мыслителями он считал, что Запад был непосредственным виновником произошедших социальных потрясений в России [5].

Исследование Зеньковским проблемы секуляризации культуры в историко-философском аспекте впервые нашло свое концептуальное выражение в его книге «Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей» [6]. Книга состоит из 9 глав, в которых рассматриваются взгляды русских мыслителей от Н.В. Гоголя до Н.А. Бердяева. Взгляды И.С. Аксакова рассматриваются Зеньковским в пятой главе «После Крымской войны. И.С. Аксаков. Н.Я. Данилевский». Обратимся к тексту этой главы, где В.В. Зеньковский анализирует взгляды Ивана Сергеевича Аксакова [7].

«Принадлежа, по всем своим связям, к славянофилам, Иван Аксаков всегда сохранял свою собственную – независимую и оригинальную личность, не терялся среди других; самая поразительная черта в нем – это уди-

вительная внутренняя свобода, способность чутко и трезво относиться к действительности. Обладая блестящими организаторскими способностями, особенно развернувшимися в его деятельности в Москве в качестве председателя Славянского общества, Иван Аксаков был глубоким мыслителем, смелым и трезвым, верующим и в то же время тонко образованным. <...>

После Крымской войны наступает блестящий период деятельности Ивана Аксакова как публициста. Он не начал с антизападничества, но оно стало постепенно в нем накапливаться и крепнуть. В 1861 году он (с. 65) писал: “Пора понять, что ненависть, нередко инстинктивная, Запада к славянскому православному миру происходит от глубоко скрытых причин; причины эти – антагонизм двух противоположных просветительных начал и зависть дряхлого мира к новому, которому принадлежит будущее. Пора нам наконец принять вызов и смело вступить в бой с публицистикой Европы за себя и за наших братьев славян”. Несколькими годами позже он писал: “Вся задача Европы состояла и состоит в том, чтобы положить предел материальному и нравственному усилению России, чтобы не дать возникнуть новому, православно-славянскому миру, которого знамя предносится России и который ненавистен латино-германскому миру”. <...> С особой отчетливостью И. Аксаков сознавал тот факт, что Западная Европа боится сближения России с славянством и всячески борется против этого. В 1881 году он писал: “Вся задача западной европейской политики в том именно и состоит, чтобы расторгнуть связь между Россией и остальным миром славянским”. <...>

...И. Аксаков возводил противоборство Западной Европы и славянства к различию духовных основ, как они исторически выразились в католицизме и православии. “Латинство и православие, – писал он в 1867 году, – это те исторические и духовные начала, под воздействием которых двинулись различными историческими путями, сложились и образовались различные народности в Западной и Восточной Европе... В силу этого глубокого духовного различия европейский мир делится на две половины, на два мира – на Восток и Запад”. <...> (с. 66)

Не нужно и слишком заострять глубокое чувство противоборства Запада и России у И. Аксакова. <...> “Западноевропейская культура – *достояние общечеловеческое*, тем более что она и не есть сознание одного Запада..., а восприняла и весь культурный подвиг Древней Греции и все умственное и духовное богатство Рима – и с Востока свет веры Христовой; она – *этап на пути всемирно-исторического просвещения*, которого, стало быть, миновать нам невозможно”. <...> ...Аксаков не отвергал идеи общечеловеческой культуры, не отвергал коренного единства общечеловеческой истории, возвращаясь лишь к мысли об особой исторической миссии отдельных народов: их “особность” не означает “обособления”. “Призвание России, – заключает Аксаков только что приведенные мысли, – примирить односторонности Востока и Запада, претворить духовные богатства того и другого *в одно великое целое*”. <...>

Перейдем теперь к характеристике того, как глядел Иван Аксаков на западную цивилизацию. <...> “На Западе революционный нигилизм явление не случайное... его корни в самой истории, в самой цивилизации Запада..., он есть плод от древа культуры, взращенного Западом”. Это суровое и тяжкое обвинение Аксаков развивает с чрезвычайной глубиной и исключительной яркостью. <...> (с. 67) “Какое зрелище представляет нам современность? Свобода обращается в тиранию, равенство в попрание святейших прав человеческой личности, справедливость в злую неправду, знание – в невежество, ум – в глупость”. <...> “...в основании, в глубине современных учений Запада, не только революционных, но и философских, вообще его “последнего слова” лежит *отвержение Бога*, следовательно, отвержение всего, что святит человека и с ним всю природу... обездушение человека и порабощение его плоти... поклонение обездушенной материи, обезбоженному человеку, как Богу”.

Эти резкие, бичующие строки, продиктованные глубоким моральным негодованием, обращены к *итогам* культуры Запада, за критикой здесь ощущается тяжелое и горькое раздумье над тем, отчего в самом сердце цивилизации, в лучших часто ее носителях таится столько зла. <...> (с. 68) “Цивилизация без христианского просвещения, а тем более отрицая таковое, не способна *сама по себе* создать для человечества высший, лучший, нравственный строй бытия, а *логически венчается анархизмом и динамитом*”. Еще глубже следующая мысль Аксакова: “Цивилизация сама по себе, вне нравственного идеала, не ею порожденного и от нее независимого, бессильна дать общественному бытию ту основу, без которой немислимо самое его существование!”

Острие критики И. Аксакова направлено, как мы видим, против того глубокого аморализма, который стал явно проступать и в мыслях и в жизни, и для борьбы с которым Запад не имеет сил, поскольку он потерял связи с религией. Рост безрелигиозности и вытекающей отсюда рост аморализма, глубочайший духовный обвал, ведущий к духовному одичанию, – все это не выдумка, не публицистическое заострение, все это подлинная и жуткая действительность, грозное проникновение которой и в русскую душу замечал уже Аксаков – хотя и он не предвидел того ужасного финала, которым закончился как раз в России процесс морального гниения.

Подводя итоги <...> необходимо подчеркнуть, что глубокое и горькое сознание политического противоборства Запада и России не помешало Аксакову с чрезвычайной остротой взглянуть в духовное состояние Запада. Не с злорадством, не с ненавистью, а с мучительной тревогой рисует нам Аксаков разложение духовных основ общественного здоровья на Западе, он готов даже признать, что все, что он бичует на Западе, связано лишь с “настоящим фазисом его жизни”. Идея общечеловеческого единства, всеохватывающей правды ему дорога и близка, и оттого в нем воскресают старые мотивы 30-х

годов, вновь подкрепленные Достоевским, о том, что Россия примирит Восток и Запад (с. 69)».

Таковы основные идеи, высказанные В.В. Зеньковским по поводу опасности западного влияния на православный мир в публицистике И.С. Аксакова.

¹ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа / Сост. П.В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой; Вступ. ст. В.Н. Жукова и М.А. Маслина. – М.: Республика, 2005. – С. 65.

² О В.В. Зеньковском см: Алексеев П.В. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 345-346.

³ История русской философии: В 2 т. – Париж, 1948-1950; В 4 т. – Л., 1991.

⁴ Жуков В.Н., Маслин М.А. В.В. Зеньковский о России, русской философии и культуре // Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М., 2005. – С. 3.

⁵ Подр. см.: Жуков В.Н., Маслин М.А. Указ. соч. – С. 5-6.

⁶ Первая публикация книги – на сербско-хорватском языке (Загреб, 1922). Первое издание книги на русском языке вышло в парижском издательстве «УМСА-Press» в 1926 г., второе издание – Париж, УМСА-Press, 1955.

⁷ См.: Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М., 2005. – С. 62-75. – Далее все ссылки на данное издание в тексте статьи, в круглых скобках, с указанием номера страницы.

П.М. Бицилли

Иван Сергеевич Аксаков и его философия нации

См.: *Бицилли П.М.* Иван Сергеевич Аксаков и его философия нации <1928 г., перевод на рус. яз. 1992 г.> // *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 98–106, 648.

+ наши комментарии к этой статье с использованием сносок.

«Идея нации – идея народной свободы, самобытности, внутренней и внешней независимости. Аксаков – один из самых интересных и значительных теоретиков нации. Это качество проистекает прежде всего из того обстоятельства, что все его духовное существо было проникнуто идеей свободы и самобытности».

П.М. Бицилли

«...Аксаков обладал редкой способностью интуитивно и правильно понимать историческую жизнь. В тесной связи с его интуицией находится и его философия нации. Главная отличительная черта его философии – спиритуа-

листический индивидуализм, которым он резко отличается от натуралистического индивидуализма гениального, но не столь сильного мыслителя и обладающего более слабым философским образованием своего современника – Константина Леонтьева».

П.М. Бицилли

[С. 98]⁶⁵³ В связи с пятидесятилетием освободительной войны¹ Болгария и эмигрантская Россия, вероятно, вспомнят о человеке, который своим пером и словом в немалой степени способствовал освобождению Болгарии, – вспомнят об Иване Сергеевиче Аксакове. Аксаков получит причитающуюся ему долю заслуженного уважения: перед его памятью, хотя бы на несколько минут, большинство склонит голову в знак уважения, пусть и холодно-официального, как это всегда бывает, когда вспоминает о людях и событиях, связанных с чем-то давно прошедшем и осуществленным и отошедшим «в область истории».

Будем откровенны: И.С. Аксаков, борец за свободу славян, уже давно только символ определенной идеи; для нас он уже потерял свою индивидуальность и сам по себе уже не вызывает ни у кого интереса. В этом отношении он в России полностью разделил судьбу остальных славянофилов. Широкие круги русской интеллигенции долгое время смотрели на славянофильство как на старомодное кривляние, причем далеко не безвредное, по их мнению: по какому-то необъяснимому недоразумению, это течение, которое так много претерпело со стороны правительства во времена Николая I, да и после него, это течение, о котором нельзя сказать, что оно пользовалось безусловным благорасположением властей, именно это течение считалось идеологической основой режима, против которого громадное большинство русского общества было оппозиционно настроено. Совершенно бесстыдное игнорирование славянства и славянофилов прекратилось лишь недавно. Резкое проявление во время революции и гражданской войны национального чувства и усиление религиозного чувства создали условия для пробуждения нового интереса к людям, которые в свое время боролись за сохранение национальной самобытности, боролись с религиозной и национальной индифферентностью, ратовали против духовного порабощения России Западом. Представители идеалистического течения русской интеллигенции, зародившегося во время первой русской революции (1905 г.), видели и осознавали, что славянофилы – их духовные и идейные предшественники. Под влиянием всего того, что русской интеллигенции пришлось испытать и пережить за последние десять [С. 99] лет, это течение еще более усилилось и расширилось. Сейчас уже начинают читать и изучать славянофилов и примыкающих к ним, но И. Аксакова это не коснулось. Пересмотр уже установившихся оценок и взглядов на русскую общественность и русскую мысль как будто не за-

⁶⁵³ Здесь и далее в квадратных скобках указано начало очередной страницы статьи П.М. Бицилли.

трагивает его. О нем не пишут и его не читают. В известной степени этот факт легко объясним: Аксаков – публицист. На первый взгляд, как будто нельзя утверждать, каков он, поскольку он публицист и, следовательно, актуален лишь для своего времени, идеологически устарел для нас (впрочем, ниже я постараюсь доказать, что этого никогда не произойдет). И все же много из того, что он написал, не могло не устареть: устарели прежде всего поводы, по которым он писал свои статьи. По той же причине мы не можем хорошо понять и многие его недосказанные мысли, разбросанные в его статьях, а также некоторые отдельные места, которые когда-то волновали сердце читателя, трогали его, а сейчас читаются спокойно, хладнокровно и даже с известным усилением.

Сама форма, в которой публицист вынужден отливать свои мысли, способствует тому, что спустя известное время его статьи, собранные и изданные в одной книге, неудобны для чтения: публицист имеет перед глазами массу и массового читателя, которого должен взволновать, на которого должен воздействовать не столько убеждением, сколько своеобразным внушением. Кроме того, публицист ограничен и объемом, который обычно выделяется для «нормальной» газетной или журнальной статьи (Аксаков больше писал в газетах). Оба эти условия приводят к неизбежным повторениям, а также к недосказанным мыслям. То, на что человек обычно не обращает внимания, читая каждый день свою газету, и то, что прощается газетчику-публицисту, наскучивает, утомляет и раздражает, когда это читаешь в книге. Лишь исключительно талант Герцена и гений Достоевского могли сохранить до сих пор свежесть их статей, напечатанных в «Колоколе» и в «Дневнике писателя». И все же никто не поставит под один знаменатель «Дневник писателя» с «Бесами» или с «Идиотом». Но Аксаков – это не Достоевский и не Герцен. Он просто очень умный, культурный, талантливый и мыслящий человек, темпераментный, живой и отзывчивый журналист. А для бессмертного имени всего этого еще недостаточно. Прочитать полностью несколько увесистых томов газетных статей Аксакова – труд ни легкий, ни очень приятный. И все же мы не согласились бы с теми, кто допускает, что Аксаков вполне заслуживает быть совсем забытым. Остается одно – среднее: было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь взялся сделать для Аксакова то, что французы делают для своих писателей, литературное наследство которых достаточно устарело, но все же содержит страницы, которые заслуживают того, чтобы их помнили. [С. 100] Из полного собрания сочинений Аксакова могли бы быть извлечены избранные страницы: получился бы не очень большой том, в который вошли бы вещи, заслуживающие не только прочтения, а многократного возвращения. Сюда войдут, конечно, прежде всего его статьи, посвященные анализу идеи общества как сферы свободной человеческой деятельности и носителя известного мнения. Все, что Аксаков писал о свободе слова², возможно, самое лучшее из того, что он вообще писал. Сегодня его защита свободы печати имеет, может быть, лишь историческое зна-

чение, однако все же эти места из его произведений заслуживают быть спасенными от забвения, поскольку являются поистине совершенными образцами публицистического искусства. Впрочем, у Аксакова есть и другая область, в которой он и до сих пор не потерял своего значения, ее разработка заслуживает особого внимания и изучения. Я имею в виду проблему нации.

Не следует думать, что сегодня – во времена Лиги Наций³ и всеобщего признания «14 пунктов Вильсона»⁴, – что сегодня проблем нации уже решена. Способ, которым эти «14 пунктов» были применены на практике, факт, что они могли быть так обезображены, и наконец, факт, что сами эти безобразия нашли целый ряд порой абсолютно добросовестных и искренне убежденных защитников, – все это свидетельствует, что в этой области все еще существует огромная неясность и путаница в понятиях и что проблема нации еще нуждается в философском углублении и всестороннем и научном исследовании. Напомним только, сколь многочисленны и разнообразны и по сей день сами определения понятия нации, определения, ни одно из которых не стало общепризнанным и сумело вытеснить остальные, и уже отсюда становится ясно, что понятие нации все еще не может считаться научным понятием. В наше время, вследствие событий, которые переживает цивилизованный мир, проблема нации опять стала на повестку дня, вот почему не удивительно, что в связи с этим оживилась и ее теоретическая разработка. Воскресают из праха забвения мыслители – современники великих исторических потрясений, которые так очевидно напоминают нам и переживаемые нами события, – воскресают мыслители эпохи Революции и наполеоновских войн⁵, и, можно сказать, только сейчас, впервые после долгой-долгой паузы, их начинают понимать так, как следует. Здесь подчеркнем также, что русское славянофильство как определенное философско-историческое мировоззрение целиком возникло из концепции первых теоретиков нации: Мезера⁶, Хердера⁷ и романтиков. В этом отношении и И. Аксаков не представляет исключения. Однако из этого еще не следует, что его рассуждения о нации, ее сущности и свойствах, поскольку не оригинальны и не самостоятельны, не могут пробудить нашего интереса и не заслуживают нашего внимания. Существуют [С. 101] различные виды и формы идейной зависимости. Чужая мысль может быть принята на веру, усвоена по-ученически, рабски копирована. Такая копия, конечно, никому не нужна: лучше обратиться к оригиналу. Но есть и другой вид усвоения – творческий. Аксаков в такой степени ассимилировал идеи немецких романтиков, что с их точки зрения воспринимает и оценивает всю русскую историю и русскую действительность. Используя же эти идеи как критерий для нового материала, он вдыхает в них новую жизнь и новое развитие. Лишь так мы можем объяснить чудесную свежесть его рассуждений о нации, необыкновенную их содержательность и жизненное значение.

Идея нации – идея народной свободы, самобытности, внутренней и внешней независимости. Аксаков – один из самых интересных и значительных теоретиков нации. Это качество проистекает прежде всего из того об-

стоятельства, что все его духовное существо было проникнуто идеей свободы и самобытности. Аксаков уважает и ценит индивидуальное начало во всем: во всех областях жизни и во всех его проявлениях; вследствие этого для него ценна всякая бытовая черта, хотя и не очень значительная, лишь бы она свидетельствовала о наличии самостоятельной, оригинальной традиции; он ценит все, что свидетельствует о наличии самобытности у каждого человека в отдельности, и заботится о ее сохранении и создании условий для ее развития. Значит, у Аксакова все проистекает из одного общего принципа, или, точнее, из преобладающего в нем душевного настроения. С разных сторон, говоря на различные темы, в конце концов он всегда приходит к одному и тому же: он находит соответствие между всеми сферами жизни, лишь бы так или иначе во всех проявлениях жизни просматривались начала индивидуального. Сегодня он пишет о значении и роли провинции, «областного и местного начала в русской жизни» определяет «провинциализм» как «сумму местного опыта и знаний, самую тесную связь с местными интересами, которые должны придать особую прочность духовным силам местного общества, а последние со своей стороны не позволят заглухнуть ничему живому или способному жить, цвести и давать плоды...» Он защищает местную свободу, местную инициативу, поскольку влюблен в жизнь, поскольку всякое ущемление разнообразия, пестроты и сложности – для него ущемление и умерщвление самой жизни: «Чтобы эта жизнь (жизнь провинции) была производительной, первое условие, она должна чувствовать себя полноправной, ей должна быть предоставлена возможность свободно дышать, действовать и проявляться...» (Соч., т. II, стр. 187)⁸. Затрагивая проблему воспитания личной индивидуальности, он дает содержательное и своеобразное определение значения школы: «...семья, дом, общество, жизнь – все эти факторы играют роль в воспита[С. 102]нии человека едва ли не большую, чем собственно учение в школе. Однако при этом значение школьного обучения громадно, поскольку оно имеет дело преимущественно с духовной индивидуальностью человека – не с общей ее бытовой или семейной стороной, а с его самостью, если можно так выразиться, – с самим человеком; цель школы – будить личное самосознание в человеке, личную его духовную инициативу...» (там же, стр. 190)⁹.

С той же точки зрения Аксаков рассматривает и проблему нации. Нация для Аксакова – живое существо, психофизическое целое, которое охватывает не только внешнюю форму (государство, территория, общие учреждения), не только внутреннее содержание (культура, быт, традиция), но целостно проявляется только при гармоническом сочетании этих двух единств. Там, где выпячивается только государство, но нет общей культуры, там нет нации. Точно так же там, где есть национальная культура, но нет государственного единства, там есть национальность, но нет нации. Это результаты анализа проблемы, к которым пришли сегодня и современные теоретики нации (A.V. Genep. *Traité des Nationalités* 1923)¹⁰. Аксаков интуитивно уловил их еще то-

гда, хотя у него и нет соответствующей терминологии. Русский теоретик нации в середине XIX века был поставлен самой историей в особые, исключительно благоприятные для него условия по сравнению с подобными теоретиками, работавшими в Западной Европе: феномен нации стоял здесь перед ним во всей своей невероятной сложности. Россия представляет собой значительно более сложную формацию, чем какая-либо из великих держав, национальностей или наций Западной Европы. Простираясь по неизмеримым пространствам, достигнув на востоке недр Азии, подчинив на западе чуждую ей протестантскую и католическую цивилизацию (прибалтийские области и Польша), Россия стала континентальной империей именно тогда, когда сама еще не имела ка раз того, на чем крепится любая империя, – национального ядра. В сущности, хотя и политическое объединение различных племен русского народа было осуществлено очень давно, хотя уже сформировался общерусский литературный язык, общерусская литература и просвещение, однако общенациональная русская культура еще не оформилась. Общенациональной можно назвать лишь ту культуру, которая так или иначе является общей для всех горизонтальных пластов данного народа. А русская культура – славянофилы поняли это, и в этом их громадная заслуга – была культурой только тонкого верхнего слоя народа. Действительно, по сути именно через такой процесс оформляется любая национальная культура: она зарождается в общественных верхах и оттуда постепенно спускается вниз. Отличие однако русского национально-культурного развития от всякого другого «нормально[С. 103]го» состоит в том, что слой, который в культурном отношении поднялся над другими, именно в этот момент подъема в социальном отношении был в упадке и терял свое значение как руководитель. Русская культура оформляется и как культура аристократическая тогда, когда ударил последний час русской аристократии. Все это Аксаков прекрасно понял. Одно из самых насыщенных в философском смысле мест во втором томе его статей, в котором собрано все, что относится к «философии нации», это то место, в котором Аксаков развивает свои рассуждения о повсеместном вымирании старой аристократии и о замене аристократического начала народным началом. Аристократы, пишет Аксаков, везде уже теряют свое значение как сила, которая оформляет, объединяет и организует: «...в обществах образуются новые группы на базе общих и одинаковых экономических интересов, а в государственном отношении Европа постепенно переустраивается на базе племенного начала. Народность – вот новая, с одной стороны, разъединительная, а с другой стороны, объединительная сила, которая пробивает себе путь через прежние формации, созданные путем завоеваний, династических союзов, и теорией европейского равновесия...» (стр. 359)¹¹. Трагедия России состоит именно в том, что ее культура не успела стать общенациональной культурой тогда, когда носитель этой культуры начал гибнуть, и потому «народность не смогла стать наследницей аристократии как фактор, который

творить нацию». Славянофилы должны были естественным образом прийти к такому заключению.

Известно, однако, что они не пришли к нему. Вместо этого сущность трагической ненормальности национально-политического развития они находят в качественной ненародности, в видимой несамостоятельности, в том, что называется подражательностью русской культуры. Однако не это сейчас предмет нашего интереса. Отметим лишь, что отмеченная ненормальность, хотя и не была правильно оценена славянофилами, все же была сильно ими прочувствована и обдумана; это со своей стороны открыло им и другие стороны русского исторического развития. В качестве примера можем отметить, что Аксаков в свете всего этого, что ему открылось в судьбе русской национальной культуры, особенно ясно представлял и отчетливо поставил вопрос о национально-государственном объединении России. Глубже, чем его единомышленник Ю. Самарин, специалист по национальному вопросу в России (см.: проф. Нольде. «Самарин и его время», 1925)¹², Аксаков проникает в самую сущность вопроса. Хотя и будучи ненавистником «немецкого засилья» в России, которое проявляется главным образом в том, что лица немецкого происхождения, преимущественно «внутреннего», т.е. прибалтийские немцы, играли видную роль в руководящих кругах русской бюрократии, все же Аксаков отлично понимает, что борьба с немецким влиянием должна вестись не средствами внешнегосударственного принуждения (например, насильственной «русификацией» прибалтийских провинций), а силой самопроизвольного культурного отпора. Но как раз возможность такого отпора в условиях русской действительности ему представлялась сомнительной. Это заставило его перейти к еще более подробному теоретическому исследованию вопроса о формировании нации. «Условие государственного единства, – пишет он, – не во внешнем единообразии форм и учреждений, не в большей или меньшей крепости звеньев внешней административной связи, которая держит и сплачивает все части одного государства, а в силе и выносливости внутреннего объединяющего начала. В истории, разумеется, это начало является не как какая-то отвлеченная идея, а как известная народность, как живая народная личность... Народность для каждого народа – то же самое, что личность для отдельного человека... Безличный народ не в состоянии сыграть никакой самостоятельной исторической роли...». «Народность, т.е. национальная индивидуальность, не следует смешивать с этническим началом. Народность может оформиться и из сочетания разных племен, если ранее они образовывали общий исторический тип...». Без этой основы невозможно существование сильного государства. Но это не значит, что государство должно быть полностью однородным. «...В границы единого государства могут входить и другие народности, к нему могут присоединяться и другие политические образования». Такие народности или ассимилируются преобладающей или остаются отдельно сами по себе; даже в последнем случае опасности для государства нет, если только эти чуждые образования малы

или просто незначительны в культурном отношении. Таковы восточные инородцы России. Но не таковы ее западные подданные. В отношении них возникает очень важный вопрос об их ассимиляции. Мы уже видели, что для Аксакова не существует и не может быть принудительной ассимиляции. Для него она органичный процесс. Аксаков видит, сколь сложен этот вопрос, и предостерегает себя и других от поспешных обобщений и определений закономерностей. Из-за отсутствия места я не могу процитировать его соответствующие рассуждения по этому вопросу, которые весьма любопытны и ценны (стр. 245–253)¹³. Они не потеряли своего значения и по сей день, поскольку вопрос, поднятый Аксаковым, все еще ждет своего научного освещения. В общей проблеме нации есть еще одна сторона, в исследовании которой Аксаков имеет большие заслуги, поскольку открывает в ней новые пути. Выше я уже упоминал, что нации для Аксакова – психофизическое единство. «Дух» нации неотделим от ее «плоти». Под «плотью» нации следует понимать не только ее государственно-правовую форму, но и ее материальный, в полном смысле этого слова, субстрат – [С. 105] территорию. Факт, что оформление национальных организмов совершается в пространстве, как и другие подобные факты, которые очевидны и всегда перед глазами у всех, а именно по этой причине – просто по привычке – обойден, а часто оставлен без внимания. Человеку свойственно проявлять интерес прежде всего к исключительному. Аксаков один из немногих, кто понял значение очевидного факта, что нация является не только культурной, но и, как сегодня говорят, геополитической величиной. Нет ничего удивительного в том, что и по этому вопросу русский мыслитель первый сказал свое слово и тем самым внес большой вклад в правильную постановку проблемы. И заслуга его, конечно, не случайна. Аксаков сам объясняет, в чем состоит вопрос. «...Удивительна... судьба России, – пишет он. Вот уже второе тысячелетие, как она живет самостоятельной государственной жизнью, а все еще не определилась, все еще переживает период формирования – формирования даже внешне-географического». Очень глубоко и очень верно сказано. Народы Западной Европы осели кто покрепче, кто послабее на своих местах очень давно и очень давно, так сказать, заполнили как будто предварительно predeterminedенные самой природой свои границы. Экспансия (расселение по чужим землям) этих народов не носит характер национально-государственного роста. И Аксаков первый увидел все это и прекрасно сформулировал: «...Что касается колоний, которые приобрела себе Англия... во всех частях света, которыми богата и Франция, которые в избытке имеются у Испании с Португалией и Голландией, то нужно отметить, что колонии не являются принадлежностью самого телосложения соответствующих стран: они скорее нечто как деторождение, распространение семени уже оформившегося организма...». Своеобразие России как геополитической величины состоит именно в том, что она в сущности не имеет границ на материке. На западе она соседствует с народами, распространение которых ясно очерчено границами в

смысле культуры, вероисповедания и языка, а на востоке никто и ничто не останавливает и не может остановить распространение России – вплоть до Гималаев, Китайской стены, Океана. Ключевский подчеркивает, сколь важным фактом в русской истории является колонизация, а в наше время все больше и больше считают, что русскую историю можно понять, лишь рассматривая ее как часть истории Евразии, и что сущность процесса русского национально-политического развития заключается в том, что это развитие постепенно отождествляется с развитием всей Евразии (см.: Г.В. Вернадский. «Начертание русской истории». Прага. 1927)¹⁴. От момента, когда Москва перестает быть провинцией («улусом») монгольских ханов, русская история, согласно «евразийцам», лишь новое воспроизведение *mutatis mutandis*¹⁵ истории прежних владетелей старой [С. 106] Руси – первых объединителей Евразии. И эту точку зрения мы находим *in puse*¹⁶ в той же статье Аксакова «Где границы государственному росту России»¹⁷, из которой мы привели последние цитаты (стр. 781–797). У Аксакова же мы находим и вторую основную идею современного «евразийства», согласно которой Россия как особый мир («континент» – по евразийской терминологии) может быть противопоставлена европейским государствам и даже всей «Европе» в целом (см. статью «Всемирно историческое призвание России»¹⁸, и особенно стр. 801).

Повторяю, Аксаков прежде всего публицист и общественный деятель и как философ нации мог проявиться лишь между прочим и отрывочно. Но и то малое, что он дал нам в этой области, очень интересно. Это говорит о том, что Аксаков обладал редкой способностью интуитивно и правильно понимать историческую жизнь. В тесной связи с его интуицией находится и его философия нации. Главная отличительная черта его философии – спиритуалистический индивидуализм, которым он резко отличается от натуралистического индивидуализма гениального, но не столь сильного мыслителя и обладающего более слабым философским образованием своего современника – Константина Леонтьева. Никакие соблазнительные, чисто отвлеченные и вымышленные теории не смогли бы вовлечь Аксакова в тот страшный пессимизм, который продиктовал Леонтьеву совет «охладить Россию» и через анабиоз духовной и политической реакции предохранить ее от неизбежного для любого организма гниения и который привел Леонтьева к тому, что он стал противником идеологии эмансипации христианских народов на востоке. Напротив, Аксаков, в противоположность Леонтьеву, благоговеет перед жизнью и не верит в смерть. Все это, прибавим сюда еще и его веру в народностное начало, вдохновляло его энтузиазм, с которым он боролся как апостол за идею освобождения славян.

Комментарии

Впервые статья П.М. Бицилли «Иван Сергеевич Аксаков и неговата философия на нацията» была опубликована в журнале «Българска мисъл» (1928. № 1). Статья была переведена с болгарского языка (без сокращений) кандидатом филологических наук О.Н. Решетниковой и опубликована в газете «Русский рубеж» – в специальном выпуске еженедельника «Литературная Россия» 14 февраля 1992 № 2 (14) одновременно с заметкой писателя Эрнста Сафонова о профессоре П.М. Бицилли и со статьей болгарского литературоведа Тани Галчевой «Один из немногих. Памяти профессора П.М. Бицилли». В настоящем издании публикуется русский перевод статьи.

Наши комментарии

Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) – русский и болгарский историк-медиевист, филолог, литературный критик и культуролог; один из представителей евразийства; окончил Новороссийский университет в г. Одессе, профессор Новороссийского и Софийского университетов.

Бицилли в статье ссылается на первое издание 2-го тома Сочинений Ивана Сергеевича. См.: *Аксаков И.С.* Соч.: в 7 т. Т. 2. Славянофильство и западничество. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. VI, 846, IV с.

В настоящее время этот том опубликован в новой дополненной редакции с комментариями. См.: *Аксаков И.С.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2: Славянофильство и западничество / издание подготовили А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2022. 896 с., ил.

¹ Речь идет о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

² См.: *Аксаков И.С.* Соч. В 7 т. Т. 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. М., 1886. VIII, 770 с.

³ Лига Наций – предшественник Организации Объединенных Наций (ООН); была задумана при схожих обстоятельствах во время Первой мировой войны и учреждена в 1920 году.

⁴ Проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США Вудро Вильсоном и представленный Конгрессу 8 января 1918 года.

⁵ Великая французская революция (1789–1799); Наполеоновские войны (1796–1815).

⁶ Юстус Мёзер (нем. Justus Möser; 1720–1794) – немецкий юрист, историк, публицист и политический деятель.

⁷ Иоганн Готфрид Гердер (нем. Johann Gottfried Herder; 1744–1803) – немецкий писатель, критик, философ-просветитель.

⁸ См.: Аксаков И.С. <О значении областной России и необходимости областной печати> // Аксаков И.С. Соч.: в 7 т. Т. 2. М., 1886. С. 183–189. Первая публикация: <Аксаков И.С.>. Москва, 11 апреля // День. 1864. 11 апр. № 15. С. 1–3.

⁹ См.: Аксаков И.С. <Отношение между школой и жизнью в России> // Аксаков И.С. Соч.: в 7 т. Т. 2. М., 1886. С. 189–198. Первая публикация: <Аксаков И.С.>. Москва, 2 мая // День. 1864. 2 мая. № 18. С. 1–4.

¹⁰ Арнольд ван Геннеп (1873–1957), французский этнограф и фольклорист – «Сравнительный договор о национальностях» (Париж, 1922).

¹¹ См.: Аксаков И.С. <Два государственных типа: народно-монархический и аристократически-монархический> // Аксаков И.С. Соч.: в 7 т. Т. 2. М., 1886. С. 356–362. Первая публикация: <Аксаков И.С.>. Москва, 21 марта // Москва. 1867. 21 марта. № 64. Стб. 6–8.

¹² Нольде Б.Э. Самарин и его время. Париж, 1926.

¹³ См.: Аксаков И.С. <Условия государственного единства и силы> // Аксаков И.С. Соч.: в 7 т. Т. 2. М., 1886. С. 244–253. Первая публикация: <Аксаков И.С.>. Москва, 28 ноября // День. 1864. 28 нояб. № 48. С. 1–4.

¹⁴ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Часть первая. С приложением «Геополитических заметок по русской истории» П.Н. Савицкого. Прага: Евразийское Книгоиздательство, 1927.

¹⁵ *mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими (необходимыми) изменениями.

¹⁶ *in pise* (лат.) – в самом главном (существенном).

¹⁷ См.: Аксаков И.С. <Где границы государственному росту России> // Аксаков И.С. Соч.: в 7 т. Т. 2. М., 1886. С. 781–797. Первая публикация: <Аксаков И.С.>. Москва, 15 июля // Русь. 1884. 15 июля. № 14. С. 2–12.

¹⁸ См.: Аксаков И.С. <Всемирно историческое призвание России> // Аксаков И.С. Соч.: в 7 т. Т. 2. М., 1886. С. 797–813. Первая публикация: <Аксаков И.С.>. Москва, 1 августа // Русь. 1884. 1 авг. № 15. С. 2–12.

ИЗБРАННАЯ ИВАН-АКСАКОВСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

О наследии публициста-славянофила И.С. Аксакова (обзор основных публикаций до начала XX века)

См.: *Мотин С.В.* О наследии публициста-славянофила И.С. Аксакова (обзор основных публикаций до начала XX века) // Вестник ВЭГУ. 2016. № 5 (85). С. 182-188.

«Иван Аксаков, один из самых выдающихся наших политических мыслителей. Принадлежа по всем своим связям к славянофилам, Иван Аксаков всегда сохранял свою собственную – независимую и оригинальную личность, не терялся среди других; самая поразительная черта в нем – это удивительная внутренняя свобода, способность чутко и трезво относиться к действительности» [1, с. 65]

В.В. Зеньковский

8 февраля 2016 г. исполнилось 130 лет со дня кончины Ивана Сергеевича Аксакова [26.09(08.10).1823, с. Надёжино (Куроедово, Дмитриевское) Белебеевского уезда Оренбургской губернии, ныне с. Надеждино Белебеевского района Республики Башкортостан – 27.01(08.02).1886, Москва; погребен на территории Свято-Троицкой Сергиевой лавры] – одного из наиболее ярких общественных деятелей своего времени, оставившего обширное публицистическое и эпистолярное наследие, которое до сих пор изучается, вводится в научный оборот, переиздается популяризаторами и профессиональными исследователями.

Описанию села Надеждина, где родился Иван Аксаков, посвятил одну из глав повести «Детские годы Багрова-внука» его отец С.Т. Аксаков. Впервые Сережа Аксаков посетил село в 1796 г. по дороге в имение деда, когда ему было пять лет. В каменной церкви покровителя всех славян Дмитрия Солунского уже тогда совершались службы.

Новая жизнь села Надеждино началась в 1991 г., когда к 200-летию со дня рождения С.Т. Аксакова решением правительства республики в село были проведены газ, водопровод, были асфальтированы улицы, а главное был восстановлен храм Дмитрия Солунского. Впоследствии по предложению Аксаковского фонда указом Президента Республики Башкортостан М.Г. Рахимова в селе был создан Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино», где ныне действуют воскресная школа, школа народных ремесел, а 28 сентября 2002 г. во время XII Международного Аксаковского праздника в восстановленном усадебном доме в присутствии Президента Республики Башкортостан М.Г. Рахимова, Президента Международного фонда славянской письменности и культуры В.М. Клыкова, сопредседателя Правления

Союза писателей России В.Г. Распутина был открыт музей семьи Аксаковых. Впервые в Башкирии была восстановлена дворянская усадьба XVIII–XIX веков, включающая в себя помещичий дом, церковь и усадебный парк [подр. см.: 2, с. 11-13].

Иван Сергеевич в течение своей жизни проявил себя в разных ипостасях – был чиновником-правоведом и поэтом, редактором и издателем, публицистом и литературным критиком, общественным деятелем и лидером пореформенного славянофильства, автором публицистических статей и очерков, стихотворений и поэм, речей и пьесы, первой биографии Ф.И. Тютчева. Аксаков оставил огромное эпистолярное наследие, до сих пор не изданное в полном объеме. Публицист-славянофил занимал самостоятельную позицию по многим вопросам российской внутренней и внешней политики, стоял на православно-монархических позициях, отстаивал нерушимость русских национальных традиций. В последние несколько лет были опубликованы книги, посвященные его биографии и творчеству [см.: 3, 4, 5].

Начало аксаковского творчества было эпистолярным. Первое послание Ивана, которое нам удалось обнаружить, было написано им в 1836 г. брату Григорию в Петербург в виде приписки к письму родных [см.: 3, 1, 1, с. 89]. Последние письма были написаны им за день до смерти – 26 января 1886 г. – Г.П. Галагану и В.Ф. Пуцыковичу. Таким образом, вся аксаковская переписка охватывает период почти в полвека (1836-1886) и ее значительная часть еще не опубликована.

В 1838 г. отец определил Ивана в четвертый класс недавно созданного Императорского училища правоведения в Петербурге, которое Аксаков окончил в 1842 г. Сохранившиеся аксаковские сочинения того времени – это рукописи 1841 г.: так называемый «Пушкинский дневник» [см.: 6] и ранний критический опыт под названием «О возможности русским иметь народную литературу» [см.: 7], а также рукопись учебного сочинения Аксакова 1842 г. «О характере уголовного процесса» [8]. 1841-м годом подписано и стихотворение «Простая история», которым открывается наиболее авторитетная на сегодняшний день книга поэзии И.С. Аксакова [9, с. 37-39].

После окончания Училища правоведения Аксаков почти 9 лет служит чиновником-правоведом – сначала при министерстве юстиции (1842-1848), затем при министерстве внутренних дел (1848-1851) и одновременно пытается реализовать себя в поэтическом творчестве. Уже в начале 1843 г. Аксаков написал свое первое крупное художественное произведение – мистерию «Жизнь чиновника» [9, с. 123-142]. Десятилетие с 1844 по 1853 гг., по мнению исследователей, пора расцвета поэтического творчества Аксакова. В последующие годы жизни им было написано немногим более десяти стихотворений. Его поэзия осталась достаточно характерным явлением 1840-х годов [см.: 9, с. 5-30].

В печати Аксаков дебютировал в 1845 г. со стихотворением «Христофор Колумб с приятелями» в журнале «Москвитянин» (№ 2), издаваемым М.П.

Погодиным. В том же году он закончил свое «самое славянофильское» произведение – поэму «Зимняя дорога» [10], которая вышла в свет отдельными оттисками в 1846 г. и зафиксирована библиографами в качестве первой аксаковской книги [11, с. 10]. В 1846 и 1847 гг. Аксаков в качестве поэта принял участие в одном из первых славянофильских изданий – в «Московском литературном и ученом сборнике».

Известность Аксакову как поэту принесла неоконченная поэма («очерк в стихах») «Бродяга» (1846-1850) [9, с. 179-228]. Аксаковская поэма, героем которой был крестьянин Алёшка, явилась первым в русской литературе опытом народной эпопеи, непосредственно предваряющим как в сюжетном, так и в ритмическом плане поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?»

18 марта 1849 г. Аксаков был арестован в Петербурге за выраженное в частном письме возмущение арестом Ю.Ф. Самарина и резкие высказывания в адрес петербургской аристократии. Тем не менее, прочитав письменные ответы Аксакова на вопросы III отделения, император Николай I написал на полях свои замечания [см.: 11, 2, с. 147-163], которые препроводил начальнику III отделения А.Ф. Орлову вместе с резолюцией: «Призови, прочти, вразуми, отпусти!» 22 марта Иван Сергеевич был освобожден с учреждением за ним негласного полицейского надзора.

В апреле 1849 г. Аксаков отправил родителям «небольшую статью, вроде письма», в которой ставил и решал важнейшие теоретические вопросы славянофильства. Сам он придавал ей большое значение и говорил, что в ней заключается вся его вера, все его убеждения. Эту статью можно считать началом его ранней славянофильской публицистики [13].

Как публицист и редактор Аксаков дебютировал в апреле 1852 г. выпуском «Московского сборника», издаваемого на средства А.И. Кошелева. Аксаков написал для сборника статью-некролог «Несколько слов о Гоголе», в которой Николай Васильевич назван «великим писателем» (и это несмотря на запрет печатать статьи о нем и даже упоминать его имя в печати). Помимо этого, в сборник вошли отрывки из первой части его очерка в стихах «Бродяга» [см.: 14, с. VII-XII, 383-427]. В начале 1853 г. на «Московский сборник» был наложен запрет, а основным его авторам впредь позволялось выступать в печати только после рассмотрения их сочинений в Главном управлении цензуры. Кроме того Аксаков был лишен права редактировать какие-либо издания. Спустя 161 год, усилиями московского исследователя В.Н. Грекова, второй том «Московского сборника» под одной обложкой с первым увидел свет [15].

В 1853 г. Аксаков принял предложение Императорского Русского географического общества описать украинскую ярмарочную торговлю. В ноябре 1853 г. он отправился в Малороссию, где и путешествовал в течение года. Результатом этого труда явился богатый опыт по наблюдению народной жизни на местах и замечательное в экономическом и статистическом отношении исследование, опубликованное в 1858 г. на средства петербургских

купцов [16]. Аксаковский труд был удостоен высшей награды Географического общества – Константиновской медали и Демидовской премии Академии наук.

В августе 1857 г. в Лондоне Аксаков встречался с А.И. Герценом. Как вспоминал Герцен, они «очень сошлись». До 1863 г. Аксаков был его тайным корреспондентом, и несколько лет они поддерживали переписку. Аксаковская пьеса «Судебные сцены» была опубликована в «Полярной звезде» [17, с. 3-100]. Это была первая славянофильская публикация в герценовских изданиях.

С августа 1858 г., по предложению А.И. Кошелева, Аксаков фактически, но неофициально, возглавил славянофильский журнал «Русская беседа». Новый энергичный редактор в 1859 г. выпустил шесть книжек вместо четырех и значительно увеличил количество славянских материалов [см.: 18]. В том же 1858 г. Аксаков добился снятия запрета на редакторскую деятельность – ему разрешили издавать собственную еженедельную газету «Парус». Однако в январе 1859 г. после выхода двух номеров газета была запрещена.

Следующее десятилетие в жизни Аксакова – это период пореформенного славянофильства, аксаковско-славянофильской публицистики и одновременно пропаганды наследия старших славянофилов. Изданием в 1860-е гг. славянофильских газет Аксаков сделал себе имя в журналистских кругах.

С 15 октября 1861 г. по субботам выходила в свет еженедельная славянофильская газета «День» – личный орган редактора-издателя Аксакова. Задачей газеты было формирование славянофильского взгляда на различные проблемы современной жизни. В первую очередь этому служили передовые статьи самого редактора. Газету «День» Аксаков издавал до конца 1865 г. За четыре с лишним года вышло в свет 208 номеров газеты.

В 1867-1868 гг. на средства московских купцов и по их предложению Аксаков выпускал и редактировал газеты «Москва» (издано 353 номера) и «Москвич» (опубликовано 38 номеров). За два неполных года газета получила 9 предостережений (из них 8 – за статьи Аксакова) и трижды приостанавливалась на три, четыре и шесть месяцев. А затем над газетой «Москва» последовал судебный процесс, в результате которого 7 апреля 1869 г. Государственный совет вынес окончательное решение о ее закрытии.

1870-е годы стали временем активной общественной деятельности Аксакова, в это же время происходит усиление его панславистских и консервативных взглядов. После кончины тестя в 1873 г. Аксаков задумал и в течение года написал свой главный историко-литературный труд – биографию Ф.И. Тютчева. В этой работе Аксаков впервые обратил внимание на ряд статей Тютчева, посвященных судьбе России и ее роли в европейской истории [19].

После смерти М.П. Погодина (8 декабря 1875 г.) Аксаков был избран председателем Московского славянского благотворительного комитета, активным членом которого он был с самого его основания в 1858 г. Под руководством Аксакова комитет играл ведущую роль в организации действий

других славянских комитетов страны. Здесь Аксаков достиг своего высшего значения, и без преувеличения можно сказать, что в годы кризиса славянского и восточного вопроса (1876-1878) вся Россия и Европа следили за пламенными речами Аксакова [см.: 20, 1, с. 303-382].

Наивысшей точкой публицистической деятельности Ивана Сергеевича стала его речь 22 июня 1878 г. [20, 1, с. 376-382], которая принесла ему международную известность и признание всех славянских народов, страдавших от турецкого и австрийского гнета. Впечатление от речи Аксакова в Западной Европе было столь велико, что именно она послужила толчком к созданию мифа о том, что Восточный кризис 1875-1878 гг. был «делом рук» Аксакова и руководимых им Славянских комитетов.

В первой половине 1880-х годов в качестве редактора Аксаков издавал газету, ставшую его «лебединой песней». 15 ноября 1880 г. вышел в свет 1-й номер еженедельной славянофильской газеты «Русь». Всего при жизни Аксакова за пять с небольшим лет было издано 189 номеров.

Публицистические статьи Аксакова были впервые собраны и изданы сразу же после его кончины вдовой писателя А.Ф. Аксаковой. В семитомнике была издана 631 публикация – в основном передовые аксаковские статьи. Перечислим наименования томов этого издания: 1 том – «Славянский вопрос», 2 том – «Славянофильство и западничество», 3 том – «Польский вопрос и западнорусское дело. Еврейский вопрос», 4 том – «Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание», 5 том – «Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях», 6 том – «Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам», 7 том – «Общеввропейская политика. Статьи разного содержания и некоторые не бывшие в печати» [21; 22].

В 1886 г. А.Ф. Аксаковой дважды были опубликованы стихотворения Аксакова [23; 24], тогда же была переиздана и биография Ф.И. Тютчева [25]. В 1888 г. вышли из печати первые два тома писем Аксакова родным [12, 1 и 2]. Письма, изданные А.Ф. Аксаковой, не были прокомментированы, но обычно циклу писем предшествовали небольшие заметки биографического характера. В сносках к очень небольшому числу писем были даны выдержки из ответных писем С.Т. Аксакова и К.С. Аксакова.

Издание писем родным после смерти А.Ф. Аксаковой было продолжено О.Г. Аксаковой, выпустившей в 1892 г. 3-й том [12, 3]. Прежние принципы издания были сохранены – письма определенного периода сопровождались краткими пояснениями, написанными Ольгой Григорьевной. В состав этого тома вошли приложения: стихотворения Аксакова, судебные сцены «Присутственный день в уголовной палате», отрывки из дневников Аксакова, статья «Несколько слов об общественной жизни в губернских городах», программа «Московского сборника» 1852 г. В 3-м томе были помещены письма

не только родным, но и А.И. Кошелеву, Д.А. Оболенскому, Е.И. Елагиной. Как и в первых томах, в письмах третьего тома были сделаны купюры.

Последний, 4-й том писем разным лицам (М.Ф. Раевскому, А.Ф. Тютчевой, А.Д. Блудовой, Н.П. Гилярову-Платонову, Н.И. Костомарову, Е.Ф. и Д.Ф. Тютчевым) – в 1896 г. издала Императорская Публичная библиотека в Петербурге, к которой перешли права собственности на сочинения Аксакова [12, 4].

В 1890-е гг. были опубликованы письма Аксаковых к писателям И.С. Тургеневу [26] и Н.С. Соханской (Кохановской) [27], а также письма Ивана Сергеевича к А.О. Смирновой-Россет [28].

Таким образом, в течение своей жизни Аксаков в редактируемых им на протяжении 11 лет газетах опубликовал более 600 передовых статей, издал три книги, сберег семейный аксаковский архив. После кончины Аксакова и до начала XX века важнейшими аксаковскими публикациями стало издание семитомного собрания сочинений (2, 3 и 4 тома которого были переизданы), четырех томов писем, дважды изданной книги стихотворений и переизданной биографии Ф.И. Тютчева.

Библиографический список

1. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа / Сост. П.В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой; Вступ. ст. В.Н. Жукова и М.А. Маслина. М. : Республика, 2005. 367 с.
2. Родина Аксакова. Аксаковские места в Башкирии / Авторы проекта: А.Л. Чечуха, М.А. Чванов. Уфа : «Белая река», 2007. 16 с.
3. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. В 6 вып., 12 ч. / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа : УЮИ МВД России, 2009-2015.
4. Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб. : «Владимир Даль», 2015. 800 с.
5. Иван Сергеевич Аксаков: библиогр. указ. (1836-2014) / сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; сост. фотоприложения: Г.О. Иванова; вступ. ст. С.В. Мотина; под ред. А.П. Дмитриева. Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.: 8 л. ил.
6. Вихрова Н.Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169-181.
7. Вихрова Н.Н. Ранний критический опыт И.С. Аксакова // Русская литература. 2011. № 2. С. 173-183.
8. Мотин С.В. «О характере уголовного процесса» (Выпускное сочинение И.С. Аксакова 1842 года, подготовленное в Императорском Училище правоведения) // European Social Science Journal. 2014. № 3. Том 1. С. 358–370.
9. Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы / общ. ред. А.Г. Дементьева; вступ. ст. А.Г. Дементьева и Е.С. Калмановского [Поэзия Ивана Аксакова, с.

5-30]; подгот. текста и примеч. Е.С. Калмановского. Л. : Советский писатель, 1960. 298 с.

10. Аксаков И.С. Зимняя дорога (*Licentia poetica*). Март. Радонежье. 1845 г. [М.] : тип. А. Семена, [1846]. 32 с.

11. Охлопков И.Ю. Дебюты русских писателей XIX–XX веков: Библиографический справочник. М. : Захаров, 2007. 202 с.

12. И.С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. I–III. М., 1888-1892. Часть вторая. Письма к разным лицам Т. IV. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1896.

13. Аксаков И.С. О служебной деятельности [в России] (Письмо к чиновнику): Как ни кинь, так клин, 10 апр. 1849 / Публ. и примеч. А.П. Дмитриева // XIV Международные Аксаковские чтения: материалы конференции / отв. ред. В.В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2013. С. 133-141.

14. Московский сборник. Т. 1. Сочинения: К.С. Аксакова, И.С. Аксакова, И.Д. Беляева, И.В. Киреевского, П.В. Киреевского, А.И. Кошелева, С.М. Соловьева, А.С. Хомякова. М. : тип. Александра Семена, 1852. [2], XII, [448] с.

15. Московский сборник / Изд. подгот. В.Н. Греков. СПб. : Наука, 2014. 1307 с.

16. Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1858. [10], 384, IV с., с табл.

17. Полярная звезда на 1858. Кн. 4 / издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Лондон : Вольная русская типография, 1858. 318 с.

18. Греков В.Н. Иван Аксаков – сотрудник и редактор «Русской беседы» // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. СПб. : Издательство «Пушкинский Дом», 2010. С. 124-157.

19. Аксаков И.С. Федор Иванович Тютчев. (Биографический очерк). М. : Типография В. Готье, 1874 (Русский архив. 1874. Кн. 10. 408 Стб.).

20. Аксаков И.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1.: Славянский вопрос. Кн. 1, 2 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени; изд. подгот. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб. : ООО «Издательство “Росток”», 2015. 639, 768 с.

21. Аксаков И.С. Собр. соч.: Т. 1-7. М. : Типография М.Г. Волчанинова, 1886-1887.

22. Аксаков И.С. Собр. соч. 2 изд. Т. 2-4. СПб. : тип. А.С. Суворина, 1891, 1900, 1903.

23. Сборник стихотворений И.С. Аксакова († 27-го янв., 1886 г.). С портр. авт. / [Предисл.: От А.Ф. Аксаковой]. М. : тип. Т.И. Гаген, 1886. [8], 176, IV с., 1 л. портр. На тит. л.: Москва, 1886 г., марта 7-го дня. Прил. к № 33-му газ. Русь».

24. Сборник стихотворений И.С. Аксакова († 27-го янв. 1886 г.). С портр. авт. 2-е изд., без перемен. М. : тип. М.Г. Волчанинова (б. М.Н. Лаврова и К°), 1886. [4], 180 с., 1 л. портр.

25. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М. : тип. М.Г. Волчанинова (б. М.Н. Лаврова и К°), 1886. 327 с., 1 л. фронт. (портр.).

26. Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу. С введением и примечаниями Л. Майкова. (Отдельный оттиск из «Русского обозрения» 1894 г.). М. : Университетская типография, 1894. 152 с.

27. Переписка Аксаковых с Н.С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. № 2-12.

28. И.С. Аксаков и А.О. Смирнова. Письма И.С. Аксакова 1845-1880 гг. // Русский архив. 1895. № 12. С. 423-480.

Посмертное собрание сочинений И.С. Аксакова в семи томах

См.: *Мотин С.В.* Сочинения И.С. Аксакова // Традиция. Духовность. Правосознание: Материалы всероссийской научной конференции (12-13 мая 2006 г.) / Под общ. ред. А.И. Числова, С.А. Шестакова. Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2006. С. 49-51.

Впервые статьи И.С. Аксакова были собраны и изданы сразу же после его смерти вдовой писателя А.Ф. Аксаковой (Тютчевой) [1]. В этом издании статьи печатались по тексту газетных публикаций (1860-1886 гг., из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»). Кроме передовых статей здесь помещены и некоторые речи Аксакова. Весь материал сгруппирован по тематическому признаку. Внутри разделов статьи печатались в хронологическом порядке:

Том 1. Славянский вопрос. Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878. (М., 1886. VIII, 791 с.);

Том 2. Славянофильство и западничество. (М., 1886. VI, 846, IV с.);

Том 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. (М., 1886. VIII, 844 с.);

Том 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. (М., 1886. VIII, 770 с.);

Том 5. Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. (М., 1887. VI, 675 с.);

Том 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. (М., 1887. VI, 542, 71 с.);

Том 7. Общеввропейская политика. Статьи разного содержания. (М., 1887. VIII, 864 с.).

Оригиналы огромного большинства аксаковских статей не сохранились. В архивных фондах семьи Аксаковых находятся единичные оригиналы статей. Редкие материалы отложились в фондах цензурного ведомства, главным образом в фонде Главного управления по делам печати (РГИА, ф. 772). В сочинения не были включены статьи и заметки, помещенные Аксаковым в разных отделах его газет. Так, отдельные номера «Дня» почти целиком состояли

из материалов, написанных Аксаковым... Весь материал Аксаков помещал без подписи или под вымышленными подписями. [2].

В рамках данной статьи необходимо, на наш взгляд, отметить еще две крупные публикации Аксакова, не вошедшие в его сочинения – это Отчет об исследовании украинских ярмарок и Биография Ф.И. Тютчева.

В конце 1853 г. Аксаков принял предложение Русского географического общества описать украинскую ярмарочную торговлю. Результатом этого труда явилось исследование, опубликованное на средства петербургских купцов [3]. Представленный Аксаковым отчет в 1857 г. рецензировал профессор кафедры политической экономии и статистики Киевского университета Н.Х. Бунге, после чего труд удостоили высшей награды Географического общества – Константиновской медали и Демидовской премии Академии наук. Экономист и публицист В.П. Безобразов посвятил аксаковскому труду специальную статью. Похвальный отзыв на сочинение Аксакова напечатали И.К. Бабст и Н.А. Добролюбов. Впоследствии П.П. Семенов оценил труд Аксакова как «превосходный» [4].

После смерти в 1873 г. своего зятя Аксаков в короткий срок написал его биографию [5]. Однако тираж журнала был конфискован и уничтожен цензурой. В этой работе Аксаков впервые обратил внимание на ряд статей Тютчева, посвященных судьбе России, ее роли в европейской истории. Аксаков считал, что именно его комментарии к тютчевским идеям стали причиной запрета книги.

В последние 25 лет достаточно активно переиздается наследие Аксакова – его публицистика, литературная критика, пьесы, биография Ф.И. Тютчева и в особенности обширное эпистолярное наследие [6]. А в начале века вышел в свет объемный сборник Аксакова (по сути, избранные сочинения), который знакомит читателя с историософской публицистикой Аксакова, его журнальной и газетной полемикой в защиту основ народной жизни, по проблемам земского самоуправления, по крестьянскому вопросу, свободе слова, народному образованию и другим проблемам жизни пореформенной России. В книгу включены статьи, ранее вошедшие в его сочинения, некоторые письма и вновь найденные архивные материалы [7].

1. Сочинения: Т. 1–7. М., 1886-1887; Сочинения. 2 изд. Т. 2–4. СПб., 1891-1903.

2. Подр. см.: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 8-10.

3. Исследование о торговле на украинских ярмарках. Труды Императорского русского географического общества. СПб., 1858. 383 с. См. также: Русская Беседа. 1858. Кн. II. Науки.

4. Безобразов В.П. Вестник Императорского Русского географического общества. 1857. Кн. II. С. 229; Бабст И.К. [Рец. на кн.: «Исследование о торговле на украинских ярмарках» (1858)] // Атеней. 1858. № 37, 38; Добролю-

бов Н.А. Современник. 1858. № 10; Полн. собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М.-Л., 1962; Семенов П.П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества 1845-1895. СПб., 1896. Ч. 1. С. 135.

5. Биография Федора Ивановича Тютчева // Русский архив. 1874. № 10.

6. Литературная критика. М., 1981 (совм. с К.С. Аксаковым); «И слово правды...» Стихи, пьеса, статьи, очерки. Уфа, 1986; Письма к родным. 1844-1849. М., 1988; Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М., 1991; Письма к родным. 1849-1856. М., 1994; Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1997; Еврейский вопрос. Статьи из газет «День», «Москва» и «Русь». 1862-1883. М., 2001; И.С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838-1886 гг.: В 3 т. М., 2003-2004.

7. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. 1008 с.

Библиография избранных публикаций о жизни и творчестве И.С. Аксакова, изданных в XX веке

См.: Иван Сергеевич Аксаков: библиогр. указ. (1836–2014) / сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; сост. фотоприложения: Г.О. Иванова; вступ. ст. С.В. Мотина; под ред. А.П. Дмитриева; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова, Уфимский юридический ин-т МВД России, Библиотека БГПУ им. М. Акмуллы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.: 8 л. ил.

См.: Аксаков Иван Сергеевич // Аксаковы: библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы / сост. П.И. Федоров, С.В. Мотин; отв. ред. А.П. Дмитриев; Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. Уфа: изд-ль А.А. Словохотов, 2022. С. 259–340.

В XX веке можно выделить три больших периода, связанных с изучением жизни и творчества Аксакова, а именно: 1) дореволюционный (1900-1917), 2) советский (1918-1991) и 3) постсоветский (1992-2000).

1901–1917

Венгеров С.А. Аксаков Иван Сергеевич // Источники словаря русских писателей: в 4 т. / собр. С.А. Венгеров. Санкт-Петербург, 1900. Т. 1: Аарон – Гоголь. С. 24-26.

Ф.И. Тютчев и И.С. Аксаков: с прил. их стихотворений. Москва : О-во распростр. полезн. кн., 1902. 64 с. (Родные поэты ; [17]).

Набоков В.Д. Иван Сергеевич Аксаков: очерк // Главные деятели и предшественники Судебной реформы / под ред. К.К. Арсеньева. Санкт-Петербург, 1904. С. 53-58.

Новоселов М.А. И.С. Аксаков и Ф.М. Достоевский о мерах материального обеспечения духовенства // Мирный труд. 1905. № 1. С. 109-126.

Агафонов Н. И.С. Аксаков: [сын первого казанского студента] // Из казанской истории / Н. Агафонов. Казань, 1906. С. 214-222.

Райский Д.П. И.С. Аксаков о свободе совести, свободе слова и печати : речь, произнес. в «Особом совещании по славянским вопросам» в 21 годовщину смерти И.С. Аксакова. Санкт-Петербург: типо-лит. К.Л. Пентковского, 1907. [4], 85 с.

Штиглиц А.Н. Памяти Ивана Сергеевича Аксакова : речь А.Н. Штиглица, произнес. в «Особом совещ. по слав. вопр.» в 21-ю годовщину смерти И.С. Аксакова. – Санкт-Петербург : Особое совещ. по слав. вопр. Типо-лит. «Надежда», 1907. – 28 с.

Соколов, Г. Церковно-общественные идеалы Ивана Сергеевича Аксакова / Г. Соколов. – Киев, 1909. – 311 с.

Балаклеев, И.И. И.С. Аксаков : (1823-1886 гг.) : (опыт характеристики) / Иван Балаклеев. – Харьков : тип. «Мирн. труд», 1910. - [2], 43 с.

Засецкий, М. И.С. Аксаков в его отношении к вопросам веры и церковности. Казань, 1910 // Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 10. – Оп. 2. – Ед. хр. 152.

Корнилов, А.А. И.С. Аксаков // История русской литературы XIX в. / под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. – Москва, 1910. – Т. V. – С. 101-117.

Акимов, А. Церковь и славянство, по воззрениям И.С. Аксакова : по поводу 25-летия со дня его смерти. Юбилейный этюд / А. Акимов. – Орел : тип. Губ. правл., 1911. – 8 с.

Аксаков Иван Сергеевич // Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском университете, 1811-1911. Москва, 1911. С. 4.

Рцы (Романов, И.Ф.). И.С. Аксаков (27 января 1886-1911 гг.) // Россия. 1911. № 1593 (27 янв.). Подпись: Рцы.

Аксаков Иван Сергеевич // Новый энциклопедический словарь / [под общ. ред. К.К. Арсеньева]. – Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, [1912]. Т. 1: А – Александр Михайлович. Стб. 732–735.

Благовещенский, В. И.С. Аксаков. Его религиозное и общественное мирозерцание : [студенческая работа (кандидатская), 1913] // РГБ. – Ф. 172: Московская Духовная академия. – К. 183. – Ед. хр. 11. – 167 л.

Добролюбов, Н.А. Исследование о торговле на украинских ярмарках И. Аксакова // Полн. собр. соч.: в 9 т. / под ред. Е.В. Аничкова. – Санкт-Петербург, 1913. – Т. 9. – С. 199-217.

Хитрово, Н. Мои отношения к штабу отдельного корпуса жандармов в 1871 г., шефу жандармов гр. Шувалову и известному публицисту славянофилу Аксакову // Русская старина. – 1914. – Т. 158, № 5. – С. 383-391.

Арсеньев, К.К. Иван Сергеевич Аксаков // За четверть века (1871-94) : сб. ст. / К.К. Арсеньев. – Петроград, 1915. – С. 251-264.

Георгиевский, А.П. Иван Сергеевич Аксаков и современная действительность // Вестник образования и воспитания. 1915. № 5-6; то же: [оттиск] с приложением портрета Аксакова, избранных стихотворений и указателя важнейших статей его по славянскому вопросу / А. Георгиевский ; О-во

вспомоществования нуждающимся ученикам Казанского второго реального училища. Казань, 1915. 47 с.

Пальмов, И.С. О курсовом сочинении студента IV курса Моисеева Александра на тему: «Церковно-общественные идеалы Ивана Сергеевича Аксакова» / И.С. Пальмов, свящ. В.М. Верюжский // Журналы заседаний Совета С.-Петербур. Духов. Академии за 1913-1914 учеб. год. – Петроград, 1916. – С. 513-516.

Аксаков И.С. [Автобиография] // Рус. мысль. – 1917. – № 3/4, отд. II. – С. 68-70.

1918–1991

Переселенков С.А. И.С. Аксаков и Александр II // Вестник литературы. Петроград, 1920. № 8 (20). С. 12-13.

Струве П. Аксаковы и Аксаков: к столетию со дня рождения И.С. Аксакова // Руль. Берлин, 1923. 1 дек. (№ 910). С. 2-3.

Клевенский М. Аксаков, Иван Сергеевич // Большая советская энциклопедия / гл. ред. В.Ю. Шмидт ; под общей ред. Н.И. Бухарина, В.В. Куйбышева, М.Н. Покровского [и др.] 1-е изд. Москва, 1926. Т. 2: Аконит-Анри. Стб. 24-25.

Бицилли П.М. Иван Сергеевич Аксаков и неговата философия на нацията // Българска мисъл. 1928. I.

Чулков Г.И. Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой // Мурановский сборник. Мураново, 1928. Вып. 1. С. 7-29.

Добролюбов Н.А. Исследование о торговле на украинских ярмарках И. Аксакова // Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Москва, 1936. С. 395-404.

Никитин С.А. Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. // Учен. зап. Ин-та славяноведения. Москва, 1948. Т. 1. С. 18-38.

Дементьев А.Г. Поэзия Ивана Аксакова // Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы. Ленинград, 1960. С. 5–30.

Дмитриев С.С. Аксаков Иван Сергеевич // Советская историческая энциклопедия. Москва, 1961. Т. 1. Стб. 309.

Адо В.И. Выступление И.С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и Болгарии // История СССР. 1962. № 6. С. 125-139.

Машинский С.И. Аксаков Иван Сергеевич // Краткая литературная энциклопедия. Москва, 1962. Т. 1. Стб. 121-122.

Lukashevich S. Ivan Aksakov (1823-1886). A Study in Russian Thought and Politics. Cambridge, Massachusetts, 1965. 246 p.

Зубков М.Н. Предшественники Некрасова в создании народной героической эпопеи: (И.С. Аксаков, И.С. Никитин) // Некрасовский сборник / отв. ред. Ф.Я. Прийма; Ин-т рус. лит. Ленинград, 1967. Вып. 4. Некрасов и русская поэзия. С. 40-56.

Кони А.Ф. За границей и на родине: [здесь о знакомстве с И.С. Аксаковым] / коммент. Н.А. Хмелевской // Собр. соч.: в 8 т. Москва, 1969. Т. 7. С. 159-199.

Карасев В.Г. Открытое письмо сербского демократа Живоина Жуевича к И.С. Аксакову // Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX вв. Москва, 1971. С. 136–147.

Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому / публ., вступ. ст. и коммент. И.Л. Волгина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. 31, вып. 4. С. 349–362.

Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни России 1860-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Цимбаев Николай Иванович. Москва, 1972. 15 с.

Лужановский А.В. Неопубликованные письма Н.С. Лескова к И.С. Аксакову // Учен. зап. Иван. пед. ин-та. 1973. Т. 115. С. 151–163.

Китаев В.А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации: (И.С. Аксаков в общественном движении нач. 60-х гг. XIX в.): учеб. пособие / Горьк. гос. ун-т. Горький, 1974. 74 с.

Порох В.И. Общественно-политическая и литературно-издательская деятельность И.С. Аксакова в годы первой русской революционной ситуации: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ростовский гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 1974. 21 с.

Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. Москва: Изд-во МГУ, 1978. 264 с.

Иоффе С. Иван Аксаков // *Иоффе С.* Живут стихи...: этюды о поэтах. Иркутск, 1979. С. 39–48.

Гудков Г.Ф., Гудкова З. И. И.С. Аксаков // С.Т. Аксаков: краевед. очерки. Уфа, 1981. С. 99-112.

Гальцева Р.П., Роднянская И.Б. Раскол в консерваторах: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале // Неоконсерватизм в странах Запада: реф. сб. Москва, 1982. Ч. 2. С. 227-295.

Осват А. Л. И.С. Аксаков и «Русский архив»: к истории издания первой биографии Ф.И. Тютчева // Федоровские чтения, 1979. Москва, 1982. С. 73-79.

Власова З. И. Письма Е.И. Елагиной к И.С. Аксакову // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1983. Ленинград, 1985. С. 45–66.

Генов Ц. Ив.С. Аксаков и българското освободително дело // Ист. прегл. 1986. № 12. С. 54–62.

Порох И.В., Порох В.И. Герцен и И. Аксаков на рубеже 50–60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в середине XIX века: Деятели и историки. Москва, 1986. С. 85–102.

Греков В.Н. И.С. Аксаков о проблеме положительного направления в русской литературе // Аксаковские чтения: материалы конф. 1983 г. / М-во культуры РСФСР, Гос. историко-худож. и лит. музей-заповедник «Абрамцево». Абрамцево, 1988. С. 62-69.

Греков В.Н. Иван Сергеевич Аксаков – журналист, 40–60–е годы XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 1988. 14 с.

Дементьев А.Г., Пирожкова Т.Ф. И.С. Аксаков и его письма к родным 1844–1849 гг. // Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожковой. Москва, 1988. С. 513–553.

Порох В.И. И.С. Аксаков под полицейским надзором // Аксаковские чтения: материалы конф. 1983 г. / М-во культуры РСФСР, Гос. историко-худож. и лит. музей-заповедник «Абрамцево». Абрамцево, 1988. С. 92-96.

Чуркина И.В. И.С. Аксаков и южные славяне // Аксаковские чтения: материалы конф. 1983 г. Абрамцево, 1988. С. 79-83.

Арзуманова О.И. Письма И.С. Аксакова 1876-1878 гг. из собрания музея-заповедника «Абрамцево» // Аксаковские чтения: материалы науч. конф. 1985 и 1987 гг. Москва, 1989. Вып. 2/89. С. 24-26.

Бычков С.С. Крестьянская реформа 1861 года в переписке И.С. Аксакова и А.И. Кошелева // Аксаковские чтения: материалы науч. конф. 1985 и 1987 гг. Москва, 1989. Вып. 2/89. С. 40-44.

Лаптева Л.П. Иван Сергеевич Аксаков и лужицкие сербы // Аксаковские чтения: материалы науч. конф. 1985 и 1987 гг. Москва, 1989. Вып. 2/89. С. 16-18.

Основат А.Л. Аксаков Иван Сергеевич // Русские писатели 1800–1917: биограф. словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Москва, 1989. Т. 1 (А-Г). С. 29–32.

Ключевский В. И.С. Аксаков // Рус. арх. 1990. Вып. 1. С. 223–224.

Курилов А.С. Аксаков Иван Сергеевич // Русские писатели: биобиблиограф. словарь: в 2 т. / под ред. П.А. Николаева. Москва, 1990. Т. 1 (А-Л). С. 13–18.

Соловьев В.С. Из воспоминаний. Аксаковы // Литературная критика / сост. и коммент. Н.И. Цимбаева. Москва, 1990. С. 365-372.

Чванов М. «Никаким награждениям знаками отличия не подвергался» // Аксаков И.С. И слово правды: стихи, пьеса, статьи, очерки. Уфа, 1986. С. 5–20.

Греков В.Н. «Голос в общем хоре»: [вступ. ст. к републикации статей И.С. Аксакова] // Человек. 1991. № 3. С. 68–69.

Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. И.С. Аксаков // С.Т. Аксаков. Семья и окружение: краевед. очерки. Уфа, 1991. С. 130-146.

Лернер Н. Аксаков Иван Сергеевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: биографии. Москва, 1991. Т. 1. С. 130-132.

Пирожкова Т.Ф. «Много я ездил по России...» // И. Аксаков. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате / сост. и коммент. Т.Ф. Пирожковой. Москва, 1991. С. 5–26.

Сапожков С.В. И.С. Аксаков – первый биограф Ф.И. Тютчева: (к вопросу об эстетико-филос. концепции «Биографии» Ф.И. Тютчева) // С.Т. Аксаков и славянская культура. Уфа, 1991. С. 76–79.

1992–2000

Артемов К. Иван Аксаков о паразитном русском мире // Молодая гвардия. 1992. № 11/12. С. 198–202.

«...Я люблю тебя за любовь к России»: [публикация писем И.С. Аксакова к его невесте А.Ф. Тютчевой (1865–1866)] / публ., предисл. и примеч. Г.В. Чагина, Л.В. Гладковой // Москва. 1992. № 7/8. С. 156–168.

Нерлер П. Русские голоса из Гейдельберга: [об учебе И.С. Аксакова в Гейдельбергском ун-те] // Рус. мысль = La pensee russe. Париж, 1993. № 3935 (26 июля). С. 12.

Прошкин В.Г. Он служил России, ее народу: [к 170-летию со дня рождения И.С. Аксакова] // Отечество. 1993. Сент. С. 3.

Аксаков Иван Сергеевич // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия: в 5 т. Т. 1: А – Д. Москва, 1994. С. 44–45.

Барбэ Г. Русские-липоване в переписке И.С. Аксакова за 1848 год // Romanoslavica. Buc., 1994. № 31. С. 89–105.

Бычков С.С. Начало разногласий в кружке славянофилов: письмо И.С. Аксакова Ю.Ф. Самарину // Славянофильство и современность: сб. статей / отв. ред.: Б.Ф. Егоров, В.А. Котельников, Ю.В. Стенник; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, 1994. С. 243–251.

Калмановский Е.С. Противоречия творческого сознания: поэзия И. Аксакова // Рус. лит. 1994. № 1. С. 58–71.

Китаев В.А. Славянофилы после отмены крепостного права: учеб. пособие: [сравнительная характеристика взглядов И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева] / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 1994. 66 с.

Смирнов С.В. И.С. Аксаков и ярославское краеведение // Славянофильство и современность: сб. ст. / Ин-т рус. лит. РАН (Пушкинский Дом); отв. ред.: Б.Ф. Егоров, В.А. Котельников, Ю.В. Стенник. Санкт-Петербург, 1994. С. 252–260.

Чванов М. Где ты, новый Иван Аксаков?: эссе // Чванов М. Время Концов и Начал: повесть, рассказы, публицистика. Уфа, 1994. С. 233–265.

Анненкова Е.И. Аксаков Иван Сергеевич // Русские писатели XI – начала XX века: библиографический словарь. Книга для учащихся / сост. В.А. Котельников, Ю.М. Прозоров; под ред. Н.Н. Скатова. Москва, 1995. С. 76–80.

Сербиненко В.В. Аксаков Иван Сергеевич // Русская философия: малый энциклопедический словарь. Москва, 1995. С. 11-12.

Бицилли П.М. Иван Сергеевич Аксаков и его философия нации // *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии. Москва, 1996. С. 98-106.

Кошелев В.А. «Исторический дворник петербургского периода...»: [творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в восприятии И.С. Аксакова] // М. Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий. Тверь, 1996. С. 86–94.

Лясковский В.Н. Остатки славянофильского кружка. Воспоминания 1858–1917 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1996. № 5. С. 84–94.

Эльзон М.Д. О тексте письма А.И. Герцена к И.С. Аксакову от 8 ноября (27 октября) 1858 года // Рус. лит. 1996. № 1. С. 174–175.

Большаков Л.Н. Аксаков, Иван Сергеевич (1823-1886) – поэт и публицист, общественный деятель, младший сын С.Т. Аксакова // Оренбургская шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка: энцикл. 11 лет, 1847-1858 / авт. и сост. Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997. С. 22-23.

Бочаров С. Иван Аксаков – биограф Тютчева // Литературная газета. 1997. № 36. С. 12.

Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева»: комментарий / науч. ред., авт. сопровод. ст. В.Н. Касаткина; авт. сопровод. ст. и коммент., сост. указ. и альбома ил. Г.В. Чагин. Москва: АО «Книга и бизнес», 1997. 175 с. : ил.

Кошелев В.А. К типологии поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (Н.А. Некрасов и И.С. Аксаков): [сопоставительный анализ поэмы Н.А. Некрасова и неоконч. поэмы И.С. Аксакова «Бродяга»] // Карабиха: ист.-лит. сб. Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 5–58.

Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 220 с.: ил.

Самойлин П.А. Эволюция славянофильства в публицистике Ивана Аксакова // Аксаковский сборник. Вып. 2. Уфа, 1998. С. 34–37.

Хевролина В.М. Болгарский вопрос в российской общественной мысли 80–х годов XIX века: И.С. Аксаков, М.Н. Катков, С.С. Татищев // Славяноведение. Москва, 1998. № 2. С. 3–15.

Чванов М. Где ты, новый Иван Аксаков?: эссе // Аксаковский сборник. Вып. 2. Уфа, 1998. С. 3–13.

Вихров Н.Н. Иван Сергеевич Аксаков и «пушкинский вопрос» в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н.Н. Вихрова. Великий Новгород, 1999. 232 с.

Вихрова Н.Н. Пушкин в дневнике молодого Ивана Аксакова // Русская литература. 1999. № 2. С. 169–181.

Пирожкова Т. «С его голосом считались как с нравственной и политической силой»: И. Аксаков и «русский вопрос» // Рос. провинция. Набережные Челны; Москва, 1999. № 1/3. С. 128–135.

Пирожкова Т.Ф. «Самый русский из всех наших поэтов»: о речи И.С. Аксакова об А.С. Пушкине 1880 г. // Домашний лицей. 1999. № 1. С. 101–107.

Письма И.С. Аксакова к Ф.А. Бюлеру / публ. В.Г. Бухерта // Рос. арх. Москва, 1999. Вып. 9. С. 181–192.

Воробьева И.Г. Письмо Н.А. Попова И.С. Аксакову о причинах закрытия Московского славянского общества в 1878 г. // Проблемы славяноведения. Брянск, 2000. Вып. 1. С. 246–252.

Пирожкова Т.Ф. «Живая связь любви» (о речи И.С. Аксакова на пушкинских торжествах 1880 г.) // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. Москва, 2000. С. 130–141.

Сербиненко В.В. Аксаков Иван Сергеевич // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Москва, 2000. Т. 1. С. 61–62.

О книге И.С. Аксакова, изданной в Уфе в 1986 году

См.: *Аксаков И.С.* «И слово правды...»: Стихи, пьеса, статьи, очерки / [Предисловие, составление и комментарии М.А. Чванова; редактор Ю.А. Андрианов; художник С.В. Маджар]. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. 320 с. (Серия: Золотые родники). Сдано в набор 25.12.1985. Подписано к печати 15.02.1986. Тираж 100000 экз. Цена 1 р. 20 коп. – Книга выложена в Интернете.

См.: О книге И.С. Аксакова, изданной в Уфе в 1986 году. *К 200-летию Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886)* // Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. ВКонтакте. 25.04.2023. (https://vk.com/@aksakovskii_musei-o-knige-i-s-aksakova-izdannoi-v-ufe-v-1986-godu).

За время существования Советского Союза были изданы пять книг И.С. Аксакова, одна из которых вышла вместе с работами брата Константина. Первой ласточкой явилась поэтическая книга «Стихотворения и поэмы» (М., 1960. 300 с.). Вторая книга – «Литературная критика» (М., 1981. 384 с.) – вышла в 1981 г. (переизд. в 1982 г.), здесь опубликованы избранные литературно-критические и историко-литературные работы Константина (с. 30–249) и Ивана (с. 250–354) Аксаковых. О третьей книге, изданной в Уфе в 1986 г., расскажем в настоящей статье. Четвертая книга – «Письма к родным. 1844–1849» (М., 1988. 704 с.) – опубликована в академической серии «Литературные памятники». (В 1994 г. вышло продолжение писем Ивана Аксакова к родным за 1849–1856 гг.) Наконец, пятая книга – «Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате» (М., 1991. 541 с.) – была издана уже на излете СССР.

По инициативе руководства Башкирского книжного издательства в 1977–1990 гг. было предпринято издание серии книг «Золотые родники» из произведений русских классиков, своей жизнью и творчеством связанных с Башкирией. Всего вышло 37 книг писателей XIX и XX вв.: от Пушкина и Аксакова – до Фадеева и Злобина. Писатель, публицист и общественный дея-

тель Михаил Андреевич Чванов, наряду с М.Г. Рахимкуловым, Р.В. Палем и А.П. Филипповым, был инициатором издания этой уникальной серии, в которой им были подготовлены к печати и написаны предисловия к семи книгам: С.Т. Аксакова (1977, 1983, 1984), В.Ф. Наседкина (1978), В.И. Даля (1981), Н.П. Задорнова (1983) и И.С. Аксакова (1986).

Итак, в 1986 году стараниями М.А. Чванова в Уфе вышел сборник Ивана Сергеевича Аксакова. В аннотации сказано: «В книге представлены наиболее значительные поэтические, драматические, публицистические и литературно-критические произведения видного деятеля литературной и общественной жизни России середины XIX века уроженца Башкирии И.С. Аксакова (сына С.Т. Аксакова)» (с. 318). Издание вышло внушительным для нашего времени тиражом – сто тысяч экземпляров. Конечно, для возрождающегося аксаковедения это было событие всесоюзного масштаба. Хотя, надо сказать, что издать книгу Ивана Сергеевича в то время было весьма и весьма непросто.

Аксаковский сборник начинается с предисловия М.А. Чванова «Никаким награждениям знаками отличия не подвергался» (с. 5–20). Ниже воспроизведем из этой вступительной статьи, рассказывающей о непростом жизненном пути знаменитого публициста-славянофила, два небольших фрагмента:

«100 лет назад 27 января (8 февраля) 1886 года перестало биться сердце замечательного сына России Ивана Сергеевича Аксакова, горячо и горько любившего ее и пытавшегося повернуть ее, по его мнению, на истинные пути – пути особенной нравственной силы. 100 лет назад перестало биться его сердце, но до сих пор аура его высоких и искренних мыслей продолжает волновать людей, будить их сердца, они пытаются разобраться в его пророчествах и заблуждениях – и теперь, через 100 лет, когда поутихли страсти и многое стало ясно видно, можно сказать, что не так уж во многом он и ошибался, что не так уж напрасны были многие его тревоги и опасения, как и тревоги и опасения гениального русского писателя Ф.М. Достоевского, с которым они – в самом главном – были духовно близки.

<...> Прошло сто лет, как умолк этот честный и мужественный голос. И, как дань уважения ему, выходит на его родине этот сборник, в который мы постарались включить все самое лучшее – в самых разных жанрах, – написанное им. Объем сборника не позволил включить все его стихи и поэмы, но этот пробел можно восполнить, взяв в библиотеке книгу И.С. Аксакова “Стихотворения и поэмы”, вышедшую в 1960 году в “Библиотеке поэта” (большая серия) в издательстве “Советский писатель”. За бортом книги остались его страстная публицистика, его письма.

И в заключение остается только с сожалением и горечью сказать, что на родине И.С. Аксакова – в селе Надеждине – до сих пор не сделано ничего для увековечения памяти Сергея Тимофеевича, Ивана Сергеевича и Константина Сергеевича Аксаковых. Наверно, непросто восстановить дом, полураз-

рушенную церковь, но на первых порах можно было бы разбить на пустыре вокруг нее парк или сквер, вычистить и привести в порядок пруд и облесить головы знаменитых надеждинских родников, которые мы знаем по произведениям С.Т. Аксакова как «парашинские». Облесенные, они бы вновь стали многоводными и заиграли бы с прежней силой на нашу общую радость» (с. 5, 20).

В 2005 году уфимский исследователь П.И. Фёдоров опубликовал статью, посвященную аксаковской теме в творчестве М.А. Чванова. Вот что он, в частности, пишет об этой книге: «Особое место в творчестве Чванова занимает Иван Сергеевич Аксаков. Из всех сыновей С.Т. Аксакова он оказался наиболее близким ему по характеру и общественному темпераменту. Еще в 1986 году, в год столетия со дня смерти И.С. Аксакова, Михаилу Андреевичу удалось издать в Уфе в серии “Золотые родники” сборник его стихотворений и статей “И Слово правды...” со своим предисловием, что было воспринято одними как вызов существующей системе, а другими – чуть ли не как подвиг восстановления попорченного национального достоинства, протеста против равнодушия и беспамятства. Особое внимание в своей статье Чванов уделил деятельности И.С. Аксакова как основателя и вождя Московского славянского комитета. Впоследствии сам Михаил Андреевич, будучи вице-президентом Международного фонда славянской письменности и культуры, неоднократно бывал в Болгарии, Сербии и Черногории с культурными и общественными миссиями и на личном опыте убедился в масштабах помощи И.С. Аксакова славянским странам в их освобождении от многовекового рабства, а также в той благодарной памяти, которой окружено там это имя по сей день» (Фёдоров П.И. Возвращение к традиции: аксаковская тема в творчестве М.А. Чванова // Аксаковский сборник. Вып. 4. Уфа, 2005. С. 179).

В аксаковской книге достаточно полно представлено поэтическое наследие Ивана Сергеевича – здесь 45 стихотворений, написанных им с 1844 по 1878 год (с. 21–68). Ниже – первое стихотворение из этой подборки, отмеченное 1844 годом, под названием: «К.С. Аксакову» (с. 21–22).

Не расточай святых даров природы
Пред суетной, бессмысленной толпой;
Сил молодых исполненные годы
Не трать в борьбе бесплодной и смешной.
К чему тебе минутное вниманье,
Участия лишенные слова,
Пустых людей пустое лепетанье:
Мелка их мысль и их душа мертва!

Нельзя дать сил уже гнилому телу,
Жизнь новую безжизненным сердцам:
Не в их среде расти благому делу,

Не им внимать пророческим словам!
Их легкого обычного круженья
Стремление, поверь, не заменит.
В ком веры нет и в ком нет убежденья,
Событие того лишь вразумит!

Удел толпы означила природа,
И жизнь ее пуста и холодна.
Судеб мирских таинственного хода
Не хочет знать с презрением она!
Скажи ж, зачем высокие надежды
Иль воплощенья ждущие мечты
Ты предаешь на дерзкий суд невежды
Или хвале бессмысленной толпы?

Зачем же ты, не дорожа святыней,
Влачишь везде заветных мыслей клад,
Глубокий смысл их открываешь ныне
И мнимому толпы участью рад?
О верь, она в своем прикосновеньи
Их важности достоинства лишит,
И не поймет сокрытого значенья
И мыслей тех опошлит внешний вид!

Нет, кто перстом божественным отмечен,
Тот святостью призванья полон будь,
Чтоб подвиг был его велик и вечен,
Чтоб был свершен обетованный путь!
Нет, строг и чист от личных побуждений,
Пусть в тишине взлелеет труд он свой,
Пусть он бежит тщеславных обольщений,
Пусть цель одну он видит пред собой!

Когда же час пророческих открытий
Пробьет толпе, как будто божий гром,
И близостью громадных тех событий
Повеет вдруг нежданною кругом, –
Она падет от тяжкого удара,
Как червь гнилой под мощную стопу...

Теперь же ты не трать напрасно дара,
Чтоб убедить заранее толпу!

Раздел поэзии завершает поэма, точнее, очерк в стихах «Бродяга» (1847–1850; с. 69–112) – это, пожалуй, наиболее известный поэтический опыт И.С. Аксакова и, в определенной степени, предтеча некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Вот только небольшой отрывок из этого очерка в стихах (с. 84):

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у Бога,
Ты вдаль протянулась, пряма как стрела,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнем убита, жестка для копыта,
Ты мерена мерой, трудами добыта!..
В тебе что ни шаг, то мужик работал:
Прорезывал горы, мосты настилал;
Все дружною силой и с песнями взято, –
Вколачивал молот и рыла лопата,
И дебри топор вековые просек...
Куда как упорен в труде человек!
Чего он не сможет, лишь было б терпенье,
Да разум, да воля, да Божье хотенье!..

Следом за поэмой в сборнике напечатана аксаковская пьеса – это своеобразный документ дореформенного судопроизводства, основанный на судебном опыте И.С. Аксакова калужского периода его жизни: «Присутственный день Уголовной палаты: (Судебные сцены) (с. 113–172).

Судебные сцены были опубликованы А.И. Герценом в 4-м номере «Полярной звезды» за 1858 год. Герцен считал их «гениальной вещью», в которую «только надобно вчитаться – надобно дать взойти в душе всему грустному, скрытому в смехе и пошлости» (*Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 26. М., 1962. С. 137*).

М.А. Чванов в своем эссе, посвященном Ивану Сергеевичу, обращает внимание на важную особенность аксаковской публицистики: «При чтении статей И.С. Аксакова через сто с лишним лет после их написания постоянно возникает чувство, что они написаны сегодня. В свое время, при подготовке первого переиздания в советское время сборника статей И.С. Аксакова в Башкирском книжном издательстве, я столкнулся с любопытным фактом. В фонде редких книг республиканской библиотеки перепечатав на машинке одну из его статей, я дал ее прочитать своей жене, кстати, редактору книжного издательства, не сказав, чья статья. Возвращая ее, она сказала: “Все думаю, кто мог бы ее написать. Распутин? Но язык не его”. Надо было видеть ее удивление, даже потрясение, когда она узнала, что статья написана сто с лишним лет назад, в ней даже фигурировали такие термины, как “застой”,

“перестройка”...» (Чванов М.А. «Пора домой!», или Где ты, кто ты, новый Иван Аксаков // Роман-газета. 2017. № 24 (1796). С. 24).

Заключительный раздел книги – «Статьи и очерки» (с. 173–308) – включает в себя 10 произведений И.С. Аксакова:

«Несколько слов об общественной жизни в губернских городах», 1852 г. (с. 173–186).

«Несколько слов о Гоголе», 1852 г. (с. 186–189).

«Об издании в 1859 году газеты “Парус”», 1858 г. (с. 189–192).

«Речь о А.Ф. Гильфердинге, В.И. Дале и К. И. Невоструеве», 1873 г. (с. 192–201).

«Речь о А.С. Пушкине», 1880 г. (с. 201–218).

«О рассказе Л.Н. Толстого “Чем люди живы”», 1881 г. (с. 218–219).

«О кончине Тургенева», 1883 г. (с. 219–220).

«Тургенев и молодые поэты», 1883 г. (с. 221–223).

«Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк», 1874 г., (с. 223–298) – публикуется в сокращении.

«Очерк семейного быта Аксаковых», 1888 г. (с. 298–308).

Так получилось, что книга, подготовленная М.А. Чвановым и вышедшая в Уфе в 1986 году, стала первым и последним авторским сборником И.С. Аксакова, опубликованным в СССР.

P.S. В моей библиотеке среди книг И.С. Аксакова есть и эта книга, которую Михаил Андреевич Чванов подарил мне в 2006 году, подписав следующим образом: «С глубоким уважением Сергею Витальевичу Мотину – от скромного составителя сей книги и в связи с 20-летием ее издания. По этому случаю в свое время был издан Приказ Госкомпечати СССР, осуждающий это издание, как реакционное. М. Чванов. 22.03.06».

Иван-Аксаковские публикации М.А. Чванова

«Никаким награждениям знаками отличия не подвергался» // Аксаков И.С. И слово правды: стихи, пьеса, статьи, очерки. Уфа, 1986. С. 5–20.

«Никаким награждениям знаками отличия не подвергался» // Сов. Башкирия. 1990. 18 мая.

Иван Сергеевич Аксаков // Чванов М.А. Если не будете как дети... М.: Современник, 1990. С. 181–202; то же: Чванов М.А. Корни и крона. Я был в Аксакове... Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. С. 180–201.

Где ты, новый Иван Аксаков? : эссе // Чванов М. Время Концов и Начал: повесть, рассказы, публицистика. Уфа, 1994. С. 233–265.

Где ты, новый Иван Аксаков? : эссе // Аксаковский сборник. Вып. 2. Уфа, 1998. С. 3–13.

Пора домой! : к 175-летию со дня рождения И.С. Аксакова // Труд. Успех. Здоровье. 1999. № 1/2. С. 11–29.

«Печальник славянства» [к 180-летию И.С. Аксакова] // Наш современник. 2003. № 12. С. 117–135; то же: Бельские просторы. 2004. № 4. С. 115–132.

«Феномен, но не сила», или Где ты, кто ты, новый Иван Аксаков?! // Чванов М.А. Мы – русские?..; «...всего мира Надеждо и Утешение»: проза, публицистика. Москва: Голос-Пресс, 2005. С. 476–525.

Иван Аксаков – болгарский царь? : [И.С. Аксаков и Болгария] // Истоки. Уфа, 2009. № 1 (январь). С. 7.

Феномен, но не сила: Иван Сергеевич Аксаков // Чванов М.А. Русский крест. Очерки русского самосознания / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 248–325.

«Феномен, но не сила», или Где ты, кто ты, новый Иван Аксаков?! // Крест мой...: аксаковский сборник, посвященный 70-летию М.А. Чванова / Совет городского округа г. Уфа, Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. Уфа, 2014. С. 68–134.

«...Нам тяжело стало, точно мы потеряли свет»: Аксаковские дни в Черногории, посвященные памяти И.С. Аксакова: [Иван Сергеевич Аксаков; Генерал Михаил Григорьевич Черняев; Саша (Александр Борисович Беляков); Душан Радович] // Бельские просторы. 2015. № 2. С. 97–110.

Иван Сергеевич Аксаков; «Пора домой!», или Где ты, кто ты, новый Иван Аксаков; Иван Сергеевич Аксаков и Болгария // В Надеждине звонят колокола...: Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино» / сост. Т.Е. Петрова, М.А. Чванов. Уфа, 2017. С. 37–41, 42–95, 96–99.

«Пора домой!», или Где ты, кто ты, новый Иван Аксаков // Чванов М.А. «Блаженны страждущие...», или Повесть о Димитрии Донском, потомке французских крестоносцев. Москва, 2017. С. 234–303; то же: Роман-газета. 2017. № 24 (1796). С. 19–53.

Кто ты, Иван Аксаков? // Наш современник. 2018. № 10. С. 199–220.

Подробнее о М.А. Чванове см.: Материалы к летописи жизни и творчества Михаила Андреевича Чванова / ред.-сост. С.В. Мотин и П.И. Фёдоров. Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. 568 с.: [12 с.] ил. – Эта книга выложена в Интернете.

Изучение творчества и жизни И.С. Аксакова в XXI веке

См.: Мотин С.В. Изучение творчества и жизни И.С. Аксакова в XXI веке // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Секции (I). Сборник научных статей. М.: Российское философское общество; Институт философии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. Издательство “Логос”, ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2020. С. 820–822.

Представлены результаты изучения творчества и жизни публициста и мыслителя Ивана Сергеевича Аксакова в России в первые два десятилетия

XXI века. За этот период напечатаны 14 аксаковских книг, среди которых – том публицистики, вышедший в серии «Из истории отечественной философской мысли»; научное издание трудов братьев Аксаковых в серии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века»; переписка с философами Н.Н. Страховым и Ю.Ф. Самариним; начато издание нового собрания сочинений в 12 томах. За это время исследователями опубликованы 8 монографий; первая творческая биография; воспоминания о нем современников; первый библиографический указатель; материалы для летописи жизни и творчества; защищены 8 кандидатских диссертаций (по три – исторических и филологических наук, по одной – философских и политических наук).

Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) – поэт, чиновник-правовед, общественный деятель, редактор, издатель, публицист-славянофил, мыслитель, идеолог пореформенного славянофильства. И.С. Аксаков занимает особое – срединное – положение среди классиков славянофильства: если в 1840-е гг. он был самым младшим среди старших (ранних) славянофилов, то в 1880-е гг. достиг положения признанного вождя славянофильства – старшего среди младших (поздних) славянофилов. Благодаря Аксакову славянофильские идеи «вошли в широкую сферу русской общественной мысли 1860-х годов», а затем он «поддерживал присутствие данной позиции в пространстве публичной дискуссии вплоть до своей кончины» [1, с. 10].

Сначала рассмотрим основные книги И.С. Аксакова, опубликованные в XXI веке, а потом за те же годы – диссертации и монографии исследователей, посвященные изучению творчества и биографии публициста-мыслителя.

Итак, в 2002 г. в серии «Из истории отечественной философской мысли» выходит из печати книга избранных передовых статей, которая знакомит читателя с историческою публицистикой Аксакова [2].

Следом были переизданы письма Аксакова к родным и другим лицам, опубликованные в 4-х книгах в 1888–1896 гг. [3]. Затем впервые в полном объеме публикуется переписка Аксакова с философом и публицистом Н.Н. Страховым [4].

В 2010 г. вышло в свет научное издание трудов братьев Аксаковых в серии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» [5]. Позже в издательстве Института русской цивилизации опубликована книга воспоминаний современников об Аксакове [6].

В последнее десятилетие огромный вклад в развитии аксаковедения вносит Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Именно при этом Центре начато издание собрания сочинений И.С. Аксакова [7], а с 2011 г. издается серия книг под названием «Славянофильский архив». За восемь лет в этой серии вышли девять книг, в четырех из которых опубликована аксаковская переписка [8–11].

В прошлом году в серии «Российская императорская библиотека» опубликован подарочный сборник аксаковских передовых статей [12].

В 2002 г. состоялась защита диссертации, посвященная творческим взаимоотношениям Ф.И. Тютчева и И.С. Аксакова [13].

Спустя 4 года в МГУ защищается диссертация и выходит монография, в которых рассматриваются политические принципы консерватизма в творчестве Аксакова [14; 15].

В 2010 и 2011 гг. прошли защиты двух диссертаций, анализирующих деятельность Аксакова в качестве редактора-издателя газеты «Русь» [16; 17], а позже появляется и монография одного из диссертантов [18].

В 2011 г. защищается диссертация [19], а потом выходят две монографии, посвященные различным аспектам взаимоотношений Ф.М. Достоевского с братьями Аксаковыми [20; 21].

Два года спустя состоялась защита диссертации, в первой главе которой «И.С. Аксаков и идея христианской общественности» рассматривается отношение Аксакова к теократическим идеям В.С. Соловьева и полемика между ними 1884 г. [22].

В 2014 г. защищаются две диссертации, в одной из которых анализируются работы Аксакова, посвященные трансформации помещичьего хозяйства России [23], а в другой рассматривается его лирика [24].

В том же году напечатаны две книги – в первой представлена борьба Аксакова за свободу слова и печати [25], а во второй – два тома (2-й том впервые после цензурного запрета в 1853 г.) «Московского сборника», редактором которого выступил Аксаков [26].

В 2015 г. опубликована первая большая творческая биография Аксакова [1].

Через два года издана коллективная монография, рассматривающая аксаковскую газету «Русь» [27].

Наконец, в том же году выходит еще одна монография, посвященная служебной деятельности Аксакова в качестве чиновника-правоведа [28]. Кроме того, в первой половине 2010-х гг. коллектив единомышленников издает материалы для летописи жизни и творчества Аксакова [29] и его библиографический указатель [30].

Таким образом, рассмотренный нами период стал одним из самых плодотворных в изучении жизни и творчества И.С. Аксакова, а продолжение исследования биографии публициста-славянофила в контексте пореформенного славянофильства, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему более точному пониманию истории социально-философской и политико-правовой мысли России второй половины XIX века.

Список литературы

1. Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 800 с.
2. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступ. ст., примеч. В.Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.
3. И.С. Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисл., коммент. и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: в 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч., указ. имен Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003–2004.
4. И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: переписка / Сост. М.И. Щербакова. Оттава: Оттав. ун-т, 2007. 192 с.
5. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: РОССПЭН, 2010. 887 с.
6. Иван Аксаков в воспоминаниях современников / Сост., предисл. и коммент. Г.Н. Лебедевой; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 536 с.
7. Аксаков И.С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1, кн. 1, 2: Славянский вопрос / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; изд. подгот. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров. СПб.: Росток, 2015. 639, 768 с.
8. Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко, В.И. Шведов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 712, [16] с.
9. «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Изд-во «Росток», 2017. Ч. 1. 816 с.
10. Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Изд. подгот. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 600 с.
11. Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Изд-во «Росток», 2018. 672 с.
12. Аксаков И.С. В чем сила России? Иллюстрированное издание. М.: Эксмо, 2019. 599 с.
13. Валитов А.Р. Федор Тютчев и Иван Аксаков: Поэт и его биограф: дис. ... канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т. Ярославль, 2002. 190 с.
14. Фурсова Е.Б. Политические принципы консерватизма в творчестве И.С. Аксакова (1823–1886): дис. ... канд. полит. наук / Моск. гос. ун-т. М., 2006. 189 с.

15. Фурсова Е.Б. И.С. Аксаков: апология народности и самодержавия / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2006. 244 с.
16. Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: дис. ... канд. ист. наук / С.-Петербур. ин-т истории РАН. СПб., 2010. 297 с.
17. Сташнева М.А. Социально-политическая программа газеты И.С. Аксакова «Русь» (1880–1886 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Нижегор. гос. архит.-строит. ун-т. Н. Новгород, 2011. 259 с.
18. Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016. 360 с.
19. Кунильский Д.А. Ф.М. Достоевский и братья К.С. и И.С. Аксаковы: Проблема восприятия русской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск, 2011. 223 с.
20. Кунильский Д.А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 151 с.
21. Кунильский Д.А. Две «ветви» славянофильства: почвенники и Иван Аксаков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 127 с.
22. Атякшев М.В. Идея христианской общественности в позднем славянофильстве: И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов, П.Е. Астафьев, Л.А. Тихомиров: дис. ... канд. филос. наук / Российский гос. гуманитар. ун-т. М., 2013. 117 с.
23. Степченко В.А. Отражение в творчестве Аксаковых 1830–1880-х гг. трансформации помещичьего хозяйства России: дис. ... канд. ист. наук / Омский гос. ун-т путей сообщения. Омск, 2014. 211 с.
24. Ожерельев К.А. Художественная картина мира в лирике К.С. Аксакова и И.С. Аксакова: дис. ... канд. филол. наук / Омский гос. ун-т. Омск, 2014. 178 с.
25. Порох В.И. И.С. Аксаков в борьбе за свободу слова и печати. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская гос. юридическая акад.», 2014. 179 с.
26. Московский сборник: [т. 1, 2] / подгот. В.Н. Греков. СПб.: Наука, 2014. 1307 с.
27. Газета «Русь» 1880–1886 годов / [Аношкина В.Н., Батурова Т.К., Белл М.Л. и др.; ред. коллегия: В.Н. Аношкина (сост. и ответ. ред.) и др.]; Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2017. 581 с.
28. Мотин С.В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И.С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской империи: монография. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. 168 с.
29. Аксаков Иван Сергеевич: материалы для летописи жизни и творчества. 1823–1886: в 6 вып., 12 ч. / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2015. 3122 с.

30. Иван Сергеевич Аксаков: библиогр. указ. (1836–2014) / сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; под ред. А.П. Дмитриева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.

Р.С. Еще две книги были изданы в 2022 году:

Аксаков И.С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2: Славянофильство и западничество / издание подгот. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2022. 896 с., ил.

Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885) / издание подгот. Т.Ф. Пирожкова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. 464 с.: фронт., [12] с. ил. (Славянофильский архив. Кн. V).

В.Н. Греков **За страницами библиографического указателя¹**

См.: *Греков В.Н.* За страницами библиографического указателя // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2016. Международный научный журнал. Часть 2 / под ред. проф. Е.И. Орловой. М.: Факультет журналистики МГУ, 2017. С. 268–278.

Библиография, как и любая научная классификация, требует выработки принципов отбора. Чем оригинальнее и универсальнее эти принципы, тем интереснее и полезнее эта библиография для исследователей. Но можно ли найти собственные принципы классификации, если речь идет, как в нашем случае, о библиографии персональной, посвященной жизни и деятельности Ивана Сергеевича Аксакова? Чтобы понять это, придется заглянуть в прошлое и познакомиться с тем, какие библиографические указатели связаны с интересующим нас писателем. Надо сказать, биографии и библиографии семьи Аксаковых повезло больше, чем биобиблиографии других славянофилов. В 1888 г. В.И. Межов выпускает библиографический указатель сочинений С.Т. Аксакова, а также книг и статей о его жизни и трудах². Этот указатель включает 138 названий сочинений С.Т. Аксакова и 102 названия литературы о нем. В 1889 г. С.А. Венгеров в 1 т. «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» помещает статьи с указателями основной литературы об С.Т. и И.С. Аксаковых (об И.С. Аксакове – 42 наименования)³. Но уже Г.Н. Геннади в VI вып. «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей» (1890) указывает 85 названий текстов И.С. Аксакова и 100 наименований литературы о нем⁴.

Первые библиографы строили свои указатели как хронологически-двучастные, т.е. отделяя собственные сочинения писателей от работ об их жизни и творчестве. Несколько позднее С.А. Венгеров в работе «Передовой боец славянофильства Константин Аксаков»⁵ выстраивает материал как четырехчастный:

1. Сочинения, вышедшие отдельными изданиями или оттисками;
2. Произведения и письма, напечатанные в периодических изданиях и сборниках;
3. Литература о К. Аксакове;
4. Отдельно выделены рецензии на произведения К. Аксакова.

Как видим, дореволюционные библиографы старались, прежде всего, как можно полнее представить в своих словарях и указателях творчество Аксаковых и литературу о них. Иную задачу поставил перед собой библиографический словарь «Русские писатели (1800-1917)». В 1 т. словаря (А – Г; 1989 г.) опубликованы статьи не только об С.Т., К.С. и И.С., но и об А.Н. Аксакове, А.Ф. Аксаковой (Тютчевой) и В.С. Аксаковой⁶. В статьях подробно характеризуются прозаические и поэтические жанры, типы публицистических и критических статей. В пристатейной библиографии особо выделяется раздел архивных рукописных материалов.

Наиболее подробно библиографические критерии разработаны в аннотированном библиографическом указателе «Литературное семейство Аксаковых», выпущенном в 1993 г. Самарской областной универсальной научной библиотекой (сост. Э.Ю. Базилевская, А.И. Мартиновская), насчитывающем 1370 наименований⁷. Отличительная черта данного указателя – очень подробная рубрикация в каждом разделе. Систематизированы по разделам художественные произведения, литературная критика, публицистика, переписка и т.д. Дан не просто перечень литературы о жизни и творчестве И.С. Аксакова, а разбит на разделы «Историко-социологические взгляды И.С. Аксакова», «И.С. Аксаков – общественный деятель», «И.С. Аксаков и Ф.И. Тютчев» и т.д. В указатель включены новые персоналии – Г.С. Аксакова и О.Г. Аксаковой; в особый раздел выделено краеведение – аксаковские места (Абрамцево, Мураново, Самара, Симбирск и т.д.); систематизированы работы о генеалогии рода Аксаковых, включая архивные материалы; иконография Аксаковых. Довольно подробно представлены общие работы о славянофильстве.

Так развивался жанр библиографического указателя.

Рецензируемый указатель «Иван Сергеевич Аксаков: Библиографический указатель (1836–2014)», подготовленный П.И. Федоровым и С.В. Мотиним, отличается от предшествовавших ему попыткой объять необъятное: в него вошло 3 122 наименования; из них 2 137 – тексты и переписка. Для сравнения: в «Литературном семействе Аксаковых» сочинений Ивана Аксакова и литературы о нем, не считая иконографий и энциклопедий, занимает 249 номеров. Это около 500 текстов, т.к. статьи, входившие в собрание сочинений, даются не в алфавитном порядке, а в росписи томов. В рецензируемом же издании сочинения распределены по рубрикам (книги, статьи, речи, художественные произведения; издания, вышедшие при участии И.С. Аксакова; архивные материалы), так что тома собрания сочинений и стихотворные сборники попадают в раздел «Книги» (без росписи), а вот их содержа-

ние, т.е. отдельные статьи и стихотворения показаны в алфавитном порядке в рубриках «Статьи» и «Художественные произведения». Само собой разумеется, что составители учли вновь выявленные рукописные материалы Аксакова, найденные и опубликованные исследователями в последние годы. Среди них – впервые введенное в научный оборот Н. Вихровой записи И. Аксакова о Пушкине, текст запрещенной VI статьи «О взаимном отношении народа, общества и государства», выявленное А. Теслей и т.д.

Но самый значительный вклад составителей связан с росписью переписки Ивана Аксакова. Письма занимают два раздела: опубликованные и архивные материалы. Впечатляет уже самый объем библиографии. Выявлен 1 271 архивный источник, обследованы рукописные фонды ИРЛИ, РГБ, РГАЛИ, РНБ, ГИМ, РГИА (СПб.), музеев «Абрамцево» и «Мураново», Санкт-Петербургский филиал архива РАН и т.д. Неудивительно, что раздел «Переписка» занимает целую треть издания (с. 71–142). Такой интерес объясняется прежде всего тем, что письма Ивана Аксакова не соответствуют общепринятым представлениям о частной переписке. Обычно они представляют собой художественные зарисовки, законченные эссе, или очерки, не уступающий в его творчестве по значимости многим художественным и публицистическим произведениям. Сам Иван Аксаков рассматривал письма к родным как страницы дневника, отражающие его духовное состояние и внутреннее развитие. Он просил не выкидывать его письма, а беречь их, и действительно, эти письма читались и обсуждались в кругу знакомых и друзей семьи Аксаковых, содержание их доходило даже до Гоголя. Поэтому, насыщая указатель подробнейшими сведениями о переписке, составители предоставляют читателю возможность погрузиться в мир личных взаимоотношений, тревог, сомнений. Ведь каждое письмо – это еще и эмоциональный отклик на некое событие. Это уже не говоря о том, что теперь исследователю легче будет ориентироваться в своих поисках. Таким образом, основная задача составителей указателя заключается не в «количественно-механистическом» стремлении собрать как можно больше материала, а в попытке заложить в основу своего детища концепцию – воссоздать контекст семейной жизни Ивана Аксакова, его литературной, публицистической деятельности, служебных перипетий, общественной борьбы в Славянском благотворительном комитете. Да, конечно, мы видим в указателе только названия, но они как заголовки глав целостной жизни. Да ведь и сам указатель стал возможен лишь как результат многолетней работы по созданию «Летописи жизни и творчества И.С. Аксакова», выпускаемой в Уфе под ред. С.В. Мотина⁸.

Этой же задаче – созданию контекста, служат и такие разделы указателя, как «Биографические материалы», «Иконография И.С. Аксакова и А.Ф. Аксаковой (Тютчевой)», а также впервые собранные вместе сведения о музыкальных произведениях на стихи И.С. Аксакова. Последний раздел впервые появляется в библиографическом указателе, посвященном Аксаковым.

Наиболее сложную задачу – отбора материала, пришлось решать при составлении раздела «Научно-исследовательская литература об И.С. Аксакове». Здесь требовалось решить несколько вопросов.

1. Надо ли ограничиться только литературой об И.С. Аксакове или включить и книги о славянофильстве и славянофилах?

2. Достаточно ли простого упоминания имени И. Аксакова в перечислении или необходимо, чтобы книга или статья содержали конкретную и существенную информацию о нем?

3. Как быть с исследованиями по истории журналистики, истории периодических изданий, которые славянофилы выпускали или в которых они участвовали?

Последний вопрос не праздный, не просто дополнение к общему перечню проблем составителей. Напротив, именно от него зависит решение о принципах отбора. Предпочтение было отдано принципу информативности. Совершенно правомерно в указатель были включены теоретические работы о славянофилах и славянофильской журналистике. Остановимся на одном примере. В указатель включены 2 статьи П.С. Рейфмана о журналистике славянофилов, опубликованные в Ученых записках Тартусского университета в 1979 и 1982 годах. На самом деле серия статей Рейфмана растянулась почти на 10 лет и опубликована в 5 выпусках Ученых записок⁹. С одной стороны, составителям грозит упрек в неполноте охвата материала, в раздроблении целостного цикла статей. С другой стороны, именно в приведенных статьях анализируются теоретические положения славянофилов и те взгляды на журналистику, которые имеют или могут иметь отношение к И.С. Аксакову. Такой отбор можно считать убедительно мотивированным.

Однако есть и выборки, которые кажутся неправильными. Например, в библиографию включена статья В. Попова «Социальная природа и функции раннего славянофильства», вышедшую в Трудах Краснодарского университета в 1974 г.¹⁰. Это действительно основополагающая работа в области исследования славянофильства. Однако в этот же том включена и другая статья Попова, не менее важная – «Раннее славянофильство как эстетический феномен»¹¹. А вот ее-то как раз в указателе мы не найдем.

Тем не менее необходимо отметить, что принципы отбора и классификации материала проведены последовательно во всем указателе. Даже если мы не со всеми решениями библиографов согласимся, но это те исключения, о которых говорят, что они подтверждает правило. Само же правило органично вытекает из теоретических представлений о литературно-общественной деятельности Ивана Аксакова и славянофилов, заявленных во вступительной статье С.В. Мотина. На ней стоит остановиться подробнее.

Автор предлагает свою периодизацию как славянофильства в целом, так и творчества И. Аксакова. Автор разделяет традиционное представление о ранних (старших) славянофилах и поздних (младших), но, кроме того, он выделяет еще и «срединное» («панславистское», 1860-е – 1870-е гг.) и «неос-

лавянофильство» (1900-е – 1910-е гг.). Такая периодизация кажется нам спорной. Не только потому, что поздние славянофилы – К. Леонтьев и Н. Данилевский, не признавали своей преемственности от ранних славянофилов. Классические (ранние) славянофилы не были державниками. Они искали народной души, заботились о выражении народного духа. Поздних же заботила не мистическая русская идея, а культурное, цивилизационное превосходство более молодого славянского мира перед западным. Это как раз тот случай, когда один и тот же термин наполняется разным содержанием. Так можно и «славянофилов» А.С. Шишкова рассматривать как предшественников «русского направления» Аксаковых. На самом деле единое направление существовало как потенция, как возможность, а не как единая теория. Отсутствие единой теории, отмеченное еще Иваном Киреевским в «Письме московским друзьям» 1847 г., обнаруживается и в расколе прежних единомышленников в 1860-е – 1870-е годы¹².

Тем более, не надо преувеличивать панславизм Ивана Аксакова, выступавшего за культурное и религиозное единство славян, но вовсе не склонного к созданию единого панславистского государства.

Анализируя творчество Ивана Аксакова, С.В. Мотин выделяет 7 периодов его деятельности, опираясь на «внешние» события его жизни: детство, обучение в Училище, служба и т.д. При этом автор пытается отыскать основную черту идеологических или политических взглядов Ивана Сергеевича. Такая характеристика логически вытекает из периодизации славянофильства, поэтому не во всем с ней можно согласиться. Тут важно было бы подчеркнуть, что Аксаков – вовсе не государственный, не державник, также как и не революционер.

Наследие славянофилов, и прежде всего И. Аксакова, стараются поставить на службу своим идеям и наши современники, называя публициста то охранителем, то консерватором, то либералом. На само деле он вне этих категорий. Он даже вне искусственной «национальной идеи». Он считает, что главная задача народа – жить свободным бытом и свободной жизнью. Свободной от вмешательства государства. Идея народа у него всегда опережает и превосходит идею государства. Да, он не доверял парламенту. Но только потому, что боялся превращения парламента в государя. Выбирая между государем-парламентом и государем-человеком он выбирает человека. Наивно? Конечно. Но тот же Аксаков полагает, что самодержавие и самоуправление (земство) способны развиваться, выразиться в Земском соборе и привести к созданию конституции, к «представительству»¹³. Публицист видит недостатки парламентаризма на Западе, но считает их непреодолимыми. Он опасается недостатков того, что еще не осуществилось. И вот тут он – не опережает, не отстает, а отстывает от истории. Он хочет «спрямить» путь. Может быть, это стремление «ускорить», уменьшить исторический путь и приводило И. Аксакова к столкновению с оппонентами, а порою и с самой жизнью?

Читатель, конечно, может возразить: все это отговорки. В конечном счете идеи Аксакова служат какому-то направлению, тянут либо вперед, либо назад. Но как быть с тем, что сам Аксаков считал свободой, в том числе и свободу печати, консервативной ценностью, а ее ограничение – революционностью? Одну из своих статей в газете «День» Аксакову заканчивал словами: «Не мужики спросят – история спросит»¹⁴. Поэтому не стоит выискивать в статьях Аксакова ни либеральное, ни охранительное направление, его взгляды не соответствуют этой «мерке»¹⁵. Он на другой стороне. На стороне истории. Но это значит, что он движется. Меняется, «дрейфует» вместе с историей. Примем во внимание, что история не всегда прямолинейна, Она может забегать вперед, а может и отступать. Так же и Иван Аксаков, так же и славянофилы. Вот почему именно в тот момент, когда все казалось бы ясно, история изменяет течение свое, а взгляды славянофилов, в том числе и Ивана Аксакова, вновь становятся актуальными. Вновь приходится мучительно искать: что же хотел сказать публицист, какое содержание вкладывал в свои выступления?

И вот почему так радуется, что даже в библиографическом труде мы видим попытку теоретического осмысления взглядов И. Аксакова, поиски новых подходов к исследованию феномена славянофильства.

Остается пожелать нового, уточненного издания библиографии И.С. Аксакова с обширной вводной теоретической статьей, изданного большим тиражом, доступным массовому читателю. Ведь 100 экземпляров, отпечатанные на ризографе, попадут даже не во всякую библиотеку...

Примечания

1. Иван Сергеевич Аксаков: библиогр. указ. (1836–2014) / сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; сост. фотоприложения: Г.О. Иванова; вступ. ст. С.В. Мотина; под ред. А.П. Дмитриева; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова, Уфимский юридический ин-т МВД России, Библиотека БГПУ им. М. Акмуллы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.: 8 л. ил.

2. Межов В.И. Сергей Тимофеевич Аксаков: Библиогр. указатель книг и статей о жизни и сочинениях его. 1816–1852. СПб., 1889. 25 с.

3. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. В 6 т. СПб., 1889. Т. 1. С. 149–200, 928–929 (С.Т. Аксаков); С. 318–344, 917–928 (И.С. Аксаков).

4. Геннади Г.Н. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 6. СПб., 1890. С. 14–22.

5. Венгеров С.А. Собр. соч. Т. 3.: Передовой боец славянофильства Константин Аксаков. СПб., 1912. С. 233–247.

6. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 7 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия / БРЭ – Ин-т русской литературы (Пушкинский дом), 1989. С. 29–40.

7. Литературное семейство Аксаковых: Аннотир. библиогрфич. указатель / Сост. Базилевская Э.Ю., Мартиновская А.И. Самара, 1993. 480 с.

8. Аксаков Иван Сергеевич: материалы для летописи жизни и творчества. 1823–1886: в 6 вып., 12 ч. / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2015. 3122 с.

9. Рейфман П.С. К истории славянофильской журналистики 1840 – 1850-х годов (Некоторые общие проблемы). Статья 1 // Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1977. Вып. 414. С. 37–56.; Статья 2 // Там же. 1979. Вып. 491. С. 35–58; Статья 3 // Там же. 1981. Вып. 513. С. 73–85; Статья 4 // Там же. 1982. Вып. 604. С. 64–80; Статья 5 // Там же. 1983. Вып. 626. С. 67–82; Статья 6 // Там же. 1985. Вып. 645. С. 133–144.

10. Попов В.П. Социальная природа и функции раннего славянофильства // Проблемы гуманизма в русской философии. Краснодар, 1974. С. 56–83.

11. Попов В.П. Раннее славянофильство как эстетический феномен и проблема гуманизма // Там же. С. 84–120.

12. Киреевский И.В. Критика и эстетика / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю.В. Манна. М., 1979. 439 с. (История эстетики в памятниках и документах). М.: Искусство, 1979. С. 369–373.

13. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: изд-во МГУ. 1978. С. 251–252.

14. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? / сост., вступ. статья и примеч. В.Н. Грекова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 307.

15. Так, М.А. Чванов видит в И. Аксакове панслависта, предтечу современного «евразийства», обличителя евреев. Такая позиция, конечно, не имеет ничего общего с наукой. Публицистическое отношение к взглядам славянофилов может быть даже и пристрастным, эмоциональным, опирающимся на современные политические реалии. Нельзя только искажать цвет, называть черное – белым, как делает автор, например, с черносотенством. Получается, что славянофильство в целом и И. Аксаков в частности предвосхищают черносотенцев, а сами черносотенцы – люди весьма достойные, оболганные и едва ли не святые. Даже оставляя оценки на совести автора, нельзя не заметить здесь анахронизм. См.: Чванов М.А. «Феномен, но не сила», или Где ты, кто ты, новый Иван Аксаков? // Чванов М.А. Мы – русские?.. «всего мира Надеждо и Утешение»: проза, публицистика. М.: Голос-пресс, 2005. С. 476–525. – С точки зрения либеральной идеологии рассматривает И. Аксакова А. Кара-Мурза. Его позиция представляется также несколько односторонней, но гораздо более взвешенной и приемлемой, чем у М. Чванова. См.: Кара-Мурза А.А. Либерал от земли. Иван Аксаков: от борьбы с диссидентами к

проповеди свободы слова // Новая газета. 2011. № 21. 28 февраля. – Об ошибках и слабостях славянофилов размышляет В. Новодворская. При всей серьезности ее выступления, автор более озабочен проблемой влияния ошибок И. Аксакова на современность, чем объяснением собственной позиции Аксакова. Впрочем, от журнальной публикации (также как и газетной статьи А. Кара-Мурзы) нельзя требовать академической полноты и анализа. См.: Новодворская В. В поисках вымышленного царства // The New Times = Новое Время. 2013. № 32 (300). 7 октября.

ИВАН-АКСАКОВЕДЕНИЕ

Русский консерватизм, славянофильство и эволюция мировоззрения И.С. Аксакова

См.: *Мотин С.В.* Русский консерватизм, славянофильство и эволюция мировоззрения И.С. Аксакова // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы III Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 28–29 апреля 2011 года: в 5 ч. Ч. II / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД России, 2011. С. 159–167.

В конце 2010 г. вышла в свет энциклопедия⁶⁵⁴, представляющая собой научно-справочное издание, которая ставит целью «проследить генезис и эволюцию русского консерватизма за два века в контексте мирового и общероссийского модернизационного процесса»⁶⁵⁵. Большое внимание в книге уделено теоретико-методологическим, идейно-политическим, социокультурным и институциональным основаниям консерватизма в России, проанализирован понятийный аппарат, представлены различные политические, общественные и культурно-просветительские объединения русских консерваторов.

Энциклопедия подготовлена коллективом авторов на базе Института общественной мысли. Руководитель проекта профессор В.В. Шелохаев, предваряя книгу, отмечает: «При ее подготовке возникли определенные сложности, связанные с тем, что история консерватизма в России стала предметом углубленного изучения лишь в 1990-х гг. и многие аспекты этой многоплановой темы еще не исследованы. Это касается отдельных органов печати, организационных структур, персоналий и др. Однако введенный за последние двадцать лет в научный оборот материал уже дает возможность приступить к его энциклопедическому осмыслению»⁶⁵⁶.

Открывает издание аналитическая вводная статья⁶⁵⁷, охватывающая все этапы истории русского консерватизма. Завершает книгу библиография основных трудов по данной тематике⁶⁵⁸. Издание включает 260 статей, которые можно разделить на четыре блока: основные понятия (концепты), персоналии, политические и общественные структуры, органы печати. Основной блок статей составляют биографии наиболее крупных представителей русского консерватизма, внесших вклад в разработку данного направления общественной мысли. Около 40 статей посвящено характеристике партийных и общественных консервативных структур. Примерно такое же число статей посвящено периодическим изданиям консервативного толка, содер-

⁶⁵⁴ Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 639 с. : ил.

⁶⁵⁵ <Аннотация> // Русский консерватизм... С. 4.

⁶⁵⁶ От составителей // Русский консерватизм... С. 5.

⁶⁵⁷ Минаков А.Ю., Репников А.В. Консерватизм в России // Русский консерватизм... С. 6–18.

⁶⁵⁸ Консерватизм в России. Краткая библиография / составители А.Ю. Минаков, А.В. Репников при участии Е.П. Гришиной и Т.П. Семеновы // Русский консерватизм... С. 614–634.

жащим информацию о попытках оказать воздействие на массовое сознание, о деятельности партий и организаций, формах и методах идейно-политической борьбы с идеологическими и политическими оппонентами.

Используя материалы энциклопедии, остановимся на характеристике консерватизма в России, а также рассмотрим славянофильство и мировоззрение И.С. Аксакова с точки зрения консервативной идеологии.

Итак, *консерватизм* (от *лат. conservo* – сохраняю, охраняю) – общественно-политическое течение, возникшее в конце 18 века как реакция на философию рационализма и индивидуализма Нового времени, теорию прогресса, эксцессы Французской революции конца 18 века. Для консерватизма характерны признание приоритета монархической формы правления, принципа естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии. Центральной ценностью для консерватизма являлась религия, которая, согласно воззрениям консерваторов, придавала смысл истории и отдельной человеческой личности. Консерватизму также были присущи культ церкви, армии, школы и семьи, т.е. общественных институтов, выступавших основными проводниками и хранителями традиции. Консерваторы выступали защитниками нравственных принципов, патриотизма и традиционной культуры. Консерватизм противостоял идеологиям, в основе которых лежали ценности противоположного порядка: материализм, атеизм, моральный релятивизм, рационализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, индивидуализм, социальное равенство, приверженность теоретическим моделям, радикальным реформам и революциям⁶⁵⁹.

Русский консерватизм в 1-й четверти 19 века был явлением, во многом родственным западно-европейскому консерватизму, поскольку ранние русские консерваторы разделяли основные ценности, характерные и для их западно-европейских единомышленников – Ж. де Местра, Л. де Бональда, А. Мюллера и Ф. фон Баадера, ставивших целью защиту ценностей идеализированного средневекового общества. В то же время идейное влияние западно-европейских мыслителей-консерваторов на их русских единомышленников было сравнительно невелико, становление русского консерватизма проходило параллельно с западно-европейским, под воздействием сходных факторов.

Специфика русского консерватизма обусловлена тем, что он первоначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой в 18 – начале 19 века стали реформы Петра I, крайний (по тем временам) либерализм императора Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства; в особенности – проект государственных преобразований, связанный с именем М.М. Сперанского; галломания значительной части русского дворянства; экспансия Наполеона I, Тильзитский мир 1807 г., Отечественная война 1812 г., а также попытка создания общехристианского государства в

⁶⁵⁹ Минаков А.Ю., Репников А.В. Консерватизм в России.... С. 6.

духе деклараций Священного союза, фактически лишавшая православную церковь статуса государственной (1817).

История становления русского консерватизма свидетельствует о его прямой зависимости от исторического, географического и национального контекста. Содержание консервативной идеологии на практике оказалось довольно плюралистичным и конфликтным. Консерватизм никогда не являлся универсальной идейной конструкцией с четко очерченной системой взглядов. Однако в русском консерватизме все же прослеживается и магистральное направление, возникшее и оформившееся под воздействием нескольких основных факторов русской истории. В первую очередь, речь идет о влиянии православия на все стороны жизни общества – от быта до политики. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, исторически сформировавшийся в национальном сознании в силу больших пространств и военной угрозы со стороны Запада и Востока, необходимости вести оборонительные войны, требовавшие колоссального напряжения и сплоченности государства и народа. Наконец, большую роль в формировании русского консерватизма сыграло сознательное неприятие западно-европейской культурно-религиозной традиции – русского антизападничество.

На всех этапах развития русского консерватизма главным его течением изначально было то, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, имперский патриотизм. Наиболее развитые, классические формы русского консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы «Православие. Самодержавие. Народность». Всякая серьезная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные члены указанной триады (или отталкивалась от них)⁶⁶⁰.

Славянофильство, одно из течений русской общественной мысли середины 19 века, отстаивавшее идею национальной самобытности и особого исторического пути развития России. Термин «славянофильство» введен их оппонентами-западниками. Члены кружка А.С. Хомякова предпочитали именовать себя «московским направлением» или «московской партией», однако термин «славянофильство» закрепился в исторической науке. К началу 1850-х гг. славянофильство сложилось в целостную и стройную конструкцию, включавшую в себя элементы гносеологии, историософии, богословия, социальной философии; тогда же славянофилы выдвинули программу будущих преобразований России, включавшую в качестве ключевых пунктов отмену крепостного права, расширения гражданских свобод, укрепление православных начал в жизни страны⁶⁶¹.

В современной исторической науке солидной аргументацией отличается точка зрения, в соответствии с которой славянофильство определяется как

⁶⁶⁰ Подр. см.: Там же. С. 6–18.

⁶⁶¹ Воронин И.А. Славянофильство // Русский консерватизм... С. 466.

идейное течение, основанное А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским и их ближайшими единомышленниками. Согласно этой позиции, славянофильство как целостное направление общественной мысли просуществовало с 1839 по 1875 гг. Выделяются 4 этапа его развития: 1-й период становления (1839–48); 2-й период утверждения славянофильства как одного из ведущих течений русской общественной мысли (1848–55); 3-й период «действенного славянофильства», активной реформаторской деятельности славянофилов (1855–61); 4-й период распада славянофильского кружка и разложения самого славянофильства (1861–75)⁶⁶².

Славянофилы признавали главенство православия, отстаивали идею своеобразного пути развития России, воспевали допетровские времена и превозносили особый характер социально-нравственных отношений людей внутри русской общины. Однако славянофилам был свойствен скорее антиевропеизм, а не последовательный антилиберальный консерватизм. Они признавали необходимость введения свободы слова, печати, независимого и гласного суда, поддерживали принцип веротерпимости, выступали против «петербургского» бюрократизма за права личности и общества, приоритетное внимание уделяли не государству, а развитию народных форм жизни. Народ и общество как начало общинное и личное противопоставлялось ими государству как началу принуждения и насилия⁶⁶³.

Правительственные круги Российской империи относились к славянофилам с подозрением, обвиняли их в неблагонадежности. Не меньшую критику вызывало славянофильство и в либерально-западнических кругах 1840–50-х гг. Оценки славянофильства в литературе чрезвычайно противоречивы. Представители консервативной мысли конца 19 – начала 20 века считали его краеугольным камнем русского национального самосознания, а российские либералы в большинстве негативно оценивали славянофильство из-за его монархизма и приверженности православию. Противоречивую оценку давали славянофильству социалисты. А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский критиковали это течение, но признавали истинность многих его положений. В то же время М.А. Антонович и Д.И. Писарев крайне негативно отзывались об учении А.С. Хомякова и его единомышленников.

Советская историография 1920–30-х гг. оценивала славянофильство исключительно негативно. Характерны в этом отношении работы И.Н. Барера и Н.Л. Мещерякова, рассматривавшие славянофильство как разновидность правительственной идеологии⁶⁶⁴. Первым попытался взглянуть объективно на это течение С.С. Дмитриев, который аргументировано показал прогрессивность многих положений доктрины славянофильства⁶⁶⁵. С начала 1940-х

⁶⁶² Подр. см.: Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической XIX века. М., 1986.

⁶⁶³ Минаков А.Ю., Репников А.В. Консерватизм в России... С. 10.

⁶⁶⁴ Барер И. Западники и славянофилы в России в 40-х гг. XIX века // Исторический журнал. 1939. № 2; Мещеряков Н.Л. Западники и славянофилы // Труды Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. Сб. 4. М., 1939.

⁶⁶⁵ Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1.

гг. и до начала 1990-х гг. стержнем дискуссии о славянофильстве в отечественной историографии был вопрос о его социальной сущности. Часть исследователей утверждала, что славянофильство является консервативным учением, и подвергала его жесткой критике⁶⁶⁶. Однако большинство ученых отстаивали тезис о либеральной сущности славянофильства⁶⁶⁷.

В последнее десятилетие анализ учения славянофилов стал более многоплановым, охватывая не только его социально-политическую, но и религиозно-философскую составляющую. В целом в современной историографии доминирует положительная оценка славянофильства: исследователи подчеркивают позитивную роль, которую оно сыграло в развитии русской общественной мысли 19 века⁶⁶⁸.

3. *Аксаков Иван Сергеевич* (26.9.1823 – 27.1.1886), журналист, публицист, общественный деятель⁶⁶⁹. В 1840–50-х гг. он занимал среди славянофилов особое место: веря в великое предназначение России, в то же время скептически относился ко многим идеям А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и своего брата Константина. В отличие от «старших» славянофилов, Иван Аксаков восхищался деятельностью Петра I и скептически отзывался о «древних формах управления и законодательства» в России, критиковал брата и его единомышленников за отсутствие связи между их теориями и общественной практикой. По свидетельству А.И. Кошелева, в начале 1850-х гг. И.С. Аксаков «был чистым и ярким западником»⁶⁷⁰. В течение 1850-х гг., и особенно в конце десятилетия, исторические и философские взгляды Аксакова все больше сближаются с позициями «старших» славянофилов.

В 1860-е гг. (после смерти в конце 1860 г. А.С. Хомякова и брата Константина) Иван стал фактически лидером славянофильской публицистики: в это десятилетие он – издатель-редактор газет «День» (1861–65)⁶⁷¹, «Москва» и «Москвич» (1867–68). В это десятилетие мировоззрение Аксакова сохраняло черты, сформировавшиеся ранее под воздействием идей «старших» славянофилов. Своей главной задачей в это время Аксаков считал сохранение и дальнейшее развитие учения славянофилов. Многие современники признавали его главным хранителем идейного наследия Хомякова, Киреевского и К.С. Аксакова. Одновременно Аксаков стремился приспособить их учение к изменившимся историческим условиям. Откликаясь на «злобу дня», он остро критиковал студенческое движение, материалистическую философию, демо-

⁶⁶⁶ Напр., см.: Смирнова З.. Социальная философия Герцена. М., 1973; Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия. М., 1981.

⁶⁶⁷ Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической XIX века. М., 1986.

⁶⁶⁸ Подр. см.: Воронин И.А. Славянофильство // Русский консерватизм... С. 466–468.

⁶⁶⁹ Воронин И.А. Аксаков Иван Сергеевич // Русский консерватизм... С. 24. Со своей стороны добавим еще несколько важнейших характеристик И.С. Аксакова: он также – правоведа, поэт, издатель, редактор, лидер пореформенного славянофильства.

⁶⁷⁰ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть I. Записки А.И. Кошелева. М., 1991. С. 90. Точка зрения Кошелева, по нашему мнению, является упрощением взглядов Аксакова. Да, он подвергал критике славянофильские взгляды, но это еще не значит, что он был западником.

⁶⁷¹ См.: Юрьев Б.И. «День» // Русский консерватизм... С. 151–152.

кратическую литературу и публицистику, защищал правительственную политику в Царстве Польском.

В то же время Аксаков сохранил верность многим либеральным идеям. В 1861 г. в газете «День» он выступил с резкой критикой российского дворянства и выдвинул тезис о необходимости «самоупразднения» его как господствующего сословия. Аксаков считал, что слияние дворянства с «земством» позволит создать в России «общество», включающее лучших представителей всех сословий. Задача «общества», по его мысли, должна заключаться в смягчении и постепенной ликвидации главного противоречия русской жизни – между «землей» и «государством». Основным условием успешности этого процесса Аксаков считал свободу печатного слова. Острую критику Аксакова вызвали также многие положения земской реформы 1864 г. Он считал создаваемые органы земского самоуправления бессильным придатком государства. Критические выступления Аксакова в печати повлекли за собой крайне негативную реакцию правительства и постоянные преследования со стороны цензуры.

С конца 1860-х, в 1870-е гг. взгляды Аксакова постепенно эволюционировали от «раннего славянофильства» к панславизму. Сдвигу в его мировоззрении способствовало знакомство с панславистскими идеями Ф.И. Тютчева и учением о культурно-исторических типах Н.Я. Данилевского. По мысли Аксакова, славянский вопрос имел для России огромное значение в силу ее лидирующей роли среди славянских народов. Он выступил одним из инициаторов Славянского съезда в Москве (1867). Главной его задачей он считал укрепление славянского единства и усиление влияния России в славянском мире. В 1875 г. Аксаков избран председателем Московского славянского комитета, организовал широкую компанию в поддержку национально-освободительной борьбы славянских народов против османского гнета. 22 июня 1878 г. на собрании Московского славянского благотворительного общества Аксаков выступил с резкой критикой итогов Берлинского конгресса, за что был снят с поста председателя общества и выслан из Москвы. Одновременно было ликвидировано и возглавляемое им общество.

В 1880 г. Аксаков начал выпускать газету «Русь»⁶⁷². В это время «Русь» оставалась самым влиятельным славянофильским изданием, где печатались С.Ю. Витте, Н.Я. Данилевский, А.А. Киреев, М.О. Коялович, В.И. Ламанский, Н.С. Лесков, О.Ф. Миллер, Д.Ф. Самарин, В.С. Соловьев, Н.Н. Страхов, С.Ф. Шарапов, Д.А. Хомяков и др. Двойственность позиции «Руси», которая должна была приспособлять принципы классического славянофильства к новой ситуации, т.е. фактически лавировать между «охранительством» и «либерализмом», проявилась в вопросе о земстве. В конечном счете, анти-

⁶⁷² См.: Суслов М.Д. «Русь» // Русский консерватизм... С. 441–443. На эту тему также см. защищенные недавно диссертации: Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2010. 26 с.; Сташневa М.А. Социально-политическая программа газеты И.С. Аксакова «Русь» (1880–1886 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2011. 27 с.

либеральная направленность газеты способствовала контрреформам, в частности введению института земских начальников. Другим участком борьбы с либералами был аграрный вопрос, который регулярно освещался на страницах «Руси».

В 1880-е гг. в мировоззрении Аксакова произошел окончательный сдвиг в сторону консерватизма. Аксаков постоянно вел на страницах «Руси» жесткую полемику с представителями «петербургского либерализма», обвиняя их в чрезмерной поспешности в деле проведения реформ и в отрыве от народа. Еще более резко выступил Аксаков против революционного движения. Хотя газета Аксакова защищала православие и самодержавие, она не пользовалась поддержкой правительства из-за независимой позиции ее издателя, позволявшего себе критиковать действия властей с консервативных позиций. Газета не пользовалась популярностью в обществе и существовала исключительно благодаря усилиям Аксакова.

Издание газеты «Русь» показало невозможность органической адаптации славянофильства к новым условиям. В период 1881–82 гг. газета претендовала на то, чтобы указывать истинный путь новому правительству в направлении «земского государства», но встретила оппозицию справа в правительстве и прессе. Из-за отставки Н.П. Игнатьева и нерасположения всесильного К.П. Победоносцева, который предпочитал более благонадежные «Московские ведомости», «Русь» перестала играть заметную роль в политической жизни страны, а программа редакции по развенчиванию интеллигентского «чужебесия» отталкивала подписчиков. Без поддержки сочувствующих и друзей газета была бы нерентабельна⁶⁷³. Поэтому после смерти издателя издание «Руси» не возобновилось.

Имя и деятельность И.С. Аксакова в дореволюционной России были окружены пиететом. Либералы одобряли и поддерживали его борьбу за свободу слова и совести, им были близки и понятны его взгляды на роль «общества» в развитии пореформенной России. Это отношение не поколебало «поправление» Аксакова в 1870–80-х гг. Консерваторам чрезвычайно импонировали взгляды Аксакова на славянский вопрос, его монархизм и приверженность идеалам православия. Представители практически всех общественных течений пореформенной России признавали за Аксаковым замечательный талант журналиста и публициста. Значение его деятельности состояло в развитии и популяризации учения «старших» славянофилов и широкой пропаганде идей панславизма, оказавших заметное влияние на общественную мысль и политику России конца 19 – начала 20 века.

В отечественной дореволюционной литературе преобладали положительные оценки общественной и публицистической деятельности Аксакова. Советские историки 1920–60-х гг. критически оценивали его, обвиняя в национализме и монархизме, а идеи панславизма трактовали как реакционные.

⁶⁷³ Феоктистов Е. М. Воспоминания: За кулисами политики и литературы: 1848–1896. Л., 1929. С. 239.

Со 2-й половины 1970-х гг. преобладают более взвешенные подходы к оценкам взглядов и деятельности Аксакова. Современные исследователи оценивают его как наиболее талантливого последователя и популяризатора идей «старших» славянофилов. Рассматривая эволюцию мировоззрения Аксакова, историки отмечают его переход от умеренного либерализма 1850–60-х гг. на консервативные позиции в 1870–80-х гг.⁶⁷⁴.

О диссертации и монографии, посвященные политическому мировоззрению И.С. Аксакова

См.: *Мотин С.В.* О диссертации и монографии, посвященных политическому мировоззрению И.С. Аксакова: Рецензия // Вестник УЮИ МВД РФ. 2007. № 4. С. 91-94.

В 2006 г. состоялась защита кандидатской диссертации, выполненной Екатериной Борисовной Фурсовой⁶⁷⁵ на кафедре истории социально-политических учений философского факультета МГУ, на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.01 «Теория политики, история и методология политической науки», научный руководитель – доктор исторических наук С.В. Перевезенцев⁶⁷⁶. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Общий объем работы 166 страниц, библиография включает 272 наименования.

Для характеристики диссертации обратимся к ее тексту. Основная цель диссертационного исследования состояла в комплексном анализе и концептуальном осмыслении роли и места идейно-политических принципов консерватизма в творчестве Аксакова. Учитывая широкий временной диапазон, масштаб и сложность задач исследования, в работе главное внимание было сконцентрировано на наиболее крупных вопросах внутренней политики России, нашедших отражение в творчестве Аксакова, внесшего при их решении значительный вклад в развитие идейно-мировоззренческого комплекса и политической практики русского консерватизма.

В *первой главе* диссертационного исследования «Принцип “народного самодержавия” в политическом творчестве И.С. Аксакова» (с. 28-90) соискатель рассматривает идею самодержавной монархии в русском консерватизме и славянофильстве, анализирует критику Аксаковым бюрократического самодержавия, разбирает «дворянский вопрос» в пореформенной России и политический проект Аксакова.

В заключение главы Е.Б. Фурсова отмечает, что в своих политических воззрениях Аксаков исходил из убеждения, что наилучшей из форм госу-

⁶⁷⁴ Подр. см.: Воронин И.А. Аксаков Иван Сергеевич // Русский консерватизм... С. 24–26.

⁶⁷⁵ См.: Фурсова Екатерина Борисовна // История русской социально-политической мысли в XXI веке: исследователи и исследования: энциклопедия. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 447-448.

⁶⁷⁶ Фурсова Е.Б. Политические принципы консерватизма в творчестве И.С. Аксакова: 1823-1886: Дис. ... канд. полит. наук. 23.00.01. М., 2006. 189 с.

дарственного устройства является самодержавие, поскольку именно оно может дать народу свободу. При этом имелась в виду не политическая свобода в либеральном смысле этого понятия, а внутренняя – духовная свобода. Аксаков, как и другие славянофилы, придерживался концепции «народного самодержавия», вытекавшей из их представлений об истории России, о месте и роли в ней государства. Согласно воззрениям славянофилов, народ не должен государствовать, а сама государственная власть обязана своим бытием народу. Добровольно призывая власть, народ наделяет ее неограниченными полномочиями, а сам живет своей внутренней духовно-материальной жизнью. Русское самодержавие, по мнению Аксакова, исторически отличается от западного абсолютизма и восточного деспотизма, благодаря специфике генезиса государственности, большей церковной автономности православия, местному самоуправлению и возможности свободного выражения собственного мнения на Земских Соборах. Монарх, в представлениях славянофилов, – представитель интересов всего народа, а не отдельных его сословий. Считая исторически неоправданными попытки создания в России политической аристократии, Аксаков противопоставлял аристократическо-монархический тип государства, присущий Западу, являющийся органическим продуктом его развития, народно-монархическому, свойственному России.

Вторая глава диссертации «Принцип “народности”: народ, правительство и общество в социально-политической концепции И.С. Аксакова» (с. 91-157) посвящена консервативным и славянофильским интерпретациям идеи «народности», здесь также рассматриваются функции народного самосознания и гражданского самоуправления аксаковской «теории общества».

В заключение этой главы диссертант подчеркивает, что идея «народности», понимаемая как «духовная самостоятельность», национальная самобытность, включающая идею патриотизма, или, говоря современным языком, как самоидентификация и самосознание русского народа занимала одно из ведущих мест в политическом творчестве Аксакова. Наряду с принципом религиозного единства, объединявшим всех славянофилов, для него важным было и этнокультурное единство русской нации. Признавая духовную общность, ядром которой является вероисповедание, ведущим формообразующим признаком нации, Аксаков считал необходимым и такой признак, как наличие территории. В его работах есть и указание на особую роль языка в деле формирования российской нации. Основной задачей современности для Аксакова была выработка подлинно народного самосознания. Выработать это самосознание должно «общество», понимаемое им как среда, слой мыслящих людей, духовно высокоразвитых и осознающих свою задачу по отношению к народу. Аксаков создает новую социально-политическую схему, где с одной стороны – народ, в его непосредственном бытии, с другой – государство, как его внешнее определение, а между ними общество. Отсутствие общества, по его убеждению, приводит к гипертрофии

государственного начала, которое подвергает искажению и регламентации народную жизнь.

Ряд положений диссертационного исследования Е.Б. Фурсовой содержит научную новизну, в частности:

- рассмотрена эволюция и взаимосвязь либеральных и консервативных политических идей в творчестве Аксакова, в связи с чем обоснован принципиальный вывод о принадлежности его творчества к идейно-мировоззренческому комплексу русского пореформенного консерватизма;

- проанализирован опыт применения Аксаковым славянофильской историософской методологии при анализе социально-политических проблем пореформенного российского общества, показана генетическая связь консервативных взглядов Аксакова с дореформенным славянофильством;

- раскрыты характерные черты консерватизма и славянофильства Аксакова в обосновании им идейно-политических принципов русского консерватизма, показан его вклад в развитие классической формулы «Православие, Самодержавие, Народность»;

- в русле теоретической защиты Аксаковым «народного самодержавия» как единственно возможной для России формы правления, проанализирована критика Аксаковым недостатков бюрократического самодержавия;

- реконструирована аксаковская теория «общества – народа самосознующего», показана консервативная сущность путей и средств ограничения «самодержавной инициативы» и расширения гражданского самоуправления, предлагаемых Аксаковым;

- показана неправомерность модернизаторских подходов к творчеству Аксакова как «либеральному», в связи с чем уточнен ряд оценок отечественных исследователей, касающихся эволюции его взглядов, сущности аксаковского проекта «самоупразднения дворянства как сословия» и его «теории общества».

В издательстве «Социально-политическая мысль» в том же 2006 г. на основе диссертации была опубликована монография⁶⁷⁷, в которой были добавлены еще одна глава и приложение.

Третья глава монографии «Идея “славянской взаимности” в политической публицистике Аксакова» (с. 170-212) содержит анализ «славянского» вопроса в политической жизни России в контексте славянофильства, а также рассматривается русский панславизм Аксакова.

Е.Б. Фурсова, завершая третью главу, отмечает, что идея славянской взаимности, славянский вопрос, проблема единства славян занимала важнейшее место в размышлениях Аксакова на протяжении всей его сознательной жизни. Предлагаемое им общее направление» решения славянского вопроса позволяет отнести его творчество к славянофильской, русофильской разновидности политического консервативного панславизма. В аксаковской

⁶⁷⁷ Фурсова Е.Б. И.С. Аксаков: апология народности и самодержавия / Под ред. С.В. Перевезенцева. М., 2006. 244 с.

трактовке идея славянской взаимности и славянского единства была основана на вере в историческую миссию России как освободительницы и объединительницы славянского мира, противостоящего «революционной», «онемеченной» и «романизированной» Европе. Поэтому его позицию можно характеризовать как «русский панславизм». Консерватизм его идеи заключался в предположении, что славянский мир будет основан на началах православия и монархических принципах.

В приложении представлена статья Е.Б. Фурсовой и А.А. Ширинянц «Прибалтийский вопрос в политической публицистике И.С. Аксакова» (с. 221-243), которая по сути дела является продолжением разрабатываемой диссертантом тематики. Подводя итоги, авторы статьи отмечает, что существенную черту мировоззрения Аксакова составлял национализм, который обуславливался его пониманием всемирно-исторической роли России как носительницы славянского начала, призванной воплотить в жизнь христианские идеалы. Другой чертой мировоззрения Аксакова был консерватизм, проявлявшийся в открытом противостоянии революционным тенденциям развития России, защите самодержавия как незыблемой форме правления и выступлении против конституции.

Здесь необходимо отметить, что рассмотренные работы отнюдь не исчерпывают многогранного наследия И.С. Аксакова. За рамками работ Е.Б. Фурсовой остался ряд тем и вопросов, которые всесторонне рассмотрел в своем творчестве Иван Сергеевич и которые ждут дальнейшей разработки в специальных исследованиях. Так, составители собрания сочинений И.С. Аксакова использовали при его подготовке тематический подход. Ими были выделены следующие рубрики: «Славянский вопрос», «Славянофильство и западничество», «Польский вопрос и западно-русское дело», «Еврейский вопрос», «Церковный вопрос», «Свобода слова», «Судебный вопрос», «Общественное воспитание», «Государственный вопрос», «Земский вопрос», «Прибалтийский вопрос», «Внутренние дела России», «Общеввропейская политика».

Юридическая тематика составителями отдельно выделена не была. Между тем при анализе ряда рубрик четко просматривается их тесная взаимосвязь с правовыми вопросами и проблемами. Так, государственный вопрос тесно пересекается с государственно-правовым содержанием; в земском вопросе можно выделить муниципальную проблематику (право местного самоуправления); проблемы свободы слова и совести также тесно связаны с правом; судебный вопрос изначально является правовым. В контексте судебного вопроса также необходимо рассматривать и знаменитые «Судебные сцены», опубликованные А.И. Герценом в 4-м выпуске «Полярной звезды». Наконец, в отдельную тему, связанную с правом, можно выделить служебные записки Аксакова, посвященные проблемам раскола⁶⁷⁸.

⁶⁷⁸ См.: Мотин С.В. Правовой вопрос в публицистике И.С. Аксакова: о праве обычном // Традиция. Духовность. Правопорядок: Материалы второй всероссийской научной конференции. Тюмень, 2007. С. 70-72

Таким образом, рассмотренные исследования Е.Б. Фурсовой являются одними из первых работ в отечественной политологии, в которых проведен концептуальный и целостный анализ политического мировоззрения Ивана Сергеевича Аксакова.

О книгах славянофилов – братьев Аксаковых, изданных Институтом русской цивилизации

См.: *Мотин С.В.* О книгах славянофилов – братьев Аксаковых, изданных Институтом русской цивилизации // Вестник УЮИ МВД России. 2009. № 2. С. 80–84.

Институт русской цивилизации⁶⁷⁹ – автономная некоммерческая организация, создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником института был научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997–2003).

Целью института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-ти томной «Энциклопедии русского народа»⁶⁸⁰, а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния русских силам мирового зла, русофобии и расизма.

Институт занимается исследованием малоизученных проблем истории и идеологии русской цивилизации и осуществляет публикацию этих исследований в серии монографий, а также в ежегоднике Русского института. Разработан перспективный план по изданию серии самых выдающихся книг, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения. Серия называется «Русская цивилизация». Начат выпуск однотомников объемом 500–800 страниц, тиражом 1500–3000 экземпляров составленных из самых главных произведений русских мыслителей.

Среди авторов: Св. митр. Илларион, Св. Нил Сорский, Св. Иосиф Волоцкий, Иван Грозный, И.Т. Посошков, М.В. Ломоносов, А.Т. Болотов, А.С.

⁶⁷⁹ Подр. см. Интернет-сайт Института русской цивилизации: (<http://www.rusinst.ru/>).

⁶⁸⁰ Энциклопедия включает следующие тома: «Словарь русской цивилизации» (вышел), «Православие» (выйдет в 2009 г.), «Государство» (вышел), «Патриотизм» (вышел), «Мировоззрение» (вышел), «Русский образ жизни» (вышел), «География», «Народное хозяйство» (вышел), «Международные отношения», «Национальные отношения», «Литература» (вышел), «Искусство», «Театр», «Музыка», «Наука», «Образование», «Православное воинство», «Памятники Отечества», «Русские за рубежом», «Противники русской цивилизации».

Пушкин, Н.В. Гоголь (вышел), Св. Серафим Саровский, А.Н. Муравьев, И.В. Киреевский (вышел), А.С. Хомяков (вышел), И.С. Аксаков (вышел), К.С. Аксаков (вышел), Ю.Ф. Самарин (вышел), М.П. Погодин, И.Д. Беляев, Т.И. Филиппов (вышел), Н.П. Гиляров-Платонов (вышел), Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский (вышел), Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев (вышел), В.П. Мещерский, В.А. Грингмут (вышел), М.Н. Катков (вышел), К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Р.А. Фадеев, А.А. Киреев, М.Г. Черняев, Св. Иоанн Кронштадтский, Л.А. Тихомиров (вышел), В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков (вышел), Д.А. Хомяков, С.Ф. Шарапов (вышел), А.Г. Щербатов, В.В. Розанов, Г.В. Флоровский, И.А. Ильин (вышел), М.О. Меньшиков, Митр. Антоний Храповицкий, А.С. Глинка-Волжский, Е. Поселянин, И.Л. Солоневич, Б. Башилов, Митр. Иоанн (Снычев) (вышел), В.И. Белов, В.Г. Распутин, М.П. Лобанов.

Институт поддерживает Интернет-сайт «Русская цивилизация», который содержит разнообразную информацию в области изучения русской цивилизации. Сайт включает в себя: корпус базовых текстов, состоящий из изданий института, энциклопедии, книг, статей, архивных материалов, относящихся к развитию русской цивилизации, а также национальную библиотеку, включающую в себя самые значительные труды русских мыслителей и философов.

Для подведения значительных итогов в развитии русской мысли, культуры и общественной деятельности Русский институт учредил «Иоанновскую премию», названную так в память о великом подвижнике Православной России митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском Иоанне (Снычеве). Премия присуждается ежегодно с 2007 года за выдающиеся достижения в развитии русской гуманитарной науки (философия, история, филология, экономика, право), литературы и искусства (музыка, живопись, скульптура, архитектура, театр и кино), а также за выдающуюся общественную деятельность, направленную на сплочение русского народа и развитие его национального самосознания.

В 2008–2009 гг. Институтом русской цивилизации были опубликованы две книги известных славянофилов, братьев И.С. и К.С. Аксаковых. Кратко представим эти издания.

Книга Ивана Сергеевича Аксакова⁶⁸¹ (1823–1886) начинается с обширного очерка С.В. Лебедева о жизни и творчестве русского мыслителя. Ряд произведений И.С. Аксакова, опубликованных в этой книге, выходят впервые после 1917 г. Книга состоит из 8 разделов.

Первый раздел «Славянофильская концепция нации и государства» включает 7 материалов, и среди них цикл статей 1862 г. «Народ, государство, общество», в котором И.С. Аксаков излагает достаточно оригинальную теорию общества.

⁶⁸¹ Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / Составление и комментарии С.В. Лебедева / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.

Второй раздел «Русское мировоззрение» содержит материалы из так называемой «ранней публицистики» И.С. Аксакова, опубликованной до 1860 г., в том числе статьи из первой его газеты «Парус», которая была запрещена уже после 2-го номера, а также «Заключительное слово “Русской Беседы”», фактическим редактором которой Иван Сергеевич был в 1858–1859 гг.

Следующий, третий раздел «Сущность русской истории и русское национальное возрождение» состоит из важнейших передовых статей, опубликованных И.С. Аксаковым в 1861–1862 гг. в газете «День», редактором-издателем которой он был на протяжении более 4-х лет – до 1866 г. Вот красноречивые названия некоторых из этих статей: «Возврат к народной жизни путем самосознания», «Отчужденность интеллигенции от народной стихии», «Народный отпор чужестранным учреждениям».

Очередной, четвертый раздел «Самодержавие и свобода» включает статьи как 1860-х, так и 1880-х годов из аксаковских газет «День», «Москва» и «Русь», посвященных свободе слова и ее соотношению с политической формой правления и законами самодержавного государства. Здесь же размещена «Речь на коронационных торжествах 1883 года при коронавании Императора Александра Третьего».

Пятый раздел – «О России» – представлен двумя статьями 1865 года из газеты «День»: «И любишь Россию – и невольно спрашиваешь себя, за что ее любишь» и «Отчего так нелегко живется в России?»

Статьи шестого раздела – «Польский вопрос и русское дело в западном крае» – были опубликованы в 1860-е гг. Составитель и комментатор книги, представляя этот раздел, пишет: «Одним из самых болезненных, важных, сложных вопросов российской жизни XIX века был польский вопрос. Речь шла не только о проблемах, порожденных русской властью над Польшей, присоединенной к Российской империи в 1815 году, после победы над Наполеоном, но и о польских притязаниях на половину исторических русских земель – Белую и Малую Русь. Иван Аксаков решительно противопоставил польской демагогии о «праве» Польши на западные российские губернии, а также подпевающих полякам украинских самостийников (“украинофилов”) историческую правду и здравый смысл. Его статьи, посвященные польскому вопросу и борьбе с полонизацией Западного края, и поныне не утратили своей актуальности»⁶⁸².

Седьмой раздел «Еврейский вопрос» составлен из 16 статей опубликованных в 1862–1883 гг., которые в совокупности были изданы до сей поры четырежды – три раза до революции 1917 г. и в 2001 г. отдельной книгой. И.С. Аксаков стал одним из первых русских публицистов, исследовавший еврейский вопрос в России.

Последний, восьмой раздел – «Воспоминания и выступления о деятелях русской культуры». Судьба свела И.С. Аксакова со многими деятелями

⁶⁸² Там же. С. 614, 619. Из комментария С.В. Лебедева.

русской культуры. В этом разделе речь идет об А.С. Пушкине, Ф.И. Тютчеве, Н.В. Гоголе, А.Ф. Гильфердинге, В.И. Дале, К.И. Невоструеве. Особо выделим первую биографическую книгу о Ф.И. Тютчеве, впервые опубликованную его женой в 1874 г.

И.С. Аксаков стоял на твердых православно-монархических позициях, отстаивая нерушимость русских национальных основ, традиций и идеалов. Выступал за общинно-артельное «народное производство» против насаждения западных экономических форм. Считал, что основой духовного возрождения человечества может стать союз славянских народов под руководством русского народа.

Рассмотренная книга стала 14-й книгой И.С. Аксакова опубликованной в России за последние три десятилетия⁶⁸³. Из этих книг одна была совместной книгой братьев И.С. и К.С. Аксаковых. Ситуация с книгами К.С. Аксакова (1817–1860), русского мыслителя, филолога, историка, поэта, публициста и общественного деятеля, к сожалению, обстоит не так предствительно – за это же время было опубликовано только две его книги⁶⁸⁴. Поэтому выход очередной книги⁶⁸⁵ имеет весьма важное значение.

В трудах К.С. Аксакова развивается учение славянофилов о государстве. Русская государственная власть, по его мнению, должна быть единодержавной и монархической. Все другие формы власти не соответствуют характеру русского народа. Правительству – неограниченная свобода правления, народу – полная свобода жизни внешней и внутренней, которую охраняет государство. Правительству – право действия и закона, народу – право мнения и слова. Русский народ, отказываясь от политической жизни, оставляет себе «духовный подвиг жизни», «жизнь мирную духа», свободу нравственную, цель которой – установление христианского общества.

⁶⁸³ Аксаков И.С., Аксаков К.С. Литературная критика / Сост., вступит. статья и комментарий А.С. Курилова. – М.: Современник, 1981. – 383 с.; И слово правды... Стихи, пьеса, статьи, очерки / Предисловие, составление и комментарии М.А. Чванова. – Уфа, 1986. – 320 с.; И.С. Аксаков. Письма к родным. 1844 – 1849 / Издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. – М., 1988. – 704 с.; И.С. Аксаков. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате / Вступ. ст., сост. и прим. Т.Ф. Пирожковой. – М.: Правда, 1991. – 544 с.; И.С. Аксаков. Письма к родным. 1849 – 1856 / Издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. – М., 1994. – 654 с.; Биография Федора Ивановича Тютчева: Репринтное воспроизведение издания 1886 г. – М., 1997. – 329 с.; Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева»: Комментарий / Ред., вступит. ст. и коммент. Г.В. Чагин. – М., 1997. – 175 с.; Еврейский вопрос. Статьи из газет «День», «Москва» и «Русь». 1862 – 1883. – М., 2001. – 160 с.; Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступит. статья, примечания В.Н. Грекова. – М., 2002. – 1008 с.; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1838 – 1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: в 3 т. / Сост., подг. текста, примеч., указ. имен Т.Ф. Прокопова. – М.: Русская книга, 2003 – 2004; У России одна-единственная столица... Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И.С. Аксакове. Венки И.С. Аксакову. Москва И.С. Аксакова (путеводитель) / Сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г.В. Чагина. – М.: Русский мир, 2006. – 512 с.; И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка / Составитель М.И. Щербакова. – Группа славянских исследований при Оттавском университете и Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2007. – VIII, 192 с.

⁶⁸⁴ Аксаков И.С., Аксаков К.С. Литературная критика / Сост., вступит. статья и комментарий А.С. Курилова. – М.: Современник, 1981. – 383 с.; Эстетика и литературная критика / Сост., вступит. статья, комментарий В.А. Кошелева. – М.: Искусство, 1995. – 526 с.

⁶⁸⁵ Аксаков К.С. Государство и народ / Составление и комментарии А.В. Белова, предисловие А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 608 с.

В современное издание включены основные произведения К.С. Аксакова, характеризующие воззрение мыслителя на духовное развитие России с позиций славянофильского направления и его взгляды на русскую историю. Тексты издания публикуются по сборнику статей К.С. Аксакова «Эстетика и литературная критика» (М., 1995) и его историческим сочинениям, изданным под редакцией брата И.С. Аксакова в качестве первого тома полного собрания сочинений К.С. Аксакова (М., 1861; переизд. – М., 1889). Соответственно и книга состоит из двух разделов.

Первый раздел – «Русское воззрение» – открывает статья, подготовленная к 100-летию Московского университета, в которой представлены студенческие воспоминания К.С. Аксакова, обучавшегося в университете в 1832–1835 гг. Затем следует статья «Богатыри времен великого князя Владимира (по русским песням)», в которой идет речь о русских богатырях – Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Екиме Ивановиче, Дунае, Чуриле Пленковиче и Илье Муромце. Далее представлены две известные статьи, посвященные русскому воззрению. Следующая статья «Обозрение современной литературы» является обобщением литературно-критических поисков К.С. Аксакова на рубеже 1840-х и 1850-х гг. Особое значение в творчестве Константина Сергеевича имеют еженедельные передовицы, написанные им для газеты «Молва», которая выходила в апреле – декабре 1857 г. Эти передовицы следует рассматривать как целостный труд, в котором каждая статья выступает частью славянофильского учения. Завершает раздел статья «О современном человеке» впервые опубликованная И.С. Аксаковым в 1876 году.

Второй раздел – «Русская история» – открывают две статьи: неоконченная статья 1849 г. «Об основных началах русской истории» и статья «О русской истории», задуманная в качестве предисловия к «Русской истории для детей». Затем размещена известная полемическая статья К.С. Аксакова «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)». В этом же разделе также представлены четыре статьи, написанные К.С. Аксаковым по поводу 1, 6, 7 и 8 томов «Истории России с древнейших времен» известного историка западнического направления С.М. Соловьева и статья «Замечания на статью г. Соловьева “Шлёцер и антиисторическое направление”».

В заключении представим информацию еще об одной книге, подготовленной и недавно опубликованной Институтом русской цивилизации⁶⁸⁶. В этой книге впервые предпринята попытка систематизировать сведения о славянофилах. Наряду с данными о «классических» славянофилах, в энциклопедию вошли сведения о русских мыслителях и общественных деятелях близких к славянофилам по своим взглядам. В энциклопедии представлена самая полная библиография сочинений славянофилов и литературы о них.

⁶⁸⁶ Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 736 с.: 287 илл.

**«Последний из „отцов”»⁶⁸⁷:
о биографии публициста-славянофила И.С. Аксакова**

См.: Мотин С.В. «Последний из „отцов”»: о биографии публициста-славянофила И.С. Аксакова // Вестник УЮИ МВД России. 2015. № 3 (69). С. 85–90.

«Я в жизнь свою был и судьей, и администратором, и поэтом, и публицистом, и журналистом, и статистиком, и воином, и казначеем, и путешественником, и уж не знаю чем! Постараюсь сузиться и уйти в одну дорожку»⁶⁸⁸.

И.С. Аксаков – родным, 25.3(6.4).1860, Мюнхен

14 января 2015 г. была подписана в печать новая книга А.А. Тесля⁶⁸⁹. Публикация биографии И.С. Аксакова (далее – Аксаков) стала важной вехой в развитии Иван-Аксаковедения, которое пополнилось в 2014 г. и начале 2015 г. значительными книжными публикациями, в том числе и выходом в свет 1-й книги 1-го тома нового двенадцатитомного собрания сочинений Аксакова⁶⁹⁰.

Книга А.А. Тесля посвящена жизни и творчеству Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886), третьего сына Сергея Тимофеевича Аксакова, яркого представителя аксаковского семейства, знаменитого в русской литературе и интеллектуальной истории, по выражению о. Иосифа Фуделя – «последнего из „отцов”»⁶⁹¹ славянофильского учения. Своеобразие и мощь личности Аксакова предстает на фоне современников, в первую очередь, других представителей славянофильского кружка⁶⁹².

Структурно биография содержит предисловие (с. 3), введение (с. 6), три части (с. 11, 164, 441), состоящие из семи глав (с. 11, 79, 164, 294, 441, 480, 552), заключение (с. 616), четыре документальных приложения (с. 221, 306,

⁶⁸⁷ Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 800 с.

⁶⁸⁸ И.С. Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы. Т. III. Письма 1851–1860 гг. М., 1892. С. 390.

⁶⁸⁹ Андрей Александрович Тесля (1981 г.р.) – кандидат философских наук, доцент Тихоокеанского национального университета. См.: Тесля А.А. Философско-исторический контекст аксиологического статуса собственности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Дальневост. гос. ун-т путей сообщ. Хабаровск, 2006. 27 с.; Тесля А.А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014. 280 с.

⁶⁹⁰ Московский сборник: [т. 1, 2] / сост., подгот. текста, примеч., статья, подбор иллюстраций В.Н. Грекова; отв. ред. А.П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2014. 1307, [5] с., [17 л.] ил. (Литературные памятники / Российская акад. наук); Иван Аксаков в воспоминаниях современников / сост., предисл. и коммент. Г.Н. Лебедевой; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 544 с.; Иван Сергеевич Аксаков: библиогр. указ. (1836–2014) / сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; сост. фотоприложения Г.О. Иванова; вступ. ст. С.В. Мотина; под ред. А.П. Дмитриева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.: 8 л. ил.; Порох В.И. И.С. Аксаков в борьбе за свободу слова и печати. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская гос. юридическая акад.», 2014. 177, [2] с.; Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1 / Издание подготовили А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство „Росток”», 2015. 639 с., ил.

⁶⁹¹ Фудель И.И. Преемство от «отцов» // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подготовка текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 358.

⁶⁹² См.: Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова... С. 2.

546, 619), приложение (с. 717), состоящее из пяти статей (с. 717, 725, 738, 760, 769), список сокращений (с. 776), библиографический список, состоящий из 320 источников (с. 777) и содержание (с. 798<–799>).

Уже в самом начале автор делает оговорку – чего не следует ожидать от его книги: “она не является ни подробной биографией Ивана Аксакова, ни систематическим изложением его взглядов. Не является она и текстом в почтенном жанре «NN и его время». «Время», разумеется, присутствует – по крайней мере автор к этому стремился – но лишь в той мере, в какой это было необходимо для основной цели повествования: очертить личность Ивана Аксакова...”⁶⁹³.

Иван Сергеевич Аксаков [26.09(08.10).1823, с. Надёжино (Куроедово) Белебеевского уезда Оренбургской губернии – 27.01(08.02).1886, Москва; погребен на территории Свято-Троицкой Сергиевой лавры] – правовед, поэт, редактор, публицист, издатель, общественный деятель, главный хранитель и пропагандист славянофильства, а в пореформенные годы его ведущий идеолог (до 1876 г. – вместе с Ю.Ф. Самариним).

Во введении А.А. Тесля дает следующую общую характеристику Ивана Сергеевича: “Аксаков был страстным человеком, долго искавшим то, чему смог бы посвятить себя всецело: этим и стало для него “славянофильство”, он сделался хранителем и пропагандистом (и неизбежно – интерпретатором, временами довольно вольным) учения своих родных и друзей... <...> Аксаков был человеком «морального закона» <...>, нравственных принципов, отстаивавшихся им со всей решительностью и последовательностью, не боясь последствий такой принципиальности.<...> Аксаков, взявший на себя роль «хранителя» славянофильского наследия, оказался тем, кто ввел славянофильские идеи в широкую сферу русской общественной мысли 1860-х годов – и поддерживал присутствие данной позиции в пространстве публичной дискуссии вплоть до своей кончины... <...> Едва ли не одними своими силами, с очень небольшим кругом сотрудников и помощников, ему удалось реализовать намеченное – не дать заглухнуть «живому слову славянофильства» (и тот факт, что по сей день в публицистике используется «славянофильство» как обозначение позиции в ряду современных – во многом результат осуществленного Аксаковым «транзита»)⁶⁹⁴.

Часть I. Годы странствий. <1838–1860 гг.>

Глава 1-я «Молодой Аксаков» (с. 11–78) посвящена – сначала обучению Ивана в Училище правоведения (1838–1842); затем показано как Аксаков в качестве младшего чиновника при сенаторе князе П.П. Гагарине ревизовал Астраханскую губернию (1844); далее – являлся товарищем (т.е. заместителем) председателя Калужской палаты уголовного суда (1845–1847); потом – исправлял должность обер-секретаря 2-го (через 5 месяцев – 1-го) Отделения 6-го (уголовного) департамента Правительствующего Сената в Москве

⁶⁹³ Там же. С. 3.

⁶⁹⁴ Там же. С. 6, 7, 10.

(1847–1848); наконец, в 1848 г. Аксаков согласно прошению причислен к министерству внутренних дел, где и прослужил два с половиной года чиновником по особым поручениям при министре (до апреля 1851 г.).

В рамках этой главы желательны наличие параграфа, посвященного ранним, доучилищным, годам Аксакова (с опорой на переписку Отесиньки и Маменьки), а также еще ждут своего публикатора несколько десятков училищных писем Ивана, отложившихся в аксаковских архивохранилищах, которые придадут более рельефный характер соответствующему разделу.

Глава 2-я «Пределы... мятежу» (с. 79–163) повествует о жизни Аксакова в 1850-е годы. В это время Иван Сергеевич редактировал и издавал ряд славянофильских изданий: «Московский сборник» (1852–1853), журнал «Русская Беседа» (1858–1859), газету «Парус» (1859). В 1853–1854 гг. по поручению Императорского Русского географического общества Аксаков исследует украинские ярмарки. В 1855–1856 гг. служит квартирмейстером и казначеем Серпуховской дружины № 111 Московского ополчения. Во второй половине 1856 г. – работал в составе следственной комиссии князя В.И. Васильчикова, назначенной по делу о злоупотреблениях интендантства во время войны. В 1857 и 1860 гг. Аксаков совершил два заграничных путешествия по Западной Европе и славянским землям.

Часть II. Зрелость. <1861–1869 гг.> Эта часть, пожалуй, ключевая – «хребет» всей книги. Она состоит из двух глав – истории жизни Аксакова и истории его коренного публицистического творчества.

Глава 3-я «Свое дело» (с. 164–294) рассказывает о 1860-х годах. Это время славянофильской публицистики и пропаганды наследия «старших» славянофилов. Аксаков – редактор-издатель газет «День» (1861–1865), «Москва» и «Москвич» (1867–1868). 12 января 1866 г. состоялось венчание Ивана Сергеевича и старшей дочери Ф.И. Тютчева – Анны Федоровны. Это «период наибольшей творческой активности, то время, когда он не только становится известен широкой публике, приобретает в ее глазах ту репутацию, которая останется с ним до конца дней, но и становится «самим собой», находит себя. <...> ...«своим делом» для него с начала 1860-х гг. и до самой кончины окажется публицистика – вопрос будет стоять лишь о том, как, каким образом это «свое дело» осуществлять, какое место найти ему в существующих условиях. Но вопрос о том, что является его «делом» – и кем является сам Аксаков – будет для него определен окончательно. <...> Он стал душеприказчиком интеллектуального наследия своего брата – и, вместе с Самаринным, попечителем над трудами Хомякова»⁶⁹⁵.

Глава 4-я «Теоретическое *intermezzo*» (с. 294–440). Шесть глав основного текста, за исключением четвертой, можно прочесть как последовательный биографический очерк. Четвертая глава посвящена нескольким вопросам, из числа имевших особое значение для Аксакова: его учению об обществе, на-

⁶⁹⁵ Там же. С. 164, 165, 167.

роде и государстве, определяющему политическую программу (с. 295–305); «Польскому вопросу» и связанным с ним вопросам: «украинскому» и «западного края», где раскрывается его понимание национального проекта и одновременно некоторые из числа проблем, с которыми столкнулся последний (с. 334–380); религиозным взглядам (с. 381–403) и пониманию церковных вопросов, присущему ему и близким к нему по взглядам публицистам славянофильского направления(403–440)⁶⁹⁶.

Часть III. «Последний из “отцов”». <1870–1886 гг.> 1870-е гг. – период общественной деятельности Аксакова. В эти годы он – председатель Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете; председатель Московского славянского благотворительного комитета (общества); гласный Московской городской думы; председатель совета правления Московского купеческого общества взаимного кредита. Это десятилетие “в жизни Аксакова отчетливо делится на два периода: первый – с начала событий на Балканском полуострове: восстания в Боснии и Герцеговине, болгарского восстания, объявления Сербией и Черногорией войны Порте и т.д., событий, сделавших Аксакова заметной фигурой в европейском масштабе; второй – период предшествующий, до 1875–1876 гг., о котором Цимбаев пишет как о времени «благополучном и спокойном»⁶⁹⁷. В этот период важнейшее значение приобретают еще далеко не все опубликованные письма Аксакова, которые ждут своего часа.

Глава 5-я «Промежуток» (с. 441–479). Автор следующим образом представляет данную главу: «Мы остановимся на трех эпизодах этого времени – значимых и по некоторой публичной огласке, и по степени проявленности славянофильских принципов, опытов их формулирования и/или осуществления, а именно на конфликте, возникшем в 1870 г. по поводу адреса Московской городской думы (с. 448–460), столкновении в 1873 г. двух интерпретаций славянофильского учения, данных участниками славянофильского кружка 1840-х – начала 1850-х гг.⁶⁹⁸ (с. 460–471), и на истории биографии Ф.И. Тютчева⁶⁹⁹, написанной его зятем»⁷⁰⁰ (с. 471–479).

Глава 6-я «Война» (с. 480–551). «...период 1875–1878 гг. оказывается временем наибольшей его активности как общественного деятеля. Он становится одной из наиболее заметных фигур русской жизни, выразителем целой внешнеполитической программы, ярким ее идеологом и пропагандистом – одновременно представляя как фокус про-российских (стремящихся в той или иной степени опереться или использовать Россию) сил среди славянских,

⁶⁹⁶ См.: Там же. С. 4.

⁶⁹⁷ Там же. С. 441.

⁶⁹⁸ См.: Аксаков И.С. «Письмо к издателю по поводу предыдущей статьи» // Русский архив, 1873, кн. II, вып. 12, стб. 2508–2529). Статья Аксакова написана в ответ на «историко-критический очерк» Э.А. Дмитриева-Мамонова: «Славянофилы» (там же, стб. 2488–2508).

⁶⁹⁹ Впервые опубликовано: Федор Иванович Тютчев: (Биографический очерк) / [Соч.] И.С. Аксакова. С гравированным портретом Тютчева. М.: тип. В. Готье, 1874. 408 стб. (Русский архив. 1874. Кн. 10).

⁷⁰⁰ Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова... С. 447–448.

преимущественно балканских народов»⁷⁰¹: «Восстание в Боснии и Герцеговине, Сербская война и деятельность славянских комитетов» (с. 483–506). «Русско-турецкая война и мирные переговоры» (с. 507–529). «Речь о Берлинском конгрессе. Ссылка в Варварино» (с. 529–546).

Глава 7-я «Последние годы» (с. 552–615) посвящена последним годам жизни Аксакова. С 15 ноября 1880 г. и до самой кончины Ивана Сергеевича выходит еженедельная газета «Русь», редактором и издателем которой он являлся, – аксаковская лебединая песнь. «Чувство одиночества в эти годы становится преобладающим – умирают последние друзья и близкие приятели: в 1876 г. не стало Ю.Ф. Самарина, в следующем году умирает Ф.В. Чижов, в 1878 г., в день подписания прелиминарного договора в Сан-Стефано умирает князь В.А. Черкасский, в 1876 умирает Николай Елагин, в следующем году скончалась Авдотья Петровна, а в 1879 не стало Василия Елагина. В 1878 г. в Киеве умирает «Маменька», Ольга Семеновна. Дольше всех проживет А.И. Кошелев, скончавшийся в 1883 г.<...>»⁷⁰².

В одном из последних написанных им писем, датированном 26 января 1886 г., т.е. за день до кончины, Аксаков обращался к Г.П. Галагану, одному из самых старых из оставшихся на тот момент близких знакомых: «Как трудно живется на Руси! <...> Мое здоровье, некогда геркулесовское, тоже дрогнуло. И я начинаю это чувствовать. Разумеется, кроме причин внешних, физических, гигиенических, климатических и т.д., здесь всегда сильнее оказывают воздействие причины нравственные, даже не индивидуального характера. Есть какой-то нравственный гнет, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не дает установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы и чувство безнадежности, беспроглядности давят нас»⁷⁰³.

Биографию Аксакова сопровождают четыре *Документальных приложения*, которые представляют собой введенные в оборот тексты Аксакова – это, во-первых, его запрещенную в 1862 г. Александром II шестую статью из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства»⁷⁰⁴ (с. 306–334), во-вторых, 20 писем (8.10.1865–5.1.1866 гг.) к невесте – Анне Федоровне Тютчевой (с. 221–268), в-третьих, одно письмо 1878 г. к ее сестре Екатерине Федоровне Тютчевой⁷⁰⁵ (с. 546–551) и, наконец, 62 письма (13.9.1861–28.2.1867 г., 18.3.1883–15.4.1885 г.) к выдающемуся русскому историку и общественному деятелю Михаилу Осиповичу Кояловичу (с. 619–716). А.А.

⁷⁰¹ Там же. С. 480.

⁷⁰² Там же. С. 556–557.

⁷⁰³ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 11. Лл. 33–33об. Там же. С. 614.

⁷⁰⁴ Впервые опубликовано: Тесля А.А. Запрещенная 6-я статья И.С. Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства» // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 2. С. 41–70.

⁷⁰⁵ Впервые опубликовано: Бадалян Д.А. Речь И.С. Аксакова о Берлинском Конгрессе и его последующая ссылка в письмах и документах июня – ноября 1878 г. // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 6. СПб.: Российская национальная библиотека, 2013. С. 369–373.

Тесля поясняет: «Включая первые три приложения непосредственно в текст, мы стремились придать изложению объемность – в особенности это относится к письмам к А.Ф. Тютчевой, написанным в период между официальной помолвкой и венчанием: в них Аксаков раскрывается едва ли не наиболее полно, письма становятся максимальным подобием личного дневника с его переплетением сиюминутного, повседневного и предельно значимого»⁷⁰⁶.

Заключает книгу *Приложение* (с. 717–775), в котором размещены пять статей, четыре из которых касаются персонажей и сюжетов или непосредственно связанных со славянофильством (М.П. Погодин, А. М. Иванцов-Платонов, О.Ф. Миллер), или же, в случае с работой, описывающей формирование концепции русской истории Н.Г. Устрялова, анализируют ту интеллектуальную площадку, на которой будут формироваться и развиваться взгляды Аксакова. А также эссе, посвященное князю П.А. Вяземскому (который в 1810–30-х гг. оказался в ситуации, типологически сходной с аксаковской)⁷⁰⁷.

И в завершении еще одна цитата от автора – в качестве попытки подведения итогов всему вышесказанному: «Иосиф Фудель назвал Ивана Аксакова «последним из „отцов”» – с чем, вероятнее всего (и одоблив кавычки), согласился бы и сам поименованный: ему было свойственно как сознание себя в качестве «последнего из славянофилов», «хранителя» наследства, оставленного ему более его способными, сильными и мудрыми предшественниками, так и восприятие «славянофильского учения» и самого круга, до некоторой степени сближаемого с церковью (временами он прямо отождествлял «православие» со «славянофильством», т.е. считал последнее истинным, адекватным раскрытием православного вероучения). <...> Судьба «отца» – уйти в прошлое, умереть – и уже из этой перспективы вновь обрести свою власть, теперь уже власть «классика», «авторитета», того, за чье наследие идет борьба»⁷⁰⁸.

Итак, подводя итоги, можно сказать следующее – в 2015 году вышла в свет весьма объемная (800 с.), прекрасно опубликованная (издательство «Владимир Даль») достаточно подробная *биография* видного славянофила-публициста *И.С. Аксакова*, подготовленная исследователем позднего славянофильства *А.А. Теслей*, основанная на множестве документальных источников, в том числе введенных в оборот автором, и научных исследованиях, в которой в *форме эссе* представлена, на наш взгляд, довольно удачная попытка «очертить» интеллектуальный портрет «последнего из “отцов” славянофильства». Одновременно желаем автору со временем подготовить дополненный вариант своего труда, так как предпосылки такого расширения, несомненно, существуют – по нашему мнению, доработать необходимо, по крайней мере, три главы – 1-ю, 5-ю и 7-ю.

⁷⁰⁶ Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова... С. 4.

⁷⁰⁷ См.: Там же.

⁷⁰⁸ Там же. С. 6, 10.

Теперь книга А.А. Тесли будет жить своей собственной жизнью – в добрый путь! А автору – дальнейших творческих успехов на пути изучения и синтеза славянофильского учения и, в том числе, жизни и творчества Ивана Сергеевича Аксакова.

В.В. Борисова, С.В. Мотин
«Аксаковы: семейная энциклопедия»: pros et cons.

См.: *Борисова В.В., Мотин С.В.* «Аксаковы: семейная энциклопедия»: pros et cons. Рец. на кн.: Аксаковы: семейная энциклопедия / под ред. С.М. Каштанова. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 536 с. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 282-291.

На рубеже 2015–2016 гг. произошло большое событие в культурной и научной жизни России: вышла в свет семейная энциклопедия «Аксаковы» [Аксаковы]⁷⁰⁹. Это историко-генеалогическое издание⁷¹⁰ подготовлено д.и.н. А.С. Кулешовым⁷¹¹ и д.и.н. О.Н. Наумовым⁷¹² при участии акад. РАН И.А. Соколова, д.и.н. Б.Г. Буркова, д.и.н. В.В. Журавлёва, д.и.н. Н.И. Цимбаева, д.и.н. В.В. Шелохаева, к.и.н. А.Ю. Морозова и др. Оно восстанавливает русскую генеалогическую традицию, заложенную еще трудами дореволюционных историков, но прерванную в XX в. Хотя сегодня аналогичные издания есть [Хроника рода Достоевских], для современного аксаковедения это первый опыт универсального справочника подобного типа.

Подготовке энциклопедии предшествовало длительное исследование многочисленных материалов из архивов и личных собраний как в России, так и за рубежом о представителях древнего рода Аксаковых⁷¹³. Результатами их изучения стали прежде всего монография А.С. Кулешова «Аксаковы. История разбитых судеб» [Кулешов] и поколенная роспись «Аксаковы», составленная А.С. Кулешовым и О.Н. Наумовым [Кулешов, Наумов].

Именно в книге А.С. Кулешова реализованы те принципы изучения дворянских семей, которые нашли отражение в рецензируемой энциклопедии.

⁷⁰⁹ Далее энциклопедия цитируется с указанием страниц в тексте в круглых скобках.

⁷¹⁰ Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-16066д «Аксаковы: семейная энциклопедия».

⁷¹¹ См. о нем: [Аксаковы, с. 252–253]. А.С. Кулешов женат на Т.М. Аксаковой, принадлежащей к московско-калужской ветви рода Аксаковых. В 2005 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исторические судьбы рода Аксаковых в XX в.», в 2010 г. – докторскую диссертацию по теме «Род Аксаковых в истории России: социогенеалогическое исследование», опубликовал книгу «Аксаковы: История разбитых судеб» [Кулешов].

⁷¹² См. о нем: [Аксаковы, с. 286]. В соавторстве с А.С. Кулешовым О.Н. Наумов подготовил обобщающее исследование о роде Аксаковых – поколенную роспись, охватившую историю семьи с конца XV до начала XXI в. [Кулешов, Наумов].

⁷¹³ Большая часть разнообразных источников из архивов ГАРФ, РГАЛИ, ЦИА РБ и др. вводится в научный оборот впервые. Используются также сведения из Киево-Печерского патерика, Тысячной книги 1550 и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в., жалованные грамоты XVI–XVII вв., росписи 1686 г., поданные Аксаковыми в Разрядный приказ после отмены местничества, метрические записи, послужные и формулярные списки XIX–XX вв., мемуары, в том числе воспоминания Т.А. Аксаковой (урожденной Сиверс) и др.

Здесь же обоснована необходимость создания родословия Аксаковых в полном объеме, особенно в рамках XX в. И, надо сказать, в энциклопедии многие пропуски и фактические ошибки в генеалогическом описании аксаковского рода исправлены.

В ней раскрываются судьбы Аксаковых от первого представителя рода Африкана, «князя варяжского» в XI в., до современных потомков. Несомненным достоинством энциклопедии является то, что в ее статьях описана не только история древнейшего рода Аксаковых, но и его геральдика, родовые связи, служба его представителей в государственных учреждениях и полках, владение земельной собственностью, пожалование наградами, участие в крупных исторических событиях и мн. др.

В энциклопедии представлен обширный и исключительный по своему историко-культурному и источниковедческому значению иллюстративный материал: большинство фотографий заимствовано из семейных архивов Аксаковых (с. 4).

В структуру энциклопедического справочника вошли: вступительная статья проф. В.В. Журавлева «Аксаковы: взгляд через столетия» (с. 5–11); 537 статей (от «Абрамцево» до «Ярославский уезд»), в том числе 109 персональных статей, посвященных представителям рода Аксаковых (с. 13–456), а также поколенная роспись (с. 457–477), родословная таблица рода (с. 478–479), семейный фотоальбом Аксаковых (с. 481–523), списки сокращений (с. 525–526) и аббревиатур (с. 527), алфавитный указатель статей (с. 528–534).

Энциклопедия позволяет хорошо представить всю историю древнего рода Аксаковых. В ней раскрыт процесс его генеалогического формирования, который начался в конце XV в. и продолжался до конца XVI в., когда определился его социальный статус и положение в структуре служилого сословия, окончательно установилась фамилия, был избран семейный духовный центр (Богоявленский монастырь в Москве) и началось выделение трех ветвей (с. 346): московской (с XIX в. – московско-калужской), арзамасской (с XVIII в. – уфимско-самарской), тульско-рязанской, которая образовалась из двух семей, находившихся в дальнем родстве. Каждая из ветвей рода имела своего родоначальника. Основной ветвью рода Аксаковых считается московская. Согласно традиционным представлениям, из нее в XVI в. выделилась арзамасская ветвь, а в XVIII в. – тульско-рязанские ветви. Родство между московской и арзамасской ветвями рода документально окончательно не доказано и оспаривается в историографии Аксаковых (с. 124).

Родоначальник Аксаковых, Вельяминовых, Воронцовых и других родов – Шимон (Симон) Африканович жил в XI в. Достоверность его существования подтверждается историческими источниками. Прямой родоначальник Аксаковых – Иван Федорович Вельяминов, по прозвищу Аксак (Оксак), жил в конце XV в. Он – родоначальник московской (в XIX–XX вв. московско-калужской) ветви рода. Родоначальником арзамасской (в XVIII–XX вв. уфимско-самарской) ветви Аксаковых явился боярский сын Михаил Юрье-

вич Аксаков, живший в середине XVI в. Родоначальником 1-й тульско-рязанской ветви рода Аксаковых стал статский советник Петр Дмитриевич Аксаков (конец XVII –1-я пол. XVIII в.), родоначальником 2-й тульско-рязанской ветви – гвардии капитан Николай Иванович Аксаков (конец XVIII –1-я пол. XIX в.) (с. 347).

Аксаковы внесены в родословные книги семи губерний: Калужской, Московской, Оренбургской (Уфимской), Рязанской, Самарской, Симбирской и Тульской. Первым из рода Аксаковых о внесении в родословные книги просил представитель уфимско-самарской ветви Степан Михайлович Аксаков, который 11 декабря 1791 г. был записан «вместе с родом» в 6-ю часть. Чуть позже, в 1796 г. произошло правовое признание дворянского достоинства рязанских Аксаковых – поручика А.П. Аксакова и его сына С.А. Аксакова. В ноябре 1799 г. братья В.Н. и С.Н. Аксаковы просили причислить их к московской дворянской корпорации (с. 347).

В 1-й пол. XVIII в. Аксаковы появились в Уфимской провинции, когда П.Д. Аксаков [Биккулов], родоначальник тульско-рязанской ветви рода, был исполняющим обязанности воеводы провинции (с 17 апреля 1738 г. по март 1739 г.), а затем вице-губернатором (с 7 ноября 1740 г. – Уфимской провинции, в 1743–1744 гг. – Уфимской губернии). В Оренбургской губернии Аксаковы поселились после того, как С.М. Аксаков 5 октября 1767 г. купил у бомбардира Грязева землю в Бугульминском уезде. На территории Оренбургской губернии Аксаковы жили до начала XX в. Со 2-й пол. XVIII в. они владели землями на территории Оренбургской и Уфимской губерний (в Белебеевском, Бугульминском, Бузулукском, Стерлитамакском и Уфимском уездах). Именно в этих губерниях сформировалась уфимско-самарская ветвь рода (бывшая арзамасская). Аксаковы сыграли заметную роль в общественной жизни этих губерний, служили в местных государственных учреждениях (с. 427). Так, Г.С. Аксаков в 1852–1853 гг. был оренбургским вице-губернатором, в 1861–1865 гг. – оренбургским гражданским губернатором, в 1865–1867 гг. – уфимским губернатором, а также в 1867–1872 гг. – самарским губернатором (с. 27–29).

Таким образом, налицо усиление уфимско-самарской ветви аксаковского рода, ставшей в конце XVIII в. дворянской и подарившей России и миру самых выдающихся своих представителей.

Однако, на наш взгляд, удельный вес и статус этой ветви Аксаковых в энциклопедии принижены, что явилось следствием благородного стремления возвысить другие семьи однородцев, которые ранее изучались недостаточно. По мнению А.С. Кулешова, эта тематическая и хронологическая неравномерность сказалась, в частности, на преимущественном внимании к вопросу происхождения фамилии Аксаковых в древности и к XIX в. как периоду наибольшей активности и известности его представителей. «Другие периоды существования, в том числе и XX век, самостоятельному и целенаправлен-

ному изучению не подвергались», – справедливо замечает ученый [Кулешов, с. 5].

Действительно, сведения об Аксаковых в XX столетии исчерпывались краткими биографиями в справочниках и популярных журналах, воспоминаниями Т.А. Аксаковой (урожденной Сиверс), а также небольшими экскурсами в историю рода Аксаковых в отдельных работах.

А.С. Кулешову удалось и в монографии, и в энциклопедии в полной мере «реабилитировать» и восстановить калужско-московскую ветвь Аксаковых, представители которой остались в России, осели в США, Болгарии, Германии, Югославии, Франции, Аргентине, Австралии и других странах.

Но в результате произошел обратный крен: вторая половина XIX в. представлена в энциклопедии менее ярко и репрезентативно, хотя именно в это время семья С.Т. Аксакова сыграла максимально заметную роль в общественной и культурной жизни России. Совпадение двух «золотых веков» – в русской культуре XIX столетия и в истории рода Аксаковых – еще требует своего осмысления. Именно в этот период русская культура без Аксаковых стала немыслима.

Судя по всему, это закономерный исторический и культурный феномен. История многих дворянских родов наглядно демонстрирует постепенную аккумуляцию черт гениальности в отдельных их представителях, для чего требуется многовековое проживание в родовом месте и неуклонный отбор и наследственная передача способностей от одного потомка к другому.

Так, Н.Н. Богданов, следуя в этом плане за немецким ученым Э. Кречмером, обнаружил поразительное подтверждение данной генеалогической закономерности в фамильной истории Достоевских, которые после накопления «родовой энергии» удачно соединились с купеческим родом Куманиных, дав миру литературного гения [Богданов, с. 7–8]. О механизме семейного наследования талантов и способностей пишет и А.С. Кулешов, отмечая, что еще в 1920-е гг. была предпринята попытка дать характеристику роду Аксаковых с медико-биологической точки зрения. В «Русском евгеническом журнале» была опубликована статья генетика А.С. Серебровского о семействе Аксаковых [Кулешов, с. 6].

Однако, статьи, посвященные в энциклопедии членам самой знаменитой аксаковской семьи, имея небольшой объем (за исключением статьи об И.С. Аксакове), не раскрывают всей уникальности и многогранности их деятельности. Так, при всей полноте биографических фактов о С.Т. Аксакове (с. 63–65) недостаточной представляется характеристика его как выдающегося культурного деятеля своего времени. Например, этапный в его творчестве и в русской литературе XIX в. в целом очерк «Буря», с которым связано становление нового художественного метода в отечественной словесности – реализма, – ошибочно представлен как произведение, обозначившее мемуарное направление в прозе С.Т. Аксакова, хотя поворот к нему произошел гораздо позже – в абрамцевский период жизни и творчества. Созданные в это

время произведения строятся как воспоминания, охватывающие почти целое столетие, включая изложение семейных преданий о жизни деда с середины XVIII в., рассказ о родителях, о себе, доходящий до 50-х гг. XIX столетия.

Без учета современного состояния отечественного и зарубежного аксаковедения в указанной статье характеризуются лучшие произведения писателя. А ведь его «охотничий цикл» («Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855), «Пояснительная заметка к “Уряднику сокольничья пути”» (1855), «Замечания и наблюдения охотника братья грибы» (1856), «Несколько слов о раннем весеннем и позднем осеннем уженье» (1858), «Собирание бабочек» (1858)) является самым обширным и многогранным в отечественной литературе.

Не подчеркнута в статье, написанной О.Н. Наумовым, и новаторство автобиографической дилогии С.Т. Аксакова как подлинного основателя классической традиции русского семейного романа. Ничего не сказано о языке писателя, представляющем собой органичный сплав многих русских говоров и диалектов Урала и Предуралья, приправленных тюркизмами, и нашедшем отражение в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Не в полной мере раскрыта роль С.Т. Аксакова как общественного деятеля своего времени, в московский период оказавшегося в центре идейных споров западников и славянофилов. Весьма скуден библиографический список, в который не вошли важнейшие работы о С.Т. Аксакове⁷¹⁴, не указаны в нем исследования на иностранных языках, не использован богатый материал о жизни и творчестве С.Т. Аксакова, представленный на сайте «ЭНИ С.Т. Аксаков», созданном кафедрой русской литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (URL: aksakov.do.am). Аналогичные замечания касаются недостаточно комплексной характеристики и многогранной личности К.С. Аксакова (с. 42–44).

На этом фоне выделяется самая большая и добротная в энциклопедии статья, посвященная И.С. Аксакову, которую написал проф. МГУ Н.И. Цимбаев (с. 33–41)⁷¹⁵. Ее отличает подлинно энциклопедический охват фактического материала. То же самое можно сказать о других статьях, написанных Н.И. Цимбаевым, в том числе – о жене И. Аксакова Анне Федоровне Тютчевой (с. 71–74), об имениях Абрамцево (с. 13–15) и Мураново (с. 283–284), в которых жил и неоднократно бывал И.С. Аксаков; о газетах «День» (с. 173–176), «Москва» (с. 274–276), «Русь» (с. 364). О других периодических изданиях Ивана Сергеевича Аксакова («Москвич» (с. 276) и «Парус» (с. 320)) написал О.Н. Наумов. Отрадно, что в отдельной статье Н.И. Цимбаева расска-

⁷¹⁴ Это, прежде всего, исследования Е.И. Анненковой, В.В. Кожина, В.А. Кошелева, М.А. Чванова, Ю.И. Минералова и многих других авторов.

⁷¹⁵ Н.И. Цимбаев первым в Советском Союзе в 1972 г. защитил диссертацию, посвященную И.С. Аксакову («Иван Аксаков в общественной жизни России 1860-х гг.»), позже изданную в виде монографии. В ней ученый представил биографию и взгляды И.С. Аксакова в контексте развития славянофильства.

зывается о поэме И.С. Аксакова «Бродяга» (с. 108–109), другим же произведениям И. Аксакова «повезло» меньше.

В частности, не хватает статей, посвященных его книге о Ф.И. Тютчеве – первой фундаментальной биографии в тютчеведении, а также обширному поэтическому, литературно-критическому и публицистическому наследию, огромной переписке И.С. Аксакова, его связям с видными российскими и славянскими деятелями культуры и литературы, о чем много написано в работах Д.А. Бадаляна, В.Н. Грекова, В.А. Китаева, С.В. Мотина, А.А. Тесли⁷¹⁶, Т.Ф. Пирожковой и других современных исследователей жизни и творчества И.С. Аксакова.

Посвятив много страниц основным ветвям рода Аксаковых, авторы энциклопедии не уделили должного внимания окружению С.Т. Аксакова и его семьи (Н.В. Гоголю, Л.Н. Толстому, И.С. Тургеневу, Ф.И. Тютчеву, А.С. Хомякову и др.), их дальним родственникам (М.А. Осоргину, Карташевским, Куроедовым, Нагаткиным и др.), а также продолжателям их творческих традиций (М.М. Пришвину, К.Г. Паустовскому, В.А. Солоухину и др.), тем самым значительно сузив и обеднив связи Аксаковых в XIX в. с отечественной и мировой культурой.

Отметим и другие пробелы в энциклопедии: в ней нет статей о Москве, Санкт-Петербурге, Оренбурге, Самаре, Уфе и других аксаковских местах. Несомненно, требуется дополнить энциклопедию следующими статьями: «Аксаковедение» (отечественное и зарубежное), «Аксаковеды» (в том числе нужны отдельные статьи о таких ведущих аксаковедах, как Е.И. Анненкова, В.А. Кошелев, Т.Ф. Пирожкова, П.И. Федоров, М.А. Чванов и др.), «Аксаковская литературная премия», «Аксаковские места», «Аксаковское литературоведение», «Аксаковское движение», «Аксаковское славянофильство», «Аксаковские архивы», «Библиография Аксаковых», «Международный Аксаковский фонд», «Аксаковские музеи», «Эпистолярный Аксаковых» и т.д.

Кроме того, в вышедшей семейной энциклопедии недостаточно раскрыта роль православия в жизни и творчестве всего рода Аксаковых. Думается, что следовало уделить больше внимания христианскому фундаменту мировоззрения и творчества семьи С.Т. Аксакова.

И, конечно, невозможно обойти стороной историю аксаковского движения в России, начиная со второй половины 1950-х гг. и заканчивая сегодняшним днем. В этом тематическом блоке наряду с персоналиями должны находиться музеи, вузы, школы, государственные учреждения, общественные организации, газеты, журналы и сайты, занимающиеся изучением и пропагандой творческого наследия семьи Аксаковых.

Таким образом, налицо некоторая тематическая и содержательная ограниченность данного справочного издания, обусловленная, на наш взгляд, в первую очередь тем, что к работе над энциклопедией был привлечен доволь-

⁷¹⁶ См., в частности, его книгу «Последний из “отцов”: Биография Ивана Аксакова» [Тесля]. Это первая в истории отечественной мысли биография И.С. Аксакова.

но узкий круг специалистов, в то время как для нее необходимы коллективные усилия представителей разных наук.

К большому сожалению, в энциклопедии не нашли должного отражения достижения современного аксаковедения: очень многое не учтено. Так, практически не введены в оборот концептуальные идеи фундаментальной книги В.А. Кошелева «Сто лет семьи Аксаковых», имеющей в высшей степени большое биографическое и историко-культурное значение. В ней на обширном, богатом материале, большей частью извлеченном из архивов и писем, показывается, как история русской национальной жизни в столетний период с 1791 по 1891 гг. преломляется в бытии и делах Аксаковых.

История этой русской семьи, осознавшей и утвердившей «семейственность» принципом культурного существования, рассматривается автором книги в широком контексте эпохи: «Жития этой семьи было *ровно сто лет*: Сергей Тимофеевич Аксаков, ее глава, родился в 1791 году; Григорий Сергеевич, последний из его сыновей, скончался в 1891 году. Конечно, фамилия Аксаковых существовала и до, и после этих крайних дат – но тот культурный взрыв, который поставил эту семью в центр русской национальной жизни, пришелся именно на этот “аксаковский” век» [Кошелев, с. 13]. «Аксаковы проявили себя в разных сферах жизни: литературной, театральной, журнальной, общественной. Они несли в себе замечательную культуру, отличавшую все XIX столетие» [Там же, с. 14]. «Наконец, “вековая” аксаковская семья представляет особенный интерес еще и потому, что всегда существовала в контакте с напряженной духовной и культурной деятельностью общества, что всегда несла в себе некую “общественную” жилку» [Там же, с. 15].

Неучтенной оказалась и другая книга, составленная историком-краеведом Р.П. Поддубной, – «Самарская хроника Аксаковых» [Поддубная]. Это первая региональная хроника жизни и творчества Аксаковых, при подготовке которой были использованы документы Центрального государственного архива Самарской области. В ней раскрыта история Аксаковых, связанная с Заволжьем, представлен фрагмент родословной, относящейся к поволжско-приуральской ветви, описаны аксаковские места в Самарской губернии в период с 1851 по 1921 гг.

Касаясь источниковедческой и библиографической базы энциклопедии, отметим, что для ее расширения необходимо ввести в активный оборот архив Аксаковых в Рукописном отделе Института русской литературы РАН, который чрезвычайно обширен, но изучен еще в малой степени, а также фактическую информацию, представленную на сайте ЭНИ «С.Т. Аксаков»: это, прежде всего, библиографические указатели литературы о С.Т. Аксакове и его семье (1980–2016), составленные П.И. Федоровым, материалы к Летописям С.Т. Аксакова и И.С. Аксакова, «Аксаковские сборники», в которых, кстати, опубликовано немало интересных сведений о родословии Аксаковых, и мн. др. Определенной недооценкой литературно-философского направления (по определению А.С. Кулешова) в изучении истории Аксаковых обусловлены и

некоторые фактические ошибки. Так, процитированные строчки из стихотворения М. Волошина «Гражданская война» (1919) приписаны А.А. Блоку [Кулешов, с. 43].

Тем не менее, подводя итоги, можно еще раз подчеркнуть, что вышла в свет действительно уникальная, прекрасно изданная аксаковская семейная энциклопедия, которая все же требует существенного дополнения, касающегося прежде всего уфимско-самарской ветви рода Аксаковых. В истории аксаковского рода, вписавшейся в 1000-летнюю историю Российского государства, «вековая семья» С.Т. Аксакова является центром и фокусом всего родословия. Она заслуживает самостоятельной энциклопедии.

Аксаковы: семейная энциклопедия / под ред. С.М. Каштанова. М.: Полит. энциклопедия, 2015.

Биккулов И.Н. П.Д. Аксаков – воевода и вице-губернатор Уфимской провинции. Уфа: Педкнига, 2009.

Богданов Н.Н. Старые и новые проблемы в изучении родословия Ф.М. Достоевского // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения: Роду Достоевского 500 лет: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 20 / под ред. Ю.И. Минералова, О.Ю. Юрьевой. М.; Иркутск: Вост.-Сиб. гос. акад. образования, 2009. С. 3–9.

Кошелев В.А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск: Изд-во Бирск. гос. пед. ин-та, 2005.

Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М.: Территория, 2009.

Кулешов А.С., Наумов О.Н. Аксаковы: Поколенная роспись. М.: Территория, 2009.

Поддубная Р. П. Самарская хроника Аксаковых. Самара: Офорт, 2015.

Тесля А.А. Последний из «отцов»: Биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015.

Хроника рода Достоевских / под ред. И.Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2013.

К выходу первого тома нового Собрания сочинений И.С. Аксакова в 12 томах

См.: *Мотин С.В.* «...чтобы предпринимаемое издание стало надежным подспорьем для будущего Полного собрания сочинений и писем писателя» (К выходу 1-го тома нового Собрания сочинений И.С. Аксакова) // Аксаковский сборник. Выпуск VII / Отв. ред. Г.О. Иванова. Уфа: ДизайнПресс, 2015. С. 171–181.

«...ни одна строка по восточным делам не только не потеряла своей современности, но многие, даже из самых первых, как будто писаны вчера» [1, 13].

Н.П. Гиляров-Платонов

В марте 2015 года вышла в свет первая книга первого тома 12-томного собрания сочинений Ивана Сергеевича Аксакова [2], выдающегося русского мыслителя, общественного деятеля, публициста-славянофила, поэта, правоведа, редактора-издателя, литературного критика, одного из вождей славянофильства и основоположников национально ориентированной идеологии. Подготовлена и находится в печати и вторая книга первого тома [3].

Это второе собрание сочинений И.С. Аксакова. Вдохновителями издания выступили видный специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX века Б.Ф. Егоров и директор издательства «Росток» Л.И. Чикарова [2, 498]. Как известно, первое, посмертное собрание в семи томах было издано в 1886–1887 годах его вдовой Анной Федоровной, старшей дочерью Ф.И. Тютчева. В 1891–1903 гг. были без изменений переизданы II, III и IV тома. Прошло почти 130 лет со времени выхода первого собрания сочинений Аксакова и вот мы дождались начала выхода нового собрания сочинений классика славянофильской мысли.

В этой связи важно отметить, что Иван-Аксаковедение в настоящее время, несомненно, находится на подъеме. Например, только за последний год вышло несколько книг, связанных с жизнью и творчеством И.С. Аксакова: Московский сборник: [т. 1, 2] / сост., подгот. текста, примеч., статья, подбор иллюстраций В.Н. Грекова; отв. ред. А.П. Дмитриев. СПб.: Наука, 2014. 1307, [5] с., [17 л.] ил. (Литературные памятники / Российская акад. наук); Иван Аксаков в воспоминаниях современников / сост., предисл. и коммент. Г.Н. Лебедевой; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 544 с.; Иван Сергеевич Аксаков: библиографический указатель (1836–2014) / сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; сост. фотоприложения Г.О. Иванова; вступ. ст. С.В. Мотина; под ред. А.П. Дмитриева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.: 8 л. ил.; Порох В.И. И.С. Аксаков в борьбе за свободу слова и печати. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская гос. юридическая акад.», 2014. 177, [2] с.; Тесля А.А. «Последний из „отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 800 с.

Иван-Аксаковедение, на наш взгляд, можно определить следующим образом – это часть аксаковедения, изучающая совместными усилиями исследователей жизнь и творчество (публицистическое, художественное, литературно-критическое, эпистолярное) одного из сыновей С.Т. Аксакова – Ивана Сергеевича Аксакова.

Иван Сергеевич «...еще при жизни стал для своих современников символом нравственной чистоты, примером исключительной цельности духа и верности высоко-идеальным убеждениям, согласно которым Россия как ведущая православно-славянская держава призвана дать человечеству образец христианского общежития, основанного на братской любви и противостоящего бездуховной западной цивилизации.

Когда один за другим ушли из жизни братья И.В. и П.В. Киреевские и С.Т. Аксаков, а вслед за ними – А.С. Хомяков и К.С. Аксаков, падающее

знамя славянофильства поднял 37-летний Иван Сергеевич и до конца своей жизни держал его так же высоко, как и его почившие предшественники и соратники» [4, 5].

Дореволюционное собрание сочинений Аксакова было составлено в основном из его статей в издаваемых им газетах («Парус», «День», «Москва», «Москвич» и «Русь»), а также из речей, воззваний и открытых писем, печатавшихся в других органах печати, и некоторых не опубликованных при жизни рукописей из архива писателя. Нижней хронологической границей был тогда избран 1860 год, и, таким образом, за рамками проекта за редкими исключениями остались произведения 1840–1850-х гг., а также большое количество писем, представляющих собой существенную часть литературного наследия Аксакова.

По подсчетам А.П. Дмитриева, в последнее столетие из произведений Аксакова, опубликованных им при жизни, переиздана едва ли пятая часть, «причем не всегда на должном уровне – это, как правило, не прокомментированные надлежащим образом перепечатки из семитомника Сочинений 1886–1887 гг., тексты которого не свободны от разного рода погрешностей и нуждаются в сверке и уточнении по первым публикациям в периодике и сохранившимся автографам, а также авторизованным рукописным копиям, выполненным сестрами Аксакова» [4, 8].

Новое собрание сочинений должны составить «по возможности все известные на сегодняшний день публицистические, литературно-критические, художественные и научные произведения писателя, как опубликованные, так и хранящиеся в архивах, а также с достаточной полнотой представить его письма» [4, 8]. Составитель при этом останавливается на исследовательских проблемах: «В настоящее время обширные архивные фонды Аксакова (прежде всего в ИРЛИ, РГАЛИ, РГБ и РНБ, а также в заграничных архивохранилищах) исследованы недостаточно; большая часть эпистолярной остается неопубликованной; не выявлены все произведения писателя в редактировавшихся им газетах. Научному коллективу предстоит продвинуться в решении этих непростых задач, для того чтобы предпринимаемое издание стало надежным подспорьем для будущего Полного собрания сочинений и писем писателя» [4, 8].

Как и в дореволюционных Сочинениях, все материалы нового Собрания будут сгруппированы по тематическому признаку. А.П. Дмитриев уточняет: «Эту разбивку по томам мы оставляем, сохраняя в основном и состав томов (как известно, он был согласован с вдовой писателя, А.Ф. Аксаковой), т.е. воспроизводим все материалы, включенные в них составителями, однако при этом добавляем целый ряд произведений, оставшихся вне их поля зрения» [4, 8].

Перечислим названия томов посмертного издания, указывая в скобках годы их издания и переиздания: Том I – «Славянский вопрос» (1886). Том II – «Славянофильство и западничество» (1886, 2-е изд.: 1891). Том III –

«Польский вопрос и западнорусское дело. Еврейский вопрос» (1886, 2-е изд.: 1900). Том IV – «Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание» (1886, 2-е изд.: 1903). Том V – «Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях» (1887, обл.: 1886). Том VI – «Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам» (1887, обл.: 1886). В 6-м томе должен быть полностью опубликован статистический труд Аксакова «Украинские ярмарки», а не только Введение к нему, опубликованное в первом издании собрания сочинений. Том VII – «Общевропейская политика. Статьи разного содержания и некоторые не бывшие в печати» (1886, обл.: 1887).

Таким образом, из 12 томов нового Собрания «первые семь томов представят в возможно более полном объеме публицистическое наследие Аксакова, включая не только оригинальные его статьи и речи, но и, например, многочисленные подстрочные примечания к материалам авторов, опубликованных в его изданиях. В приложениях к томам помещаются наиболее важные материалы по теме, не вошедшие в состав посмертного издания: дневниковые и творческие записи, речи, адреса, фрагменты двусторонней эпистолярной и др.» [4, 8–9].

Том VIII Собрания сочинений – «Художественные произведения. Литературная критика» – объединит стихотворения, поэмы, пьесу и литературно-критические статьи писателя, не вошедшие в предыдущие тома. В том числе и самый известный литературно-критический труд И.С. Аксакова, посвященный биографии и творчеству Ф.И. Тютчева.

Последние четыре тома (IX–XII) составят избранные аксаковские письма [4, 9]. Также в качестве приложения к настоящему изданию намечено осуществить роспись статей издававшихся Аксаковым газет – полную для еженедельников «Парус», «День» и «Русь» и выборочную для ежедневных «Москвы» и «Москвича» [4, 10].

Все аксаковские тексты сопровождаются необходимым историко-литературным и лингвистическим комментарием, краткими сведениями об истории создания произведений, автографах, прижизненных публикациях и воспроизведении их в посмертном Собрании сочинений. Приводятся некоторые, далеко не полные данные о восприятии их современниками. Указываются наиболее важные рецензии, особенно положившие начало серьезной полемике, а также интересные эпистолярные оценки – как наиболее открытые и свободные от оглядки на цензуру [4, 10].

В первый том вошли произведения по стержневым проблемам славянофильского движения – славянской общности, роли России в мире как православно-славянской державы и ее жертвенного служения братьям по крови и вере. За единичными исключениями, ни одно из этих произведений не переиздавалось после 1886 г.; многие не вошли в посмертное Собрание сочинений 1886–1887 гг. и впервые собраны со столбцов знаменитых газет Аксакова «День», «Москва», «Москвич» и «Русь» [2, 4]. Подготовители издания об-

ращают внимание читателей на следующее: «...проблемы славянской общности, роли России в мире как православно-славянской державы и ее жертвенного служения братьям по крови и вере, судеб кирилло-мефодиевского наследия и т.д., являясь стержневыми для Аксакова, в известной мере присущи и многим его статьям, по основному содержанию тяготеющим к другим тематическим группам и потому включенным прежде всего во второй том («Славянофильство и западничество»), третий («Польский вопрос и западнорусское дело») и, особенно, седьмой («Общеввропейская политика») [5, 497].

Комментаторы тома пишут: «При подготовке настоящего издания мы сохранили неизменным состав первого тома 1886 г., значительно пополнив его теми произведениями, несомненно принадлежащими перу Аксакова, которые посвящены общеславянской проблематике, пусть они подчас и затрагивают вопросы, специфичные для других томов. Это главным образом касаются статей о полонизме и крайнофильстве (именно так предпочитал писать это слово Аксаков), вошедших по большей части в третий том. В свое время (1887 г.) в седьмой том Сочинений был включен ряд статей, тематически более соответствующих первому тому, например: «О Риг<e>ре и направлении газеты “Политика”» и «По поводу прибытия в Киев митрополита Сербского и отца Наумовича». Но, исходя из определяющего замысла настоящего издания, ради сохранения структуры первого Собрания сочинений и состава статей в его томах они не перекомпоновываются...» [5, 497].

При публикации не озаглавленных Аксаковым произведений (прежде всего передовых газетных статей), начиная со второго тома, составители давали им свои названия, которые со временем закрепились в читательском сознании уже сегодня воспринимаются как традиционные и зачастую – словно бы принадлежащие самому писателю. Эти заголовки действительно удобны, поскольку взамен нейтральных указаний на дату вроде «Москва, 12 июня», которыми открываются передовицы и которые принято считать их авторскими названиями, выявляют основную идею или тему статьи, сформулированную, как правило, словами самого Аксакова. Причем такая практика была обыкновенной и общераспространенной при переиздании передовиц (ср. посмертные издания сочинений М.Н. Каткова, Н.П. Гилярова-Платонова и др.). При подготовке в 1886 г. первого тома составители еще не придерживались упомянутой традиции и статьи ими не озаглавливались. Поэтому в настоящем издании эта непоследовательность была поправлена подготовителями тома. Поэтому все названия, составленные путем цитирования отдельных, наиболее значимых выражений самого Аксакова, заключены в угловые скобки [4, 9–10].

Подробнее обратимся к содержанию первого тома. Помимо вступительной статьи А.П. Дмитриева «От составителя» (с. 5–12) и «Предисловия» Н.П. Гилярова-Платонова (с. 13–14), расположенных в начале первой книги, том, состоящий из двух книг, включает четыре раздела (это статьи Аксакова и его

редакционные примечания из четырех аксаковских газет, а также речи в заседаниях Московского Славянского благотворительного комитета (общества)), шесть приложений, список сокращений, комментарии, статьи Д.А. Бадаляна и А.П. Дмитриева, письма А.Ф. Аксаковой к Г.С. Аксакову, аннотированный указатель имен.

Книга 1. «Статьи из газеты “День” (1861–1865)» (с. 17–94) и «Редакционные примечания и объявления (1861–1865)» (с. 95–124). «Статьи из газет “Москва” и “Москвич” (1867–1868)» (с. 127–292). «Редакционные примечания (1867–1868)» (с. 293–300). «Речи в заседаниях Московского Славянского благотворительного комитета (общества) в 1876–1878 годах, его воззвания и другие документы из той же эпохи» (с. 303–382). «Статьи из газеты “Русь” (1880–1882)» (с. 385–494). Список сокращений (с. 495–496). Комментарии (с. 497–629). Содержание (с. 630–638).

Книга 2. «Статьи из газеты “Русь” (1882–1886)» (с. 7–442). «Редакционные примечания (1880–1886)» (с. 443–468). Приложение 1. «<Славянский дневник> (1860)» (с. 471–517). Приложение 2. «Речи И.С. Аксакова на Славянском съезде 16 и 20 мая 1867 года» (с. 518–520). Приложение 3. «Речь И.С. Аксакова в заседании Славянского комитета 14 июля 1876 года (Дополнение по Дневнику Д.А. Оболенского)» (с. 521). Приложение 4. «Письмо Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте И.С. Аксакову об избрании его почетным членом общества от 26 октября 1876 года» (с. 522). Приложение 5. «Два адреса Ивану Сергеевичу Аксакову от 1 мая 1877 года» (с. 523–524). Приложение 6. «Письмо д-ра Фр. Лад. Ригера к И.С. Аксакову из Праги, от 3 мая 1877 года» (с. 525–527). Список сокращений (с. 528–529). Комментарии (с. 530–668). Д.А. Бадалян. «О составителе посмертного Собрания сочинений И.С. Аксакова и Предисловия к его первому тому» (с. 669–672). А.П. Дмитриев. «Автор предисловия к первому тому – Н.П. Гиляров-Платонов (О работе А.Ф. Аксаковой над Собранием сочинений мужа)» (с. 672–675). Аксакова А.Ф. «Письма к Г.С. Аксакову (1886–1888)» (с. 675–679). Аннотированный указатель имен (с. 680–760). Содержание (с. 761–767).

И, завершая обзор этого тома, кратко изложим самую первую – программную – статью Аксакова по Славянскому вопросу, которая благодаря составителям получила следующее ёмкое наименование: «<Пора вступить в бой с публицистикой Европы за себя и за наших братьев-славян> *Статья редактора*» [6].

«Никто, конечно, не станет отрицать то огромное значение, которое в наше время выпало на долю общественному мнению в Европе. Оно является не только участником в разрешении современных вопросов, но и могущественным двигателем во всех сложных отправлениях политического и общественного организма западного мира. Это сила, с которою приходится поневоле считаться всем государствам, принадлежащим к политической системе Европы (не исключая и Турции), – и не только считаться, но и бороться равным оружием, противопоставляя мысли мысль, знанию – знание, нравственно-

му началу – нравственное же начало, самобытно выработанное и крепкое всею ясностью сознания; одним словом – это та сила, <...> которая может быть побеждена только мыслью и словом» [6, 17].

«Но на обширном и шумном поле европейской публицистики одиноко и безоружно стоит идея русской народности. Не имея, или имея, но мало, достойных представителей, “русская национальность”, вместо того чтобы раскрывать перед миром все богатство своего внутреннего содержания, постоянно ищет поддержки в общественном мнении Европы, заискивая его благосклонность или чрез низкое отречение от своих начал, или чрез смиренное и унижительное безмолвие» [6, 17].

«К чему же привели нас эти отношения русского общества к Западу, что выигрывали мы от этого обильно расточенного и расточаемого низкопоклонничества, этого добровольного рабства, этого колоссального душевного холопства?

Не только не погладили нас по головке, не только похвалы нашему благонаравию не дождалась мы от Европы, но, напротив, при всяком удобном случае европейцы честят нас именем варваров и чуть-чуть не людоедов. Постоянно не понимаемые, не знаемые, мы, русские, своим поведением еще более обессиливаем свое политическое значение, и общественное мнение Запада является нам враждебным при всяком событии, где силою истории выдвигается вперед идея русской народности» [6, 18].

«И не только Россия, но и весь славянский, или, вернее, православно-славянский, мир разделяет с нею ту же участь. Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакою угодливостью не купим; пора понять, что ненависть, нередко инстинктивная, Запада к славянскому православному миру происходит от иных, глубоко скрытых причин; эти причины – антагонизм двух противоположных духовных просветительных начал и зависть дряхлого мира к новому, которому принадлежит будущность. Пора нам, наконец, принять вызов и смело вступить в бой с публицистикою Европы за себя и за наших братьев-славян!» [6, 18].

«Наша сила в Европе – сочувствующий и связанный с нами родством крови и духа мир славянский вообще и мир православный в особенности – выступает теперь на поприще истории. Славян, свободных от чуждого ига, нет нигде, кроме России. Кроме России, везде славянскую народность гнетут или немцы, или турки. По мере возрастания политического могущества России возрождались в поработанных племенах: надежда на избавление от позорного ярма и чувство славянской народности. *Освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские* и даровать им дар самостоятельного духовного и, пожалуй, *политического* бытия под сению могущественных крыл русского орла – вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России» [6, 18–19].

«Мы знаем, что так называемые интеллигентные, образованные классы у славян восточных, пораженные невежеством, равнодушием, молчанием

общества и нашей журналистики (об отдельных явлениях говорить нечего), не находя себе в последней никакой опоры, никакого оружия противу лжи, которую в известной мере содержит в себе западное просвещение, – мало-помалу отворачиваются от нас, своих старейших братий. Бессильные устоять на собственных ногах, они хватаются в своей слабости за духовную (в обширном смысле слова) помощь западных народов, исконных врагов славянского мира» [6, 19].

«Спросите по совести большую часть профессоров всеобщей истории в наших русских университетах – знакома ли им история не только прочих славянских племен, но и ближайшей к нам Польши? Каждый из них, как добросовестный человек, сознается, что нет, незнакома вовсе» [6, 19].

«Открывая “Славянский отдел” в нашем издании, мы имеем основание надеяться, что сделаем его со временем довольно полным источником разнообразных и верных сведений о положении и движении славянского дела. Но мы поставили себе и другую задачу. Возвращаясь к тому, что говорили мы в начале статьи, мы желали бы (и приглашаем к тому и другие органы нашей печати) иметь в виду не одних русских, но и славянских читателей, сообщать не одни сведения, но и обсуждать общие вопросы, постоянно возбуждаемые антагонизмом западного и славянского мира, и не оставлять без внимания враждебные выходки европейской публицистики» [6, 20].

«Именно теперь, в настоящую трудную минуту, нужно было бы живое и дружеское слово славянам, такое слово, которое, возбуждая и поддерживая в них чувство славянской народности, в то же время скрепляло бы их духовную связь с Россиею, *связь, без которой их собственное, самобытное развитие и преуспеяние – немыслимо и невозможно!* Пусть помнят это славяне!» [6, 20].

На выход первого номера «Дня» в целом приветливо откликнулся Ф.М. Достоевский в статье «Последние литературные явления. Газета “День”» (1861): «“День” – это та же покойная, но неуспокоившаяся “Русская Беседа”, разбитая на газетные листки. Те же имена, те же мысли, те же принципы. Редактором Ив<ан> Аксаков, статьи в первом номере Хомякова, Константина Аксакова (покойников). В журнале всего замечательнее “славянский” и “областной” отделы. Этого нет почти ни в одном теперешнем русском издании, по крайней мере в такой непрерывности, и это ставит газету на довольно любопытное место. Вообще издание очень любопытное» [7].

И в заключение хочется обратить внимание на опубликованные А.П. Дмитриевым во второй книге первого тома пять писем А.Ф. Аксаковой к деверю Григорию Сергеевичу Аксакову, четыре из которых относятся к апрелю 1886 г., «раскрывающих не известные доселе подробности работы А.Ф. Аксаковой над Собранием сочинений» [8], а пятое – к марту 1888 г. (См.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 35. 16 л.).

1. <Миллер О.Ф., Шарапов С.Ф.> Предисловие // Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1. СПб., 2015. С. 13–14. На самом деле автором предисловия является Н.П. Гиляров-Платонов. Об этом см.: Дмитриев А.П. Автор предисловия к первому тому – Н.П. Гиляров-Платонов (О работе А.Ф. Аксаковой над Собранием сочинений мужа) // Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 2. СПб., 2015. С. 672–675.

2. Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1 / Издание подготовили А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2015. 639 с., ил. – Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии – Андрея Петровича Дмитриева, с 2008 года заведующего Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени ИРЛИ РАН; подготовка текста и комментарии – Дениса Александровича Федорова, петербургского журналиста и историка.

3. Аксаков И.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 2 / Издание подготовили А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2015. 768 с., ил.

4. Дмитриев А.П. От составителя // Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1. СПб., 2015. С. 5–12.

5. <Дмитриев А.П., Федоров Д.А.> Комментарии // Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1. СПб., 2015. С. 497–629.

6. Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1. СПб., 2015. С. 17–20. Впервые: День. 1861. 15 окт. № 1. С. 15–16. (Славян. отдел). Подп.: Редактор. Приведенное название – в Содержании номера, на с. 1 (в самом тексте только указание на отдел).

7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1987. Т. 19. С. 58.

8. Дмитриев А.П. Автор предисловия к первому тому – Н.П. Гиляров-Платонов (О работе А.Ф. Аксаковой над Собранием сочинений мужа) // Аксаков И.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 2. СПб., 2015. С. 674.

П.И. Федоров

Истинный патриот России. О книге «Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества»

См.: *Федоров П.И.* Истинный патриот России. О книге «Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества» // Бельские просторы. Уфа, 2016. № 2 (207). С. 168–170.

Рец. на кн.: Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1-6. 1823–1886 / сост. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2015.

В начале декабря 2015 года в Уфе, в издательстве Уфимского юридического института МВД России вышел из печати завершающий 6-й выпуск материалов для летописи жизни и творчества Ивана Сергеевича Аксакова, составленный и отредактированный доцентом этого вуза Сергеем Витальевичем Мотиным. Всего за шесть лет (с 2009 по 2015 гг.) вышло 6 выпусков в 12 частях общим объёмом 3122 страницы. А сама работа продолжалась девять лет (с осени 2005 по 2014 гг.).

Жанр летописи не нов для отечественной науки и включает в себя несколько десятков документально подтверждённых хронологических сводов жизни и деятельности выдающихся писателей, художников и учёных. Начиная с 1914 года, делались попытки создания биографической летописи С.Т. Аксакова. Наиболее заметной вехой в этом направлении стала летопись жизни и творчества С.Т. Аксакова, составленная Е.П. Никитиной и В.В. Борисовой, вышедшая в Уфе в издательстве БГПУ в 2007 году. Проект С.В. Мотина отличается от этих попыток широтой охвата источников и глубиной проработки проблемы.

Структура летописи опирается на периодизацию биографии И.С. Аксакова, предложенную ещё его супругой А.Ф. Тютчевой, с добавлением начала жизненного пути Ивана Сергеевича. 1-й выпуск включает в себя общие сведения о семье Аксаковых, а также детство и отрочество Ивана Сергеевича, обучение его в Училище правоведения и службу при Министерстве юстиции Российской Империи. Во 2-й выпуск вошли его годы службы при Министерстве Внутренних Дел Российской Империи. 3-й выпуск охватывает период с 1851 по 1860 годы и включает в себя участие И.С. Аксакова в «Московских сборниках», его исследование украинских ярмарок, участие в ополчении в период Крымской войны, деятельность в комиссии князя В.И. Васильчикова, путешествия за границу и редактирование славянофильских изданий «Русская беседа» и «Парус». 4-й выпуск посвящён жизни Ивана Сергеевича с 1861 по 1869 годы, связанной с его редактированием и изданием газет «День», «Москва» и «Москвич», а также с женитьбой на дочери поэта Ф.И. Тютчева – Анне Фёдоровне. 5-й выпуск посвящён общественной и политической деятельности И.С. Аксакова в 70-е годы XIX века. И завершающий 6-й выпуск охватывает 1880–1886 годы, когда Иван Сергеевич редактировал и издавал газету «Русь».

Созданию научной биографии И.С. Аксакова предшествовала большая и кропотливая подготовительная работа по выявлению и критическому анализу огромного документального материала, включающего в себя не только опубликованные, но и архивные материалы, ещё не введённые в широкий научный оборот. В своей работе над летописью С.В. Мотин опирался на соб-

рания сочинений и переписку Ивана Сергеевича, изданные как до революции, так и в советский и постсоветский периоды, а также на исследования Е.И. Анненковой, Д.А. Бадаляна, В.Н. Грекова, Г.Ф. и З.И. Гудковых, А.П. Дмитриева, В.А. Китаева, В.А. Кошелева, М.П. Лобанова, С.И. Машинского, Т.Ф. Пирожковой, А.А. Тесли, Е.Б. Фурсовой, Н.И. Цимбаева, М.А. Чванова и других писателей и учёных.

Летопись строится по хронологическому принципу с привязкой к конкретной дате сжатого описания события, отразившегося в жизни и деятельности И.С. Аксакова. Затем даётся перечень печатных и архивных материалов, из которых извлечены эти сведения, а также фрагменты из писем, воспоминаний, дневников и официальных документов, имеющих значение первоисточника для изучения личности Ивана Сергеевича и его взглядов на те или иные события и явления культуры и общественной жизни. Принципиальное значение для данного проекта имела позиция С.В. Мотина в отношении эволюции мировоззрения И.С. Аксакова. Избегая крайностей, он сформулировал своеобразный «срединный путь» своего героя, «который был слишком либеральным для консерваторов, но слишком консервативным для либералов, слишком правительственным для оппозиции, но слишком оппозиционным для правительства, наконец, слишком практическим для теоретиков, но слишком теоретическим для практиков, то есть – своеобразный путь либерального консерватора (в терминологии П.Б. Струве), полулегального оппозиционера и практического теоретика-публициста». Помимо этого составитель летописи учёл и евразийство И.С. Аксакова не только по смешанной в его жилах тюркской и славянской крови, но и по месту его рождения – на стыке Европы и Азии. К сожалению, составитель материалов к летописи прошёл мимо лежащего рядом с этим факта, связанного с явлением русского фронта. А ведь, как нам кажется, именно условия цивилизационного и культурного пограничья православного русского мира с мусульманами и язычниками сформировали особый тип русского человека, более независимого от центра, умеющего жить в согласии с соседними народами и одновременно привыкшего в трудную минуту брать всю полноту ответственности на себя. Достаточно вспомнить племянницу Ивана Сергеевича – Ольгу Григорьевну Аксакову, спасшую в годы послеоктябрьского лихолетья семейный архив Аксаковых. Ведь именно те два сундука писем и документов из имения в Языково легли в основу фондов семьи Аксаковых в ИРЛИ РАН, РГАЛИ, а также отделов рукописей Российской государственной и национальной библиотек.

Материалы для летописи жизни и творчества И.С. Аксакова создавались в тесном сотрудничестве с сотрудниками Центра по изучению традиционалистских направлений в истории русской литературы Нового времени, созданного на базе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге в 2008 году (руководитель А.П. Дмитриев); с Мемориальным домом-музеем С.Т. Аксакова в Уфе, его директором М.А. Чвановым и

научными сотрудниками: Т.Е. Петровой, Г.О. Ивановой и Г.Н. Кузиной; кафедрой истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России и кафедрой русской литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы во главе с В.В. Борисовой. Большую помощь в составлении летописного свода оказали студенты Уфимского юридического института И.И. и А.А. Мельниковы и И.М. Хафизов.

Ценность данной летописи состоит в том, что она создана в русле православно-консервативной традиции. На протяжении почти всего XX века в отечественной науке господствовала тенденция упрощения и искажения славянофильской теории и практики. И лишь в последние годы усилиями, главным образом, учёных из Пушкинского Дома (В.А. Котельникова, А.М. Любомудрова, О.Л. Фетисенко, А.П. Дмитриева), а также Б.Ф. Егорова, И.А. Есаулова и других постепенно восстанавливается историческая справедливость. Из последних изданий можно вспомнить сборник ИРЛИ РАН под общей редакцией А.П. Дмитриева «Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии» (СПб., 2013), 2-е издание монографии Н.И. Цимбаева «Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века» (М., 2013), сборник републикаций «Иван Аксаков в воспоминаниях современников», составленный и прокомментированный Г.Н. Лебедевой (М., 2014), две монографии молодого хабаровского философа А.А. Тесли: «Первый русский национализм... и другие» (М., 2014) и «Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова» (СПб., 2015). В этом ряду можно рассматривать и материалы для летописи, подготовленные и изданные С.В. Мотиным в Уфе, в 2009–2015 гг. Широкий охват материала за 62 года жизни Ивана Сергеевича, включающий в себя большой круг лиц, начиная от высших сановников и выдающихся деятелей середины и второй половины XIX века, заканчивая простыми студентами и крестьянами, позволяет объективно взглянуть на его незаурядную личность. И.С. Аксаков представлен в летописи честным и проницательным мыслителем и общественным деятелем, далёким от идеализации русского мира и его славянских братьев. В многочисленных материалах высвечивается его трезвый взгляд на пороки и заблуждения не только бюрократической верхушки, но и всего русского общества в целом. Однако Иван Сергеевич рано осознал смертельную опасность для России, исходящую от набирающих силу и популярность в народе бесов будущей русской революции. Материалы для летописи его жизни и творчества дают возможность проследить день за днём, месяц за месяцем, год за годом изнуряющую борьбу этого богатыря отечественной мысли с соблазняющими и душащими русский народ государственной бюрократией и революционным террором. В конце жизни И.С. Аксаков был обвинён министром внутренних дел в отсутствии «истинного патриотизма». Эта формулировка больно задела Ивана Сергеевича, который посвятил всю передовую статью газеты «Русь» от 6 декабря 1885 г. разъяснению,

что для него значит «истинный патриотизм». Для Аксакова это было последнее столкновение с властями – 27 января 1886 г. он скончался. За день до кончины в письме Г.П. Галагану Аксаков писал: «Как трудно живётся на Руси!.. Есть какой-то нравственный гнёт, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не даёт установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы, и чувство безнадёжности, беспроглядности давят нас». К концу жизни моральный авторитет И.С. Аксакова в России и славянском мире был таков, что он был удостоен чести лечь в землю в Троице-Сергиевой лавре рядом с величайшими подвижниками и святыми, а его похороны превратились в демонстрацию народной любви и солидарности с его общественной позицией.

Летописный свод жизни и творчества И.С. Аксакова позволяет разглядеть в этом полузабытом мыслителе и общественном деятеле позапрошлого века яркую и самобытную личность, шедшую против господствующих течений своего времени и проложившую путь следующим поколениям писателей и мыслителей, не только на словах, но и на деле радеющих за русский народ, таких, как А.П. Чехов, И.А. Ильин, И.С. Шмелёв, А.И. Солженицын, В.Г. Распутин и другие.

Примечательно, что составитель данного труда определил его жанр как материалы к летописи, подчёркивая этим, что далеко не всё попало в его поле зрения, и для будущей настоящей летописи понадобится другой уровень обобщения и комментирования материала. Но мы, уфимцы, можем гордиться тем, что первые подступы к научной биографии И.С. Аксакова были созданы в нашем городе, недалеко от тех мест, где родился этот замечательный деятель русской культуры. Как отметил С.В. Мотин, «Данный проект завершён, но аксаковедение продолжается».

М.В. Медоваров
Между поэзией и бюрократией:
новое исследование об Иване Аксакове

См.: *Медоваров М.В.* Между поэзией и бюрократией: новое исследование об Иване Аксакове // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 292–299.

Рец.: *Мотин С.В.* Российский славянофил на правоохранительной службе. И.С. Аксаков – сотрудник министерства юстиции и министерства внутренних дел Российской империи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. 169 с.

За уфимским историком С.В. Мотиным давно и прочно закрепилась репутация одного из ведущих исследователей жизни и творчества И.С. Аксакова, а в некоторой степени и всего семейства Аксаковых, столь тесно связан-

ных с территорией бывшей Уфимской губернии. На протяжении шести лет стараниями С.В. Мотина вышли в свет шесть выпусков в двенадцати частях «Материалов для летописи жизни и творчества» его героя (Аксаков 2009–2015) – уникальный библиографический, источниковедческий и историографический справочник. Некоторые выпуски вышли уже вторым изданием, с учетом накопившихся исправлений. Снабженные указателями имен, писем, исследований, они не имеют прецедента в новейшей российской исторической науке. В советское время предпринимались попытки составить летописи жизни и творчества, расписав день за днем всю жизнь нескольких ключевых фигур: В.И. Ленина, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М. Горького. Аналогичный труд применительно к Ивану Аксакову появляется впервые, хотя, разумеется, данный формат был бы крайне востребован и для других русских мыслителей, публицистов, литераторов. Следует подчеркнуть, что если первые выпуски мотинской «Летописи...» опирались в основном на хорошо известный корпус источников по аксаковскому семейству 20–50-х гг. XIX в. (хотя и не только на них), то, как отмечал рецензент, «дальнейшая работа С.В. Мотина все в большей степени приобретает характер самостоятельного исследования» (Тесля 2013: 400). Фактически С.В. Мотин стал для Аксакова тем, кем Дж. Босуэлл был для С. Джонсона или Н.П. Барсуков – для М.П. Погодина.

Разумеется, ни один библиографический или источниковедческий справочник в мире не является исчерпывающе полным. «Летопись...» С.В. Мотина и не преследовала цель, к примеру, выявить абсолютно все единицы хранения в архивах России, где есть хоть какие-то упоминания об И.С. Аксакове. Этим объясняются и некоторые пропуски в библиографической характеристике С.Т. Аксакова, в частности, недавняя характеристика его роли в становлении рыболовства в России (Сидорчук 2016: 43–48). В то же время поразительна скромность самого автора-составителя С.В. Мотина: в алфавитном указателе к томам «Летописи...» мы почти не найдем статей о нем самом, за исключением лишь неполного перечня его работ об Аксакове (с. 282–290 последнего выпуска).

Между тем роль С.В. Мотина в той отрасли, которую он сам называет «Иван-Аксаковедением», выходит далеко за рамки «Летописи...». В частности, с 2005 г. он вносит вклад в подготовку изданий пятнадцати выпусков «Аксаковских чтений» (Аксаковские чтения 2015), семи выпусков «Аксаковского сборника» (Аксаковский сборник 2013; Аксаковский сборник 2016). В 2017 г. в Уфе увидел свет библиографический указатель литературы о семействе Аксаковых, охватывающий период с 1940 г. (Литература 2017). Вдохновленные уфимским примером, ульяновские краеведы также предприняли аналогичное начинание и стали периодически проводить у себя «Аксаковские чтения» (Аксаковской тропею 2016). Привлекли к себе внимание и некоторые отдельные статьи С.В. Мотина (Мотин 2014).

Своеобразным увенчанием данной деятельности С.В. Мотина стала его рецензируемая монография 2017 г., посвященная периоду служебной деятельности Ивана Аксакова. Все, кто интересовался публицистической деятельностью этого славянофила в 60–80-е гг. XIX в., знают, сколь острой и горячей была его неприязнь к чиновничеству и бюрократизму. Причины такого отношения коренятся в периоде молодости Аксакова, и новая монография позволяет в весьма лаконичной форме еще раз обратиться к ним.

Во введении к книге сразу же дается развернутый энциклопедический очерк всей жизни И.С. Аксакова от рождения до смерти (с. 4–18), дополненный очерком историографии о нем (с. 19–22). В последнем упомянуты все диссертации и монографии об Иване Сергеевиче, вплоть до самых новых и уже вызвавших оживленную дискуссию книг А.А. Тесли и Д.А. Бадаляна (*Тесля* 2015; *Бадалян* 2016).

Первая глава посвящена детству и отрочеству И.С. Аксакова. Сжатое хронологическое описание первых пятнадцати лет его жизни (с. 23–30) сменяется подробной характеристикой Училища правоведения как одного из ведущих образовательных учреждений России, особенностей его истории и функционирования (с. 31–38). О самом процессе обучения Аксакова в Училище правоведения, к сожалению, сказано лишь несколько слов, зато обстоятельного анализа удостоилось его выпускное сочинение 1842 г. «О характере уголовного процесса» (с. 41–51). На наш взгляд, публикация С.В. Мотиным данного источника, хранящегося в Отделе рукописей ИРЛИ, является крайне важной для истории русской общественной мысли, а вовсе не истории правоведения, как можно было бы предположить. Хотя 19-летний Аксаков писал эту работу в то время, когда славянофильство еще находилось в процессе формирования, а сам себя славянофилом он еще не считал, некоторые догмы будущего аксаковского мировоззрения уже бросаются в глаза. Таково утверждение о согласовании «внешнего» права с «внутренней» моралью (с. 43); аргументы в пользу публичного судопроизводства (с. 50–51). Отметим, однако, что при этом автор выступал против введения адвокатуры в России. Таким образом, выясняется, что вся позднейшая (после 1864 г.) позиция Аксакова, который будет резко критиковать пореформенный суд с присяжными и адвокатами, но останется категорическим противником возвращения к старому дореформенному суду, уже содержалась в зародыше в его юношеском выпускном сочинении!

Вторая глава монографии (с. 52–83) охватывает годы службы И.С. Аксакова в Министерстве юстиции. Помимо его послужного списка, основное внимание уделено обстоятельствам написания социально-критической поэмы «Зимняя дорога» и других стихотворений, путь которых через цензурные препятствия занял полтора года. В эти годы, как известно, Аксаков служил в Калуге, где у него сложились далеко не лучшие отношения с губернаторшей А.О. Смирновой-Россет – прежде всего, из-за их различного отношения к новому курсу Н.В. Гоголя. Лишь в 1847 г., после публикации «Вы-

бранных мест из переписки с друзьями», Иван Аксаков найдет в себе силы, вопреки мнению всего своего семейства, одобрить Гоголя (*Медоваров 2007*). Однако о Калуге у него навсегда останутся не лучшие воспоминания. Именно там неприятие «старого суда» у Аксакова окончательно закрепилось (с. 75). Именно на основе своих калужских впечатлений о судопроизводстве в 1853 г. Аксаков создаст свои «Судебные сцены», спустя пять лет опубликованные в герценовской «Полярной звезде» (с. 76–80).

В монографии С.В. Мотина не вполне ясно очерчены обстоятельства недолгой службы Аксакова при Сенате в 1847–1848 гг., завершившейся его переходом в Министерство внутренних дел. Периоду выполнения особых поручений по линии МВД посвящена третья глава рецензируемого труда. Как известно, это период сложных и увлекательных секретных командировок Аксакова в Бессарабскую (1848–1849 гг.) и Ярославскую (1849–1851 гг.) губернии, в основном связанных с изучением старообрядцев, в промежутке между которыми он успел подвергнуться краткосрочному аресту наряду с другими славянофилами. Хотя протокол допроса Аксакова и его ответов на вопросы III Отделения с комментариями Николая I хорошо известен, однако С.В. Мотину удалось органично включить его в свою книгу и показать место данной пятидневной «передряги» в жизни своего героя (с. 90–100). Еще одним важнейшим источником данного периода «мрачного семилетия» является записка Ивана Аксакова «О служебной деятельности», пронизанная пессимизмом по отношению и к бюрократии, и к народу, и более оптимистичский, хотя и более наивный, ответ старшего брата Константина на нее (с. 101–109). Вместе с тем бросается в глаза, что обоих братьев, как и все их семейство, роднила склонность к моральному ригоризму в частной и общественной жизни, которая станет отличительной чертой именно «аксаковского» крыла в славянофильстве (*Медоваров 2016*).

Третья глава монографии завершается рассмотрением трагических событий весны 1851 г. (с. 115–121), когда министр внутренних дел Л.А. Перовский, хотя и убедился в том, что поэма Аксакова «Бродяга» не содержит в себе ничего предосудительного и даже одобрена III Отделением, тем не менее предписал ее автору прекратить любые литературные труды. Вспыльчивый Аксаков ответил отказом и добровольно вышел в отставку. Первая фраза из его письма к министру поражала современников своей «дерзостью»: «Не только правом, но и обязанностью своею считаю объяснить Вашему сиятельству, что не служба терпит от моих литературных занятий, а литературные занятия, нравственное и умственное образование мое принесены в жертву службе» (с. 116). Современники сходились в том, что если бы не резкий ответ Аксакова, Перовский не стал бы реально препятствовать дальнейшему сочинительству своего сотрудника. Однако Аксаков пошел «на принцип» и в возрасте 27 лет оставил государственную службу, причем «увольнительную» ему выдали безупречную, дававшую право на возобновление «беспорочной» государственной службы в любой момент. Но данным правом Аксаков уже

никогда не воспользуется, хотя и будет еще служить государству на общественных и добровольных постах, но не на ведомственных. Своеобразной эпитафией своей служебной молодости стало его стихотворение под названием «Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим в государственной службе» (с. 138–139).

Столкновение Аксакова с Перовским выходит за рамки частного случая и знаменует собой определенные изменения в общественной атмосфере середины XIX в. Близившаяся эпоха Великих реформ увидит множество подобных идеологически мотивированных отставок. Иван Аксаков был одной из первых ласточек новых веяний, и данная тема является актуальной всегда и везде, где бюрократическое нормирование препятствует естественным процессам общественного развития.

В качестве приложений в монографию С.В. Мотина включены тексты автобиографии Аксакова 1862 г., его самое первое юношеское сочинение о русской литературе 1841 г., уже полное чисто славянофильских утверждений, и некоторые другие документы. Отдельно следует подчеркнуть биографический и историографический очерк С.В. Мотина о Константине Аксакове (с. 140–148), приуроченный к 200-летию мыслителя и содержащий прекрасный обзор исследований о нем – которых, к сожалению, до сих пор меньше, чем о его младшем брате Иване.

В самом деле, в последние годы в отечественной исторической науке происходит уже второй «бум» интереса к Ивану Аксакову, чего нельзя сказать о Константине. Первый пик интереса к лидеру второго поколения славянофилов пришелся на середину 70-х – середину 80-х гг. XX в. и ознаменовался, в частности, плодотворной дискуссией Н.И. Цимбаева и В.А. Китаева, в ходе которой было прояснено положение И.С. Аксакова между консервативной и либеральной идеологией (Цимбаев 1978; 1986; Китаев 1974; 1980; 1984; 2016: 158–163).

Вторая волна внимания к И.С. Аксакову захлестнула Россию в последние годы. Бурную дискуссию спровоцировала сначала книга А.А. Тесли (Тесля 2015; Китаев 2015; Медоваров 2016), а затем монография Д.А. Бадаляна (Бадалян 2016; Тесля 2017). В 2015 г. усилиями сотрудников Института русской литературы РАН было начато издание академического собрания сочинений И.С. Аксакова (Аксаков 2015); чуть ранее увидел свет интересный сборник воспоминаний и некрологов современников, посвященных великому публицисту (Аксаков 2014). Издания С.В. Мотина укладываются в эту же тенденцию и своей библиографической и источниковедческой фундированностью стимулируют дальнейшие исследования наследия Ивана Аксакова. Общественно-политические причины такого всплеска интереса к, казалось бы, не самому крупному русскому общественному деятелю XIX в. не вполне ясны и заслуживают отдельного обсуждения. С уверенностью можно сказать, что в ближайшем будущем эта тенденция сохранится.

Источники и материалы

Аксаков 2009–2015 – Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. В 6 вып., в 12 ч. Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2015. Вып. 6. Ч. 2. С. 282–290.

Аксаков 2014 – Иван Аксаков в воспоминаниях современников. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Аксаков 2015 – Аксаков И.А. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 1. Кн. 1, 2. СПб.: Росток, 2015.

Аксаковские чтения 2015 – XV Аксаковские чтения. Уфа: Издательство БГПУ, 2015.

Аксаковский сборник 2013 – Аксаковский сборник. Вып. VI. Уфа: Словохотов А.А., 2013.

Аксаковский сборник 2016 – Аксаковский сборник. Уфа: Издательство БГПУ, 2016.

Аксаковской тропой 2016 – Аксаковской тропой...: сборник материалов по итогам межрегиональной научно-практической конференции «IV Аксаковские чтения», посвященной 225-летию со дня рождения С.Т. Аксакова. Ульяновск: Ульяновская областная библиотека для детей и юношества имени С.Т. Аксакова, 2016.

Библиографический список

Бадалян 2016 – Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1870-х годов. СПб.: ООО «Издательство Росток», 2016.

Китаев 1974 – Китаев В.А. Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И.С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX в.): учебное пособие. Горький: Горьковский государственный университет, 1974.

Китаев 1980 – Китаев В.А. Рец.: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978 // Вопросы истории. 1980. № 7. С. 135–138.

Китаев 1984 – Китаев В.А. Славянофилы после отмены крепостного права: учебное пособие. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1984.

Китаев 2015 – Китаев В.А. Рец.: Тесля А.А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 799 с. // Историческая экспертиза. 2015. № 2. С. 142–151.

Китаев 2016 – Китаев В.А. Общественная мысль и историческая наука в России XVIII–XX вв.: проблемы историографии. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2016.

Литература 2017 – Литература о семье Аксаковых (библиографический указатель за 1940–2017 годы) / сост. Е.С. Корионова, П.И. Федоров; отв. ред. В.В. Борисова. Уфа: Словохотов А.А., 2017.

Медоваров 2007 – *Медоваров М.В.* К вопросу о единомышленниках Н.В. Гоголя в 40-е годы XIX века // Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 4–5. Н.Новгород: ННГУ, 2007. С. 158–163.

Медоваров 2016 – *Медоваров М.В.* Иван Аксаков как психологический и религиозный тип // Российская история. 2016. № 1. С. 155–159.

Мотин 2014 – *Мотин С.В.* «...Вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем Великий спор» (к истории взаимоотношений И.С. Аксакова и В.С. Соловьева) // Соловьевские исследования. 2014. № 2 (42).

Мотин 2017 – *Мотин С.В.* Российский славянофил на правоохранительной службе. И.С. Аксаков – сотрудник министерства юстиции и министерства внутренних дел Российской империи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017.

Сидорчук 2016 – *Сидорчук И.В.* История любительского рыболовства в России. СПб.: РГНФ, 2016.

Тесля 2013 – *Тесля А.А.* «Не возлюбивши покоя». Рец. на кн.: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 3. В 2 ч. 1851–1860. Уфа: УЮИ МВД России, 2011 // София: альманах. Вып. 3: Евразийство и А.Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Словохотов А.А., 2013. С. 400–405.

Тесля 2015 – *Тесля А.А.* «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015.

Тесля 2017 – *Тесля А.А.* Иван Аксаков как издатель «Руси». Рец.: Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1870-х годов. СПб.: ООО «Издательство Росток», 2016. 360 с. // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 162–168.

Цимбаев 1978 – *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

Цимбаев 1986 – *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

Семья Аксаковых в книжной серии «Славянофильский архив»

См.: *Мотин С.В.* Семья Аксаковых в книжной серии «Славянофильский архив» // *Мотин С.В.* «Я на тихой лире буду петь любовь»: аксаковедческие заметки и статьи 2020/21: в 2 частях. Часть 1. Уфа: издатель А.А. Словохотов, 2022. С. 69–73.

Большой вклад в развитии аксаковедения в последнее десятилетие вносит Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Именно при этом Центре, начиная с 2011 года,

издается серия книг под названием «Славянофильский архив». За восемь лет в двух петербургских издательствах («Пушкинский Дом» и «Росток») изданы девять книг, пять из которых непосредственно связаны с представителями славной аксаковской семьи.

В октябре 2006 г. состоялась конференция, посвященная 150-летию славянофильского журнала «Русская Беседа». Эту конференцию проводил музей-заповедник «Абрамцево». Известно, что владельцы усадьбы – Сергей Тимофеевич Аксаков и его дети Константин и Иван – сыграли в судьбе «Русской беседы» особую роль. Издательским итогом этого научного форума стала опубликованная в 2011 г. книга, соединившая жанровые признаки коллективной монографии, академических сборников и полного библиографического описания. Вышедшей в свет книге суждено было открыть новую академическую серию под названием «Славянофильский архив».

1. «Русская Беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. 568 с.: ил. (Славянофильский архив. Кн. I).

Первая книга «Славянофильского архива» посвящена уникальному изданию, выходившему в Москве в 1856–1860 гг., – журналу «Русская беседа» (всего за 5 лет было опубликовано 20 томов), собравшему вокруг себя самых ярких представителей славянофильского направления: А.С. Хомякова, К.С., И.С. и С.Т. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских, А.И. Кошелева, Н.П. Гилярова-Платонова, В.А. Черкасского и других. Первую часть книги составили статьи об истории журнала, его издателя, редакторах и основных авторах. В том числе отдельные статьи посвящены отцу и сыновьям Аксаковым. В раздел «Материалы» вошли не переиздававшиеся, за редким исключением, редакционные статьи, а также ряд публикаций архивных документов. Один из подразделов связан с инициативой И.С. Аксакова по переводу наиболее важных статей «Русской беседы» на немецкий язык Фр. фон Боденштедтом, которым в 1862 г. был издан в Германии двухтомник избранных славянофильских статей. Завершают книгу полная роспись содержания журнала, где впервые установлено авторство ряда опубликованных в «Русской беседе» текстов, аннотированный указатель «Авторы “Русской беседы”» и указатель имен.

2. *Аксакова В.С. Дневники. Письма* / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова; ИРЛИ РАН. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. 592 с., [32] с. ил. (Славянофильский архив. Кн. II).

Во второй книге «Славянофильского архива» впервые дает читателю наиболее полное представление о жизни и творчестве Веры Сергеевны Аксаковой, старшей и любимой дочери писателя С.Т. Аксакова. Ее творческое наследие представлено двумя дневниками (1854–1855 и 1860 годов) и малоизвестными, не публиковавшимися письмами 1860 г. Дополнительно печатаются письма В.С. Аксаковой родным и друзьям, а также семейные письма,

относящиеся к трагическим событиям, связанным с предсмертной болезнью и кончиной выдающегося славянофила К.С. Аксакова (1860). Дневник 1854–1855 годов и письма печатаются по автографам и сопровождаются обстоятельным комментарием. Самостоятельный интерес представляет подробная история первых изданий дневников В.С. Аксаковой.

3. Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко, В.И. Шведов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 712, [16] с. ил. (Славянофильский архив. Кн. III).

В третьей книге «Славянофильского архива» представлена переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, выдающихся общественных деятелей, сыгравших огромную роль в социально-политической и духовной жизни России XIX в. Никогда прежде их письма не собирались воедино, а отношения – личные и творческие – не исследовались так обстоятельно. Переписка велась на протяжении почти 30 лет, с 1848 г. и до смерти Самарина в 1876 г.; из 133 писем, публикуемых в данной книге, 105 печатаются впервые. Все письма воспроизводятся по автографам, без купюр и сопровождаются обстоятельными комментариями, которые знакомят читателей с жизнью и творчеством корреспондентов в широком контексте социальных и культурных исканий русского общества 1840–1870-х гг., с судьбами славянофильства в пореформенное время.

4. Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Изд. подгот. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 600 с., [8] с. ил. (Славянофильский архив. Кн. IV).

Четвертую книгу серии «Славянофильский архив» продолжает первое научно подготовленное издание эпистолярного комплекса, ранее известного лишь специалистам, – многолетней переписки (170 писем) семьи Аксаковых, в основном И.С. Аксакова, с Надеждой Степановной Соханской (1823–1884), писательницей, выступавшей под псевдонимом «Кохановская» и с 1859 г., на протяжении четверти века, связавшей свою литературную судьбу с кругом московских славянофилов. Содержащая ценные исторические сведения переписка погружает читателя в писательские и журналистские будни эпохи Великих реформ и в то же время затрагивает «вечные вопросы». Тексты печатаются по автографам, без купюр, ряд писем публикуется впервые.

5. Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Изд-во «Росток», 2018. 672 с.: ил. (Славянофильский архив. Кн. 4).

В еще одной четвертой книге серии опубликована переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями: П.А. Бессоновым (92 письма), П.А. Васильчиковым (17 писем), Н.П. Гиляровым-Платоновым (53 письма), Н.Н. Дурново (10 писем), К.П. Победоносцевым (78 писем) и М.А. Хомяковой (4 письма). Этот сборник – ценный источник для исследований политической, социальной и литературной жизни пореформенной России.

И.С. Аксаков был вовлечен во многие события в жизни страны, имел круг общения и переписки, включавший сотни людей. Среди них – обер-прокурор Св. Синода, министры, члены Государственного совета, а также большой ряд общественных деятелей, единомышленников и оппонентов. Переписка Аксакова запечатлела реакцию различных общественных сил на многие события в жизни страны, будь то реформы 1860-х гг., земское движение, Русско-турецкая война, кризис власти рубежа 1870–1880-х гг., попытка учреждения Земского собора, славянофильские издания, театральные премьеры, литературные новинки, полемика в прессе и борьба с цензурой.

6. «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Изд-во «Росток», 2017. Ч. 1. 816 с.: ил. (Славянофильский архив. Кн. 5).

Пятая книга серии посвящена славянофильской газете «День», издававшейся в 1861–1865 гг. Самое знаменитое русское периодическое издание эпохи Великих реформ – еженедельная газета «День» – стало первым многолетним личным органом выдающегося публициста-славянофила, поэта и общественного деятеля И.С. Аксакова. Настоящий сборник включает, во-первых, работы аксаковедов о газете «День», как правило, базирующиеся на впервые вводимых в научный оборот источниках; во-вторых, извлеченные из архивов и снабженные необходимым историко-литературным, лингвистическим и текстологическим комментарием письма И.С. Аксакову (их 139), цензурные документы и творческие рукописи; в-третьих, полное библиографическое описание всех 208 номеров «Дня» (с 2077 основными публикациями и всеми помещенными в нем объявлениями), где впервые установлено авторство многих неподписанных или напечатанных под псевдонимами материалов, и, наконец, краткий Биографический указатель «Авторы газеты “День” (1861–1865)».

Таким образом, в серии «Славянофильский архив» из аксаковского наследия, в основном, издается переписка И.С. Аксакова. В Пушкинском Доме начата и публикация его Собрания сочинений в 12 томах. Также вышел из печати и первый том 10-томного Собрания сочинений и писем К.С. Аксакова. Кроме того, идет подготовка к изданию Собрания сочинений С.Т. Аксакова в 12 томах. Поэтому надеемся, что в ближайшем будущем появятся, в том числе и в качестве спутников аксаковских Собраний сочинений, новые тома книжной серии «Славянофильский архив».

Аксаковы в диссертации, посвященной Н.П. Гилярову-Платонову

См.: *Мотин С.В.* Аксаковы в диссертации, посвященной Н.П. Гилярову-Платонову // *Мотин С.В.* «Я на тихой лире буду петь любовь»: аксаковедческие заметки и статьи 2020/21: в 2 частях. Часть 1. Уфа: издатель А.А. Словохотов, 2022. С. 286–293.

В 2019 году Андрей Петрович Дмитриев – руководитель Центра по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН – успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов». В научной работе значительное место занимает исследование взаимоотношений главного героя с С.Т., К.С. и И.С. Аксаковыми, которые эскизно проследим, используя текст диссертации.

Н.П. Гиляров-Платонов (1824–87) – ученый, публицист, редактор-издатель, религиозно-общественный деятель, сын священника (по отцу он Никитский). Свою фамилию Гиляров (от *лат.* *hilarus* – веселый) получил в 1831 г. при поступлении в Коломенское духовное училище. В дальнейшем фамилию Гилярова-Платонова будем указывать усеченно – без второй части «Платонов», которой он удостоился в 1846 г., обучаясь в Московской духовной академии, как стипендиат митрополита Платона (Левшина).

Гиляров – выпускник Коломенского духовного училища (1838), Московских семинарии (1844) и Духовной академии (1848). Затем магистр богословия, бакалавр Академии по кафедре библейской герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересях и расколах, с сентября 1854 г. – преподаватель русской церковной археологии и истории раскола в России на Миссионерском отделении. В 1855 г. из-за конфликта с митрополитом Филаретом (Дроздовым) подал прошение об отставке с должности преподавателя Академии. С этого времени Гиляров – активный участник литературно-общественного процесса, сотрудничавший со многими изданиями своего времени, в первую очередь – славянофильскими. В 1856–62 гг. был членом Московского цензурного комитета, в 1863–68 гг., занимал должность управляющего Московской Синодальной типографией, в 1867–87 гг. являлся бесменным редактором-издателем ежедневной московской газеты «Современные Известия».

Автор исследования отмечает: «Один из учеников Гилярова, публицист и прозаик И.Ф. Романов-Рцы, не случайно называл его “гением-энциклопедистом”. И действительно, в его щедро одаренной натуре видится нечто, – не побоимся этого сравнения, – возрожденческое: он и историк философии, и литературный критик, и богослов (причем весьма разносторонний – и исследователь старообрядчества, и экзегет, и церковный историк, и специалист по литургике, пастырскому и сравнительному богословию, и религиозный публицист), и филолог, и экономист, и социолог, автор многочисленных статей по политическим, общественно-церковным, педагогическим и юридическим вопросам, и, наконец, литератор и мемуарист, чьи произведения своей художественно-образной выразительностью и стилистическими достоинствами не уступают подчас творениям писателей первого ряда».

Из 33 глав диссертации восемь, то есть почти четверть, непосредственно связаны с тремя представителями семьи Аксаковых (с отцом и сыновьями

Константином и, особенно, Иваном, с которым Гиляров состоял в дружеских отношениях на протяжении 30 лет).

С весны 1852 г. Гиляров, будучи бакалавром Московской духовной академии, сближается с кружком славянофилов и становится своим человеком в доме Аксаковых в Абрамцево. Князь Н.В. Шаховской в одной из своих биографических статей зафиксировал: «А.С. Хомяков и Аксаковы познакомились с Гиляровым в одно из посещений Троице-Сергиевой лавры, куда особенно часто езжали Аксаковы ввиду близости от Троицы их имения Абрамцево, находящегося около Хотькова. Из сохранившегося в семье Гилярова предания об этом знакомстве мы узнали, что оно состоялось после того, как либо Константин Аксаков, либо Хомяков, попав на лекцию Гилярова в Московскую духовную академию, поразился сходством направления, которое проводилось с кафедры молодым бакалавром, с тем, которое высказывалось славянофилами». А.П. Дмитриев нашел свидетельство публициста и педагога А.П. Владимирова, обучавшегося в Московской духовной академии в 1848–1852 гг., о том, что в 1852 г. лекции Гилярова посещал С.Т. Аксаков.

Начиная с января 1853 г. Гиляров с женой регулярно навещался в Абрамцево, а Аксаковы, бывая у Троицы, обыкновенно встречались с Гиляровым. В письмах к кузине М.Г. Карташевской в Петербург, которые В.С. Аксакова писала с завидной регулярностью не реже одного раза в неделю, удалось обнаружить упоминание о первом посещении Гиляровым имения Абрамцево, состоявшемся 24 января 1853 г. Оно зафиксировано в письме Веры от 26 января.

Для Гилярова довольно частое посещение Абрамцево было своего рода отдушиной. Здесь он – чуть ли не впервые в своей жизни – попадал в родственную, теплую атмосферу, причем проникнутую высокими духовными интересами, где мог высказать задушевные мысли, поделиться самым сокровенным. В.С. Аксакова, например, записывает в дневнике (19 апреля 1855 г.), что он «сообщал любопытные свои расследования и открытия в памятниках древнего церковного пения», «много рассказывал <...> чрезвычайно любопытного о своем детстве, юношестве». Известно, что, обучаясь в семинарии, Гиляров серьезно подумывал о будущем писательстве, в его архиве сохранились историческая повесть, рассказы, стихотворения. Во многом именно поэтому наиболее притягательным для него членом семейства был, конечно, С.Т. Аксаков, пред талантом которого он преклонялся и в молодости, и на склоне лет.

Из семьи Аксаковых ближе всех к Гилярову был Константин. Когда они познакомились в 1852 г., им было соответственно 28 и 35 лет. Они регулярно навещали друг друга, но жажда общения была столь велика, что и переписывались, причем эта переписка была вполне откровенной, поскольку ее содержание не контролировалось почтовыми чиновниками-перлюстраторами (письма из Абрамцево в Сергиев Посад и обратно доставлялись посыльными). До наших дней дошли только ответы Гилярова за 1853–57 гг. (хранятся

в РНБ и ИРЛИ) – их 12 (письма К.С. Аксакова сгорели во время пожара на даче Гилярова в 1858 г.).

В диссертации впервые освещается тот факт, что 1853 год в семье Аксаковых был отмечен повышенным интересом к спиритическим явлениям, так что вечерами с ранней весны по позднюю осень гостиняя Абрамцева нередко отдавалась под опыты по столоверчению и стологаданию. Кратковременный интерес к спиритизму в семье Аксаковых послужил Константину Сергеевичу темой для его трактата «О так называемом чудесном, или сверхъестественном» (1854). Он не был опубликован – возможно, не в последнюю очередь из-за серьезной критики, которой его подверг Гиляров. Хотя нелишне упомянуть, что именно семейство Аксаковых и дало впоследствии России крупнейшего специалиста в области спиритизма – А.Н. Аксакова.

Авторитет Гилярова как богослова и, кроме того, основательного знатока Гегеля был непререкаем в славянофильском кругу. Вскоре после знакомства со славянофилами он уже оказался востребованным автором ряда программных статей в «Русской Беседе» по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии; а получив в мае 1856 г. место цензора, огорждал любимое детище славянофилов от репрессивных мер. Все девять своих статей, опубликованных в «Русской Беседе», Гиляров считал чуть ли не наиболее ценным из всего написанного им.

Если не считать богословских сочинений, публиковавшихся в специальном академическом журнале «Прибавления к Творениям Св. Отцов», то гиляровским дебютом в печати стала открывшая критический отдел первой книги «Русской Беседы» обстоятельная рецензия на «Семейную хронику» и «Воспоминания» С.Т. Аксакова, которой была уготована роль литературного манифеста славянофильства.

Немало тревог (а нередко и административных взысканий) доставило Гилярову цензурирование славянофильских изданий: «Сельского Благоустройства», «Молвы», «Паруса», «Дня». Гиляров часто оказывался в двусмысленной ситуации, поскольку друзья-славянофилы видели в нем, государственном чиновнике, осуществлявшем надзор над литературой, чуть ли не единственную компетентную силу, способную отстоять важные для них статьи. При этом он зачастую рисковал потерять место службы. Так, цензурирование в 1857 г. газеты «Молва», которую издавал К.С. Аксаков, доставило ему три административных взыскания Главного управления цензуры: в том числе и 23 декабря строгий выговор за получившую большую известность статью К.С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ» (№ 36 от 14 декабря). Эта публикация вызвала недовольство Александра II, и от увольнения Гиляров был спасен лишь своим покровителем графом Д.Н. Блудовым. 26 ноября 1858 г. Гилярову было объявлено строгое замечание за пропуск в печать объявления об издании газеты И.С. Аксакова «Парус», в котором содержались сведения, отсутствовавшие в официально утвержденной программе этого издания.

С первых же номеров издания газеты «День» (1861–1865) Гиляров имел к нему самое непосредственное отношение – и как автор статей на самые разные темы, и как цензор. В диссертации впервые по вновь выявленным архивным материалам проанализированы столкновения Гилярова-цензора с Аксаковым. В газете «День» Гиляров опубликовал шесть статей. Писал он в газету, как правило, не по своей инициативе, а уступая настойчивым уговорам Аксакова – дать статью-комментарий к публикации на неоднозначную, чаще всего религиозно-философскую, тему. Здесь же показано, как обострение одного из конфликтов, разгоревшегося из-за статьи Гилярова «По поводу будущего суда присяжных» (1862. № 45, 46 и 49 от 10, 17 ноября и 8 декабря), привело к литературному скандалу, чуть было не закончившемуся дуэлью. Эта статья, растянувшаяся на три номера, да так и оставшаяся незаконченной, принадлежит не только к лучшим, наиболее продуманным философским произведениям Гилярова, но и может по праву считаться программной для всего славянофильского кружка. Здесь Гиляров подробно исследует основополагающие черты русского национального характера и в свете этого показывает различные «за» и «против» введения суда присяжных в России.

Сохранившаяся двусторонняя переписка И.С. Аксакова и Гилярова охватывает 30-летний период дружеского общения и творческого сотрудничества – с 1855 по 1885 год – и затрагивает широкий тематический спектр от вопросов международной политики, проблем цензурного ведомства и противодействия революционному движению – до обмена сведениями о близких родственниках и друзьях. Письма отложились в нескольких архивохранилищах: ИРЛИ, РНБ, РГАЛИ. Однако при этом следует учитывать, что корреспонденты жили в одном городе, 1–2 раза в неделю встречались (известно, что Гиляров регулярно посещал «субботы» Аксаковых, а И.С. Аксаков бывал на гиляровских «воскресеньях»). Поэтому обнаруженные в архивах 53 письма – это довольно большой эпистолярный комплекс. Взаимоотношения Гилярова и И.С. Аксакова не всегда были безоблачными, они переживали периоды охлаждения, порой довольно резкого (когда Гиляров цензурировал славянофильские издания и не хотел, рискуя своей должностью, отстаивать те или иные материалы, непроходимые в цензурном отношении). Но все же цену они друг другу всегда знали. Мемуарные оценки, данные Гиляровым И.С. Аксакову, по праву относятся к лучшему, что написано о нем. Не менее одобрительно обычно высказывался (причем заглазно) о Гилярове И.С. Аксаков.

Когда по кончине И.С. Аксакова его вдова Анна Федоровна переиздала книгу мужа о своем отце, Ф.И. Тютчеве, и попросила Гилярова откликнуться на нее в «Современных Известиях», можно было не сомневаться, что его рецензия, несмотря на теплые отношения, связывавшие его с семейством почившего писателя, будет написана со знанием дела и вполне беспристрастно. Вот почему тем более показательно, что свой отзыв Гиляров начинает эпитетами в превосходной степени: «Историко-критическое исследование о Тют-

чеве, скромно и даже не совсем соответственно названное “Биографиєю”, безусловно, есть лучшее из всех произведений покойного публициста, глубокое и блестящее». А затем оно прямо ставится на пьедестал: «...“Биография Тютчева” есть не только лучшее произведение Аксакова, но, без преувеличения сказать, лучший критический труд по истории русской литературы вообще. Мы, по крайней мере, не знаем монографии ни об одном из наших писателей, которая по глубине, тонкости и обстоятельности разбора равнялась бы с произведением Аксакова о Тютчеве». Таким образом, Гиляров на примере исследования И.С. Аксакова о Тютчеве (к которому вполне можно применить известное выражение Фета – «томов премногих тяжелей») первый по достоинству оценил его выдающийся вклад в русскую литературную критику и литературоведение.

Гиляров в конце своей жизни оказался последним из тех, кто входил в тесный славянофильский кружок в 1850-х – начале 1860-х годов, наряду со своим приятелем И.С. Аксаковым, которого пережил всего на полтора с небольшим года.

Завершая наш краткий обзор, отметим следующее. Во-первых, подчеркнем уникальность вышедшего в свет обширного исследования о жизни и творчестве Н.П. Гилярова-Платонова. Во-вторых, если говорить о взаимоотношениях Гилярова с аксаковским окружением, описанным и проанализированным в диссертации, то в основном необходимо выделить творческие контакты главного героя с С.Т. Аксаковым и его сыновьями – Константином и, особенно, Иваном, а также – еще малоизученные и требующие дальнейших исследований – встречи с Александром Николаевичем Аксаковым.

Обзор второго тома «Славянофильство и западничество» из нового Собрания сочинений И.С. Аксакова в 12 томах

Подр. см.: *Мотин С.В.* Обзор второго тома «Славянофильство и западничество» из нового Собрания сочинений И.С. Аксакова в 12 томах (https://vk.com/aksakovskii_musei?w=wall-85216939_2786 – размещено 06.12.2022 г.).

Аксаков И.С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2: Славянофильство и западничество / Ред. коллегия: Е.И. Анненкова, Д.П. Бак, А.Г. Гачева, А.П. Дмитриев, Б.Ф. Егоров, С.В. Мотин, Д.А. Федоров; издание подгот. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2022. 896 с., ил. Тираж 300 экз.

Все ссылки на данное издание представлены ниже в круглых скобках с указанием использованных страниц.

Книгу можно купить на сайте петербургского издательства «Росток». (См.: <http://rostokbooks.ru/book/341>).

«<...> знамя нашей газеты <”День”> есть знамя “Русской Беседы”, знамя русской народности, понятой и определенной <Иваном Васильевичем и Петром Васильевичем> Киреевскими, <Алексеем Степановичем> Хомяковым, Аксаковым Константином <Сергеевичем> и всей так называемую славянофильскую школой».

И.С. Аксаков в 1861 году (с. 11)

«<...> так называемых «славянофилов» (говорим «так называемых» потому, что ни К.С. Аксаков, ни <А.С.> Хомяков, ни Юрий <Федорович> Самарин, ни другие литературные и общественные деятели одного с ними направления не любили этой клички и сами себя так не называли)».

И.С. Аксаков в 1881 году (с. 409)

«<...> мы отмечаем здесь лишь исторический факт, служащий нам точкой отправления для уразумения особого призвания России в истории – ее *противоположения* на всемирно-исторической арене Западу. <...> противопоставляя Россию Западу, мы находимся по отношению к нему в положении не наступательном, агрессивном, а лишь *оборонительном*, – и, как мы уже сказали и прежде, – не ради азиатских наших владений содержим мы громадную армию, а ради высокопросвещенного и высококультурного Западу и ради отпора его притязаниям, его *Drang’u nach Osten*».

И.С. Аксаков в 1884 году (с. 612, 613)

В 2015 году вышел из печати первый том (в двух книгах) нового Собрания сочинений Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886), выдающегося русского мыслителя и общественного деятеля, публициста и правоведа, поэта и литературного критика, одного из вождей славянофильства и основоположников национально ориентированной идеологии.

В ноябре 2022 года опубликован долгожданный второй том. Его к печати подготовили: Андрей Петрович Дмитриев (руководитель Центра по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени Института русской литературы РАН) и Денис Александрович Федоров (журналист и историк). Этот том – важнейший из всего Собрания сочинений И.С. Аксакова. И, надо сказать, что издан он весьма своевременно – ведь, менее чем через год мы будем отмечать 200-летний юбилей Ивана Сергеевича Аксакова.

Славянофильство и Западничество; Славянофилы (Восточники) и Западники; Консерваторы и Либералы; Славяне и Запад; Россия и Европа; Православие и Католичество; Государство, Общество и Земля (Народ) – вот, пожалуй, ключевые слова этого издания.

Второй том впервые был издан в 1886 году в составе посмертного Собрания сочинений И.С. Аксакова в 7 томах (Сочинения И.С. Аксакова. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. II: Славянофильство и западничество, 1860–

1886) и спустя всего пять лет без каких-либо изменений и дополнений был переиздан (*Аксаков И.С. Сочинения. Изд. 2-е. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1891. Т. II*).

Во второй том нового собрания сочинений И.С. Аксакова вошли произведения, посвященные взаимоотношениям русско-православной, национально ориентированной идеологии – с либерально-западнической, опирающейся на ценности и достижения католическо-протестантской цивилизации. Центральное место среди них занимают передовые статьи о русском мировоззрении, о месте России в европейском сообществе, о самобытном пути ее исторического развития. Ряд материалов – не пропущенные цензурой статьи, заготовки для передовиц, неизвестные редакции статей – извлечен из архивов и публикуется впервые (с. 4).

Книга содержит статьи и заметки И.С. Аксакова из газет «День» (1861–1865) – здесь 51 публикация (с. 9–264), «Москва» и «Москвич» (1867–1868) – 14 публикаций (с. 267–326) и «Русь» (1880–1885) – 59 публикаций (с. 329–644); другие редакции, варианты, наброски – 6 публикаций (с. 647–683); список сокращений (с. 684–685); комментарии (с. 686–851); список иллюстраций – их 27 (с. 852–853), аннотированный указатель имен (с. 854–887). А открывают том предисловие Н.П. Гилярова-Платонова к первому изданию (с. 5–6) и «Несколько слов по поводу второго издания» Р.С. Россоловского (с. 6), завершает издание заметка А.П. Дмитриева «Светлой памяти Б.Ф. Егорова» (с. 888–890). В этом томе из 130 статей и заметок – 36 опубликованы впервые.

Предисловие было написано другом и единомышленником И.С. Аксакова – Никитой Петровичем Гиляровым-Платоновым по просьбе Анны Федоровны Аксаковой (урожд. Тютчевой). Композиционно в Предисловии можно выделить три части: в первой дается краткий тематический обзор материалов, составивших том, во второй определяется специфический вклад И.С. Аксакова в развитие славянофильского учения и, наконец, в третьей он характеризуется как писатель, художник слова (с. 686). Вот, в частности, о чем пишет Н.П. Гиляров-Платонов:

«В этом томе, под общим заглавием “Славянофильство и западничество”, помещаются те статьи И.С. Аксакова, в которых по преимуществу раскрывались самые основы славянофильского учения о русской народности, о русской самобытности, о развитии народного самосознания, об отношениях России к западноевропейскому миру, о различии начал и задач русской и западноевропейской жизни, о различии древнерусского допетровского и нового послепетровского строя и развития русской жизни, о жалких последствиях отступления от народных начал, искажениях народности, подделке под народность и т. под. Об этих предметах всего больше любил говорить И<ван> С<ергеевич>, находя разьяснение их в высшей степени необходимым для развития общественного самосознания. <...>

Писанные по разным случаям, на разные темы, статьи И.С. являются при этом все проникнутыми одною общею мыслию, одним неизменно вер-

ным себе и горячим убеждением, являются раскрытием одного и того же учения в разных его сторонах и применениях, и притом учения в высшей степени самобытного и народно-русского. И в этом-то заключается причина, почему публицистические статьи И.С. не только могли иметь значение для современных ему читателей, но, может быть, еще более будут иметь для поколений позднейших, воспитывая их в духе самобытного, народного русского воззрения. <...>

Наследник лучших литературных традиций, человек с высокоразвитым эстетическим вкусом и природным, можно сказать, наследственным литературным талантом, строгий читатель и блюститель достоинства литературной формы, чистоты и изящества языка, И.С. в своих статьях, даже писанных и наскоро, и под особенным влиянием каких-либо возбуждавших и волновавших его настроений и чувств, никогда не допускал неряшливости, небрежности, необработанности и тем более чего-либо нравственно-нечистого и недостойного. В полном собрании сочинений эти черты литературной деятельности И.С. выдаются еще цельнее и выпуклее, чем в отдельных публицистических статьях. <...> статьи И.С. всегда и, независимо от их содержания и тех частных поводов, по которым они писаны, навсегда останутся образцовыми произведениями, имеющими не временный только публицистический, но и общий литературный интерес. Поэтому есть основание думать, что изданием собранных статей И.С. не только удовлетворится желание ближайших к нему, любивших и любящих его людей, но и выполняется серьезный литературный и общественный долг» (с. 5–6).

Подробнее о взаимоотношениях Н.П. Гилярова-Платонова (1824–1887) с И.С. Аксаковым смотри монографию А.П. Дмитриева: Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов / ИРЛИ РАН. СПб.: Родник, 2018.

В предисловии также сказано: «В издаваемом томе, по заявлению некоторых из читателей, над каждую статью сделано краткое заглавие. Этими заглавиями, конечно, не обнимается вполне содержание статей, но они все-таки могут служить некоторым пособием для читателей, которые затрудняются разбираться в большой книге с предметами разнообразного содержания» (с. 6). Таким образом, нужно иметь в виду, что эти «краткие заглавия» не являются авторскими, а добавлены составителями дореволюционного тома и А.П. Дмитриевым.

Ниже приведем «краткие заглавия» 44 статей и заметок (напомню, из 130), которые являются весьма «говорящими» и по-своему раскрывают проблематику второго аксаковского тома. Судите сами: Возврат к народной жизни путем самосознания. Отчужденность интеллигенции от народной стихии. Народный отпор чужестранным учреждениям. Доктрина и органическая жизнь. Правительственная воля и свобода частного мнения. В чем сила народности? В чем сила России? О необходимости личного подвига для преуспеяния гражданской жизни. Отношение между школой и жизнью в России.

Где органическая сила России? В чем недостаточность русского патриотизма? Условия государственного единства и силы. О деспотизме теории над жизнью. О праве челобитных в древней Руси. Игнорирование основ русской жизни нашими реформаторами. В чем залог истинного развития и единства России? Отчего так нелегко живется в России? Программа газеты «Москва». Имеет ли смысл понятие об «аристократизме» и демократизме в России? Два государственных типа: народно-монархический и аристократически-монархический. Не пора ли России перестать малодушествовать перед Европой? Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин? О нашей смиренности по отношению к западной прессе. О смертной казни. Откуда слабость русских общественных сил? О казенщине. О казенщине в церковном строе. «Обрести» должно, а не «изобрести», русскую, живую формулу жизни. По поводу смерти Достоевского. Гоголь был удивительное явление! «О жизни мудствуем, а жизнью не живем». Программа наших либералов. По поводу речи городского головы <Б.Н.> Чичерина. По поводу увольнения графа Н.П. Игнатьева от должности министра внутренних дел. Опасны ли наши либералы как политическая партия? Где и что болит у нас? В чем наше историческое назначение? Культурное одичание нашего века. Цивилизация и христианский идеал. Повернула ли Россия от фразы к делу? Где границы государственному росту России. Всемирно-историческое призвание России. Отсутствие исторических традиций в наших правительственных учреждениях. О трех Россиях.

Во втором томе заметно выделяются два цикла аксаковских статей: «О взаимном отношении народа, государства и общества» (1862 г.; с. 47–79) и «Письма Касьянова в редакцию газеты “День”» (1863 г.; с. 108–132).

Первый цикл из шести статей Аксакова <1. Нам недостает силы общественной. 2. Общество есть народ самосознающий. 3. Орудие общества – свободное слово. 4. Без общества бессилен народ и несостоятельно государство. 5. Исторические судьбы земства на Руси. 6. История земства от эпохи самодержавия Москвы до правления Петра I>, представляющий собой изложение его целостной оригинальной теории об обществе, из-за цензурных препятствий остался незавершенным, а из шести написанных статей при жизни автора увидели свет только пять, причем пятая – в искаженном цензурой виде. «Общество» для Аксакова – совокупная, прежде всего нравственная, деятельность людей, которые «вышли из народа, но не состоят уже под законом непосредственного быта, не поглощаются в народе» (с. 54). Общество как «народ самосознающий» занимает место между Землей-народом и Государством. Общество «не есть явление политическое»; оно выражает себя в нравственно обеспеченном слове, цензурное стеснение которого, по убеждению Аксакова, пагубно для государственной и народной жизни. Важное значение в его теории занимало обоснование необходимости слома сословных перегородок, разъединяющих народное тело и затрудняющих органическую деятельность и общества, и государства (с. 703).

Второй цикл из четырех писем в редакцию (корреспонденций из Парижа) от имени некоего Касьянова, помещенный в «Дне» с марта по июнь 1863 г., был создан самим Аксаковым. 5 мая он писал Ю.Ф. Самарину: «Ты, конечно, догадался, что Касьянов – это я, но держи это в секрете. <...> Что же делать! Вы никто не пишете, и приходится писать разными перьями» (*Переписка Аксакова и Самарина*. С. 172). Еще одно письмо, из Баден-Бадена (четвертое в цикле), было запрещено цензурой. Полностью цикл (все пять писем) впервые воспроизведен в 1886 году под названием «Письма в редакцию “Дня”»: *Соч. Т. II*. С. 96–135, с редакционным примечанием под строкой: «Письма эти были подписаны в газете псевдонимом “Касьянов”» (с. 722–723).

Наверное, в этом томе можно выделить и другие циклы. Например, складывается цикл из следующих 4-х статей: О лженародности в литературе 60-х годов. Еще о лженародности. О лжеконсерватизме паразитного русского мира. Лжелиберальная интеллигенция как класс доктринеров, презирающий народ и стремящийся им командовать.

Много места в книге занимает и полемика И.С. Аксакова с разными авторами и периодическими изданиями, что также получило отражение в названиях статей: «Идеалы “Дня”» по «Современной Летописи». Что и кого охранять по программе «Вести»? Как понимает газета «Весть» собственные свои строки. Программа «Вести» о примирительном начале в России. Что значит: «Россия для русских» по смыслу «Вести»? Poleмика с немецкими журналами Петербурга. По поводу брошюры «К истории русского нигилизма». Газета «Голос» о чувстве личного достоинства как «даре западного просвещения». Об отрицании газетой «Порядок» русской народной самобытности. Ответ г. <А.Д.> Градовскому на его разбор «Записки» К.С. Аксакова. Искажение газетой «Порядок» мыслей и слов оппонентов в партийных интересах. Отрицание самобытности русского народа в журнале «Русская Мысль». Программа наших либералов. Немецкие газеты и «Голос». Мнение шведов о русских и России. Критика «Руси» в «С.-Петербургских Ведомостях» как «мошенничество печати» и «обращик идиотизма». По поводу похвал лжелиберального «Русского Курьера» в адрес газеты «Русь».

Предлагаем Вам несколько важных цитат из аксаковской статьи под названием «Всемирно-историческое призвание России» (Впервые: Москва, 1 августа // *Русь*. 1884. 1 авг. С. 2–12), раскрывающей одну из главных тем второго тома.

«<...> нашим предкам удалось оправославить и ославянить или обрусить более двух третей пространства, называемого ныне Европейской Россией, которые не были ни славянскими, ни тем менее православными, но которые теперь причисляются к *коренной* России и даже, по мнению г. <Е.Л.> Маркова, составляют сплошную, «подлинную», «неподдельную» русскую мощь. Пустота и племенной хаос сменились однородностью и одноплеменностью высшего качества: сменились – Россией. <...> С принятием же Св.

Крещения пред новокрещенною, православною славянскою Русью развернулась – и в даль времен, и в ширь беспредельного на Восток простора – перспектива иной, мировой исторической задачи: создания высшего и широчайшего и притом свободного единства в конкретном образе Русского государства или, точнее, русского христианского народа, Русской Земли. Символами этого единства, действительно, – православный крест Христов и русский язык, и тотчас же неослабно двинулись они в путь на Восток, и продолжается это движение и поныне, хотя уже и далеко, далеко не с тем успехом, как в Старой Руси! (с. 610).

Нельзя не заметить, что демаркационной линией России со стороны Запада является *латинство* (в смысле духовном) с своим кровным, хотя бы незаконнорожденным детищем – протестантством. Могут быть и в русских пределах подданные католического исповедания, как поляки и часть белорусов, но это все же аномалия, вынужденная случайными обстоятельствами, все же диссонанс, нарушающий общий духовный лад Русской державы, – элемент чуждый, осужденный всегда смотреть в лес, т.е. устремлять взоры к Риму и, следовательно, к Западу, – элемент, сильнее разлагающий нашу национальность, чем даже язычество и магометанство, ибо он не нравы развращает, а вносит искажение и ложь в самую духовную суть русской народности <...> Нельзя же, наконец, не признать, что все европейские государства, кроме России, католические и протестантские, при всем различии в частностях образуют нечто родственно-целое по духу, которое и именуется общим именем «Европы» или, точнее, – *Запада*, и что вот этому-то особому миру, всему этому целому с дюжиной романо-германских племен и держав – противопоставляется историческою судьбою как особый же целый мир *одна* держава – Россия. Остальные мелкие новоявленные политические организмы Европы, также исповедующие православие, хотя и не входят в состав России, все же неизбежно тяготеют к ней, – как бы теперь, временно, их близорукие политические руководители ни отбивались от такого естественного тяготения: в качестве православных никогда они ни католическому, ни протестантскому Западу *своими* не будут, а представляют для Запада лишь лакомый объект для поглощения или же ассимиляции путем совращения и вероотступничества (с. 610–611).

Что же противопоставляется романо-германской Европе или Западу в лице России? Мир православно-восточный, или славянство, – возросшее до значения православно-восточного мира. Мир этот еще слагается. Византийская империя, хотя и называлась, и была «Восточною», не способна была, однако же, воплотить собою этот православно-восточный мир. Под сению Византии – и в этом ее вечная заслуга – Христианская Церковь впервые предстала миру воочию, с своею святою вселенско-соборною, братолюбивою сущностью, и преподала *образ* такого соборного, всехристианского единения и для будущих лучших веков, по миновании веков разделения и обособленного исторического развития. Под сению Византии же христианский Восток выяснил

и определил, а вселенское церковное единомыслие соборно и окончательно выразило и утвердило существенные основы истинного вероисповедания, – каковые в своей чистоте и сохранились в вероучении Церкви так называемой Восточной, или Православной (с. 611).

И именно потому, что этот православно-восточный мир еще создается, еще в процессе внутреннего развития и сложения, ни о каком «соединении Церквей», как бы к тому ни взывал вновь и вновь на страницах «Известий», издаваемых Славянским обществом в Петербурге, г. <В.С.> Соловьев, теперь и речи быть не может. Разделению сему *подобает быти* – пока, с одной стороны, Россия не придет в надлежащую меру возраста и силы и не проявит во всех сферах жизни, хоть в той же полноте и *самостоятельном* развитии, как и Запад, существенные стороны своего народного духа; с другой – пока сам церковный Рим не возвратится к чистоте и братолюбивой сущности христианского учения и не исцелится от похоти властолюбия... (с. 612).

Притязания наши по отношению к Западу только в том и заключаются, чтоб он-то сам признал наши права – как мира русско-славянского, не лез в сферу наших интересов и нашей деятельности и оставил бы нас в покое. Русский народ и вообще-то не питает вражды ни к каким народам и племенам и тем менее питает ее к племенам европейским, которые он всегда отличал и отличает от «басурманских»; но именно Западная Европа сама преисполнена к нему, как и вообще к православному миру и к славянству, неугасимой вражды и ненависти. Эта вражда – неугомонно воинствующая, в том или другом виде (с. 612).

Со всех сторон ломаются немцы на Балканский полуостров, мечтая оттеснить Россию и перенять у нее наследие Византии, создать новую, латинскую Восточную империю... Все слилось в единое чувство тайной и явной вражды западноевропейского мира к православной России и славянству: и племенное самомнение, и аристократическое высокомерие, религиозная и культурная нетерпимость, презрение и в то же время – *страх*: намеченная Западом себе добыча – разные еще не ассимилированные им славянские, за русским рубежом, племена – ускользает, и выступление славян на самостоятельное всемирно-историческое поприще представляется ему грозным бунтом *плебеев* против патрициев! Наши мнимые либералы не позволяют себе даже и помышлять о каком-либо самостоятельном призвании России, осуждая ее на вечное ученичество и обезьянство, – но об этом призвании непрестанно пророчествует западноевропейская русобоязнь... (с. 613).

Без малейшего сомнения, двигаясь на Восток, мы обязаны – да и обладаем для этого всевозможными средствами – стоять твердою на нашей западной границе, неупустительно исполнять свой долг по отношению к славянству и к Черному морю, не отдавать *ни пяди* своей и славянской земли миру Романо-Германскому (с. 613–614).

Но обратимся к созиданию Православно-Восточного мира во образе России. Если по отношению к Европейскому Западу мы состояли и состоим

собственно в оборонительном положении, то по отношению к Востоку мы искони находились и находимся – в положении наступательном, – не в воинственном только, но еще более в мирном смысле. Здесь, слава Богу, с Востока широкое поприще открывалось для зиждительства нашему национальному духу. Мы можем лишь гордиться тем, что успели совершить наши «толстобрюхие», «долгополые», «длиннобородые» предки, один образ которых приводит в краску стыда их «культурных» потомков, и которые проявили такую необыкновенную способность к колонизации, сплочению и сращению инородных элементов: созданная ими новая Россия явилась несравненно крепче и цельнее, одушевленной более творческим духом, чем первоначальная Русь, тянувшаяся узкой относительно полосой вдоль современной западной русской границы, подпавшей отчасти духовному и культурному воздействию Запада.

В историческом процессе нашего государственного созидания замечается черта, которою он существенно отличается от подобного же процесса в Европе и на которую мы вскользь указали выше. Там политические или государственные цели были почти всегда впереди и предшествовали воздействию культуры, цивилизации и других духовных ассимилирующих сил. Старая же Русь наша, помимо политического сложения, росла себе органически, стихийно, независимо от воли и деятельности правительства, всегда переступая официальные русские государственные пределы. За официальными государственными рубежами всегда оказывалась Русь зарубежная! Государство, по большей части, шло вослед народному движению и колонизации, а не они по пятам государства... Русь, собственно говоря, даже не государство, а мир, понятие о котором не исчерпывается политическим определением: точнее же сказать, Русское государство не подходит под общеизвестную, научно установленную норму государства западного. Наше государство строилось не только князьями и царями, но также и святою отвагою отшельников, ставивших монастыри Бог весть где, в глухих лесных чащах, в пустынных дебрях, среди полудиких инородцев, – и деятельною любовью проповедников Слова Божия вроде Зосимы, Савватия, Стефана Пермского – просветителя, а потому и обрусителя земли Зырянской (хотя он об обрусении и не думал, а переводил Св. Писание на зырянский язык!), и предприимчивостью торговою, – а также и воинствующею вольницей, гулящими людьми – удалью казацкою. Обрусение совершалось не во имя какой-либо «государственной теории», не по плану, а свободно, каким-то неисследимым процессом, но притом так прочно и бесповоротно, что мы, потомки, можем тому лишь завидовать. Ничего не поймет в русской истории тот, кто изучает лишь историю одних государственных деяний и событий в тесном смысле или образование лишь одного внешнего *правового* порядка. Не объяснит он нам – как могло государство с его скудными средствами и силами, с его неуклюжими порядками и тяжелыми приемами справиться с своим необъятным простором и, не пугаясь его, – ширить да ширить пределы и, в конце концов, не-

смотря на все испытания, создать такую исполинскую мощь. То, что в наши дни кличет себя «интеллигенцией», а в прежнее время почитало себя исключительно таковой и без клички, то, что у нас мнило и мнит стоять под знаменем «прогресса», «либерализма» и т.д. и, по выражению Достоевского, напечатанному им почти накануне смерти, было, да и теперь одержимо «лакейскою боязнью: как бы всякое сочувствие к родной старине не показалось признаком варварства, азиатчины», – то до сих пор относится с величайшим презрением к бытию допетровской Руси, не видит в русской истории ничего, кроме «застенок», «батовгов», «деспотизма», и, конечно, не в состоянии оценить дивный подвиг самого строения Руси. <М.М.> Сперанский начинал ее даже с Петра... Как должно их смутить напечатанное на днях в «Русском Архиве» письмо к <П.Я.> Ча<a>даеву воистину носителя русского духа, нашего чудного «Пушкина», который еще 50 лет тому назад мужественно и во всеуслышание объявляет, что он верит в самостоятельное призвание России в мире и что «ни за что на свете не хотел бы иметь другой истории, кроме истории своих предков»!.. (с. 614–615).

Завершим наш обзор второго тома словами близкого сподвижника Ивана Сергеевича Аксакова – русского писателя-славянофила Никиты Петровича Гилярова-Платонова: «<...> поистине никто более И.С. Аксакова не сделал для развития основ славянофильского учения и распространения их в общественном сознании, для применения их к самым разнообразным сферам и вопросам общественной и политической жизни» (с. 5).

А.П. Дмитриев и академическое аксаковедение: к юбилею ведущего научного сотрудника Пушкинского Дома

12 июня 2023 г. отметит свой 60-летний юбилей литературовед, библиограф и краевед Андрей Петрович Дмитриев. Человек редкий по своим душевным качествам, профессионал с большой буквы и невероятный труженик. Обозревая его многочисленные труды, всегда хочется сказать ему: «Береги себя, ты еще очень и очень многим нужен». В этом случае всегда вспоминаю слова писателя Валентина Пикуля: «Я мерил жизнь томами книг...».

Моё знакомство с сотрудниками Пушкинского Дома Владимиром Алексеевичем Котельниковым, Андреем Петровичем Дмитриевым и Ольгой Леонидовной Фетисенко состоялось в стенах Института русской литературы РАН в январе 2008 г. То есть еще до создания известного ныне Центра традиционалистских исследований. Тогда я приехал в Санкт-Петербург в научную командировку для сбора материалов к летописи жизни и творчества И.С. Аксакова. С той поры мы находимся с Андреем Петровичем в постоянном творческом контакте – как в очной форме (2008–2014), так и – по сей день – в формате эпистолярном.

Рассмотрим основные вехи биографии и литературные труды юбиляра, а затем поместим список всех аксаковских изданий, подготовленных им лично и в соавторстве с другими аксаковедами.

Итак, Андрей Петрович Дмитриев (род. 12.06.1963 г. в г. Урюпинске Волгоградской обл.) – доктор филологических наук (2019), ведущий научный сотрудник (2020) Института русской литературы РАН, где он с 2008 г. возглавляет Центр по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени; член Союза писателей Санкт-Петербурга (с 2013 г.).

В трехмесячном возрасте Андрюша был привезен в Ленинград, где отец в 1963–67 обучался в Военной артиллерийской академии. В связи с частыми переездами семьи Андрей сменил семь школ (в т. ч. в 1971–73 три школы в Чехословакии). С 1978 г. он учился в Московском суворовском училище, которое успешно закончил в 1980 г. Затем до 31 декабря 1983 г. обучался в Симферопольском высшем военно-политическом строительном училище и еще полгода служил рядовым в воинской части под г. Запорожье. Понятно, что шесть лет армейской жизни не прошли для него даром.

В 1984 г. будущий известный литературовед поступил на русское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета. Занимался в семинаре Г.В. Иванова. Тема дипломной работы: «“Роман” А.О. Осиповича-Новодворского». По окончании университета в 1989 г. был направлен на работу учителем средней школы № 1 в г. Приозерск Ленинградской области. С 1997 г. преподавал в школе № 5 и Православной гимназии во имя прп. Сергия и Германа Валаамских. Работал в средних школах с 1989 до 2004 г.

В 1992–95 гг. обучался в заочной аспирантуре ИРЛИ РАН. 12 февраля 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию «Духовные писатели как литературные критики (1850–1900)» (научный руководитель В.А. Котельников). Первые научные публикации – статьи «Духовные пастыри XIX в. об А.С. Пушкине» и «Митрополит Московский Филарет и культура пушкинского времени» (Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1994. Вып. 2, б). Занимался исследованием литературной критики ряда ныне малоизвестных, а на деле весьма значимых для русской культуры писателей-богословов, а также изучением проблемы филологической «христианизации» русской классики и др.

В 1999–2006 гг. работал старшим научным сотрудником Государственного музея-крепости «Корела» в Приозерске, был экскурсоводом, лектором и организатором научно-просветительских занятий, научным консультантом и участником ряда радио- и телепрограмм. С 1995 г. опубликовал в центральной и региональной печати более 600 статей, заметок, книг и буклетов по краеведению Карельского перешейка. Среди них «Кякисалми – Корела – Кексгольм – Приозерск» (Приозерск, 2000), «“Праотечественная крепость”: история и культура» (СПб., 2002), «Первый карельский епи-

скоп» (Петрозаводск, 2004), «Приозерская земля: история и культура» (СПб.-Приозерск, 2004; 3-е изд.: 2009; в соавт. с А. Лихим), «Старый Кексгольм: взгляд сквозь время» (СПб., 2006), «Петр I и Кексгольм» (СПб., 2010). Был редактором-составителем «приозерского краеведческого альманаха «Вуокса» (1999–2003. Вып. 1–3), где публиковал исторические и литературно-критические статьи и стихотворения. Продолжал изучение темы «христианство и литература».

В 2000–07 гг. работал старшим преподавателем (с 2005 г. доцентом) Санкт-Петербургской Академии управления и экономики: читал лекции по культуре речи, этике и эстетике, речевым коммуникациям, истории Санкт-Петербурга, религиоведению, истории педагогики, этике и эстетике.

С 1 марта 2006 г. – старший научный сотрудник ИРЛИ РАН, возглавил Отдел библиографии и источниковедения; с декабря 2008 г. заведующий Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени. В 2019 г. защитил докторскую диссертацию «Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов». С 2020 г. ведущий научный сотрудник.

В воспоминаниях выдающегося петербургского литературоведа и культуролога Бориса Федоровича Егорова помещена фотография с подписью: «В столовой во время научной конференции в Коломенском пединституте, май 2007 г. Б.Ф. со своим “духовным внуком” А.П. Дмитриевым» (Егоров Б.Ф., с. 276). Здесь требуется пояснение: Б.Ф. Егоров являлся научным руководителем В.А. Котельникова (см. его дис. канд. филол. наук: *Философские искания И.В. Киреевского и развитие русского художественного сознания в первой половине XIX века*. Ленинград, 1980), который, в свою очередь, стал научным руководителем Дмитриева. В этой же книге Борис Федорович дает своему «духовному внуку» следующие характеристики: «замечательный открыватель архивных ценностей» и «замечательный знаток и комментатор» (с. 33, 277).

Андрей Петрович Дмитриев автор более 200 статей по литературоведению, опубликованных в журналах: «Русская литература», «Сфинкс», «Вопросы литературы», «Москва», «Литературоведческий журнал», «Литература в школе», «Вестник РХДА» и научных сборниках: «Христианство и русская литература», «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома», «Достоевский и мировая культура», «Цензура в России», «Славянофильский архив», «Историко-философский ежегодник», «София», «Аксаковские чтения», «Филаретовский альманах» и др. В центре исследовательских интересов – литературная критика религиозных мыслителей, творчество славянофилов, консервативная журналистика.

Занимаясь библиографическими изысканиями, составил указатели: «Библиография трудов А.М. Бухарева (архимандрита Феодора). Библиография работ об А.М. Бухареве (архимандрите Феодоре) (1860–1996)» (Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев): *pro et contra*: СПб., 1997), «Христианство

и новая русская литература XVIII–XX вв. 1800–2000» (СПб., 2002; в соавт. с Л. Дмитриевой), «Постатейная роспись журнала “Русская беседа”» (сб. «“Русская беседа”: история славянофильского журнала». СПб., 2010), «Борис Федорович Егоров. 1951–2016» (СПб., 2016) и др.

В настоящее время А.П. Дмитриев главный редактор собраний сочинений И.С. Аксакова (в 12 т.), Н.С. Лескова (в 30 т.), А.С. Хомякова (в 12 т.), Ап.А. Григорьева (в 10 т.). Член Редакционных советов собраний сочинений К.С. Аксакова (в 10 т.), В.В. Розанова (в 35 т.), А.К. Толстого (в 5 т.), Рцы (И.Ф. Романова) (в 2 т.), С.П. Шевырева (в 7 т.), свт. Феофана Затворника (в 42 т.), Ю.Ф. Самарина (в 5 т.), сборника «Славянофильский архив» (2010–2018. Т. 1–6), альманаха «Текст и традиция» (2013–2021. Т. 1–9); «Литературоведческого журнала» (ИНИОН РАН); редактор-составитель «приозерского краеведческого альманаха» «Вуокса» (1999–2003. Вып. 1–3).

Подготовил научные издания малоизвестных сочинений Н.П. Гилярова-Платонова, Н.С. Лескова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, И.С. Аксакова, В.В. Розанова, П.П. Перцова, И.Ф. Романова-Рцы, Р. Ивнева, эпистолярных комплексов этих авторов, а также К.П. Победоносцева, Б.И. Ордынского, В.Л. Кигна-Дедлова, А.Н. Майкова и др.

Изучая творчество незаслуженно забытого славянофила Н.П. Гилярова-Платонова, опубликовал его сочинения: «Из пережитого. Автобиографические воспоминания» (СПб., 2009. Т. 1–2 (Лит. памятники); в соавт. с И. Птушкиной и Л. Дмитриевой); «Последние дни Помпеи. Семинарские опыты в стихах и прозе (1837–43)» (СПб., 2009), «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева» (Разумевающие верой. СПб., 2011) и переписку Н.П. Гилярова-Платонова с К.П. Победоносцевым (Там же), Рцы (И.Ф. Романовым) (сб. «Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова». Коломна, 2007), Т.И. Филипповым (Историко-философский ежегодник'2008. М., 2009), А.М. Гальперсон (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010), А. М. Бутлеровым (Пчеловодство. 2011. № 7), Н.В. Шаховским (Христианство и русская литература. СПб., 2012. Сб. 7), И.С. Аксаковым (Люди русской правды. СПб., 2018) и др., а также монографию «Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–80-х» (СПб., 2018) и более 100 статей о нем.

За последние 15 лет Андрей Петрович внёс значительный вклад в аксаковедение. Ниже предлагаем Вам список его аксаковедческих работ.

Аксаковедческие издания А.П. Дмитриева

Отдельные издания

1. Иван Сергеевич Аксаков: Библиографический указатель (1836–2014) / Сост.: П.И. Федоров, С.В. Мотин; Под ред. А.П. Дмитриева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 260 с.

2. Аксаков И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: Славянский вопрос: В 2 кн. / Изд. подгот.: А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров. СПб.: Росток, 2015. Кн. 1. 639 с.; Т. 2. 768 с.
3. Переписка старших Аксаковых с детьми и внуками (1816–1836): Учебно-научное издание / Подгот. текстов (41 письма) и статей, примеч. А.П. Дмитриева. М.: ГУЗ, 2016. 208 с.
4. Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской. 1853–1856 / Изд. подгот.: А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров. СПб.: Росток, 2016. 464 с.
5. «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. 816 с. (Славянофильский архив; Кн. 5).
6. Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / Под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2018. 672 с. (Славянофильский архив; Кн. 4).
7. Аксаков К.С. Собр. соч. и писем: В 10 т. Т. 1: Поэзия. Проза / Отв. ред. А.П. Дмитриев. СПб.: Росток, 2019. 720 с.
8. Аксаков К.С. Собр. соч. и писем: В 10 т. Т. 2: Драмы. Стихотворения на случай / Том подгот. Е.И. Анненкова, А.П. Дмитриев и М.Д. Кузьмина. СПб.: Росток, 2020. 648 с.
9. Григорий Сергеевич Аксаков. Переписка с родными. Ч. I: Переписка С.Т. Аксакова и его жены с сыном Григорием, невесткой и внучкой (1844–1877) / Аксаковский фонд; ИРЛИ; сост. Т.Е. Петровой; вступ. ст. М.А. Чванова и А.П. Дмитриева; подгот. текста А.П. Дмитриева, Е.С. Левшиной; коммент. А.П. Дмитриева, Е.С. Левшиной, С.В. Мотина, Р.П. Поддубной; отв. ред. А.П. Дмитриев. Уфа: Белая река, 2021. 692 с.
10. Григорий Сергеевич Аксаков. Переписка с родными. Часть II. Переписка с женой (1847–1883) / Аксаковский фонд; ИРЛИ РАН; сост. и вступ. ст. Т.Е. Петровой; отв. ред. А.П. Дмитриев; подг. текста Е.С. Левшиной; комм. А.П. Дмитриева, Е.С. Левшиной, Т.Е. Петровой, Л.Ю. Усовой. Уфа: Инеш, 2022. 468 с.
11. Аксаковы: библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы / сост. П.И. Федоров, С.В. Мотин; отв. ред. А.П. Дмитриев; Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. Уфа: изд-ль А.А. Словохотов, 2022. 724 с.
12. Аксаков И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 2: Славянофильство и западничество / Изд. подгот. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров. СПб.: Росток, 2022. 896 с.
13. Дмитриев А.П. Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция: из архивных разысканий / ИРЛИ РАН. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2023. 544 с., ил.

Статьи и публикации

1. Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, М.Н. Катков) // Филаретовский альманах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Вып. 5. С. 165–186; то же в изд.: XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы: В 2 т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. Т. 1. С. 115–124.
2. Неизвестные письма Н.Т. Карташевской к С.Т. и О.С. Аксаковым // Аксаковские чтения: (Материалы XI Всерос. науч. конф. Уфа, 2 окт. 2009 г.). Уфа, 2009. С. 129–148 (в соавт. с С.Г. Журавским).
3. Об издании «Русской беседы»: (Записка К.С. Аксакова с ответом А.И. Кошелева (1856)) / Публ. и коммент. А.П. Дмитриева // «Русская Беседа»: история славянофильского журнала: исследования, материалы, постатейная роспись / ИРЛИ РАН; Гос. музей-заповедник «Абрамцево»; под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 249–254. (Славянофильский архив; Кн. 1).
4. «Русская Беседа» в Германии: история славянофильской антологии «Русские фрагменты: к познанию государственной и народной жизни в ее историческом развитии» (Лейпциг, 1862), изданной Фр. фон Боденштедтом // Там же. С. 278–300.
5. План издания: (Письмо И.С. Аксакова к К.С. Аксакову от 3 апреля 1860 г. о славянофильской антологии на немецком языке); Содержание антологии / Публ. и коммент. А.П. Дмитриева // Там же. С. 301–311.
6. «Издание „Беседы“ тревожило меня как кошмар...»: (Письмо Ивана Аксакова к брату Константину от 14 (2) июля 1857 г.) / Вступ. заметка, публ. и коммент. А.П. Дмитриева // Там же. С. 363–369.
7. «...Мне необходим... человек, знакомый с славянскими наречиями...»: (Переписка И.С. Аксакова с Б.И. Ордынским (1858)) / Вступ. ст., публ. и коммент. А.П. Дмитриева // Там же. С. 370–397.
8. «...Вы очень мне нужны здесь, нужны т.е. “Русской беседе”»: (Переписка И.С. Аксакова с М.П. Петровским (1858–1866)) / Вступ. ст., публ. и коммент. А.П. Дмитриева // Там же. С. 398–450.
9. Экклесиология Вл.С. Соловьева и богословское наследие А.С. Хомякова в переписке Рцы (И.Ф. Романова) и И.С. Аксакова // Историко-философский ежегодник'2009. М.: Наука, 2010. С. 371–402.
10. Статьи Рцы (И.Ф. Романова) и его переписка с И.С. Аксаковым / Подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриева // Там же. С. 403–434.
11. Н.П. Гиляров-Платонов и С.Т. Аксаков (к истории знакомства и взаимоотношений) // Русская литература. 2010. № 4. С. 194–210.
12. Святитель Филарет в годы Крымской войны (по неизданным материалам архива Аксаковых–Карташевских) // Филаретовский альманах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. Вып. 6. С. 121–136.

13. Преодоление «вероисповедной ксенофобии»: Тема старообрядчества в русской литературе 1870–1880-х годов (И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, Н.С. Лесков и др.) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, вып. 4. С. 180–189.

14. И.С. Аксаков как литературный критик в оценке Н.П. Гилярова-Платонова // Аксаковские чтения: (Материалы XIII Междунар. Аксаковских чтений, Уфа, 24–25 сент. 2012 г.). Уфа, 2012. С. 30–36.

15. Забытые литературно-критические статьи и мемуарные очерки Н.П. Гилярова-Платонова об И.С. Тургеневе, Л.Н. Толстом, К.Н. Леонтьеве, Вл.С. Соловьеве, И.С. Никитине, И.С. Аксакове и Ф.И. Тютчеве (1879–1886) / Публ. А.П. Дмитриева // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / Под общ. ред. А.П. Дмитриева. СПб.: Росток, 2013. С. 636–706.

16. Спор о русской жертве за болгарских братьев: (По неизданной переписке В.С. Аксаковой и М.Г. Карташевской) // София: Альманах: Евразийство и А.Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Андрей Словохотов, 2013. Вып. 3. С. 332–349.

17. Славянофилы и немецкие старокатолики в ситуации вероисповедного размежевания (по неизданной переписке И.С. Аксакова с Ф.И. Тютчевым и И.Т. Осининым) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в русском фольклоре и русской литературе. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Изд-во РХГИ, 2013. С. 191–199.

18. Борьба Церкви с Государством в историософии И.С. Аксакова и Н.П. Гилярова-Платонова // Истина и диалог: Сб. материалов XIII Свято-Троицких ежегодных междунар. акад. чтений в Санкт-Петербурге, Рус. христиан. гуманитар. академия, 2013. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. С. 240–241.

19. Первоначальный вариант статьи И.С. Аксакова «О служебной деятельности (Письмо к чиновнику)» и «Ответ» на нее К.С. Аксакова // Аксаковские чтения: Материалы XIV Междунар. науч. конф., Уфа, 26–27 сент. 2013 г. Уфа: Изд-во Башкир. гос. пед. ун-та, 2013. С. 130–141.

20. Новое об историософских взглядах И.С. Аксакова. Два неизвестных его письма к Ф.И. Тютчеву 1871 и 1873 гг. / Публ. А.П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дм. Буланин, 2014. С. 193–213.

21. И.С. Аксаков о святителе Филарете (новые материалы из фондов Рукописного отдела ИРЛИ РАН) // Филаретовский альманах. М.: Изд-во ПСГТУ, 2014. Вып. 10. С. 43–68.

22. Училище правоведения начала 1840-х гг. в свете итогов Судебной реформы 1864 г. (по неизданной переписке И.С. Аксакова и К.П. Победоносцева 1885 г.) // 150-летие принятия земской и судебной реформ Александра II: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., г. Уфа, 3 июля 2014 г. Уфа: УЮИ МВД России, 2014. С. 67–78.

23. От составителя // Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. СПб.: Росток, 2015. Кн. 1. С. 5–12.
24. Автор Предисловия к первому тому – Н.П. Гиляров-Платонов: (О работе А.Ф. Аксаковой над Собранием сочинений мужа) // Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. СПб.: Росток, 2015. Кн. 2. С. 672–675.
25. Аксакова А.Ф. Письма к Г.С. Аксакову (1886–1888) / Подгот. текста и коммент. А.П. Дмитриева // Там же. С. 675–679.
26. Неизвестные проекты писем К.С. Аксакова к Александру II в связи с потерей Севастополя (по переписке Н.П. Гилярова-Платонова, В.С. Аксаковой и М.Г. Карташевской) // Аксаковские чтения: (Материалы XV Аксаковских чтений, Уфа, 24–26 сент. 2015 г.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. С. 81–96.
27. Неопубликованное письмо К. Аксакова из Швейцарии (27 июля – 2 августа 1838 г.) как итог его пребывания в чужих краях // Аксаковский сборник. Уфа: ДизайнПресс, 2015. Вып. VII. С. 39–58.
28. Заметка К.С. Аксакова о водевиле А.А. Шаховского «Федор Григорьевич Волков, или День рождения русского театра» (1856) в свете откликов на него С.Т. Аксакова // Аксаковский сборник / отв. ред. В.В. Борисова. Уфа: изд-во Башк. гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы, 2016. С. 36–43.
29. Павлов Н.М. Несколько слов по поводу «Семейной переписки стариков Аксаковых» / Публ. А.П. Дмитриева // Переписка старших Аксаковых с детьми и внуками (1816–1836): Учеб.-науч. издание. М.: ГУЗ, 2016. С. 16–23.
30. Письма С.Т. и К.С. Аксаковых к О.С. Аксаковой / Публ. А.П. Дмитриева // Там же. С. 176–187.
31. Амфитеатров А.В. Прабабушка интеллигенции / Публ. А.П. Дмитриева // Там же. С. 195–207.
32. Крымская война и русский мир в переписке Веры Аксаковой и Марии Карташевской // Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской. 1853–1856. СПб.: Росток, 2016. С. 3–26. (В соавт. с Д.А. Федоровым.)
33. Неопубликованное письмо К.С. Аксакова к А.С. Хомякову от 8 августа 1858 года в контексте переписки В.С. Аксаковой и М.Г. Карташевской о картине А.А. Иванова «Явление Христа народу» // Русская литература. 2017. № 1. С. 76–94.
34. Апология провинции у славянофилов (черновой набросок статьи К.С. Аксакова «Провинция и столица» и воспоминания Н.П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») // Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения – 2016: XVIII Всерос. науч. конф.: Сб. науч. тр.: В 2 ч. СПб.: СПбГУПТД, 2017. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика. С. 50–55.
35. Неопубликованные статьи К.С. Аксакова о расколах в России и национальной русской идее: К 200-летию со дня рождения писателя // Текст и традиция. СПб.: Росток, 2017. Т. 5. С. 429–442.

36. Столоверчение в усадьбе Абрамцево (по неопубликованной переписке В.С. Аксаковой с М.Г. Карташевской и К.С. Аксакова с Н.П. Гиляровым-Платоновым) // Абрамцево. Материалы и исследования: Абрамцево в истории и культуре России. Абрамцево (Моск. обл.), 2017. С. 40–51.
37. От составителей // «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. С. 5–6. (Славянофильский архив; Кн. 5).
38. Н.П. Гиляров-Платонов – цензор и автор газеты «День» // Там же. С. 52–80.
39. Корреспонденты И.С. Аксакова в период издания газеты «День» // Там же. С. 132–460. (В соавт. с Н.Н. Вихровой.)
40. Переписка И.С. Аксакова с Ф.Ф. Воропоновым (1863–1876) // Там же. С. 506–514. (В соавт. с Д.А. Федоровым.)
41. Неопубликованное письмо К.С. Аксакова к А.С. Хомякову о молитве, русских глаголах и «душевных благовониях» (июль 1853 г.) // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14 ноября 2017 г. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2018. С. 204–209.
42. Переписка И.С. Аксакова и Н.П. Гилярова-Платонова (1855–1885) // Люди русской правды: переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты. СПб.: Росток, 2018. С. 215–326. (Славянофильский архив; кн. 4).
43. Переписка И.С. Аксакова и П.А. Бессонова (1857–1886) // Там же. С. 11–167. (В соавт. с Е.В. Неберекутиной, А.Г. Юшко и Д.А. Бадаляном.)
44. Переписка И.С. Аксакова и П.А. Васильчикова (1876–1885) // Там же. С. 168–214. (В соавт. с А.Г. Юшко.)
45. Переписка И.С. Аксакова и Н.Н. Дурново (1878–1885) // Там же. С. 327–350. (В соавт. с А.Г. Юшко.)
46. Переписка И.С. Аксакова и К.П. Победоносцева (1866–1885) // Там же. С. 351–509. (В соавт. с Д.А. Федоровым.)
47. Неизвестное письмо К.С. Аксакова к А.С. Хомякову об объединении славян на путях культурного взаимодействия (из фондов Пушкинского Дома) // Семья Аксаковых – как пример служения Отечеству: Материалы круглого стола к 195-летию Ивана Сергеевича Аксакова. Уфа: Изд. А.Л. Фенина, 2018. С. 35–40.
48. Семья Аксаковых и швейцарский проповедник Александр Вине: К постановке проблемы // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 2. С. 410–421.
49. К теме «Аксаковы и цензура 1850-х годов» (записка К.С. Аксакова «Разговор с министром Норовым» и письмо Н.Ф. фон Крузе к И.С. Аксакову о газете «Парус») // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2019. Вып. 9. С. 497–512.

50. Две Наташи: С.Т. Аксаков. Наташа: (Очерк помещичьего быта); Н.Т. Карташевская. Наташа: (Истинное происшествие, 1811–1814 гг.). М.: Гос. ун-т землеустройства, 2019. 232 с. (Подготовка текста в соавт. с Е.С. Левшиной.)

51. Неизвестные письма Н.Т. Карташевской к С.Т. и О.С. Аксаковым // Две Наташи. М.: Гос. ун-т землеустройства, 2019. С. 144–161. (В соавт. с С.Г. Журавским.)

52. К оценке «Бедных людей» и «Двойника» Ф.М. Достоевского в семье Аксаковых (по переписке В.С. Аксаковой и М.Г. Карташевской) // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 1. С. 154–167.

53. Г.С. Аксаков в должности судейского чиновника и губернского прокурора: честность, компетентность, религиозность (по его неопубликованным письмам к родным) // Историко-правовое и духовное наследие семьи Аксаковых в социокультурном пространстве России: К 200-летию со дня рождения первого уфимского губернатора Г.С. Аксакова [Текстовое (символьное) электронное издание]: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 23 окт. 2020 г. Уфа: Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2020. С. 40–46.

54. С.Т. Аксаков о религиозном смысле супружеской любви и спасительных уроках Французской революции 1848 г. (по неопубликованным письмам, благословляющим сына Григория на семейную жизнь) // Наследие семьи Аксаковых в литературно-эстетическом контексте цифровой эпохи: Всерос. Науч.-практ. конф., 12 ноября 2020 г. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2020. С. 194–200.

55. Славянофил под маской: И.С. Аксаков как финнофил в период Польского восстания (1863) // Печать и слово Петербурга (Петербургские чтения-2020): сб. науч. тр. СПб.: СПбГУПТД, 2021. С. 334–340.

56. Альбом «Семейные стихотворенья Аксаковых, писанные на разные случаи с 1841 года» (1858) // Аксаковы: альбом / ГЛМ. М.: Древлехранилище, 2021. С. 222–227.

57. Новое о цензурной истории славянофильских изданий – газет «Молва» и «Парус» и журнала «Русская беседа»: (Из неопубликованной переписки И.С. Аксакова и графини А.Д. Блудовой 1858–1859 гг.) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.П. Дмитриева // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. / науч. ред. Н.Г. Патрушева. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2021. Вып. 10, ч. 2: Публикации, обзоры, рецензии. С. 152–178.

58. Принципы текстологической подготовки издания // Григорий Сергеевич Аксаков. Переписка с родными. Ч. I: Переписка С.Т. Аксакова и его жены с сыном Григорием, невесткой и внучкой (1844–1877). Уфа: Белая река, 2021. С. 21–27.

59. Россия перед угрозой революции: неопубликованное письмо К.С. Аксакова к Николаю I от 28 марта 1848 года (краткая и пространная редакции) / Публ., вступ. ст. и коммент. А.П. Дмитриева // Литературоведческий журнал. 2022. № 1 (55). С. 211–239.

60. Религиозно-педагогический манифест матери-славянофилки: неизвестный очерк Софьи Аксаковой «О воспитании русских детей» (1857) // Печать и слово Петербурга (Петербургские чтения-2021): сб. науч. тр. СПб.: СПбГУПТД, 2022. С. 71–77.

61. Письма И.С. Аксакова В.Н. Лясковскому (1878–1886) как завещание «духовному сыну» // Текст и традиция: альманах / Гл. ред. Е.Г. Водолазкин. СПб.: Росток, 2022. Т. 10. С. 325–352.

62. О.Г. Аксакова в борьбе за издание сочинений К.С. Аксакова (по материалам цензурного дела 1890 г.) // Аксаковский сборник / Мемор. дом-музей С.Т. Аксакова и др. Уфа: Инеш, 2022. Вып. VIII. С. 193–207.

63. Аннотированный указатель имен // Аксаков И.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2: Славянофильство и западничество / Изд. подгот.: А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Росток, 2022. С. 854–887.

64. «Россия должна будет... принять борьбу с Западом»: С.Т. Аксаков и его сыновья о вооруженном противостоянии Европе // Наследие семьи Аксаковых в русской культуре, отечественной истории и общественной жизни: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 9 сент. 2022 г. / Под ред. Т.В. Бакниной. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2022. С. 28–40.

Желаем дорогому Юбиляру новых творческих свершений, крепкого здоровья, достойных учеников, продолжателей любимого дела! И – чтобы в безбрежном океане жизни его всегда сопровождали «Острова Любви».

P.S. Наш рассказ о жизни и трудах Андрея Петровича Дмитриева, хочется завершить на высокой поэтической ноте, а именно: отрывком из послания С.Т. АКСАКОВА – М.А. ДМИТРИЕВУ:

<...> Дух по-прежнему тревожен,
Нет сердечной тишины,
Мир душевный невозможен
Посреди мирской волны!
И в себе уж я не волен.
То сержуся я, то болен,
То собою недоволен,
То бросаюсь на других,
На чужих и на своих!
Раздражительно мятежен
В слабом теле стал мой дух,
И болезненно так нежен
Изощренный сердца слух.
И в мгновениях спокойных
Вижу ясно, хоть не рад,

Сил телесных и духовных
Отвратительный разлад.

Есть, однако, примиритель
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, –
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
Мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И – в свои молодые годы!

Многие Лета, дорогой Андрей Петрович!

Использованные источники

Аксаков С.Т. Послание к М.А. Дмитриеву // Аксаков С.Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 685–686.

Дмитриев Андрей Петрович // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (<https://pushkinskiydom.ru/tstn/dmitriev-andrej-petrovich/>).

Дмитриев Андрей Петрович // Писатели Санкт-Петербурга (<http://www.pisатели-spb.ru/writer-150.html>).

Егоров Б.Ф. Воспоминания-2. СПб.: Изд-во «Росток», 2013. 384 с.

Федоров Д. Дмитриев Андрей Петрович // Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век» (<https://lavkarisateley.spb.ru/enciklopediya/d/dmitriev->).

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ДА БУДЕТ МИР ДУШИ МОЕЙ ВЫСОКОЙ ДУМОЮ НАСТРОЕН...»

Избранные стихотворения Ивана Сергеевича Аксакова

См.: «Да будет мир души моей Высокой думою настроен...» Избранные стихотворения Ивана Сергеевича Аксакова / Вступ. заметка и сост. С.В. Мотина // Истоки: информационно-публицистический еженедельник. Уфа, 2018. № 40 (1120). 3 окт. С. 6–7.

Иван Сергеевич Аксаков был талантливым поэтом. Стихотворения сочиняли и его отец, и старший брат Константин. К поэтическому творчеству Иван Аксаков обратился еще в конце 1830-х годов. Стихи, написанные Иваном до 1841 года, неизвестны; есть упоминание о ранней «Оде к Лицинию». Сохранилась надпись Аксакова в альбоме А.П. Воскресенского: «Что же мне написать тебе в альбом? Стихов я не пишу решительно... Я, боже упаси, избавился от этой болезни, что и для меня и для тебя лучше. И<мператорское> у<чилище> пр<аво<ведения>. Марта 9-го 1840 г. Ив. Аксаков».

Тем не менее в начале 1843 года Аксаков написал свое первое крупное художественное произведение – мистерию в стихах «Жизнь чиновника». Десятилетие с 1844 по 1853 годы – это пора расцвета поэтического творчества Ивана Сергеевича, о котором позже его жена писала: «После 18 февраля 1855 года, когда с новым царствованием повеяло и всеобщим обновлением, его гневная муза утихла. Скоро он отдался иной деятельности; поэт уступил в нем публицисту». В последующие годы жизни Аксаковым было написано немногим более десяти стихотворений.

В печати поэт-славянофил дебютировал в 1845 году со стихотворением «Христофор Колумб с приятелями» во 2-м номере журнала «Москвитянин», издаваемого в это время Иваном Киреевским. В этом же году он закончил и свое «самое славянофильское» произведение – поэму «Зимняя дорога», которая была опубликована в особом приложении к «Московскому литературному и ученому сборнику на 1847 год». Сохранились и отдельные оттиски из этого сборника, которые некоторыми библиографами рассматриваются в качестве первой книги Ивана Сергеевича.

Известность Аксакову как поэту принесла неоконченная поэма (очерк в стихах) «Бродяга» (1846–1850), герой которой – крестьянин Алешка – явился первым в русской литературе опытом народной эпопеи, непосредственно предваряющим поэму Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» как в сюжетном плане, так и ритмически. Поэма была высоко оценена Гоголем, Хомяковым, Тютчевым и др.

При жизни Аксакова не вышло ни одного его поэтического сборника. Впервые «Сборник стихотворений И.С. Аксакова» был опубликован на со роковой день после кончины Ивана Сергеевича. Эта книга включает 39 стихотворений и 3 поэмы, она доступна для чтения, например, на сайте Российской государственной библиотеки. Сборник Аксакова «Стихотворения и поэмы» (Москва, 1960), подготовленный Е.С. Калмановским, издан в Большой серии «Библиотеки поэта». В состав сборника вошли 84 стихотворения и 4 поэмы. Эту книгу, как и ряд других аксаковских изданий, можно найти на сайте «Аксаков С.Т.: семья и окружение» (http://project.orenlib.ru/aksakov_family/).

Во вступительной статье к аксаковским стихотворениям и поэмам А.Г. Дементьев и Е.С. Калмановский отмечают: «Поэзия Ивана Аксакова – живая исповедь современника, ищущего, сомневающегося, исполненного раздумий. Его стихи – это поэзия гражданская, далекая от излюбленных мотивов “чистой поэзии”. Один из основных мотивов поэзии Аксакова – обличение бездеятельности, праздности рефлектирующей барской интеллигенции, оторванной от народа и способной сочувствовать ему лишь на словах. В своих стихотворениях Аксаков создал неприкрашенную картину душевных исканий, порывов и мук людей его поколения. Лучшие стихи Аксакова привлекали к себе внимание и сочувствие Гоголя, Тургенева, Некрасова, Чернышевского и других выдающихся современников».

Поэзии братьев Аксаковых посвящена кандидатская диссертация филолога К.А. Ожерельева «Художественная картина мира в лирике К.С. Аксакова и И.С. Аксакова» (Омск, 2014). Современный исследователь пишет: «Для ранней лирики И.С. Аксакова характерна романтическая образная модель погружения в глубины духа, которое одновременно предполагает погружение в глубины мироздания. Художественный мир лирики славянофила предполагает прозрение в настоящем вечного, а в бытовом – бытийного. Лирический субъект в поэзии славянофила – это деятельная личность, устремленная к поступку, к общественному служению. Лирический субъект в поэзии Аксакова исповедует веру в бессмертие души и воспринимает свой земной жизненный путь как крестную ношу. В художественной картине мира И.С. Аксакова развивается ключевой для православия символ фаворского света, знаменующий духовное преображение личности».

Предлагаемая подборка основана на книге стихотворений и поэм 1960 года и содержит стихотворения Аксакова, сочиненные им на протяжении 36 лет: с 1842 по 1878 гг.

Стихотворение «*На прощанье*» написано в связи с окончанием Училища правоведения в Петербурге. Следующее стихотворение «*Языкову*» является ответом Аксакова на стихотворное послание поэта Николая Михайловича Языкова (1803–1847) «И.С. Аксакову». В стихотворении «*При посылке стихотворений Ю. Жадовской*» упоминаются стихи писательницы Юлии Валериановны Жадовской (1824–1883) из сборника, изданного в Москве в 1846

году. Стихотворение «*Зачем душа твоя смирна?..*» написано вследствие мыслей, возбужденных книгой Гоголя «*Выбранные места из переписки с друзьями*». Стихотворения «*Пусть гибнет все, к чему сурово...*» и «*Моим друзьям...*» позже вошли в состав сборника «*Русская потаенная литература XIX столетия*» (Лондон, 1861).

Создание трех заключительных стихотворений («*Варварино*», «*Ночь*», «*Среди цветов поры осенней...*») связано с заметным событием в биографии Аксакова. 22 июня 1878 года он произнес в собрании Московского Славянского благотворительного общества речь против Берлинского трактата, дававшего право на подчинение или прямой захват Австрией и Турцией ряда славянских земель в Восточной и Южной Европе. В скором времени эта речь была опубликована в европейских газетах и стала широко известна. В августе по настоянию австрийского правительства Аксаков понес наказание за свое выступление: ему было предложено от имени Александра II оставить Москву. Аксаков поселился в селе Варварине Юрьевского уезда, Владимирской губернии, в имении сестры его жены, фрейлины Екатерины Федоровны Тютчевой.

НА ПРОЩАНЬЕ

(При отъезде из Петербурга)

Мне грустно расставаться с вами,
Себя от братства оторвать,
Проститься с близкими друзьями
И вновь свиданья ожидать!
Мне грустно. Странно! Оттого ли,
Что власть привычки я люблю,
Что покидаю прежней доли
И прежней скуки и неволи
Своих товарищей семью!

Прошла пора, когда, бывало,
Лишь счастье мнилось впереди
И пламя светлое пылало
В прекрасной юноши груди!
Когда восторженности чистой
Доступна грудь еще была
И верил он, что по цветистой
Дороге жизнь его вела.

Теперь не то: и ум наш зреет,
Холодный с раннего утра,
И перед истиной бледнеет

Очарованья мишура!
Уж вздорных слов наш век не любит,
И, обнажая смысл в тиши,
Сознание внутреннее губит
Восторги ложные души!
К чему притворство? Нет меж нами,
Как меж лицейскими друзьями,
Ни вечных клятв, ни громких слов,
Ни песен о разлуках дальних,
Ни предсказаний идеальных;
Все по преданию от отцов!
Но, в духе века современном,
Пусть будет между нас приязнь
На расстоянии почтенном,
Отбросив нежностей боязнь.
Друг друга ведаем мы цену,
Спокойной мудрости жрецы,
Не подеремся за Елену,
Как наши древние отцы!

Но отчего ж тоскою странной
Стеснилось сердце? или я
Здесь покидаю кров желанный,
Так вас люблю, мои друзья?..
18 июня 1842

ЯЗЫКОВУ

Мне неожидан был и нов
Твой отзыв дружески пристрастный,
Ты мира звуков и стихов
Распорядитель полновластный!
Благодарю тебя, поэт!
Мне руку подал ты, как другу,
Твой одобрителный привет
Рассеял вмиг тяжелый бред,
Моей души печаль и тугу!..
И рад бы был поверить я
Призывам опыта и дружбы!..
Но знаешь сам: в заботах службы
Тянулась долго жизнь моя!
Потратив годы золотые
В делах усердных и пустых,

Ужель для подвигов иных
Назначен я?.. Когда впервые,
Средь утомительных трудов,
Мое раздалось песнопенье,
Мне странен был моих стихов
Язык и ново – вдохновенье!..

Так указать свою судьбу
Дерзнет ли воля молодая,
Вопросов внутренних борьбу
Самонадеянно решая?..
Но если смутно и темно
В груди таится дарованье,
Да воспитается оно,
Да оправдается призванье!
Да будет мир души моей
Высокой думою настроен,
Да не угаснет пламень сей,
Да буду ввек его достоин!

Да тяжесть нашего греха
И поклонение обману
Могучей силою стиха
Изобличать не перестану!..
Пускай же юности моей
Не возмущают девы-розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свежительные грозы!
Но всюду нам среди пиров
И всяких суетных занятий
Да будут слышны вопли братий,
И стон молитв, и гром проклятий,
И звуки страшные оков!..
Декабрь 1845

РУССКОМУ ПОЭТУ

Поэт, взгляни вокруг! Напрасно голос твой
Выводит звуки стройных песен:
Немое множество стоит перед тобой,
А круг внимающих – так тесен!
Для них ли носишь ты в душе своей родник
Прекрасных, чистых вдохновений?

Для них! Народу чужд искусственный язык
Твоих бесцветных песнопений,
На иноземный лад настроенные сны
С тоскою лживой и бесплодной...
Не знаешь ты тебя взлелеявшей страны,
Ты не певец ее народный!
Не вдохновлялся ты в источнике живом
С народом общей тайной духа,
Не изучимого ни взором, ни умом,
Не уловимого для слуха!
Ты чужд его богатств! Как жалкий ученик,
Без самородного закала,
Растратишь скоро все, чем полон твой родник,
Чем жизнь заемная питала!
Пусть хор ценителей за робкий песен склад
Тебя и хвалит и ласкает!..
Немое множество не даст тебе наград:
Народ поэта не признает!
11 июня 1846

ПРИ ПОСЫЛКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Ю. ЖАДОВСКОЙ

В наш век пересуда, страдальческий век
Сомнений, вопросов, раздумья,
Стал скуден душой и бежит человек
Порывов святого безумья.

В нем ум, изощренный трудами веков,
Так зорок, разборчив и гибок!..
В нем чувство стыдится обманчивых снов
И сердце боится ошибок.

И мир обнаженный стал грустен и пуст
Для бедного, праздного чувства,
Не слышно вещаний пророческих уст,
Святых откровений искусства!

Рой светлых видений и грез отлетел,
Пытливых очей убегая:
Нам думы и думы достались в удел,
Тяжелым ярмом налегая...

Но я красотою мечтанья и сна
Любуюсь и радуюсь вчуже:
Мне веет отрадой и негой она,
И так непривычна к тому же!

Былые напевы, преданья отцов
Люблю я душой староверца,
И прелесть сих женских, небрежных стихов,
Поэзию чистую сердца!

Отрадней, доступней, приветней для Вас
Те сладкие, тихие звуки,
Чем мой непрерывный, тяжелый рассказ
О страшных вопросах, волнующих нас,
Чем все современные муки!..
19 декабря 1846

* * *

Мы все страдаем и тоскуем,
С утра до вечера толкуем
И ждем счастливейшей поры.
Мы негодуем, мы пророчим,
Мы суедемся, мы хлопочем...
Куда ни взглянешь – все добры!

Обман и ложь! Работы черной
Нам ненавистен труд упорный;
Не жжет нас пламя наших дум,
Не разрушительны страданья!..
Умом ослаблены мечтанья,
Мечтаньем обессилен ум!

В наш век – век умственных занятий –
Мы утончились до понятий
Движений внутренних души, –
И сбились с толку! и блуждаем,
Порывов искренних не знаем,
Не слышим голоса в тиши!

В замену собственных движений,
Спешим, набравшись убеждений,
Души наполнить пустоту:

Твердим, кричим и лжем отважно,
И горячимся очень важно
Мы за заемную мечту!

И, предовольные собою,
Гремучей тешимся борьбою,
Себя уверив без труда,
Что прямодушно, не бесплодно
Приносим «мысли» благородно
Мы в жертву лучшие года!

Но, свыкшись с скорбью ожиданья,
Давно мы сделали «страданья»
Житейской роскошью для нас:
Без них тоска! а с ними можно
Рассеять скуку – так тревожно,
Так усладительно подчас!

Тоска!.. Исполненный томленья,
Мир жаждет, жаждет обновленья,
Его не тешит жизни пир!
Дряхлея, мучится и стынет...
Когда ж спасение нахлынет
И ветхий освежится мир?
1846 или 1847

* * *

Зачем душа твоя смирна?
Чем в этом мире ты утешен?
Твой праздный день пред богом грешен,
Душа призванью не верна!
Вокруг тебя встают задачи,
Вокруг тебя мольбы и плачи,
И торжествующее зло,
А ты... Ужель, хотя однажды,
Тебя огнем палящей жажды
Добра и подвигов не жгло?

Ты возлюбил свое безделье
И сна душевного недуг.
В пустых речах, в тупом веселье
Чредою гибнет твой досуг.

На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
С неправдой быта своего,
С уродством всех его увечий,
Не разъяснив противоречий,
Не разрешая ничего!

Пред богом ленью не греши!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво, до безумья,
Всем пылом дерзостным души!
Освободись, в стремленье новом,
От плена ложного стыда,
Позорь, греми укорным словом,
Подъемля нас всевластным зовом
На дело общего труда!

Безумцем слыть тебе у всех!
Но пред святыней убежденья
Ничтожны мира оскорбленья
И прелесть жизненных утех.

Кто может здесь, презрев преграды,
Без ободренья, без награды
Безумно правду полюбить,
Тот век стремись за правды светом...
Одним безумцам в мире этом
Дано лишь истину добыть!..
Февраль 1847

* * *

Пусть гибнет все, к чему сурово
Так долго дух готовлен был:
Трудилась мысль, дерзало слово,
В запасе много было сил...
Слабейте, силы! вы не нужны!
Засни ты, дух! давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Бесплодны все труды и бденья,
Бесплоден слова дар живой,

Бессилен подвиг обличенья,
Безумен всякий честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности – и с ней
Безумны все желанья блага,
Святые бредни юных дней!

Так сокрушись, души гордыня,
В борьбе неравной ты падешь:
Сплошного зла стоит твердыня,
Царит бессмысленная Ложь!
Она страшней врагов опасных,
Сильна не внешнею бедой,
Но тратой дней и сил прекрасных
В борьбе пустой, тупой, немой!..

Ликуй же, Ложь, и нас, безумцев,
Уроком горьким испытай,
Гони со света вольнодумцев,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабейте ж, силы!.. вы не нужны!
Засни ты, дух! давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!
Февраль 1849

* * *

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне:
В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!

Ее в своем безумье яром
Гнетут усердные рабы...
А мы молчим, слабеем жаром
И с каждым днем сдаемся даром,
В бесплодность веруя борьбы!

И слово правды оробело,
И реже шепот смелых дум,
И сердце в нас одебелело –

Порывов нет, в забвенье дело,
Спугнули мысль... стал празден ум...
Декабрь 1849

МОИМ ДРУЗЬЯМ

немногим честным людям,
состоящим в государственной службе

В среде бездушной, где закон
Орудье лжи, где воздух смраден
И весь неправдой напоен, –
Один лишь ты мне был отраден,
Ты, малочисленный союз
Мужей без страха и без лести,
Себя добром взаимных уз
Скрепивший для добра и чести!

Досуга праздно не губя,
Вы чужды дерзких замыслений;
Вы не взложили на себя
Задачи целых поколений.
Скупой покорствуя судьбе,
Избравши путь, неяркий с виду,
Вы обрекли себя борьбе,
И слабых внемлете мольбе,
И мстите бедного обиду.

Я знаю – подвиг вам сужден
Докучный, тесный, ежедневный,
Но сколько раз прекрасней он
Печальной праздности душевной,
Бесплодным преданной мечтам!..
А вы, средь козней и проклятий,
Все тот же пыл несли к трудам...
Мужайтесь! сил добудут вам
Благословенья меньших братий!

Я знаю – мелок ваш удел,
Но пышен плод усилий дружных:
Невинный в битве одолел –
Проснулась бодрость в *безоружных*!
И мог обиженный не раз
Изведать здесь, в среде разврата,

Что встретит в каждом он из вас,
На всякий день, на всякий час,
В делах добра слугу и брата!

Так пусть же дремлет в тишине
Тоска несбыточных желаний;
Зато, без праздных ожиданий,
Вы люди честные вполне.
Так жизнь скупа! предел так краток!
Надеждам смелым не созреть!
И благо всем, кому без взяток
Придется здесь разов десяток
Слезу вдовицы утереть,
Вновь возвратит стесненным грудям
Простор и воздух в душной мгле...
Так благо вам, хорошим людям,
За ваше дело на земле!

Декабрь 1851

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ ПРЕЖНИХ

К тишине, к примиренью, к покою
Мне пора бы склониться давно.
Порешить я намерен с тоскою!..
Но могу ли? удастся ль оно?

Отвращусь ли от грустной юдоли,
Убаюкаю ль скорбные сны –
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Сам своей я боюсь тишины!

Все как будто обман и забвенье
Притаились под мудрости сень:
Мыслим – в душу сошло примиренье,
А в душе лишь усталость да лень!

Все как будто готовлю измену
Я великому множеству их –
Обреченных работе и плену
Бедных, страждущих братьев моих.

Нас роднят лишь печали да горе,
Только там я не чуждый им брат,

Только в скорбном сливаясь хоре,
Наши песни согласно звучат!..

И сдается – над всей бесконечной
Жизнью мира проносится стон,
Стон тоски мировой, вековечной,
Порожденный в пучине времен,—

В те творения дни молодые,
Как, собравшись на жизненный пир,
Человеческим воплем впервые
Огласился ликующий мир...

С той поры и поныне ты с нами
Неразлучно проходишь века,
О всеильная, ветхая днями,
О владычица мира, тоска!
Март 1860

ВАРВАРИНО
(Послание Е. Ф. Тютчевой)

Как будто вихрем бури злой
Снесло мой дом, и я – изгнанник!
Но дружба путь водила мой,
И вот я в пристани... Я твой
Отныне гость и сердцем данник.

Как тихо дни мои текут!
Как мил, укромн твой приют!
Как сердцу вид его отраден,
Как нежит душу, тешит взор,
Как в простоте своей наряден!..
Как величав и безогляден
Пред ним раскинулся простор!

Реки серебряный извив,
Блестящий в мураве зеленой;
По зыбким скатам желтых нив
Бродящей тени перелив
И рощей сумрак отдаленный...
Виднеют села... здесь и там
Сверкает крест, белеет храм.

Куда ты взор ни обратишь,
Какая ширь! какая тишь!
Но всюду в ней снует, бесшумный,
Рабочей Руси труд святой...
О чудный мир земли родной,
Как полон правды ты разумной!

Великий мир, родимый мир!
Ты бодр и мощен, как стихия...
Твоей лишь правдою Россия
Преодолеть возможет мир
И свергнуть идолы чужие!..
Но час не близок. Злая мгла
Вершины Руси облегла.

В той безнародной вышине
Родная мысль в оковах плена;
Одни лишь властвуют вполне
Там лесть и ложь, и буйство тлена!..
Но внимет бог простым сердцам:
Сквозь смрад и чад всей этой плесни
Восходит с долу фимиам,
Несется звук победной песни,
Поющей славу небесам.
18 августа 1878

НОЧЬ

Спустилась ночь в убранстве звездном,
И, дольних чуждые страстей,
Как бы зажглись по синим безднам
Тьмы зорких, мыслящих очей.
Мир опочил. Едва колышет
Листы ветвей; кругом дрема
И сон...

Лишь ночь не спит сама,
Живет и мощно, мерно дышит,
И чутко землю сторожит,
Все вещим таинством объемлет,
И все невидимое зрит,
Неизглаголанному внемлет!
Беззвучный хор во мгле ведет...

И внятна сердцу песнь ночная,
И мнится – с горних тех высот
Зияет правда неземная!..
10 сентября 1878

* * *

Среди цветов поры осенней,
Видавших вьюгу и мороз,
Вдруг распустился цвет весенний –
Одна из ранних алых роз.
Пахнуло вдруг дыханьем мая,
Блеснуло солнцем вешних дней,
И мнилось – гостя дорогая
Мне принесла, благоухая,
Привет из юности моей!..
7 октября 1878

Е.Г. Бабчёнкова
Поэзия И.С. Аксакова в русской музыке

См.: *Бабчёнкова Е.Г. Поэзия И.С. Аксакова в русской музыке // Аксаковские чтения: материалы XIV Международных Аксаковских чтений. Уфа, 26-27 сентября 2013 г. / отв. ред.: д.ф.н., проф. В.В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2013. С. 108–112.*

Среди всей литературной семьи Аксаковых самым востребованным музыкантами поэтом оказался Иван Сергеевич. Сочинений композиторов, положенных на его стихи, во много раз больше, чем созданных на слова его брата Константина и отца Сергея Тимофеевича. И это при том, что сам И.С. Аксаков не выпустил не одного стихотворного сборника и за всю свою жизнь напечатал, помимо отрывков из поэм, только 39 стихотворений.

На сегодняшний день известно более 30 музыкальных произведений на слова Аксакова. Точное их число назвать сложно, т.к. в последнее 15 лет начался процесс создания новых и новых произведений, из которых отнюдь не все сегодня опубликованы и, естественно, не попали в собрания библиотек (например, в Интернете существует указание на сочинение А. Карасика «Ночные грёзы», ни нот, ни аудиозаписи которого нам найти не удалось). В число этих произведений входят не менее 14 романсов, 1 мелодекламация, 13 хоровых произведений для хоров разного состава а'capella и 1 кантата для смешанного хора и оркестра [7].

Самым ранним романсом на стихи Аксакова справочник «Русская поэзия в отечественной музыке» называет «Вопросом дерзким не пытай» И.И.

Геништы. Годом его создания автор справочника назвал 1845-й, [8; 34]. Таким образом, получается, что романс появился за год до первой публикации в «Московском литературном и ученом сборнике» 1846 г. самих стихов. Случаи написания музыки по еще неопубликованным, но известным в рукописи стихотворениям для XIX века не являются исключительными. Однако автор справочника ни чего не говорит о публикации нот этого романса. Не удалось обнаружить их и нам. Поэтому пока корректнее говорить, что первые музыкальные произведения на стихи молодого Аксакова были созданы его старшими современниками, классиками русского романса А.А. Алябьевым и А.Л. Гурилевым.

Оба композитора положили на музыку стихи из «драматических сцен» «Зимняя дорога» (увидевших свет в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год»). Созданию Алябьевым романсов «Жаль мне и грустно...» [2] и «Взамен разлуки и печали...» [1] предшествовало знакомство композитора с автором стихов. Оно произошло в 1848 г. в Серных Водах (Саратовской губернии). Алябьев много и охотно общался с поэтом, однако Аксаков составил о нем отнюдь не самое приятное впечатление. «...Кроме таланта, пустой человек» и «...Чувствуешь, что слово отскакивает от души, как горох от стены» писал о нем Аксаковым родным [3; 385]. Такая оценка находит подтверждение в романсах, вскоре написанных маститым композитором на слова Аксакова. Злоупотребив привычными для него водевильным интонациям, Алябьев превратил полные глубокого драматизма строки «Взамен разлуки и печали» в легкий сентиментальный романсик. Точно также не почувствовал он авторских эмоций в стихотворении «Жаль мне и грустно...», сделав из него удалую плясовую. Иную интерпретацию, оказавшуюся гораздо ближе к изначальному настроению этих стихов, предложил Гурилев [5]. Впрочем, и он добавил в них свойственные ему чувствительно-сентиментальные интонации бытового романса. Причем, произошло это в том же 1849 г. Тогда же появилось еще одно произведение этого композитора на стихи из «Зимней дороги» «Кто слезы льет, простерши руки...» [6]. В нем Гурилев не только последовал точно за авторской интонацией, но и сумел самым органичным образом соединить лучшие черты бытовой песни и романса. Вероятно, это лучшее из музыкальных произведений, созданных на ранние стихи Аксакова.

Отметим, что в 1872 г., на стихи «Жаль мне и грустно...» написал новый, впрочем ничем не примечательный по форме, романс малоизвестный композитор К. Сарлин [17]. В дальнейшем же никто из авторов музыки уже не обращался к ранним стихам Аксакова.

Новым поводом, для обращения к аксаковской поэзии стали отрывки из поэмы «Бродяга», напечатанные в «Московском сборнике» 1852 г. Так, на стихи «Жар свалил, повеяла прохлада» в разное время было написано три хора. Вероятно, их авторов привлекла мерная интонация стихов, рисующих картину умиротворенной природы. Дата создания самого раннего из этих хо-

ров, определяется лишь приблизительно – не позднее 1863 г., когда умер его автор дирижер и музыкальный деятель К.Ф. Альбрехт. Однако напечатан хор был гораздо позднее, в 1882 г.

В 1894 г. вышел сборник хоровых сочинений ученика Н.А. Римского-Корсакова В.М. Орлова «Песни о родине»[13]. В нем среди прочих трехголосных хоров было представлено произведение на тоже аксаковское стихотворение. Простые приемы голосоведения этого хора говорят о том, что он предназначался начинающим исполнителям или любителям. Добавим, что Орлов, в 1890-е годы руководивший народным хором Казанского собора в Санкт-Петербурге, опубликовал в 1898 г. еще одно хоровое произведение на стихи из «Бродяги» «Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?». На этот раз – уже для смешанного хора *a'capella*, однако, к сожалению, это издание нам разыскать не удалось.

Наиболее интересное музыкальное прочтение стихов Аксакова предложил П.П. Шенк. В 1892 г. он выпустил сборник хоровых произведений для смешанного хора *a'capella*, посвященный Бесплатному хоровому классу И.А. Мельникова (близкому знакомому Шенка по Мариинскому театру). В нем представлен хор «Вечер» [21] на первую, содержащую лишь описание природы, часть того же аксаковского стихотворения. Здесь Шенк, вероятно, ориентировался на вокальные возможности хора Мельникова, отличавшегося ровным, стройным звучанием голосов. В построении формы, композитор точно следовал за стихотворной строкой и кульминации каждой фразы подчеркивают интонации стиха. И хотя во взятом Шенком отрывке нет яркой кульминационной точки, он очень тонко создает ее с помощью динамических и гармонических средств. Кульминация возникает на слова: «И будто шевелится, и растет, и шепчется трава». Завершающее предложение композитор вводит повтором из середины стиха: «Тихо все. Час ночи не далек», таким образом, гармонично уравновешивая все произведение. Монументальность звучанию этого хора придает четырехголосие, часто широкого расположения, основная мелодия отдана верхнему голосу (сопрано). Музыкальные фразы очень выразительны. Пунктирный ритм в начале фраз придает легкость и движение всему рисунку мелодии. Мерное движение восьмыми помогает слушателю проникнуться покоем, ощущением которого дышит стихотворение.

Очевидно, что хоровое звучание в наибольшей степени соответствует содержанию этого стихотворения, т.е. оно особенно подходит для создания лирико-эпической картины природы. Для романса же в нем нет ни сюжетной линии, ни лирической темы, ни внутреннего конфликта (как, к примеру, в «Бедной девушке...»).

Еще одно стихотворение, получившее музыкальное воплощение только в хоровых произведениях – «День встает багрян и пышен». Впервые оно было напечатано в журнале «Русская беседа» (1858. Кн. 1). В 1892 г. на эти стихи создал хоровое произведение Н.П. Брянский, педагог и руководитель хора

1-го Санкт-Петербургского реального училища. К сожалению, оно нами пока не обнаружено.

Второе произведение на этот же текст – симфоническая кантата для хора и оркестра, созданная учеником Н.Г. Рубинштейна, известным дирижером и музыкальным деятелем Н.С. Кленовским. Опубликованная в 1912 г. кантата Кленовского – единственное произведение на стихи Аксакова, написанное для хора и оркестра [7]. Слова, рожденные Аксаковым в ожидании перемен alexандровских реформ, звучат как гимн грядущей эпохи. Кантата начинается торжественным оркестровым вступлением. Музыкальная концепция здесь полностью соответствует настроению стихов. Ликующе звучит мощный хоровой финал со словами «Дню вчерашнему забвенье! Дню грядущему привет!».

В 1878 г., после почти двадцатилетнего перерыва в поэтическом творчестве, Аксаков, оказавшись в варваринской ссылке, написал несколько лирических стихотворений. Одно из них «Среди цветов поры осенней» (опубликованное впервые после смерти автора, 10 февраля 1886 г. в газете «Новое время») вызвало интерес сразу нескольких мастеров вокальной лирики. Первое из них датировано 9 марта 1886 г., т.е. 40-м днем после кончины Аксакова. Петербургский композитор Г.А. Лишин, посвятивший этот романс «незабвенной памяти автора стихов», назвал его «Поздняя роза» [10]. В дальнейшем к этим же стихам обращались А.Н. Алфераки и Н.А. Соколов (произведения обоих опубликованы в 1892 г., но в настоящее время нам недоступны), а затем М.А. Балакирев [4], Е.М. Ранушевич [16] и С.В. Танеев [20].

Наиболее интересные из них сочинения Балакирева и Танеева. Их романсы предлагают разные интерпретации аксаковских стихов. Произведение Балакирева написано в минорной тональности. Нисходящие движения четвертей в его вступлении напоминают тяжкие вздохи. Сдержанный аккордовый аккомпанемент создает ощущение медленно текущего времени. В мелодии голоса автор использует одинаковую мелодическую формулу, но при этом очень чутко и точно интонирует каждую поэтическую строку (последнее вообще свойственно романсовому творчеству Балакирева). Особый драматизм отличает кульминацию и последнюю фразу романса (звучащую на строку «Привет из юности моей»): модуляция мелодической линии создает ощущение грусти, тоски о давно минувшей молодости и даже безнадежности (чего нет в аксаковском стихотворении).

Уже в первых двух тактах вступления романса Танеева ощутима яркая эмоциональность, даже порыв, передаваемый арпеджированными движениями восьмых. Тональность романса – светлая, мажорная, а последняя его фраза отличается восходящим мелодическим ходом и за счет активного *tracato* звучит декламационно и жизнеутверждающе. На наш взгляд, романс Танеева интонационно гораздо ближе к лирическому, без какой-либо доли пессимизма, настроению автора стихов.

Необходимо отметить два стихотворения Аксакова, положенные на музыку лишь однажды. В 1922 г. композитор С.М. Ляпунов написал романс на стихи «Ночь» («Спустилась ночь в убранстве звездном...») [12], а на исходе XX века на стихи «Романс давно забытый мною...» Э.Е. Рабкин создал «Забытый романс».

Пожалуй, самыми востребованными у композиторов и XIX, и XX веков стали стихи Аксакова из поэмы «Бродяга» «Приди, ты, немощный». Впервые интерпретацию их для мужского хора предложил Н.А. Соколов в 1889 г. [18]. Уже в начале следующего столетия, в 1903 г., А.Е. Лозовой написал детский трехголосный хор «Сельская церковь» [11]. Спустя год И.В. Покровский опубликовал еще одно сочинение для детского хора. В 1914 г. А.А. Оленин создал хор «Всенощная». Уже в советское время, в 1925 г., на эти же стихи создал романс для голоса в сопровождении фортепьяно «Вечер в субботу» М.М. Ипполитов-Иванов [9].

Новый этап обращения к тем же аксаковским стихам начался на исходе XX столетия. В 1996 г. в музыкальном сборнике «Детям к Пасхе» опубликован хор «Старая детская песня», представляющий произведение Лозового 1903 г. (однако без указания его авторства) в обработке Э.Ф. Леонова [19]. Очевидно, композиторов привлекала простота этих стихов и доступность их для любой аудитории, включая детскую. Ведь еще столетие назад А.М. Лозовой подчеркивал, что «самым лучшим материалом для обучения» являются «поэтические произведения наших писателей, подведенные под мотивы народной песни» [1; 11]. В 1998 г. протоирей Николай (Гурьянов) опубликовал хор для смешанного состава *a' capella* «Всенощная в деревне» [15] (в котором использовал начальную мелодию Лозового). Другой наш современник, композитор и педагог Московской государственной консерватории А.Л. Ларин под тем же названием создал замечательный хор. Наконец, к этим же стихам обратился в наши дни и гитарист, православный бард Михаил Бизяев. Появляются и другие музыкальные интерпретации аксаковских стихов «К вечеру». Популярным у композиторов его делают именно песенно-распевная интонация стиха и его ярко выраженное православное мироощущение.

Литература

1. Алябьев А.А. Взамен разлуки и печали... // Нувеллист. СПб., 1850.
2. Алябьев А.А. Жаль мне и грустно...// Нувеллист. СПб., 1850.
3. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844 – 1849 / Изд. подготовила Т.Ф. Пирожкова. М. 1988
4. Балакирев М.А. Среди цветов поры осенней. М., 1896.
5. Гурилев А.Л. Бедная девушка. СПб., 1849.
6. Гурилев А.Л. Кто слезы льет, простерши руки. СПб., 1849.
7. День встает багрян и пышен... Кантата для смешанного хора и оркестра. Слова И.С. Аксакова, музыка Н.С. Кленовского. СПб., 1912.

8. Иванов Г.К. Русская поэзия в отечественной музыке. М., 1966. Т. 1.
9. Ипполитов-Иванов М.М. Вечер в субботу // Искусство в школе. 2000. №. 2.
10. Лишин Г.А. Поздняя роза. СПб., 1886.
11. Лозовой А.Е. Сельская церковь // Друг новой школы. Вып. 1. М., 1913.
12. Ляпунов С.М. Ночь. СПб., 1922.
13. Орлов В.М. Песни о родине. 27 трехголосных хоров. СПб., 1894.
14. Первые цветы. Страничка из мелодекламации. Слова И. Аксакова, музыка П. Завадовского. СПб., 1888.
15. Николай (Гурьянов), протоиерей. Деревенская всенощная // Слово жизни. СПб., 1998.
16. Ранушевич Е.М. Среди цветов. СПб. 1906.
17. Сарлин К. Жаль мне и грустно. М., 1875.
18. Соколов Н.А. Два хора для мужских голосов. Лейпциг; СПб., 1889.
19. Старая детская песня. Слова И. Аксакова, обр. Э.Ф. Леонова // Детям к пасхе. СПб., 1996.
20. Танеев С.В. Среди цветов поры осенней. М., 1907.
21. Шенк П.П. Вечер. СПб., 1894.

Композиторы, их музыкальные произведения на стихи И.С. Аксакова
(по материалам Е.Г. Бабчёнковой, В.Т. Семёнова, РГБ и Интернета)

Алфераки, Ахиллес Николаевич (1846–1919) – на стихи И. Аксакова: «Среди цветов поры осенней...» (см.: https://www.lieder.net/lieder/get_text.html?TextId=72).

Альбрехт, Карл Францевич (1807–1863) – на стихи И. Аксакова: «Жар свалил, повеяла прохлада...»

Алябьев, Александр Александрович (1787–1851).

Алябьев А.А. Взамен разлуки и печали... // Нувеллист. СПб., 1850.

«Взамен разлуки и печали» : Романс: Для голоса с ф.-п.; до#1-ми.2 / Слова И. Аксакова; Муз. А. Алябьева. – М. : Юргенсон, ценз. 1894. – 3 с. (РГБ).

Алябьев А.А. Жаль мне и грустно... // Нувеллист. СПб., 1850.

«Романс» : Для голоса с ф.-п.; cis.1-e.2 / Слова И. Аксакова; Муз. А. Алябьева. – СПб. ; М. : М. Бернгард, б.г. – 3 с. (РГБ).

Балакирев, Милий Алексеевич (1837–1910).

Балакирев М.А. «Среди цветов поры осенней». Романс. Слова И.С. Аксакова. Для голоса с ф.-п. (РНБ. Ф. 41: Балакирева М.А. Оп. 1. № 215).

Балакирев М.А. «Среди цветов поры осенней...» : Романс для одного голоса с сопровожд. ф.-п.; е.1-f.2 / Слова И. Аксакова. – М. : Юргенсон, ценз. 1896. – 5 с. (РГБ).

Балакирев М.А. «Среди цветов» : es.1-f.2 / Слова И. Аксакова; Нем. текст Л. Эсбер. – М. : П. Юргенсон, б. г. – 5 с. (РГБ).

Балакирев М.А. «Среди цветов» / Слова И. Аксакова; Муз. М. Балакирева. – М. : Гос. изд-во. Муз. Сектор, 1928. – 3 с. (РГБ).

Балакирев М.А. «Среди цветов» : Для сред. Голоса с сопровожд. ф.-п. / Слова И. Аксакова. – М. ; Л. : Музгиз, 1950. – 3 с. (РГБ).

Бизяев, Михаил Юрьевич (1981).

К стихам <<Всенощная в деревне>> обратился в наши дни и гитарист, православный бард Михаил Бизяев (Бабчёнкова, 2013, 112).

Брянский, Николай Петрович (1838–1904).

В 1892 г. на эти стихи <<День встает багрян и пышен>> создал хоровое произведение Н.П. Брянский, педагог и руководитель хора 1-го Санкт-Петербургского реального училища. К сожалению, оно нами пока не обнаружено (Бабчёнкова, 2013, 110).

Воронцов, Александр Александрович (1876–1919).

Воронцов А.А. «На освобождение крестьян» : Для однородного хора без сопровожд. / Слова И.С. Аксакова; Музыка священника А.А. Воронцова. – Казань, 1911. – [4] с. (РГБ).

Геништа, Иосиф Иосифович (1795–1853) – музыка: 1840-е, на стихи И. Аксакова «Вопросом дерзким не пытай...» (см.: Антология русского романса. Золотой век. / Авт. предисл. и биограф. статей В. Калугин. М.: Эксмо, 2006; <https://classic-online.ru/ru/production/182193>).

Гурилёв, Александр Львович (1803–1858).

Гурилёв А.Л. Бедная девушка. СПб., 1849.

Гурилёв А.Л. Кто слезы льет, простерши руки. СПб., 1849.

Завадовский, Петр Амвросиевич (1847–1906).

Завадовский П.А. «Первые цветы» : Страничка из мелодекламции с ф.-п.: Ор. 30 / Слова И. Аксакова, музыка П. Завадовского. – СПб. : Собств. Авт., ценз. 1889. – [2] с. (РГБ).

Ипполитов-Иванов, Михаил Михайлович (1859–1935).

Вечер в субботу // Искусство в школе. 2000. № 2. – В 1925 г., на эти же стихи <<Приди, ты, немощный>> создал романс для голоса в сопровождении фортепьяно «Вечер в субботу» М.М. Ипполитов-Иванов (Бабчёнкова, 2013, 111–112).

Кленовский, Николай Семенович (1857–1915).

День встает багрян и пышен... Кантата для смешанного хора и оркестра. Слова И.С. Аксакова, музыка Н.С. Кленовского. СПб., 1912.

«День встает багрян и пышен» : Кантата для хора и военного оркестра / Аранж. И.И. Армсгеймер; Слова И.С. Аксакова. – СПб. : Всерос. Нац. клуб, б. г. – 70 с. (РГБ).

Произведение на этот же текст <<День встает багрян и пышен>> – симфоническая кантата для хора и оркестра, созданная учеником Н.Г. Рубинштейна, известным дирижером и музыкальным деятелем Н.С. Кленовским. Опубликованная в 1912 г. кантата Кленовского – единственное произведение на стихи Аксакова, написанное для хора и оркестра (Бабчёнкова, 2013, 110).

Кюи, Цезарь Антонович (1835–1918).

Кюи Ц. Среди цветов / Ц. Кюи; сл. И. Аксакова // Лири [Ноты] : классическая и современная музыка: для фп. в 2 руки. Т. 2 / сост. и общ. ред. К.С. Сорокина. М.: Сов. композитор, 1971. С. 88. (За информацию благодарю Виталия Тимофеевича Семёнова).

Ларин, Алексей Львович (1954).

Наш современник, композитор и педагог Московской государственной консерватории А.Л. Ларин под тем же названием <<Всенощная в деревне>> создал замечательный хор (Бабчёнкова, 2013, 112).

Леонов, Эдуард Федорович (? – 16.02.2018)

Старая детская песня. Слова И. Аксакова, обработка для хора Э.Ф. Леонова // Детям к пасхе. СПб., 1996. – В 1996 г. в музыкальном сборнике «Детям к Пасхе» опубликован хор «Старая детская песня», представляющий произведение Лозового 1903 г. (однако без указания его авторства) в обработке Э.Ф. Леонова (Бабчёнкова, 2013, 112).

Также см.: Слова И. Аксакова: К вечерне (старая детская песня) – «Колокол к вечерне христиан зовет...». Обработка для хора Э. Леонова (см.: [http://www.notarhiv.ru/detskie/6/1%20\(1137\).pdf](http://www.notarhiv.ru/detskie/6/1%20(1137).pdf) ; <https://bibra.ru/composition/solnyshko-zahodit/>).

Лишин, Григорий Андреевич (1854–1888).

Лишин Г.А. «Поздняя роза» : Для голоса с фп.: е.1-а.2 / сл. И.С. Аксакова. – СПб. : К. Леопас, ценз. 1886. – 5 с. (РГБ). – «Среди цветов поры осенней» вызвало интерес сразу нескольких мастеров вокальной лирики. Первое из них датировано 9 марта 1886 г., т.е. 40-м днем после кончины Аксакова. Петербургский композитор Г.А. Лишин, посвятивший этот романс «незабвенной памяти автора стихов», назвал его «Поздняя роза» (Бабчёнкова, 2013, 111).

? Лозовой, Алексей Емельянович (1879–1937).

Лозовой А.Е. Сельская церковь // Друг новой школы. Вып. 1. М., 1913. – В 1903 г., А.Е. Лозовой написал детский трехголосный хор «Сельская церковь» (<<Приди, ты, немощный>>). (Бабчёнкова, 2013, 111).

Ляпунов, Сергей Михайлович (1859–1924).

Ляпунов С.М. «Ночь» : Для голоса с ф.-п.; cis.1-fis.2: Op. 71 / Слова И. Аксакова. – М. : Гос. муз. Изд-во, 1922. – 5 с. (РГБ).

Некрасов, Илья Васильевич (1862–1905).

Некрасов И.В. «Среди цветов поры осенней» : Для голоса с фп.: dis.1-fis.2 / сл. И. Аксакова. – СПб. : Изд. авт. : Склад муз. Маг. К. Леопаса, ценз. 1900. – 3 с. (РГБ).

Николай (Гурьянов, Николай Алексеевич), протоиерей (1909–2002).

Николай (Гурьянов), протоиерей. Деревенская всенощная // Слово жизни. СПб., 1998. – В 1998 г. протоиерей Николай (Гурьянов) опубликовал хор для смешанного состава а'capella «Всенощная в деревне», в котором использовал начальную мелодию Лозового (Бабчёнкова, 2013, 112).

Оленин, Александр Алексеевич (1861 или 1865–1944).

А.А. Оленин создал хор «Всенощная» (<<Приди, ты, немощный>>). (Бабчёнкова, 2013, 111).

Орлов, Василий Михайлович (1858–1901).

Орлов В.М. Песни о родине. 27 трехголосных хоров. СПб., 1894. – В 1894 г. вышел сборник хоровых сочинений ученика Н.А. Римского-Корсакова В.М. Орлова «Песни о родине». В нем среди прочих трехголосных хоров было представлено произведение на тоже аксаковское стихотворение <<Жар свалил, повеяла прохлада» <...> Добавим, что Орлов, в 1890-е годы руководивший народным хором Казанского собора в Санкт-Петербурге, опубликовал в 1898 г. еще одно хоровое произведение на стихи из «Бродяги» «Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?». На этот раз – уже для смешанного хора а'capella, однако, к сожалению, это издание нам разыскать не удалось (Бабчёнкова, 2013, 109).

Покровский, Иван Васильевич (1876–1906).

В 1904 г. И.В. Покровский опубликовал сочинение для детского хора (<<Приди, ты, немощный>>) (Бабчёнкова, 2013, 111).

Покрошинская, Мария Тенесфоровна (Тимофеевна) (1869–1944).

Шуф, Владимир Александрович (1863–1913), рус. поэт. «Кантата Великому писателю Н.В. Гоголю в день открытия памятника 26 апреля 1909 года». М.Т. Покрошинская «Слава Гоголю». Хоровое пение для одноголосного хора на слова И.С. Аксакова (РГАЛИ. Ф. 3267. Оп. 3. № 229. 1 л.).

Рабкин, Эдуард Евгеньевич

На исходе XX века на стихи «Романс давно забытый мною...» Э.Е. Рабкин создал «Забытый романс» (Бабчёнкова, 2013, 111). – Но Аксаков ли написал этот романс?

См.: Рабкин, Э.Е. Песни, романсы детям и взрослым : Для голоса хора в сопровожд. фп., без сопровожд., с букв.-цифр. обозначением сопровожд. и для фп. с надпис. текстом. Москва, 1998. 143 с.

Разбаева, Галина Валерьевна (26.10.1960), Самара – На стихи И.С. Аксакова: Ночь («Спустилась ночь в убранстве звездном...»)

Ранушевич, Екатерина Михайловна.

Ранушевич Е.М. «Среди цветов» : Романс для голоса с сопровожд. ф.-п.; cis.1-g.2: Op.5 / Слова И. Аксакова. – СПб. : Склад изд. Иогансен, И. Юргенсон, б. г. – 5 с. (РГБ);

Ранушевич Е.М. Среди цветов. СПб., 1906.

Сарлин, К.

Сарлин К. «Жаль мне и грустно» : Для пения с сопровожд. ф.-п.: h-fis.2 / Слова И. Аксакова. – М. : Юргенсон, ценз. 1875. – 3 с. (РГБ).

Словцов, Юлий Михайлович (1876–?)

Словцов Ю.М. «Всеношная в деревне» : (Дуэт с хором a capella): Op. 5 / Сл. И. Аксакова. – Пермь : Склад изд. Муз. Маг. «Лира», [1913]. – 3 с. (РГБ).

Соколов, Николай Александрович (1859–1922).

Соколов Н.А. Два хора для мужских голосов. Лейпциг; СПб., 1889.

«Приди ты, немощный...». Из поэмы «Бродяга» (1847–1850). Музыка Н.А. Соколова (хор), А.А. Оленина (детский хор) и других композиторов. – В конце XIX – начале XX века эта песня входила во многие сборники хоровых песен (Антология, 2005, 169).

Танеев Александр Сергеевич (1850–1918).

Танеев, Александр Сергеевич. Среди цветов поры осенней : Для высокого голоса: d.1-a.2 / Сл. И. Аксакова; Нем. текст Л. Эсбер. - Москва ; Лейпциг : П. Юргенсон, [1909]. - 5 с. (РГБ)

Шенк, Петр Петрович (1870–1915).

Шенк П.П. Вечер. – СПб., 1894. – В 1892 г. он выпустил сборник хоро-вых произведений для смешанного хора a'capella, посвященный Бесплатному хоро-вому классу И.А. Мельникова (близкому знакомому Шенка по Мариин-скому театру). В нем представлен хор «Вечер» [21] на первую, содержащую лишь описание природы, часть того же аксаковского стихотворения (Бабчён-кова, 2013, 109–110).

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

Общая часть

К истории периодизации славянофильства	5
Иван Сергеевич Аксаков – правовед, публицист-славянофил и общественный деятель	15
Пути-дороги и адреса проживания И.С. Аксакова (опыт краткого путеводителя)	27
Адресаты переписки (без внутрисемейной) и других документов И.С. Аксакова за 1839–1860 годы	47

1850-е годы

Хроника жизни и творчества И.С. Аксакова в 1850-е годы	52
Описание переписки И.С. Аксакова с А.И. Герценом, М.П. Погодиным и А.С. Хомяковым в 1850-е годы	58
«Московский сборник» И.С. Аксакова 1852 (2014) года: о трудной судьбе «неблагонадежного» славянофильского альманаха	67
Исследование И.С. Аксаковым торговли на украинских ярмарках – по его письмам	84
И.С. Аксаков о записке Ф.И. Тютчева «Письмо о цензуре в России» ..	98
«Судебные сцены» И.С. Аксакова, опубликованные А.И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году	107
«Я все же буду издавать “Парус” до тех пор, пока не запретят...» (к истории издания газеты И.С. Аксаковым)	115
И.С. Аксаков и И. Блюнчли о государстве (по воспоминаниям Ф. Боденштедта)	123
И.С. Аксаков, К.С. Аксаков и «Русские идеи» (О славянофильской антологии на немецком языке)	129
К.С. и И.С. Аксаковы и Общество любителей российской словесности при Императорском Московском университете	137

1860-е годы

1861-й год в жизни и творчестве И.С. Аксакова	146
Письмо И.С. Аксакова Ег.П. Ковалевскому от 29 января 1861 г. о возможности издания им славянофильских журнала и газеты	159
Газета «День» в переписке И.С. Аксакова (1861–1865)	165
Правовой вопрос в публицистике И.С. Аксакова: о праве обычном ...	169
Земская реформа в передовых статьях И.С. Аксакова (1861–1865 гг.)	172

Земский вопрос в публицистике И.С. Аксакова: о смешении стихий государственной и земско-общественной	179
О праве на свободу слова в публицистике И.С. Аксакова: по поводу проектируемых законов о печати в 1862 году	182
Цикл статей И.С. Аксакова «О взаимном отношении народа, государства и общества»	186
О понятии «интеллигенция» в творчестве И.С. Аксакова и П.Д. Боборыкина	193
И.С. Аксаков об использовании экспериментального метода в ходе внедрения судебной реформы 1864 года	205
«Ответ иезуиту отцу Мартынову» в переписке И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина	211
«Славянский вопрос» в передовых статьях газет «Москва» и «Москвич»	223
Судебный процесс газеты «Москва» 1869 года: министр внутренних дел А.Е. Тимашев против редактора газеты И.С. Аксакова	231
Переписка Ф.И. Тютчева с И.С. и А.Ф. Аксаковыми и ее контекст: хронологическая роспись писем за 1861–1873 годы	242

1870-е и 1880-е годы

«Каждое твое слово я готов подписать» (о переписке И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, 1848–1876)	256
И.С. Аксаков и Болгария	266
И.С. Аксаков в воспоминаниях А.Ф. Кони	268
И.Е. Репин. «Портрет писателя И.С. Аксакова. 1878» (материалы для статьи)	273
А. Благодрагов. Из воспоминаний об И.С. Аксакове (материалы для статьи)	275
Иван Аксаков и Федор Достоевский (К истории взаимоотношений)	278
«Колокол призывный». О монографии, посвященной газете И.С. Аксакова «Русь» (1880–1886)	289
Иван Аксаков и Николай Страхов (Из переписки двух «правомыслящих»)	301
Полемика между И.С. Аксаковым и А.Д. Градовским по поводу записки К.С. Аксакова	317
К истории взаимоотношений И.С. Аксакова и В.С. Соловьева	326
Государственный вопрос в публицистике И.С. Аксакова	351
Кончина И.С. Аксакова: републикация	358
Иван Сергеевич Аксаков. <Некролог из «Юридического обозрения»>	363

Русские мыслители об Иване Сергеевиче Аксакове

<i>К.П. Победоносцев. Аксаковы</i>	365
<i>Н.П. Гиляров-Платонов. <Иван Сергеевич Аксаков></i>	369
<i>В.О. Ключевский. Аксаков</i>	371
Предисловия Н.П. Гилярова-Платонова к первым двум томам собрания сочинений И.С. Аксакова	373
Владимир Соловьев о свободе совести в публицистике Ивана Аксакова	378
Предисловие Владимира Соловьева к седьмому тому собрания сочинений Ивана Аксакова	383
В.Д. Набоков об И.С. Аксакове как поборнике судебной реформы ...	393
Л.А. Тихомиров о публицистическом сознании И.С. Аксакова	400
П.Б. Струве и его статья, посвященная творчеству и политико-правовым взглядам И.С. Аксакова	404
В.В. Зеньковский об опасности западного влияния на православный мир в публицистике Ивана Аксакова	411
<i>П.М. Бицилли. Иван Сергеевич Аксаков и его философия нации</i>	414

Избранная Иван-Аксаковская библиография

О наследии публициста-славянофила И.С. Аксакова (обзор основных публикаций до начала XX века)	425
Посмертное собрание сочинений И.С. Аксакова в семи томах	432
Библиография избранных публикаций о жизни и творчестве И.С. Аксакова, изданных в XX веке	434
О книге И.С. Аксакова, изданной в Уфе в 1986 году	441
Изучение творчества и жизни И.С. Аксакова в XXI веке	447
<i>В.Н. Греков. За страницами библиографического указателя</i>	452

Иван-Аксаковедение

Русский консерватизм, славянофильство и эволюция мировоззрения И.С. Аксакова	460
О диссертации и монографии, посвященные политическому мировоззрению И.С. Аксакова: рецензия	467
О книгах славянофилов – братьев Аксаковых, изданных Институтом русской цивилизации	471
«Последний из „отцов”»: о биографии публициста-славянофила И.С. Аксакова	476
<i>В.В. Борисова, С.В. Мотин. «Аксаковы: семейная энциклопедия»: pros et cons</i>	482
К выходу 1-го тома нового Собрания сочинений И.С. Аксакова в 12 томах	489

<i>П.И. Фёдоров. Истинный патриот России. О книге «Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества»</i>	497
<i>М.В. Медоваров. Между поэзией и бюрократией: новое исследование об Иване Аксакове</i>	501
Семья Аксаковых в книжной серии «Славянофильский архив»	507
Аксаковы в диссертации, посвященной Н.П. Гилярову-Платонову	510
Обзор второго тома «Славянофильство и западничество» из нового Собрания сочинений И.С. Аксакова в 12 томах	515
А.П. Дмитриев и академическое аксаковедение: к юбилею ведущего научного сотрудника Пушкинского Дома	524

Приложение

«Да будет мир души моей Высокой думою настроен...»: Избранные стихотворения Ивана Сергеевича Аксакова	536
<i>Е.Г. Бабчёнкова. Поэзия И.С. Аксакова в русской музыке</i>	550
Композиторы, их музыкальные произведения на стихи И.С. Аксакова	555

Сергей Витальевич Мотин

ИСТИННЫЙ СЫН ОТЕЧЕСТВА

К 200-летию русского писателя-патриота

Ивана Сергеевича Аксакова

Сборник избранных статей

Компьютерная вёрстка: А.А. Словохотов

Подписано в печать 08.07.2023. Формат 60x90/16
Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. – 35,5 Тираж 20 экз.
Заказ № 27/23

Отпечатано в издательстве А.А. Словохотова
450052, г. Уфа, ул. Аксакова, д. 72